А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 104

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1961 · ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 104

И. И. ЛЯПУШКИН

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СЛАВЯНАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1961 · ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. И. АРТАМОНОВ

> Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего.
>
> М. Горький. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранний период истории славян в целом и восточных в частности изучен плохо. Как известно, славяне (под именем венеды) упоминаются в письменных источниках впервые на рубеже нашей эры. Источники эти немногочисленны, и сведения в них о славянах случайны. По существу, кроме упоминания имени «венеды», в них нет ничего. Указания о месте обитания венедов — где-то в бассейне р. Вислы — весьма неясны.[1] Лишь значительно позднее, в VI—VII вв., когда славяне приходят в непосредственное соприкосновение с Византией, круг письменных источников, в которых содержатся свидетельства о них (под именем венеды, анты, склавины), заметно расширяется. Интереснее эти источники и по содержанию. В них более отчетливо вырисовывается территория, на которой обитают славяне (от верховьев р. Вислы до Балканского полуострова и от р. Днепра до среднего течения р. Дуная), отмечаются передвижения славян, даются некоторые сведения о хозяйственной и духовной жизни и военном деле, характеризуется общественный строй и т. д.[2]

При всей отрывочности ранних известий о славянах эти источники неоценимы. Они позволяют утверждать, что славяне, хорошо известные византийским хронистам как активно действующая сила в VI—VII вв. на Балканском полуострове, а несколько позже образовавшие там Болгарское государство, начиная с рубежа нашей эры существовали наряду с другими европейскими народами — германцами и финнами — как самостоятельная этническая группа.

Вместе с тем следует признать, что эти источники далеко недостаточны для того, чтобы отчетливо уяснить, что представляют собой эти славяне (венеды), в каком соотношении находятся они со славянами более поздней поры — восточными, южными и западными. В источниках совершенно отсутствуют данные для понимания того, какими путями и когда произошло образование этих трех групп славян; неясно время заселения славянами отдельных районов Центральной и Восточной Европы. А ведь это все жгучие вопросы современности!

Нет никакого сомнения в том, что в освещении этого раннего периода жизни славян большую роль могут сыграть вещественные источники. Археологические работы последних лет в отдельных районах нашей страны, а также в соседних странах — Чехословакии, Польше, Румынии, Болгарии и др. — полностью подтверждают это положение.[3]

---

[1] А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 230, 231.

[2] Там же, стр. 231—280.

[3] Ю. В. Кухаренко. 1) Славянские древности V—IX веков на территории припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, М., 1957, стр. 33—38; 2) Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 90—97; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 33—46; Д. Т. Березовец. Славянские поселения в устье Тясмина. КСИА, вып. 8, Киев, 1959, стр. 37—45; V. Budinský-Krička. Slovanské popelnicové pole z doliy predhradištnej vo Výčapoch-Opatovciach, okr. Nitra. Historica Slovaca, V (Eisnerov sborník), Bratislava, 1947, стр. 135—152; J. Poulík. 1) Staroslovanská Morava. Praha, 1948, стр. 19; 2) Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky

нда, сделано пока мало, однако в каждой ой работе все полнее и полнее раскры- тся древнейшее прошлое наших предков, аких работ из года в год становится все ьше и больше, и это вселяет надежду, не за горами то время, когда ранние (в первую очередь I тысячелетие н. э.) славян будут раскрыты во всей

ой из таких работ является и настоя- следование, посвященное изучению е раннего периода жизни славян ти Днепровского лесостепного Лево-

убликуемой работе, представляющей ю часть исследования,[4] рассматри- тся одна из важнейших и в то же время более сложная тема, не освещенная пись- ными источниками, — когда и откуда вились на Юго-Востоке славяне.

Для решения этой задачи потребовалось вести многолетние систематические поле- изыскания, составить подробную сводку щественных памятников и произвести льтурно-хронологическую классифика- их. Путем сравнительного историче- го изучения отдельных групп памятников дставилась возможность установить, каком соотношении находились между ой народы, оставившие в области Лево- ежья исследуемые археологические па- мники, а тем самым и получить ответ, да появились здесь славяне.

В своих разысканиях мы исходили из положения, что археологическая культура, взятая в целом (тип поселения и жилища, обряд захоронения, бытовой и хозяйственный инвентарь, украшения и т. п.), как правило, должна более или менее соответствовать определенной этнической группе населения. Не признавать этого — значит не считать археологию исторической наукой.

Круг вещественных источников, использованных в работе, охватывает более чем тысячелетний период, начиная с древностей скифо-сарматской поры, в какой-то своей части синхронных первым упоминаниям славян в письменных источниках, и кончая достоверными славянскими памятниками. Привлечение источников такого широкого хронологического отрезка обусловлено тем, что достоверные славянские памятники Левобережья настолько тесно соприкасаются с остатками скифо-сарматской поры, что без изучения последних выяснить соотношение между этими двумя группами памятников было невозможно. Довольно значительна изученная территория. Правда, исследовано не все Днепровское Левобережье, а лишь лесостепная его часть, область, имеющая не только физико-географическое своеобразие, а и свой, особый по сравнению с прилегающими лесными и степными районами, археологический облик почти для всего изучаемого периода. Но и один этот лесостепной район Левобережья таков, что на его территории можно свободно разместить такие государства, как Бельгия, Дания, Нидерланды, вместе взятые.

В данной работе решается сравнительно узкая задача — время появления славян в области Левобережья. Здесь совершенно не затронут круг вопросов историко-культурного порядка. В отношении славян эти вопросы освещены во второй части исследования;[5] изучение же жизни и быта народов, оставивших археологические памятники в виде культуры зольников, культуры «полей погребений» и др., обитавших в области Левобережья до появления там славян, не является предметом данного исследования вообще. Это особая тема, и ее мы здесь не касаемся.[6] Исследуемые в этой работе па-

---

ané, I, Praha, 1956, стр. 239—258; M. Pet- cu-Dîmboviţa. Resultatele ultimelor etări ale arheologilor sovietici cu privire la aşe- le de tip romen-borşovo şi importanţa lor pentru logia R. P. R. Studii şi cercetări de istorie e, t. V, № 3—4, 1954. стр. 569—584; Wl. Ber- . Wczesnosredniowieczne cmentarzysko cialo- e w Mięďzyborowie pod Warszawa. Archeologické ledy, ročník VII, sešit 3, 1955, стр. 348—350; estor. La nécropole slave d'epoque ancienne ărata Monteoru. Dacia, nouvelle série, I, Bucu- , 1957, стр. 288—295; J. Pastor. Staroslo- ké zemnice v Somotore. Archeologické rozhledy, k IX, sešit 6, 1957, стр. 827—829; J. Szyd- ski. Spawozdanie z badań na osadzie z VI— wieku w miejsc. Chorula, pow. Krapkowice. domości archeologiczne, t. XXIV, zeszyt 1—2, , стр. 53—70.

[4] Второй частью настоящего исследования, по- щенного изучению ранней истории славян, оби- их в области Левобережья, является вышедшая 58 г. в Издательстве АН СССР в серии «МИА Р» (№ 74) монография «Городище Новотроицкое. ультуре восточных славян в период сложения ского государства».

[5] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958.

[6] Вопросы истории культуры народов, обитавших в области Левобережья до появления там славян,

мятники интересуют нас не сами по себе, а лишь как материал, способствующий решению основной задачи исследования, раскрытию ранней истории славян Левобережья. Из сказанного с полной очевидностью следует, что во всех случаях, когда дается описание той или иной культуры (например, при характеристике культуры зольников или культуры «полей погребений» и др.), мы говорим об археологической культуре, а не о культуре в ее широком понимании.

Настоящая работа является результатом многолетнего труда большого коллектива. Публикуя ее, мы не можем не выразить глубокой благодарности всем тем товарищам, которые прямо или косвенно содействовали ее написанию.

в той или иной мере освещались нами неоднократно в ряде других работ: 1) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65; 2) Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 7—30; 3) Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150 и др.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое прошлое Днепровского Левобережья давно привлекает к себе внимание исследователей. Помимо статей и заметок, освещающих различные стороны истории хозяйственной, общественной, политической и духовной жизни края, а также публикации отдельных источников (письменных и вещественных), относящихся к его истории, Левобережью посвящен и ряд крупных исследований.[1] Много внимания уделяется Левобережью и в работах общего характера. Интерес этот не случайный. Днепровское Левобережье, в особенности его юго-восточная часть, всегда занимало заметное место в истории народов Восточной Европы. Начиная с древнейших времен, на его территории из столетия в столетие шла упорная, непрекращающаяся борьба между различными племенами оседлого и кочевого населения. На его территории отстаивало свое существование молодое Киевское государство в борьбе с хазарами, печенегами, половцами, татарами. Здесь же проходила передовая оборонительная линия Московского государства против крымских татар вплоть до XVII в.

Но как ни велик интерес к прошлому этого края, как ни много сделано в области изучения истории Левобережья, все же следует признать, что не все этапы истории края получили должное научное освещение. До Октябрьской революции наибольшее внимание исследователей было сосредоточено на изучении киевского и последующих периодов. Вопрос же об этапах, предшествующих возникновению Киевского государства, и, в частности, о времени появления славян в области Левобережья почти никогда не был предметом специального исследования, а изучался лишь попутно, в связи с исследованиями более поздних эпох. Объяснение этому следует искать в первую очередь в ограниченности источников, используемых при исследовании ранних этапов истории общества на данной территории. Как известно, письменные памятники, освещающие историю нашей страны, в частности Среднего Поднепровья, если не считать известий Геродота о Скифии, не идут глубже эпохи образования Древнерусского государства. Более широк по времени круг памятников вещественных, но они длительный период не занимали должного места среди исторических источников, вследствие чего изучались сравнительно мало, хотя отдельные исследователи, как например Д. Я. Самоквасов и др., прекрасно осознавали значимость их в изучении древнейшего периода нашей истории. Только в советское время изучение этой интереснейшей категории источников начинает приобретать все более и более широкий размах, создавая тем самым предпосылки к полному раскрытию дописьменного периода прошлого нашей родины. Днепровское Левобережье было одним из районов, где за последние 20 лет велось систематическое, целеустрем-

---

[1] Д. Я. Самоквасов. 1) Северянские курганы и их значение для истории. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 185—224; 2) Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 225—235; 3) Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908; П. В. Голубовский. 1) История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881; 2) Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; Д. И. Багалей. История Северской земли до половины XIV стол. Киев, 1882; В. З. Завитневич. Научное значение археологических раскопок, произведенных в системе р. Сулы, в Роменском уезде Полтавской губернии. Труды Киевск. духовн. акад., т. 2, № 8, 1887, стр. 607—636; В. Г. Лясковский. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940; Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 81—105.

енное изучение археологических памят-
иков. Особое внимание было уделено
оискам древнейших следов пребывания
десь славян. Освещению результатов этих
сследований и посвящена настоящая работа.

Эти систематические археологические
зыскания в области Левобережья, пред-
ринятые Институтом истории материаль-
ой культуры АН СССР совместно с Инсти-
утом археологии АН УССР и краеведче-
ими музеями, были начаты не на пустом
сте. Историческое прошлое Левобережья,
 отмечалось выше, являлось предметом
 стального внимания не только истори-
. Им интересовались и археологи. Пер-
е эпизодические исследования древних
мятников здесь были предприняты еще
 первой половине прошлого столетия.[2]
 конце 60-х—начале 70-х годов, одно-
еменно с широко развернувшимися архе-
огическими изысканиями на юге России
 целом, на Левобережье были начаты
гулярные работы. Они велись здесь как
дельными лицами — любителями ста-
ны, так и научными учреждениями —
рхеологической комиссией, археологи-
скими обществами, музеями и т. д. Основ-
е внимание было сосредоточено на изу-
нии памятников славянской культуры
—XIII вв. (Д. Я. Самоквасов, В. З. За-
тшевич), скифского времени (Д. Я. Само-
асов, Т. В. Кибальчич, С. А. Мозарaки
 др.).[3] Наиболее заметные археологиче-
ие изыскания в области Левобережья
ели место в конце XIX—начале XX в.,
 связи с проводившимися на территории
краины последовательно один за другим
тырьмя археологическими съездами.
1899 г. в Киеве происходил XI съезд,
1902 г. в Харькове — XII, в 1905 г. в Ека-
ринославе — XIII, в 1908 г. в Черни-
гове — XIV. Программы всех четырех съез-
дов включали в себя наряду с изучением
древностей других губерний также изучение
древностей и Левобережья (губерний Пол-
тавской, Черниговской, Харьковской и
Курской). Полевые изыскания в этот период
проводились как в промежутках между
съездами, в порядке подготовки к ним,
так и во время съездов. Ряд интересных
полевых работ по изучению Левобережья
в этот период был осуществлен Археологи-
ческой комиссией. Среди изучаемых памят-
ников и в этих работах ведущее место зани-
мали памятники эпохи железа, начиная со
скифского времени и кончая великокняже-
ской порой, причем бо́льшая часть про-
веденных работ была связана с изучением
могильных памятников, преимущественно
курганов. К этому периоду, к началу XX в.,
относится открытие в области Левобережья
ряда новых культур, в дальнейшем при-
влекших к себе внимание исследователей:
культуры «полей погребений» (В. В. Хвой-
ка),[4] салтовской культуры (В. А. Бабенко),[5]
раннеславянской культуры роменского типа
(Н. Е. Макаренко),[6] позволившей исследо-
вателям раздвинуть хронологические рамки
изучения славянских древностей вглубь, за
границу X в. Тогда же было приступлено
к исследованию одного из интереснейших
памятников скифского времени — Бельского
городища (В. А. Городцов).[7]

Уже из этой краткой характеристики
видно, что хронологический диапазон архе-
ологических изысканий был достаточно ши-
рок. По существу, все известные нам ныне
в области Левобережья археологические
культуры эпохи железа были открыты в до-
октябрьский период. Что касается объема
работ по отдельным культурам, то о нем
можно судить по одному из интереснейших
исследований А. А. Спицына — «Курганы

[2] В. П а с с е к. 1) Курганы и городища в Харь-
ской губ. Журн. Мин. внутр. дел, XXV, 1837,
. 539 и сл.; 2) Курганы и городища Харьковского,
лковского и Полтавского уездов. Русск. историч.
рн., т. III, кн. 2, М., 1840, стр. 201—229; А. Д м и-
ю к о в. Городища и курганы, находящиеся
Суджанском и Рыльском уездах. Вестн. РГО,
4, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854, стр. 26—37.

[3] Д. Я. С а м о к в а с о в. 1) Северянские кур-
ы и их значение для истории, стр. 185—224;
Историческое значение городищ, стр. 225—235;
З а в и т н е в и ч. Научное значение археоло-
еских раскопок. . ., стр. 607—636; А. А. Б о б-
н с к и й. Курганы и случайные археологические
ходки близ местечка Смелы, т. 2, СПб., 1894,
. 160—182; т. 3, СПб., 1901, стр. 60—91.

[4] В. В. Х в о й к а. Поля погребений в Среднем
Поднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер.,
СПб., 1901, стр. 172—190.

[5] А. М. П о к р о в с к и й. Верхне-Салтовский
могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 465—
491.

[6] Н. Е. М а к а р е н к о. Отчет об археологи-
ческих исследованиях в Полтавской губернии в
1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 38—90.

[7] В. А. Г о р о д ц о в. Дневник археологи-
ческих исследований в Зеньковском уезде, Полтав-
ской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III,
М., 1911, стр. 161.

скифов-пахарей»,[8] выпущенном в свет в пер-
вые годы после Октябрьской революции.
В этом труде, представляющем сводку памят-
ников древнейшего периода эпохи раннего
железа Среднего Приднепровья и Прику-
банья, автор пытается проследить этапы
развития культуры «скифов-пахарей», их
внутренние и внешние связи, а также время
появления и исчезновения населения, оста-
вившего исследуемые памятники. Область
Левобережья исследователь выделил в осо-
бую полтавскую группу (губернии Полтав-
ская, Харьковская, Черниговская). Работа
А. А. Спицына является не только подведе-
нием итогов тому, что сделано в археоло-
гии по изучению этого периода, но и указы-
вает на то, что необходимо сделать. В этом
отношении автор особо подчеркивает отсут-
ствие внимания к исследованиям поселений.

Дореволюционная археология, как отме-
чалось уже не раз, мало уделяла внимания
изучению поселений, несмотря на то, что
археологи хорошо знали большое число
мест древних поселений — городищ и селищ.
Причина этого заключалась в первую оче-
редь в том, что исследование мест поселений
считалось делом трудным. Бо́льшая часть
археологов и историков (особенно XIX в.)
в своих описаниях городищ ушла недалеко
от официальных записей Московского госу-
дарства XVI—XVII вв.[9] Как правило, они
давали краткие топографические сведения
о памятнике, дополняя их иногда харак-
теристикой внешнего облика. Вопросы дати-
ровки сводились к определению, принадле-
жал ли памятник к домонгольской или после-
монгольской поре. Таковы, например, изы-
скания автора «Историко-статистического
описания Харьковской епархии» о городи-
щах Хорошевом, Одринском, Немеровском
(Кубенском), Каменском и др.,[10] отдельные
замечания П. В. Голубовского в работе
«Печенеги, торки и половцы до нашествия
татар» о городищах Липецком, Городецком,
Михайловском, Азацком, Каменном и др.[11]

Немного успели по сравнению со своими
предшественниками и многие исследователи
начала XX в., а в некоторых вопросах,
в частности в отношении датировки, совер-
шенно не сдвинулись с места. Так, исследо-
ватели XIX в., пользуясь данными пись-
менных источников, не вдаваясь в тонкости,
довольно отчетливо выделяли группу посе-
лений-городищ домонгольского периода.
Исследователи XX в., отправляясь от архе-
ологических данных, не в силах были сделать
и такого определения. Характерны в этом
отношении изыскания В. Г. Ляскоронского,
проведшего обследование древних земляных
сооружений в области Левобережья в период
между XI и XIV археологическими съез-
дами. Вот как он описывает культурно-хро-
нологический облик городища у с. Мацковец,
при устье р. Слипорида: «В городище и
вокруг него находится множество битых
черепков древнего типа, костей и камней».[12]
Еще бледнее характеристика городища
у с. Медвежье, быв. Роменского уезда:
«. . . здесь попадаются черепья, угли,
камни, кости и пр.».[13] Рассматривая куль-
турно-хронологический облик Журавского
городища, В. Г. Ляскоронский писал: «На
поверхности городища попадаются во мно-
жестве куски камней и черепков древнего
типа: толстостенные, грубой выделки, пло-
хого обжига, с зернами кварца в глинистом
составе стенок сосудов с простым узором
на последних и пр. Судя по форме, положе-
нию и остаткам предметов древностей Жу-
равского городища, можно полагать, что
оно относится к очень отдаленному вре-
мени».[14] Ничем не отличается и характери-
стика культурно-хронологического облика
других городищ по р. Ворскле, например
в селах Глинск, Опошня (Кардашев Вал)
и т. д.[15]

Но и такую характеристику можно найти
не для всех поселений. Для большей части
она отсутствует совершенно. Автор или
совсем ничего не говорит о культурно-хро-
нологическом облике памятника, либо огра-
ничивается передачей слышанных от мест-
ного населения легенд. Явления подобного
порядка можно встретить и у ряда других

[8] А. А. С п и ц ы н. Курганы скифов-пахарей.
ИАК, вып. 65. Пгр., 1918, стр. 87—143.

[9] Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина.
Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 62—65.

[10] ИСОХЕ, отд. II, М., 1857, стр. 98—107,
291—297; отд. III, М., 1857, стр. 104—110, 530—534.

[11] П. В. Г о л у б о в с к и й. Печенеги, торки
и половцы до нашествия татар, стр. 95 и др.

[12] В. Г. Л я с к о р о н с к и й. Городища, кур-
ганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бас-
сейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 416.

[13] Там же, стр. 422.

[14] В. Г. Л я с к о р о н с к и й. Городища, кур-
ганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла
и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 172,
173.

[15] Там же, стр. 182—184.

исследователей — П. М. Еременко,[14] К. П. Сосновского[17] и др. Перечислять всех нет необходимости. Вполне очевидно, что значительная часть древних поселений была известна археологам лишь по своему местоположению, а культурно-хронологический облик оставался неясным.

Из сказанного, однако, вовсе не следует делать вывод, что на Левобережье совершенно не были известны остатки древних поселений, культурно-хронологический облик которых был ясен. Благодаря трудам таких археологов, как Д. Я. Самоквасов, А. А. Спицын, В. А. Городцов, Н. Е. Макаренко и др., исследователи знали поселения скифского времени, отдельные городища раннеславянской культуры (роменского типа), ряд городищ древнерусской поры, а также салтово-маяцкой культуры. Другими словами, пожалуй, нет ни одной, за исключением, по-видимому, культуры «полей погребений», известной нам в настоящее время в области Левобережья археологической культуры эпохи железа, поселения которой были не только известны, но в той или иной мере и исследованы дореволюционными археологами.[18] Однако таких поселений были единицы и они не привлекали к себе внимания исследователей.

В советский период в изучении мест поселений произошли существенные перемены. Параллельно с продолжающейся работой по выявлению остатков древних поселений широко развернулась работа по определению культурно-хронологического облика уже ранее открытых городищ и селищ, причем от случайных, неорганизованных изысканий сделан переход к систематическому, целеустремленному изучению памятников. Так, в конце 20-х—начале 30-х годов большая работа по изучению остатков поселений скифского времени и времени начала нашей эры была проведена на территории Харьковской области научными сотрудниками Харькова под руководством А. С. Федоровского. К сожалению, не все материалы, собранные трудами этого коллектива, увидели свет.[19] Бо́льшая часть их, по-видимому, погибла безвозвратно в годы Великой Отечественной войны. В послевоенное время эта работа продолжена и плодотворно развивается под руководством Б. А. Шрамко.[20]

В те же годы проведена большая работа коллективом сотрудников Полтавского музея под руководством М. Я. Рудинского в Полтавской области. Разведками были охвачены бассейны нижнего течения рр. Псла, Ворсклы и Орели. Интереснейший материал был собран при исследовании могильника скифского времени у с. Мачухи и могильника культуры «полей погребений» у с. Кантемировка.[21] В конце 20-х годов осуществлено обследование памятников той же поры в окрестностях Курска, давшее интересные результаты.[22] В 1938 г. было начато широкое обследование бассейна р. Ворсклы под руководством П. Н. Третьякова[23] (рис. 1). В 1940 г. оно продолжено нами.[24] После Великой Отечественной войны

[14] П. М. Еременко. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. 1, М., 1906, стр. 97—105.

[17] К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 299—320.

[18] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 93—161; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 38—90; Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. ЖМНП, нов. сер., ч. XIX, 1909, январь, стр. 67—79.

[19] A. A. Potapov. Inkrustierte Keramik von Belsk. Evrasia septentrionalis antiqua, 4, 1929, стр. 162—168; М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 91—112; І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164—178.

[20] Б. А. Шрамко. 1) Кафедра древней истории и археологии Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. ВДИ, 1951, № 4, стр. 236; 2) Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 63, М., 1956, стр. 103—108; 3) Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 60, 61.

[21] М. Рудинський. 1) Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 29—62; 2) Кантамирівські могили римської доби. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 127—158; 3) Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 53—79.

[22] Л. Н. Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 12—33.

[23] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 123—149.

[24] П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, М.—Л.,

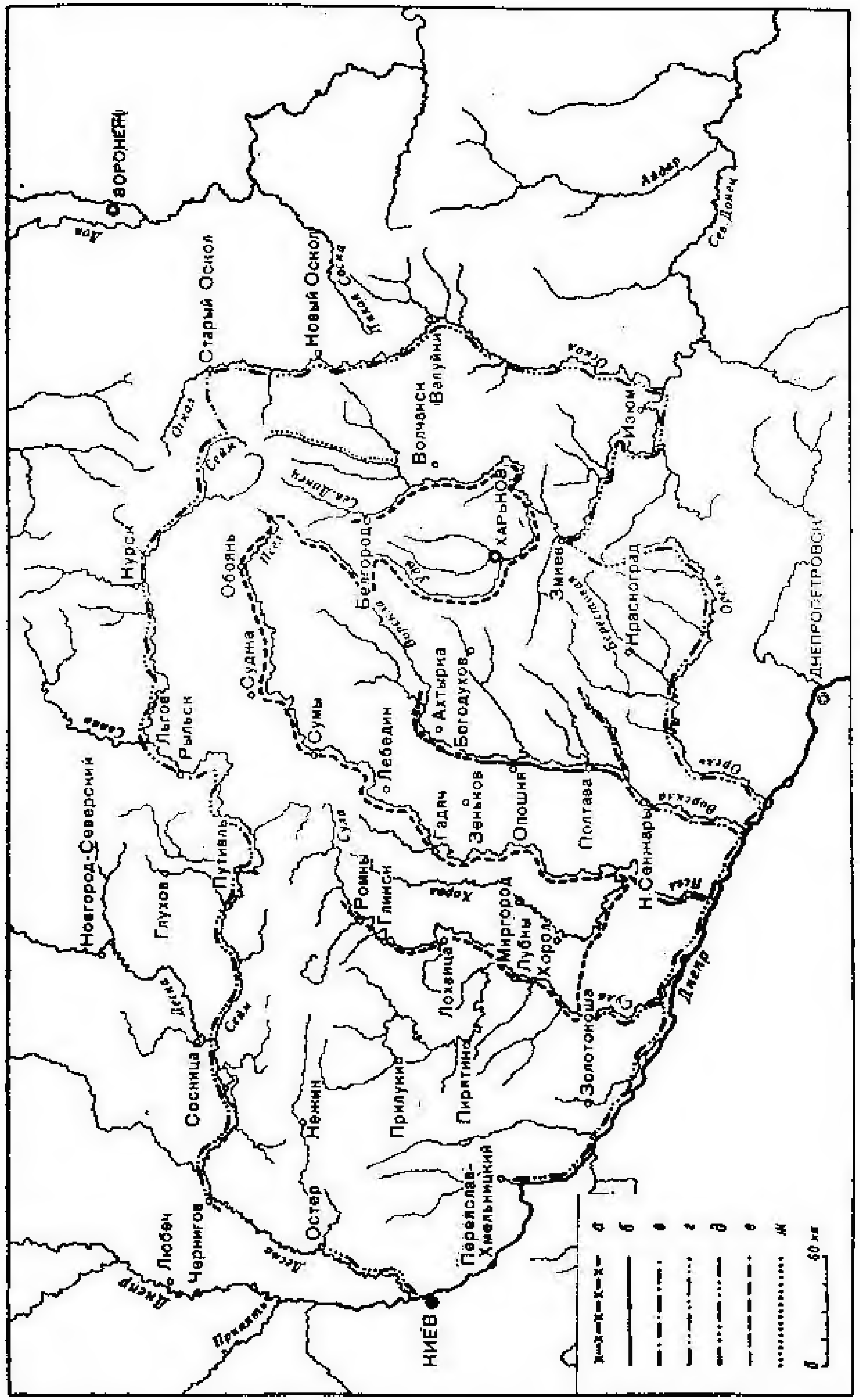


Рис. 1. Карта исследуемой территории (маршруты обследования 1938, 1940, 1945—1948 и 1951 гг.).
а — маршрут 1938 г.; б — 1940 г.; в — 1945 г.; г — 1946 г.; д — 1947 г.; е — 1948 г.; ж — 1951 г.

работы в области Левобережья были значительно расширены. Наряду с разведочными изысканиями в ряде мест произведены раскопки.[25]

* * *

Систематическое изучение поселений эпохи железа в области Днепровского лесостепного Левобережья мы начали в 1940 г. Целью работы было отыскание древнейших достоверных славянских памятников в этом районе.[26] Полевые изыскания проводились Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР. Уже первые шаги этой работы показали, что при поисках славянских древностей нельзя ограничиться исследованием археологических памятников только I тысячелетия н. э., как это было намечено перед началом работы. Выяснилось, что многие славянские археологические памятники не могут быть поняты без изучения более ранних, скифо-сарматских памятников и что последние, следовательно, также должны стать предметом изучения. Стало очевидно и еще одно обстоятельство, что без обследования всей территории лесостепного Левобережья работа не даст положительных результатов.

Объем полевых изысканий 1940 г. был небольшой. Экспедицией обследованы берега р. Ворсклы от г. Полтава до с. Бельск (рис. 1). Несмотря на это, исследования первого года имели огромное значение для всей последующей работы. По существу, как показали последующие изыскания, на обследованной территории были выявлены древности, отражающие основные этапы истории оседлого населения лесостепного Левобережья от скифского времени до монгольского завоевания.[27]

Вспыхнувшая в 1941 г. Великая Отечественная война прервала начатые работы. Они были возобновлены только в 1945 г. Исследования этого года, как и 1940 г., носили в основном разведочный характер. Экспедиция подвергла сплошному обследованию берега р. Коломака (левый приток среднего течения р. Ворсклы) и окрестности г. Полтава (рис. 1). Вновь открытые на этой территории памятники, равно как и обследованные ранее известные, оказались принадлежащими к тем же трем культурно-хронологическим группам, что и обследованные в 1940 г. в бассейне среднего течения р. Ворсклы.[28] Большой интерес разведочных работ 1945 г. состоял в том, что собранные материалы позволили, исходя из некоторых особенностей керамики, расчленить памятники культуры зольников, охва-

1941, стр. 123,124; И. И. Ляпушкин. 1) Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 117—127; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

[25] Ф. Б. Копилов. 1) Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 246—253; 2) Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—314; 3) Археологічна розвідка на р. Хорол в 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 166, 169; В. А. Іллінська. 1) Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 139—148; 2) Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 34—42; 3) Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 109—122; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, М., 1957, стр. 232—249; И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, 385—395; І. І. Ляпушкін. 1) Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території М. Полтави. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 58—75; 2) Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306; Ф. Б. Копилов, С. М. Одинцова, О. Г. Шапошнікова. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 85—98; В. А. Богусевич. Роботи Чернігівської експедиції. Там же, стр. 109—122; Д. І. Бліфельд. Дослідження в с. Шестовицях. Там же, стр. 123—131; В. М. Даниленко, А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. Там же стр. 223—230; Е. В. Махно. 1) Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. Там же, стр. 231—241; 2) Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. у верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 77—85; Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242—250; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 49—66; В. П. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270; Б. А. Шрамко. 1) Новые поселения и жилища скифского времени. . ., стр. 105—115; 2) Курган и городище у села Циркуны. КСИИМК, вып. 63, М., 1956, стр. 103—108; 3) Городище скифского времени у с. Караван. . ., стр. 60, 61.

[26] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . ., стр. 117—127.

[27] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа. . ., стр. 127—132.

[28] Там же, стр. 122—132.

тывающие, судя по материалам Бельского городища, хронологический отрезок с VII по III в. до н. э.,[29] на два периода: ранний — VII—VI вв., и поздний — V—III вв. до н. э.[30]

В 1946 г. изыскания в бассейне р. Ворсклы были продолжены. Сплошному обследованию был подвергнут бассейн нижнего течения реки от г. Полтава до с. Переволочная (рис. 1). Одновременно произведены небольшие раскопки на поселении, расположенном на территории г. Полтава (Красная, бывш. Соборная площадь), где разведкой 1945 г. были обнаружены отложения двух культур — зольничной и славяно-русской.[31] Материалы, собранные по маршруту и при раскопках поселения, показали, что и на этой территории жизнь оседлого населения в эпоху железа прослеживается в границах тех же трех хронологических отрезков, что и в бассейне среднего течения р. Ворсклы: VII—III вв. до н. э. (скифское время); III—IV вв. н. э. (время культуры «полей погребений»); от VIII в. до монгольского завоевания (славяно-русский период). Для времени II в. до н. э.—II в. н. э. и V—VII вв. н. э. следов оседлости в Поворсклье не прослежено.

Опираясь на материалы Поворсклья, собранные нами, а также другими исследователями, и на выводы, сделанные на их основе, мы поставили задачей последующих изысканий проследить границы распространения этих памятников и местные особенности их в различных районах Левобережья.

Изучение археологической литературы, архивных материалов, а также музейных фондов привело к заключению, что, несмотря на то, что в области Левобережья известны многочисленные остатки древних поселений, материалы, относящиеся к ним, отрывочны и маловыразительны, так что использовать бо́льшую часть этих данных для решения поставленной задачи (определения культурно-хронологического облика памятников) невозможно. Чтобы превратить эти памятники в полноценные исторические источники, нужно было произвести повторный полевой осмотр всей этой массы поселений, разбросанных на громадной территории от Днепра до Оскола и от Сейма до Орели, и собрать дополнительный материал. Этой работе были посвящены два полевых сезона — 1947 и 1948 гг., в течение которых были обследованы берега рр. Десны (от устья до впадения Сейма), Сейма, Оскола, Северского Донца (от истоков до впадения р. Оскола), Уды, Орели, Ворсклы, Псла, Сулы (от устья до с. Коровинцы) и левый берег р. Днепра от устья Орели до Трубежа (рис. 1). Одновременно с изучением границ распространения памятников, выявленных в бассейне р. Ворсклы, производились поиски и других памятников, в первую очередь таких, которые могли бы заполнить недостающие хронологические звенья.

Полевые изыскания 1947 и 1948 гг. по сравнению с предшествующими носили несколько иной характер. В эти годы не велось сплошного обследования на всей линии маршрута. На ряде участков продвижение шло по заранее намеченным точкам, упоминавшимся в литературе. Отклонения имели место лишь в случаях, когда из опроса населения мы узнавали о существовании в том или ином районе памятников, неизвестных в научном обиходе, а также когда в ходе работ экспедиция сама обнаруживала такие памятники. Но некоторые районы, почти не подвергавшиеся обследованию ранее, как например верхнее течение р. Северского Донца, берега рр. Орели, Оскола и др., были исследованы сплошь.

В результате двухлетних полевых работ удалось установить, что отмеченные три группы археологических памятников, оставленные оседлым населением Поворсклья, в области Левобережья имеют самое широкое распространение от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма. Вместе с тем в процессе этих работ в отдельных районах были выявлены также и другие группы археологических памятников, неизвестные в бассейне р. Ворсклы. Но и эти памятники, принадлежащие к иным археологическим культурам, неизвестным в бассейне р. Ворсклы, по времени оказались синхронными. Так, в юго-восточном углу, в бассейне Северского Донца обнаружен ряд поселений салтово-маяцкой культуры, одновременных раннеславянским поселениям роменско-борщевского типа; в бассейне среднего и нижнего течения р. Сейма на

[29] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 93—161.

[30] И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, 1951, стр. 17—43.

[31] І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. . ., стр. 58—75.

некоторых городищах были прослежены остатки юхновской культуры, датируемой скифским временем, а в бассейнах рр. Сейма и Псла — незначительная группа памятников типа могильника у с. Будки, исследованного Н. Е. Макаренко,[32] одновременных роменским памятникам. Достоверно славянских памятников ранее VIII в. и здесь, как и в Поворсклье, не обнаружено.

Таким образом, в итоге работ 1938—1948 гг. было установлено, что известные в области Левобережья многочисленные остатки древних поселений (городища и селища) в культурно-хронологическом отношении не представляют той пестроты, как это еще не так давно утверждалось некоторыми исследователями. В частности, Н. Е. Макаренко был склонен рассматривать каждый новый открываемый памятник как новый тип, как новую культуру, как новое время.[33] В хронологическом отношении остатки оседлости оказалось возможным свести к трем большим периодам: 1) скифское время — VII—III вв. до н. э. (с некоторыми отклонениями в ту и другую сторону в отдельных районах); 2) время «полей погребений» — III—IV вв. н. э.; 3) славяно-русский период — VIII—XIII вв. Для времени II в. до н. э.—II в. н. э. и V—VII вв. н. э. отчетливо выраженных следов поселений обнаружить не удалось.[34] Исключение составляет лишь северо-западный угол Левобережья (пограничье лесостепи и леса) — бассейны нижнего течения рр. Десны и Сейма и прибрежной полосы р. Днепра, где еще со времени В. В. Хвойки были известны остатки поселений и могильников культуры «полей погребений» зарубинецкого типа, датируемые III в. до н. э.—I—II вв. н. э.[35]

Несколько разнообразнее состав археологических культур, обнаруженных на этих поселениях, но и они немногочисленны. Для скифского времени установлено две культуры. Господствующее место принадлежит остаткам так называемой культуры зольников, имеющим распространение на всей территории Левобережья, за исключением северо-западного угла (нижнее течение р. Десны). Незначительное место занимают остатки деснинской культуры. Они встречены на поселениях лишь нижнего течения р. Сейма и, как правило, вместе с отложениями зольничной культуры.[36] Для второго периода — времени «полей погребений» — на большей части территории прослежены отложения одной культуры «полей погребений» черняховского типа и лишь на незначительной территории (в северо-западном углу, в пограничье леса и лесостепи) оказались отложения зарубинецкого типа.[37] Последний период — VIII—XIII вв. — представлен двумя археологическими культурами: салтово-маяцкой — VIII—X вв. — и славяно-русской — VIII — XIII вв. (VIII—X вв. роменского и близкого ей типа и X—XIII — великокняжеской поры). Основная масса памятников салтово-маяцкой культуры связана с бассейном р. Дона. На Левобережье они занимают лишь небольшой, юго-восточный, район.[38] Поселения славяно-русской культуры распространены на всей территории Левобережья. Бассейны рр. Ворсклы и Северского Донца являются южной и юго-восточной границами их. На севере и западе памятники этой группы уходят за границы Левобережья.

Начиная с 1949 г. полевые изыскания в области Левобережья были сосредоточены на углубленном изучении путем раскопок отдельных памятников, относящихся к различным культурно-хронологическим группам (в первую очередь к славяно-русской группе). К сожалению, ряд обстоятельств не позволил в полной мере осуществить намеченный объем работ. Более или менее удовлетворительно удалось исследовать лишь славянские поселения роменского типа[39]

[32] І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306.

[33] М. Макаренко. Городище Монастирище. Науковий збірник за рік 1924, т. XIX, Київ, 1925, стр. 3—5 (отд. оттиск).

[34] І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр., стр. 285—306.

[35] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье, стр. 172—190.

[36] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65; М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949, стр. 67—77.

[37] Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, М., 1955, стр. 81—100.

[38] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150.

[39] И. И. Ляпушкин. 1) Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958; 2) К вопросу

и начать раскопки поселения культуры зольников.[40] Правда, эти изыскания в значительной степени дополняются материалами других исследователей, проводивших в последнее время в области Левобережья раскопочные работы. Эти новые материалы, как нам кажется, полностью подтверждают предлагаемую культурно-хронологическую классификацию памятников оседлости Левобережья. Попытки некоторых исследователей опровергнуть ее путем «установления» преемственной связи между культурой «полей погребений» черняховского типа и славянской культурой потерпели полную неудачу.[41] Для времени V—VII вв. н. э. никаких очевидных следов оседлости так и не было найдено. По-прежнему там остаются известными для этого периода случайные отдельные вещи да клады.[42]

Расчленение древностей эпохи железа, оставленных оседлым населением Левобережья, на культурно-хронологические группы позволило произвести их сравнительное изучение, установить в каком соотношении находятся эти археологические культуры между собой, а тем самым решить вопрос, имеет ли население Левобережья, оставившее достоверно славянские памятники VIII—X вв., непосредственное отношение к населению, оставившему памятники предшествующего времени на той же территории, или нет.

о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 58—83.

[40] И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951, стр. 125—130.

[41] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 23—27.

[42] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, М., 1955, стр. 61—82.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

1. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК ПАМЯТНИКОВ

Остатки поселений скифского времени Днепровского лесостепного Левобережья, как и других поселений прошлого, в дореволюционное время изучались очень мало. В большей части о них, как и о поселениях других эпох, знали лишь одно — их географическое местоположение. Да и известно их было немного. Даже лучший знаток археологических памятников А. А. Спицын при своей первой попытке классифицировать древности скифского времени заявил, что к отысканию поселений «у нас пока не приложено серьезного внимания». На всей исследуемой им территории лесостепи он смог назвать не более десяти точек, которые в какой-то мере можно было связать с местами поселений оседлого населения этой поры. В области Левобережья им были указаны Бельское городище, городище у с. Басовка, урочище Татарская Горка под Черниговом и следы поселения у с. Буды бывш. Ахтырского уезда Харьковской губернии. Были отмечены также отдельные находки вещей скифского времени на дюнах у сел Лихачевка, Рублевка, Кириковка, Деревка, Лютовка и некоторых других.[1]

Со времени выхода в свет работы А. А. Спицына прошло сорок лет. За этот период в области изучения древних поселений вообще и скифского времени в частности в районе Левобережья произошел заметный сдвиг. Одним из существенных достижений в этом направлении, как отмечено выше, следует признать расчленение всей массы известных в прошлом и вновь открытых за последние годы древних поселений на ряд культурно-хронологических групп, в том числе и выделение группы поселений скифского времени.[2] В результате сейчас имеется возможность говорить уже не о единицах, а о десятках и даже сотнях поселений этой поры. Только для области Левобережья можно указать более ста точек, где следы поселений скифского времени выступают вполне отчетливо (рис. 2).[3] Больше того, исследования поселений скифского времени позволили наметить контуры хронологического членения этой группы. Установлено, что при наличии в материалах отдельных поселений и целых районов общих черт, объединяющих их в единую археологическую культуру, названную В. А. Городцовым культурой зольников,[4] а А. А. Спицыным культурой

[1] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Пгр., 1918, стр. 141—143.

[2] И. И. Ляпушкин. 1) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—64; 3) Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 7—32; 4) Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 7—40; 5) Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150.

[3] Нумерация археологических памятников (арабские цифры внутри карт, рис. 2, 81, 86, 88, 157), рассматриваемых в настоящей работе, дается сплошная (от памятников скифского времени — VII—III вв. до н. э. до великокняжеской поры — X—XIII вв.). Исключение сделано для находок римских монет (рис. 81), которые имеют отдельную нумерацию (№№ 1—60).

[4] Несмотря на возражения некоторых исследователей против названия изучаемых нами памятников «зольничными» или «культурой зольников» (В. А. Ильинская. По поводу так называемой «зольничной культуры». КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л., 1950, стр. 142—146), мы пришли

«скифов-пахарей», в них имеются и свои особенности. Изучение их привело к выводу, что некоторые особенности культуры следует связывать прежде всего с разновременностью памятников. Более или менее отчетливо сейчас намечается два хронологических этапа в развитии культуры зольников: ранний — VII—VI вв. и поздний — V—III, а может быть, конец VI—II вв. до н. э. Эти даты — лишь приблизительные вехи. В ходе дальнейшего изучения они будут уточняться. Вместе с тем следует иметь в виду, что резкой границы между этими двумя периодами мы не найдем. Больше того, наряду с поселениями, содержащими отложения только раннего (VII—VI вв.) или только позднего (V—III вв.) этапа, имеются и такие, которые существовали на протяжении всего скифского времени (VII—III вв.) или захватывали частично тот и другой период (VI—IV вв.), причем ранний и поздний периоды так переплелись между собой, что трудно решить, к какому из них следует отнести то или иное звено.

Попытку некоторых исследователей усмотреть в различиях материальной культуры отдельных поселений и целых районов в первую очередь местные (так называемые локальные), а не хронологические особенности того или иного памятника или целого района мы считаем необоснованной. Существенно заметить, что сравнительное изучение археологических памятников скифского времени, охватывающего период не менее 500 лет, без учета хронологии сравниваемых объектов, в наши дни явление нередкое.[5] Именно таким путем была выделена посульская группа памятников скифского времени как отличная от памятников всей остальной территории Левобережья и в первую очередь от Поворсклья. Основание к этому усматривают в особенностях устройства погребальных сооружений (деревянных срубах) и в постоянстве ориентировки погребений головой на юг, в наличии следов тризны в виде кострищ над могилой, в отсутствии человеческих жертвоприношений и сопровождающих конских захоронений, в широком распространении среди погребального инвентаря ножных и ручных браслетов, боевых топоров, разнообразных наверший и т. п., а главное в различиях керамического комплекса.[6] Правда, последующее изучение памятников Левобережья очень скоро заставило признать, что посульская керамика свойственна и другим районам Левобережья (бассейнам рр. Псел и Северский Донец). Ее не находят только в Поворсклье.[7] Это обстоятельство привело к тому, что первоначальный тезис об особенностях культуры скифского времени в Посулье превратился в свою противоположность. Культура По-

к выводу, что это название пока целесообразно сохранить, ибо оно отчетливее, чем какое-либо другое предлагаемое новое название, например «скифская культура» или «левобережная культура», определяет круг памятников, о которых идет речь. Следует не забывать и то, что к этому термину привыкли, так как за его спиной более полувека существования. Не мы его придумали (хотя эту честь и пытаются оказать нам). Его ввел в научный обиход применительно к данной группе памятников В. А. Городцов (Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—211). Вопреки утверждениям В. А. Ильинской он связывает этот термин не только с отдельными сторонами памятников этого типа (например, «зольничная керамика», «зольничный горшок» и т. п.), но и с культурой в целом («культура зольников»; там же, стр. 120). Больше того, он даже выделяет «эпоху культуры зольников» (там же). В. А. Ильинская утверждает (со ссылкой на источник), что В. А. Городцов культуру зольников называл скифской. И это неверно. В работе, на которую опирается В. А. Ильинская в этом вопросе (В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 59), В. А. Городцов не только не называет культуру зольников скифской, а стремится доказать, что она киммерийская, а не скифская. Вслед за В. А. Городцовым этот термин был использован широко Л. Н. Соловьевым при характеристике памятников окрестностей г. Курска (Л. Н. Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 13—33). В те же годы А. С. Федоровский в работе «Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних» (Харків, 1927) называет городища скифского времени «Городища з культурою попілищ» (там же, стр. 80). Таким образом, применяемое нами название — не нововведение, а продолжение установившейся полувековой традиции.

[5] І. В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 50—80.

[6] В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 184—187; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 87 и сл.; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Там же, стр. 138 и сл.

[7] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 181—185.

сулья оказалась одинаковой с культурой всего Левобережья, за исключением Поворсклья. Это своеобразие керамики и других археологических материалов скифского времени Посульско-Донецкого района (так стали именовать эту группу) объясняют тем, что эта группа памятников возникла на иной основе, чем поворсклинская.

Попытаемся разобраться, насколько реальны обоснования предложенной классификации. Утверждается, что в Поворсклье не встречается обычных для Посулья деревянных склепов. Это неверно. Достаточно заглянуть в публикации материалов могильника у с. Мачухи, чтобы убедиться в этом. И в краткой информации о раскопках 1923—1924 гг., и в предварительном отчете о раскопках 1946 г. автор исследования М. Я. Рудинский прямо говорит, что могилы сверху были покрыты накатником, а стены ям забрусованы.[8] А ведь это, по существу, один из основных могильников, раскопанных в Поворсклье. Следы деревянной опалубки были отмечены и в могилах близ с. Лихачевка, раскопанных И. А. Зарецким,[9] и в могилах близ Бельского городища, раскопанных В. А. Городцовым.[10] Правда, такой характер устройства могил не является господствующим в Поворсклье; наряду с ямами с облицованными стенами есть могилы без облицовки. А разве в Посулье этот тип могил является единственным? Ничуть нет. Все приводимые в доказательство факты в основном связаны с большими курганами. А. А. Спицын, достаточно хорошо изучивший материалы, прямо отмечает, что «малые ямы вообще не имели деревянных склепов (как и некоторые из больших)».[11]

По существу, в области Посулья и на р. Псле имеются те же погребальные сооружения, что и в Поворсклье. Там есть могилы, дно которых выстлано корой.[12] Известны случаи устройства настила пола на брусках, положенных поперек могильной ямы.[13] На Псле же, у с. Дудчанцы, в последние годы раскопан курган, могильная яма которого имела скругленные углы, как и в могильных ямах близ с. Бельск.[14]

Не находим мы различия и в ориентировке костяков. Утверждение, что в Посулье погребенные лежат головой на юг, в то время как в Поворсклье могильные ямы ориентированы преимущественно по линии СВ—ЮЗ и погребенные лежат головой на юго-запад,[15] далеко не отражает истинного положения. Прежде всего следует отметить, что в Посулье много могил, ориентированных по линиям СВ—ЮЗ, причем часто костяки в них потревожены грабителями и определить, каково было первоначальное их положение, невозможно [например, раскопки Д. Я. Самоквасова у с. Аксютинцы в уроч. Стайкин Верх — могилы X и XI; по-видимому, так же ориентирована и могила VII, поскольку грабительская яма была проделана в юго-западной стене, что могло быть только при условии ориентировки могилы не по странам света; урочище Солодкое — могила № 1 (Балябина могила);[16] раскопки С. А. Мазараки: у с. Аксютинцы курган № 1 (1885 г.); у хутора Поповка курган № 10; у с. Ярмолинцы курганы №№ 42, 44, 45, 54; у дер. Чеберяки курганы №№ 55, 57].[17] Думаем, что при такой ориентировке могил и костяки должны лежать соответственно направлению ям, т. е. на северо-восток или юго-запад головами. Имеются отдельные погребения и с другой ориентировкой. Так, раскопками С. А. Мазараки у с. Ярмолинцы в кургане № 47 открыт покойник, ориентированный головой на юго-восток,[18] а раскопками И. Я. Плескача кургана у с. Хитцы обнаружено погребение, ориентированное головой на

---

[8] М. Рудинський. 1) Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 44—51; 2) Мачухська експедиція Інституту археології, в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 58—69.

[9] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, стр. 129.

[10] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 127—134.

[11] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, стр. 123, 124.

[12] В. А. Ильинская. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 66.

[13] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 138—143; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, М., 1957, стр. 238—240.

[14] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени..., стр. 241.

[15] В. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі, стр. 186.

[16] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 105—107, 109.

[17] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 2. СПб., 1894, стр. 160—182.

[18] Там же, стр. 176.

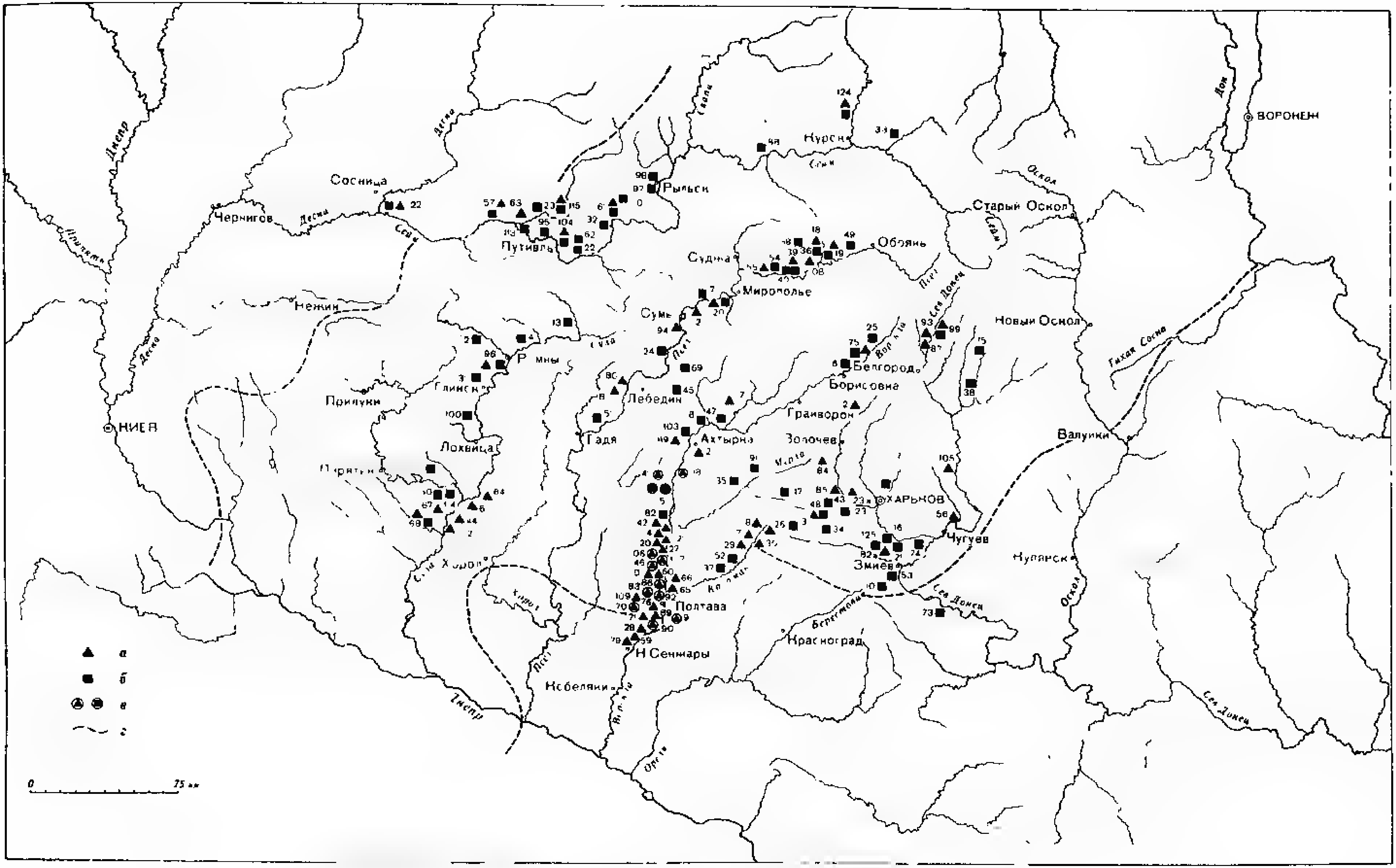


Рис. 2. Археологические памятники скифского времени.

а — селища, *б* — городища, *в* — поселения, содержащие отложения культуры зольников ранней поры (VII—VI вв. до н. э.); *г* — граница лесостепи.

север.[19] Таким образом, южная ориентировка в Посулье отнюдь не является единственной. Наряду с ней встречается и иная, причем в отдельных курганных группах процентное соотношение не всегда в пользу южной ориентировки. Так, из тринадцати раскопанных С. А. Мазараки у с. Ярмолинцы курганов только в четырех погребенные имели южную ориентировку, в четырех — юго-западную, в одном — юго-восточную и в четырех ориентировка осталась невыясненной. Процент могил с невыясненным положением покойников вообще очень высок.[20] А имеются ли захоронения с южной ориентировкой в Поворсклинских курганах? Да, имеются. В курганном могильнике у с. Мачухи основная часть погребенных ориентирована головой на юг. Так определяет сам автор раскопок. Описывая состояние костяков, исследователь отмечает, что они сильно разрушены. «В большинстве случаев, — пишет он, — можно было констатировать лишь ориентацию захороненных (преимущественно головой на юг)».[21] Думается, что и среди курганов близ Бельского городища некоторые захоронения, по существу, ориентированы головой на юг. К числу их следует отнести курганы №№ 3 и 4 в уроч. Осняги и №№ 10 и 11 на Саранчевском поле с пометкой ориентации по линии ССВ—ЮЮЗ. Необходимо также учесть, что из девяти курганов, раскопанных в уроч. Осняги, для четырех курганов (№№ 1, 2, 7 и 8) ориентировка не указана.[22] Таким образом, тщательное изучение показывает, что в отношении ориентировки погребенных и в Посулье, и в Поворсклье имеется пестрая картина, причем в каждой из этих групп разновидности ориентировки захоронений совершенно одинаковы.

В отношении посульских подкурганных захоронений подчеркивается и еще одна сторона — отсутствие сопутствующих конских захоронений и человеческих жертв, а также наличие следов тризн (в виде кострищ) над могилами. Совершенно такая же картина имеет место и в Поворсклье. Здесь также нет ни сопутствующих конских захоронений, ни человеческих жертв.[23] Что касается следов тризн, то они в Поворсклье, как и в Посулье, выражены довольно отчетливо. Правда, в Поворсклье (в курганах близ Бельского городища) надмогильные кострища имеют особый характер — состоят из сожженной соломы, но думается, что это следует отнести лишь за счет тщательности исследований А. В. Городцова. Не исключено, что при внимательных раскопках и в Посулье будут найдены следы сожженой соломы, так же как найдена на р. Псле могила со скругленными углами, чего до последних раскопок там не было известно и что считалось присущим лишь району Поворсклья.

Для понимания обряда захоронения в Посулье небезынтересно привести замечания А. Бобринского, хорошо знавшего материалы этого района. Вот что писал он в связи с раскопками С. А. Мазараки кургана у с. Волковцы: «Устройство могильной насыпи и самой могильной ямы представляет черты сходства с группой курганов у с. Аксютинцы, но имеет и весьма любопытные отличия. Вообще курганные группы скифского характера имеют в этой местности много общих черт по устройству могил, но каждая группа имеет и черты своеобразные. Разбросанные на расстоянии нескольких верст, курганные группы побережья Сулы как бы указывают на существование здесь в эпоху скифов мелких племенных групп, имевших каждая свои особенности по внутреннем строе и религиозной обрядности. (Разрядка наша. — *И. Л.*)».[24]

Едва ли стоит приводить еще примеры (число их может быть удвоено) для доказательства несостоятельности утверждения, что могильные сооружения и обряд захоронения в Посулье отличны от могильных сооружений и обряда захоронения в Поворсклье. Как видно из приведенных нами фактов, в обоих районах могильные сооружения и обряд захоронения хотя и пестрые,

---

[19] В. А. Ильинская. Из неопубликованных материалов . . ., стр. 69; см. также, Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1882—1902 гг. СПб., 1908, стр. 156.

[20] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки. . ., т. 2, стр. 160—182.

[21] М. Рудинський. Мачухська експедиція. . ., стр. 58, 59.

[22] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований . . ., стр. 127, 134, 138—14..

[23] М. Рудинський. Мачухська експедиція. . ., стр. 63—69

[24] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки . . ., т. 3, стр. 82.

однако более или менее однотипные Исключение составляет лишь устройство отдельных богатых могил в Посулье и то лишь, по-видимому, потому, что могилы такого облика в Поворсклье не исследовались

Несколько замечаний по поводу утверждения о широком распространени и среди погребального инвентаря По... ких курганов ножных и ручных бра... боевых топоров и разнообразных наверший Думается, что выражение «широкое распространение» едва ли может быть здесь приемлемо. Вернее было бы сказать, что в курганах Посулья найдено большое число этих вещей В. И. Ильинская, производившая сравнительное изучение материалов Посулья и Поворсклья, не учла одной маленькой вещи числа раскопанных могил в том и другом районе, а также того, что это за могилы. Так, отмечая, что в Посулье найдено топоров больше, чем в других районах, исследователь забывает сказать, а какое число курганов раскопано в Посулье и в других районах, в частности в Поворсклье, с которым ведется сравнение На этих цифрах небезынтересно остановиться По грубому подсчету, в Посулье раскопано от 400 до 450 курганов, причем в их числе много больших, содержащих погребения, по-видимому, знати В этих 400—450 курганах найдено 20 топоров.[25] В Поворсклье в 20 25 почти начисто разграбленных курганах найден 1 топор [26] Это в процентном отношении ничуть не меньше, чем в Посулье Кстати заметим, что такая же картина имеет место в районе Подонья. Здесь на 17 раскопанных курганов (уроч. Частые курганы) приходится также 1 топор.[27] Эти данные никак не могут служить основанием для утверждения, что в Посулье в инвентаре подкурганных захоронений скифского времени топоры встречаются чаще, чем в Поворсклье. Там их больше только потому, что больше раскопано курганов.

Труднее ответить на вопрос, насколько специфичны для Посулья ножные браслеты. Имеющиеся в литературе сведения о браслетах в погребальном инвентаре скифского времени в Поворсклье недостаточно полны,[28] и у нас нет оснований, исходя из этих данных, делать какие-либо выводы Известно лишь одно, что ножной браслет найден при исследовании Воронежской группы курганов (Частые курганы) [29] Если это так, то и тут налицо та же картина: в Посулье на 400 –450 раскопанных курганов найдено около 20 браслетов,[30] в группе Частые курганы на 17 раскопанных курганов — 1 браслет.

В отношении шумящих наверший с изображениями животных следует заметить, что они связаны, как правило, с богатыми захоронениями Это положение в достаточной мере подтверждается всеми известными материалами. Почти во всех случаях при исследовании больших курганов, когда могилы оказывались неразграбленными, такие навершия были находимы [31] Посулье богато такими курганами больше, чем какие-либо другие области, и не удивительно, что там этих наверший найдено больше. В Поворсклье большие курганы не исследовались, да они там, по-видимому, и не сохранились.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о соотношении керамических комплексов Посулья и Поворсклья Наиболее отчетливое противопоставление этих двух керамических групп наложено в статье В. А. Ильинской «О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье среднего Днепра» [32] «Поселения и курганы среднего течения р. Ворсклы, - пишет автор, — очень близки по своей культуре памятникам, находящимся на территории к западу от Днепра, на Тясмине и в Поросье. Для ворсклинской и правобережной культур скифского типа характерна чернолощеная посуда· черпаки, кубки с округлым корпусом и цилиндрической шейкой, с резным геометрическим орнаментом, заполненным белой инкрустацией, а также миски и высокие горшки, украшенные под краем венчика сквозными проколами и налепным валиком с защипами.

[25] В. А Іллінська Пам'ятки скіфського часу на Посуллі, стр. 184 191

[26] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 140

[27] С. Н. Замятнин Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, М — Л., 1946, стр. 30, 31

[28] В. А Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 141, 142

[29] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, стр 133

[30] В. А. Ильинская Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы КСИИМК, вып. 54, М., 1954, стр. 24—41

[31] А А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки. . , т 3, стр. 65 - 67

[32] КСИИМК, вып 70, М , 1957, стр 14 -27

«На остальной территории лесостепного Левобережья, в бассейнах рек Сулы, Псла, Сейма, Северного Донца, распространена культура скифского посульско-донецкого типа, отличающаяся от правобережной и ворсклинской Разница между ними выступает в отдельных элементах погребального обряда, некоторых особенностях материальной культуры и более всего — в своеобразии местной лощной керамики.

«Наиболее распространенными формами посуды, относящейся к скифской культуре Левобережья, следует считать простые высокие горшки с корпусом, расширяющимся у пояса, реже у плечиков, суженной невысокой шейкой, мягко отогнутым венчиком. . . В качестве орнамента наиболее обычен волнистый рельеф наружного края венчика, сделанный при помощи пальцевых вдавлений или отпечатков косо поставленной палочкой . . Часто этот орнамент встречается вместе со сквозными проколами под венчиком Иногда сосуды украшались только проколами. .

«Чернолощеные сосуды нехарактерны для скифской культуры Левобережья, в том числе и для памятников, относящихся к VI V вв до н э Горшки с валиковым налепом тоже очень редки Несколько чаще они встречаются в ранних памятниках Северного Донца, однако и здесь количество их по отношению к основной массе керамики очень невелико».[33]

В основе этих различий, по мнению автора, лежит то обстоятельство, что поворсклинская группа памятников скифского времени возникла на базе культуры белогрудовско-чернолесского типа, в то время как «культура лесостепного Левобережья по своему генезису не может быть связана с белогрудовско-чернолесской, и что возникла она не в результате расселения на Сейме, Суле, Псле и Северном Донце населения с Правобережья и Бассейна Ворсклы».[34]

Приведенная здесь характеристика керамических комплексов Поворсклья и Посулья скифского времени не отражает истинного положения. Начнем с Поворсклья. Утверждается, что для этого района характерна чернолощеная посуда различных форм, а также миски и высокие горшки, украшенные под краем венчика сквозными отверстиями и налепным валиком с защипом. Так ли это? Не совсем!

В бассейне р. Ворсклы в настоящее время известно более 50 поселений скифского времени. Из этого числа лишь 10 - 15 поселений можно связать с той группой памятников, для которой черные лощеные сосуды и горшки со сквозными отверстиями и налепным валиком ниже края венчика являются более или менее характерными. Бо́льшая часть поселений имеет керамический комплекс совершенно такой же, как и на остальной территории Левобережья (так называемый позднезольничный). Другими словами, в Поворсклье имеется совершенно такой же керамический комплекс, что и на остальной части Левобережья и, кроме того, на ряде поселений более широко, чем в других районах, распространена чернолощеная посуда, в том числе с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, а также кухонные горшки со сквозными отверстиями и налепным валиком ниже края венчика Это давно и хорошо известно Не раз отмечалось это и в печати, и даже ставился вопрос, каким путем проникла в Поворсклье керамика, характерная для более северных районов (т. е. позднезольничная) В свое время было выдвинуто предположение, что проникновение позднезольничной керамики в Поворсклье связано с передвижением новых этнических элементов с севера,[35] так как поздняя зольничная керамика генетически как будто никак не может быть связана с раннезольничной. Одно из оснований к этому усматривалось в том, «что на Ворскле неизвестно пока ни одного двухслойного поселения, в основании которого находилась бы керамика «раннезольничная», а верхний горизонт составляла «позднезольничная».[36]

С этим положением согласиться нельзя. Такие памятники есть. Одним из наиболее интересных из них, содержащим отложения ранней и поздней поры, является Бельское поселение, просуществовавшее с VII до III в. до н. э. Там, при объективном рассмотрении

[33] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, вып. 70, М , 1957, стр. 14, 15

[34] Там же, стр 15—17.

[35] В. А Ильинская. По поводу так называемой «зольничной культуры». КСИИМК, вып XXXIV, М. Л , 1950, стр 142 146.

[36] Там же, стр 145, 146.

прекрасно видны как ранние, так и поздние элементы. Вот что мы находим по этому вопросу у В. А. Городцова. При исследовании вала Западного городища В. А. Городцовым были обнаружены культурные остатки в насыпи вала (под слоем глины). Среди этих остатков оказались «обломки черной глянцевитой посуды без орнамента или, в исключительных случаях, с белым инкрустированным орнаментом; обломки более грубой посуды иного, серого, иногда кирпично-красного цвета, с венчиком, украшенным сквозными дырами и лепным шнуром с характерным защипным узором; обломков амфор и других греческих сосудов совсем не встречено». (Разрядка наша, — *И. Л.*)[37] К этой характеристике нам хотелось бы сделать следующие замечания. Из керамических материалов Бельского поселения В. А. Городцов самой древней считает лощеную посуду, инкрустированную белой пастой.[38] Появление наиболее ранней греческой посуды В. А. Городцов относит ко времени около VI в. до н. э. Исходя из этих данных, следует полагать, что обломки керамики из культурного слоя в валу связаны с ранним этапом, датируемым в пределах VII—VI вв. Так их рассматривает и В. А. Городцов. Вместе с чернолощеной керамикой среди остатков оказались черепки обычной грубой посуды «с венчиком, украшенным сквозными дырами и лепным шнуром с характерным защипным узором», т. е. обломки сосудов, входящих в раннезольничный комплекс. Таким образом, то, что характеризует так называемый раннезольничный керамический комплекс, на Бельском городище выступает достаточно отчетливо, не смешиваясь с элементами позднезольничными, появляющимися на городище значительно позднее. Правда, В. А. Городцов нигде не дает членения ранней и поздней керамических групп в целом, но, выделяя отдельные элементы ранней и поздней поры, он тем самым уже предопределяет эти группы, а выделением керамического комплекса из вала он, по сути дела, разделил керамику Бельского поселения на раннюю и позднюю. Что же должно принадлежать к поздней группе? Думается, что сюда следует зачислить в первую очередь то, что сам В. А. Городцов датирует более поздним временем. Это, во-первых, греческая амфорная и другая посуда V и последующих веков (по заключению исследователей, изучавших керамические остатки Бельского городища из раскопок В. А. Городцова, верхней границей греческой посуды надо считать III в.).[39] Во-вторых, сюда следует отнести, по-видимому, ту керамику, которую В. А. Городцов не датировал. Здесь особое внимание необходимо обратить на простую грубую посуду (кухонную в первую очередь). В работе В. А. Городцова эта категория керамических остатков характеризуется, как правило, в общих чертах. Создается впечатление, что В. А. Городцов рассматривает ее как единое целое. Однако внимательное изучение работы показывает, что это далеко не так. Если в частных описаниях грубой посуды на отдельных зольников В. А. Городцов давал ей общую характеристику, то при обобщении он счел необходимым дифференцировать ее. Так, в главе, посвященной выводам, характеризуя керамические остатки, относящиеся к так называемой грубой (варварской) посуде, он писал: «Горшки. . ., небольшие, с низкой шейкой, слабо выраженными плечами, слегка выпуклыми боковыми стенками и плоскими днами. Орнамент чаще всего состоит из рубчиков, защипов по обрезу горла и сквозных дырочек, расположенных ниже обреза горла; реже встречается лепной шнурок, помещаемый на шейке сосудов; поверхность его обыкновенно украшается защипным или другим подобным орнаментом, а конец нередко и очень характерно спускается вниз. (Разрядка наша, — *И. Л.*)».[40] Думается, что сделанное В. А. Городцовым описание керамики комментариев не требует. Перед нами выступает две группы горшков культуры зольников — ранняя и поздняя. О связи горшков с налепным валиком с ранним периодом на Бельском поселении свидетельствует находка обломков сосудов этого типа в валу городища

[37] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований . . ., стр. 97.

[38] Там же, стр. 154, 159.

[39] Б. Н. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 56.

[40] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 153, 154.

вместе с инкрустированной керамикой, что В. А. Городцовым отмечено безусловно не случайно. Существенно при этом подчеркнуть, что сосуды без налепного валика среди грубой керамики Бельского поселения, по утверждению В. А. Городцова, количественно преобладают. Следовательно, неупоминание их среди материалов из насыпи вала говорит о том, что в валу их или совершенно нет, или же их так мало, что они не привлекли внимание исследователя. А если это так, то горшки без налепного валика на Бельском поселении, очевидно, следует связать, как и на всей остальной территории Левобережья, в основном с поздним периодом жизни (V—III вв.).

Наличие среди керамических остатков Бельского поселения обломков кухонной посуды без налепного валика подтверждается и материалами, собранными Левобережным отрядом Днепровской экспедиции 1940 г.[41]

Третьим составным компонентом позднего комплекса керамики Бельского поселения следует считать посуду в виде мисок с загнутым внутрь краем. Цвет их, как правило, серый, поверхность слегка прилощена. Среди материалов, собранных при обследовании зольников в 1940 г., они представлены большим числом.[42]

Бельское поселение является не единственным в Поворсклье, где имеются отложения ранней и поздней поры. Среди обследованных в 1940 г. памятников на линии между г. Полтава и с. Бельск укажем поселения у сел Петровка и Стаси (правый берег р. Ворсклы),[43] а из числа обследованных в 1946 г. — у с. Бойковка (левый берег р. Ворсклы).[44] К сожалению, раскопки здесь не производились и у нас нет возможности развернуть доказательства с такой же полнотой, как это сделано на материалах Бельского поселения. Да в этом, как нам кажется, и нет необходимости.

Из изложенного выше с очевидностью вытекает, что облик керамического комплекса поселений скифского времени в Поворсклье В. А. Ильинской обрисован неполно. Описанные ею характерные черты глиняной посуды Поворсклья скифского времени относятся лишь к раннему этапу жизни населения этого края. Судя по многочисленным данным (Мачухи, Пожарная Балка, Бельское поселение), этот период охватывает время VII—VI вв. до н. э., до появления греческого импорта. В последующее время (V—III вв.) в Поворсклье бытует керамический комплекс, одинаковый со всем Левобережьем, причем по своему содержанию он не нов для Поворсклья. Все его элементы (горшки кухонные, край венчика которых орнаментирован защипами и сквозными отверстиями, и такие же горшки неорнаментированные, миски с загнутым внутрь краем, покрытые плохим лощением, и некоторые другие формы), за исключением импортной керамики, корнями своими уходят в керамический комплекс ранней поры. Так, горшки, край венчика которых орнаментирован защипами или насечками и сквозными отверстиями, отличаются от горшков предшествующей (ранней) поры лишь отсутствием налепных валиков, в остальном (начиная от состава глины и кончая профилировкой) они одинаковы. Больше того, какая-то часть горшков ранней поры не имеет налепного валика и полностью тождественна горшкам поздней поры (рис. 3, 3, 4). Вторая группа сосудов позднего комплекса — миски с загнутым внутрь краем — тоже не новинка. Миски совершенно такого же профиля, но более высокого качества выделки являются составной частью раннего комплекса. В позднее время они становятся несколько грубее, теряя черное лощение. Переход от раннего этапа к позднему настолько постепенен, что едва ли найдется такой специалист, который смог бы провести между ними резкую границу. Эту связь позднего керамического комплекса с ранним наиболее отчетливо можно наблюдать на материалах Бельского поселения.

Что же представляет собой керамический комплекс Посулья в скифское время, если рассмотреть его в соотношении с Поворскльем? Утверждается, что чернолощеные сосуды не характерны для скифской культуры Левобережья (за исключением Поворсклья, — *И. Л.*), в том числе и для памятников, отно

[41] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132, рис. 34, 7.

[42] Там же, стр. 122—132, рис. 34, 9.

[43] Там же, стр. 122—132, И. И. Ляпушкин. Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА.

[44] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

сящихся к VI—V вв. до н. э. Горшки с валиковым налепом тоже очень редки»[45] Так ли в действительности? Не совсем так! Подтверждение этому мы находим в материалах, подобранных в работе В. А. Ильинской.[46] Изучение конкретного материала наглядно показывает, что бо́льшая часть известных могильных комплексов, датируемых VI в., сопровождается чернолощеными сосудами тех же самых форм, что и в Поворсклье. Некоторые из этих сосудов покрыты врезным орнаментом.[47] В комплексах, датированных V в. и позднее, такой керамики уже не встречается. Если взглянуть на эту картину в свете Поворсклья, ничего отличного мы здесь не видим. Как в Поворсклье, так и в Посулье где-то на рубеже VI—V вв. (хронология изучена пока еще очень плохо), черная лощеная керамика, в частности инкрустированная, исчезает. Это, однако, не значит, что лощеная посуда не встречается совсем Лощение доживает до конца существования культуры зольников. В одних районах это лощение лучше, в других хуже. В Посулье, судя по некоторым данным, лощение было сравнительно хорошее. Так, при сравнении керамики бассейна р. Псла с керамикой Посулья отмечается, что на р. Суле отдельные типы сосудов часто бывают отделаны хорошим лощением, тогда как на р. Псле лощеной посуды нет вовсе.[48]

Но почему же все таки в Посулье сравнительно мало чернолощеной керамики? По имеющимся подсчетам, ее не более 5-6%. Думается, что и на этот вопрос можно ответить. Все исследователи достаточно согласно утверждают, что древнейшие памятники (поселения и могильники) скифского времени Посулья по времени относятся к несколько более позднему периоду, чем поворсклинские. Во всяком случае VII в. они не захватывают, а некоторые полагают что на рр. Суле, Псле и Северском Донце ранее середины VI в. до н. э. они неизвестны.[49] А именно с этим ранним периодом (VII и первая половина VI в.) связаны чернолощеные сосуды и прежде всего сосуды, покрытые врезным орнаментом, инкрустированным белой пастой. Так как культура зольников проникает в район Посулья несколько позднее, чем в Поворсклье, то, естественно, там мало и чернолощеной керамики, в частности инкрустированной белой пастой. Так рушится и последняя, керамическая, основа противопоставления района Посулья Поворсклью.

Несостоятельность противопоставления посульско-донецкой и поворсклинской групп памятников скифского времени, по существу, снимает вопрос о различных истоках этих культур. Однако мы считаем, что на нем следует остановиться, чтобы еще раз показать всю ошибочность существующих взглядов.

Утверждается, что посульско-донецкая культура по происхождению не имеет ничего общего с культурой Поворсклья Как известно, истоки последней связываются с культурами Правобережья. Это положение в настоящее время как будто не вызывает возражений. Истоки культуры посульско-донецкой, или, точнее, всей остальной территории лесостепного Левобережья, пытаются найти за пределами лесостепи. Их усматривают в культуре племен, родственных степным кочевым скифам, передвинувшимся в глубь лесостепи в конце VI в. до н. э., причем скифская культура здесь сразу же выступает в готовых, сложившихся формах.[50] Этот вывод обосновывают близостью керамических материалов посульско-донецкой группы скифского времени и позднесрубной керамики Нижнего Поднепровья.

Мы не будем анализировать сравнительного изучения этих двух групп керамики Лучше всего обратиться непосредственно к самим материалам, опубликованным в ряде работ,[51] и наглядно убедиться, есть ли между

[45] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра, стр. 15

[46] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья, стр. 168—185.

[47] Там же, стр. 170—173, 179, 181, 183, табл. I, III—V.

[48] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псла. СА, XXVII, М., 1957, стр. 248.

[49] П. Д. Либеров Хронология памятников Поднепровья..., стр. 138—143, В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі, стр. 188, 189, В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 106

[50] В. А. Ильинская О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье..., стр. 24—27

[51] В. А. Ильинская 1) Керамика скифских погребений Посулья, стр. 182—185, 2) О про-

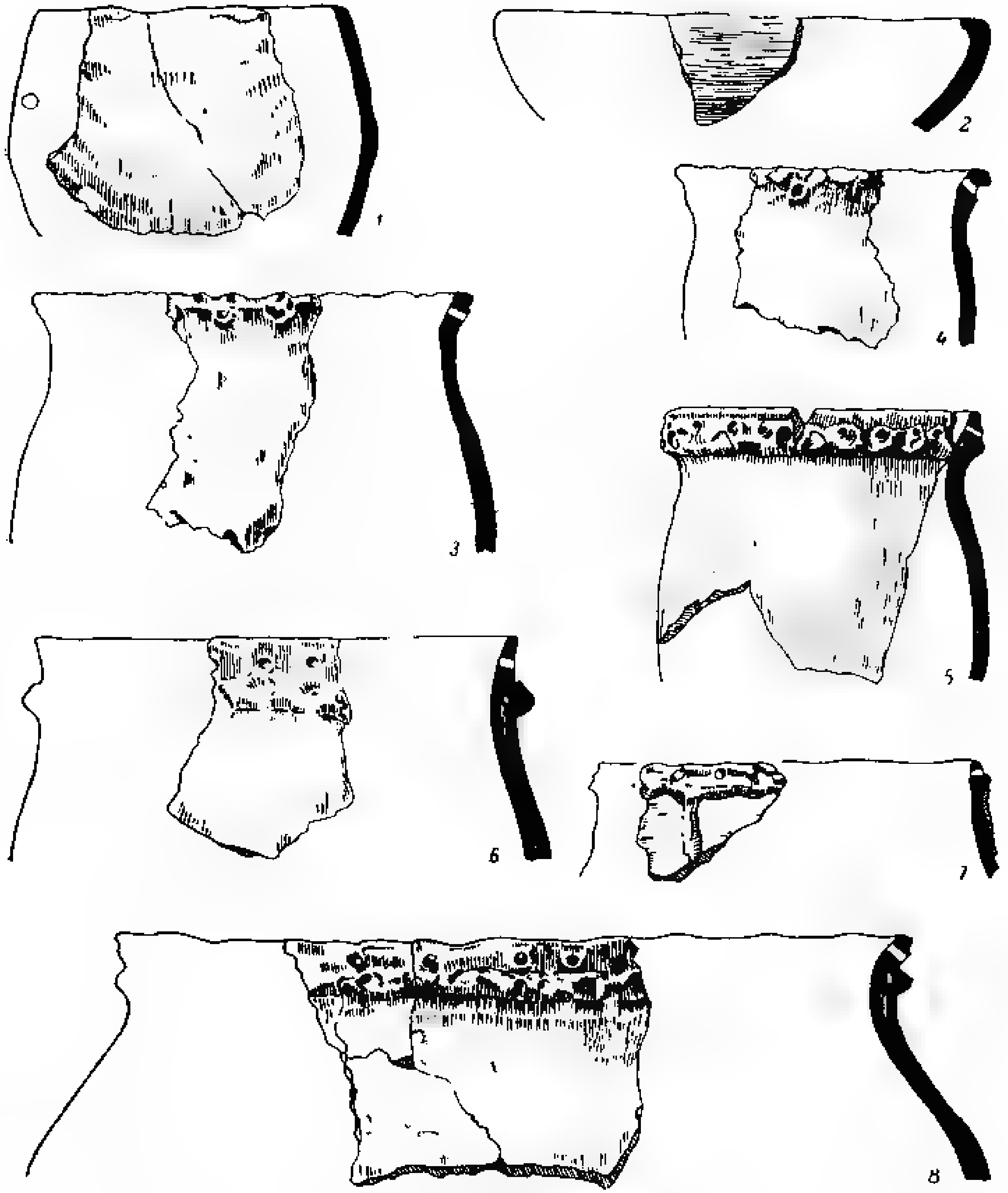


Рис. 5 Керамика культуры зольников ранней поры, VII—VI вв. до н. э. (По материалам поселения у хут. Пожарная Балка II)
1—8 — кухонная посуда

этими двумя группами что-либо такое, что говорило бы о их генетической связи. Следует при этом учесть, что сравниваются не комплексы, а специально подобранные отдельные сосуды из самых различных памятников, как территориально, так и по времени, причем хронологический диапазон их от IX–VIII до VI—IV вв. до н. э. Мы этой связи не нашли. Не вполне убеждена в этом и автор, проведшая эту работу. Так, подводя итоги изучения о происхождении керамики, В. А. Ильинская вынуждена была признать, что, исходя из срубной керамики, посульско-донецкую керамику объяснить трудно. «Отличительной чертой скифской керамики посульско-донецкого типа, — пишет она, — является сравнительно раннее исчезновение валиковых налепов в орнаментации горшков и широкое распространение сквозных проколов. Причины этого пока еще недостаточно ясны. Можно предположить, что орнамент в виде сквозных проколов распространился здесь в результате культурных взаимосвязей с племенами Правобережья и Ворсклы. (Разрядка наша, — *И. Л.*)».[52]

Небезынтересно спросить: где и когда произошли эти заимствования у поворсклинцев? Если это произошло за пределами Левобережья, то хотелось бы знать, какие памятники являются свидетельством этих «трансформаций», если же в пределах Левобережья, тогда как связать с этим положение, что культура посульско-донецкого населения появилась в области Левобережья в VI в. «в готовых, издавна сложившихся формах».

Мы считаем, что в поисках ответа на этот вопрос следует исходить не из орнамента в виде налепного валика и отверстий ниже края венчика и даже не из керамического комплекса, а из существа археологической культуры в целом — типа поселения, характера жилищно-хозяйственных сооружений, обряда захоронения и т. д. На самом деле, если утверждается, что посульско-донецкая группа памятников выступает в области Левобережья «в готовых, издавна сложившихся формах», скажите, где на юге (в лесостепи и степи) можно указать в предшествующий период — в VII–VI вв. — археологический комплекс, родственный Левобережному? Нигде, отвечаем мы, кроме. . . Левобережья, в юго-западном углу (в Поворсклье) и в лесостепном Правобережье среди памятников с культурой зольников.

Итак, изучение материалов приводит к выводу, что принятое в настоящее время членение археологических памятников скифского времени в области Левобережья на ряд локальных групп, отличающихся друг от друга по своему происхождению, не имеет оснований и является ошибкой. Суть этой ошибки состоит в том, что существующие между отдельными археологическими памятниками и группами памятников некоторые различия, в частности недостаточно широкое распространение чернолощеной керамики в Посулье и других районах по сравнению с Поворскльем, связанное с хронологическими различиями этих групп памятников, воспринимается как способ разграничения отдельных археологических культур этих районов Левобережья, обусловленное различным их происхождением.

Мы рассматриваем левобережную лесостепную культуру скифского времени как единую по своим истокам, охватывающую период от VII в. до III–II вв. до н. э., и разделяем ее во времени на два этапа — на ранний и поздний.

Говоря о единстве археологической культуры лесостепного Левобережья в скифское время, мы тем самым вовсе не утверждаем тождества отдельных памятников, а тем более памятников целых районов, а имеем в виду лишь общность их происхождения, историко-культурное единство народа, оставившего эту культуру. За пятивековый период существования культуры зольников в области Левобережья в отдельных районах, удаленных один от другого на сотни километров, в ней не только могли, но и должны были возникнуть некоторые различия, обусловленные прежде всего разобщенностью. Вместе с тем на облике культуры отдельных районов несомненно сказалось влияние культур обитателей смежных областей (на севере — деснинской, на юго-востоке — степной), а также культур местных (левобережных) племен поздней бронзы, памятники которых мы, к сожалению, все еще

исхождения культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра, стр. 25, 26.

[52] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра, стр. 26.

плохо представляем. Но все эти различия частные, различия в деталях, не только не противопоставляющие памятники одного района памятникам другого, а наоборот, еще резче подчеркивающие их общность. Появление культуры зольников в области Левобережья мы связываем с проникновением сюда носителей этой культуры из района Правобережья, где культура зольников известна с более ранней поры. Культура лесостепных племен существенно отличается от культуры степных, собственно скифских племен. Это разные культуры и по облику, и по происхождению.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ ЗОЛЬНИКОВ VII—VI вв. до н. э.

В настоящее время известно около десятка поселений с отложениями культуры зольников раннего типа. В их числе есть такие, где имеются отложения только ранней поры (Пожарная Балка II, Мачухи), но бо́льшая часть поселений содержит как ранние, так и поздние напластования. Территориально эти поселения занимают узкую полосу вдоль пограничной линии лесостепи и степи по течению р. Ворсклы, между с. Решетники и г. Ахтырка (рис. 2). Бо́льшая часть их стала известна в результате разведочных работ, проведенных в послевоенное время. Преимущественно это остатки неукрепленных поселений — селища. Известны остатки лишь одного укрепленного поселения — городище Бельское, на котором обнаружены следы культуры зольников ранней поры. Не исключено, однако, что и на Бельском поселении отложения раннего времени связаны в основном с тем периодом, когда поселение было еще неукрепленным. Об этом достаточно красноречиво говорят материалы раскопок, произведенных В. А. Городцовым в 1905 г.[53] Судя по этим данным, Бельское поселение существовало длительный период, причем на раннем этапе своей жизни оно оставалось неукрепленным и только позднее, по-видимому в VI в. до н. э., были сооружены валы и рвы. Об этом первом этапе жизни Бельского поселения лучше всего рассказывает находка под валом городища в черте с. Куземина целого зольника.[54] Касаясь взаимоотношения валов и зольников В. А. Городцов писал: «Заканчивая . . . обзор предметов, добытых в зольниках, мы можем сказать, что древность последних весьма значительна и соответствует не одному, а нескольким столетиям и что городища могут быть современны только концу образования зольников».[55]

Хотя места поселений культуры зольников раннего типа и не имеют искусственных укреплений, тем не менее внешний вид некоторых из них несколько необычен. Они выделяются хорошо выраженными наружными признаками в виде курганообразных насыпей, состоящих из зольных отложений и всевозможных культурных остатков — костей животных, обломков глиняной посуды, изделий из кости, камня, глины и т. п. Такие насыпи получили наименование зольников. Правда, эти наружные признаки выражены не везде в одинаковой степени. В одних случаях насыпи выступают достаточно рельефно, достигая 1.5–2 м высоты при диаметре до 30 м и более (Пожарная Балка II, Мачухи, Бельск),[56] в других они едва-едва заметны (Петровка, Стаси и др.).[57] Величина зольников, помимо всех прочих причин, в значительной мере зависит, очевидно, от степени их распаханности.

Для характеристики культуры зольников ранней поры мы располагаем незначительными данными. Они состоят из материалов, собранных при разведочных работах, а также при раскопках. Мы имеем в виду раскопки Бельского городища, проведенные в 1905 г. В. А. Городцовым,[58] раскопки селища у Таранцева Яра (близ с. Мачухи Полтавской области), проведенные М. Я. Рудинским

[53] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93–211.

[54] Там же, стр. 119, 120.

[55] Там же, стр. 158.

[56] М. Рудинський. Мачухська експедиция Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 53—79; И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVI, М.–Л., 1951, стр. 125–136; В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 93–101.

[57] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.–Л., 1947, стр. 122—132.

[58] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 93–161.

в 1946 г.,[59] и, наконец, раскопки селища близ Пожарной Балки (Полтавской области и района), проведенные нами в 1949 г.[60]

Общая характеристика раскопок на поселении у с. Мачухи и Бельского городища дана в отмеченных выше работах М. Я. Рудинского и В. А. Городцова. Описание раскопок у хут. Пожарная Балка дается ниже. Поэтому останавливаться на этой стороне вопроса мы не будем.

Наиболее богатый и интересный материал раннего этапа зольников происходит из Бельского городища. Но, к сожалению, он опубликован в нерасчлененном виде, совместно с другими, более поздними вещами, в силу чего не может служить исходным в определении облика культуры зольников раннего периода. В этом отношении материалы, найденные при исследовании двух других поселений «(Мачухи, Пожарная Балка II), несмотря на небольшой объем раскопочных работ, представляют бóльшую ценность. В раскопанных зольниках обоих поселений обнаружены отложения только раннего этапа культуры зольников, судя по всем данным, того периода, когда Поворсклье еще не имело широких связей с греческим миром, которые начинают выступать отчетливо на рубеже VI—V вв. до н. э.

Основываясь на этих данных, попытаемся выяснить характерные признаки культуры зольников ранней поры.

Основную массу культурных остатков, собранных при исследовании этих поселений, составляют обломки глиняной посуды и кости животных. Значительно меньшее место занимают различные изделия (целые и дефектные) из глины, кости, камня. Вещи из металла единичны. Сохранились некоторые элементы жилищно-хозяйственных построек и сооружений культового порядка.

Керамические остатки зольников ранней поры принадлежат исключительно лепным сосудам. Формы этих сосудов довольно многообразны: кухонные горшки, корчаги, миски, кружки, кубки, ковши и т. п. (рис. 3, 4). Однако все это многообразие легко сводится к трем-четырем группам, в основе которых лежит принцип назначения сосудов: 1) кухонная посуда, 2) столовая посуда, 3) посуда для хранения продуктов. Назначение сосудов определяло как их форму, так, по-видимому, и технику и технологию производства. Так, кухонные сосуды изготовлялись из грубой глины, часто с примесью дресвы, способствующей более быстрому и более сильному нагреву, столь необходимому при изготовлении пищи. Форма сосудов этой группы самая простая — горшкообразная (рис. 3, 3—5). Отдельные сосуды орнаментировались. Наиболее распространенными приемами орнаментации являются налепка валика ниже края венчика или на линии перехода плечиков в тулово (что реже) и сквозные отверстия по краю венчика. Валик и край венчика часто покрывались защипами. Обломки кухонной посуды составляют наибольший процент керамических остатков. И это естественно. Горшки находились под действием огня и разрушались быстрее, чем, например, столовая посуда.

Более высокими качествами отличается столовая посуда, которая предназначалась не только для принятия пищи, но, очевидно, и для украшения «стола». Это преимущественно черная лощеная посуда, изготовленная из хорошей, возможно отмученной, глины. Поверхность многих сосудов этой группы покрыта врезным геометрическим орнаментом, часто инкрустированным белой пастой. Разнообразны и формы сосудов. Сюда относятся миски с загнутым внутрь краем, кружки, кубки, ковши с высокими, «рогатыми» ручками, чарки, и, по-видимому, некоторые другие, пока еще не установленные формы. Сосуды эти по размерам, как правило, небольшие. Лишь отдельные экземпляры, судя по некоторым обломкам, были довольно крупной величины (рис. 4, 1—7).

Группа посуды для хранения продуктов довольно многочисленна. Сюда относятся все крупные горшкообразные сосуды, отличающиеся от кухонных горшков большими размерами и более высокой техникой обработки. Они изготовлялись из сравнительно чистой глины, некоторые из них имеют лощеную поверхность (рис. 4, 8—10). Цвет черный или темно-бурый. Характер орнаментации такой же, как у кухонных горш-

[59] М. Рудинський. Мачухська експедиція. , стр. 69—79.

[60] И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени..., стр. 125—130. В последние годы небольшие раскопки были произведены на поселении у с. Хухра (Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 95—105).

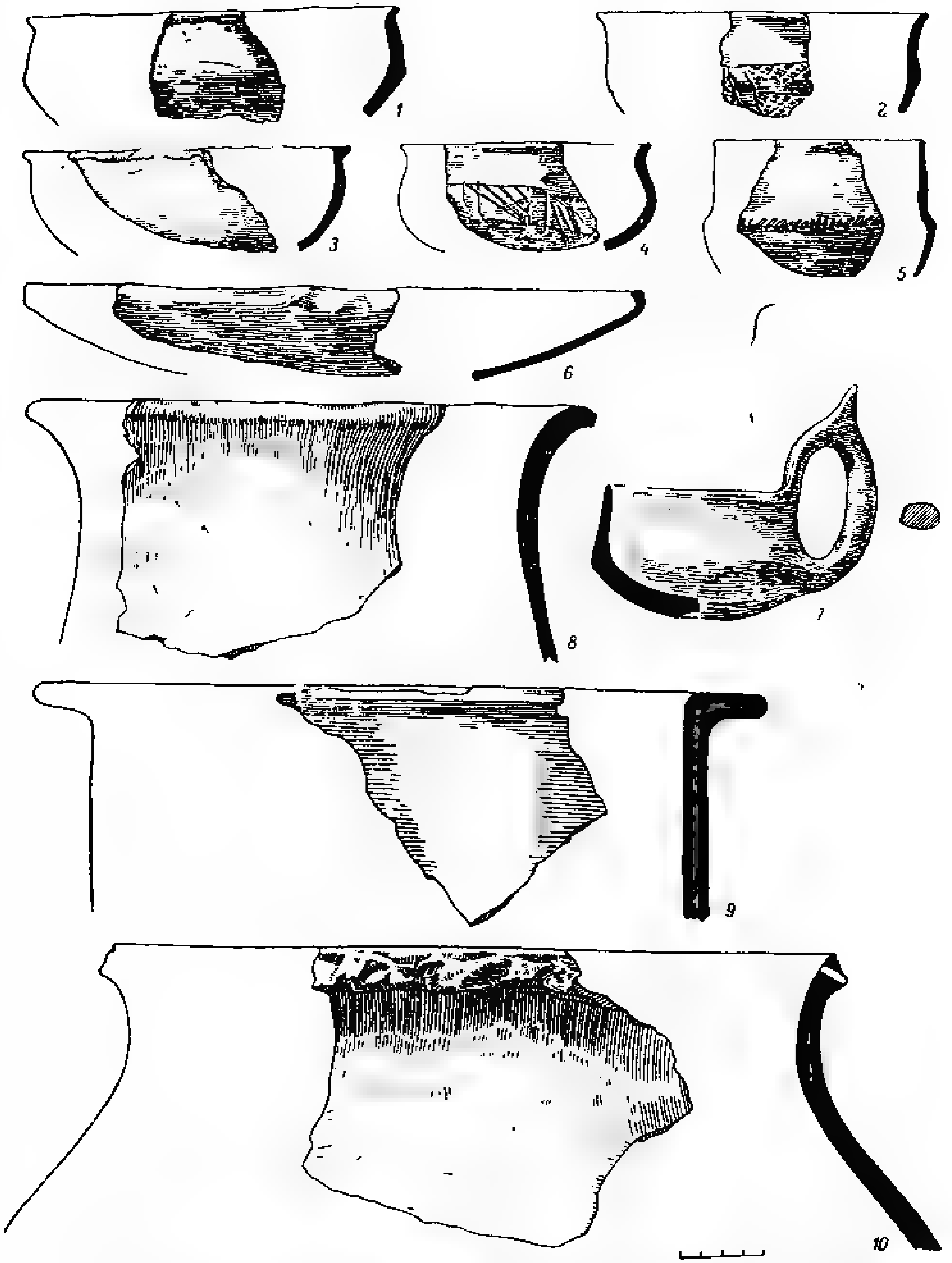


Рис. 4. Керамика культуры зольников ранней поры, VII—VI вв. до н. э. (По материалам поселения у хут. Пожарная Балка II)

1—7 — столовая посуда, 8—10 — посуда для хранения продуктов

ков, — налепной валик и сквозные отверстия по краю венчика. К этой же группе, повидимому, следует отнести различные кувшинообразные сосуды и сосуды с широким горизонтальным венчиком. К сожалению, формы их пока что не поддаются реконструкции.

Произведенная нами разбивка керамической посуды на три группы далеко не раскрывает всей полноты керамического комплекса. Нет никакого сомнения в том, что в жизни все это было значительно сложнее. Кухонные сосуды использовались для хранения продуктов и наоборот. Есть также такие сосуды, как, например, миски типа современных дуршлагов (рис. 61), место которых в этой классификации вообще определить трудно. И все же, при всех недочетах эта разбивка наиболее близка к истине.

На поселении у хут Пожарная Балка найдены четыре черепка греческих сосудов. Один из них является обломком сосуда родосско-милетского типа (VII—VI вв. до н. э.), остальные — стенки красноглиняных амфор. В каком отношении последние находятся к материалам данного поселения, сказать трудно. При раскопках зольника у с. Мачухи амфорные черепки найдены не были.[61] Не обнаружены они и в насыпи вала Бельского городища.[62] Не исключено, что и на поселении у Пожарной Балки они являются случайными, занесенными с соседнего поселения (зольников поздней поры), расположенного на расстоянии 400—500 м к востоку. На этом поселении обломки амфор обнаружены в большом числе.

Среди изделий из глины большое место принадлежит различным мелким поделкам: «пряслицам» всевозможных форм и размеров, «грузикам», «катушкам» или «шпулькам», «пуговицам» и некоторым другим, в большей части неясным по своему назначению изделиям (рис. 5). Все эти вещи изготовлены из чистой глины и хорошо обожжены. Поверхность многих из них лощеная, а иногда и орнаментирована. Наряду с вещами хозяйственного назначения из глины изготовлялись фигурки различных животных, назначение которых, как и многое другое, пока что остается не совсем ясным.

[61] М. Рудинський. Мачухська експедиція. . ., стр. 71.

[62] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 97.

В зольных отложениях найдены куски обожженной глиняной обмазки. Некоторые из них с отпечатками прутьев. По сравнению с поселениями более поздней поры количество их значительно меньше.

Относительно небольшое место среди культурных остатков составляют вещи, сделанные из кости. Это преимущественно всевозможные проколки — шилья, иглы и другие подобные острия. Затем идут так называемые тупики, детали конского снаряжения — псалии, накладки и т. п. Некоторые из этих изделий, например псалии, подвергались художественной обработке.

Среди изделий из камня большое место принадлежит так называемым пращевым камням шаровидной и близкой к ней формы. Диаметр их 5—7 см, но встречаются шаровидные камни и более крупных (до 15 см в диаметре) размеров. Изготовлены эти камни из песчаника, кварцита и им подобных твердых горных пород. Значительное место принадлежит также точильным камням. Форма их самая разнообразная. Одни из них обработаны в виде брусков, другие имеют естественную форму. В материалах Пожарной Балки имеется два обломка каменного (песчаник) блюда.

Металлические вещи немногочисленны. Из бронзовых изделий следует отметить наконечники стрел (двухлопастные с овальной головкой и шипом и трехлопастные с длинной втулкой) и булавки, а из железных — ножи, иглы и проколки (шилья?). Вообще изделия из металла среди остатков зольников ранней поры найдены пока в небольшом числе.

Для характеристики общего облика культуры зольников ранней поры существенное значение имеют костные остатки, позволяющие в какой-то мере восстановить состав стада. В отложениях культурного слоя поселений костные остатки количественно занимают одно из первых, если не первое место. С ними могут конкурировать лишь керамические остатки. Основная масса их, как и других остатков, сконцентрирована в зольниках. Изучение костных материалов показывает, что в хозяйстве населения этой поры ведущую роль играло домашнее стадо. В его составе в количественном отношении первое место занимала свинья, затем мелкий рогатый скот (коза и овца), бык и, наконец, лошадь. Такое соотношение наблюдается на поселениях у хут. Пожарная Балка и с. Мачухи.

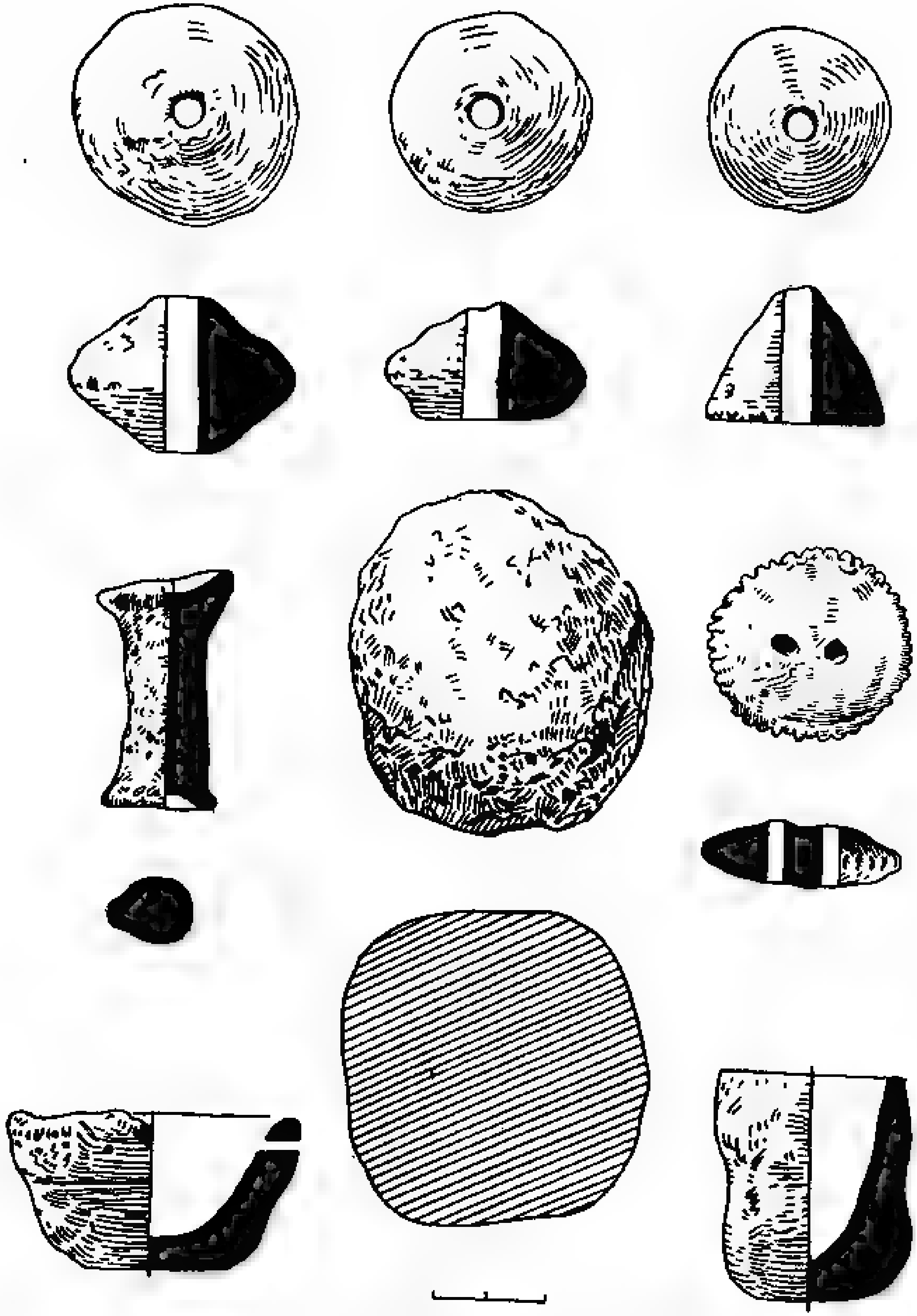


Рис. 5. Различные поделки из глины и камня. Культура зольников ранней поры, VII—VI вв. до н. э. (По материалам поселения у хут. Пожарная Балка II).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в культурных отложениях рыбьих остатков, столь характерных для последующих этапов жизни человека в области Левобережья. Здесь же следует отметить и еще одну любопытную деталь — наличие среди костных остатков зольников костей человека. Кости совершенно целые, без следов сожжения и признаков кухонных отбросов.

Весьма отрывочны материалы, характеризующие жилые и хозяйственные постройки этой поры.

Раскопки М. Я. Рудинского на поселении у с. Мачухи для освещения вопроса о жилищах не дали буквально ничего. Незначительные материалы получены и при раскопках на поселении у хут. Пожарная Балка. Здесь открыто 14 хозяйственных ям самых различных размеров, около двух десятков ям столбовых, развалины глинобитной печи и несколько открытых очагов. Подавляющая часть этих сооружений связана с участками, занятыми зольными отложениями. Причем их соотношение с зольными напластованиями самое различное. Некоторые ямы залегают под зольными отложениями, будучи вырыты в почвенно-материковом слое; другие, хотя и прорезают почвенно-материковый слой, но в верхней своей части залегают в зольных отложениях, до 0.30—0.40 м выше погребенной почвы. Особенно показательна в этом отношении яма, открытая при исследовании зольника № 2 (северного). Яма прорезала зольные отложения мощностью около 30 см, причем выброс глины из этой ямы перекрыл зольный слой. По своим формам и размерам хозяйственные ямы весьма разнообразны. Их глубина колеблется от 0.50 до 2.00 м и более, при диаметрах от 1.50 до 2.00 м. Форма их по большей части колоколовидная, но есть и цилиндрические и грушевидные. Последние по своим размерам самые большие. Все они оказались заполненными теми же отложениями, из которых сложены и зольники. В их составе большое количество культурных остатков — кости животных, обломки глиняной посуды, различные поделки из глины, кости и т. д.

В одной из таких ям на дне были обнаружены три группы костных остатков, каждая из которых представляет анатомически нечто целое.

При исследовании зольника № 1 (южного), в северо-западной поле его, на глубине 0.25—0 30 м (под первым штыком) были обнаружены развалины глинобитной печи. Исследование ее показало, что печь была сооружена на культурном слое, состоящем из зольных отложений мощностью 0.30—0 35 м.

Наряду с печью на площадке зольника, на разных его горизонтах, было выявлено много открытых очагов, резко отличающихся по характеру золисто-углистых остатков от окружающих зольных отложений.

Столбовые ямки обнаружены также в границах зольника, но соотношение их с зольными отложениями не выяснено. Почти все они выявились после снятия зольных отложений на горизонте погребенной почвы. Лишь при изучении стратиграфии бровки удалось установить, что устье одной из ямок начинается в зольном слое выше погребенной почвы на 20—25 см. Несмотря на наличие относительно большого числа всевозможных остатков жилищно-хозяйственных сооружений, вскрытых при исследовании поселения у хут Пожарная Балка, воссоздать картину жилищно-хозяйственного комплекса не представляется возможным. Более того, остается неясным даже характер жилища. Пока что можно считать установленным лишь одно, что жизнь обитателей была сосредоточена на тех участках поселения, где сконцентрированы зольные отложения.[63]

[63] Такой взгляд на зольники в настоящее время принят как будто всеми исследователями, в той или иной мере соприкасающимися с данной группой памятников (см.: Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, М., 1954, стр 112). Тем не менее этот вопрос в последнее время вновь поднят Е. И. Крупновым (Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 168—171), хотя автор и придерживается того же взгляда. Что же случилось? Оказывается, «существует мнение о зольниках как остатках каких-то культовых мест». Об этом Е. И. Крупнов судит «по докладу И. И. Ляпушкина на Пленуме ИИМК АН СССР в 1951 г.» (там же, стр. 169). Интересно бы узнать у Е. И. Крупнова, какими данными он пользовался в своих суждениях? Мы утверждаем, что данных для этого нет; здесь что ни слово — по меньшей мере недоразумение. Доклад о раскопках зольников на поселении у хут. Пожарная Балка нами был сделан на Пленуме ИИМК в 1950 г. (а не в 1951 г., как утверждает Е. И. Крупнов). Текст доклада напечатан в «КСИИМК» (вып. 54, М., 1951, стр. 125—130, этот номер посвящен итогам работы Пленума), где черным по белому написано: «Раскопки 1949 г. на поселении у хут. Пожарная Балка в какой-то мере отвечают и на вопрос о месте зольников в системе поселений зольничного типа. Сейчас, как нам кажется, не может быть уже никакого сомнения в том, что зольники есть не что иное, как культурные отложения на участках, где были расположены жилищно-хозяйственные сооружения, где протекала вся частная и общественная жизнь населения» (там же, стр. 130). Эту характеристику зольников можно найти и в тезисах нашего доклада, представленных Пленуму, а также в «Отчете о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1949 г.» (Архив ИА). Мы не думаем, чтобы Е. И. Крупнов не был знаком с указанными источниками. Естественно встает вопрос, для чего же все это сделано?

Кроме остатков жилищно-хозяйственных построек, на поселении у хут. Пожарная Балка обнаружены остатки культовых сооружений в виде жертвенника и площадки с наземными рельефными изображениями. Таким образом, участки, занятые зольниками, были не только местами сосредоточения домашней и хозяйственной жизни, но и культовыми местами, что вполне естественно, поскольку обычная жизнь тесно переплеталась с выполнением различных обрядов.

Остатки культовых сооружений на местах зольников были прослежены и для позднего периода этой культуры, о чем будет сказано ниже.

Анализируя данные из раскопок Бельского поселения, содержащего отложения ранней и поздней поры, в свете материалов поселений у хут. Пожарная Балка и с. Мачухи, мы видим, что среди материалов Бельского городища имеется большое число вещей, совершенно одинаковых с вещами с поселений у с. Мачухи и хут Пожарная Балка. Так, в числе керамических остатков здесь есть обломки кухонных горшков, орнаментированные по краю венчика или по плечикам налепным валиком и сквозными отверстиями под венчиком, черепки черных лощеных сосудов с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, ковши с высоко поднимающимися, так называемыми рогатыми ручками В. А. Городцов относит эти керамические типы к древнейшему периоду культуры зольников, не позже VI в.[64]

Полное сходство можно указать и для некоторых поделок из глины — «пряслиц», «грузиков», «пуговиц», «катушек» и т. п. Отдельные вещи настолько близки между собой, что их трудно различить.[65]

Некоторое сходство культурных остатков с поселений у хут Пожарная Балка и с. Мачухи, с одной стороны, и с Бельского поселения, с другой, прослеживается не только на керамических материалах, но и на ряде других элементов. Так, при исследовании одного из зольников Бельского городища В. А. Городцовым было отмечено наличие в золистом слое остатков глинобитной печи, стоявшей в землянке, причем как печь, так, очевидно, и землянка были сооружены, как отмечает исследователь, «когда материк покрылся культурным слоем городища на толщину 1 аршина».[66] К сожалению, не совсем ясное описание вскрытых сооружений и полное отсутствие графической документации землянки не дает возможности воссоздать полностью исследованный В. Городцовым комплекс.

Одно несомненно печь была сооружена, когда культурные отложения покрывали материк слоем до 0 70 м,[67] т. е в условиях, совершенно одинаковых с зафиксированными нами на поселении у хут. Пожарная Балка. Таким образом, выводы о месте зольников в системе ранних поселений скифского времени, сделанные на материалах поселения у хут. Пожарная Балка, в какой-то мере находят подтверждение и в материалах еще одного памятника — Бельского городища.

Небезынтересно сравнение костных остатков, собранных при исследовании зольников Бельского городища, с костными остатками поселений у с. Мачухи и хут Пожарная Балка. Правда, сравнение это не вполне закономерно, ибо в материалах Бельского городища отложилась жизнь более длительного периода (VII III вв.), чем на поселениях у с. Мачухи и хут. Пожарная Балка (VII -VI вв).

Как и на поселениях у с Мачухи и хут. Пожарная Балка, ведущая роль принадлежала домашним животным. В составе стада на первом месте стоит мелкий рогатый скот (овца и коза), затем идут свинья, бык, лошадь, собака, т е., по существу, мы наблюдаем здесь совершенно одинаковую картину. Найдены здесь и кости человека, причем все они целые, без каких-либо следов сожжения или признаков кухонных отбросов.[68]

[64] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 151—155.

[65] Там же, стр. 159

[66] Там же, стр 106, 151.

[67] Там же, стр. 106, 107, 151.

[68] Там же, стр. 151—153.

В связи с изучением материалов раннего этапа жизни Бельского поселения необходимо остановиться и еще на одном вопросе — типе поселений культуры зольников ранней поры. Некоторый свет на это проливает исследование В. А. Городцовым валов городища. В. А Городцовым был зарегистрирован под валом в районе с. Куземин зольник высотой около 1 м, при диаметре более 20 м. Этот факт позволяет утверждать, что укрепление (вал) возникло на месте, давно уже обжитом населением той же культуры.[69] При исследовании вала западного городища в составе насыпи вала В. А. Городцовым были найдены остатки культуры зольников, состоящие из костей животных и обломков керамики. По мнению исследователя, «вал в данном пункте насыпан уже после того, как человек здесь долго жил».[70] Таким образом, и здесь, как и в районе с. Куземин, укрепленное поселение возникает на месте ранее существовавшего неукрепленного.

Характеризуя культурные остатки, найденные в насыпи вала, В. А. Городцов подчеркивает, что в их числе совершенно отсутствуют обломки греческой посуды, так широко представленные в культурном слое городища.[71] Из этого следует, что остатки относятся к той поре, когда связи Поворсклья с греческим миром или еще совсем не имели места, или были настолько слабы, что не оставляли заметных следов. Судя по остаткам наиболее ранней греческой посуды, найденным на городище, это могло происходить никак не позже VI в. до н. э.

Основываясь на совокупности данных, можно предполагать, что поселения с зольниками раннего типа были неукрепленными и что валы Бельского городища сооружены хотя и на месте ранее существовавшего здесь неукрепленного поселка той же культуры, однако все же достаточно рано, где-то в пределах VI в. Небезынтересно отметить, что именно к этому периоду, когда связи с греческим миром едва-едва намечаются, относится прекращение жизни на поселении у хут. Пожарная Балка, да, по-видимому, и у с. Мачухи. Естественно возникает вопрос: не стоят ли эти явления — прекращение жизни в неукрепленных поселках Поворсклья и сооружение Бельского укрепления — в связи между собой?

Кроме трех рассмотренных выше поселений, в какой-то мере подвергнутых раскопкам, материалы, собранные Левобережной экспедицией при разведочных работах, дают основание отнести к этой группе остатки поселений у сел Петровка, Патлаевка и Каменка Полтавского района и области, у с. Стасн Диканьковского района Полтавской области,[72] поселение в г. Полтава на Красной (бывшей Соборной) площади,[73] поселение у хут. Бойковка, на левом берегу р. Ворсклы. Вместе с материалами поздней поры на них найдены и ранние.[74] Сюда же, по-видимому, следует включить и ряд неукрепленных поселений, открытых развед кой Института археологии по среднему течению р. Ворсклы (у сел Хухра, Бречков, Лихопоев и др.),[75] а также поселение у хут. Доляюк, на берегу р. Сухой Груни, исследованное В. А. Городцовым одновременно с изучением Бельского городища.[76]

Не все перечисленные поселения существовали на протяжении всего периода их жизни. Некоторые из них возникли, возможно, несколько позже, чем, например, поселения у с. Мачухи или хут. Пожарная Балка, но зато жизнь на них продолжалась и в более позднее время. Без специального исследования, однако, невозможно сказать, как долго существовало каждое из этих поселений и протекала ли жизнь на них непрерывно или с перерывами.

Все эти памятники являются древнейшими из известных в настоящее время в области Левобережья поселений эпохи железа с культурой зольников. Время существования этой группы, исходя из материалов поселений у хут. Пожарная Балка и с. Мачухи, следует определить VII—VI вв. до н. э. Точнее датировать пока нет возможности. Основанием такой датировки является в первую очередь керамический комплекс: черные лощеные сосуды биконической и

[69] Там же, стр. 119, 120.
[70] Там же, стр. 97—98.
[71] Там же.
[72] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа. . ., стр. 122—132.
[73] І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. І. Київ, 1949, стр. 58—75.
[74] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.
[75] Г. Т. Тищенко. Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 104, 105.
[76] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 144—146.

других форм с разнообразными выступами и гофрировкой, черные лощеные сосуды с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, в том числе ковши с так называемыми рогатыми ручками, кухонные горшки с налепным валиком под венчиком и ниже. Многие из этих форм аналогичны сосудам из наиболее ранних могил и поселений лесостепной полосы скифского времени,[77] а некоторые напоминают сосуды Чернолесского городища.[78] За раннюю дату этих поселений говорит обломок сосуда родосско-милетского типа, найденный на поселении Пожарная Балка, и полное отсутствие среди материалов античной амфорной керамики, получающей широкое распространение в этих районах, судя по ряду фактов, начиная с конца VI в. до н. э.[79]

Из других вещей, подтверждающих эту дату, следует указать бронзовые наконечники стрел архаических форм,[80] а также некоторые поделки из кости, например псалий с зооморфным изображением на конце.

Определяя территорию распространения памятников раннего типа (VII—VI вв.), мы исходим лишь из достоверно известных нам материалов. Между тем, судя по некоторым косвенным данным, элементы ранней культуры имеются на ряде памятников Харьковщины,[81] т. е. несколько восточнее и северо-восточнее очерченной нами территории. Полагаем, что публикация имеющихся в фондах научных учреждений материалов этого времени и дальнейшие полевые изыскания позволят создать более полное представление как об облике памятников этой поры, так и территории их распространения.

3. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ ЗОЛЬНИКОВ V—III вв. до н. э.

Поселения позднего этапа (V—III вв до н. э.) культуры зольников имеют более широкое распространение, чем поселения предшествующей поры. Они известны по всему Левобережью — от р. Северского Донца до нижнего течения левых притоков р. Днепра (Ворсклы, Псла, Сулы) и от р. Ворсклы до р. Сейма (рис. 2). Не исключено, однако, что отдельные поселения бассейна р. Сейма, особенно верхнего его течения и по правым притокам (в частности, по р. Свапе), хронологически существуют несколько дольше, чем на остальной территории.

По внешнему облику поселения поздней поры не представляют того единства, какое наблюдается для раннего этапа. Наряду с остатками неукрепленных поселений-селищ имеется большое число остатков самых разнообразных по планировке укрепленных поселков, известных под именем так называемых скифских городищ.

Селища поздней поры несколько отличны от ранних. Бо́льшая часть их не имеет тех ясно выраженных курганообразных насыпей-зольников, какие сохранились на местах поселений ранней поры, таких, как у хут. Пожарная Балка или с. Мачухи. Зольники поздних поселений лишь чуть-чуть всхолмлены (0.20—0.50 м), а чаще лежат в одной плоскости с окружающей поверхностью и отличаются от последней лишь своей более светлой окраской. Известно лишь одно селище, которое предположительно мы относим к поздней поре, где зольники имели ярко выраженный курганообразный вид. Это селище у с. Буды, исследованное В. Е. Даниилевичем.[82] К сожалению, В. Е. Даниилевич не понял, что представляет собой изучаемый им памятник и в силу этого не дал должного освещения добытым им материалам. Возможно, что в составе отложений наряду с поздними элементами имеются

[77] Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 55—65; М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской области. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 59—68.
[78] А. И. Тереножкин. Скифская Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951, стр. 117—124.
[79] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований. . ., стр. 153—158; Б. М. Граков. Скіфи, стр. 56.
[80] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. I, *1D*, *2H*; III, *1A*, *2P*.
[81] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Автореф. дисс., М., 1953, стр. 9, 10.
[82] В. Е. Даниилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 411—427; А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Пгр., 1918, стр. 141—143; И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 28—34.

и ранние, о чем косвенно свидетельствуют обломки сосудов черного цвета; по заявлению автора исследования, они ничем не отличаются от сосудов, натертых графитом, которые встречаются часто в скифских курганах».[83]

На местах этих зольников, как и зольников ранней поры, рассеяно большое количество всевозможных культурных остатков. Здесь много обломков керамики, костей животных, поделок из глины, а также кусков обожженной глины с отпечатками прутьев. Есть, однако, и такие поселения этого времени, где не удается проследить не только всхолмленности зольников, но и их особой окраски. Тем не менее принадлежность этих поселений к культуре зольников не вызывает сомнений. Об этом красноречиво говорит гнездовое размещение культурных остатков того же самого типа, что и на ясно выраженных зольниках. Исчезновение всхолмленности и окраски есть, по-видимому, не что иное, как результат длительной обработки земли под посевы. Зольники в плане имеют чаще всего округлую или овальную форму. Размеры их не везде одинаковы. Они колеблются в пределах от 10 до 25 м в поперечнике. Эти различия зависят, по-видимому, не столько от истинной величины зольников, сколько от степени распаханности. Более реальными являются расстояния между отдельными зольниками. Но и они непостоянны. Произведенные замеры от центров зольников показывают, что зольники отстоят один от другого в пределах от 25 до 50 м. На некоторых поселениях зольники размещены рядами (Гавронцы, Полянна, Пересечное), но обнаружены и такие (Островерховка), где зольники расположены по кругу. Довольно разнообразны и размеры поселений. Так, на поселении Гавронцы число зольников невелико (6—8) и занимают они площадь, равную 3000—3500 м², на поселении же у с. Пересечное насчитывается около 60 зольников на площади более 90 000 м².

Селища поздней поры размещены примерно в тех же топографических условиях, что и ранние, т. е. чаще всего на высоких плато правых коренных берегов рек, у вершин мокрых балок и оврагов близ лесных массивов. Значительно меньше их на надпойменных террасах и на левых низменных берегах. В южных районах (Поворсклье) известен ряд поселений, где жизнь протекала как в ранний, так и в поздний период.

В настоящее время мы знаем около 50 селищ культуры зольников поздней поры. Почти все они обнаружены в результате разведочных работ, преимущественно в послевоенные годы.[84] Бо́льшая часть их является самостоятельными поселениями, территориально стоящими вне связи с остатками укрепленных поселений (городищ). Наибольшее количество известных нам селищ находится в южной полосе лесостепи, преимущественно в Поворсклье, в районе, где еще так недавно не предполагали существования неукрепленных поселений и где на протяжении ряда последних лет велось сплошное обследование.[85] Есть они и в других районах в бассейне рр. Северского Донца, Псла, Сулы, но там мы знаем их меньше. Нет, однако, никакого сомнения, что по мере углубления разведочных работ в том или ином районе число их будет все более и более возрастать.

Попав в поле зрения археологов лишь в последние годы, памятники этой группы, вполне естественно, не могли быть подвергнуты серьезным исследованиям. Кроме упомянутых нами выше дореволюционных раскопок В. Е. Даниленича у с. Буды,[86] можно указать еще лишь на небольшие раскопки Б. А. Шрамко, произведенные им на двух селищах у сел Островерховка и Шмаровка,

[83] В. Е. Даниленич. Раскопка курганов. . ., стр. 415.

[84] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 123—140; И. И. Ляпушкин 1) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132; 2) Итоги полевых изысканий 1945 г. . ., стр. 17—43; 3) Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1948, стр. 27—37, 4) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.,—Л., 1949, стр. 385—395, І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306; Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242—250; Ф. Б. Копилов. Посульска експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—311. Б. А. Шрамко Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца КСИИМК, вып. 54, М., 1954, стр. 105—115.

[85] История СССР, чч. I—II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 227.

[86] В. Е. Даниленич. Раскопка курганов. . ., стр. 411—427.

близ Харькова.[87] Сами по себе материалы этих раскопок, конечно, далеко не достаточны для раскрытия облика культуры рассматриваемых памятников, тем более, что территориально они охватывают лишь один небольшой юго-восточный район, однако в сочетании с многочисленными данными разведок[88] они позволяют получить приближенное представление об их существе.

Как и на поселениях культуры зольников ранней поры, бо́льшая часть культурных остатков, собранных на селищах позднего времени, состоит из обломков глиняной лепной посуды.

Для позднего периода присущи те же три группы глиняной посуды: кухонной, столовой и для хранения продуктов (рис. 6). Остатки кухонной керамики представлены обломками горшкообразных сосудов (рис. 6, *9—14*). По форме, размерам и технике изготовления горшки близки кухонным сосудам раннего этапа. Бо́льшая часть горшков орнаментирована сквозными отверстиями ниже края венчика, покрытого пальцевыми защипами или насечками. От сосудов ранней поры они отличаются лишь тем, что в их орнаментации постепенно исчезает налепной валик, а нижняя часть горшка приобретает более резкую профилировку в виде рантика.

Более существенные отличия заметны в группе столовой посуды. Правда, типы сосудов остаются почти те же — это миски, кубки, чаши. Изменения происходят главным образом в технике изготовления и внешней отделке: ухудшается качество лощения, совершенно исчезает врезной геометрический орнамент, инкрустированный белой пастой. Судя по числу обломков, наиболее широкое распространение в группе столовой посуды занимают миски с загнутым внутрь краем (рис. 6, *1—5*).

Посуда для хранения продуктов сохраняет, по-видимому, те же формы. Как и ранее, наряду с обломками больших горшкообразных сосудов, имеются обломки разнообразных кувшинов, но формы последних по-прежнему остаются неустановленными (рис. 6, *6—8*). Среди остатков посуды для хранения продуктов много обломков амфор, сделанных из хорошей отмученной глины на гончарном круге (рис. 7). Цвет их красный, оранжево-красный, иногда с желтоватым оттенком. Амфоры — сосуды не местного производства, это импорт. На некоторых поселениях, в том числе и на поселениях у сел Буды и Островерховка, подвергавшихся раскопкам, найдены обломки от сосудов типа дуршлагов.

Большое место среди культурных остатков поселений поздней поры, как и в раннее время, занимают всевозможные поделки из глины. Это различные «пряслица», «грузики», фигурки животных и т. п. Формы их стали, пожалуй, даже разнообразнее (рис. 8). Так, наряду с коническими и биконическими «пряслицами» и «грузиками» широко распространены чечевицеобразные. Новыми для поселений ранней поры являются «конусы», или так называемые блоки. Форма их коническая, шаровидная, эллипсоидная и т. п. Многие из них имеют сквозные и несквозные отверстия по вертикальной или горизонтальной оси. На неукрепленных поселениях поздней поры пока совершенно не найдены «пуговицы» и «шпульки» (катушки), широко представленные в материалах ранних поселений.

При раскопках поселений у сел Островерховка и Шмаровка обнаружены остатки наземных построек, по-видимому жилищ. На поселении у с. Шмаровка жилище в плане прямоугольное, пол глиняный. За пределами постройки — очаг. В основании жилища на поселении у с. Островерховка небольшое, до 65 см, углубление. План его не совсем отчетлив. В жилище (в западной части) прослежена очажная яма. Второй очаг расположен за пределами жилища.

Культурный слой поселений поздней поры содержит много глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Куски обмазки довольно прочны, как будто обожжены. При раскопках селища у с. Островерховка они найдены в разных местах, вне связи с какими-либо объектами.

[87] Б. А. Шрамко. 1) Новые поселения и жилища скифского времени. . ., стр. 105—115; 2) Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 101—103; 3) Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівка. АП, т. VI, Київ, 1956, стр. 56—65.

[88] И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1940 г. Архив ИА, 2) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 3) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

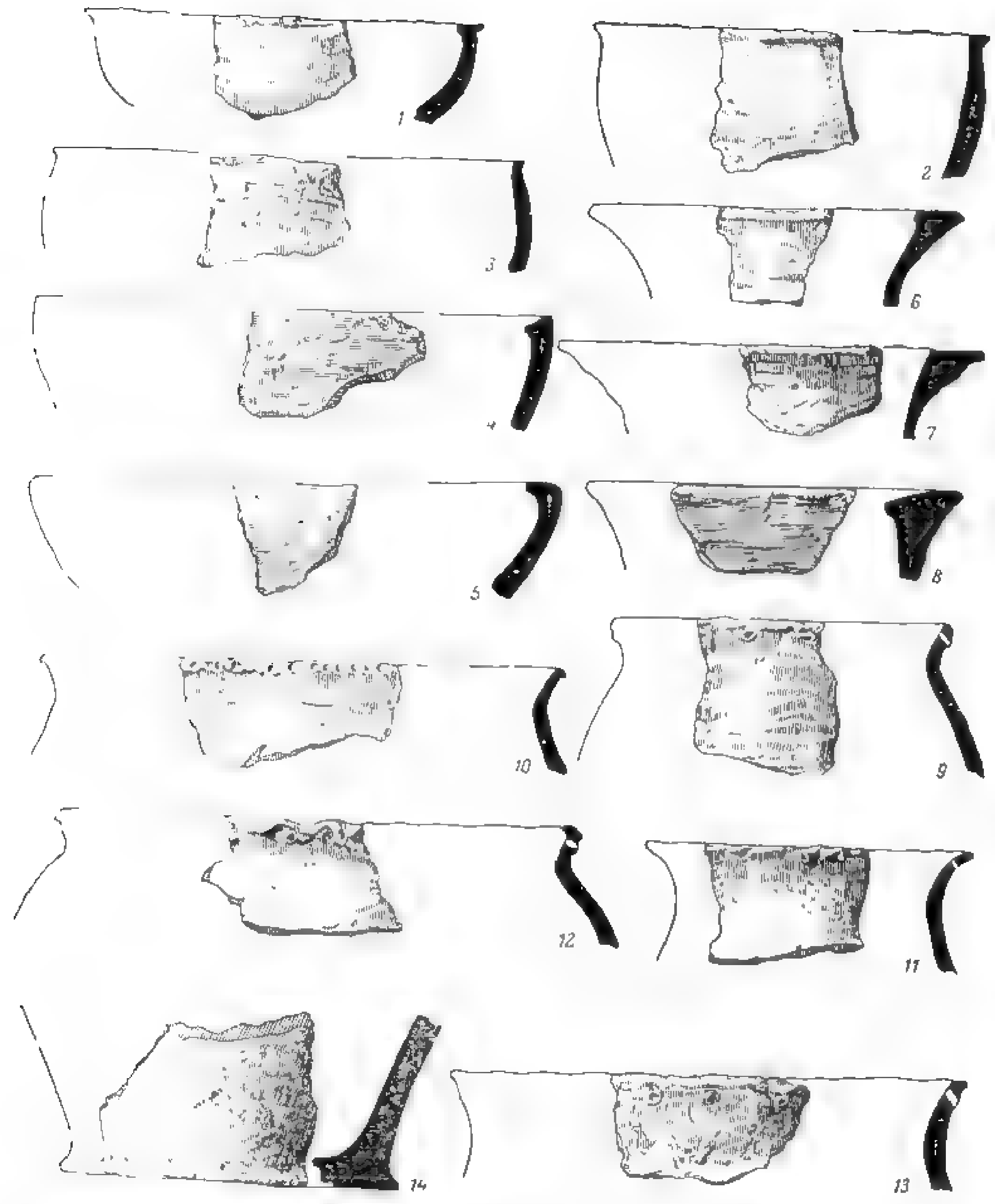


Рис. 6. Керамический комплекс культуры зольников поздней поры, V—III вв. до н. э. (По материалам поселения у с. Пересечное).

1—5 — столовая посуда; 6—8 — посуда для хранения продуктов; 9—14 — кухонная посуда.

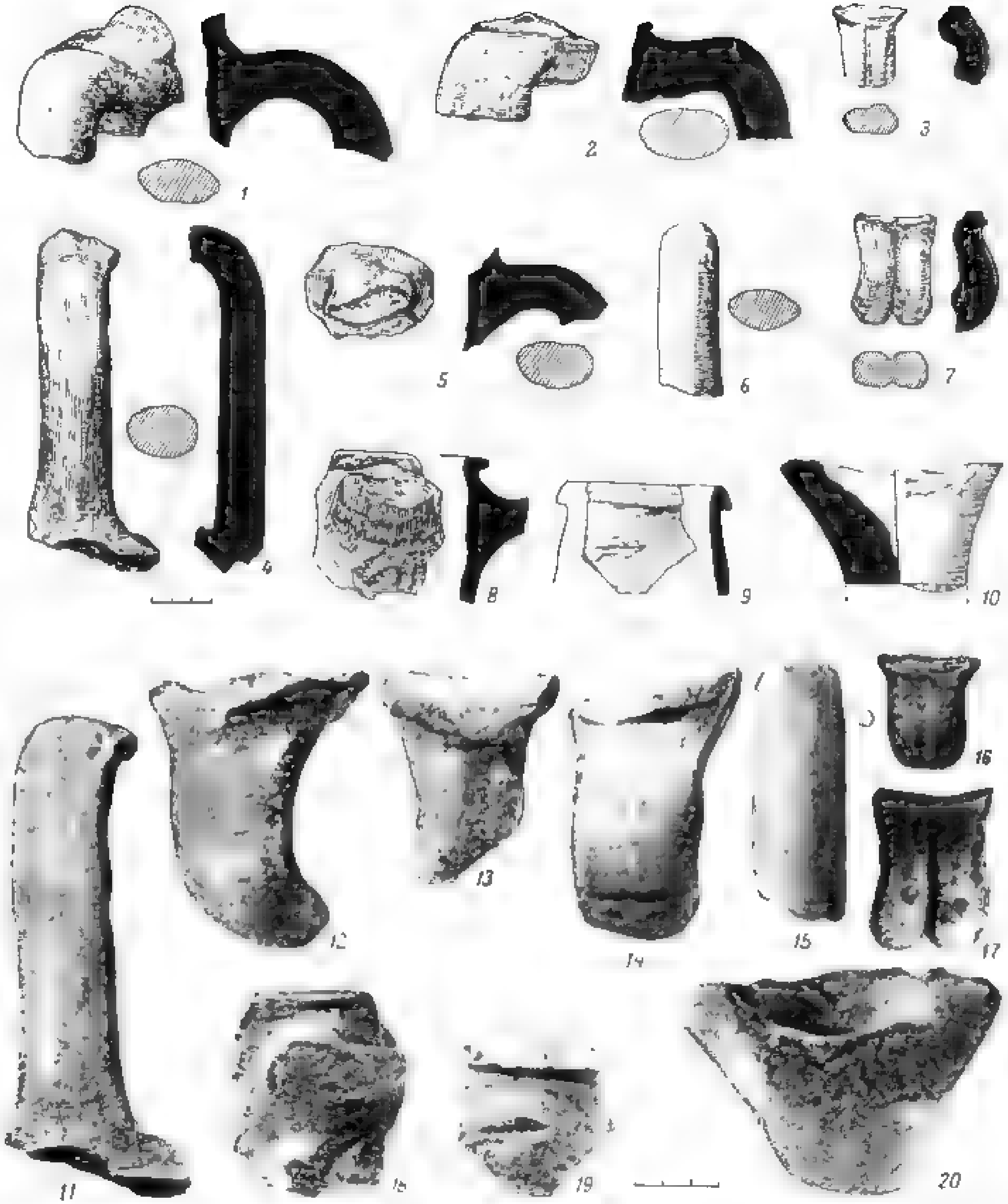


Рис. 7. Обломки амфор с поселений культуры зольников поздней поры, V—III вв. до н. э.

1, 6, 12, 15 — Пожарная Балка; 2, 4, 5, 7, 9, 11, 13, 14, 17, 19 — Басовка; 3, 16 — Сабынино; 8, 18 — Бледачи; 10, 20 — Пересечное

Кости животных составляют вторую большую группу культурных остатков. Это кухонные отбросы. Бо́льшая часть их принадлежит домашним животным: по материалам поселения у с. Островерховка 44% принадлежит крупному рогатому скоту, около 20% — лошади, 11% — свинье, около 5% — овце, остальные — диким животным.

На поселении у с. Буды в зольниках найдены кости человека. По утверждению автора раскопок, человеческие кости «обуглены или совершенно пережжены».

Изделия из металла с селищ поздней поры известны лишь из раскопок у с. Островерховка. Это железный топор, обломок железного серпа, железный псалий, бронзовый наконечник стрелы, бронзовое зеркало с отломанной ручкой. Там же найдены куски железного шлака, слиток бронзы, льячка и обломок тигля. Немногочисленны также и изделия из камня — это зернотерки, пращевые камни, точильные бруски.

Сравнивая вещественный комплекс поселений-селищ культуры зольников поздней поры с комплексом поселений ранней поры, следует признать, что он значительно беднее, однако не является чем-то новым по сравнению с ранним. В нем наблюдаются все наиболее характерные черты, как в керамике, так и в поделках из глины, свойственные ранней поре. Но в то же время он и отличен. В нем нет многих черт, присущих отдельным группам сосудов раннего периода, нет некоторых типов сосудов, а также некоторых поделок из глины.

На особенность керамики поздней поры было обращено внимание в первый же год работы Днепровской Левобережной экспедиции в бассейне среднего течения р. Ворсклы. Рассматривая кухонные сосуды, мы писали тогда: «Характерно, что на некоторых поселениях, несмотря на громадное количество керамики этой группы, фрагменты с налепным валиком совсем не встречены. Объясняется ли это хронологическим различием или чем-либо иным, сказать пока невозможно».[89] Так же ставился нами вопрос и о черной лощеной керамике с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой.[90] Только работы последующих лет, в частности разведочные изыскания в бассейне р. Коломака, позволили установить, что керамические особенности различных поселений на одной и той же территории (Поворсклье) есть особенности хронологического порядка.[91] Большую роль в решении этой задачи сыграли обломки амфор, найденные на многих поселениях скифского времени в сочетании с определенными керамическими группами. Они позволили определить хронологию этой керамики, а тем самым и поселений в целом.

В дальнейшем эти выводы были подтверждены материалами из раскопок поселения у с. Мачухи, произведенных М. Я. Рудинским в 1946 г.,[92] и наших раскопок 1949 г. на поселении у хут. Пожарная Балка.[93]

Перейдем теперь к характеристике остатков второй группы поселений поздней поры — городищ. Территориально они размещены в тех же границах, что и селища (рис. 2). Больше всего их сконцентрировано в юго-восточном углу Левобережья, в бассейнах верхнего течения рр. Псла, Северского Донца, Ворсклы и по р. Сейму. Некоторые городища этой группы были известны исследователям уже давно. Их внушительные оборонительные сооружения в виде валов и рвов не раз привлекали к себе внимание археологов уже с начала XIX в.,[94] однако культурно-хронологический облик многих поселений этой группы до последних дней оставался неясным. Принадлежность их к скифскому периоду была определена лишь в советское время, при разведочных работах, проведенных сотрудниками харьковских научных учреждений в конце 20-х — начале 30-х годов в границах Харьковской области,[95] а также Днепровской левобережной археологической эк-

---

[89] И. И. Ляпушкин. Археологические па-[redacted]., стр. 124.

[90] Там же, стр. 127.

[91] И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы, стр. 27—37.

[92] М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 53—79.

[93] И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951, стр. 125—130.

[94] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сборн., т. III, кн. 2, М., 1839, стр. 201—229.

[95] М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 91—112.

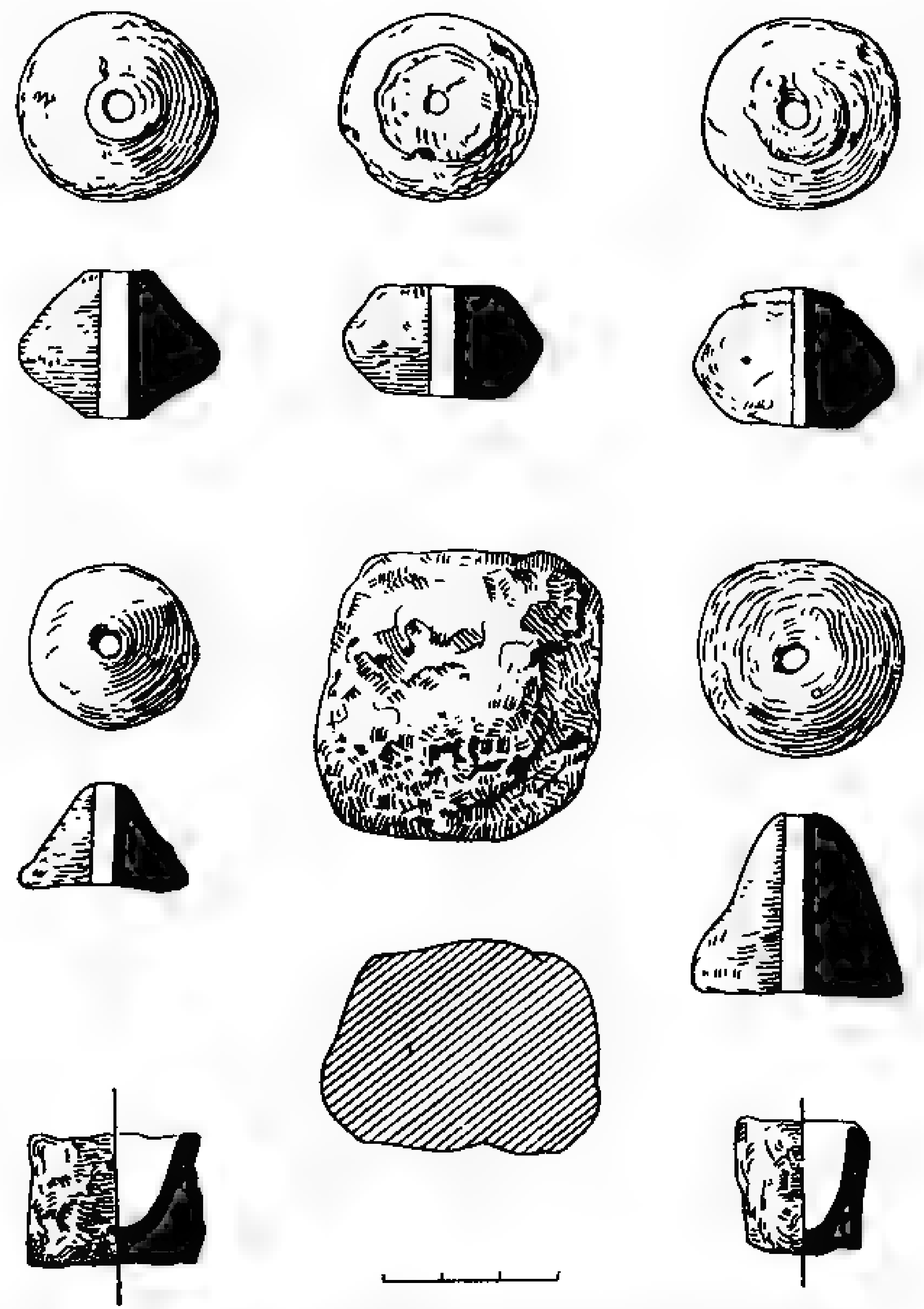


Рис. 8. Различные поделки из глины и камня. Культура зольников поздней поры, V—III вв. до н. э. (По материалам поселения у с. Пересечное).

экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР [96] и Посульской археологической экспедицией Института археологии АН УССР, работавшей в бассейне среднего течения р. Сулы.[97]

По размерам и по характеру оборонительных сооружений городища довольно разнообразны. Размеры их колеблются от 1 до 50 га (10 000—500 000 м²). Протяженность линий оборонительных сооружений колеблется в пределах от 50 до 3500 м, при высоте валов до 10 м и глубине рвов до 3—4 м.

Топографически городища расположены, как правило, на плато коренных берегов рек у оврагов и балок или небольших речек, в окружении лесных массивов или просто в лесу, т. е. в тех же условиях, что и неукрепленные поселения этой поры.

По характеру оборонительных сооружений городища распадаются на два типа, каждый из которых в свою очередь может быть подразделен еще на более мелкие группы. Особенности первого состоят в том, что площадь городищ полностью обрамлена валом. Городища второго типа имеют искусственные оборонительные сооружения в виде валов и рвов лишь с напольной стороны, со стороны же оврагов и балок они ограничиваются естественной защитой — малодоступными высокими, крутыми склонами берегов рек, оврагов и балок.

Наибольшее число городищ первого типа размещено в юго-восточном углу Левобережья, в пределах Харьковской области. Городища второго типа сконцентрированы в средней полосе лесостепи, по верхнему течению р. Ворсклы, по верхнему и среднему течению рр. Псла и Сулы и по р. Сейму. Но городища первого типа есть и в средней полосе (Клепачи, Хитцы, Большие Будки), равно как и городища второго типа имеются на юго-востоке (Водяное, Меловая, Хорошево). Трудно сейчас сказать, чем обусловлены такие различия в оборонительных сооружениях. Возможно, что в какой-то мере это было связано с географическими условиями, но не исключено, что мы имеем здесь дело с различиями хронологического порядка в рамках существования культуры зольников позднего времени. Дать ответы на эти вопросы можно будет лишь после тщательного изучения наиболее ярких памятников этих двух типов. Но уже и сейчас есть некоторые основания утверждать, что для района Посемья эти различия временного порядка.

Прочие различия в облике городищ наиболее ярко выступают по линии их внутренней планировки. В данном отношении городища могут быть подразделены на две группы — простые и сложные. Эти особенности свойственны как первому, так и второму типу. Первая группа характеризуется целостностью огороженной площадки городища, вторая — ее расчлененностью. На городищах первого типа усложнение (расчлененность) появляется в результате пристройки к основной части укрепления дополнительных валов извне (например, городища у сел Сосонка, Каменское и др.), на городищах второго типа — путем сооружения внутри укрепления дополнительных валов, отгораживающих наименее доступную часть площадки городища — детинец (Басовка, Водяное).

В литературе давно уже укоренились за отдельными частями укреплений свои названия — собственно городища и предгородья. На городищах первого типа вокруг центрального укрепления иногда имеется по нескольку предгородий (Сосонка, Каменка). На городищах второго типа — картина обратного порядка, иногда предгородье прикрывает собой не одно, а несколько центральных укреплений (Басовка, Гочево). Последние факты нуждаются, однако, в проверке. Мы не убеждены, что во всех наблюдаемых случаях центральные укрепления (детинцы) возведены вместе с остальными частями, так как все известные нам памятники этой группы были обитаемы не только в скифское время, но и в более поздний период (раннеславянский), и дополнительные валы могли быть неодновременны большому укреплению.

Городища культуры зольников известны археологам несколько лучше, чем селища, но и они исследовались сравнительно мало. Кроме упоминаемого выше Бельского городища,[98] памятника сложного, содержащего отложения как ранней, так и поздней поры,

[96] І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр., стр. 285—306.

[97] В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 139—148.

[98] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161

известны следующие поселения, где производились небольшие раскопки: у с. Басовка,[99] г. Ромны (Монастырище),[100] сел Гочево,[101] Старые Гончары (Ширяево),[102] Большая Даниловка,[103] хут. Караван,[104] с. Кнышевка,[105] дер. Шуклинка.[106] Первые три поселения и последнее в культурно-хронологическом отношении довольно сложные. Помимо отложений культуры зольников, на них имеются слои славянской культуры. Как памятники славянской культуры они и исследовались в первую очередь. Что касается отложений скифского времени, то они или не были совершенно замечены, или были приняты за более поздние (начала нашей эры).[107] Только на поселении у с. Басовка в последние годы В. А. Ильинской был подвергнут изучению слой скифского времени.[108] На поселениях у сел Старые Гончары (Ширяево), Большая Даниловка, хут. Караван и с. Кнышевка обнаружены отложения лишь скифского времени. Таким образом, для характеристики культурно-хронологического облика городищ культуры зольников поздней поры мы располагаем не только данными разведок, но и раскопок, правда, в большей части также разведочного характера. Эти данные позволяют сделать вывод, что городища лишь по внешнему облику (наличию остатков укреплений — валов и рвов) отличаются от селищ, во всем же остальном они одинаковы с последними. Это родство укрепленных и неукрепленных поселений прослеживается во всем, начиная с характера залегания культурных отложений. Так, при разведочных работах нам приходилось неоднократно наблюдать, что культурные остатки на площадках городищ размещены гнездами (Большая Гомольша, Кнышевка, Ворожба, Картамышево, Клепачи и др.), причем в ряде случаев ясно выступает и иная, по сравнению с окружением, зольная окраска этих гнезд (Кнышевка, Большая Гомольша). Такие факты наблюдались и другими исследователями. М. Фукс отмечает наличие зольников на городище у с. Полковая Никитовка, а также на селище, прилегающем непосредственно к городищу у хут. Караван. При раскопках на городищах у с. Кнышевка и хут. Караван исследователями установлено наличие на них зольных всхолмлений, т. е. настоящих зольников.[109] Но, как и на селищах, ясно выраженный характер зольников прослеживается не на всех городищах. В одних случаях они подверглись сильной распашке, в других смыты, в третьих задернованы. Явление последнего порядка наиболее распространенное, так как многие городища этой поры поросли лесом или кустарником (Грашковское, Борисовское, Долгий Колодезь, Сосонка, Каменское, Барановское, Яковлевское и др.).

Среди культурных остатков, собранных при обследовании городищ и их раскопках, самое большое место занимают остатки керамической посуды. По общему облику они ничем не отличаются от керамики с селищ. Только на городищах Посемья прослеживаются некоторые особенности в деталях керамических изделий. Но на них мы остановимся ниже. Материалы городищ позволили восстановить формы некоторых узкогорлых кувшинообразных сосудов для хранения продуктов, известных по материалам селищ лишь в обломках, и тем самым расширили наши представления о формах сосудов этой культуры. Так, на Кнышевском городище найден кувшинообразный сосуд с высоким цилиндрическим горлом и выпуклым корпусом. Высота его более 30 см, наи-

[99] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 77—86.

[100] Там же, стр. 55—68; М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 3—23.

[101] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1(6), 319—337.

[102] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 109—122.

[103] Б. А. Шрамко. Курган и городище у с. Циркуны. КСИИМК, вып. 63, М., 1956, стр. 103—108.

[104] Б. А. Шрамко. 1) Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 60, 61; 2) Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 178—198.

[105] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, М., 1957, стр. 232—249.

[106] Т. Н. Никольская. Шуклинское городище. КСИИМК, вып. 72, М., 1958, стр. 66—77.

[107] М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 3—23; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 319—337.

[108] В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 34—42.

[109] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени. . ., стр. 243 и сл.; Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа. . ., стр. 178—198.

большой диаметр 29 см, диаметр дна около 10 см, диаметр горла около 10 см, диаметр устья 15 см.[110]

Среди культурных остатков городищ имеется большое число и различных поделок из глины. Это «пряслица», «грузики» и т. п. Их облик совершенно одинаков с подобными поделками, найденными на селищах. На одном из городищ (у хут. Караван) обнаружена так называемая пуговица того же типа, что и на поселениях культуры зольников ранней поры.[111] На селищах поздней поры, как отмечено выше, «пуговиц» не найдено.

В отложениях культурного слоя на городищах, как и на селищах, имеется глиняная обмазка с отпечатками прутьев. Особенно много ее на городищах Посемья, причем иногда она прослеживается в виде больших скоплений (Горки, Старые Гончары).

Большим числом остатков среди находок на городищах представлены кости животных. Судя по материалам раскопок на Басовском и Старом Гончарском городищах, среди костных остатков преобладают кости домашних животных, а среди них на первом месте стоит свинья — более 25%, затем бык — около 20%, мелкий рогатый скот 17—18%, лошадь — около 10—15%.

Металлические изделия с городищ, как и с селищ, известны преимущественно по раскопкам, да и их немного. Ничего нового (в смысле набора и техники изготовления) по сравнению с вещами селищ почти нет. Это или бытовые вещи (ножи), или орудия производства (серпы, шилья), или украшения (булавки, бусы, пряжки) или, наконец, оружие (наконечники стрел, пластинки от панциря). Из единичных вещей следует отметить бронзовую бляшку крестовидной формы с двумя геральдически поставленными орлиными головками сверху, найденную на Басовском городище.

При раскопках городища у хут. Караван были обнаружены остатки наземной постройки, слегка (до 30 см) углубленной в землю. Отсутствие отчетливо выраженных следов очага в помещении не позволило исследователю (Б. А. Шрамко) принять их за жилище. «Возможно, — пишет он, — весь этот комплекс относится к остаткам хозяйственного помещения или к остаткам летнего жилища, в котором огонь разводили сравнительно редко».[112] Кроме сооружений хозяйственно-бытового назначения на городище открыто культовое сооружение в виде «жертвенника с зольником».

Таким образом, рассмотрение материалов с городищ позволяет утверждать, что бо́льшая часть их, за исключением некоторых материалов с городищ Посемья, не отличается от материалов, собранных на селищах. Это дает основание отнести их к той же археологической культуре зольников поздней поры, что и материалы селищ.

Поздний период культуры зольников следует датировать, по-видимому, V—III вв. до н. э. Основой этой датировки является в первую очередь массовый археологический материал — керамика. Она представляет собой довольно устойчивый комплекс, несколько отличный от комплекса предшествующей поры (VII—VI вв.), но в то же время имеющий с ним, как показано выше, и много общего. Абсолютная дата его хорошо обосновывается греческой посудой, главным образом амфорами, встречающимися на многих поселениях этой группы, как на городищах, так и на селищах (рис. 7).[113]

Нет сомнения, что предложенная нами датировка V—III вв. вовсе не характеризует времени существования каждого поселения в отдельности, а должна рассматриваться лишь в качестве границы существования всей группы в целом, где одни поселения возникли ранее, другие позже, равно как и заканчивали свою жизнь.

Не исключена вместе в тем и возможность, что среди поселений, отнесенных нами к этой группе, окажутся и такие, время существования которых выходит за данные хронологические рамки. На поселениях южной полосы (в бассейнах рр. Ворсклы, Псла, Сулы и Северского Донца) могут обнаружиться слои более древние, связанные с ранним этапом культуры зольников (например, городища у хут. Караван, с. Басовка), а на поселениях северной полосы (бассейн р. Сейма) — более поздние (например, городище Шуклинка). Однако все это ни в какой мере не

[110] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени. . ., стр. 245, 246.

[111] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа. . . стр. 178—198.

[112] Там же, стр. 183.

[113] При датировке амфорной керамики мы консультировались с М. И. Максимовой, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви и И. В. Брашинским, за что выражаем им глубокую благодарность.

нарушает нашего общего положения, отмечающего своеобразие материальной культуры этих двух больших этапов в жизни населения Левобережья в скифское время.

Несколько подробнее следует остановиться на памятниках бассейна р. Сейма. Бо́льшая часть их, как и многие другие поселения этого района, относящиеся к другим культурно-хронологическим группам памятников, была известна исследователям уже давно. Одни из них были обследованы еще в 70-х годах прошлого столетия Д. Я. Самоквасовым — у с. Городище на р. Рати, у сел Старые Гончары, Горки, Воргол, и с. Линово,[114] другие несколько позже в конце XIX - начале XX в. — у с. Хохловка,[115] и г. Рыльск.[116] Однако культурно-хронологический облик их до последнего времени оставался далеко не выясненным. В частности, на городищах совершенно не было известно отложений скифского времени (культуры зольников). Впервые это было подмечено лишь в конце 20-х годов нашего столетия Л. Н. Соловьевым при исследовании городища у дер. Шуклинка и берегов рр. Сейма и Тускаря близ г. Курск, где им отмечено около десятка пунктов с керамикой зольничного типа.[117] При обследовании бассейна р. Сейма Левобережной экспедицией в 1947 г. было выявлено 15 поселений-городищ, содержащих отложения культуры зольников.

Городища этой группы территориально расположены в лесостепной полосе, на границе с лесом, в замкнутых границах бассейна среднего и нижнего течения р. Сейма, в условиях однообразного рельефа. Самое западное городище этой культуры находится на левом берегу р. Десны, при впадении р. Сейма, у с. Шабалинов. На востоке в бассейне р. Сейма последним пунктом, содержащим отложения культуры зольников, является городище на правом берегу нижнего течения р. Рати, правого притока р. Сейма, у дер. Городище Беседииского района Курской области. Ратское городище самое восточное лишь в бассейне р. Сейма, однако не самое восточное вообще. Сейчас не вызывает уже никакого сомнения то, что к группе поселений культуры зольников относятся нижние слои Большого Борщевского городища, исследованного в конце 20-х — начале 30-х годов П. П. Ефименко,[118] и Архангельского (Голышовского) городища, исследованного А. Н. Москаленко.[119] Их, по-видимому, и следует считать восточной границей этой группы поселений культуры зольников.

Если восточная и западная границы распространения этих поселений в бассейне р. Сейма могут считаться прослеженными, то этого нельзя еще сказать о севере. Судя по материалам, собранным нами в бассейне р. Клевени, а также по материалам, собранным другими исследователями в бассейне р. Сейма, есть основания полагать, что поселения культуры зольников по правым притокам р. Сейма, следуя строго параллельно поднимающейся здесь к северу границы лесостепи и леса, заходят высоко на север, почти до водораздела с р. Окой, а может быть, и на верховья р. Оки, поселения которой нам плохо известны. Мы имеем в виду городища у сел Михайловка-Лыговская и Слижи, обследованные в 1927—1928 гг. И. И. Булавинцевым.[120]

В свое время[121] характеристике поселений культуры зольников бассейна р. Сейма мы посвятили специальную работу, где отметили некоторые особенности как общего облика этих поселений, так и керамического комплекса, высказав предположение, что

[114] Д. Я. Самоквасов. Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 225—235.

[115] П. М. Еременко. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. 1, М., 1908, стр. 97—105.

[116] А. Н. Александров. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. Древности, Труды МАО, т. XXIII, вып. 2, М., 1914, стр. 308—328.

[117] Л. Н. Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 12—33.

[118] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, М.—Л., 1948, стр. 44, 45.

[119] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, М., 1956, стр. 84—94.

[120] Архив ИА, д. 154/1929 г., см. также Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, М., 1959, стр. 87—89.

[121] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

жизнь на этих поселениях продолжается, по-видимому, несколько дольше, чем в южной полосе. Исследования последних лет уточняют наши представления. Так, при раскопках городища у с. Старые Гончары, по утверждению А. А. Ильинской, найдены вещи рубежа VI—V вв. Этим временем она пытается датировать возникновение данного поселения. Время возникновения поселений культуры зольников Посемья мы датировали не ранее IV в. Трудно сейчас спорить, кто прав, тем более, что поселение у с. Старые Гончары наряду с отложениями зольничного типа содержит отложения и иной культуры, более ранней поры. Что касается массового материала зольничного типа, то, судя по аналогичным материалам, он не старше IV в.[122] Вместе с тем не исключено, что отдельные поселения культуры зольников и в Посемье появились ранее IV в. Главное, однако, здесь не в этом, а в том, что в данном районе засвидетельствованы отложения культуры зольников более поздней поры, чем на юге. Мы имеем в виду городище у дер. Шуклинка, где в нижнем слое, содержащем отложения этого типа, найдены два пряслица, сделанные из обломков краснолаковых сосудов I в. н. э.[123]

* * *

Суммируя все изложенное выше, мы видим, что территория Левобережья скифского времени в границах лесостепи (исключая северные, смежные с лесной полосой районы) была занята населением, оставившим так называемую культуру зольников. Хронологически памятники этого типа охватывают период от VII в. до н. э. до рубежа нашей эры. Памятники ранней поры (VII—VI вв.) известны пока лишь в юго-западной части, преимущественно в Поворсклье. Наиболее поздние (рубеж нашей эры) памятники найдены только в северо-восточном углу, в Посемье. Памятники V—III вв. до н. э. распространены, по-видимому, на всей территории.

По своему облику культура зольников Левобережья, резко отличаясь от одновременных культур смежных районов — южных и юго-восточных степных, связанных с собственно скифским миром, и северных, занятых культурами дьяковского и деснинского типа, является весьма близкой культуре зольников Правобережья, смыкается с ней, представляя собой как бы продолжение

4. ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗОЛЬНИКОВ VII—III вв. до н. э.

1. Алферовка, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Маловыразительные культурные остатки скифского времени обнаружены в 1940 г. Левобережным отрядом на плато правого берега р. Ворсклы, к северу от балки, что против хутора. Среди них есть обломки кухонных горшков со щипковым орнаментом по краю венчика, а также обломок амфоры. К западу от этого места — группа курганов.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

2. Ахтырка, Сумская обл. (левый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение находится на левом берегу р. Ворсклы, против бывшего Ахтырского монастыря. Оно расположено на краю надпойменной террасы, в 100 м вправо от шоссе из бывшего монастыря в Ахтырку. Край террасы занят песчаными дюнами. Селище сильно развеяно и разрушено ямами. В обрезах ям виден культурный слой мощностью до 0.40—0.50 м. В составе собранного материала черепки глиняных лепных сосудов, орнаментированных по краю венчика сквозными отверстиями. П. Н. Третьяков, обследовавший поселеление, датирует его VI—VIII вв. н. э., исходя из того, что керамика подобного типа была найдена в основании славянского слоя на Воронежских городищах, на Гочевском и ряде городищ I тысячелетия н. э. в бассейне р. Десны.

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. 1, Київ, 1947, стр. 127.

[122] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі, стр. 109—122.

[123] Т. Н. Никольская. Шуклинское городище, стр. 66—70.

3. Барановка, Харьковская обл., Валковский р-н (левый берег р. Можа) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Можа, в верховьях р. Турашки, на расстоянии 0.5 км к западу от села, в 2—3 км от Муравского шляха. Оно расположено на мысу, образованном ярами. Поселение укреплено. Состоит оно из двух частей — центрального укрепления и предгородья. В противоположность другим укрепленным поселениям предгородье размещено не с напольной стороны, а на склонах к оврагам.

Центральное укрепление защищено валом и рвом вокруг всей площади. Длина укрепленной линии около 330 м, при ширине 10—15 м и высоте вала 2—2.5 м. Площадь центрального укрепления 8000 м².

Предгородье прикрывает центральное укрепление с юга, востока и запада. Длина оборонительной линии предгородья около 270 м, площадь предгородья 5500 м². Въезд один для обеих частей поселения — в северо-западной части, в точке стыка оборонительной линии предгородья с оборонительной линией центрального укрепления. Поселение находится в лесу. Лишь южная часть занята садом и огородом. Собранный материал состоит из обломков глиняной посуды с дырками ниже края венчика.

Городище известно в литературе под именем Хоазрское с первой половины XIX в.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. 1, М., 1905, стр. 89; М. Фукс. Про городища скитської добі на Харківщині. ЗВУАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 101, 102.

4. Басовка, Сумская обл., Смеловский р-н (правый берег р. Хмелевки) — городище.

Городище находится в 3—4 км к югу от села. Оно известно давно и не раз подвергалось обследованиям, а в последнее время и раскопкам. В литературе наиболее полное освещение оно получило в работе Н. Е. Макаренко по материалам, собранным им в 1906 г. Судя по этим данным, городище содержит отложения двух культур — зольничной и славянской (роменско-борщевской). Это подтвердилось и раскопками в 1947 г. В. А. Ильинской.

В 1948 г. городище было обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией. Среди собранных экспедицией подъемных материалов имеются обломки глиняной посуды тех же двух культур — зольничной и славянской (рис. 9). Обращают на себя внимание керамические остатки укрепления Городок, состоящие преимущественно из черепков амфор. Черепки этой посуды встречаются и в других частях поселения, но здесь они просто преобладают над остальными.[124]

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 423—425; Н. Е. Макаренко. 1) Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 77—86, 2) Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 52; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; В. А. Іллінська. 1) Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 142—144, 2) Верхньосульська экспедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 34—42.

5. Бельск, Полтавская обл., Опошнянский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Городище находится на правом, коренном берегу р. Ворсклы, между селами Глинск и Куземин, на громадном мысу, образованном долинами рр. Ворсклы (на востоке) и Сухой Груни (на западе). Форма его клиновидная, соответствующая конфигурации мыса, вытянутая по оси С—Ю. По данным В. А. Городцова, наибольшая длина его около 10 км, ширина 6 км, длина валов около 30 км. На территории городища, в центре его, расположено с. Бельск.

Бельское городище представляет сложное укрепление. Помимо большого укрепления, оно включает в себя еще три укрепленных участка значительно меньших размеров, вкомпанованных в большое укрепление. Два из них расположены на берегу р. Ворсклы (к востоку от с. Бельск и у с. Куземин) и одно — на берегу р. Сухой Груни. В литературе они известны под названием Западного, Восточного и Куземинского. Кроме того, в границах большого

[124] Среди найденных обломков имеется ручка херсонесской амфоры с клеймом. По определению И. Б. Брашинского, амфора относится ко времени не ранее рубежа III—II вв. до н. э. (рис. 9, 8)

укрепления имелись остатки еще одной оборонительной линии, состоящей из вала, идущего от западного городища к берегу р. Ворсклы. В настоящее время вал этот распахан.

Вся площадь городища обрамлена валами и рвами. Сохранность их довольно хорошая, за исключением внутренней линии. Высота валов 5—7 м, глубина рвов до 3—4 м.

В 1906 г. городище было исследовано В. А. Городцовым. Основное внимание он сосредоточил на исследовании Западного городища. Интересные материалы, собранные исследователем при раскопках, к сожалению, не нашли должного освещения в печати. Автор датирует памятник в целом временем до нашей эры. После В. А Городцова городище до последнего времени не раскапывалось, хотя неоднократно и подвергалось обследованиям. В 1940 г. оно было обследовано Левобережной экспедицией. В 1957 г. на Западном городище производились раскопки Б. Н. Граковым и Б. А Шрамко

В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161, Н. Е Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 8, 9; A. A. Potapov. Inkrustierte Keramik von Belsk. Evrasia septentrionalis antiqva, IV, 1929, стр. 162—168; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

6. Березоточа, Полтавская обл., Лубенский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

Посульской экспедицией 1947 г. под руководством Ф. Б. Копылова следы поселения скифского времени (позднезольничного типа) были обнаружены на северном конце села. Размеры поселения установить не представилось возможным вследствие занятости участка постройками.

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307, 308.

7. Битица, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Псла, километрах в 15 вверх по течению от г. Сумы, в 2 км к востоку от села. Городище занимает мыс высокого берега, образованный долиной реки (с юга) и двумя балками (с востока и запада). Узкий перешеек с севера соединяет мыс с плато. Мыс имеет не совсем правильную, овальную форму, вытянутую по оси С—Ю. Длина его около 500 м, наибольшая ширина около 150 м. Южный конец мыса разрушается (в начале XX в. здесь производилась разработка меловых отложений, залегающих в основании мыса). Восточный и западный склоны довольно крутые, они хорошо задернованы и поросли лесом. В верхней части крутизна склона усилена путем зачистки почти до отвесного положения на высоту 4—5 м. Срытая при зачистке земля, сброшенная вниз, образовала на нижней границе зачистки вал, обрамляющий мыс с восточной и западной сторон несколько ниже горизонта площадки. С северной стороны мыс огражден от плато двумя линиями валов и рвов, сооруженных на участке перехода расширенной части площадки мыса в перешеек, соединяющий мыс с плато. Длина перешейка около 80 м, ширина около 25 м.

Площадка мыса почти вся поросла лесом (дуб, клен, орешник и т п.). На большей части лес посажен недавно (лет 25). На южной части площадки имеется два небольших участка размером 15×20—25 м, свободных от леса На одном из них (более северном) — могила воинов, погибших во время Великой Отечественной войны. Площадка мыса довольно ровная, с незначительным уклоном с севера на юг. В ряде мест (особенно в северной части) имеются округлые в плане западинки диаметром около 3 м, при глубине до 0.50—0.70 м. Вдоль южного края мыса проложена траншея, пересекающая мыс по линии В З (остатки войны) Такая же траншея тянется по западному краю мыса. В южном обрезе мыса, а также в стенках траншей отчетливо прослеживается культурный слой мощностью около 0 50 м

В 1910 г. городище посетил К. П. Сосновский (Курск). В письме на имя А А. Спицына он дал его краткое описание В 1948 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией. В 1953 г. на поселении (в южной части площадки, свободной от леса) Днепровским левобережным отрядом Славянской экспедиции были произведены небольшие раскопки. В результате изысканий установлено, что культурный слой городища содержит отложения двух эпох -

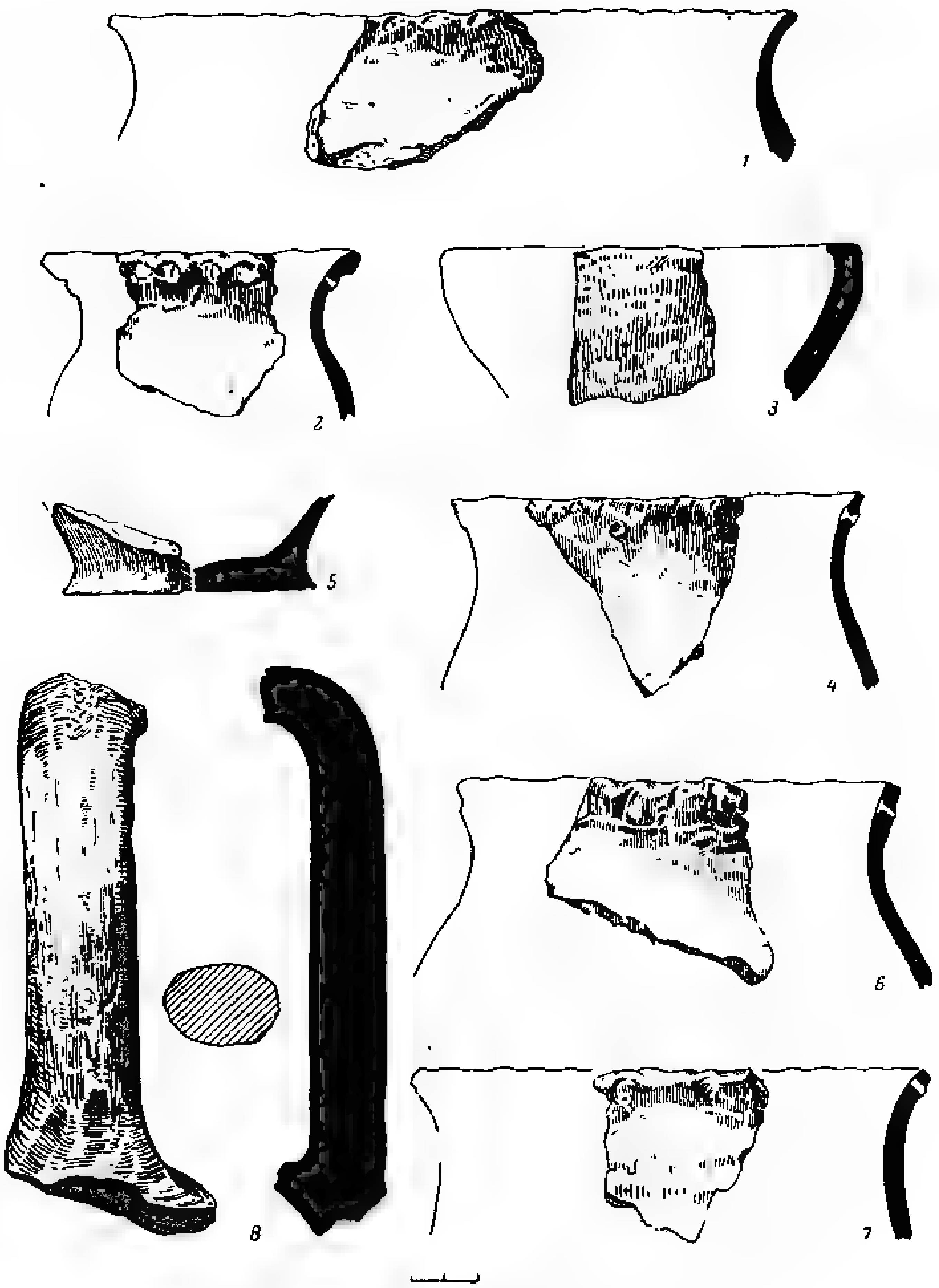


Рис 9. Басовское городище. Керамика культуры зольников

скифской (так называемого позднезольничного типа) и славянской (VIII—X вв., так называемого волынцевского типа).

Архив ИА, д. 86/1910 г.; А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492—495, И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; 2) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1953 г. Архив ИА; 3) К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 58—83.

8. Боголюбовка, Сумская обл., Тростянецкий р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в 2 км к западу от села. Оно расположено на мысу, образованном с юга долиной р. Ворсклы, а с востока и севера оврагами. С запада мыс примыкает к плато. Поселение обнесено валом и рвом со всех сторон, за исключением части, прилегающей к берегу. Форма поселения прямоугольная, площадь его около 75 000 м². Площадка поселения частично возделывается под посев, другая часть еще недавно была под лесом.

Собранный материал состоит из обломков лепной глиняной посуды со сквозными отверстиями ниже края венчиков, черных лощеных мисок, обломков амфор. Найдено также два наконечника скифских стрел. Обращает внимание наличие в культурном слое большого количества золы. Поселение открыто и обследовано М. Фуксом и М. Прониным в 1924 г.

М. Фукс. Про городища скитськоï доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 96.

9. Бойковка, Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н (левый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение расположено на левом берегу р. Ворсклы, близ села.

Культурные остатки прослеживаются на значительной площади. Как правило, они размещены гнездами. Ясно выраженных зольников не обнаружено. В составе остатков обломки глиняной посуды зольничного типа, куски обожженной глины. Отдельные черепки посуды этого типа встречаются на дюнах вплоть до с. Малое Перещепино.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

✓10. Большая Гомольша, Харьковская обл., Змиевский р-н (левый берег р. Гомольши) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Гомольши (правый приток р. Северского Донца), в черте села. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее оврагами. В северо-восточной части мыс примыкает к плато. Поселение укреплено валом и рвом. Форма его овальная, несколько вытянутая по оси С—Ю. Длина его около 320 м (С—Ю), периметр около 1200 м. Мыс невысокий — 20—25 м над уровнем долины. Склоны сравнительно пологие. С целью усиления обороноспособности верхняя часть склонов путем искусственной зачистки доведена почти до отвесного состояния, высотой 5—7 м. В основании зачистки имеется своеобразный уступ в виде рва, в настоящее время сильно заплывший. Вал и ров проходят с напольной стороны. Сохранность их очень плохая. В восточной части поселение пересечено современной дорогой. Значительная площадь поселения занята постройками — школа, сельсовет, потребительское общество, колхозные мастерские и т. д. Часть площади находится под огородами.

На распаханных огородах, а также в обрезах траншей и окопов обнаружено большое количество культурных остатков — обломков глиняной посуды, костей животных, различных поделок из глины, кусков глиняной обмазки со следами отпечатков прутьев. Мощность культурного слоя в некоторых точках юго-западной части городища достигает 1 м. Состав слоя — почти исключительно зола. Собранный подъемный материал, а также материал из зачисток траншей и склонов поселения состоит из остатков зольничной культуры. Обследование городища произведено Днепровской Левобережной экспедицией в 1947 г.

Весной (4—10 V) 1948 г. в западной части городища при сооружении хозяйственных построек для нужд школы в ряде мест прорезан вал. По сообщению учителя школы Петра Моисеевича Олизаренко, ведшего наблюдения за работами, в валу был обнаружен слой горелых бревен мощностью около 0.7 м (высота) × 1.8 м (ширина), залегавших параллельно валу. Бревна были прослежены на глубине около 1.5 м от гребня вала. Толщина отдельных бревен 0.10—0.15 м. Выше слоя горелого дерева и под ним обнаружено много обломков глиняной лепной посуды. Некоторые черепки орнаментированы сквозными отверстиями по краю венчика. В верхней части вала найден бронзовый наконечник трехгранной втульчатой стрелки и ряд каких-то поделок из кости.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. и письма Олизаренко от 11 V и 21 V 1948 г. Архив ИА. I. I. Ляпушкiн. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952.

✓11. Большая Даниловка, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Харькова) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р. Харькова (левый приток р. Уды), в $2^1/_2$ км к северо-западу от села. Оно расположено на узком отроге коренного берега, образованном долиной реки и крутобоким яром, впадающим в нее. Поселение имеет довольно сложную систему укрепления, которая расчленяет его на четыре части — центральную и три предгородья.

Центральное укрепление расположено в южной части отрога. С севера оно защищено валом и рвом. Высота вала до 3 м, ширина оборонной линии около 20 м. В южной части имеется две таких линии валов и рвов. Площадь центрального укрепления около 10 000 м². Укрепление имеет два въезда — с юга и севера.

Предгородья расположены к северу от центрального укрепления, со стороны плато. Площадь первого предгородья около 12 000 м². Оно обнесено валом с востока и севера, примыкая южной своей стороной к центральному укреплению, а западной — к оврагу. Укрепленная линия состоит из вала и рва. Протяженность ее около 370 м, ширина основания до 40 м, высота вала до 8.5 м (от дна рва). Имеется два въезда — с востока и с северо-запада, оба на склонах.

К северу от первого предгородья имеется еще две линии оборонительных сооружений, которые автор называет дополнительными. Площади, заключенные в границы этих линий, автор не считает предгородьями. Первая линия проходит на расстоянии 15—30 м от первого предгородья. Она состоит из вала и рва и тянется с востока на запад от берега реки до оврага. Протяженность ее 320—330 м, ширина 5—6 м, высота вала 1—1.5 м. Местами вал и ров сходят на нет.

Вторая линия проходит севернее первой на расстоянии 30—150 м, начиная от склона к речке до вершины оврага. Протяженность линии около 640 м. Сохранность ее значительно хуже. Центральное укрепление распахивается. Вся севернее лежащая часть — под лесом.

Собранный на поверхности материал состоит из обломков глиняной посуды со сквозными отверстиями ниже края венчика.

На площадке центрального укрепления, особенно на валу, много крупных ям. Много их и южнее, на склоне к яру.

В 1950—1952 гг. городище обследовалось Б. А. Шрамко. На городище было заложено несколько шурфов и собран подъемный материал. Основываясь на этих данных, автор относит поселение к памятникам позднескифского времени (IV—I вв. до н. э.).

М. Фукс. Про городища скитськоï доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 102, 103; Б. А. Шрамко. Курган и городище у с. Циркуны. КСИИМК, вып. 63, М., 1956, стр. 103—108.

12. Большая Чернетчина, Сумская обл. и р-н (левый берег р. Псла) — селище.

Селище находится на левом берегу р. Псла, к западу от села, в уроч. Гирка (справа от дороги из с. Битица в с. Большая Чернетчина). Оно занимает мыс надпойменной террасы, далеко вдающийся в долину реки, подходя вплотную к ее руслу. Длина мыса (занятого поселением) около 300 м, ширина от 50 до 100 м.

Северный конец мыса немного всхолмлен, поднимаясь над поймой до 8 м. Он засажен молодым лесом и задернован. Вся поверхность его изрезана траншеями. Южная часть (у основания мыса) распахивается. Между пашней и лесной посадкой проходит ров глубиной около 1 м.

В обрезах траншей северной части и на пашне южной части собран материал, состоящий преимущественно из черепков глиняной посуды. В нем ясно прослеживается

три группы остатков — эпохи бронзы, позднезольничной и позднерусской (XVII — XIX вв.). Остатки эпохи бронзы локализуются лишь в северной части, зольничные и позднерусские встречались на всей территории.

На пашне остатки зольничной культуры рассеяны в виде ясно выраженных гнезд (зольников).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА. І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306.

13. Большие Будки, Сумская обл., Недригайловский р-н (правый берег р. Терна) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Терна (правый приток р. Сулы), на расстоянии 2—2.5 км к юго-западу от села. Оно занимает естественное возвышение второй надпойменной террасы в уроч. Губское. Поселение укреплено. Форма его овальная, вытянутая по линии СВ—ЮЗ. Размер 160×80 м. Укрепление состоит из вала, проложенного по склону останца, и рва, расположенного с внутренней стороны. Высота вала 1.5—2 м, ширина основания около 7 м. Ширина рва 8—9 м, глубина около 1.5 м. Юго-западный склон укреплен еще двумя рядами валов, лежащими ниже по склону. Вход на поселение с запада. С внешней стороны он прикрыт дополнительным валом и рвом. Площадка поселения поросла лесом и задернована.

Поселение известно в литературе с конца XIX в. В 1946 г. оно было обследовано В. А. Ильинской (Институт археологии АН УССР). Изучение его показало, что поселение однослойное. Среди собранных материалов — обломки глиняной лепной посуды зольничного типа: горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика. Много кусков обожженной глины. Найдено одно «пряслице» биконической формы. При зачистке вала найден бронзовый браслет с утолщенными несомкнутыми концами.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 75; В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 144, 145.

14. Большое Будище, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Слабо выраженные культурные остатки зольничной культуры обнаружены Левобережным отрядом Днепровской экспедиции в 1940 г. в центре села, на усадьбах близ церкви. На огородах, занятых под посевы, были найдены черепки глиняной посуды. Среди них черепки кухонных горшков со щипками по венчику, обломок миски с загнутым внутрь краем, а также амфоры.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

15. Большое Городище, Белгородская обл., Больше-Троицкий р-н (правый берег р. Корочи) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Корочи, против села. Оно расположено на мысу высокого коренного берега, образованном долиной реки (с востока) и впадающими в нее балками (с юга и запада). С севера мыс седловиной связан с плато коренного берега. Длина седловины около 50 м. Высота мыса над долиной реки 30—35 м. Склоны его довольно крутые. Длина площадки, занятой поселением, по линии С—Ю 400—430 м, длина южной стороны около 330 м. Поселение укреплено. У плато и у мыса седловина пересечена рвами. По северному краю площадки поселения проходит невысокий вал подковообразной формы. Длина его около 70 м. В ряде мест вал изрыт ямами. Площадка поселения ровная, сильно задернованная. По западному и северо-западному краям ее проходит линия окопов. Культурные отложения наиболее заметно выступают по краю площадки и в обрезах ям и траншей. Собранные материалы состоят из обломков глиняной посуды, лепной и гончарной. Обломки лепных сосудов довольно типичны. Все они принадлежат сосудам позднезольничной группы. В тесте лепных сосудов очень много крупной дресвы, чем они очень близки к керамике с поселения у с. Сабынино (левый берег р. Северского Донца).

Обломки гончарных сосудов принадлежат красноглиняным амфорам.

О наличии близ с. Большое Городище остатков древнего укрепленного поселения было известно по анкетным данным, собранным в 70-х годах прошлого столетия. В 1951 г. городище обследовано Разведочным отрядом Волго-Донской археологической экспедиции.

Архив ИА, ф. 4 (МАО), д. 168, л. 43, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции 1951 г. Архив ИА.

16. Борисовка, Белгородская обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, на Октябрьской ул., близ Клочковой Криницы. Оно занимает мыс, образованный Клочковой балкой, впадающей в долину реки, и двумя безымянными оврагами. Мыс вытянут по оси В—З перпендикулярно к Октябрьской ул. С напольной стороны поселение обрамлено валом и рвом дугообразной формы (СВ—ЮВ). Самая западная часть поселения (стрелка мыса) ограждена еще одной укрепленной линией, состоящей также из вала и рва. Валы и рвы сохранились сравнительно хорошо. Лучше всего сохранилась северо-восточная часть внешнего вала. Здесь высота его достигает 5—6 м, при глубине рва до 2 м. Длина площадки поселения по линии В—З около 350 м, наибольшая ширина около 300 м. Через восточную часть поселения по линии З—В проходит дорога, прорезывая внешний вал в восточной части (рис. 10, *1*, *2*).

Вся площадка поселения засажена молодым лесом. Промежутки между линиями древесных насаждений обрабатываются под картофель и другие корнеплоды. С восточной стороны к городищу примыкает лес. На взрыхленной поверхности имеются культурные остатки в виде обломков глиняной посуды, костей животных и поделок из глины и камня. Собранный материал состоит из обломков глиняной посуды зольничного типа и единичных поделок из камня и глины. В северной части на отдельных участках есть вещи XIX—XX вв. (керамика, стекло).

Поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА. І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306.

17. Буды, Сумская обл., Большеписаревский р-н (правый берег р. Ворсклицы) — селище.

Поселение находится справа от дороги в с. Ницаха, на мысу, образованном двумя оврагами. Оно известно в литературе с начала XX в. Здесь В. Е. Данилевичем раскопано восемь зольных всхолмлений (зольников), принятых им за разрушенные при корчевке леса курганы. Что это остатки поселения, а не курганы, в свое время отметил А. А. Спицын в работе «Курганы скифов-пахарей», но замечание А. А. Спицына осталось без внимания вплоть до последних лет.

В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 411—433; А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Пгр., 1918, стр. 142; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, М.—Л., 1941, стр. 32—35; И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 28—34.

18. Бушмено, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Следы селища обнаружены в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией на правом берегу р. Псла, в 1 км к юго-западу от села, на левой стороне балки, отделяющей село от мыса, на котором расположено Гочевское городище. Культурные остатки прослеживаются на линии протяженностью до 300 м, при ширине около 100 м. Территория, на которой обнаружены культурные остатки, обрабатывается под посев зерновых культур. Состав остатков — черепки глиняной лепной посуды, относящейся к зольничной культуре, кости животных. Черепки сильно измельчены и немногочисленны. Не исключена возможность, что культурные отложения, наблюдаемые на данной территории, связаны с жизнью населения раннего этапа Гочевского городища, от которого селище отделено балкой в несколько сот метров ширины.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив

ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306

19. Бушмено, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение расположено на левом берегу р. Рыбинки, при впадении ее в р. Псел, на расстоянии около 1,5 км к юго-востоку от села. Остатки его состоят из двух частей — городища и примыкающего к нему с северо-востока селища. Городище занимает мыс надпойменной террасы этих рек. Долина р. Рыбинки обрамляет его с севера и запада, а с юга — долина р. Псла. С востока (с напольной стороны) городища проходят ров и вал. Сохранность их плохая. Размер площадки городища около 115 (СВ—ЮЗ)×100 (СЗ—ЮВ) м. Высота мыса над долиной 15—17 м. Склоны его довольно круты. Городище распахивается. Во время обследования оно находилось под посевом многолетней травы. Культурные остатки, хотя и немногочисленные, все же прослеживаются. Они состоят из черепков глиняной лепной посуды, камней, костей животных. Собранный подъемный материал, а также материал из небольшого шурфа, заложенного в центре городища, представляет собой исключительно керамику зольничного типа.

К северу от городища, за оврагом, на расстоянии 200—300 м находится селище. Оно тянется вдоль берега. Площадь его около 300×130 м. Состав культурных остатков тот же, что и на городище.

В 1909 г. поселение (городище) у с. Бушмено посетил К. П. Сосновский. Но и тогда оно уже было «распахано настолько сильно, что форму его определить невозможно». Было ли что-либо найдено на городище К. П. Сосновским, неизвестно. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 314; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306

20. Великая Рыбица, Сумская обл., Миропольский р-н (левый берег р. Псла, при впадении р. Рыбицы) — городище и селище.

Поселение находится на левом берегу р. Рыбицы, при впадении в р. Псел, на расстоянии не более 1 км к юго-востоку от села. Поселение довольно сложное. Оно состоит из небольшого городища, занимающего один из мысов, образованный долиной реки и балками, и примыкающего к нему селища (рис. 11, *1*, *2*). И городище, и селище содержат отложения славяно-русской культуры (роменско-борщевского и великокняжеского типа). Второй мыс, расположенный к северо-западу от славянского городища, соединенный с плато узким перешейком без заметных следов каких-либо искусственных укреплений, содержит культурные отложения позднезольничного типа. Мыс сильно задернован, но на местах выдувов культурные отложения прослеживаются сравнительно хорошо. Они состоят из сильно измельченных черепков глиняной лепной и гончарной посуды и кусков обожженной глины. Такие же материалы дала и зачистка одного обреза. Была ли занята в древнейший (скифский) период территория и соседнего мыса, где обнаружены остатки славянской культуры, или нет, сказать трудно. Собранные материалы дают пока что отрицательный ответ.

Городище у с. Рыбицы (Суджанский уезд) упоминается у Д. Я. Самоквасова. В 1948 г. оно обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 26; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306

21. Водяное, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Уды) — городище.

В 1948 г. Днепровская левобережная экспедиция обследовала городище у хут. Водяное. Оно находится между селами Красная Поляна и Водяное, на высоком мысу правого, коренного берега р. Уды, в уроч. Холодный Яр. Высота мыса достигает 50 м. Мыс вытянут по оси С—Ю с небольшим отклонением стрелки мыса к ССВ. С востока и запада мыс обрамлен глубокими балками,

Рис. 10. Борисовское городище
1 — схематический план; 2 — общий вид

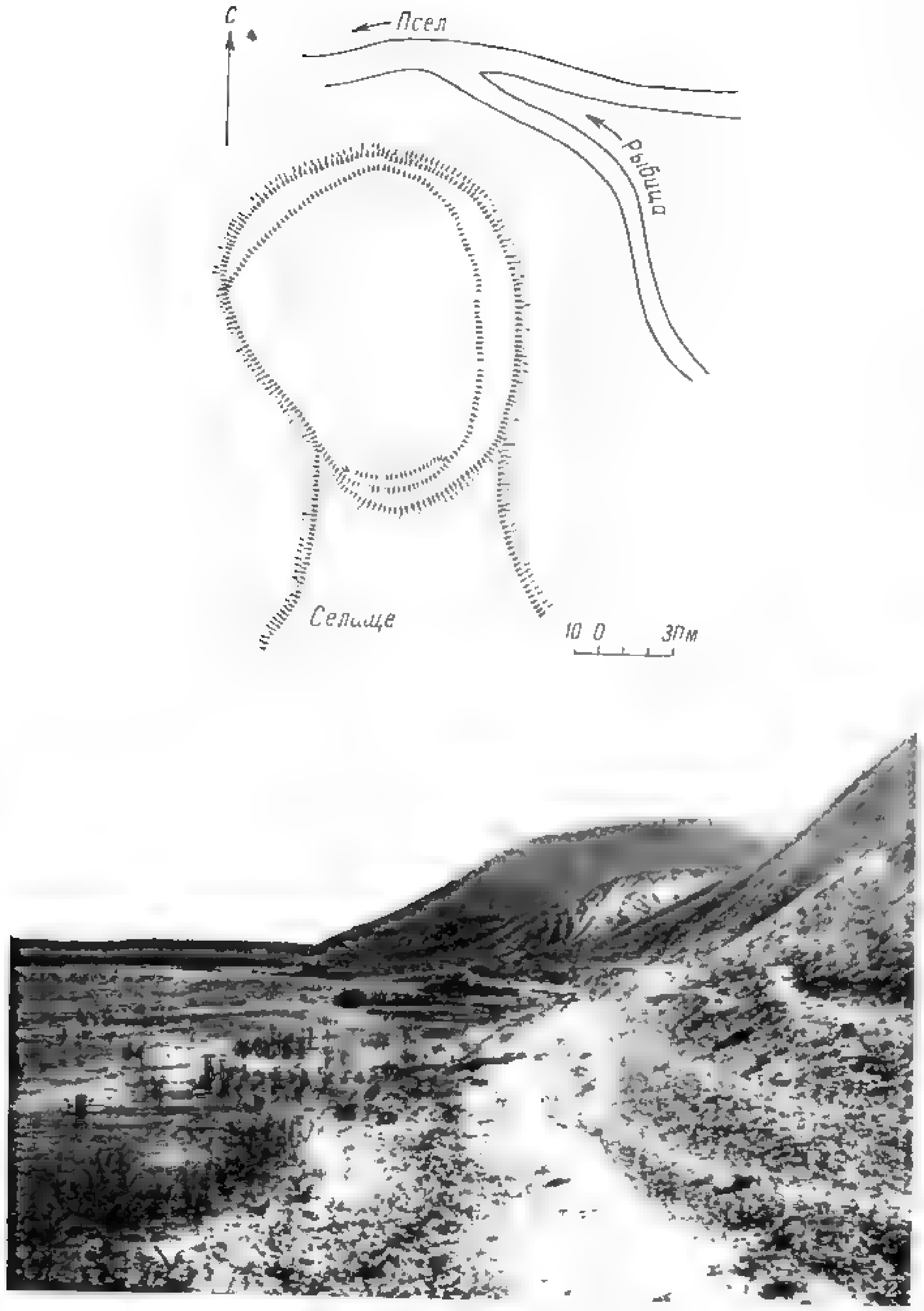


Рис. 11. Городище у с. Великая Рыбица.
1 — схематический план; 2 — общий вид

с севера — долиной реки. Городище с напольной стороны защищено двумя подковообразными валами и рвами, идущими от одной балки до другой. Расстояние между валами около 100 м (рис. 12).

Стрелка мыса в границах первого вала поросла лесом, остальная часть городища (к югу от внутреннего вала) распахивается. На поверхности площадки культурные остатки совершенно не прослеживаются. Культурный слой удалось выяснить лишь при зачистке стенок траншеи, в большом количестве оставшихся от времени Отечественной войны на стрелке мыса, а также в шурфе, заложенном в границах первого вала. Мощность слоя не превышает 30—40 см. В нем обнаружены черепки глиняной лепной посуды зольничного типа и раннеславянской культуры роменско-борщевского типа. Такой же состав культурных остатков отметил в свое время и М. Фукс, правда, по его данным, следы культуры скифского времени выступают более отчетливо, чем раннеславянского.

М. Фукс. Про городища скiфськоi доби на Харькiвщинi. ЗВУАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 104; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

22. Волынцево, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Стан (правый берег р. Сейма) — городище (?) [illegible].

Поселение находится на расстоянии 2,5 км к востоку от села, на пологом мысу, глубоко вдающемся в сильно заболоченную пойму реки. Территория мыса занята колхозным садом. Начиная с 1947 г. поселение систематически изучается. В 1948 и 1949 гг. здесь проводились раскопки. В результате проведенных работ можно считать установленным, что поселение является памятником многослойным. Наиболее ранними следует признать отложения скифского времени. К этому времени относятся обломки лепной посуды, орнаментированные сквозными отверстиями ниже края венчика, зернотерка, бронзовая булавка, а также некоторые «пряслица». Следующий этап жизни на поселении связан, по-видимому, с населением, оставившим культуру зарубинецкого типа. Насколько отчетливо выступает этот период, сказать трудно. О нем приходится судить по упоминанию о находке при раскопках керамики этой культуры. Наиболее богато среди добытых при раскопках материалов представлены остатки славяно-русской культуры второй половины I тысячелетия н. э., датируемые Д. Т. Березовцом (автором исследования) VII—VIII вв., правда, без каких-либо обоснований.

За границей поселения (у основания мыса) находится могильник, одновременный славянскому периоду жизни поселения.

Рис. 12. Городище у хут. Водино. Схематический план. (Архив ИА, фонд [illegible])

Д. Т. Березовець. 1) Дослiдження на територiї Путивльського району, Сумської областi. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 24[illegible]; 2) [illegible] слов'янських пам'яток на Сеймi в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 49—66; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 58—8[illegible].

23. Воргол, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Вишневая Гора (правый берег р. Клевени) — городище.

Поселение находится на правом, коренном берегу р. Клевени (правый приток р. Сейма), к юго-востоку от села, в уроч. Вишневая Гора. Оно представляет собой городище, занимающее два отрога мыса, вдающегося в долину реки. С юга мыс обрамлен долиной реки, с востока и запада — глубокими балками, поросшими лесом. С напольной стороны мыс огражден отвесным валом высотой 4—5 м, прикрывающим доступ к обоим отрогам мыса. Там, где мыс

раздваивается, западный отрог огражден вторым, еще более мощным валом высотой 5—6 м. Ширина перешейка мыса в месте, где проходит первый со стороны поля вал, около 100 м. Длина восточного отрога около 200 м, ширина его южного конца около 60 м, ширина в средней части около 100 м. Длина западного отрога (от второго вала) около 200 м, ширина северной части (по линии вала) около 30 м. Наибольшая ширина западного отрога около 100 м. Западный отрог заканчивается узким выступом длиной около 70 м, шириной 10—15 м. Крутизна склона выступа в южной части искусственно усилена путем зачистки. Высота мыса над долиной реки не менее 50 м (рис. 13)

Площадка городища распахивается. На поверхности рассеяны культурные остатки в виде черепков глиняной посуды, костей животных, кусков обожженной глиняной обмазки. Наибольшая насыщенность остатками наблюдается на западном отроге.

Собранный подъемный керамический материал принадлежит двум культурно-хронологическим группам — зольничной (поздней) и славяно-русской (роменско-борщевской и великокняжеской).

В 1949 г. на городище были произведены небольшие раскопки Институтом археологии АН УССР (руководитель Д. Т. Березовец). Добытые при раскопках материалы полностью подтвердили культурно-хронологический облик поселения, установленный в 1947 г. Днепровской левобережной экспедицией

Городище у с. Воргол известно в литературе со второй половины XIX в

Рис. 13. Городище у с. Воргол. Общий вид

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложения, стр. 7; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 49, 50; Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 58—61.

24. Ворожба, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псела) — городище

Городище находится на правом берегу р. Псела, между селами Шпилевка и Ворожба. Оно расположено на мысу коренного берега, обрамленного с востока и северо-востока долиной реки, а с запада глубокой балкой. Форма мыса треугольная. С напольной (южной) стороны проходит оборонительная линия, состоящая из вала и рва дугообразной формы длиной более 100 м. С внутренней стороны вал сильно распахан, достигая здесь высоты не более 1.5 м Глубина рва 3—4 м. Площадка, занятая городищем, распахивается под посевы зерновых культур. Склоны мыса, а также вал и ров поросли крупным лесом. Размер площадки около 300 × 400 м Высота мыса над долиной не менее 50 м (рис. 14, 1, 2)

На всей поверхности вспаханного городища прослеживаются культурные остатки в виде черепков глиняной лепной посуды зольничного типа, костей животных, кусков обожженной глины. Городище неоднократно упоминается на страницах литературы XIX—XX вв., однако археологический облик его оставался невыясненным до наших дней. В 1948 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией

ИСОХЕ, отд. III, М., 1857, стр. 513—514 Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 71; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—303

25. Высокое, Курская обл., Тамаровский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Городище находится в 2 км к юго-востоку от села, у уроч. Хмелевое; оно занимает мыс левого берега мокрой балки Хмелевой, вытянутой по линии В—З. С севера и юга мыс обрамлен небольшими балками, впадающими в Хмелевую. Городище расположено на стрелке мыса, защищенной с востока (со стороны плато) валом и рвом. Плато поросло лесом. Размер площадки городища 155 (В—З) × 125 (С—Ю) м. Высота вала около 3 м, сохранность рва плохая (заплыл). Высота площадки мыса над балкой около 25 м. В сторону балки Хмелевой склон сравнительно пологий (рис. 15, 1, 2)

Территория городища в настоящее время не обрабатывается, поросла бурьяном. Вдоль всего края городища проходит глубокая траншея. Такая же траншея и с восточной стороны, за валом. Культурный слой прослеживается лишь в обрезах траншей. Мощность его в некоторых местах (например, в северной части) достигает 1 м. В западной части, у конца мыса он не превышает 0.50—0.60 м. Состав культурных остатков — кости животных, черепки глиняной лепной посуды, куски обожженной глины с отпечатками прутьев, единичные поделки из глины. Керамика, судя по собранным материалам, относится к позднезольничной группе, однако наиболее характерной черты — отверстий по краю венчика — не обнаружено ни на одном из собранных фрагментов. Городище известно с конца XIX в., но археологический облик его оставался неясным вплоть до обследования Днепровской левобережной экспедицией 1948 г.

Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губ Тр. Курск. губ. статистич. комитета, вып. IV Курск, 1904, стр. 155—176; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952 стр. 301—303.

26. Высокополье, Харьковская обл., Коломацкий р-н (левый берег р. Коломака) — селище.

В 1945 г. при разведочных работах Днепровской левобережной экспедиции на левом высоком берегу р. Коломака, против школы с. Высокополье, на обрабатываемом поле обнаружены культурные остатки зольничного типа. Площадь, на которой они встречаются, значительная, однако характер распространения их выявить не удалось. Одно несомненно, они залегают гнездами и, по-видимому, связаны с зольниками. В составе собранных материалов обломки кухонной посуды типа горшков со щипковым орнаментом по краю венчика и сквозными отверстиями ниже его. Есть обломки мискообразных лощеных сосудов. Найден фраг-

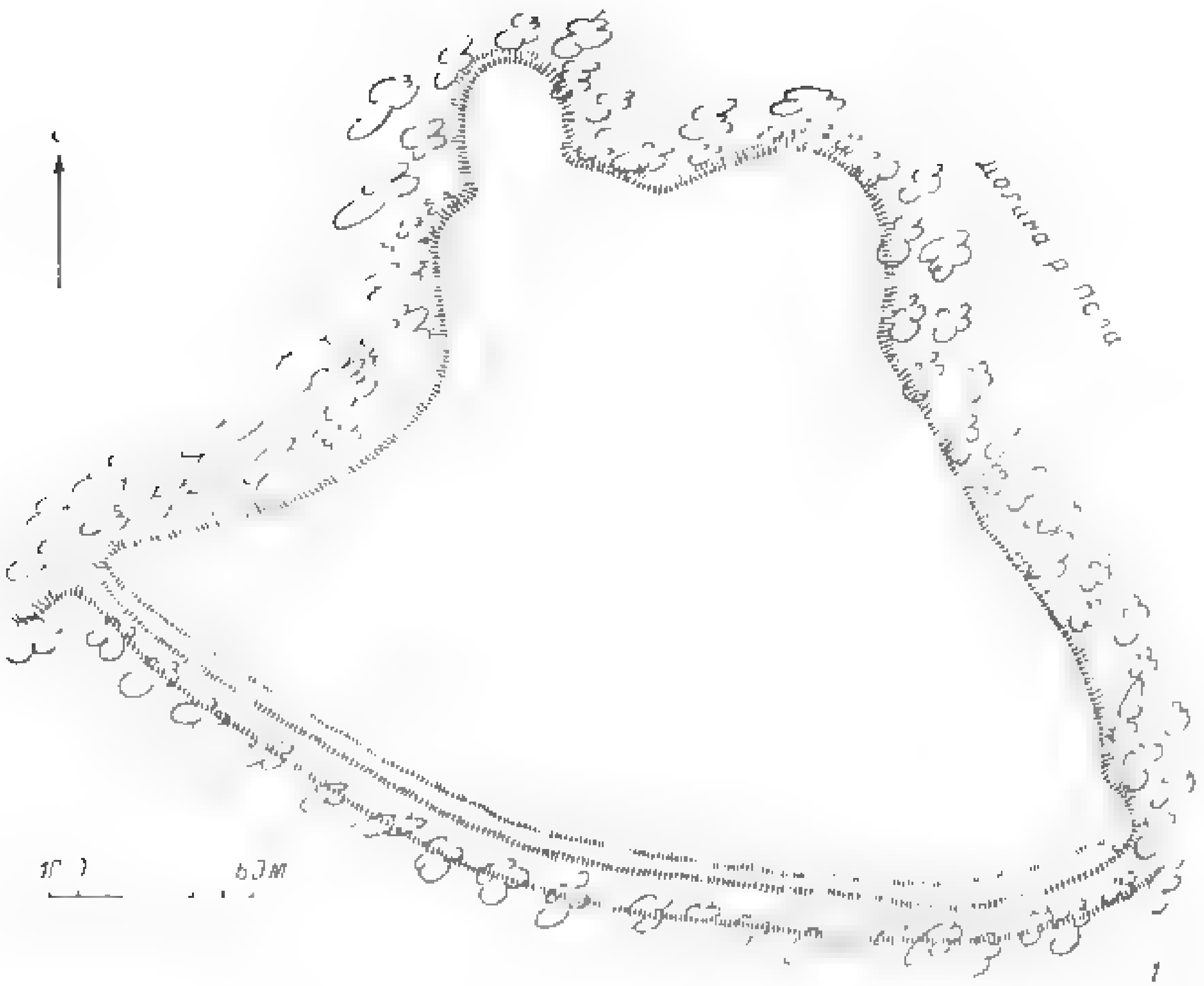
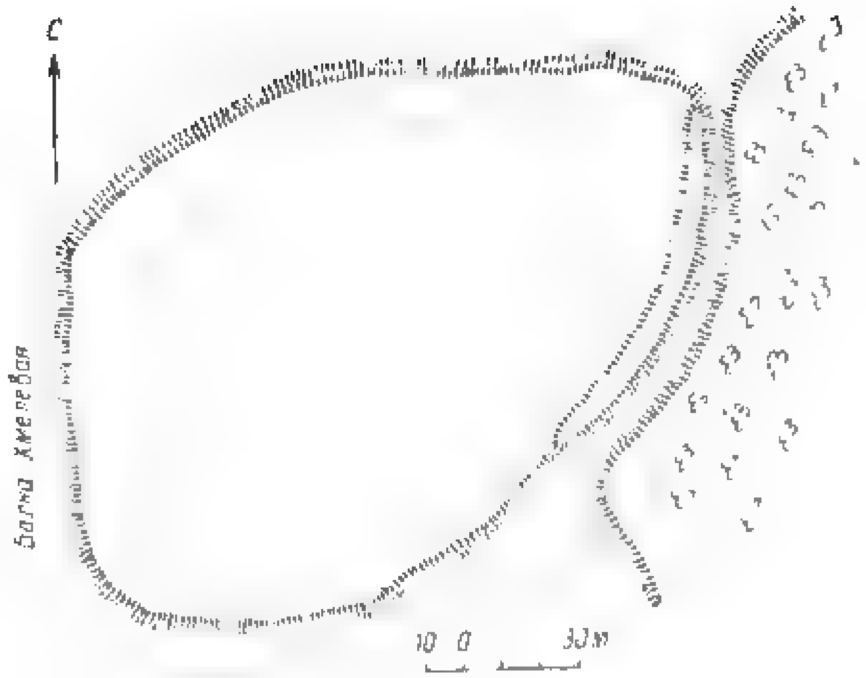


Рис 14 Городище у с Вер[illegible]кова

[illegible]



Р[illegible] Городище у с [illegible]

[illegible]

мент «грузика пряслица» и точильный камень. Есть один черепок гончарного сосуда — амфоры (?).

И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX. М.—Л., 1948, стр. 27—37, 2) Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

27. Гавронцы, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

В 1940 г. при разведочных работах Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции на мысу против вы селка из с. Гавронцы обнаружены остатки древнего поселения в виде группы зольников (6 шт.), расположенных в два ряда. Диаметр зольников 10—12 м, расстояние между ними 40—50 м, расстояние между рядами 25—30 м. Культурные остатки более всего сконцентрированы на зольных пятнах.

Среди них большое место занимают черепки лепных сосудов типа кухонных горшков со щипками по краю венчика и сквозными отверстиями ниже его. Есть обломки черных лощеных сосудов (мисок с загнутым внутрь краем), а также фрагменты амфор.

И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132, 2) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА.

28. Ганджа, Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

К северо-западу от хутора, на плато правого коренного берега р. Ворсклы, на площади, занятой посадкой молодых деревьев, обнаружены следы поселения зольничной культуры. Они состоят из обломков глиняной лепной посуды — кухонных горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика, лощеных мисок с загнутым внутрь краем и некоторых других не совсем ясных форм. Остатки размещены гнездами. Площадка сильно задернована, в силу чего проследить территорию распространения остатков нет возможности.

Поселение открыто и обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1946 г.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

29. Гвоздев, Харьковская обл., Коломацкий р-н (правый берег р. Коломака) — селище.

Поселение открыто и обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1945 г. Оно находится на правом берегу р. Коломака, близ хутора, по обе стороны полотна железной дороги Новая Ивановка — Водяная. Культурные остатки прослежены на площади не менее 150×400 м. Они размещены гнездами, хотя ярко выраженных зольных пятен (по окраске) здесь обнаружено не было. Последнее обстоятельство связано, по-видимому, с тем, что вся площадка поселения находилась под посевом огородных культур и наблюдения были крайне затруднены. Среди собранных материалов обломки кухонных горшков со щипковым орнаментом по краю венчика и сквозными отверстиями ниже края венчика и темно-серых лощеных мисок. Донышки кухонных горшков имеют рантик.

И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1948, стр. 27—37, 2) Итоги полевых изысканий в 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

30. Гвоздев, Харьковская обл., Коломацкий р-н (левый берег р. Коломака) — селище.

Единичные обломки керамики зольничного типа обнаружены в 1945 г. Днепровской левобережной экспедицией на левом берегу р. Коломака, против хут. Гвоздева. Сильная заросль травы и стернь не дали возможности расширить наблюдения.

И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1948, стр. 27—37; 2) Итоги полевых изысканий в 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

31. Глинск, Сумская обл. (левый берег р. Локни) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Локни, в 1 км от города по дороге в с. Фомицы. Оно занимает площадку плато

коренного берега неправильной трапециевидной формы. Поселение укреплено со всех сторон валом, за исключением северной, где оно примыкает к склону берега. Въезд на поселение с южной стороны.

Поселение известно в литературе с середины XIX в. и неоднократно обследовалось. В 1946 г. оно было обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР. Собранные этой экспедицией материалы (керамика) оказались принадлежащими скифскому времени (позднезольничного типа).

А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества [illegible] 1851, стр. [illegible]; Н. Макаренко. 1) Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, [illegible] 1907, стр. [illegible]; 2) [illegible] и курганы [illegible] губернии. Полтава, 1917, стр. [illegible]; В. А. [illegible]. [illegible] памяток [illegible] Посуллі в 194[illegible], АП, т. [illegible] Київ, 1949, стр. 1[illegible]9—1[illegible]8.

32. Городище, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Поселение находится в 2,5—3 км к западу от села, на правом берегу р. Сейма. Оно расположено на высоком мысу, образованном долиной реки [illegible] южной и западной сторон) и впадающей в нее балкой с северной стороны, с восточной стороны поселение отрезано от плато валом. Северная часть вала невысокая (1,5—2 м) и распахивается, южная значительно выше (4—6 м) и к тому же усилена оврагом, идущим параллельно валу (рис. 16, 2). Высота мыса над долиной около 30 м. Размеры поселения по длинной оси около 150 м, по короткой в западной части 15 м, в восточной (по валу) — около 100 м. Площадка мыса в западной части заканчивается небольшим всхолмлением (как бы валом), ниже которого лежат три террасообразных уступа общей длиной около 90 м.

Поселение распахивается. На поверхности рассеяны культурные остатки, состоящие из обломков лепной посуды, поделок из глины, кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Много костей животных. Керамика в подавляющей массе принадлежит зольничной культуре поздней поры. Имеются также черепки раннеславянской посуды (роменско-борщевского типа). Остатки такого же характера были обнаружены и при шурфовке. Мощность культурного слоя достигает 1,2 м (рис. 16, 1).

Отдельные обломки глиняной посуды обнаружены на пашне за чертой укрепления, но ясно выраженных остатков поселения не прослеживается.

Поселение в 70-х годах было обследовано Д. Я. Самоквасовым, однако культурно-хронологический облик его оставался неясным до последних дней. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. [illegible] Труды III АС [illegible] стр. [illegible]; И. И. Ляпушкин. [illegible] о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР [illegible] АН УССР 1947 г. Архив ИА; [illegible] зольничная культура (к[illegible]) [illegible] СА, XII, М.—[illegible] 19[illegible]

33. Городище, Курская обл., [illegible] р-н (правый берег р. Рати) — городище.

Поселение находится на правом [illegible] ном берегу р. Рати (правый приток р. Сейма) в 20 км к востоку от Курска. Оно состоит из двух частей — городища, расположенного на мысу, образованном долиной реки и оврагом, и прилегающего к нему с севера селища. На территории последнего также сохранились следы укреплений в виде остатков валов общей протяженностью до 1 км. Валы эти распахиваются и сохранились плохо. Высота их не превышает 2—3 м.

Городище занимает мыс, отгороженный от плато рвом и валом. Высота последнего достигает 8 м, ширина вала 20 м (рис. 17, 1, 2). Высота мыса над долиной 12—15 м. Площадка городища ровная, с незначительными уклонами в южную сторону (к долине реки). Поверхность городища и склонов задернована. На поверхности городища, особенно в выбросах из кротовин, встречаются черепки глиняной посуды и кости животных. Большая часть черепков, собранных на городище, относится к лепным сосудам. Черепки гончарных сосудов единичны. На юго-западном склоне в 15 м от южного конца мыса, была произведена зачистка. Мощность культурного слоя здесь достигает 2 м. Слой аморфен. Состав его — чернозем, смешанный с золой и глиной. Среди культурных остатков из зачистки черепки глиняной лепной посуды, кости животных и некото-

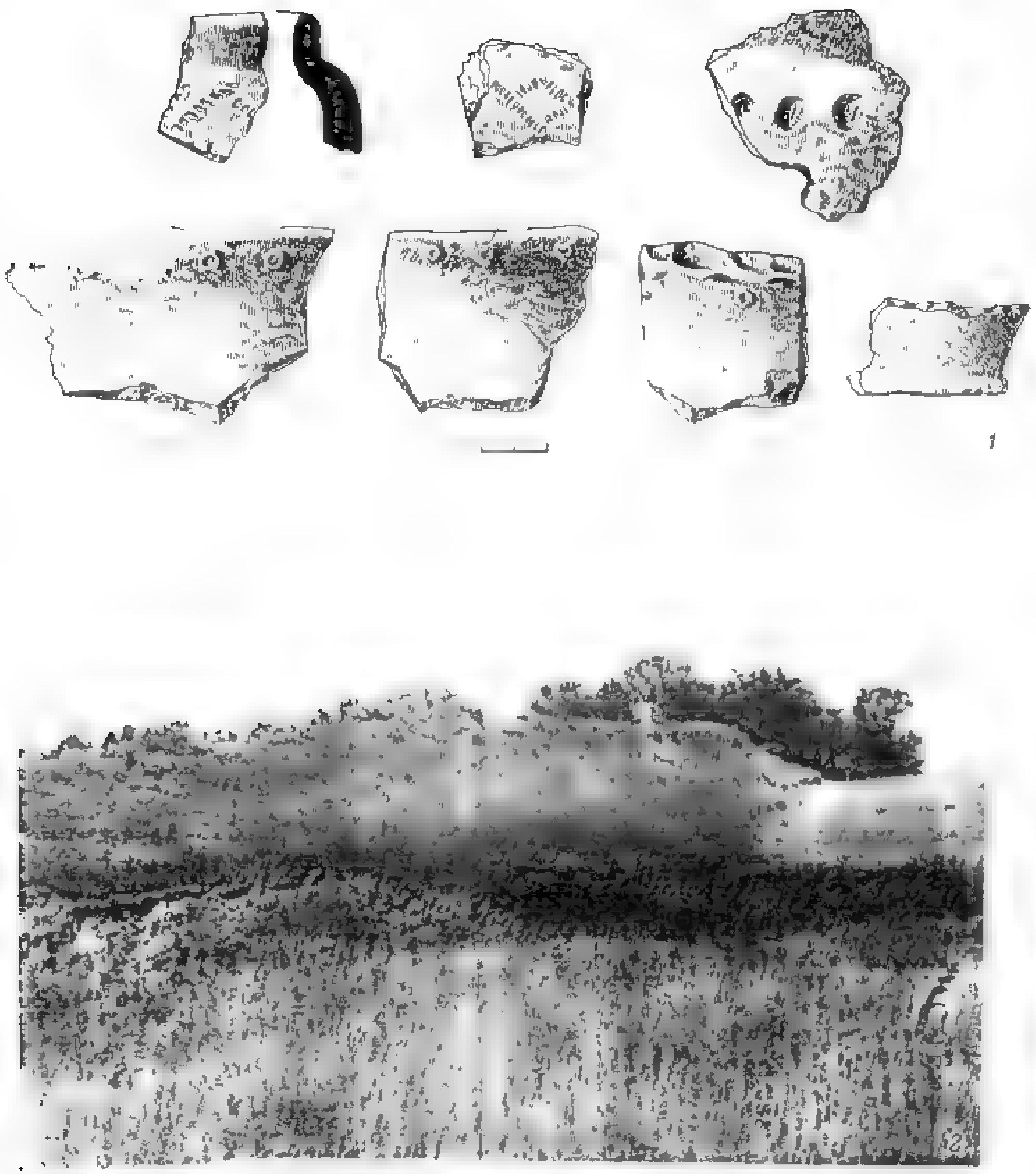
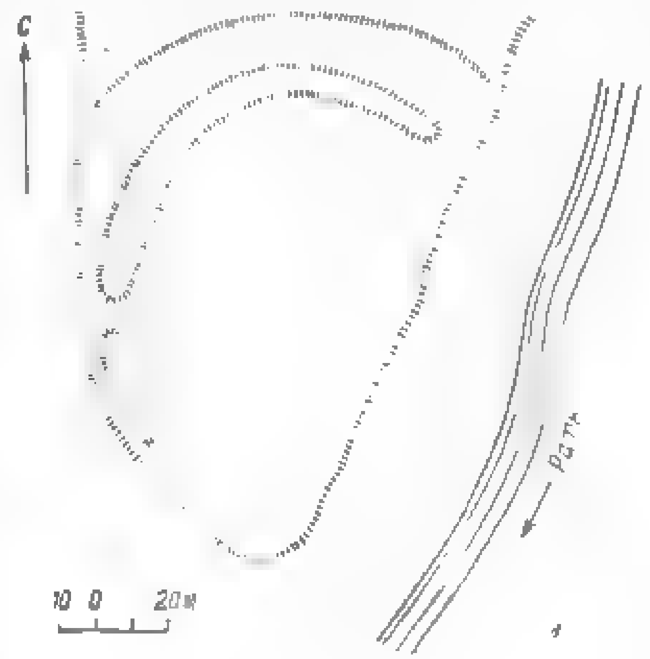


Рис. 16. Городище у с. Горки.
1 — керамика городища; 2 — вал городища

рые другие находки (например, костяная ручка от ножа). В нижней части слоя встречаются обломки зольничной посуды (под ней), выше — славяно-русской (роменской).



ная на селище, лепная и гончарная. Первая встречается ближе к городищу. Лепные черепки принадлежат славянским (роменско-борщевским) сосудам. Гончарная керамика самая разнообразная. Часть ее относится к славяно-русской (великокняжеской поры), часть к татарской (большие кувшины, всевозможные горшки, поливные сосуды).

Поселение обследовалось неоднократно. Д. Я. Самоквасов произвел здесь небольшие раскопки. В Курском музее имеется небольшая коллекция вещей, найденных на этом поселении. На основе этих данных, поселение относилось к памятникам славяно-русской и татарской культур. Днепровской левобережной экспедицией, проводившей обследование поселения в 1947 г., удалось установить, что древнейшие отложения на территории поселения относятся к скифскому времени, к культуре поздних зольников.

Рис. 17. Городище у дер. Городище Курской обл.
1 — схематический план; 2 — вал городища

Территория селища (?) огромная (около 300×600 м). Селище обрабатывается под посевы. На поверхности большое количество культурных остатков, керамики, костей животных, различных поделок. Имеется много человеческих костей, особенно в северной и северо-западной частях. Керамика, собран-

Д. Я. Самоквасов. 1) Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, М., 1878, стр. 2[illegible]—23; 2) Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 2[illegible]. И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры скифского времени в северной части Днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

34. Городище, Харьковская обл., Ново Водолагский р-н (левый берег р. Можа) — городище

Поселение находится на левом берегу р. Можа, в верховьях речки Одрынки, в 6 7 км от Муравского шляха. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки (с запада) и впадающими в нее оврагами. Поселение укреплено валами и рвами и состоит из центрального укрепления и двух так называемых предгородий (рис 18)

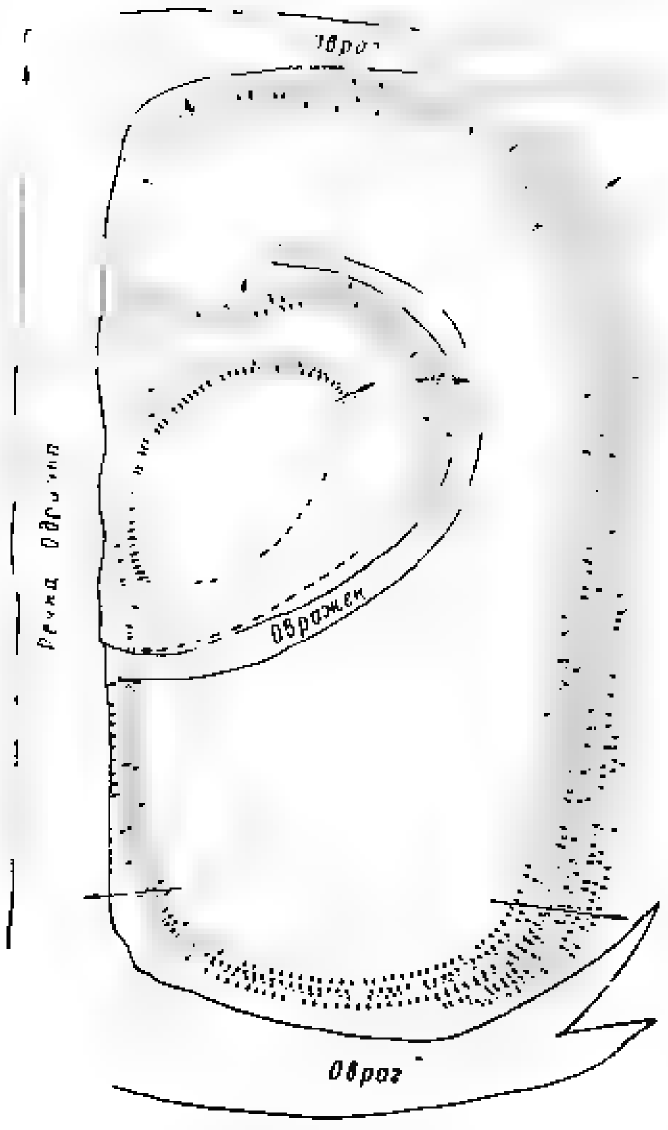


Рис. 18. Городище у хут. Городище Харьковской обл. Схематический план (Архив ИА, фонд А. А. Спицына)

Центральное укрепление занимает отдельный мыс, образованный небольшим овражком, разрезающим территорию поселения на две части. Площадь центрального укрепления распахивается, как и вся остальная часть поселения. От оборонительной линии центрального укрепления сохранился лишь незначительный отрезок рва в северной и западной частях укрепления. Предположительно длина оборонительной линии равнялась около 600 м, общая площадь центрального укрепления 24 000 м²

Первое предгородье охватывает центральное укрепление с северо восточной стороны Оно укреплено рвом и валом общей протяженностью сохранившейся части около 650 м; кроме того, около 350 м, по-видимому, распахано Площадь первого предгородья около 52 000 м² Вся она заключена в границах того же внутреннего мыса, на котором расположено и центральное укрепление. В валу сохранились следы двух въездов — с севера и востока

Второе предгородье охватывает центральное укрепление и первое предгородье с трех сторон — севера востока и юга, примыкая, как и первые две части поселения западной стороной к долине р Одрынки Вся площадь предгородья обрамлена валом и рвом Длина укрепленной линии около 2000 м, при ширине от 35 м на севере до 50 55 м на востоке Высота вала от 6 5 до 9 м Площадь предгородья до 230 000 м² Оборонительная линия особенно мощна с восточной стороны Здесь она состоит из двойной линии валов и рвов и гласиса Въезд сохранился один — с северо западного угла

Южная часть поселения занята постройками и огородами хутора. Остальная часть под посевами. Собранный материал состоит из черепков глиняной посуды со сквозными отверстиями по краю венчика, обломков черных лощеных сосудов (очень мало) и амфор.

Городище известно в литературе с первой половины XIX в В конце 20-х годов оно было обследовано М Фуксом

В. Пассек. Курганы и городище Харьковского Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сборн, т. III, кн 2, М, 1840, стр 201 229, Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск предварит. комитета по устройству XII АС, Харьков, 1902, стр. 82 -97, Д. И Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т I, М., 1905, стр. 89, М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 100, 101

35. Городное, Харьковская обл., Краснокутский р-н (правый берег р Мерла) городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р Мерла, на расстоянии 3 км к северо-востоку от с Городное и 1.5 км к востоку от с. Козиевки Оно расположено на мысу, обрамленном долиной р. Городнянки (с запада) и впадающими в нее оврагами. Поселение имеет искусственное укрепление в виде валов и рвов и состоит из двух частей центрального укрепления и предгородья, примыкающего с напольной стороны (рис. 19) Центральное укрепление обнесено валом со всех сторон Длина вала около 900 м, ширина линии укрепления (вала и рва) до 30 м, высота вала до 7 м (от дна рва). Площадь центрального укрепления около 54 000 м². Центральное укрепление имеет четыре въезда

Укрепленная линия предгородья складывается из вала и рва Протяженность ее около 680 м Высота вала около 8 8 5 м. Предгородье имеет три въезда — с напольной стороны и в местах стыка вала предгородья с валом центрального укрепления Общая площадь предгородья около 65 000 м². Метрах в 30 от укрепленной линии предгородья в сторону поля имеется еще одна, дополнительная оборонительная линия, состоящая из вала и рва Эта линия менее мощна. Длина ее около 350 м, ширина вала и рва около 13 м, высота вала до 2 м. Дополнительная оборонительная линия имеет въезд. Вся площадь поселения распахивается, но валы и рвы не тронуты. На вспаханном поле рассеяны культурные остатки Собранные материалы состоят из черепков лепных кухонных горшков со сквозными отверстиями ниже края [illegible]

Поселение известно в литературе с середины XIX в Культурно хронологический облик определен лишь в результате работ коллектива харьковских исследователей в конце 20-х годов нашего столетия

Д И. Багалей Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС т I, М, 1905, стр 16, 17, М Фукс Про городища скитської доби на Харківщині ЗВУАК, т I, Київ, 1930 стр 97, 98

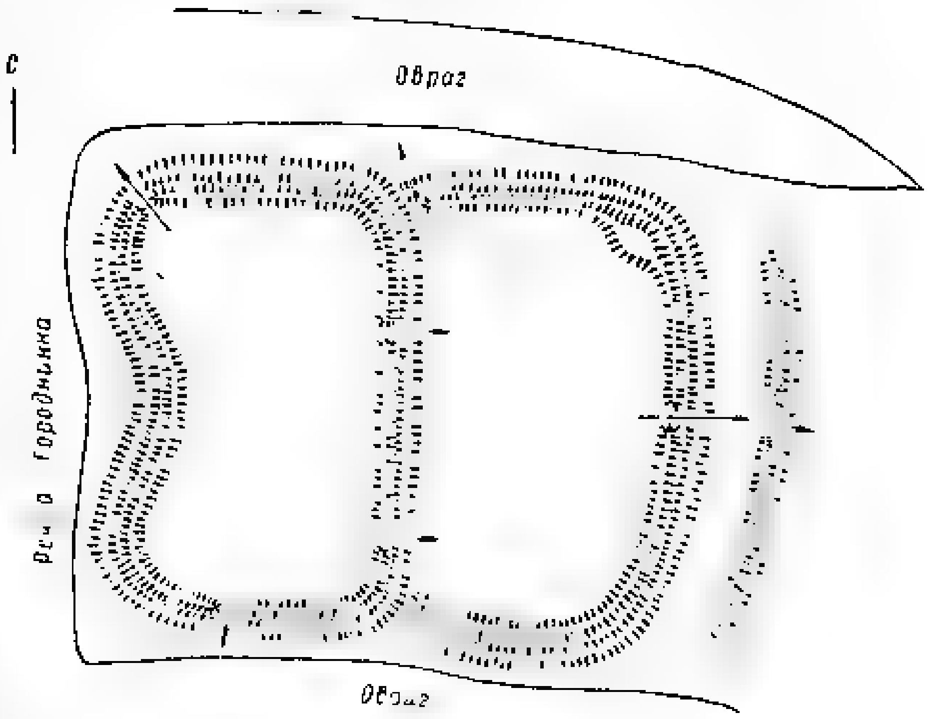


Рис 19. Городище у с. Городное. Схематический план (Архив ИА, фонд А. А. Спицына)

36 Гочево, Курская обл., Беловский р н (правый берег р. Псла) городище.

Городище находится на расстоянии 2 3 км к северо востоку от села Известно оно давно и неоднократно исследовалось Около городища большой курганный славянский могильник Долгое время городище рассматривалось как памятник только славянский (роменско боршевской и великокняжеской поры) Раскопки, проведенные Б А. Рыбаковым в 1937 и 1939 гг., показали, что среди культурных отложений есть и более ранние материалы, в частности обломки лепных горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика. Б. А Рыбаков отнес эти материалы к IV V вв н э Дата эта не обосно- [illegible]

В 1948 г городище было обследовано Днепровской Левобережной экспедицией При осмотре городища собран подъемный материал, в том числе обломки керамики зольничного типа и обломки от амфор эллинистической поры, определяющие время керамики зольничного типа.

Г П Сосновский Городища и курганы в бассейне верхнего течения Псла ... делах Обоянского уезда Курской губернии Труды ... АС ... Курск, 1911 стр ...

исл., Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии. М., 1915; Атлас Гочевских древностей. М., 1915; П. С. Рыков. Юго-восточные границы радимичей. Учен. зап. Гос. саратовск. им. Н. Г. Чернышевского унив., т. I, вып. 3, Саратов, 1923, стр. 55—53; Б. А. Рыбаков. Отчет о раскопках на Гочевском городище в 1937 и 1939 гг. Архив ИА, ф. 2, д. 259/1937 г., лл. 2—8; Д. И. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1937, № 1, стр. 138—145; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 319—337; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; 2) [illegible] [illegible] [illegible] стр. [illegible]

37. Грайков, Харьковская обл., Коломакский р-н (правый берег р. Коломака) — городище

Поселение находится на расстоянии 0,5 км к северо-западу от хутора, на правом берегу балки, впадающей в долину р. Коломака с правой стороны. Поселение укреплено валом и рвом. Форма его округлая. Вал [illegible] поселение [illegible] со всех сторон. [illegible] северо-западной стороны, примыкающей к берегу балки. Вал сохранился сравнительно хорошо. Высота его местами достигает 5—6 м от дна рва (северо-восточная часть). Ров окружает [illegible] поселение [illegible] прекрасно. Глубина рва достигает 3 м и более. Склон балки крутой, высота берега до 40 м.

Площадка поселения ровная, несколько покатая в сторону балки. Размер ее около 160 (С—Ю) × 120 (В—З) м.

Поселение расположено в лесу (площадка, ров и вал поросли лесом). В юго-восточной части в валу заметны следы въезда. В ряде мест южной части по склонам имеются ямы (по-видимому, остатки оборонительных сооружений Отечественной войны). В выбросах из ям найдены обломки глиняных лепных сосудов, а также кости животных. В составе керамических остатков два типа сосудов: кухонные горшки со слегка отогнутыми венчиками (срез венчика орнаментирован щипками, ногтевыми вдавлениями и сквозными отверстиями несколько ниже края венчика, придонная часть стенок имеет рантики) и мискообразные сосуды с венчиком, загнутым внутрь. На керамических обломках второй группы заметны следы лощения.

Судя по количеству костей, а также керамики, собранной вокруг ям, культурный слой содержит, по-видимому, много остатков. Об этом же свидетельствуют находки в выбросах из нор мелких грызунов.

В 1924 г. поселение обследовано М. Я. Рудинским. В 1945 г. [illegible] осмотрено Днепровской левобережной экспедицией.

М. Я. Рудинський. Кантамирівка [illegible]. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 127—13[illegible]; И. И. Ляпушкин. 1) Археологические [illegible] Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1947, стр. [illegible]; 2) [illegible] в 1945 г. в бассейне р. Ворсклы [illegible] выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

38. Добрая (Козовка), Белгородская обл., Шебекинский р-н (правый берег р. Корочи) — городище, селище и могильник

На правом берегу р. Корочи, примыкая непосредственно к деревне, находится комплекс древних памятников, состоящий из городища, селища и могильника. О [illegible] городища было [illegible] еще в 70-х годах прошлого столетия по [illegible], собранным через анкеты, разосланные на места. Сведениями этими никто, однако, не воспользовался, а городище так и осталось забытым. В анкете сообщалось, что городище расположено [illegible] Короча [illegible] на правом берегу, [illegible] окруженное глубокими оврагами с южной и западной сторон, а на восток открытое к реке Короче, в лесной местности; имеет площадь около 6 десятин и делится на 3 укрепления, отделенных одно от другого глубокими окопами в ширину саж. до 5-ти, и насыпными валами в направлении от запада на восток; первое, северное укрепление имеет площадь в 3 десятины, второе, среднее в полторы десятины и обращено с восточной, гористой стороны спуском, а с прочих сторон глубокие окопы и валы и имеют форму четыреугольную, а крайнее южное укрепление имеет площадь в полторы десятины и окружено со всех сторон, особенно глубокими окопами и насыпными валами, по форме треугольное. На этом городище находили стремена, кинжал с [illegible] рукояткою и медную тарелочку.

При обследовании городища летом 1951 г. Разведочным отрядом Волго-Донской археологической экспедиции анкетные данные о внешнем облике подтвердились. Вместе с тем было установлено, что вал, опоясывающий южную часть городища, под земляной поверхностью содержит камни известняка и песчаника. По рассказам местных жителей, большое количество камней из вала было извлечено ими для хозяйственных нужд. Самая северная часть городища сильно заросла лесом; южный конец южной части городища покрыт кустарником, к которому с севера примыкают фруктовые деревья, остатки сада некогда существовавшей усадьбы. Вследствие сильной задернованности культурные отложения прослеживаются слабо. Собранные на поверхности и в выбросах из нор [illegible] немногочисленные [illegible] являются остатками двух групп керамики — лепной, позднезольничного типа и гончарной, принадлежащей к комплексу салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, в основе своей городище относится к скифскому времени. Две мощных линии вала и рва, прикрывающих городище с севера, принадлежат, по-видимому, этой поре. Остатками [illegible] салтово-маяцкой культуры должна соответствовать южная часть городища с валом по всему периметру, представляющим собой развал каменной стены.

К северо-востоку от городища в 400—500 м от [illegible] балки, впадающей в долину р. Корочи между горами Толиной и Мирошевской, обнаружено неукрепленное поселение салтово-маяцкого типа. Селище занимает площадь начиная от леса, спускающегося с коренного берега в долину, и тянется до дороги, пролегающей у подножия коренного берега. Дно балки распахивается. Культурные остатки в виде обломков глиняной посуды, костей животных и единичных поделок из глины прослеживаются на площади протяженностью около 400 м по длинной оси (СЗ—ЮВ) и до 150 м по короткой (ЮЗ—СВ) (поперек балки). Отдельные обломки глиняной посуды найдены и выше по склонам балки.

Близ устья балки, вверх по течению р. Корочи, на склоне Толиной горы, у дороги колхозники копают глину для хозяйственных нужд. Из рассказов местных жителей выяснилось, что здесь часто отрывают человеческие костяки, лежащие как бы в «печах». Вместе с костяками были найдены горшки («кубышки») и различные украшения. При хозяйственных земляных работах на усадьбах проживающие в этом районе колхозники также находят кости людей и разные вещи. Так, Сергей Гаврилович Никотин при рытье канавы вокруг усадьбы весной 1951 г. нашел «кубышку». При копке погреба на той же усадьбе найдено четыре «кубышки». Как правило, все они за ненадобностью уничтожались. Сохранившиеся фрагменты одной «кубышки», обнаруженной при рытье канавы, оказались принадлежащими кувшину салтовского типа.

При осмотре места разработки глины в обрезе ямы, вырытой в материковой глине, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] нали кости человека (ребра, позвонки, лопатка и череп), лежащие в беспорядке. Когда кости были вынуты, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] его были обрамлены нишами. В этих нишах [illegible] [illegible] представляющие собой [illegible] входа. В [illegible] [illegible] [illegible] Размер ее по длинной оси [illegible] по короткой (ЮВ—СЗ) 1,3[illegible] м. Катакомба имеет сводообразный свод. Высота [illegible] [illegible] 0,[illegible] м [illegible] лежь.

В катакомбе оказалось 4 покойника.

1. У северо-западной стены костяк взрослого человека [illegible], головой на юго-запад, лицом к северо-западной стене. Ноги скорчены (подогнуты). [illegible] с правой стороны [illegible] лечно.

2. В центре катакомбы — костяк взрослого человека, на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад, лицом к юго-восточной стене.

3. [illegible] в катакомбе [illegible] чистка не производилась, [illegible] внешний осмотр.

Никаких вещей, кроме [illegible] в катакомбе не замечено. Сохранность катакомбы довольно хорошая.

После осмотра катакомбы вход в нее был закрыт, костяки оставлены на месте нетронутыми. Череп и кости, лежавшие в дромосе, взяты. Сохранившаяся часть дромоса засыпана.

В 1957 г. на поселении и могильнике С. А. Плетневой (ИИМК, Москва) были произведены раскопки.

Архив ИА, ф. 4 (МАО), д. 168; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции 1951 г. Архив ИА, 2) Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 90—93, 106, 115, 116 и др.

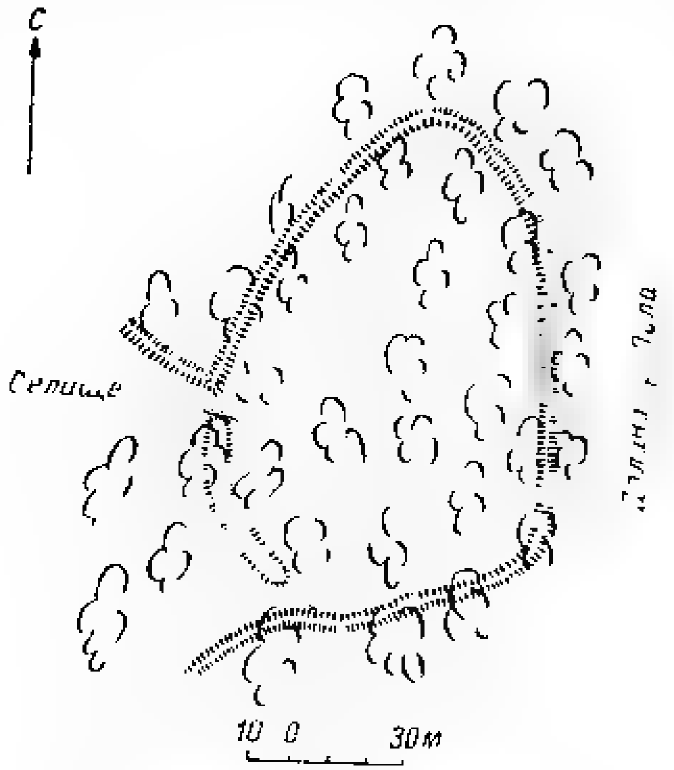


Рис. 20. Городище у с. Долгий Колодезь (уроч. Волковня). Схематический план.

39. Долгий Колодезь, Курская обл., Беловский р-н (правый берег р. Псла, уроч. Волковня) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между селами Стригослы и Долгий Колодезь в уроч. Волковня. Оно состоит из городища и селища. Городище занимает мыс коренного берега, обрамленный с востока долиной реки, с севера Ермоловой Балкой; с юга проходит балка, отделяющая его от мыса Стрелица. С напольной (западной) стороны городище защищено валом и рвом, следы которых едва едва сохранились (рис. 20). Южный и северный склоны довольно круты, восточный пологий и имеет искусственную зачистку. Площадь городища около 120×80 м. Городище находится в лесу. Площадка его также поросла лесом. Никаких следов культурных отложений на поверхности не обнаружено. Заложенный в юго-западной части близ вала шурф размером 1.5×1 м показал, что мощность культурного слоя незначительная 0.30—0.40 м. Немногочисленны и культурные остатки. Они состоят из черепков глиняных лепных сосудов зольничного типа (со сквозными отверстиями по краю венчика и рантиками у донышка), костей животных и кусков обожженной глины.

На плато коренного берега, в 300—400 м к западу от городища, за лесом, на пахотном поле собрана аналогичная керамика. Бо́льшая часть участка, непосредственно примыкающая к лесу, оказалась под посевом, и проследить границы селища не представлялось возможным.

Поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—305.

40. Долгий Колодезь, Курская обл., Беловский р-н, уроч. Наволочки (правый берег р. Псла) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Псла, между селами Стригослы и Долгий Колодезь, в уроч. Наволочки, несколько ниже уроч. Волковня. Оно занимает два смежных мыса коренного берега, рассеченного оврагами. Со стороны поля (СЗ) оба мыса отгорожены валом и рвом. Сохранность их плохая. Юго-западный мыс у основания отрезан от остальной части городища второй укрепленной линией, состоящей также из вала и рва. Длина внешнего вала около 300 м, внутреннего около 50 м.

Площадка городища задернована, но культурные остатки имеются и на поверхности. Собранный подъемный материал, а также материал из шурфа показывает, что городище содержит два слоя — скифского времени (зольничный) и славянский (роменско-боршевского типа).

В 1909 г. городище обследовано К. П. Сосновским. Судя по описанию, внешняя линия укрепления тогда была в полной сохранности. Как и для большой части осмотренных им памятников, К. П. Сосновский не дает характеристики культурно-хронологического облика поселения, отмечая лишь, что «как в укреплении, так и на предгородье во множестве попадаются черепки битой посуды, кости, камни и куски обожженной докрасна глины». В 1948 г. городище осмотрено Днепровской левобережной экспедицией.

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 308; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. [illegible]

41. Должок, Сумская обл., Груньский р-н (бассейн р. Псла) — селище.

Поселение было обнаружено В. А. Городцовым во время исследования Бельского городища. Оно находится близ села, к югу от бывшего имения Трипольского, на отроге берега р. Сухой Груни. В. А. Городцов насчитал 1[illegible] зольников, по общему облику очень близких к зольникам Бельского городища. Это невысокие, расплывчатые холмики с золистой почвой и обломками глиняной посуды на поверхности. На поселении были произведены раскопки. Вскрыто 3 зольника, давшие, по заключению автора раскопок, «обычные обломки глиняной посуды и кости животных». Среди керамики черепки кухонных горшков, черной лощеной посуды, в том числе и ковшей с высокими ручками, черепки амфор. Детальной характеристики автор не дает. Автор подчеркивает бедность зольников, но в то же время их ясно выраженный характер.

В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. II, М., 1911, стр. 144, 145.

42. Дубравка, Полтавская обл., Опошнянский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

В 1940 г. Левобережный отряд Днепровской экспедиции при разведочных работах обнаружил на плато, прилегающем с юго-восточной стороны к хутору, культурные остатки. Площадь, на которой выявлены остатки, значительная. Ввиду того, что поле находилось под посевом, проследить характер размещения отложений не представилось возможным. Среди собранных материалов обломки лепных сосудов типа кухонных горшков, орнаментированных по краю венчика щипками и сквозными отверстиями, обломки амфор и один фрагмент лощеной миски. Кроме того найдены два конических грузила и обломок глиняного конуса со следами отверстия.

[illegible] 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА. 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 19[illegible]

4[illegible] [illegible], Харьковская обл., [illegible] р-н (бассейн р. [illegible]) — городище.

[illegible] левом берегу р. [illegible] (притока р. [illegible]), на расстоянии [illegible] от хутора. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и оврагами. [illegible] укреплено валом и рвом. Протяженность их около 1[illegible] м. Ширина [illegible] укрепления [illegible] около [illegible] м, высота вала до 4 м. Площадь поселения достигает 115 000 м². В [illegible] имеются [illegible] с востока и запада (рис. 21). Большая часть поселения распахивается и лишь незначительная находится под лесом. Среди культурных остатков, собранных на поверхности, обломки сосудов, орнаментированных сквозными отверстиями ниже края венчика.

Поселение известно в литературе с конца XIX в. В 20-х годах нашего столетия оно было обследовано коллективом харьковских исследователей.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 89; М. Фукс. Про городища скiфської доби на Харкiвщинi. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 98, 99.

44. [illegible], Полтавская обл., Сенчанский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

Во время разведочных работ, проведенных по левому берегу р. Сулы в 1947 г. Посульской экспедицией под руководством

Ф. Б. Копылова, были обнаружены следы древних поселений в с. Засулье и на дюне против села. Среди собранных материалов наряду с керамикой эпохи неолита и бронзы оказалась керамика скифского времени (позднезольничного типа).

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція АН, т. III, Київ, 19 2, стр. 307, 308.

Рис. 21. Городище у хут. Заказаровка. Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына)

45. Зубовка, Сумская обл., Тростянецкий р-н — городище.

М. Фукс отмечает поселение (городище) скифского времени в бассейне р. Ворсклы, на правом (?) берегу р. Боромли. Никаких подробностей не сообщается.

М. Фукс. Про городища скитської доби..., ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 106.

46. Каменка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Следы поселения обнаружены в 1940 г. при разведочных работах Левобережного отряда. Поселение находится против села, на плато к северу от триангуляционной вышки. Культурные остатки в виде обломков керамики, костей животных и единичных поделок рассеяны по полю, обрабатываемому под посевы. Прослежены зольные пятна, на поверхности которых культурные остатки встречены в значительно большем количестве, чем в окружении их.

Среди собранной керамики обломки кухонных горшков со сквозными отверстиями по краю венчика и налепными валиками, обломки чернолощеной посуды, в том числе с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой. Имеются также фрагменты амфор.

И. И. Ляпушкин. Дневник Левобережного отряда [illegible] археологической [illegible] 1940 г. [illegible] КСИИМК, вып. [illegible], стр. [illegible]

47. Каменка, Сумская обл., Тростянецкий р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится в 2 км на северо-запад от села, на левом берегу Долгого Яра, врезающегося с левой стороны в р. Боромлю, близ впадения последней в р. Ворсклу.

Поселение укрепленное. По своей планировке оно довольно сложное — главное укрепление и три предгородья. Укрепленная линия состоит из валов и рвов, хорошо сохранившихся почти на всем протяжении.

Площадь главного укрепления близка к 50 000 м². Длина вала около 900 м. Вал разрушен в двух местах — на севере, где площадку разрезает овражек, и на западе. Главное укрепление имеет три въезда. Все они прикрыты предгородьями.

Северное предгорье расположено на склоне к Долгому Яру (западная часть) и на горбу (восточная часть). Длина вала около 680 м, площадь около 40 000 м².

Западное предгородье небольшое, площадь его около 7000 м², периметр около 250 м; на протяжении около 150 м оно защищено валом и рвом, остальная часть имеет

естественную защиту в виде крутого склона оврага (возможно, вал разрушен?).

Юго-западное предгорье прикрывает главное укрепление с напольной стороны. Площадь предгородья около 36 000 м², длина вала около 700 м (рис. 22).

Мощность валов более или менее одинакова. Ширина основания 25—30 м, высота до 8½ м. Площадка поселения покрыта лесом. Лишь небольшой участок в западной части, когда-то находившийся под усадьбой лесника, распахивается (около 10 000 м²). Собранные на пашне культурные остатки состоят из обломков современной керамики, немногочисленных обломков раннеславянской посуды и амфор. Последние (обломки амфор) дают основание М. Фуксу отнести городище к скифскому времени.

Поселение известно в литературе с конца XIX в.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 8; М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 94, 95.

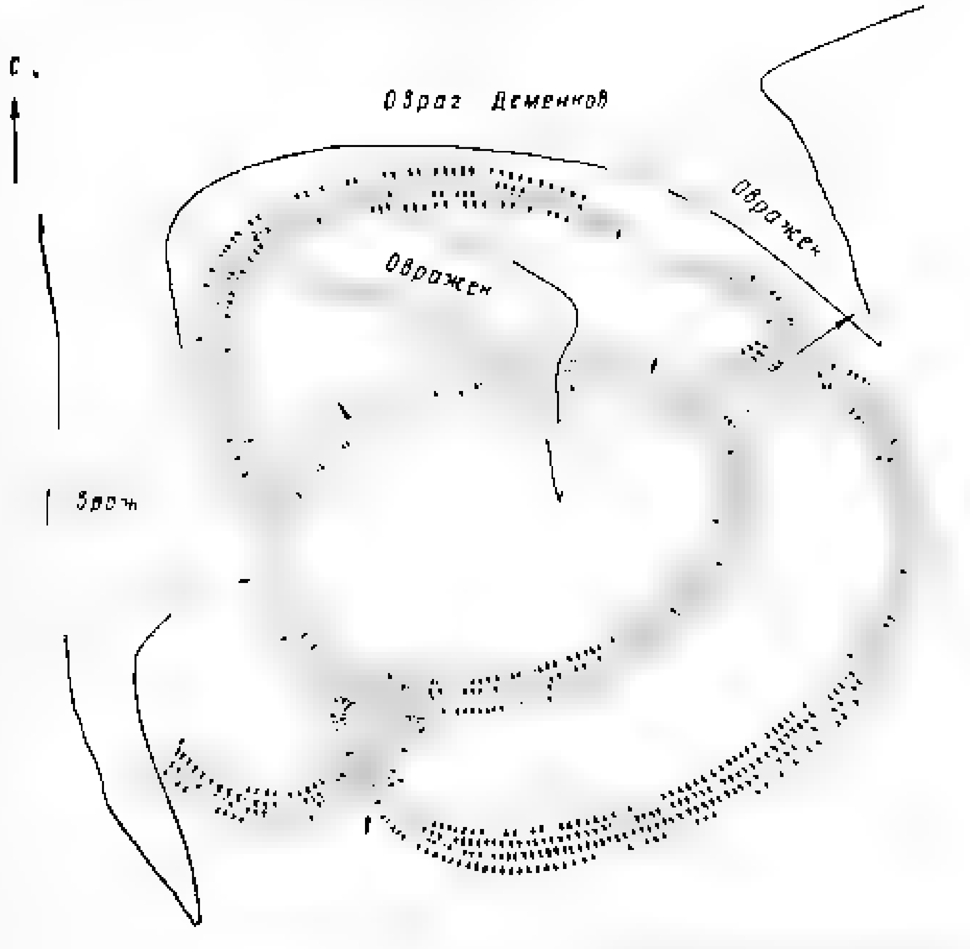


Рис. 22. Городище у с. Каменка. Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

48. Караван, Харьковская обл. и р-н (бассейн р. Мож̀а) — городище и селище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р. Мерефы (в верхней части течения), в 2 км к западу от хутора. Оно расположено на мысу, образованном Ржавым Яром (приток р. Мерефы) и впадающими в него оврагами. Поселение укреплено. Оно состоит из двух частей — центрального укрепления и примыкающего к нему с напольной стороны предгородья. Площадь центрального укрепления около 18 000 м². Укрепленная линия охватывает его с трех сторон, общая ее протяженность до 385 м. Со стороны яра — крутой склон. Въезд прослеживается лишь один — в месте стыка вала предгородья.

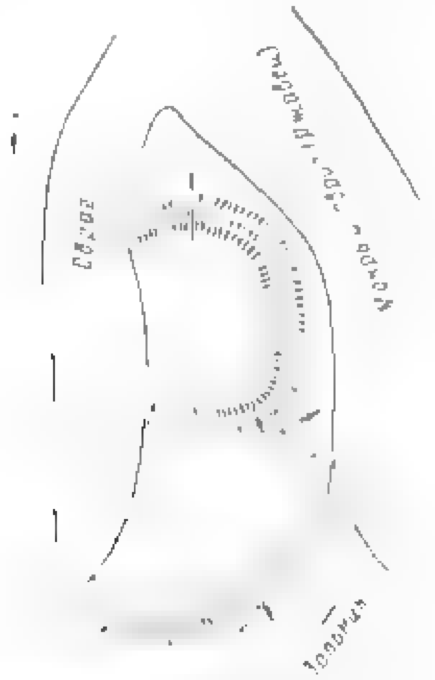
Предгородье укреплено валом и рвом. Площадь его около 15 000 м². Предгородье имеет два въезда (рис. 23). С напольной стороны к укрепленной части поселения примыкает селище с ярко выраженными зольниками. Собранные материалы в укрепленной части и на селище одинаковы. Они состоят из обломков глиняной посуды со сквозными отверстиями по краю венчика, а также обломков амфор.

В последние годы городище и прилегающее к нему селище были исследованы Б. А. Шрамко. Собранные им данные значительно расширяют представление как о внешнем облике поселения в целом, так и о характере культурных отложений.

М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 99, 100; Б. А. Шрамко. 1) Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 60, 61; 2) [illegible] земледельческ[illegible] лесостепных [illegible] в раннем железном веке. СА, 19[illegible]7, № 1, стр. [illegible]

49. Картамышево, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

К северо-востоку от села, на правом высоком берегу р. Псла находятся два городища, отстоящих одно от другого на расстояние 200 м. Они известны под названиями Городок и Погребок (рис. 24, 1, 2). В 1909 г. поселения были обследованы К. П. Сосновским, который дал краткое описание их и сделал глазомерную съемку местности. Уже тогда сохранность памятников (в частности, внешней линии укрепления — вала)



Ри[illegible] Городище у хут. Караван [illegible] ческий план (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

была такова, что автор обследования не смог сделать определенного вывода — принадлежат ли эти пункты одному поселению, или они никакого отношения друг к другу не имеют

Не определил автор и культурно-хронологического облика поселения, хотя им и было «собрано очень много глиняных черепков», которые имели под венчиком «сквозные дыры, а по краю венчика небольшую волнистость».

Осмотр, произведенный Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г., показал, что древнейшие культурные отложения имеются только на поселении Городок и относятся к поздневольничной культуре (скифское время). Судя по описанию К. П. Сосновского, такая керамика (зольничного типа) в большом количестве была собрана им на территории «предгородья» к северо-западу от Городка, в границах внешнего вала, от которого в настоящее время не сохранилось никаких следов. Обследование территории предгородья, произведенное Левобережной экспедицией, не подтвердило наблюдений К. П. Сосновского. На большей части предгородья не найдено никаких культурных остатков. Лишь к западу от городища Погребок вдоль склона плато были прослежены немногочисленные, сильно измельченные обломки лепной посуды раннеславянской культуры ромевско-боршевского типа. По-видимому, вследствие покатости площадки «предгородья» культурный слой смыт. Никаких культурных остатков не обнаружено и на городище Погребок

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 315—317; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской [illegible] археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

10. Клепачи, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Сулы, на расстоянии 2.5—3 км к северо-востоку от села, в уроч. Сад. Оно расположено на мысу между балками Конкольчиной (север), Полыньяной (восток), Спичкиной (юг). С запада мыс примыкает к плато. Вся территория городища обнесена валом. По форме городище представляет неправильный многоугольник с округленными углами, вытянутый по оси В—З. Размер по длинной оси около 300 м, по короткой — от 200 до 300 м. Длина вала более 1000 м.

Площадка городища находится под садом и частично обрабатывается под посев. Сад старый, запущенный. С северной и южной сторон к городищу примыкает небольшой лес (по балкам). Есть кустарник и на территории городища. Собранный при обследовании в 1948 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией керамический материал относится к скифскому времени, к культуре зольничного типа

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 30; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА, В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скі

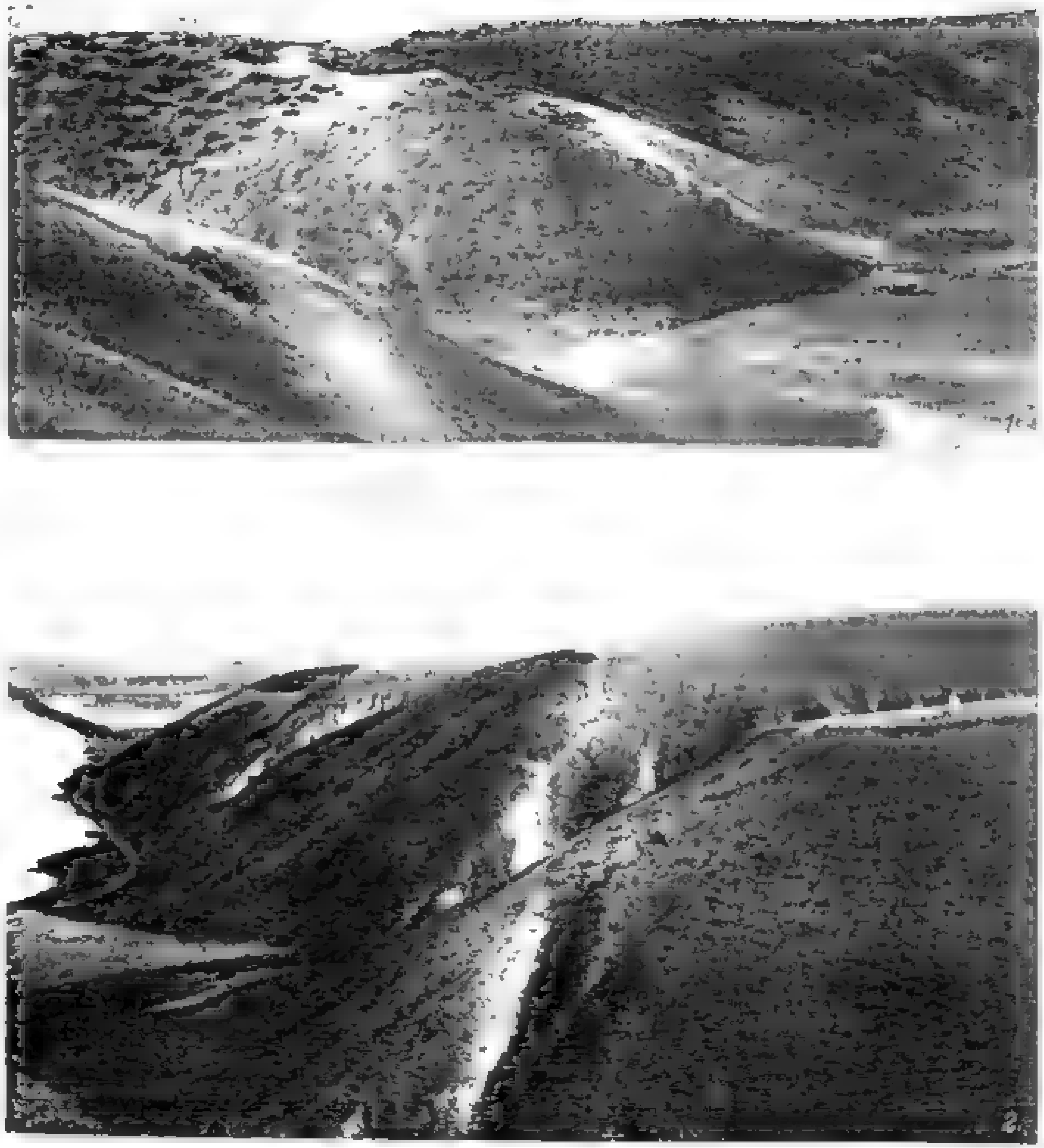


Рис. 24. Городища у [illegible] Картамышево

1 — общий вид городища Погребо[illegible]

фського часу на Посуллі, 1946 р. АН, т. III, Київ, 1949, стр. 145

51. Кнышевка, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Псла на расстоянии 1.5—2 км к юго-западу от села. Оно расположено на ровном плато и обнесено кругом рвом и валом. Только с южной стороны от обрыва берега нет ни вала, ни рва. Высота вала от 2 до 3 м. Ров почти заплыл, особенно с западной стороны, где остатки его почти не заметны.

Форма городища овальная. Размер 220 (С—Ю)×300 (В—З) м. Высота над долиной реки 20—25 м. Площадка городища распахивается под зерновые культуры. На ее поверхности прослеживаются культурные остатки в виде черепков глиняной лепной посуды, кусков глиняной обожженной обмазки с отпечатками прутьев, костей животных. Черепки принадлежат зольничным сосудам со сквозными отверстиями по краю венчика и рассечками по краю придонной части стенок. Мощность культурного слоя, судя по [illegible] в [illegible] части городища, [illegible] 0.7 м.

В 1954 г. В. А. Ильинской (Институт археологии АН УССР) на городище были произведены небольшие раскопки разведочного порядка. Собранные материалы подтвердили культурно-хронологический облик городища, установленный Левобережной экспедицией.

И. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 2; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, М., 197?, стр. 243—249.

52. Коломак, Харьковская обл. (правый берег р. Коломака) — городище.

Поселение расположено в северо-западной части села, на левом берегу Лозового Яра, между двумя оврагами (с севера и юга). Оно обнесено валом и рвом. Такой же вал проходит почти посредине поселения в направлении с севера на юг, разделяя его на две приблизительно равные части — восточную и западную. В каком отношении находятся эти две части поселения друг к другу — современны они или одна из них (восточная) является позднейшей пристройкой и одинаковое ли они имели назначение, сказать трудно. Внутренний вал вследствие распашки сохранился очень плохо. Судя по конфигурации частей, можно сделать вывод, что западная часть является основной, восточная — пристройкой. Что касается подъемного материала, то он также дает очень мало; качественно он одинаков, количественно в западной части его больше, но это, может быть, зависит от лучшей разработанности поверхности последней. Во время обследования западная часть была вспахана и заборонована, в то время как восточная была покрыта жнивьем.

Следы укрепления (вал и рвы) лучше всего сохранились в восточной части (с напольной стороны). Здесь местами вал достигает 6 м (от дна рва). Хуже всего вал сохранился с северной и северо-западной сторон. Общая длина внешнего вала около 1.5 км, площадь поселения достигает 10 га. В восточной части вала ясно прослеживается въезд (ворота). Есть еще следы въезда в северной, северо-западной и южной частях, но они так незначительны, что два из них, по-видимому, относятся к древним. [illegible] из них без условно относятся к жизни на поселении в наши дни, например въезд в восточную часть (на которой еще недавно стояла хата) с северной стороны.

С восточной стороны за рвом сохранились следы наружного вала высотой 1.5—2 м, перехваченного двумя седловинами, вследствие чего насыпь имеет форму расплывшихся и слившихся курганов (рис. 25).

Бо́льшую часть собранных материалов составляют керамические остатки, состоящие из обломков кухонных лепных горшков, орнаментированных по краю венчиков щипками и ногтевыми вдавлениями. У многих из них под венчиком сквозные отверстия. Три обломка имеют налепной валик на шейке края венчика. Есть также обломки темно-серых мисок с плохим лощением. Гончарная керамика представлена обломками амфор. Из других вещей следует отметить «грузила» и «пряслица», сделанные из глины (форма их самая различная — овальные, конические, биконические и т. п.), пращевые ядра, точильные камни. Из металлических вещей найдена лишь одна бронзовая булавка.

Коломацкое поселение известно давно, начиная с XVI в. Неоднократно оно, по-видимому, подвергалось обследованию. До-

статочно подробное описание городища было сделано М. Фуксом. В 1945 г. городище было обследовано Днепровской левобережной экспедицией совместно с Полтавским историко-краеведческим музеем.

ИСОХЕ, отд. II, М., 1857, стр. 237; М. Фукс. Про городища скитського доби на Харківщині. ЗХАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 98; И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1949, стр. 27—3.; 2) Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

53. Коробов, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р. Северского Донца, на расстоянии [illegible] км к [illegible] от хутора. Оно расположено на останце коренного берега, образованном долиной реки и впадающими в нее оврагами. Северный склон останца самый пологий, переходит в устье оврага в узкую стрелку.

Поселение укреплено валами и рвами со всех сторон, за исключением берега Северского Донца. Возможно, что и со стороны реки имелись искусственные укрепления, но были разрушены вместе с осыпанием берега. С напольной (западной) стороны проходит двойная линия валов и рвов. В северной части к укрепленной линии примыкает небольшая площадка (около 100 м²), обнесенная дополнительным валом и рвом.

Длина оборонительной линии около 385 м, ширина основания около 30 м (с напольной стороны), высота вала от 7.5 до 12.5 м на склоне. Размер площади около 15 000 м². Имеется три въезда — с севера, юга и юго-востока.

На площадке поселения большое количество ям, особенно ближе к напольной стороне. Размер их от [illegible] до 10 м, при глубине от 0.5 до 2.3 м. Ямы более или менее единообразны по форме и размещены по прямой линии (рис. 26).

Поселение находится в лесу.

Находки на поселении принадлежат преимущественно скифскому времени, а на склонах встречаются вещи и более позднего, например татарского времени.

На городище страшно [illegible] к северу от поселения имеется еще две укрепленные линии, состоящие из валов и рвов. Они пересекают стрелку поперек (В—З). Рвы их обращены в южную сторону. По-видимому, к описан-

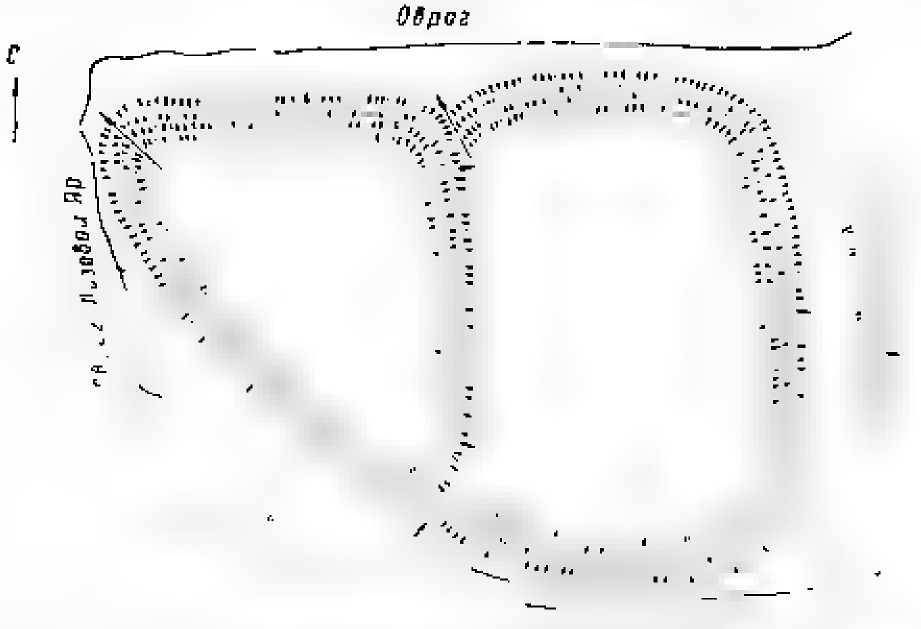


Рис. 25. Городище [illegible] Коломак, Харьковской [illegible] (По [illegible] В. А. [illegible])

[illegible] поселению они укрепления [illegible] не имеют.

В 1[illegible] было [illegible] найден [illegible] серебряных [illegible]

Г. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 3?; М. Фукс. Про городища скитського доби на Харківщині. ЗХАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 104—1?.

54. Короча, Курская обл., [illegible] р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Городище находится на правом коренном берегу р. Псла, между селами Корочка и Суходол, там, где русло р. Псла подходит вплотную к обрыву коренного берега [illegible] занимает мыс, образованный долиной р. [illegible]

[illegible] Г. А. Шрамко про [illegible] в результате [illegible] в [illegible] равнинной [illegible] культура IX вв. Археологія в ХГУ за [illegible] Труди [illegible] музею ХГУ, Харків, 1958, ст. 41.

и двумя балками, впадающими в нее. Мыс вытянут по оси СЗ ЮВ. Городище расположено на стрелке мыса. С напольной стороны проходит линия искусственных укреплений, состоящая из двух валов и трех рвов, идущих

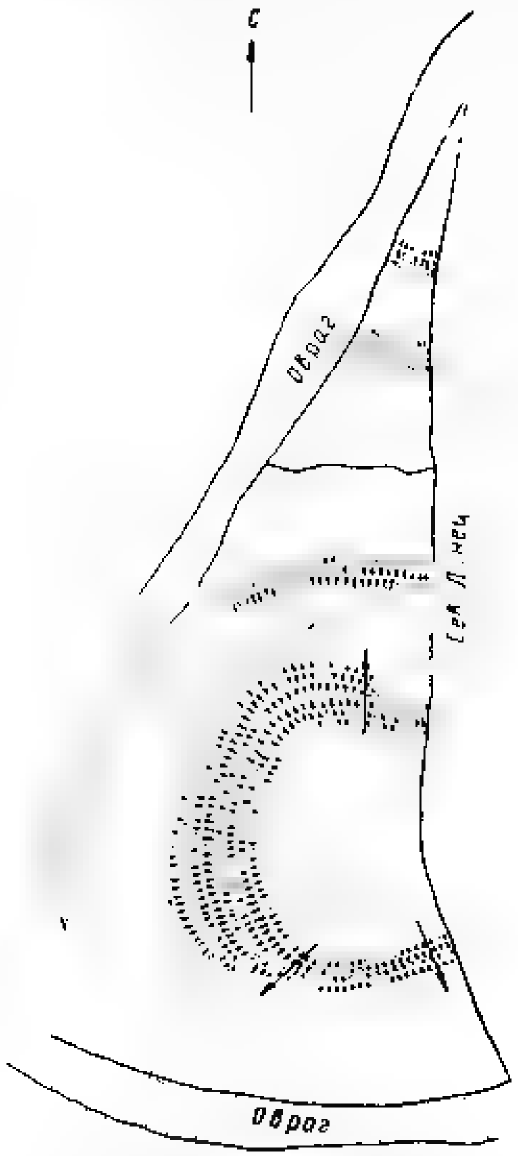


Рис 26 Городище у хут Коробова Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

впритык один к другому. Форма городища овальная, несколько удлиненная по оси СЗ ЮВ. Размер площадки около 170×80 м (рис 27). Валы и рвы сохранились сравнительно хорошо. Городище находится в лесу и поросло деревьями Культурных остатков на поверхности нет. В шурфах, заложенных в разных частях городища, обнаружены одни и те же остатки — черепки глиняных лепных сосудов зольничного типа (со сквозными отверстиями по краю венчика и рантиками у донышек). Мощность культурного слоя колеблется от 0.25 до 0 50 м.

Городище было известно Д. Я. Самоквасову и К. Н. Сосновскому. Последний знал его лишь со слов крестьян, сам же на нем не был. Однако культурно хронологический облик поселения вплоть до обследования Днепровской левобережной экспедицией 1948 г. определен не был

Д. Я. Самоквасов Северянская земля и Северяне по городищам и могилам М., 1908, стр. 26 К. Н. Сосновский Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии. Труды XIII АС, т. I, [illegible] ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

55. Березовка(?), Курская обл., Белопольский р-н (правый берег р. [illegible]) — селище

Селище обнаружено в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится на правом берегу р. [illegible] на расстоянии [illegible] км к северо-востоку от села между [illegible] и р. [illegible]. Площадь, на которой прослежены культурные остатки, обрабатывается под посевы. Размер ее около 200 250 м. Культурные отложения размещены гнездами. Собранные при обследовании керамические материалы принадлежат культуре зольников (скифское время)

И. И. Ляпушкин Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

56 Кочеток, Харьковская обл., Чугуевский р-н (бассейн р. Северского Донца) селище

Селище у с Кочеток открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. Оно находится справа от дороги из с Печенеги в с. Кочеток, как только переедешь р. Бабку и поднимешься на плато (между дорогой и лесом, на линии длиной около километра) На этой территории, обрабатываемой под посевы, обнаружены сильно измельченные черепки кухонной лепной посуды зольничного типа, кости животных и некоторые другие вещи (поделки из глины). На большой части территории они рассеяны вне какой-либо закономерности. Лишь в районе, наиболее близком к селу (там, где дорога поворачивает в лес), можно наблюдать скопление культурных остатков в виде гнезд (зольников)

Необходимо отметить, что характер черепков вследствие сильной измельченности не совсем отчетлив, однако все черты, присущи [illegible] из них вполне ясно

[illegible] Архив ИА

57. Красное Утро (б. им. Бочки), Сумская обл., Кролевецкий р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище

[illegible] Вал [illegible] Судя по [illegible] На поверхности вспаханной [illegible] большое количество культурных остатков. Среди них [illegible] ломкам глиняной посуды роменско-борщевского типа (раннеславянской) Изредка попадаются черепки зольничной посуды (лепной), а также гончарной посуды великокняжеской поры. На соседнем мысу, находящемся к западу от городища, обнаружены керамические остатки тех же трех типов — зольничные (в незначительном количестве), роменско-борщевские и великокняжеские Есть единичные обломки глиняной посуды эпохи бронзы

Большое количество керамических остатков роменско-борщевского типа имеется на плато к северу и северо-западу от городища, на территории, находящейся под колхозным садом Здесь, по видимому, располагалось открытое поселение

Городище упоминается в документах XVIII в Первые сведения в литературе относятся к 60-м годам XIX в., откуда они попадают в погубернскую сводку, сделанную Центральным статистическим комитетом в 70-х годах XIX в. В 1947 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией

Д. Я. Самоквасов [illegible] И. И. Ляпушкин Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 Архив ИА.

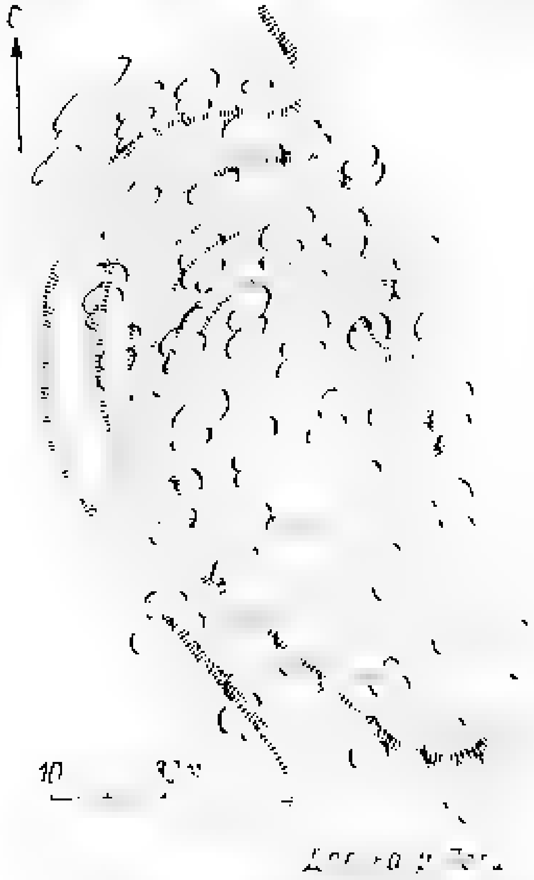


Рис. 27 Городище у дер. [illegible] Схематический план.

58 Кривецкие Буды, Курская обл., Беловский р-н (левый берег р. Стригослы) городище.

Городище находится на мысу левого берега р. Стригослы, в 3 км к югу от села. Оно занимает среднюю часть узкого мыса, образованного долиной реки и двумя глубокими оврагами Городище состоит из двух частей собственно городища и так называемого предгорья Форма городища удлиненный овал, вытянутый по линии СЗ ЮВ. [illegible] городье имеет трапециевидную форму. С напольной стороны городище защищено валом и рвом Склоны городища в верхней части

по всему периметру имеют искусственную зачистку до 2 м высоты, причем срезанная [illegible]

Предгородье с напольной стороны также имеет вал. Один конец его упирается в овраг,

[illegible] сорт [illegible] образова [illegible] [illegible] является на середине площадки вокруг площадки на [illegible] Длина площадки [illegible] доходя до противоположного оврага

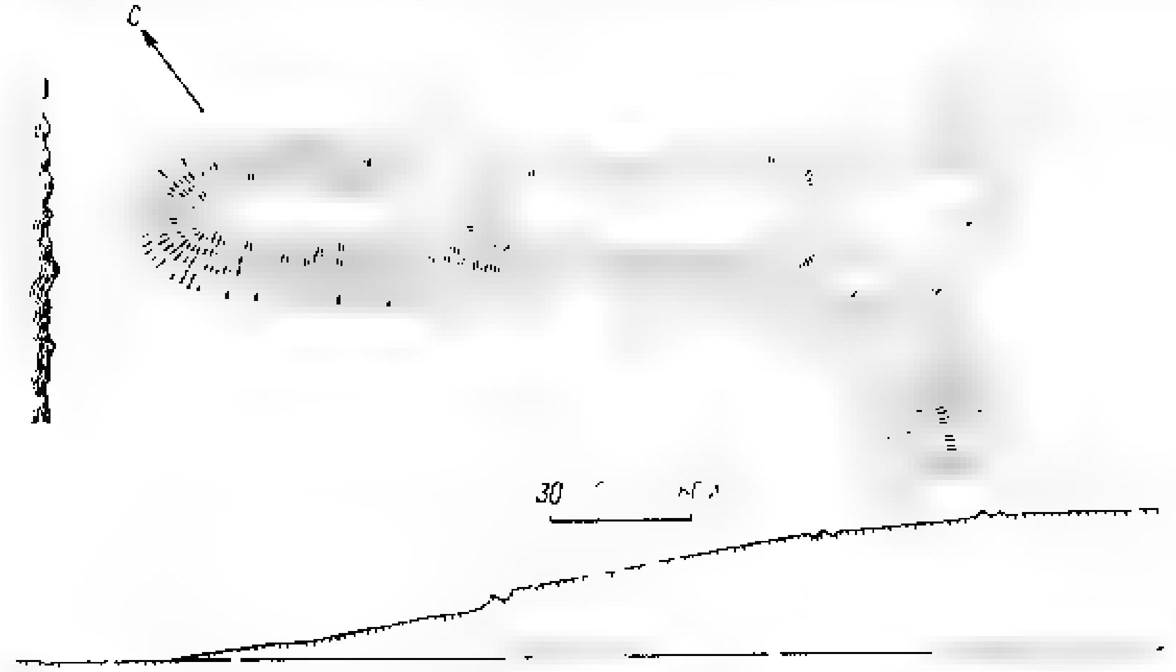


Рис. 29. Городище у с. Кривицкие Буды, схематический план (по К. Н. Сосновскому. Архив ИА)

городища около 170 м, наибольшая ширина около 45 м. Высота площадки над долиной от 40 до 70 м.

Длина вала около 45 м, высота около 2 м. С внешней стороны вала [illegible] ров глубиной около 1 м при ширине около 3.5 м (рис. 29).

В 1909 и 1910 гг. городище было обследовано К. Н. Сосновским. Помимо внешнего осмотра, К. Н. Сосновский произвел на городище небольшие раскопки. По северному склону городища был обнаружен зольник со слоем мощностью около 1.5 м в центре. Среди собранных материалов [illegible] позднезольничного типа грубых самых разнообразных форм и другие глиняные поделки.

Городище у с. Кривицкие Буды по характеру оборонительных сооружений во многом напоминает городище у с. Битицы.

К югу от вала предгородья разбросано около двух [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

54. Кунцы (Полтавская обл., Ново-Санжарский р-н, [illegible] берег р. Ворсклы). Селище.

На левом берегу балки, выходящей в долину р. Ворсклы, не доходя до с. Кунцы, в 1946 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией обнаружены следы поселения зольничной культуры. Собранные при осмотре культурные остатки состоят из черепков кухонных лепных горшков со сквозными отверстиями несколько ниже края венчика и черепков мисок с загнутым внутрь краем. Ясно выраженных зольников не обнаружено, однако заметна некоторая концентрация культурных остатков на небольших участках.

И. И. Ляпушкин [illegible], Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; [illegible] Из истории Левобережной Украины в эпоху [illegible] СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 38 [illegible]

60. Кучмовка (Полтавская обл., [illegible] р-н (правый берег р. Ворсклы). Селище.

В 1940 г. при [illegible] правого берега р. Ворсклы Левобережным отрядом Днепровской экспедиции близ с. Кучмовка обнаружены остатки древнего поселения. Оно расположено на крутом берегу [illegible] [illegible] [illegible] хорошо выраженных зольных пятнах [illegible] окраски. Среди остатков больше всего [illegible] [illegible] по краю венчика [illegible] сквозными отверстиями несколько ниже [illegible] Есть обломки черной лощеной посуды [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] городище.

По [illegible] правом [illegible] берегу [illegible] [illegible] городище занимает остаток [illegible] [illegible] Останец, по-видимому, [illegible] помощи перешейка, перерезанного в настоящее время оврагом [illegible] Вероятно, что в этом месте проходила [illegible] превращенная ныне в овраг. Кстати следует отметить, что следов искусственных укреплений сейчас незаметно. Городище [illegible] Оползание склонов останца происходит по всей окружности. Возможно, что таким путем разрушился и вал. В северо-восточной части останца [illegible] процесс разрушения ускоряется [illegible] ственно (рис. 30).

Форма останца [illegible] длинной оси около 110 м [illegible] около 50 м. Площадка [illegible] долиной на 25—30 м. Поверхность [illegible] [illegible] в ряде мест, как отмечено [illegible]

или в силу естественных условий, или в силу нарушений при земляных работах. По склонам в оползнях, а также на площадке собраны культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды зольничной культуры поздней поры и славяно-русской роменско-боршевского и великокняжеского времени, а также куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев и фрагменты глиняных поделок.

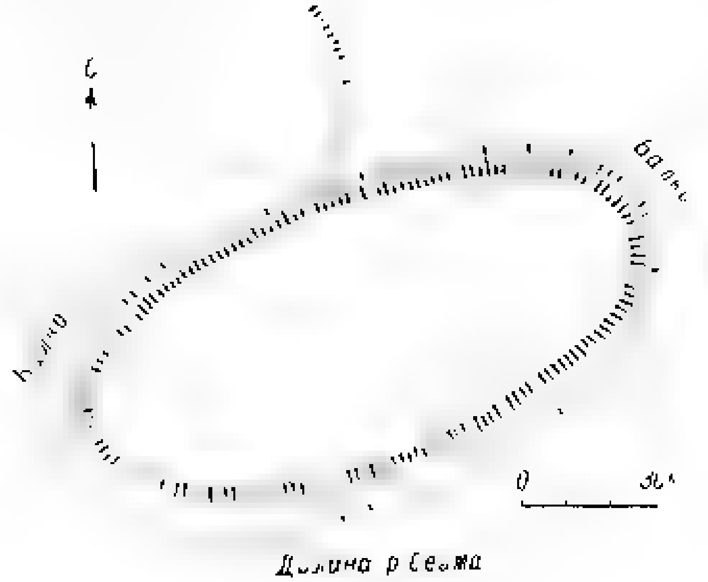


Рис. 30. Городище у дер. Лещиновка. Схематический план.

Мощность культурного слоя в зачищенном обрезе северного склона достигает 1.2 - 1.3 м.

Седловина, лежащая между останцом и плато, прорезана канавой по линии С Ю. В обрезе канавы прослеживается культурный слой, содержащий обломки глиняной посуды — лепной зольничной (?) и гончарной великокняжеской. По-видимому, площадь была занята неукрепленным поселком.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 19.. г. Архив ИА.

62. Линово, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Остатки поселения находятся в черте села. Они представляют собой городище, расположенное на мысу левого берега большой балки, прорезывающей правый коренной берег р. Сейма. Мыс обрамляется с западной стороны этой большой балкой, а с севера и юга двумя другими, впадающими в первую балками. Высота мыса над балкой не менее 40 50 м. Склоны очень круты. С напольной стороны мыс соединен узким перешейком с плато Перешеек перегорожен валом высотой 3—4 м. Площадка городища неправильной формы. Размер по длинной оси (В—З) около 150 м, по короткой — в восточной части 50 м, в западной 120 м (рис. 31) Городище занято огородом и распахивается На поверхности прослеживаются черепки лепной посуды зольничного типа, а также куски обожженной глиняной обмазки со следами отпечатков прутьев Мощность культурного слоя не определена Площадка городища имеет склон в южную сторону вследствие чего культурный слой во многих местах совершенно смыт

Городище известно в литературе с 70-х годов прошлого столетия. Оно было осмотрено Д. Я. Самоквасовым. Культурно-хронологический облик оставался неясным до обследования Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г.

Д. Я Самоквасов. Историческое значение городищ Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр 228, 229, И. И Ляпушкин 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА, 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр 52.

63. Литвиновичи, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч Великая Стражонка (правый берег р. Сейма) — селище.

При разведочных работах в 1947 г. Д. Т. Березовцом обнаружены близ села, в уроч. Великая Стражонка остатки древнего поселения, содержащего отложения скифского времени в виде черепков лепной посуды, орнаментированных ниже края венчика сквозными отверстиями

Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242, 243.

64. Литвяки, Полтавская обл., Лубенский р-н (левый берег р. Сулы) - селище.

При разведочных работах в бассейне р. Сулы Посульской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Ф Б. Копылова обнаружены следы поселения скифского времени близ с. Литвяки,

в уроч. Селище. Среди собранных материалов керамика позднезольничного типа.

Ф Б. Копилов Посульська експедиція. АП, т III, Київ, 1952, стр. 307, 308.

65 Лихачевка. Полтавская обл., Котельвинский р-н (левый берег р. Ворсклы) селище.

К западу от села, на левом берегу р. Ворсклы, на дюнах в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской экспедиции обнаружено большое количество культурных остатков Среди них заметное место занимают остатки зольничной культуры. Характер их размещения проследить не представляется возможным, поскольку на поверхности они выступают лишь в местах выдувов. Среди собранных материалов много обломков кухонных горшков со щипковым орнаментом по краю венчика и сквозными отверстиями ниже его. Есть также обломки мисок с загнутым внутрь краем и амфор Из других находок следует отметить грузики биконической формы.

Обращает на себя внимание сильная окатанность керамических остатков, по видимому, под влиянием движения песка.

Следы поселения на дюнах близ с. Лихачевка отмечены на археологической карте Харьковской губернии

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр 16; И И Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г Тетрадь № 1 Архив ИА, 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р Ворсклы КСИИМК, вып XVII, М. Л., 1947, стр 122 -132

66. Лихачевка, Полтавская обл., Котельвинский р-н (левый берег р. Ворсклы) селище

Рис 31. Городище у с Линово Схематический план.

К северу от села между дорогами, идущими в Котельву и Рублевку, на мысу коренного берега, вплотную подходящего к дюнам, на вспаханном поле обнаружены культурные остатки зольничного типа Ясно выраженных зольных пятен не заметно, но культурные остатки размещены гнездами По своему составу они совершенно такие же, как и на поселениях правого берега. Здесь есть обломки лепных кухонных горшков со щипковым орнаментом по венчику и сквозными отверстиями ниже края венчика, обломки черных лощеных мисок. Последние немногочисленны Вместе с тем встречаются остатки некоторых других форм лепных горшков (возможно, эпохи бронзы? Из остальных находок следует отметить обломки глиняных конусов

Поселение открыто и обследовано

в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской экспедиции

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА. 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

67. Лубны, Полтавская обл. (правый берег р. Сулы) — селище

Селище открыто и обследовано в 1948 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией. Оно находится на расстоянии 1 км от центра города, вправо от дороги на Клепачи, в том месте, где начинается тополевая аллея вдоль дороги. Культурные остатки в виде черепков глиняной лепной посуды, костей животных рассеяны по вспаханному полю. Керамические остатки сильно измельчены пашней. Как правило, они размещены гнездами.

По характеру теста, качеству обжига, форме венчиков и некоторым другим чертам принадлежность керамических остатков зольничной культуре не вызывает сомнения.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

68. Малый Вязивок, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, против дер. Малый Вязивок, на левом берегу балки того же наименования. Оно расположено на мысу, образованном балкой Малый Вязивок и впадающими в нее балками Фесишиной и Патрашивщиной. Поселение состоит из городища, занимающего южную часть мыса (стрелку), отгороженную от северной валом, идущим от балки Фесишиной до Патрашивщиной. Длина вала около 600 м, длина отгороженной площадки около 600 м. Вал распахивается. Местами он уничтожен уже совсем. В ряде мест вал прорезан. Недавно через него проложена дорога Оржица—Лубны. С южной стороны вала кое-где имеются следы неглубокого рва, идущего параллельно валу (рис. 32).

Отрезанный валом южный конец мыса представляет собой более или менее ровное плато с небольшим уклоном в сторону балок Малый Вязивок и Фесишиной. Большая часть этой площадки находится под посевами. Восточная часть (начиная от дороги Оржица—Лубны) задернована.

Тщательный осмотр вспаханной территории показал, что культурные отложения на площади городища весьма незначительны. На всей этой площади удалось найти всего несколько черепков лепных сосудов, да коегде в обрезе профилированной дороги обнаружить небольшие линзы обожженной глины или отдельные небольшие черепки. Среди них один черепок имеет сквозные отверстия по краю венчика, что дает основание предполагать принадлежность этого поселения зольничной культуре. Об этом же говорит и размеры городища и размер укрепленной линии.

Несколько больше керамических остатков собрано с внешней стороны вала (северной). По своему облику они совершенно схожи с черепками, собранными на городище. Но и здесь характерных остатков не обнаружено.

Обследование вспаханного поля, расположенного к северу от вала, показало, что на его территории имеется большое количество остатков глиняной обожженной обмазки. Около одного такого гнезда глиняной обмазки собрано большое количество черепков глиняной лепной посуды, в числе которых есть характерные для зольничной культуры донышки с рантиком. Отдельные черепки аналогичной посуды встречены на поле в самых различных местах. Среди них два обломка венчиков с остатками сквозных отверстий в местах излома.

О валах близ дер. Малый Вязивок имеются сведения у Н. Е. Макаренко. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 30; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

69. Малый Истороп, Сумская обл., Лебединский р-н (бассейн р. Псла) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Псла. Оно укреплено. Площадь его 43 000—54 000 м².

М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 106.

70. Мачухи, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище

Поселение находится в 5 км к юго-западу от села в уроч. Таранцев Яр, на участке, именуемом Десятое поле. Оно расположено на правом берегу яра, на лесной поляне. Общая площадь его до 10 га. На этой площади в настоящее время насчитывается 22 зольных всхолмления, замкнутых в круг с радиусом 250—300 м. В сторону Таранцева Яра поляна открыта. По внешнему облику зольники представляют невысокие холмики неправильной формы большого диаметра

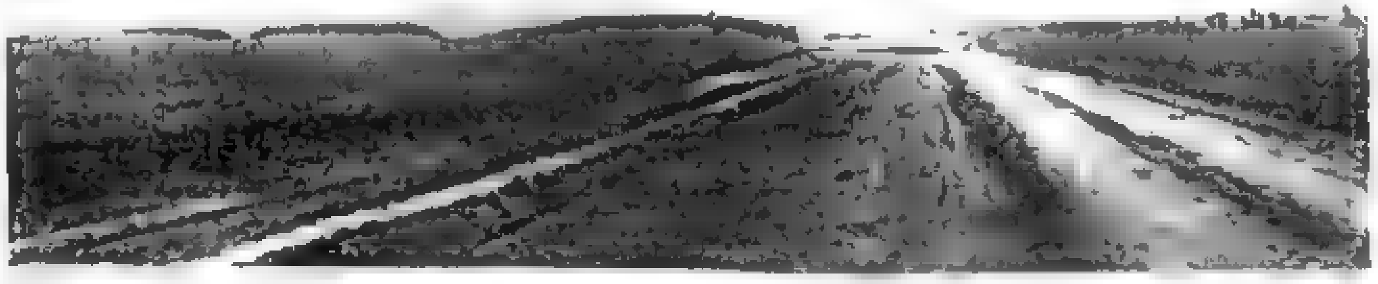


Рис. 32. Городище у хут. Малый Вязивок. Вал городища

Они выделяются и по своей более светлой окраске. На их поверхности много культурных остатков в виде черепков глиняной посуды, костей животных и различных поделок. В 1946 г. М. Я. Рудинским на поселении были произведены разведочные раскопки. Вскрыт юго-западный сектор зольника № 5. Зольник представлял собой холм более или менее правильной формы сферического сегмента, диаметром около 1.3—1.4 м. Зольник, по-видимому, лишь недавно начал подвергаться распашке, вследствие чего сохранился сравнительно хорошо. На поверхности его, как и у других зольников, культурные остатки. Состав их — черепки сосудов с налепным валиком и сквозными отверстиями по краю венчиков, обломки ручек «ковшей с высокими ручками», цельные и разбитые «пряслица» и т. п.

Исследование зольника показало, что в его составе имеется три слоя: верхний, представляющий собой сильно гумусированную золу, мощностью до 0.3 м; слой золы темно-серой окраски мощностью около 0.75 м, постепенно переходящий в третий, еще более темный золистый слой. С глубины 1.4 м начинается суглинок. Ни в зольном слое, ни под ним никаких следов хозяйственных сооружений не встречено.

Культурные остатки, собранные при исследовании зольника, залегали на всех горизонтах раскопа. Никакой закономерности в их размещении не обнаружено. Основной состав находок — черепки глиняной посуды, кости животных, незначительное число поделок из глины, кости, металла (железа и бронзы).

Среди культурных остатков самое большое место занимают обломки глиняной посуды. По своему облику они представляют единый керамический комплекс. Разницы между находками на отдельных горизонтах нет никакой. В их составе черепки кухонных горшков с налепным валиком и сквозными отверстиями по краю венчика и разнообразной черной лощеной столовой посуды. Керамика вся лепная. Совершенно отсутствуют остатки импортной греческой посуды — амфор и т. п. Незначительное место среди находок занимают поделки из глины, кости и металла. Изделия из глины состоят из «пряслиц», «катушек» («шпульки»), «пуговиц», различных грузиков и фигурок животных. Изделия из кости представлены различными проколками, скребками и некоторыми другими поделками. Вещи из металла единичны: один целый и два обломка ножей, трехгранное бронзовое острие и бронзовая шпилька с широкой головкой.

Автор раскопок датирует зольник концом VI в. до н. э.

Большой интерес представляют костные остатки, позволяющие восстановить стадо оби-

тателей Тараниева Яра. свинья — 27 особей, коза — 26, бык — 11, конь — 3, осел — 1, собака — 11.

М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 69—79.

71. Мачухи, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Следы поселения в виде распаханных зольников по левому берегу Паскового Яра были обнаружены Левобережной экспедицией при посещении в 1946 г. раскопок могильника близ с. Мачухи М. Я. Рудинским. Поселение расположено между яром и дорогой из Судиевки в с. Решетники (бывш. Старые Сенжары) на пахотном поле. При обследовании зольников были собраны обломки глиняной лепной посуды зольничного типа (поздней поры) и амфор. Элементов раннезольничной керамики (типа Тараниева Яра или Пожарной Балки II) не обнаружено.

М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 53—55.

72. Медвежье, Сумская обл., Талалаевский р-н (правый берег р. Ромена) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ромена близ с. Медвежьего. Оно расположено на останце коренного берега, отрезанного от плато с юго-западной стороны оврагом. Площадка останца вытянута по оси В—З. Западная часть более высокая, чем восточная. Поселение занимает обе части. Каждая из них укреплена валом в соответствии с естественной конфигурацией. В некоторых местах сохранились остатки рвов. Вал лучше всего сохранился в западной части, достигая здесь 5 м. Форма обеих частей овальная, вытянутая по оси В—З. Восточная часть в настоящее время занята кладбищем. Площадка восточной части около 4000 м². Западная часть по своим размерам несколько больше — около 6000 м². Значительно мощнее и ее оборонительные сооружения. В юго-западном углу вала ворота. Площадка западной части сильно изрыта ямами.

Поселение у с. Медвежье упоминается в «Книге Большому Чертежу» под именем «городок Медвежой». Оно упоминается и в сведениях о городищах, собранных Центральным статистическим управлением в 1873 г. В конце XIX в. (перед XI археологическим съездом) городище было обследовано В. Г. Ляскоронским, который дал краткое описание местоположения городища и его внешнего облика, а также сделал глазомерную съемку. Городище было отнесено им к группе «концентрических нагорных городищ сложной формы», культурно-хронологический облик которых автор никак не определяет. В 1906 г. городище обследовалось Н. Е. Макаренко. Им, как и В. Г. Ляскоронским, был произведен лишь внешний осмотр. Среди собранных на поселении материалов отмечены черепки только гончарной керамики, сходной с керамикой Донецкого, Глинского и Липовского городищ.

Судя по этим данным, городище у с. Медвежье должно было бы принадлежать к памятникам славяно-русской культуры X—XIII вв. Так оно и рассматривалось в отчете Археологической комиссии. Однако в ряде работ последующей поры Н. Е. Макаренко характеризует это поселение как поселение роменського типа. Приведенные им материалы полностью подтверждают это положение.

Просмотр коллекций из раскопок городища Медвежье, хранящихся в Роменском музее, привел нас к выводу, что Н. Е. Макаренко при характеристике культурно-хронологического облика этого поселения использовал далеко не все добытые им материалы. Как и при характеристике городища Монастырище, Н. Е. Макаренко прошел мимо большой группы керамических остатков зольничной культуры (обломки горшков, орнаментированные по краю венчика щипками и сквозными отверстиями ниже края венчиков). Такие же черепки были собраны на городище Т. В. Кибальчичем. В свете этих данных поселение у с. Медвежье оказывается памятником многослойным, причем древнейшим слоем его являются остатки зольничной культуры (скифского времени).

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 109; Т. В. Кибальчич. Древности. Киев, 1876, стр. 10, 44; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 421—423; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 74; ОАК за 1906 г. СПб., 1909, стр. 113; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 51; М. Макаренко. 1) Городище Монастирище. Науковий збірник за рік 1924, т. XIX, Київ, 1925, стр. 8—23; 2) Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederlův sborník. Obzor praehistorický, ročník IV, Praha, 1925, стр. 323 и сл.; коллекции Роменского музея: раскопки 1920 г., планшет № 11 (№№ 135—146), раскопки 1924 г., планшеты №№ 22 (№№ 262—276), 23 (№№ 358—368).

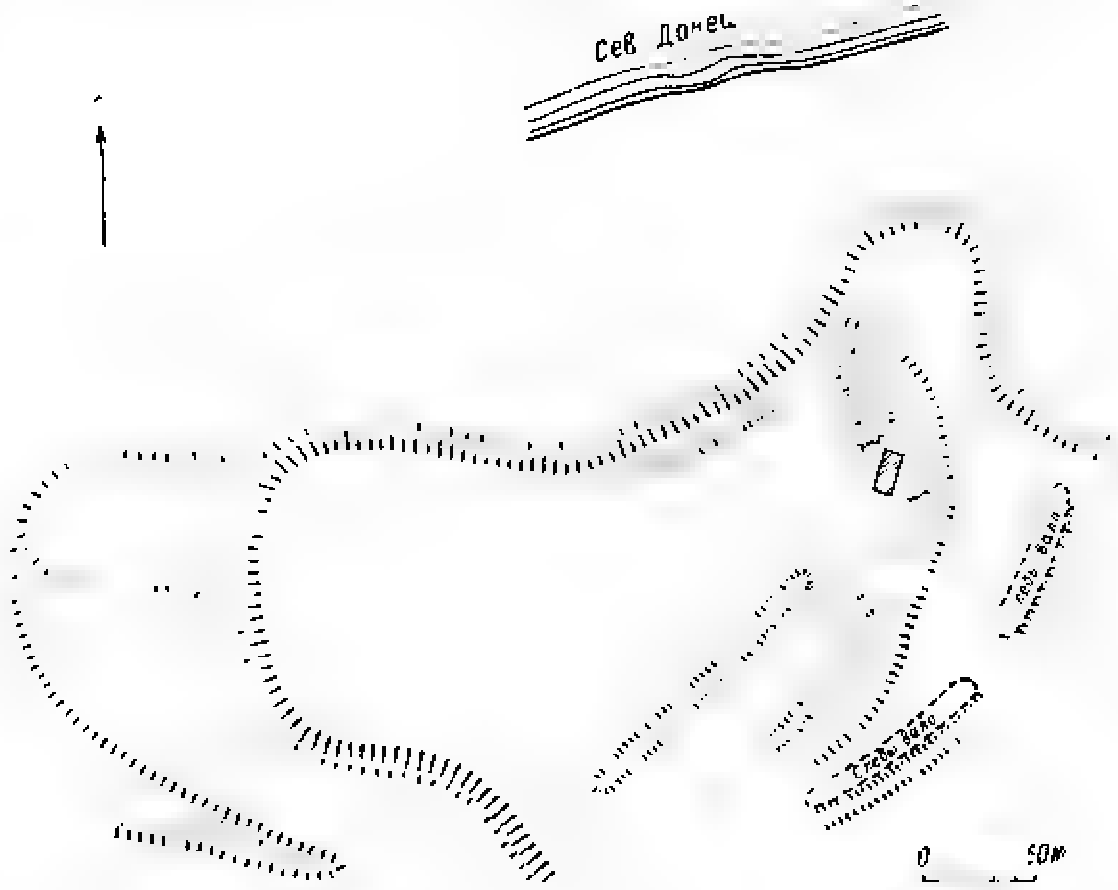


Рис. 33. Городище у с. Меловая. Схематический план

73. Меловая, Харьковская обл., Балаклейский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

Поселение находится в 4 км к северо-западу от села, на правом берегу р. Северского Донца, в уроч. Северское, на поле колхоза Червонный Шлях. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и балками. С юго-восточной напольной стороны поселение укреплено тремя линиями валов и параллельными им рвами. Два из валов (внутренние) огибают поселение и с восточной сравнительно пологой стороны мыса. Западный склон мыса путем искусственной зачистки сделан более отвесным. Поселение сильно разрушено хозяйственными постройками колхоза. Почти полностью срыта восточная часть первого (с внутренней стороны) вала, через все валы проложена дорога, связывающая площадку поселения с полем. Южный и юго-западный склоны поселения застраиваются хозяйственными постройками колхозников и разрабатываются под огороды. Во время Великой Отечественной войны на поселении был проложен ряд глубоких траншей (рис. 33).

Размер поселения по длинной оси (В—З) 200—250 м, по короткой 100—130 м. Высота мыса над долиной около 40 м, высота валов 2—3 м.

Культурный слой выражен очень слабо. Несмотря на то, что бóльшая часть площади поселения распахивается под огороды, культурные остатки на поверхности не прослеживаются. Только в зачистке обрезов траншей, да в обрезе вала (внутреннего) найдены немногочисленные черепки глиняной посуды. Черепки исключительно от лепных сосудов зольничного типа; среди них несколько венчиков, орнаментированных сквозными отверстиями, и донышек с рантиками.

Поселение известно в литературе со вто

рой половины XIX в., но облик его длительное время оставался не совсем ясным. В 1947 г. оно обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск. предварит комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 68 и сл.; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905 стр. 34, І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947 1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—301, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА

74. Мохнач, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

Городище находится в северном конце села, на мысу правого, коренного берега р. Северского Донца. Мыс образован долиной реки и впадающей в нее балкой. Городище занимает южную часть мыса (стрелки) размером около 800 м по длинной оси (С—Ю) при наибольшей ширине около 300 м (В—З). Форма городища близка к равнобедренному треугольнику. Восточная, западная и южная стороны городища имеют хорошую естественную защиту в виде высоких крутых склонов (до 40 м). С северной, напольной стороны поселение защищено валом и рвом. Вал распахивается, а ров заплыл. Внутри городища сохранились еще два вала, идущих параллельно внешнему (по линии В—З). Внутренние валы членят городище на три части — южную, северную и среднюю. Самая большая из них — северная, достигающая до 120 000 м². Средняя и южная по размерам почти одинаковы — около 20 000 м² каждая. В южной части городища с восточной и северной сторон прослеживаются остатки кладки каменных стен (рис. 34).

Через все городище по линии С—Ю проходит современная дорога. В южном конце городища для спуска в село сделана глубокая выемка, рассекающая городище по линии С—Ю. К западу от дороги, в южной и средней частях городища, находится современное кладбище, к востоку от дороги, в границах южной и средней частей, расположены огороды. Северная часть городища засажена плодовыми деревьями (остатки старых усадьб) и бахчевыми культурами.

По всей площади городища, а также в обрезах прослеживаются культурные остатки — черепки глиняной посуды, кости животных, металлические шлаки и т. п. Собранный материал дает основание утверждать, что городище многослойное. Древнейшие отложения составляют материалы скифского времени (культуры зольничного типа). Правда, выражены они слабо. Более ярко представлены остатки салтово-маяцкой и раннеславянской (роменско-борщевской) культур. Большое место занимают отложения русской культуры XVII—XVIII вв.

В отдельных частях городища материалы выступают в следующем виде

1. Южная часть городища (преимущественно к востоку от дороги): а) слабо выраженные элементы зольничной керамики (донышки, стенки); б) остатки от сосудов салтово-маяцкой культуры (амфор, кувшинов, кухонных горшков); в) славянская лепная керамика роменско-борщевского типа.

2. Средняя часть городища: а) остатки керамики салтово-маяцкой группы

3. Северная часть городища: а) остатки керамики салтово-маяцкой группы.

На всей площади городища прослеживаются культурные отложения поздней поры, по-видимому XVII—XVIII вв. Они выступают, пожалуй, наиболее ярко.

Собранный материал (керамика) не содержит достаточно данных для утверждения, что в основе укрепленного поселения находится отложения скифского времени, хотя общий облик городища — размеры, планировка — более всего соответствуют этой культуре. Не менее трудно на основе подъемного материала дать ответ на вопрос и о взаимоотношении ранних славян с населением салтово-маяцкой культуры. Пока ясно одно — это одна из точек линии стыка ранних славян с салтовцами.

Мохначевское городище упоминается в «Книге Большому Чертежу».

Книга Большому Чертежу. Ред К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 71, Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 32, 33, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

75. Мощеное, Белгородская обл., Тамаровский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище (?)

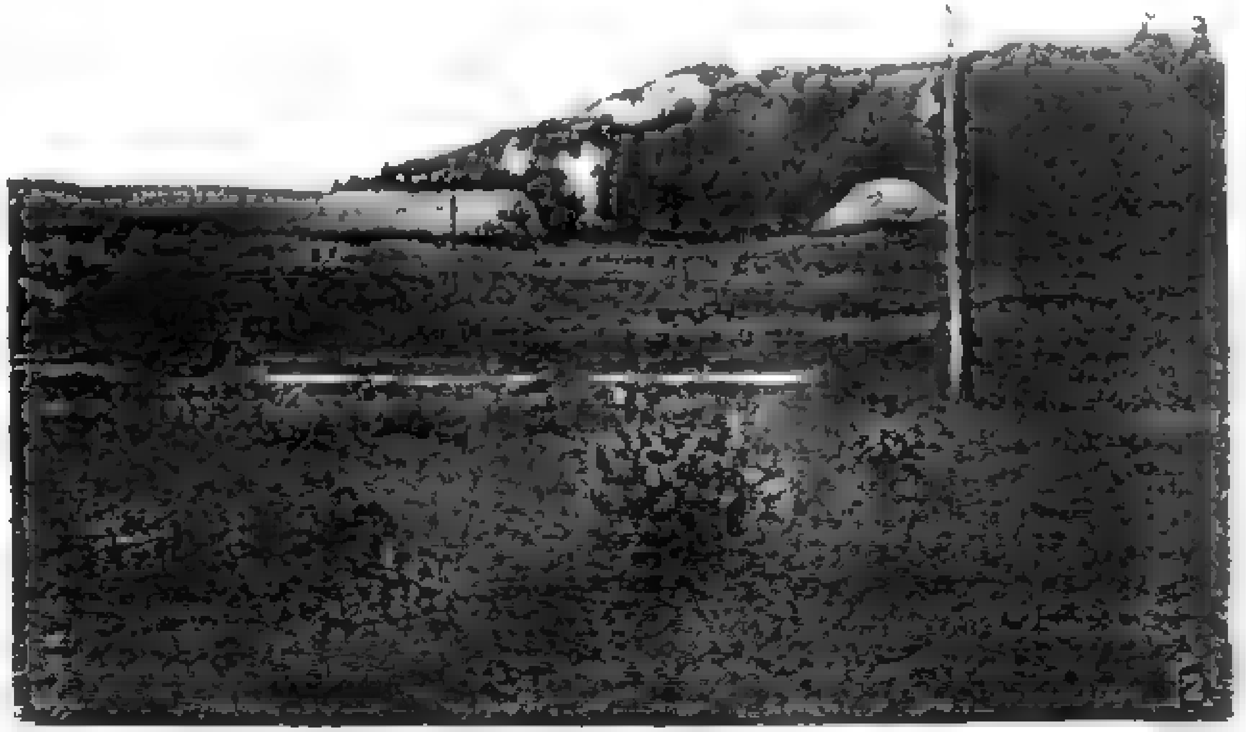


Рис. 34. Городище у с. Мохнач

1 — схематический план ...

Городище находится в 3 км к юго-западу от села, на мысу (вернее, даже на останце) правого берега Ясеневой Балки, впадающей в долину р. Ворсклы. Мыс вытянут по оси СВ—ЮЗ. С юго-востока и северо-запада он обрамлен оврагами, с юго-западной стороны — Ясеневой Балкой. От плато мыс отделен седловиной, усиленной рвом и валом поселения. Размер городища по длинной оси 100 м, по короткой 70 м. Форма овальная.

Поверхность городища сильно перекопана при корчевке пней бывшего когда-то здесь леса. По-видимому, вследствие этого культурный слой совершенно не прослеживается. Лишь в самом центре, на месте траншеи, имеющей форму замкнутого кольца, удалось отыскать в какой-то мере сохранившиеся остатки культурного слоя, содержащие черепки лепной посуды зольничного типа. Небольшое число аналогичных черепков было найдено и на плато к северо-востоку от городища.

Местоположение городища, внешний облик и керамические остатки дают основание предполагать, что это остатки поселения скифского времени (зольничного типа). Городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

76. Нижние Млыны, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

К северу от села, на плато правого, коренного берега р. Ворсклы, на площади около 200×600 м прослеживаются в большом количестве культурные остатки в виде костей животных, черепков глиняной посуды и т. п. Остатки концентрируются гнездами, однако ясно выраженных зольников не обнаружено (территория занята посевом зерновых культур). Керамические обломки, собранные при обследовании, принадлежат лепным сосудам (кухонным горшкам) со сквозными отверстиями ниже края венчика и рантиком по кромке донышка.

Поселение было открыто и обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1946 г.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

77. Новая Ивановка, Харьковская обл., Коломацкий р-н (правый берег р. Коломака) — селище.

Поселение открыто и обследовано Левобережной экспедицией в 1945 г. Оно находится на правом берегу р. Коломака, в 1½—2 км к северо-западу от с. Новая Ивановка, по обе стороны шоссейной дороги, ведущей к железнодорожной станции Водяная. Размер площади, занятой поселением, не установлен, так как территория во время обследования находилась под посевом. Во всяком случае, она не менее 200×150 м. Культурные остатки, собранные на этой площади, состоят из сильно измельченных обломков лепной кухонной посуды, орнаментированной по краю венчиков щипками, насечками и сквозными отверстиями ниже края венчика, а также обломков амфор.

И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

78. Новая Ивановка, Харьковская обл., Коломацкий р-н (правый берег р. Коломака) — селище.

Слабые следы культурных отложений зольничного типа выявлены Левобережной экспедицией в 1945 г. на правом берегу первой балки, считая от с. Новая Ивановка к хут. Гвоздев, у опушки леса. Среди собранных остатков обломки керамики типа Коломацкого городища, но менее яркие. В частности, нет ни одного венчика со сквозными отверстиями.

Площадка, на которой обнаружены остатки, была покрыта травой и жнивьем.

И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 17—43.

79. Новые Сенжары, Полтавская обл. (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Остатки поселения зольничной культуры обнаружены Левобережной экспедицией в 1946 г. близ дома отдыха у хут. Горишки, в 4 км от с. Новые Сенжары, вверх по течению р. Ворсклы, на ее правом, коренном берегу. Культурные остатки размещены

гнездами на расстоянии 15—20 м друг от друга. Среди собранных остатков кости животных, черепки лепных кухонных сосудов со сквозными отверстиями по краю венчика и черных лощеных сосудов.

Из числа известных в области Левобережья поселений данной культуры это одно из самых южных.

И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

80, 81. Новотроицкое, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — селища.

При обследовании окрестностей села в период проведения раскопок Новотроицкого городища (1952—1954 гг.) Днепровским левобережным отрядом Славянской археологической экспедиции обнаружены остатки двух неукрепленных поселений (селищ) скифского времени (зольничного типа). Одно из них расположено на надпойменной террасе правого берега р. Псла, слева от дороги, при въезде в село через мост на г. Лебедин. В свое время здесь было кладбище. Сейчас на этом месте копают глину. В обрезах ям был прослежен культурный слой, содержащий обломки глиняной лепной посуды, орнаментированной насечками и щипками по краю венчика и сквозными отверстиями ниже его края. Тулово одного из сосудов (его удалось восстановить) оказалось орнаментированным змейками, спускающимися от венчика к донышку (рис. 35).

Второе поселение расположено на южной окраине села, на плато коренного берега. Следы его выступают довольно отчетливо в виде скоплений (гнезд) культурных остатков на поверхности пашни. Среди собранных материалов обломки глиняной лепной посуды зольничного типа, кости животных, куски обожженной глины. Аналогичные остатки были прослежены и по склону берега (в обрезах балки и оврагов).

И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958, стр. 12, 13; Дневники работы Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1952—1954 гг. Архив ИА.

82. Опошня, Полтавская обл., уроч. Кардашев Вал (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, справа от дороги, идущей в с. Глинск (близко к выезду). Оно расположено на мысу или, вернее, на

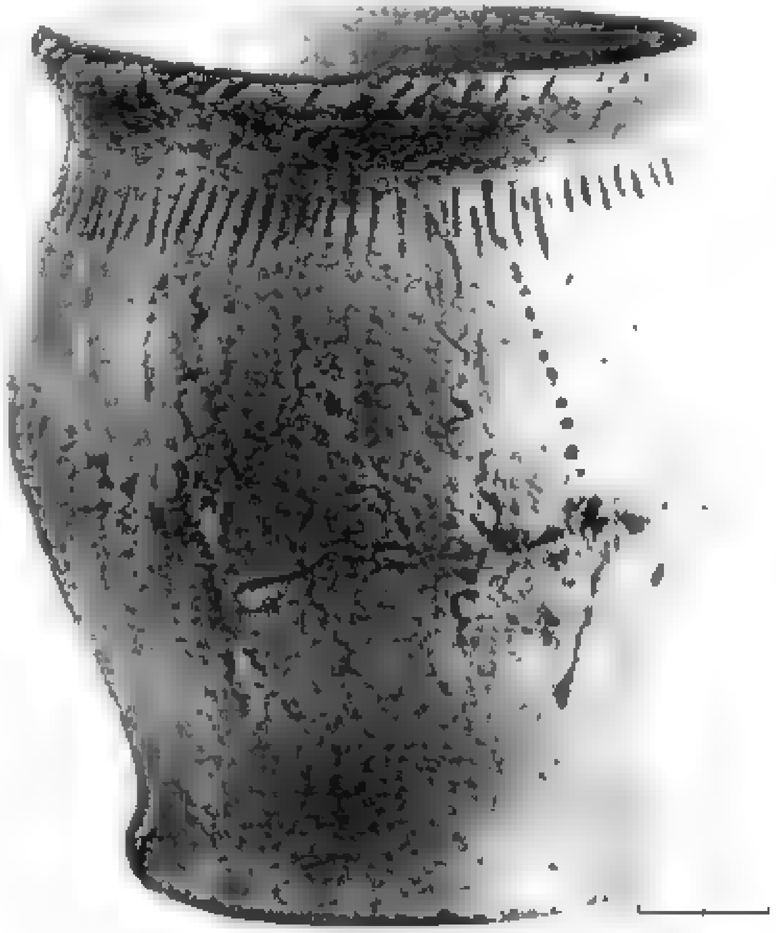


Рис. 35. Сосуд культуры зольников. Селище у с. Новотроицкое.

останце коренного берега, отрезанном оврагами. Склоны его довольно крутые, за исключением северо-западной части. Форма останца клиновидная, острием своим он обращен к северу. Поселение занимает всю площадку останца, и укреплено валом и рвом. Укрепленная линия выражена не совсем ясно. С внутренней стороны вал распахан совершенно. Длина поселения по линии С—Ю около 450 м, ширина в южной части около 280 м, в средней около 150 м, высота вала достигает 1.5—2 м.

Бóльшая часть поселения распахивается, и лишь южный участок порос лесом. В середине поселения, близ западной линии вала расположено современное кладбище.

На поверхности поселения имеются культурные остатки. Среди них обломки лепной керамики со сквозными отверстиями ниже края венчика, обломки черной лощеной посуды и поделки из глины. Такие же остатки были обнаружены и при зачистке склона поселения. Мощность культурного слоя здесь достигает 1 м.

Городище известно в литературе давно. В начале XX в. оно было обследовано В. Г. Ляскоронским. Им дано описание, снят глазомерный план, но культурно-хронологический облик не определен. В 1940 г. городище осмотрено Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 182—184; И. И. Ляпушкин 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы, КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

82а. Островерховка, Харьковская обл., Змиевский р-н (верховья р. Чернявки, левого притока р. Мжа) — селище.

Поселение открыто в 1950 г. Северодонецкой экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова. В том же году оно было обследовано И. Ф. Левицким и Х. П. Ланде (Харьковский музей). В 1951—1953 гг. на селище велись изыскания Б. А. Шрамко (Харьковский университет). По данным Б. А. Шрамко, на поселении зарегистрировано 60 зольников, расположенных пятью группами. В двух из этих групп, в урочищах Кушнаревское и Абазовское, было раскопано 4 зольника, давших интересный материал для характеристики культуры. При раскопках зольника в уроч. Кушнаревское обнаружены следы наземного жилища, однако восстановить его конструкцию, по заявлению автора, невозможно.

Собранный при раскопках материал, в частности обломки греческих амфор, дает основание исследователю отнести возникновение поселения к рубежу VI—V вв. до н. э.

Б. А. Шрамко. 1) Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, М., 1954, стр. 105—115; 2) Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 101—103. 3) Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівки. АП, т. VI, Київ, 1956, стр. 56—65.

83. Патлаевка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено и обследовано Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции в 1940 г. Оно находится на правом, коренном берегу р. Ворсклы, к западу от с. Патлаевка. Следы культурного слоя были выявлены в обрезе крутого высокого берега, а также на пашне. Среди собранных материалов черепки грубой лепной посуды, в том числе обломки венчиков с защипами края и сквозными отверстиями ниже края венчика, а также черепки с врезным геометрическим орнаментом (лощеные?)

И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы, КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132; 2) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА

84. Пересечное, Харьковская обл., Дергачевский р-н (правый берег р. Уды) — селище.

Селище обнаружено в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится к западу от села, на правом берегу р. Уды, на высоком плато между балками Черночей и Вязовой, по обе стороны границы земельных участков колхозов им. Коминтерна и им. С. М. Кирова. Культурные остатки рассеяны на площади не менее 300×
×300 м, на всем пространстве между балками. Резко бросается в глаза гнездовое (зольничное) размещение остатков и сильная насыщенность ими слоя. Число зольников более 50. Некоторые из них всхолмлены. Цвет большей части их сероватый, несколько отличный от окружающей поверхности. Среди остатков кости животных, куски обожженной глиняной обмазки со следами отпечатков прутьев, различные поделки из глины, черепки глиняной посуды, лепной и гончарной (амфор). Есть два черепка лощеных сосудов типа керамики «полей погребений» (?). Поселения этой культуры в большом количестве обнаружены по всему течению р. Уды. Ближайшие из них расположены в 2—3 км на склоне надпойменной террасы реки против села.

Территория, на которой прослеживаются остатки поселения, обрабатывается под по-

севы. Участок колхоза им. С. М. Кирова (в сторону Чернечьего Яра) во время обследования был вспахан, и следы поселения в этой части выступали наиболее ярко. Участок, прилегающий к Вязовому Яру, на-

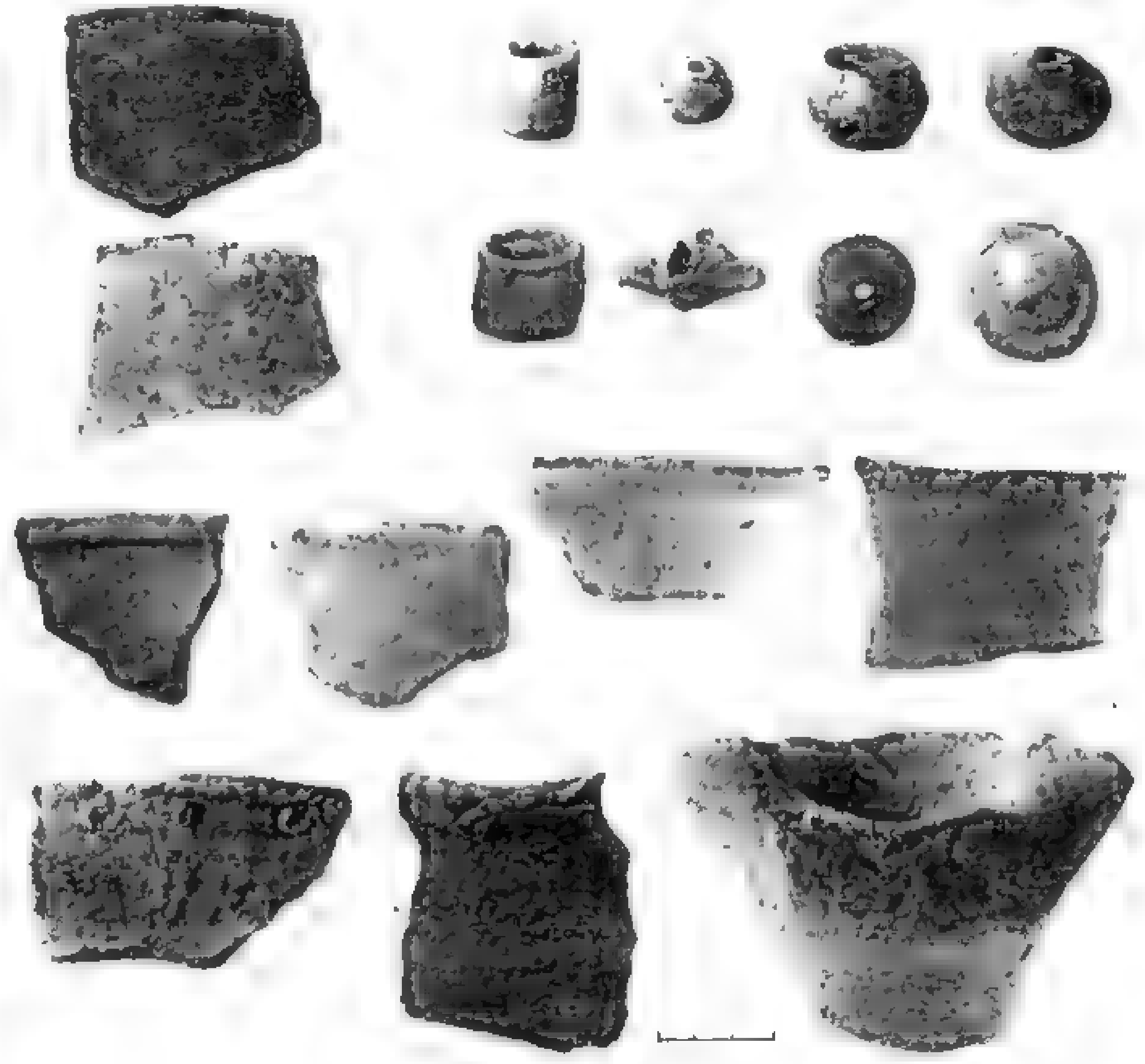


Рис. 36. Селище у с. Пересечное. Керамика.

ходился под посевом зерновых (колхоз им. Коминтерна).

Собранный керамический материал, за исключением двух черепков, отмеченных выше, относится к позднезольничной культуре (рис. 36).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

85. Пересечное, Харьковская обл., Дергачевский р-н, уроч. Курортная (правый берег р. Уды) — селище.

Селище расположено на правом берегу р. Уды, по обе стороны дороги, идущей из с. Пересечное в местечко Курорт, у переезда полотна железной дороги, около железнодорожной будки остановки Курортная. Остатки культурного слоя прослеживаются на узкой (около 100 м) полосе по склону надпойменной террасы; по линии В—З про-

тяженность ее до 700—800 м. На поверхности возделанного поля, а также в обрезе железнодорожной выемки имеются черепки глиняной посуды, кости животных, куски обожженной глины. Собранный материал показывает, что поселение многослойное. Здесь есть: 1) остатки глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, относящиеся к культуре «полей погребений» черняховского типа (от серых кухонных горшков, от различных сосудов с лощеной поверхностью, от амфор так называемого римского типа); 2) остатки глиняной посуды, сделанной от руки (лепной), относящиеся к позднезольничной [illegible]ьтуре [illegible]ухонные горшки со сквозными [illegible]ями ниже края венчика и рантиками по краю донышка); 3) остатки глиняной лепной посуды, по своим формам (тарелки, горшки) и общему облику близко стоящей к раннеславянской керамике роменско-борщевского типа. Поселение открыто И. Н. Луцкевичем в 1932 г. В 1948 г. оно обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'аток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 108. И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

86. Петровка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции. Оно находится на правом берегу р. Ворсклы, на плато, не доходя до большой балки, что против церкви. На вспаханном поле хорошо заметны серые зольистые пятна, слегка всхолмленные. Культурные остатки рассеяны по всему полю, особенно же много их на зольниках. В их составе обломки глиняной посуды, кости животных, шлаки, грузики и т. п.

Керамика преимущественно лепная: 1) обломки кухонных горшков со сквозными отверстиями и налепными валиками ниже их; 2) черные лощеные миски; 3) различные лощеные сосуды с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой. Гончарная посуда представлена фрагментами амфор.

На одном из зольников заложен шурф размером 0.5×1.0 м. Мощность культурного слоя около 1 м; слой темный, гумусированный, насыщенный культурными остатками — керамикой, костями животных, угольками, шлаками и т. д. В числе других вещей найден обломок костяной ложки.

Средний диаметр зольников около 15 м.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА. 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

87. Петропавловка, Белгородская обл., Саженский р-н (правый берег р. Северского Донца) — селище.

На расстоянии 1 км к северо-западу от села, на мысу правого, коренного берега р. Северского Донца, образованном с севера Малым Яром, с востока долиной реки и с юга Безымянным Яром, в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией обнаружено селище. Размер площадки, на которой прослеживаются культурные остатки, 400 (В—З)×200 (С—Ю) м. Мыс распахивается. Остатки размещаются неравномерно, их больше всего в средней части мыса, вдоль правого берега Малого Яра, поросшего лесом. В этой части имеются ярко выраженные зольники сероватого цвета, насыщенные всевозможными остатками (керамика, кости животных, кремешки, поделки из глины и т. п.). Меньше их на стрелке и у основания мыса. Здесь они залегают не гнездами, а рассеяны по всей площади.

Собранный материал принадлежит исключительно позднезольничной культуре. Среди найденных поделок следует отметить глиняный «грузик» цилиндрической формы со сквозным отверстием в центре и углублениями вокруг него; совершенно такой же найден на городище Старые Гончары, на р. Сейме (рис. 37).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

88. Погореловка, Курская обл., Льговский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Поселение находится на расстоянии 3—4 км к северу от села. Оно расположено на мысу правого, коренного берега р. Сейма, против с. Быки. С северо-востока и юго-запада мыс обрамлен балками, с юга и

юго-востока — долиной реки. Северо-западной стороной мыс примыкает к плато.

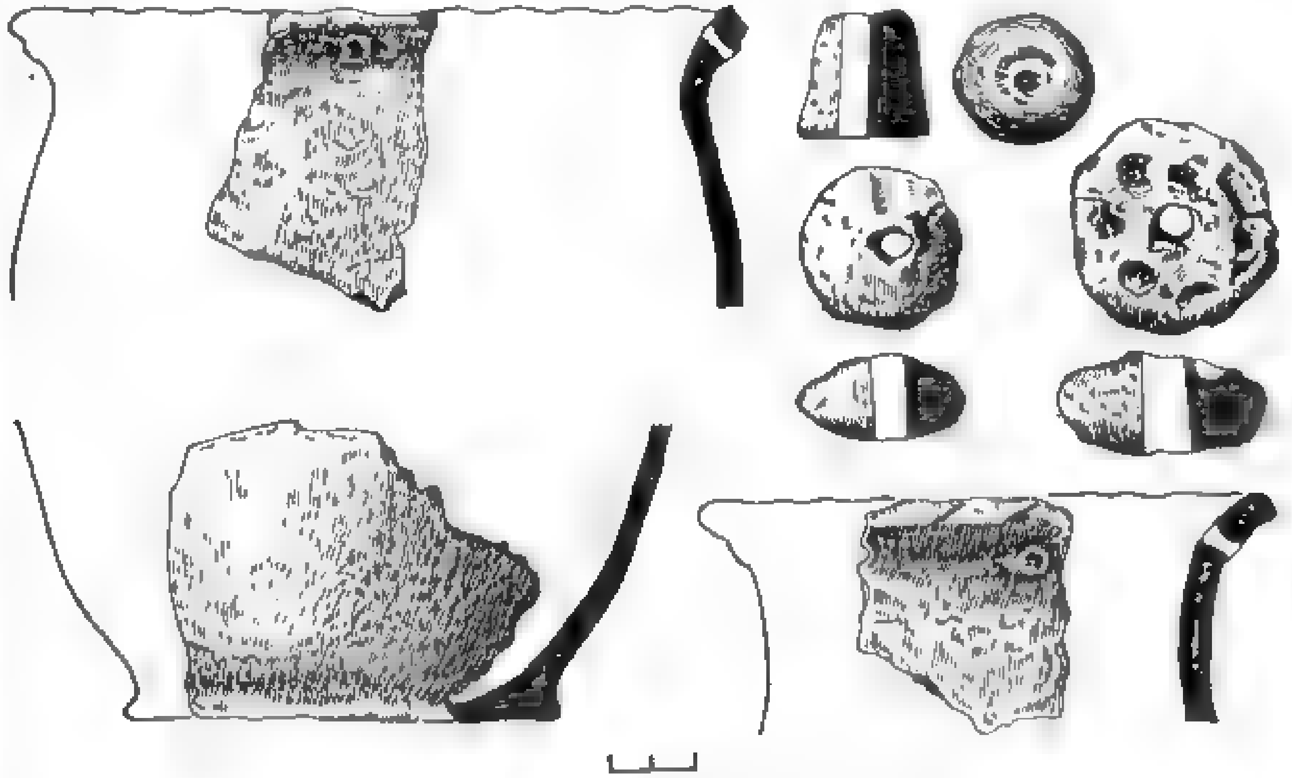


Рис. 37. Селище у с. Петропавловка. Керамика.

В этой части мыс перерезан рвом и валом (рис. 38). Высота вала со стороны поселения 5—6 м, глубина рва 2.5—3 м. Высота мыса над долиной реки около 50 м. Площадка ровная, но имеет уклон с северо-запада на юго-восток до 10 м. Площадка поселения, равно как и склоны, задернованы. Форма площадки поселения овальная, вытянутая по оси СЗ—ЮВ. Размер по длинной оси 130—140 м, ширина около 50 м. В обрезах траншей и на склонах собраны черепки посуды зольничной культуры поздней поры, куски обожженной глины с отпечатками прутьев и поделка из кости.

Поселение обследовано в 1947 г. Днепровской левобережной экспедицией.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 56.

89. Пожарная Балка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище (I).

Поселение обнаружено Днепровской левобережной экспедицией в 1946 г. Находится оно на правом берегу р. Ворсклы, в 1 км к юго-западу от села, на лесной

Рис. 38. Городище у дер. Погореловка. Схематический план.

поляне. Площадка поселения распахивается. На коричневатой пашне отчетливо высту-

нают зольные пятна. Диаметр их 7—12 м, при расстоянии между центрами 25—30 м. Общее число зольников не менее 20. Культурные остатки концентрируются на зольных сосудов — амфор (рис. 39). В полукилометре к юго-западу от данного поселения, называемого Пожарная Балка I, расположено второе, с зольниками курганного типа,

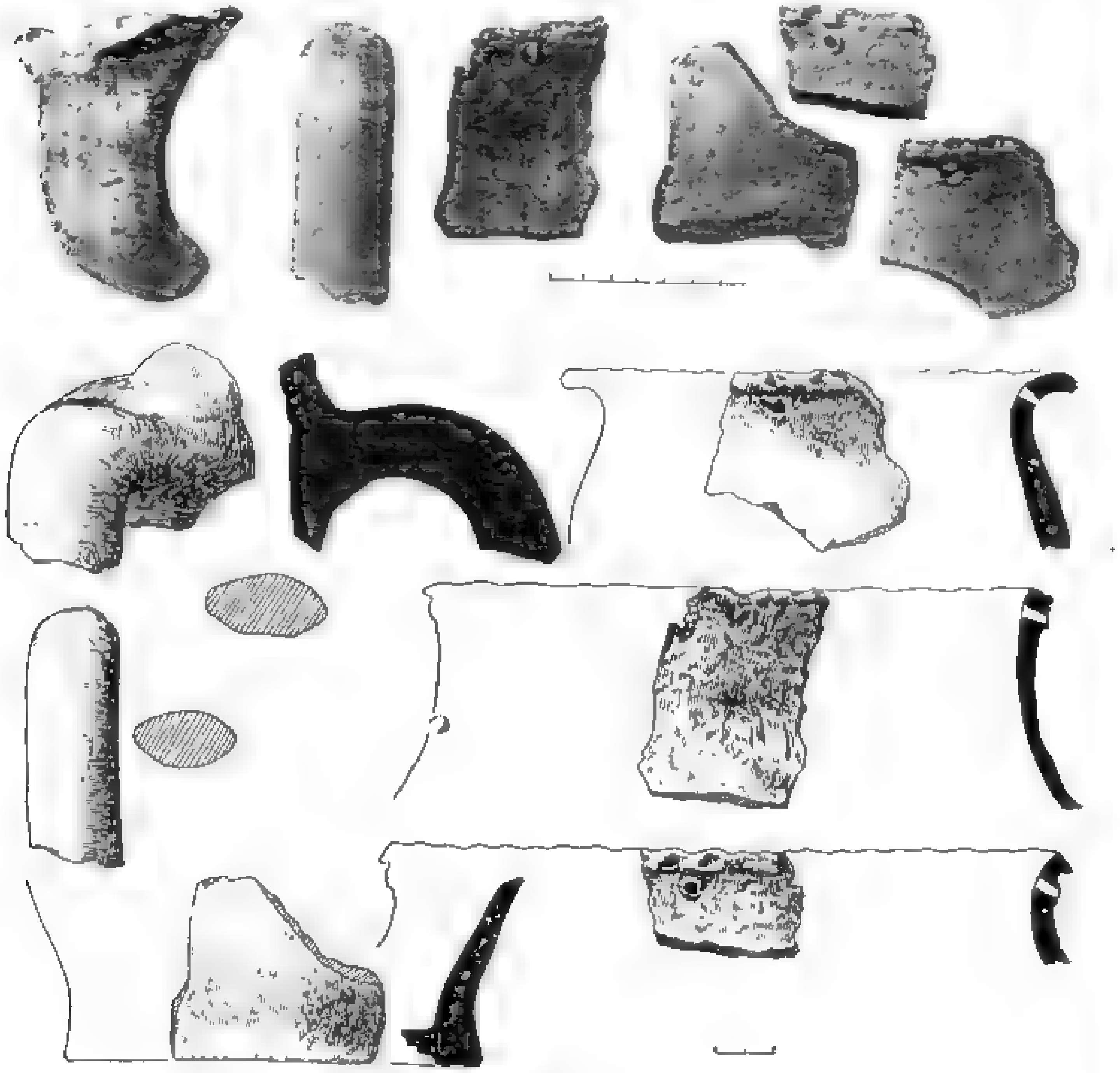


Рис. 39. Селище у хут. Пожарная Балка I. Керамика.

никах, вне их остатки редки, но все же имеются. Среди собранных черепков глиняной посуды преобладают обломки от лепных кухонных горшков, орнаментированных щипками по краю венчика и сквозными отверстиями ниже его. Есть обломки гончаркоторое в отличие от данного названо Пожарная Балка II.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

90. Пожарная Балка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище (II).

Общая характеристика памятника. Поселение обнаружено и обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1946 г. Оно находится на правом берегу р. Ворсклы, ную, юго-западную и юго-восточную стороны открывается широкий вид на долины р. Ворсклы и левого ее притока р. Тагамлыка. Никаких следов искусственных укреплений вокруг поселения не обнаружено. Несмотря на свой неукрепленный характер, поселение имеет довольно ясные внешние признаки в виде курганообразных насыпей, известных в литературе под именем зольников, состоящих из зольных отложе-

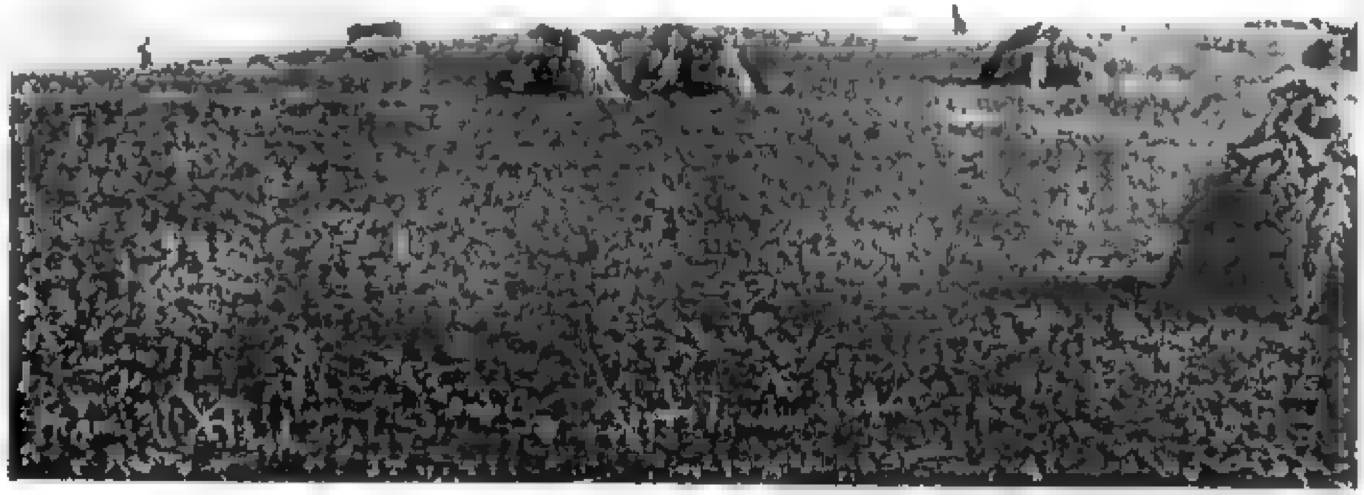


Рис. 40. Селище у хут. Пожарная Балка II. Общий вид поселения (зольников).

на расстоянии 1—1.5 км к юго-западу от поселка, на пологом западном склоне высокого останца коренного берега.

Площадка, на которой прослеживаются остатки поселения, в настоящее время распахивается. Но не так давно, еще в начале XX в., весь останец был покрыт лесом. Об этом хорошо помнят старожилы, это подтверждается и картографическими данными. При раскопках поселения найдены перегнившие корни деревьев. В ряде мест останца, особенно по склонам к долине реки и к северо-востоку от поселения, лес сохранился и по сей день. Большие лесные массивы находятся к западу от останца, по другую сторону балки, отделяющей останец от коренного берега. По сути дела, сейчас поселение расположено на большой лесной поляне. С площадки поселения в южний с большим содержанием культурных остатков в виде костей животных, обломков глиняной посуды, изделий из глины, камня и кости. Высота насыпей колеблется от 1 до 1.5 м, при диаметре до 30 м (рис. 40). Таких насыпей сейчас насчитывается десять. Восемь из них вытянуты в цепочку вдоль коренного берега, в 80—100 м к северу от его кромки, на линии протяженностью до 600 м. Расстояние между отдельными зольниками колеблется от 30 до 140 м. Два из них находятся несколько южнее (ближе к кромке берега) (рис. 41). До нас дошли, по всей вероятности, не все насыпи. Многочисленные культурные остатки, рассеянные в промежутках между всхолмлениями, в какой то своей части, по видимому, являются остатками зольников, распаханных или уничтоженных при корчевке леса.

Наряду с зольниками на территории поселения и к востоку от него имеется большое число курганов, по форме совершенно одинаковых с зольниками, но отличных от последних как по составу насыпей, так и по размерам. Как правило, они меньше зольников (рис. 42). Насыпаны они из суглинистой земли. Культурные остатки на их поверхности отсутствуют. Только на курганах, расположенных в черте поселения, можно изредка найти отдельные обломки глиняной посуды или кости животных, занесенные сюда, по-видимому, в результате обработки поля. Всего курганов зафиксировано 25. При обследовании поселения в 1946 г. экспедиция не имела возможности осмотреть тщательно все насыпи, в частности, почти совершенно не были доступны обследованию курганы, расположенные в восточной части, на территории, занятой тогда посевом. Все они по внешнему сходству с зольниками были зачислены в число последних

В 1949 г. Днепровская левобережная экспедиция произвела на поселении небольшие раскопки. Под раскоп избрана сравнительно ровная площадка в восточной части поселения. Площадка включала в себя два зольника, расположенных по оси С—Ю, на расстоянии около 60 м между центрами. Северный зольник (№ 2) является одним из восьми вытянутых в цепочку по линии В—З Восточнее его находится еще лишь один зольник (№ 4). Зольник № 2 один из наиболее заметных, как по правильности своей овальной формы, так и по размерам. Высота его достигает 2 м; размер по линии С—Ю более 30 м и по линии В—З около 25 м. Он распахивается, как и все окружающее его поле. На фоне поля этот зольник выделяется не только своей всхолмленностью, но и более светлой (серой) окраской. Поверхность его усеяна культурными остатками, состоящими из обломков глиняной посуды, костей животных и единичных поделок из глины, кости и камня.

Рис. 41. Селище у хут. Пожарная Балка II. План селища

а — зольники, б — курганы в — раскопы, г — межевые знаки лесной дачи.

Зольник № 1 расположен вне линии цепочки, метрах в 50 к югу от нее, у основания мысообразного выступа коренного берега. Как и зольник № 2, он вытянут по оси С—Ю, но форма его менее четка. Южный склон зольника сливается со склоном

плато к долине реки, вследствие чего создается впечатление, что он значительно выше, чем зольник № 2, особенно если смотреть с юга. В действительности же высота его не превышает 1 м. Размер по линии С—Ю около 25 м, по линии В—З около 22—23 м. Зольник имеет сероватую окраску, выделяющую его на фоне поля. На поверхности его значительное количество культурных остатков, по своему характеру совершенно аналогичных остаткам зольника № 2: обломки глиняной посуды, кости животных, единичные поделки из глины, кости и камня, а также куски обожженной глины

Кроме отмеченных двух зольников, площадка включала небольшое курганообразное возвышение, расположенное между зольниками №№ 1 и 2, являющееся крайней западной точкой длинной цепи таких же курганообразных насыпей, тянущейся вдоль кромки коренного берега к востоку от поселения. Вся остальная часть площадки представляла собой более или менее ровную поверхность, имеющую покатость в юго-восточную сторону. На поверхности пространства между зольниками и на кургане также имелись культурные остатки, но они немногочисленны.

Раскопы были заложены на трех участках: 1) южном — зольник № 1; 2) северном — зольник № 2; 3) центральном — на месте кургана. Кроме того, между северным и южным участками был заложен ряд шурфов.

Южным раскопом вскрыта бо́льшая часть зольника № 1 и прилегающая к нему с севера междузольничная площадка; общая площадь раскопа 344 м². Северным раскопом вскрыта небольшая, южная часть зольника № 2; общая площадь раскопа 112 м². Центральный раскоп по сути дела шурф; размер вскрытой площади 16 м² (рис. 43)

Рис. 42. Селище у хут. Пожарная Балка II. Курганы

Южный участок раскопа. Южный участок раскопа наибольший по вскрытой площади. Наиболее интересен он, как будет показано ниже, и по результатам Здесь вскрыта бо́льшая часть зольника № 1 (около 270 м²). Характер вскрытого слоя по мощности и внешнему виду не везде одинаков. На междузольничной площадке мощность культурного слоя колеблется от 0 30 до 0 60 м при незначительной насыщен

ности культурными остатками (обломки глиняной посуды, кости животных, единичные поделки из камня, кости, металла). Различная мощность этого слоя обусловлена, по-видимому, неровностью дневной поверхности. По сути дела, культурные отложения этой части сводятся к почвенному слою Ниже лежит лёссовидный суглинок. Культурные остатки находятся во взвешенном состоянии. Лишь в одной точке этого участка на глубине 0.20 0.30 м (под первым штыком) обнаружены следы непосредственной деятельности человека — небольшая вымостка из обломков лепной посуды и кусков кварцита. Около вымостки в обрезе бровки был найден почти полностью сохранившийся в раздавленном виде лепной сосуд с налепным валиком ниже края венчика

Культурные остатки, собранные при исследовании этой части южного раскопа, состоят из обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из глины, по своему характеру материалы эти не отличаются от материалов других частей раскопа, поэтому характеристика их будет дана совместно со всеми остальными материалами, собранными при исследовании поселения.

Культурные отложения на площади зольника по своему внешнему виду резко отличаются от слоя междузольничной площадки. Они залегали в виде полусферической зольной линзы, верхняя часть которой до глубины 0.20 –0.30 см слегка гумусирована. Под зольной линзой - погребенная почва, переходящая постепенно в материковый лёссовидный суглинок.

Наибольшей мощности (около 1 20—1 30 м) зольный слой достигает в центре зольника. Начиная отсюда линза постепенно выклинивается по всем направлениям. При характеристике мощности культурного слоя мы не принимаем в расчет культурных отложений, заполняющих всевозможные углубления (ямы, канавки и т. п), связанные с хозяйственными сооружениями. Глубина некоторых из этих ям достигает 2 м от уровня погребенной почвы. Таким образом, в этих местах мощность культурного слоя достигает более 3 м.

Внутренняя структура культурного слоя зольника № 1 как по окраске, так и по плотности довольно единообразна В большей своей части он представляет рыхлую аморфную зольно-землистую массу серого цвета с вкраплением углей, кусков обожженной глины, большого числа обломков глиняной посуды и костей животных и немногочисленных поделок из глины, кости, камня и металла Зольные отложения настолько однообразны, что в процессе работы совершенно не улавливалась их стратиграфия Лишь в оставленных контрольных бровках спустя несколько дней после вскрытия того или иного участка, когда зола высыхала, в отдельных местах иногда удавалось проследить некоторые особенности окраски различных горизонтов. Единственное, что выступало более или менее отчетливо, это остатки открытых очагов, округлых в плане, содержащих чистую золу с угольками или сажистыми прослойками. По плотности несколько выделяется нижний слой зольных отложений, лежащий непосредственно на погребенной почве. Мощность его 0 20—0.25 м (рис. 44).

Наряду с остатками бытовых вещей в зольнике обнаружены и другие следы человеческой жизни. Здесь открыты развалины глинобитной печи, хозяйственные ямы, большое количество небольших столбовых ямок, остатки жертвенного сооружения, наземные изображения (рельефы) и значительное количество открытых очагов (рис. 45). Стратиграфически перечисленные сооружения связаны с различными этапами человеческой жизни. Грубо их можно расчленить на две группы - раннюю, связанную с горизонтом погребенной почвы, и позднюю, связанную с зольными отложениями без подразделения на отдельные горизонты. К ранней группе относятся наземные изображения (рельефы), жертвенное сооружение и некоторые хозяйственные ямы; к поздней — печь и ряд хозяйственных ям. Столбовые ямы относятся к обеим группам, однако связать каждую из них с определенным горизонтом не представляется возможным.

Из хозяйственных сооружений поздней группы стратиграфически наиболее четко определяется местоположение печи. Она была сооружена на культурном слое мощностью около 0 35—0.40 м от уровня погребенной почвы, состоящем из зольных отложений с включениями разнообразных культурных остатков (рис. 46, *1*, *2*). В плане печь имела овальную, несколько вытянутую по оси (СВ –ЮЗ) форму. В основание печи на культурный слой был подсыпан мелкозернистый

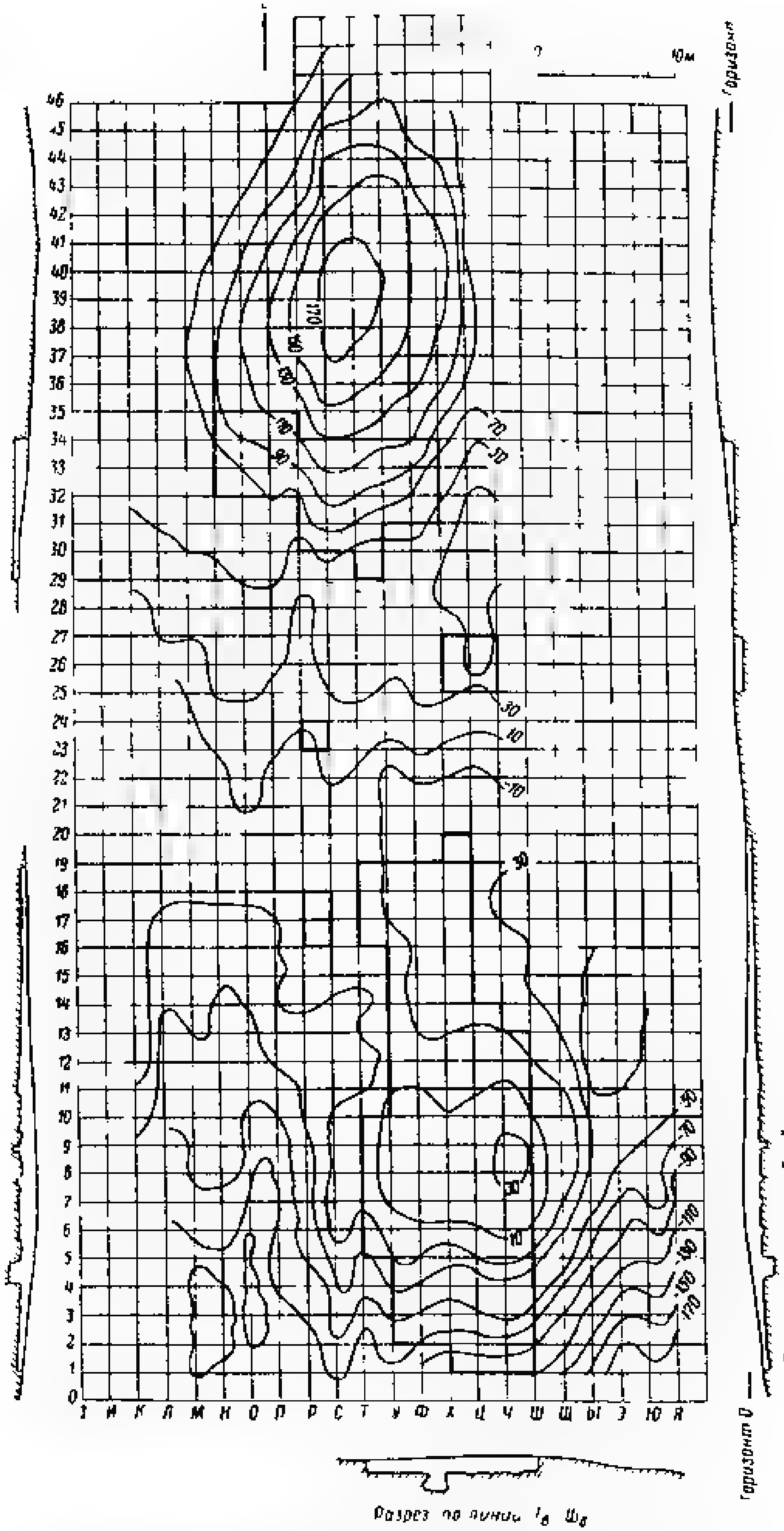


Рис 43 Селище у хут Пожарная Балка II План раскопа до начала работы.

песок желтого цвета. Выше песка шла вымостка из обломков глиняной лепной посуды раннезольничного типа в один ряд. Среди них большое число обломков черных лощеных сосудов. Поверхность вымостки была покрыта тонким слоем глины. Выше глины шла вторая вымостка из темно-красного железистого песчаника также в один ряд

Значительно сложнее определить стратиграфию отдельных хозяйственных ям поздней группы. Однообразие состава отложений зольника в целом и заполнения хозяйственных ям почти не давали возможности выявить, на каком горизонте каждая из них была заложена. Только на самом последнем штыке зольных напластований, лежащем

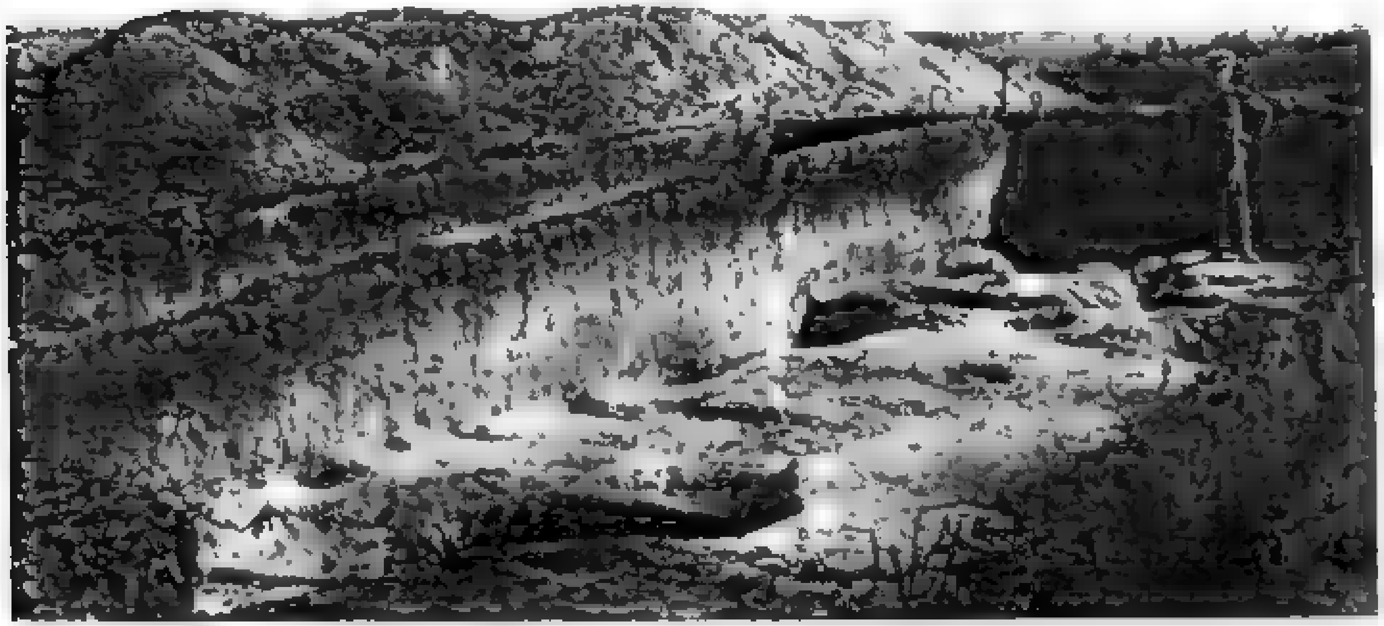


Рис. 44. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. Процесс исследования.

Как и вымостка из обломков глиняной посуды, вымостка из песчаника была покрыта слоем глины, представляющим собой под печи. Начиная от этого горизонта был возведен глинобитный свод. От последнего сохранились лишь незначительные остатки, не позволяющие воссоздать его полностью. Прилегающая к печи площадка в радиусе около 1 м была покрыта незначительным слоем желтой глины подлицо со сводом печи (рис. 47).

Таким образом, сооружение печи относится к моменту, когда зольные отложения на площадке зольника достигли уже значительной мощности, но в то же время зольник в том виде, в каком он дошел до нас, окончательно еще не оформился, ибо печь была перекрыта сверху зольным слоем более 0.25 м

непосредственно на погребенной почве, более твердом по составу, чем заполнение ям, контуры этих ям делались более или менее осязаемы. Это позволило, не определяя точно горизонта каждой из них в отдельности, выделить группу ям, выкопанных в зольных отложениях. К их числу мы относим №№ 4, 5, 9, 10 и 11. Остановимся кратко на характеристике этих ям (рис. 48, *8*).

Яма № 4 расположена в северной части раскопа — в кв. X_{9-10}. Она имеет округлую в плане форму с несколько наклонными стенками, придающими ей конический вид. Верхний диаметр ямы 1.25 м, нижний 1.45 м. Глубина ямы около 0.75 м. Бóльшая часть ямы залегает в почвенно-материковом слое. Контуры ее были обнаружены в зольном слое на высоте 0.15—0.20 м от погребенной почвы. Яма пересекает наземные изображе-

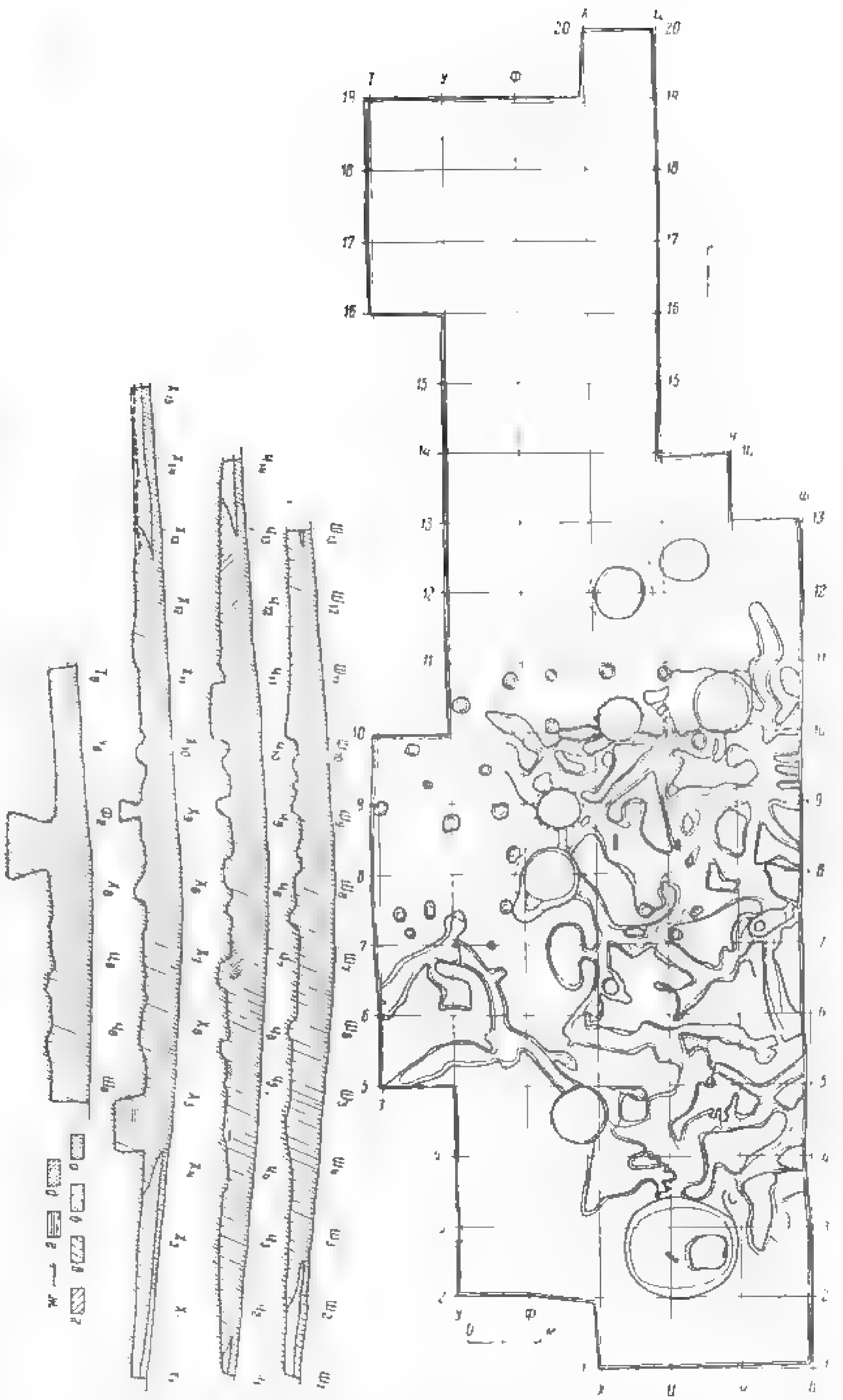


Рис. 45. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. План и разрезы раскопа после снятия культурного слоя

а — почвенный слой; б — подпочва, в — зольный слой; г — зольный слой более темной окраски; д — зола очажная (с углями), е — куски обожженной глины (в золе), ж — погребенная почва

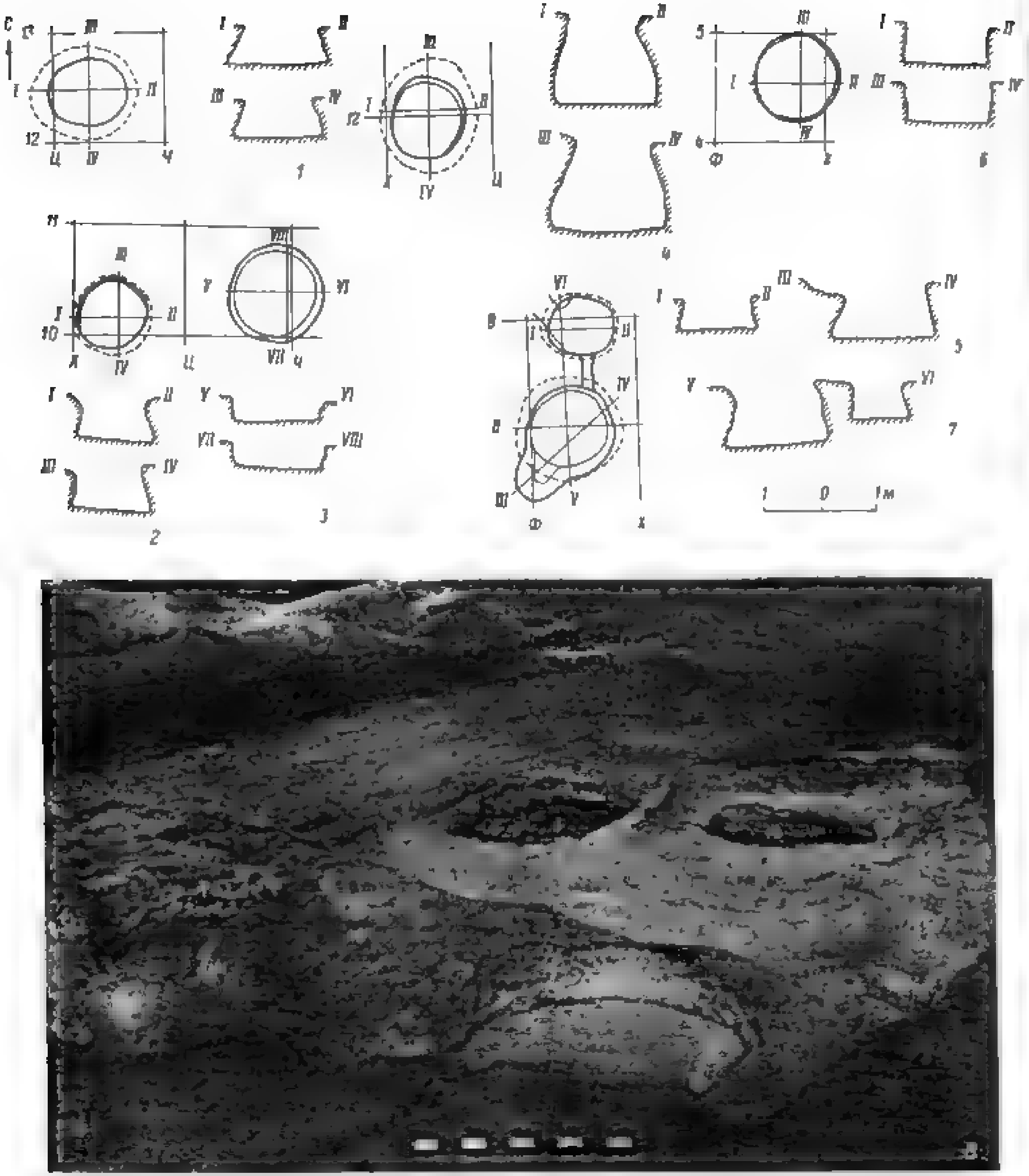
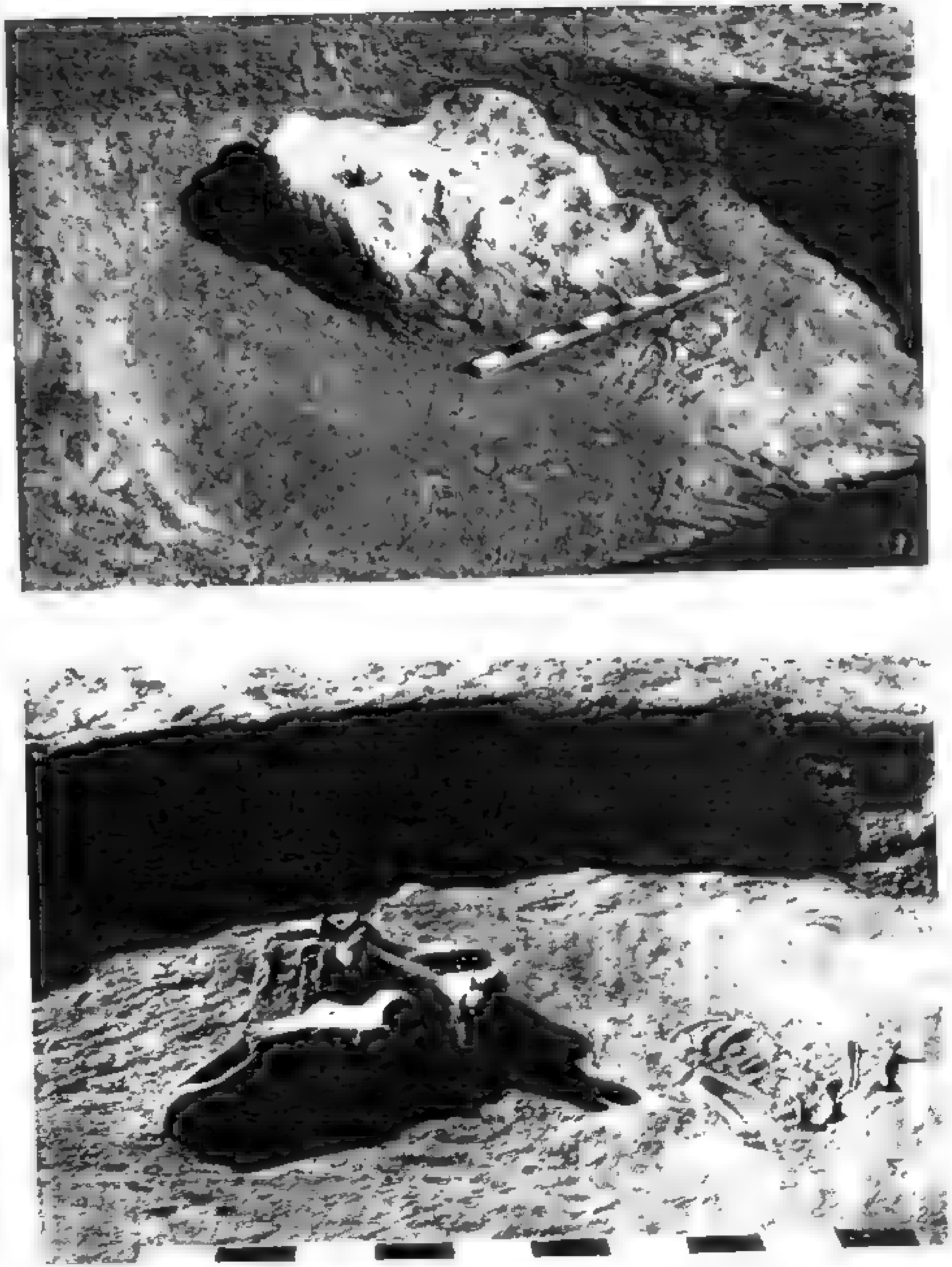


Рис. 48. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп.

Хозяйственные ямы: 1 — яма № 3, 2 — № 4; 3 — № 5; 4 — № 7, 5 — № 9; 6 — № 10; 7 — № 11; 8 — общий вид ям



Ри[illegible] 49. [illegible] хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. Жертвенное м[illegible]
[illegible] после [illegible]

редки. В верхней части ямы — следы костриша, ниже которого — куски обожженной глины и сажистый слой (рис. 48, *6*).

Яма № 11 находится почти в центре южного раскопа, в кв. $Ф_{7-8}$, в западной части площадки с наземными изображениями. В плане яма округлая. Верхний диаметр ямы 1.60—1.70 м, нижний около 2.00 м. Глубина ямы 1.20 м. Дно плоское. Стенки и дно обработаны довольно хорошо.

Яма № 11 пересекается другой, неглубокой ямой диаметром около 0.80 м, вследствие чего верхний план ее в юго-западной части потерял свой первоначальный округлый вид (рис. 48, *7*).

При проведении раскопок контур ямы № 11 обозначился в самой нижней части зольника, на высоте 0.10—0.15 м от погребенной почвы. Яма была заполнена золистым слоем с большим содержанием культурных остатков, особенно костей животных. В самом верху был обнаружен почти целый костяк небольшого животного.

Несколько сложнее обстоит дело с выделением поздней группы столбовых ямок. Незначительный диаметр (0.15—0.30 м) совершенно исключал возможность их выявления в зольном слое. Из общего числа около 20 лишь 5—6 ямок были прослежены в зольных отложениях, да и то в самом нижнем горизонте, буквально над слоем погребенной почвы. Все остальные выявлены после того, когда полностью был снят зольный слой и открыта погребенная почва. Судя, однако, по незначительной углубленности в материк сохранившихся ямок, есть все основания предполагать, что бóльшая часть их была вырыта в зольных отложениях, почему их и следует отнести к поздней группе. Это положение в какой-то мере подтверждается и некоторыми стратиграфическими наблюдениями над разрезами раскопа после того, как зольные отложения просохли.

Бóльшая часть ямок размещена в определенном порядке, показывающем, что они вырыты не случайно (рис. 45).

Сооружения ранней поры стратиграфически выступают более отчетливо. К ним прежде всего относятся ямы №№ 3 и 7.

Яма № 3 находится в северной части раскопа, в кв. $Ц_{12}$. Она вырыта в материковом, лёссовидном, желтом суглинке. В плане яма округлая, несколько вытянутая по оси В—З. Ко дну диаметр ямы расширяется, что придает ей колоколовидную форму. Верхний диаметр ямы 1.30—1.40, нижний 1.75—1.95 м. Глубина ямы 0.75 м (рис. 48, *1*).

Заполнение ямы состояло из сравнительно чистого зольного слоя с незначительным содержанием культурных остатков обычного для поселения типа. В ряде мест заполнение ее было изрезано кротовинами. Яма обработана достаточно хорошо. Стенки и пол ровные и хорошо заглажены.

Яма № 7 — одна из крайних ям северной части зольника (кв. $Х_{11-12}$) и в то же время самая большая из всех вскрытых на поселении ям. Форма ее грушевидная. Верхний диаметр равен 1.45—1.50 м, нижний 1.85—2.10 м. Наибольший диаметр (2.20 м) яма имеет на глубине 1.30 м. Общая глубина ее около 1.75 м (рис. 48, *4*). Яма вырыта в материковом, лёссовом суглинке желтого цвета. Стенки и дно ее, по-видимому, были хорошо обработаны. Сейчас они сильно нарыты кротовинами, но и в таком виде тщательность отделки выступает довольно ясно.

Заполнение ямы состояло из золистой массы с большим содержанием углей, кусков обожженной глины, костей животных, обломков глиняной посуды и единичных поделок из глины. Яма потеряла свое хозяйственное назначение еще в период жизни на поселении, о чем свидетельствует глиняное перекрытие ее, обнаруженное в верхней части, на глубине 0.50 м от поверхности. Первоначально перекрытие находилось несомненно в самом верху ямы, подлицо с дневной поверхностью, но впоследствии, в связи с оседанием заполнения ямы, оно также осело. Яма была перекрыта слоем глины толщиной от 0.05 до 0.15 м. Выше перекрытия яма была заполнена золистым слоем с большим содержанием кусков обожженной глины (печин) и углей. Не исключена возможность, что на месте перекрытой ямы находился очаг.

Несомненно к раннему периоду, ко времени первоначального освоения человеком изучаемого участка, относятся остатки культового сооружения — жертвенного места и наземных изображений (рельефов).

Жертвенное место представляет собой округлую в плане яму, вырытую в материковом, лессовидном суглинке, расположенную под южной полой зольника. Глубина ямы не превышает 0.50 м; размер вверху 3.20 м (В—З) и 2.85 м (С—Ю), внизу

3 м (В—З) и 2.40 м (С—Ю). Яма сверху была перекрыта золистым слоем, но сравнительно более темного цвета, чем слой центральной части зольника. Заполнение ямы состояло из землисто-золистых отложений с включением большого количества культурных остатков — обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из глины. В центре ямы обнаружен небольшой открытый очажок, чуть-чуть опаливший поверхность дна. На очаге — костяк собаки, вытянутый по оси С—Ю, головой на юг (череп разрушен при расчистке ямы). Поверх костяка — несколько обломков лепного сосуда раннезольничного типа (с налепным валиком). Перед очагом, с восточной стороны — небольшое зольное возвышение, почти квадратное в плане, покрытое сверху слоем твердой белой массы (глины?) (рис. 49, *1*). Поверхность возвышения имеет покатость в западную сторону. Длина возвышения (В—З) 1.10 м, ширина (С—Ю) 1.00 м, высота в восточной части около 0.30 м, в западной около 0.20 м. Вскрытие возвышения показало, что нижняя, бо́льшая часть его состоит из золы с незначительным содержанием угольков, раздробленных костей животных и нескольких мелких обломков глиняных лепных сосудов зольничного типа. Слой белой обмазки, покрывавший возвышение, не толще 0.10—0.15 м. Под юго-западной полой возвышения лежал череп лошади без нижней челюсти и несколько других лошадиных костей (рис. 49, *2* и 50).

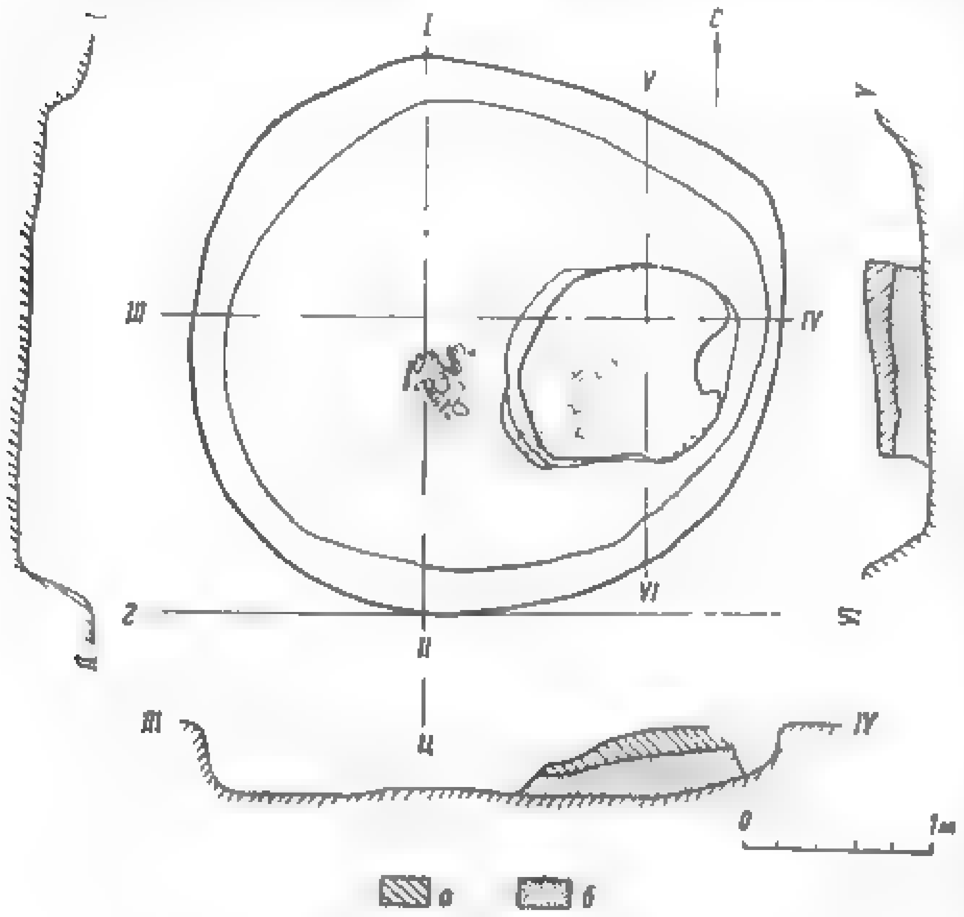


Рис. 50. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. План жертвенного места.
а — глина; *б* — зола с углем.

К северу от жертвенного места, в границах 3—11-й линий, под зольными отложениями были обнаружены остатки наземных изображений или рельефов. Общая площадь, занятая изображениями на исследованном участке, достигает 150 м². Какая-то часть их, расположенная в восточной поле зольника, осталась еще невскрытой. Число изображений на вскрытой площади было не менее 15, однако значительная часть их в силу характера материала, на котором они были нанесены (дерновая поверхность почвы), разрушилась (рис. 51, 52). Сохранилось всего лишь 5—7 изображений (одни полностью, другие частично), которые в какой-то мере могут быть опознаны. Бо́льшая часть — птицы (водоплавающие). Сохранившиеся изображения представляют собой фрагменты, по-видимому, какой-то единой композиции. Об этом довольно красноречиво говорят сравнительно хорошо сохранившиеся изображения трех птиц, расположенных почти в самом центре площадки. Здесь мы видим не оторванные друг от друга изображения, несвязанные между собой, а целостную, как бы замкнутую в круг группу трех птиц. Птицы изображены резчиком в весьма характерной для водоплавающей группы птиц позе — с повернутыми назад головами (рис. 53, *1*).

В южной части площадки, у жертвенного места уцелели остатки еще одной

группы изображений. Лучше всего здесь сохранилось изображение, примыкающее непосредственно к жертвенному месту. По общему облику (головка, шея, спина) оно очень близко напоминает лебедя, но несколько необычен хвост. Второе изображение, расположенное к северу от описанного,

Рис. 51. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. Общий вид.

сильно повреждено и отождествление его очень трудно (рис. 53, *2*).

К востоку от группы трех птиц площадка сильно разрушена. Но тем не менее два фрагмента вполне определимы. Это голова птицы и какое-то сильно изуродованное четвероногое животное (рис. 52). Ряд изображений уходит под стенку невскрытой восточной части зольника. Об их сохранности сказать пока ничего нельзя. Несколько поврежденных, не поддающихся осмыслению изображений находится к северо-западу от жертвенного места.

По технике резьбы рельефы плоские и довольно схематичные, передающие лишь общие контуры изображаемых фигур. Лишь в отдельных местах чувствуется намек на объем. Размеры сохранившихся изображений от 1.5×2 до 2×2.5 м. Высота рельефов от 0.10 до 0.30 м и более. Изображения были вырезаны на ровной, по-видимому, хорошо задернованной площадке, имеющей незначительную покатость в юго-восточную сторону. Время и хозяйственные постройки многое разрушили. Особенно пострадали изображения от хозяйственных и столбовых ям (ямы №№ 9 и 11), что нами было отмечено выше, при их описании. Яма № 5 и столбовые ямы, расположенные к югу от нее, также разрушили ряд изображений. Разрушению сильно способствовал также характер материала, на котором были нанесены изображения. Что касается сохранившейся части, то здесь мы всецело обязаны, по-видимому, золе, как ей же мы обязаны и тем, что своей структурой, а главное, цветом, отличным от погребенной почвы, она дала воз-

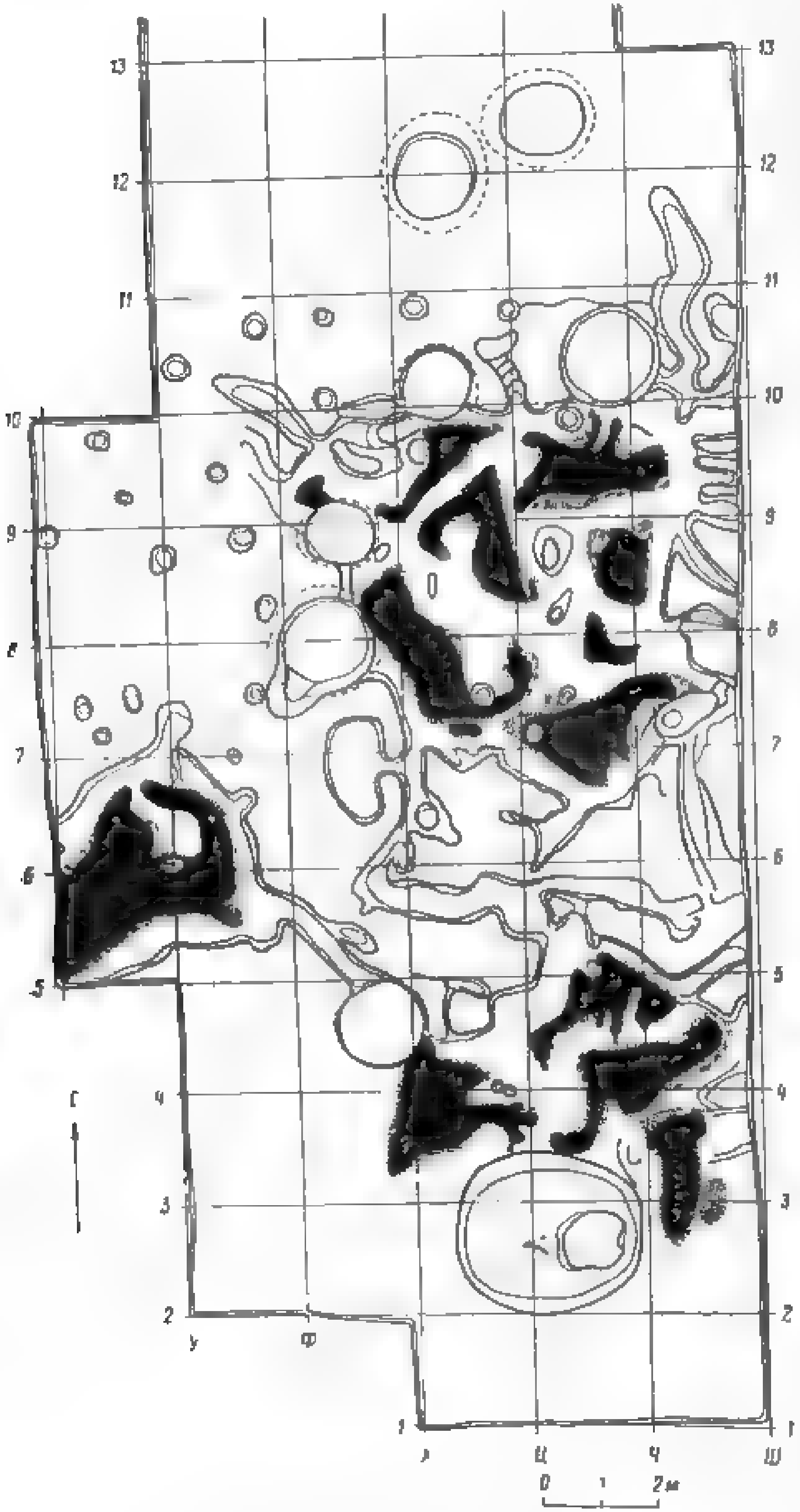


Рис. 52. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. План наземных изображений.

можность вскрыть эти любопытные изображения.

Северный участок раскопа. Северный участок раскопа находится в 18 м от южного, в границах 29—35-й линий (С—Ю) и линий *Н—Х* (В—З). Он включает в себя южный склон зольника № 2 и прилегающую к нему междузольничную площадку (рис. 43). Раскоп заложен с целью проверки наблюдений, сделанных на южном участке в отношении размещения культурных отложений в границах зольника и за его пределами. По вскрытой площади северный участок значительно меньше южного. Общая площадь раскопа 112 м². На всей вскрытой площади обнаружены культурные отложения, однако характер их по внешнему виду и содержанию не везде одинаков, как и на южном участке. За границей зольника (к югу от 31-й линии) культурные напластования сводятся к почвенному слою мощностью не более 0.50 м с незначительным содержанием культурных остатков. В пределах зольника, в направлении к северу от 31-й линии, мощность культурного слоя постепенно нарастает, достигая у 35-й линии (северной границы раскопа) около 1.2 м. В местах хозяйственных сооружений, углубленных в почвенно-материковый слой, мощность культурных отложений достигает более 2 м. Вся эта толща культурных напластований в основе своей состоит из землисто-зольных отложений с включением в них самых разнообразных остатков, количество которых в этой части раскопа по сравнению с междузольничной площадкой значительно больше. Нижняя часть этих отложений имеет серую окраску и только верхний, пашенный, слегка гумусированный слой на глубину 0.20—0.25 м бо-

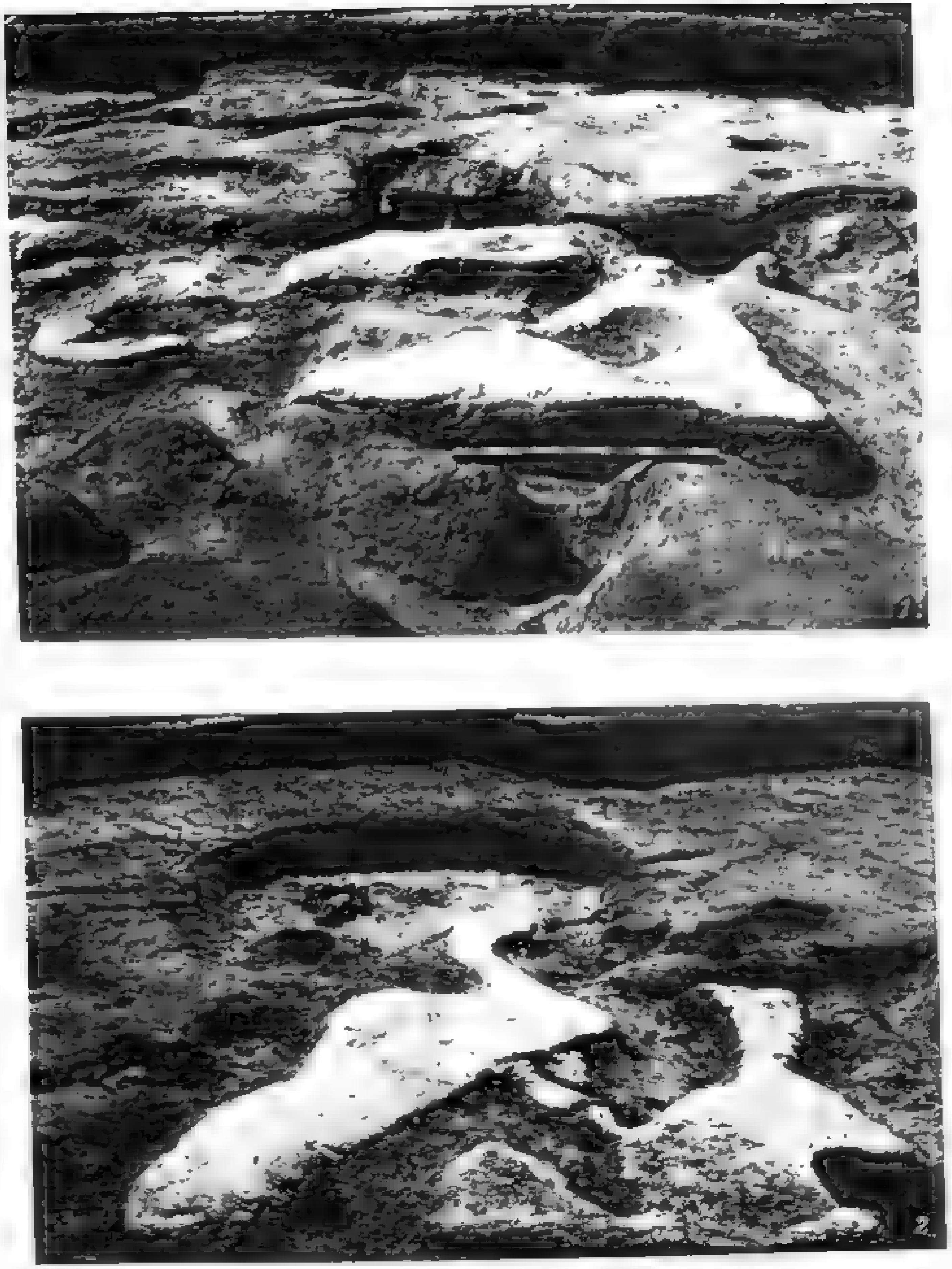


Рис. 53. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. Наземные изображения. 1, 2 — детали.

Рис. 55. Селище у хут. Пожарная Балка II. Северный раскоп. Яма № 8. Процесс исследования.

...лее темный. На северном участке раскопа в границах зольника обнаружено 6 хозяйственных ям (№№ 1, 2, 8, 12, 13 и 14). Как и хозяйственные сооружения зольника № 1, стратиграфически они членятся на две группы — раннюю, связанную со слоем погребенной почвы, и позднюю, связанную с зольными отложениями. Таким образом, на северном участке раскопа характер размещения культурных напластований в границах зольника и за его пределами имеет ту же картину, что и на южном (рис. 54).

Но в культурных отложениях северного участка есть и некоторые особенности. Выше мы отмечали, что состав зольных отложений зольника № 1 аморфен. Несколько иную картину мы наблюдаем на северном участке, в зольнике № 2. Здесь явно ощущается расчленение зольных отложений на ряд горизонтов, связанных с отдельными эта...

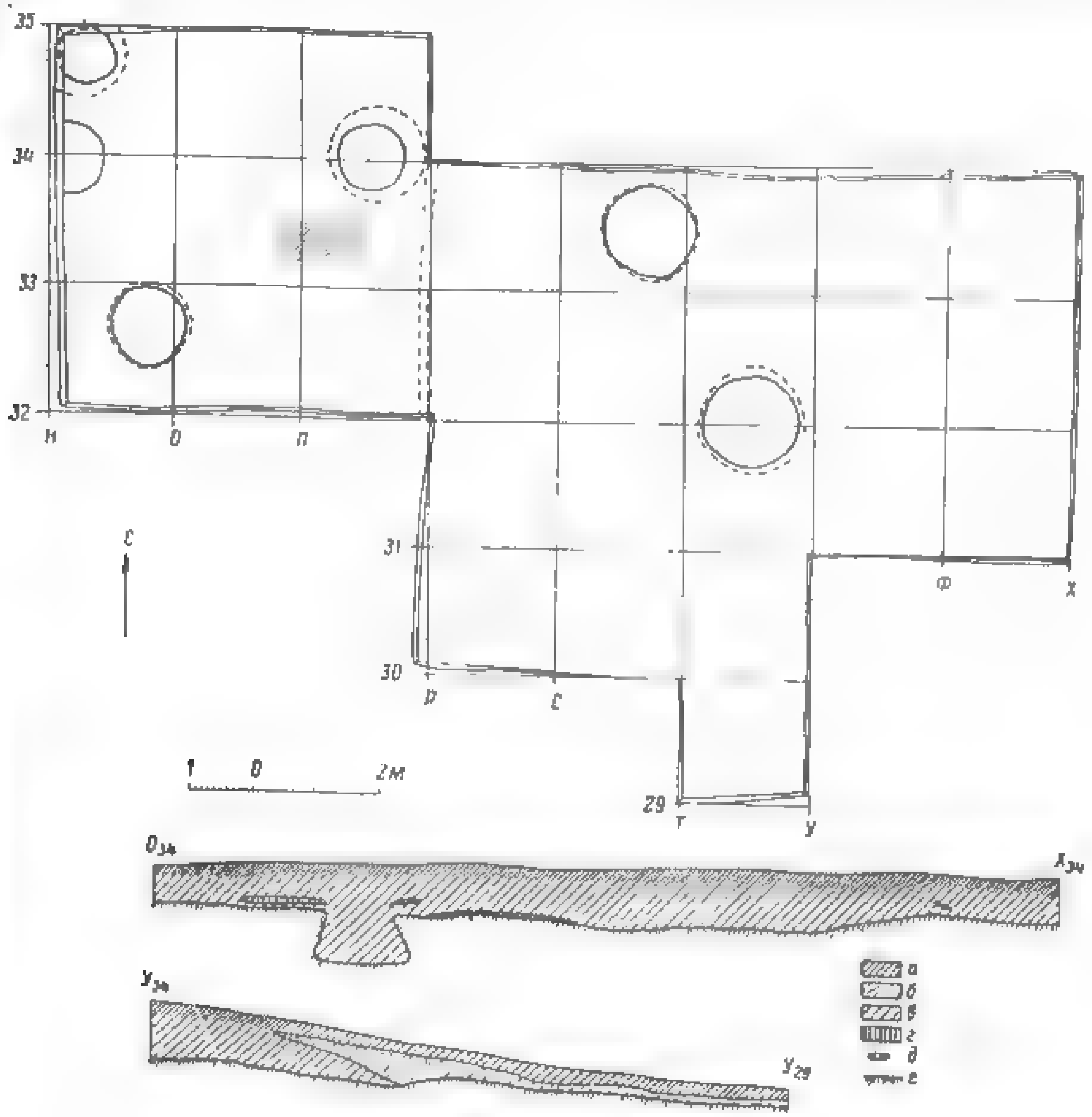


Рис. 54. Селище у хут. Пожарная Балка II. Северный раскоп. План и разрезы.
а — почвенный слой, б — подпочва, в — зольный слой; г — глина; д — обожженная глина, е — погребенная почва

цами жизни человека. Наиболее ярким примером в этом отношении является своеобразное глиняное перекрытие зольных отложений, обнаруженное в квадратах $П_{33-34}$, $О_{33-34}$ на глубине 0.55—0.60 м от поверхности, над слоем зольных отложений мощностью 0.30—0.35 м. Площадь перекрытия 3 20×4.50 м, толщина его 0.07—0.10 м (рис. 55). В северной части этого перекрытия в кв. $П_{33-34}$ обнаружена хозяйственная

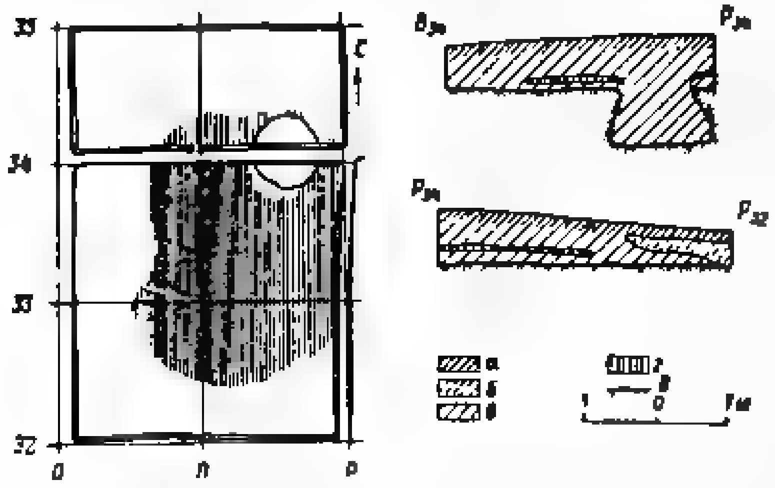


Рис 56. Селище у хут. Пожарная Балка II. Северный раскоп. План и разрезы глиняной прослойки вокруг ямы № 8.

а — почвенный слой; б — подпочва; в — зольный слой; г — глина (выброс), д — погребенная почва.

яма (№ 8), проливающая свет на происхождение перекрытия (рис. 55). Яма была заложена в зольном слое, мощность которого в момент сооружения достигла не менее 0.30 м. Прорезав зольный слой, она врезалась в погребенную почву и материковый, лёссовидный суглинок. Выбросы последнего перекрыли прилегающую к яме зольную поверхность. Яма в плане округлая, постепенно расширяющаяся книзу. Размер верхнего диаметра 0.95—1.10 м, нижнего — 1 40—1.45 м. Глубина ямы около 1 00 м (рис. 56). До глубины 0.30—0.35 м яма залегает в зольном слое, вся остальная часть — в почвенно-материковом. Заполнение ямы было обычное — золистые отложения с включением культурных остатков.

По-видимому, к поздней группе следует отнести ямы №№ 1 и 2, однако залегание их, как и в зольнике № 1, удалось проследить лишь на последнем штыке зольных отложений, в 0.20—0.25 м от погребенной почвы.

Яма № 1 находится в самой южной части зольника. Она округлая в плане, диаметром 1 45—1.50 м. Ко дну несколько расширяется. Диаметр дна 1.65 м. Яма неглубокая, около 0 60 м (рис. 57, 1). Заполнение ямы состояло из золистого слоя с включением обычных для поселения культурных остатков.

Яма № 2 расположена к северо-западу от первой. По своему облику она совершенно такая же, как и яма № 1, только несколько мельче В плане она округлая, диаметр ее 1.45—1.50 Стенки ямы отвесные. Нижний диаметр около 1 50 м. Глубина ямы 0.30—0.35 м (рис 57, 2)

К раннему периоду относятся ямы №№ 12, 13 и 14. Все они расположены под юго-западной полой зольника и залегают в материковом, лёссовидном суглинке. Яма № 12 по форме и размерам напоминает ямы №№ 1 и 2. В плане она округлая. Диаметр верха 1.20—1.25 м. Книзу яма расширяется Диаметр дна 1 30—1.35 м Глубина ямы 0 45 м (рис. 57, 3). Яма была заполнена золистым гумусированным слоем. В составе слоя культурные остатки, среди которых много костей животных. На дне ямы, у стенок, в трех местах кости различных животных — коровы, овцы, свиньи.

Яма № 13 расположена в северо-западном углу раскопа. Значительная часть ее уходит под стенки несиятых квадратов. В плане яма округлая, расширяющаяся ко дну. Размер верхнего диаметра около 1 м, нижнего — около 1.50 м Глубина ямы 0 95 м (рис. 57, 4). Яма была заполнена золистым слоем, довольно твердым по своему составу. Культурных остатков немного,

Яма № 14 в плане округлая, несколько расширяющаяся ко дну, Верхний диаметр около 1.00 м, нижний — около 1 20 м. Глубина ямы 0.40 м. Заполнение ямы состояло из золистого слоя с незначительным содержанием культурных остатков.

Центральный участок. Центральный раскоп был заложен как шурф к северу от южного раскопа (кв. $Х_{35}$) с целью выяснения, что представляют собой небольшие всхолмления, расположенные преимущественно к востоку от поселения, принятые нами за курганы

На глубине 0 50—0.60 м от поверхности лежал слой материкового, лессовидного суглинка, на фоне которого вдоль восточной стенки шурфа было прослежено темное, в виде узкой полосы пятно, уходящее под стенки. Около пятна на материке лежала нижняя человеческая челюсть.

К вскрытому квадрату было прирезано еще три ($Х_{36}$, $Ц_{35,36}$). Они раскопаны до того же горизонта, что и в кв. $Х_{35}$, т. е. на глубину 0.50—0 60 м. Вскрытый слой состоял из гумусированных суглинистых, пропитанных золой отложений с незначительным содержанием культурных остатков. Слой был сильно изрезан кротовинками, заполненными твердой массой самых разнообразных окрасок — белой, желтой и т п Состав культурных остатков обычный для данного поселения. Среди костных остатков оказалось значительное количество костей человека

Как и в кв. $Х_{35}$, на всей площади ниже вскрытого слоя залегал материковый, лёссовидный суглинок На его фоне довольно четко обозначилось темное пятно, овальное в плане, вытянутое по оси СЗ—ЮВ, размером 3 40×1.30—1 60 м К северу, в 0.35—0 40 м от пятна, несколько выше материка в культурном слое обнаружен совершенно раздавленный детский череп, а рядом с ним, к востоку — глиняный лепной горшок Высота горшка около 9 см, диаметр дна 4 см, диаметр верхней части 7 см Край венчика защипан. По общему профилю он очень близок к сосуду, правда, значительно большего размера, из Полтавского поселения.

Темное пятно представляло собой культурные отложения того же самого состава, что и перекрывающий его выше слой. В северо-западной части они были более плотные, чем в юго-восточной. Расчистка пятна вскрыла могильную яму глубиной 0 25—0 35 м, вырытую в большей своей, юго-восточной части в материковом, лёссовидном суглинке. Северо-западная часть могильной ямы врезалась в ранее существовавшую здесь, а потом засыпанную хозяйственную яму (№ 6). В могильной яме было обнаружено значительное количество человеческих костей, лежавших в полном беспорядке В числе их два черепа. Бóльшая часть костей находилась не на дне ямы, а несколько выше, в ее заполнении Так, например, черепа лежали на высоте 0 14—0 26 м, бедренные кости на высоте 0.14—0 15, лопатка на высоте 0 16—0 17 м, а нижняя челюсть, как отмечалось уже выше, была обнаружена прямо на краю могильной ямы. Кроме человеческих костей, в могильной яме был найден небольшой лепной горшок темно-серого цвета (рис. 58). Высота горшка 9 см, диаметр

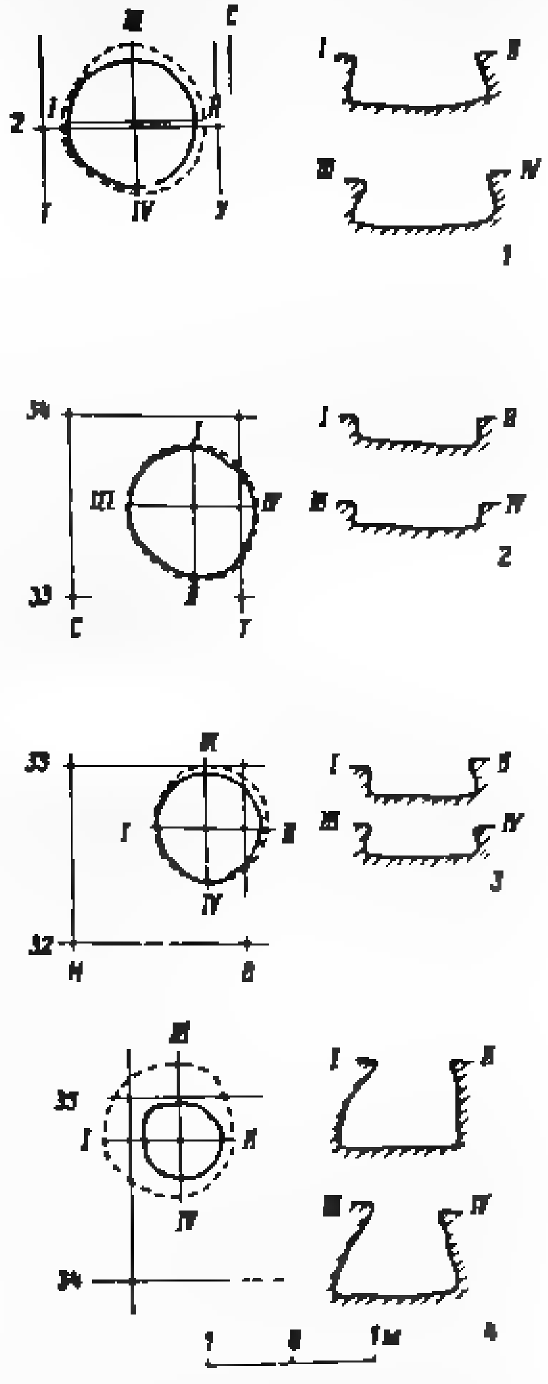


Рис 57. Селище у хут. Пожарная Балка II. Северный раскоп. Планы и профили ям

1 — яма № 1, 2 — № 2, 3 — № 12, 4 — № 13

дна 6.5 см, диаметр верха 9.5 см Край венчика в сечении почти овальный Ниже края — ряд сквозных отверстий По общему облику горшок несомненно относится к группе сосудов зольничного типа

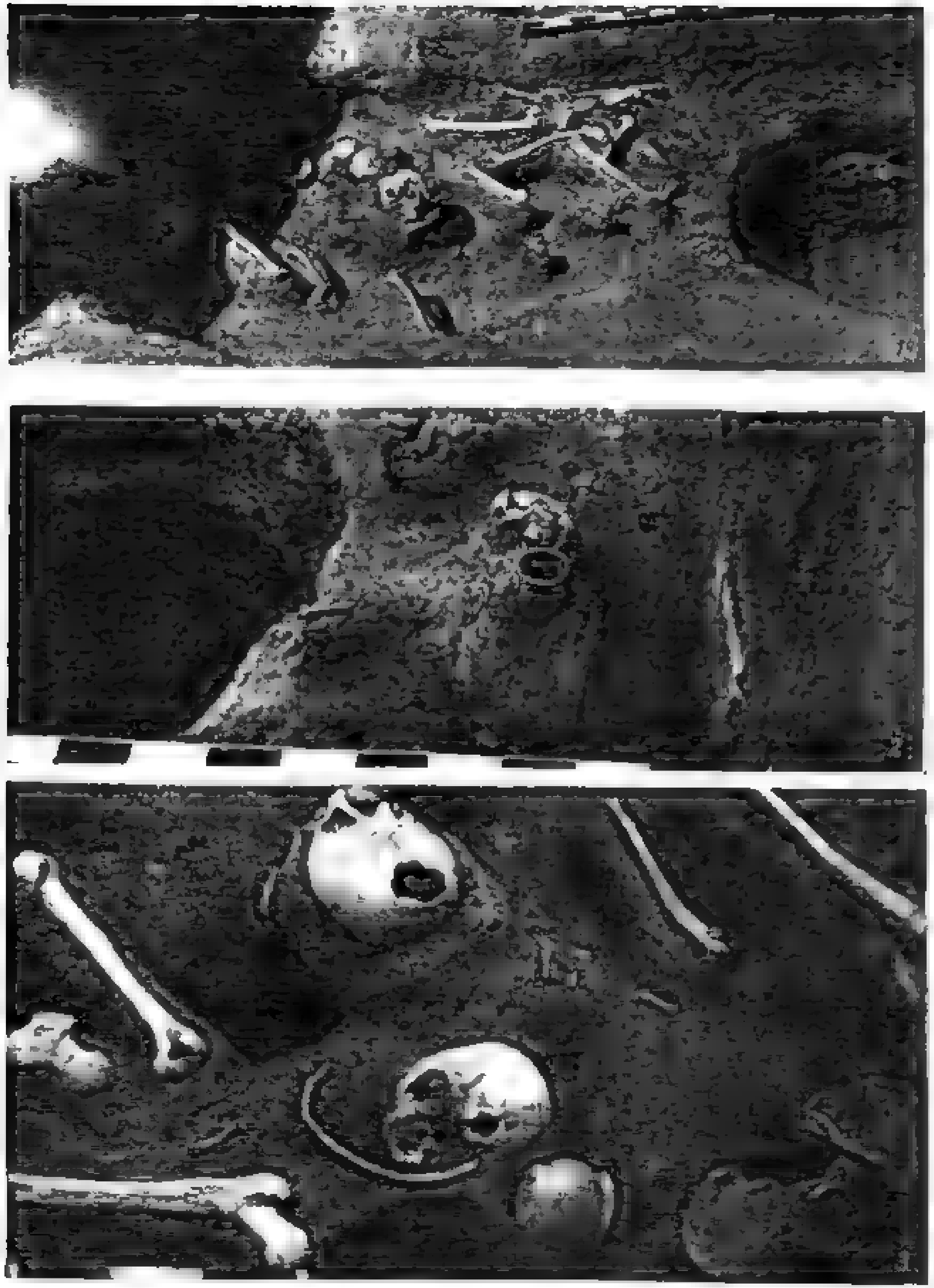


Рис. 58. Селище у хут. Пожарная Балка II. Центральный раскоп. Остатки погребений
1 — общий вид; 2, 3 — детали

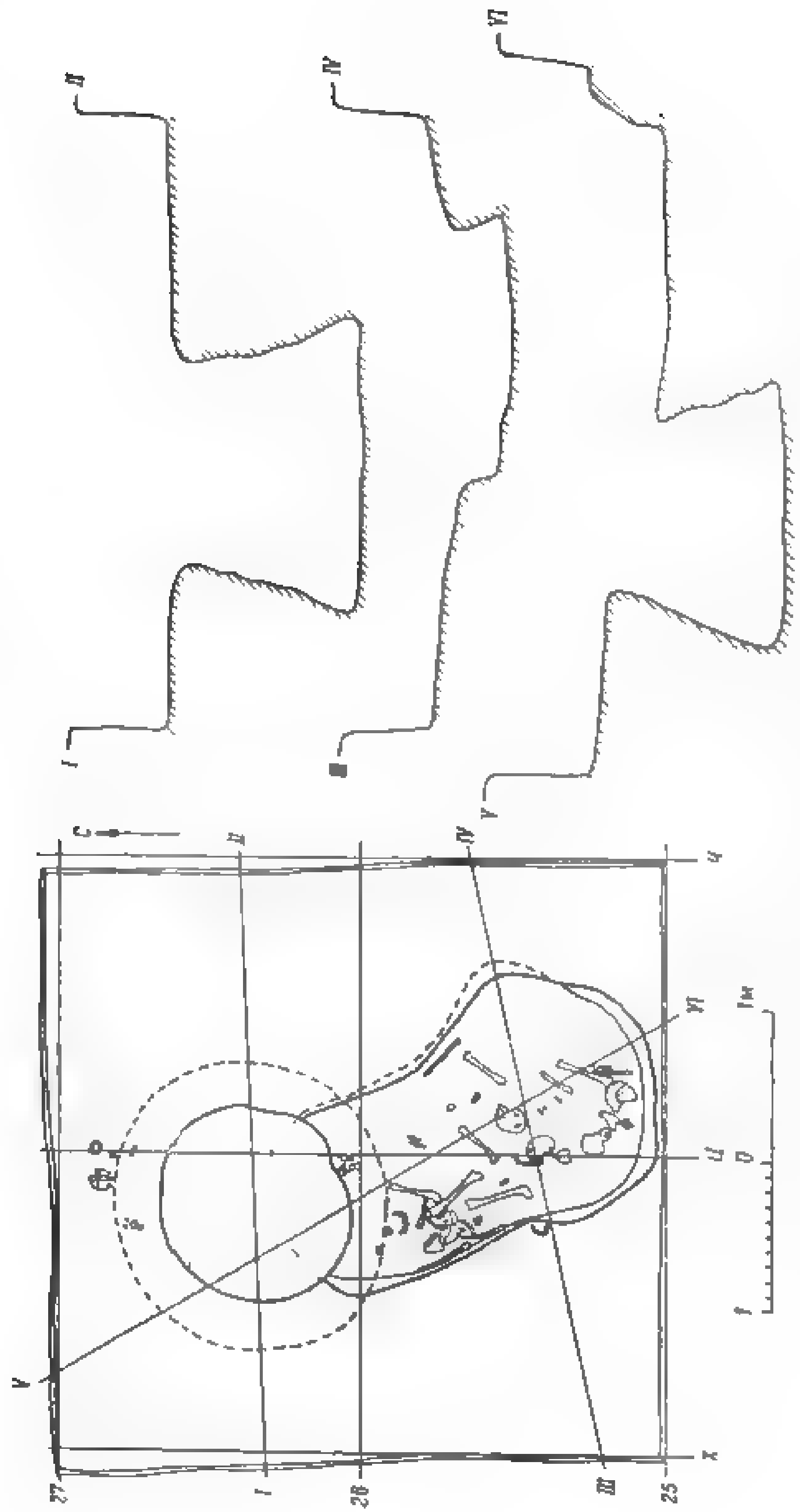


Рис. 59. Селище у хут. Пожарная Балка II. Центральный раскоп. План и профили котлована

Никаких других остатков в могильной яме обнаружено не было.

Вскрытая в северо-западной части могильной ямы и частично перерезанная ею хозяйственная яма (№ 6), как и другие ей подобные, была заполнена культурными отложениями с незначительным содержанием различных остатков — обломков глиняной лепной посуды, обычной для данного поселения, костей животных и т. п. Яма была вырыта в материковом, лессовидном суглинке. Форма ее коническая. Верхний диаметр около 1.30 м, нижний около 1.90 м. Глубина ямы около 1.15 м (рис. 59)

Рис. 60. Селище у хут. Пожарная Балка II. Обломок архаического греческого сосуда.

Выше, при описании отдельных исследуемых участков, мы отмечали, что добытые при раскопках материалы по своему культурно-хронологическому облику представляют единое целое. Пользуясь этим обстоятельством, мы не останавливаемся на освещении этих материалов для каждого раскопа в отдельности, а даем общую характеристику для всего поселения в целом. Исключение в этом отношении мы делаем лишь для вещей единичных, не повторяющихся (поделки из кости, металла, камня). Переходим к этой характеристике.

Основную массу культурных остатков на поселении составляют обломки глиняной посуды. Можно считать, что собранные нами керамические остатки относятся исключительно к лепной посуде. Из общего числа не менее трех десятков тысяч просмотренных обломков лишь четыре принадлежат гончарным сосудам. Три из них (стенки красноглиняных амфор) найдены в верхнем слое культурных отложений и, по-видимому, не связаны с остатками данного поселения; четвертый — стенка сероглиняного расписного сосуда милетско-родосского (?) типа (рис. 60).

Лепная посуда по технике выделки не представляет единого целого. Она явно членится на две группы — лощеную и без лощения. Остатки лощеной посуды составляют не менее 25% общего числа просмотренных обломков. Качество лощения сосудов далеко не одинаково. Черные сосуды имеют прекрасное лощение. Некоторые из них по своему общему облику напоминают чернолаковые греческие сосуды. Лощение светлых сосудов (желто-красных и серых) значительно хуже. Здесь иногда даже трудно бывает проследить границу между сосудами лощеными и без лощения.

Бо́льшая часть остатков черной лощеной керамики относится, по-видимому, к столовым сосудам: мискам с загнутым внутрь краем, ковшам с высокой, так называемой рогатой ручкой и округлым дном, небольшим чашкам с округлым дном, крупным ребристым (биконическим) сосудам с широким, плоским, отогнутым венчиком и некоторым другим, пока не установленным формам. Среди обломков черных лощеных сосудов имеются обломки «дуршлагов» (рис. 61).

Многие сосуды этой группы, особенно ковши, украшены врезным геометрическим орнаментом, часто инкрустированным белой пастой. На поверхности некоторых сосудов имеются выпуклости в виде валиков, сосочков, ушек и т. п. Число и размещение их самое разнообразное. У мисок, как правило, они расположены по краю венчика, у биконических сосудов — около ребра. Есть несколько фрагментов черных лощеных сосудов, поверхность которых как бы гофрирована. По ребру одного небольшого сосудика (по-видимому, мисочка) нанесены косые насечки. Краю другой небольшой чернолощеной миски придан веревкообразный характер.

Остатки светлой лощеной керамики принадлежат, по-видимому, не только столовым сосудам, но также сосудам для хранения продуктов и кухонным горшкам. В большей части случаев это обломки крупных сосудов, нередко украшенных налепным валиком и сквозными отверстиями.

Подавляющая часть остатков нелощеной керамики относится к кухонным сосудам, преимущественно горшкам самых различных размеров. Форма их довольно однообразная. Они плоскодонные, со слабо выраженной шейкой, переходящей в слегка выпуклые стенки. Наиболее характерной чертой их

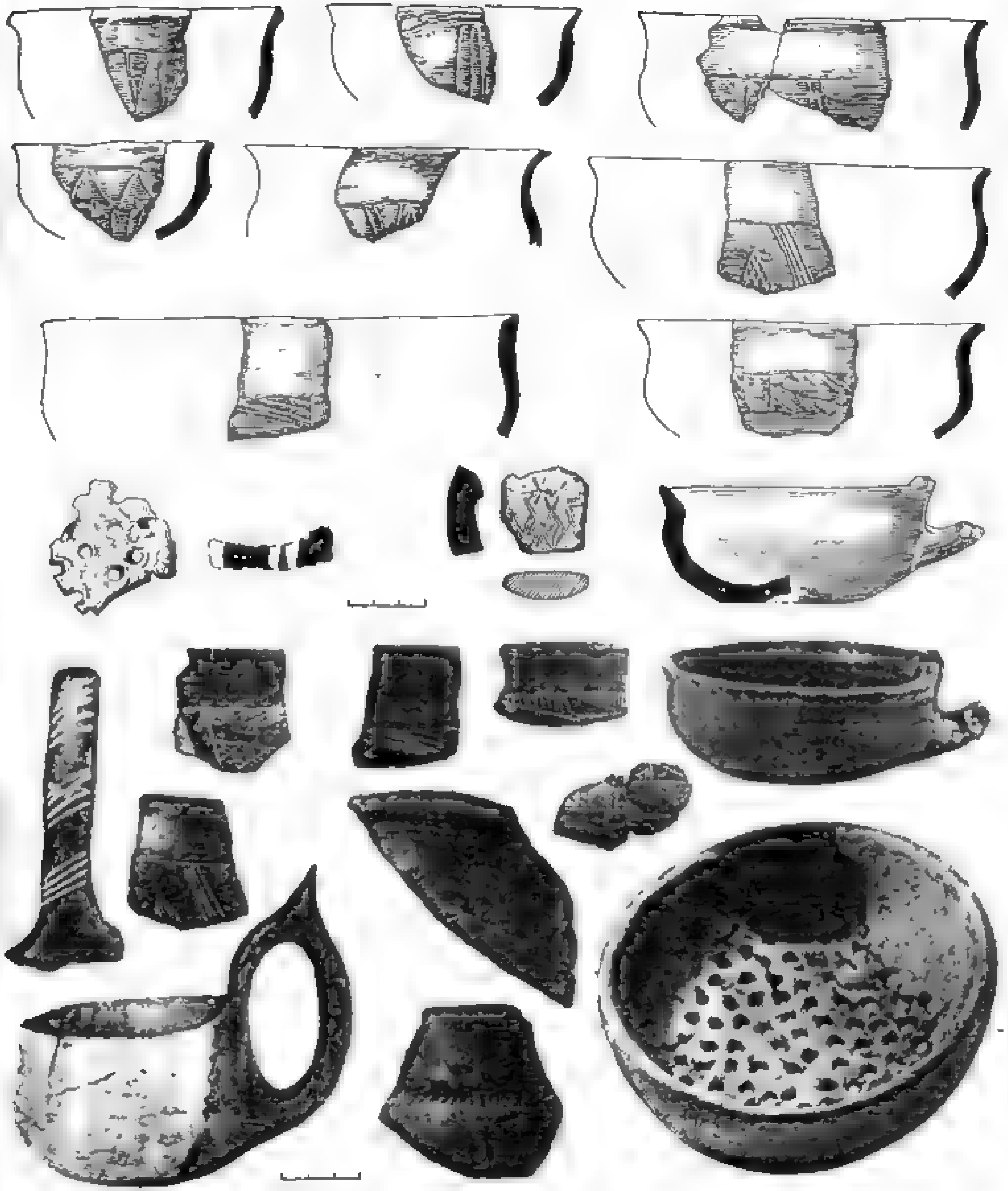


Рис. 61. Селище у хут. Пожарная Балка II. Керамика поселения. Столовая посуда

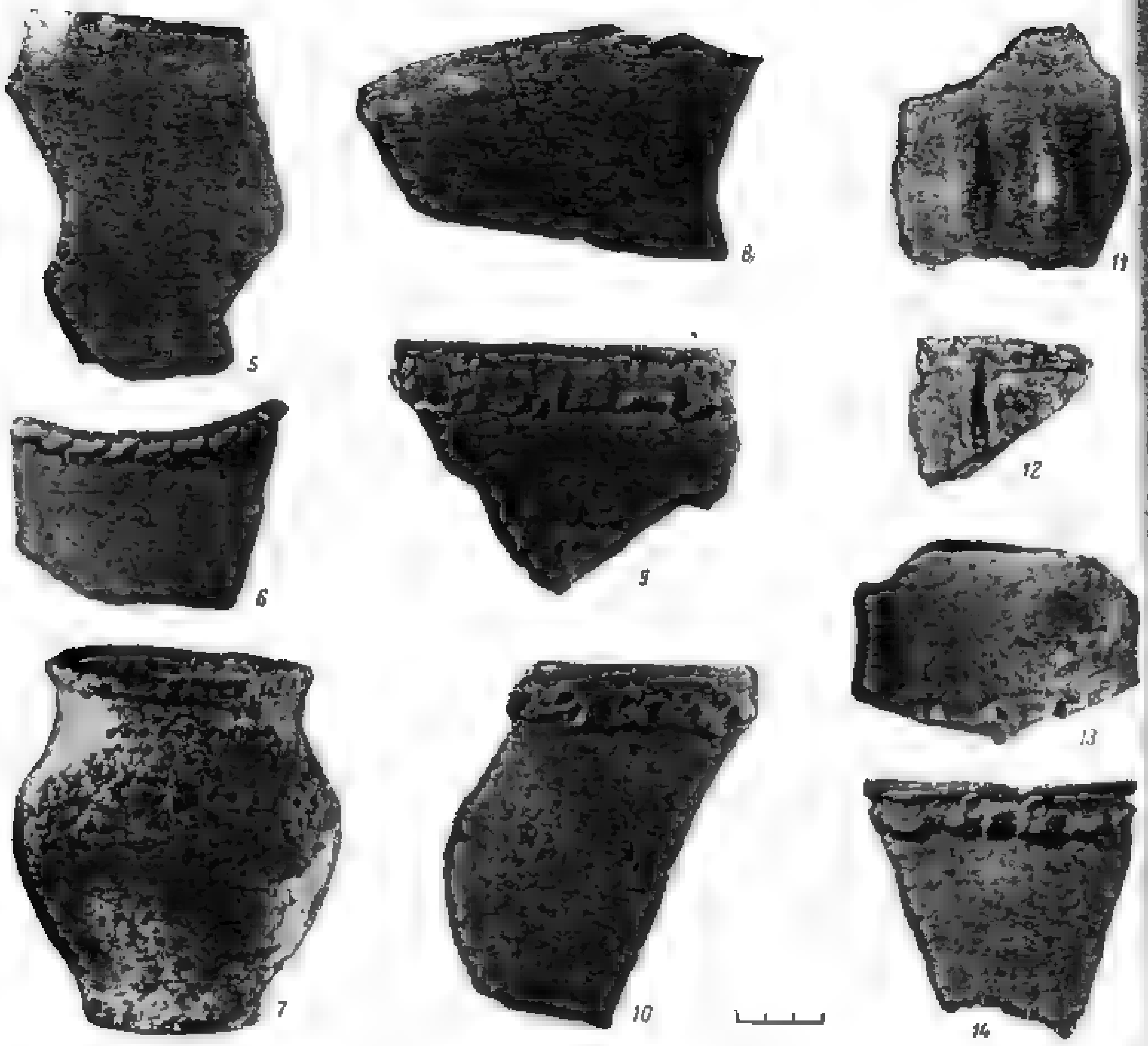


Рис 62. Селище у хут. Пожарная Балка II. Керамика поселения.
1 14 — кухонная посуда

являются сквозные отверстия и налепной валик ниже края венчика. Валик чаще всего орнаментирован щипками. Край венчика иногда бывает также защипан. У некоторых сосудов валик располагается несколько ниже шейки. Другие сосуды не имеют налепного валика, а только сквозные отверстия. Есть и такие, у которых нет и сквозных отверстий Но последние два типа не имеют такого широкого распространения и не являются

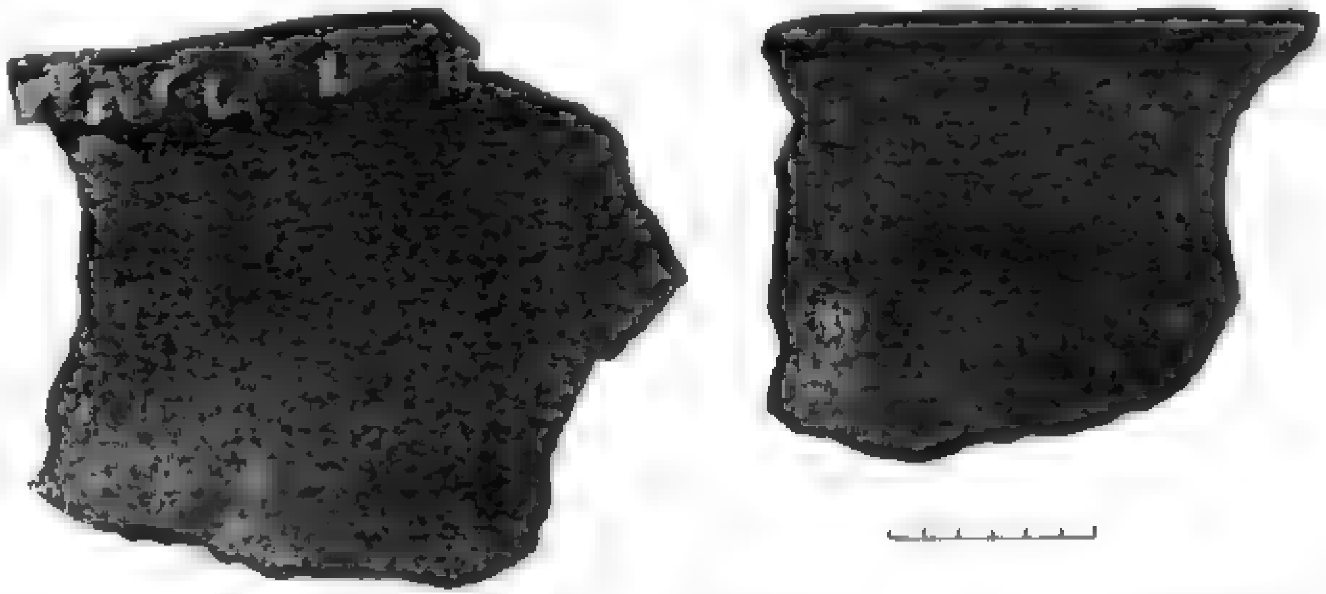


Рис 63. Селище у хут. Пожарная Балка II. Керамика поселения. Сосуды для хранения продуктов

особенностью только этого периода, а бытуют и позднее (рис. 62)

Среди керамических остатков имеются обломки сосудов, толщина стенок которых более 1 см. Судя по венчикам и донышкам, эти обломки принадлежали сосудам типа кухонных горшков. Наиболее вероятное назначение их — хранение продуктов. Как и кухонные горшки, сосуды последнего типа украшены по венчику налепным валиком, орнаментированным щипками. Край венчика также защипан (рис. 63).

Цвет большей части нелощеных сосудов светло-красный, оранжево-красный, темно-желтый, бурый. Некоторые сосуды в изломе имеют черную полосу вследствие неравномерности обжига. Глина сравнительно чистая, с незначительной примесью дресвы. Незначительное число обломков доньев имеет отпечатки ткани

Особое место среди кухонных горшков занимает почти полностью сохранившийся горшок, найденный в зольном слое. Это небольшой сосуд темно-серого цвета, хорошо профилированный, с ясно выраженной шейкой, но еще довольно пологими плечиками. Бока его припухлые, переходящие ко дну на конус. Высота горшка 13 см, диаметр дна 6.5 см, диаметр верхней части 9 см. Венчик защипан. Все пространство от венчика до середины горшка орнаментировано округлыми в плане наколами диаметром 2—3 мм, расположенными в виде довольно сложного рисунка, восстановить который полностью не представляется возможным, так как горшок частично разрушен (рис. 62, 7)

Среди нелощеных сосудов заметное место занимают мелкие сосудики в виде «чарок», «солонок» и им подобных. Число их невелико, но они довольно своеобразны. Многие из них сохранились полностью, другие, если и разбились, все же свободно могут быть восстановлены (рис. 64, *1—5, 8*)

Значительное место среди культурных остатков занимают всевозможные изделия из глины — так называемые пряслица, грузики, пуговицы, катушки и некоторые другие, не всегда ясные по своему назначению. Численно преобладают среди этих вещей «пряслица» и «грузики». По своей форме они довольно разнообразны — конические и биконические усеченные, шаровидные, чечевицеобразные и т. п. Высота их 2.5 3 см, диаметр основания 2.5 4 см У всех у них по вертикальной оси имеются

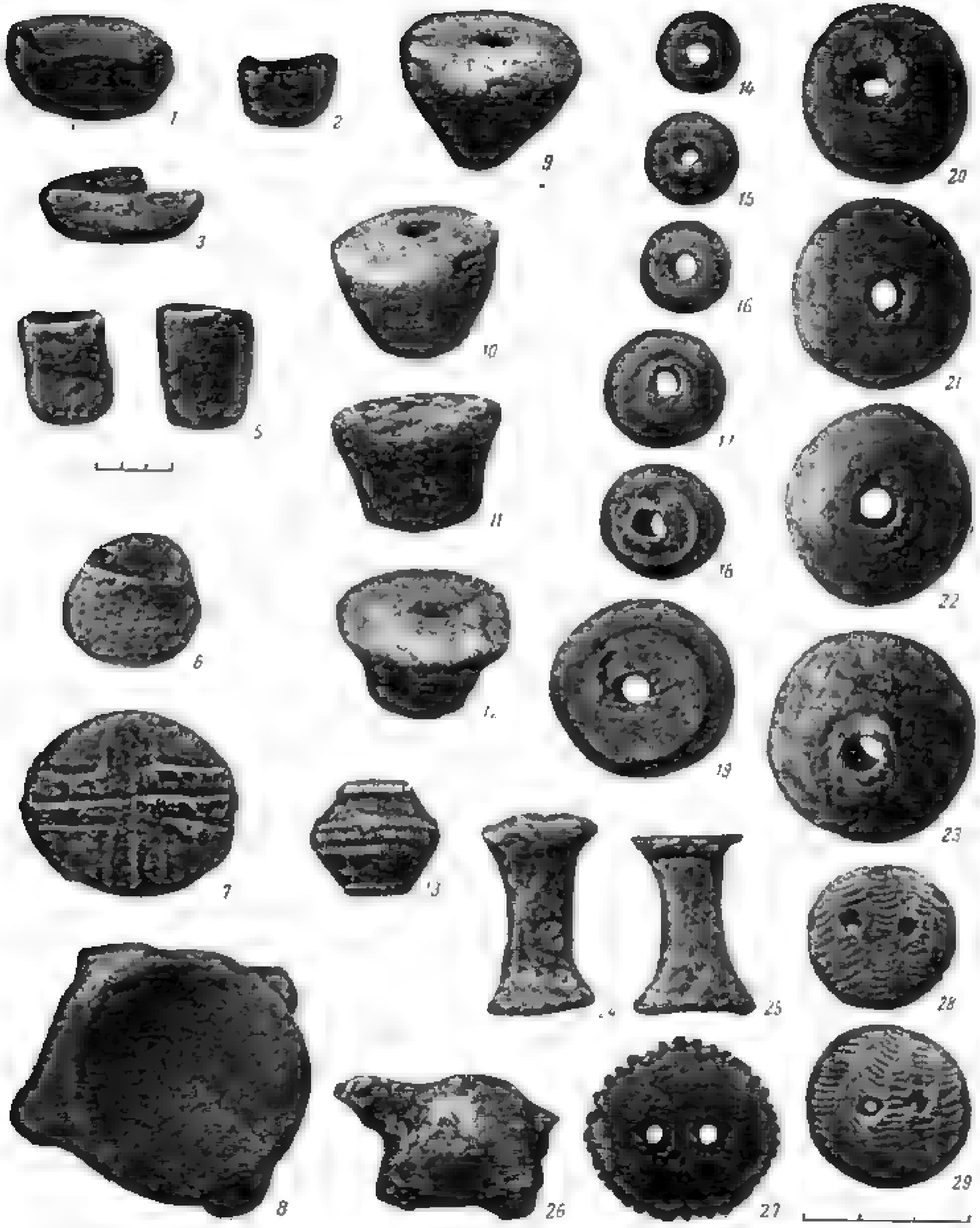


Рис 64 Селище у хут Пожарная Балка II. Мелкие поделки из глины (1—29)

сквозные отверстия размером 5—7 мм. Сделаны они из довольно чистой глины и хорошо обожжены. Некоторые из них лощеные. Поверхность большей части их гладкая, но есть и орнаментированные и даже инкрустированные белой пастой (рис. 64, *9—23*).

Меньшим числом экземпляров представлены «пуговицы». Это сравнительно плоские, округлые в плане, глиняные поделки диаметром от 3 до 4 см, с 2—3 сквозными отверстиями в центре, диаметром 3—5 мм Как и «грузики», они сделаны из более или менее чистой глины. Поверхность их часто орнаментирована насечками (рис. 64, *27—29*)

«Катушек» или «шпулек» найдено не много. Это небольшие, округлые в сечении стерженьки, несколько утолщенные на концах. Длина их около 3.5—4 см, сечение концов около 2—2.5 см, сечение в средней части около 1 5 см (рис. 64, *24*, *25*).

Кроме поделок хозяйственного назначения, найдена одна фигурка животного, по-видимому медведя. Размеры ее 4.5×2.5 см. Назначение неясно (рис. 64, *26*).

Поделки из глины встречены на всех участках раскопа. Основная масса их связана с зольными отложениями. За границами зольников найдено всего лишь несколько «пряслиц-грузиков». Мало поделок из кости. Среди них несколько так называемых скребел или тупиков из челюстей крупных животных и проколок, обломок псалия, украшенного резной головкой грифона, обломок костяной фигурной поделки неизвестного назначения с тремя отверстиями, обломок резной кости (олень?) и др. (рис. 65).

Из металлических вещей найдено: 1) три бронзовых втульчатых наконечника стрел скифского типа, одна из них двухлопастная с овальной головкой и шипом и две трехлопастные; 2) бронзовая шпилька длиной 14 см с плоской головкой; 3) два обломка железных ножей и 4) несколько невыразительных обломков железных острий (иглы, шилья и т. п.) (рис. 66).

Изделия из камня представлены обломками точильных камней (преимущественно из сланца и песчаника), пращевыми камнями шаровидной формы, диаметром около 5 см Кроме того, найдено два обломка каменных блюд (бортики) и один обломок зернотерки (рис. 67).

Второе место по количеству остатков занимают кости животных. В подавляющей своей массе это кухонные отбросы, в силу чего значительный процент их оказался непригодным для научной обработки. Всего определено около 2000 костей На основе этих данных установлено, что в составе используемых в пищу животных домашние животные составляют 87—88%, дикие — 12—13%.

Домашние животные распределяются следующим образом: мелкий рогатый скот — 29/24.5%, свинья — 28/29%, крупный рогатый скот — 16 8/16.4%, лошадь — 13 6/12.6%, собака — 12 8/16.4%, осел (?) — 0 8/1.1% (числитель — процент по числу костей, знаменатель — процент по числу особей). Из диких животных следует отметить благородного оленя, косулю, бобра, лисицу, зайца-русака, а из птиц - серую утку и серую куропатку.

Обращает на себя внимание наличие среди костных остатков костей человека. Последние по своему внешнему облику совершенно целые и этим резко отличаются от костей животных. Кости человека найдены во всех трех раскопах, причем в самых различных участках. Кроме того, в южном раскопе, в кв. $Ч_{11}$, в границах зольника на глубине около 0,60 м, в зольных отложениях обнаружен целый скелет человека. Покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая лежит поверх таза. Длина костяка 1.25 м. Никаких вещей при покойнике не обнаружено.

* * *

Общий облик материалов, а также отдельные вещи, например бронзовые наконечники стрел скифского типа, некоторые поделки из кости (головка грифона), комплекс керамических остатков, содержащий черную лощеную, с врезным орнаментом, инкрустированным белой пастой, посуду, обломок сосуда родосско-милетского типа и т. д., дают основание датировать поселение у Пожарной Балки VII—VI вв. до н. э.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1949 г. Архив ИА, 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М. Л, 1949, стр. 385 395, 3) Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVII, М —Л., 1951, стр. 125—130.

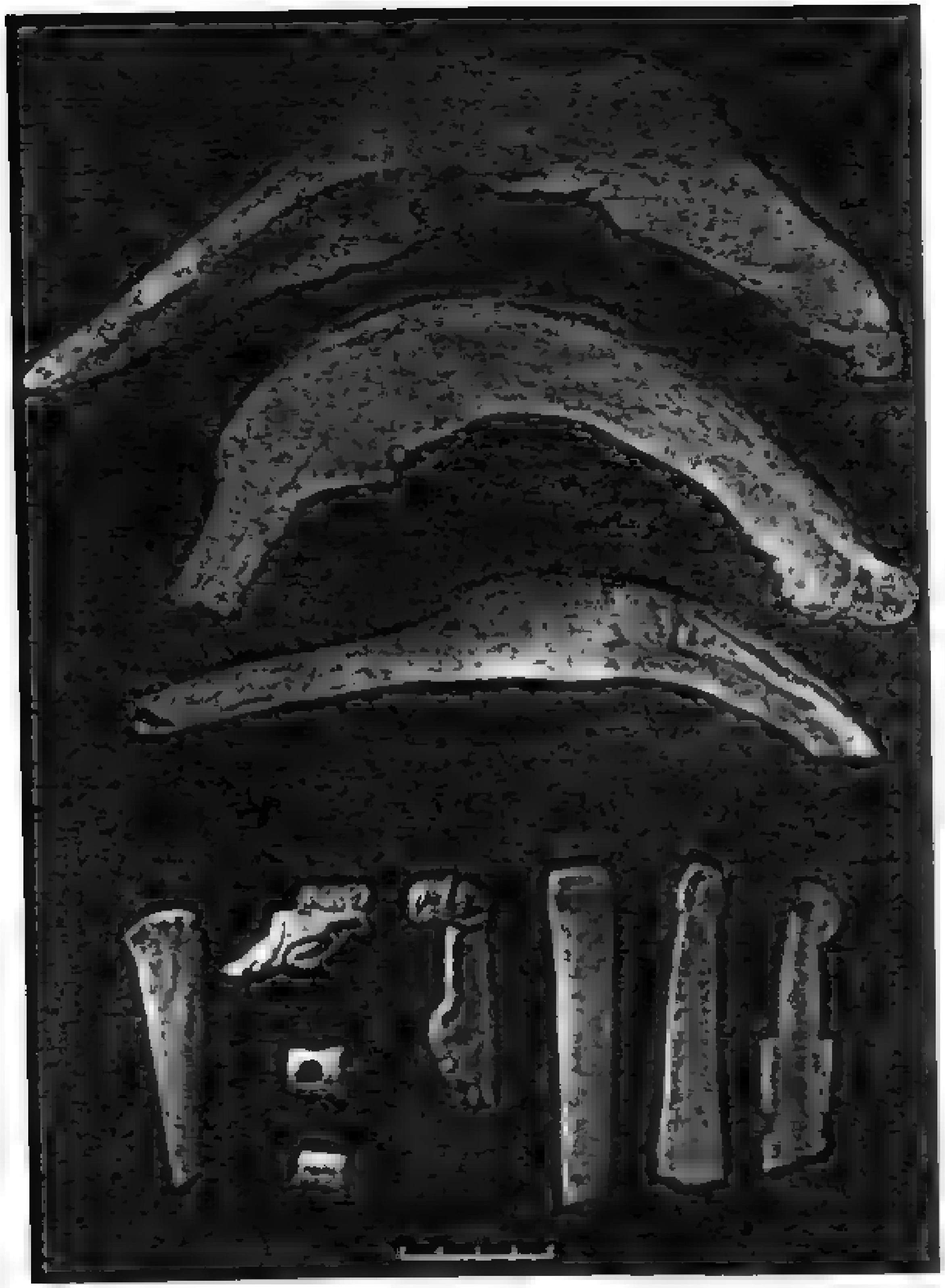


Рис. 65. Селище у хут. Пожарная Балка II. Поделки из кости

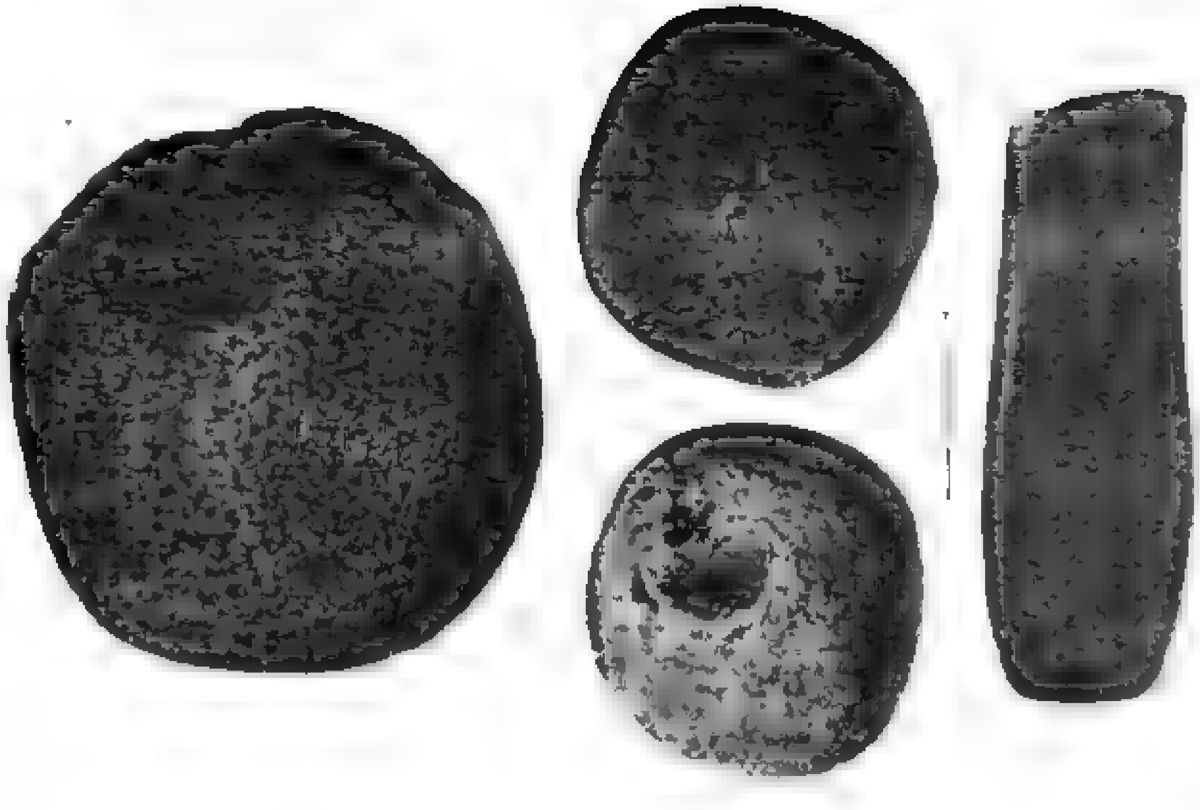


Рис. . Селище у хут. Пожарная Балка II. Изделия из камня

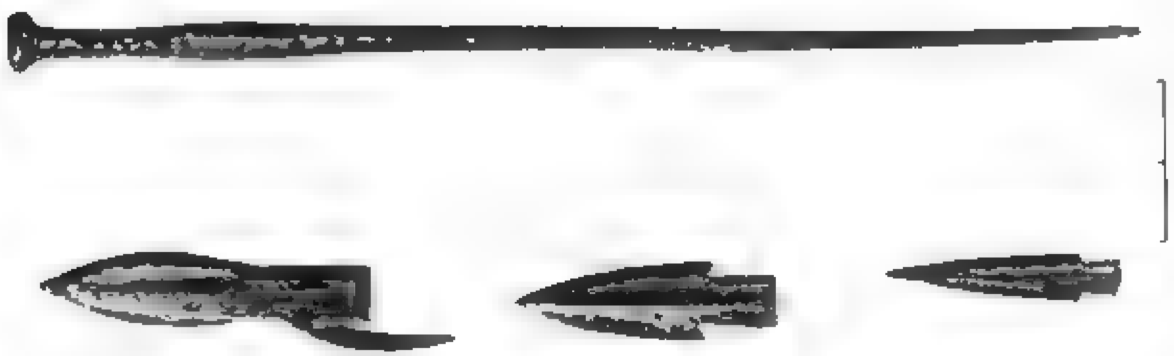


Рис. . Селище у хут. Пожарная Балка II. Металлические вещи.

91. Полковая Никитовка, Харьковская обл., Богодуховский р-н (правый берег р. Мерла) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р. Мерла, в 3 км к западу от села. Оно расположено на плато

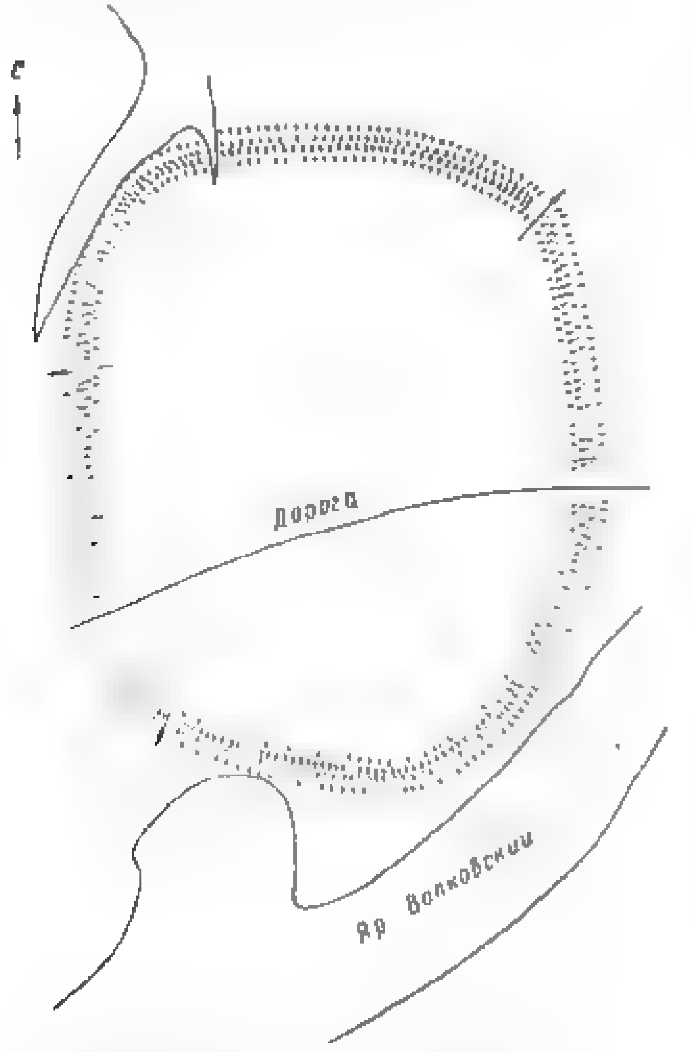


Рис. 68. Городище Полковая Никитовка. Схематический план (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

между рр. Купьевахой и Мерлом. Поселение со всех сторон обнесено валом и рвом (рис. 68). Общая длина укрепленной линии около 2800 м, ширина линии укрепления (рва и вала) 25—30 м, высота вала 4—6 м; площадь поселения около 540 000 м². Вал в ряде мест прорезан. Из них, по-видимому, лишь часть прорезок можно отнести ко времени сооружения вала — с запада, в сторону р. Купьевахи, с юга, в сторону Валковского Яра, и на северо-восток, в сторону плато. Бо́льшая часть площади поселения покрыта лесом. За исключением небольших участков на северо-западе, юго-востоке и юго-западе, территория распахивается. Сильно поврежден пахотой и вал. На площади поселения ясно выступают зольники типа Бельского городища. Собранный на них материал — обломки глиняной посуды со сквозными отверстиями ниже края венчика, черных лощеных сосудов и амфор — позволил А. А. Потапову отнести поселение к группе памятников скифского времени.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 21, М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 96, 97.

92. Полтава, Красная (бывш. Соборная) площадь (правый берег р. Ворсклы) — селище (?).

Следы поселения были выявлены при разведочных работах Днепровской левобережной экспедиции в 1945 г. Среди обнаруженных культурных отложений содержались остатки материальной культуры двух культурно-хронологических комплексов — зольничного и славяно-русского. В 1946 г. на площади были произведены археологические раскопки, подтвердившие это положение (рис. 69). Наряду с жилищами славяно-русской поры (VIII—XIII вв.) были вскрыты хозяйственные ямы культуры зольников раннего ее этапа, содержащие остатки керамики раннего комплекса — кухонные горшки с налепным валиком и сквозными отверстиями, черные лощеные сосуды, в том числе с врезным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА, І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. І, Київ, 1949, стр. 58—75, И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М. Л., 1951, стр. 17—43.

93. Поляны, Белгородская обл., Саленский р-н (правый берег р. Северского Донца) — селище.

К западу от поселка, на мысу правого, коренного берега р. Северского Донца, между балками Малой Канищевой и Большой Канищевой, Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. обнаружено се-

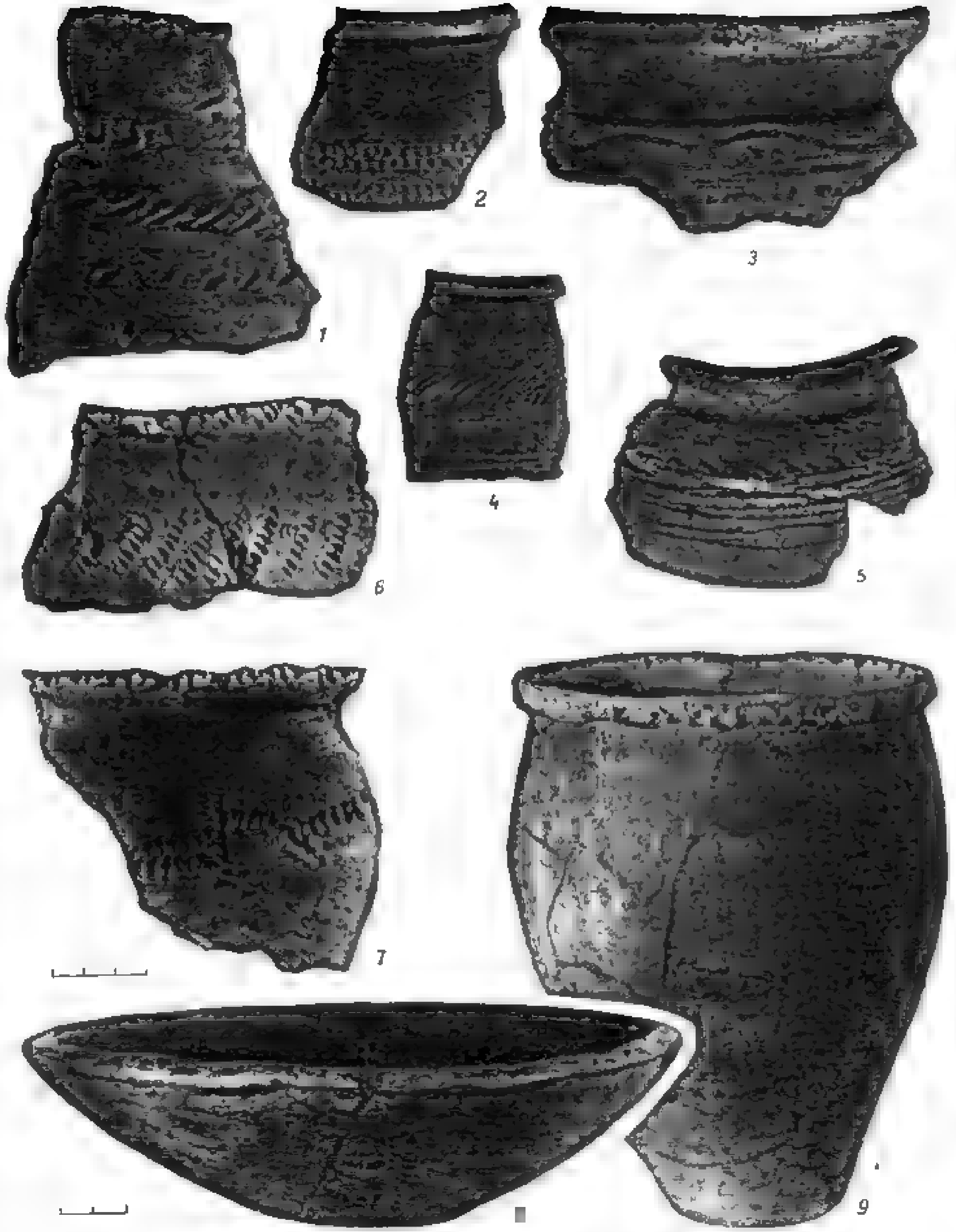


Рис. 69. Поселение в г. Полтаве. Керамика (1—9).

лище. Оно занимает среднюю часть мыса. Напольная сторона и стрелка поросли лесом. Площадка селища вытянута по оси В—З. Размер ее 450 (В—З)×200 (С—Ю) м. ...ще распахивается. Культурные ос...и в виде черепков глиняной посуды зольничного типа, поделок из глины, костей животных и т. п. рассеяны по площаде гнездами. Места скоплений остатков выделяются на поверхности пашни своей сероватой окраской. Расстояние между гнездами таких скоплений 15—20 м.

Отдельные черепки зольничного типа встречены как к северу от селища (левый берег Малой Канищевой Балки), так и к югу (правый берег Большой Канищевой Балки).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

94. Пруток, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Следы поселения обнаружены в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией на правом берегу р. Псла, на пойме, справа от дороги из с. Старое село в с. Закладное, к северо-западу от пос. Пруток. Культурные отложения в виде сильно измельченных черепков лепных сосудов зольничного типа рассеяны на поверхности вспаханного поля. Есть также куски обожженной глины и кости животных. Остатки немногочисленны

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

95. Путивль, Сумская обл., урoч. Никольская Горка (правый берег р. Сейма) — городище (?).

Поселение обнаружено Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится в черте города, на правом, коренном берегу р. Сейма, на так называемой Никольской Горке, близ Городка, признаваемого до последних лет за остатки древнего Путивля домонгольской поры. Поселение расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в долину оврагами. Площадка мыса в настоящее время ничем не защищена, но, по-видимому, в прошлом здесь были и вал, и ров. Вся внешность мыса говорит об этом. На площадке мыса еще не так давно стояла церковь, к которой с напольной стороны через перешеек шла дорожка, вымощенная камнем. Площадка имеет неправильную форму. Размер площадки по длинной оси около 200 м, по короткой около 80 м. Площадка разрушается вследствие оползания. Края ее изорваны. Высота мыса над долиной реки около 30—40 м. По склонам горы в оползнях и на площадке мыса, в той части где она распахивается, собраны культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды, относящейся к двум культурно-хронологическим комплексам — зольничному (позднему) и славяно-русскому (роменско-борщевскому и великокняжескому). В оползнях прослеживаются остатки разрушенных землянок и печей.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—304; Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльского району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242, 243.

96. Ромны, Сумская обл., урoч. Монастырище (правый берег р. Ромена) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ромена, на расстоянии 0.5 км от места впадения ее в р. Сулу и на таком же расстоянии к востоку от города. Оно расположено на стрелке косы, далеко врезающейся в пойму реки. Прилегающая к поселению местность болотистая, малопроходимая. Доступ к поселению возможен лишь по косе. С этой, напольной стороны поселение имеет искусственную защиту в виде вала и рва, перерезавших косу поперек. Вал невысокий, около 1.5 м. В средней части вала — ворота. Ров расположен с внешней стороны. Глубина его около 1.5 м, ширина около 4 м. Площадка поселения возвышается над долиной реки от 2 до 3 м. Поселение имеет яйцевидную форму, вытянутую по оси В—З. Длина площадки по одним данным около 33 м и ширина около 17 м, по другим — 75 и 44 м. Площадка поселения ровная, имеет некоторый наклон в восточную сторону.

Поселение впервые было обследовано Н. Е. Макаренко в 1901 г. При помощи траншей выявлен характер культурных отложений и остатков материальной культуры. Тогда же открыты жилища полуземляночного типа с глинобитными печами. В 1906 г. раскопки были продолжены. Материал, полученный в итоге этих новых работ, значительно богаче. Однако культурно-хронологический облик поселения не был определен. «Время городищ роменского типа, — писалось тогда в «Отчете Археологической комиссии за 1906 г.», — не может быть определено, так как в них пока не отыскано характерных находок».

В последующие годы, вплоть до 1924 г., городище Монастырище исследовалось Н. Е. Макаренко не раз (в 1910, 1912, 1915, 1922 и 1924 гг.). Исследователем был собран дополнительный материал, освещающий облик поселения, и тем не менее автор не решался сделать вывод, что же представляет собой исследуемый им памятник. В одной из последних своих работ, посвященных городищу Монастырищу, автор прямо писал, что определение этнического облика населения, обитавшего в городищах роменского типа, и даты сооружения городищ пока является делом преждевременным. То, чего не сделал автор раскопок — Н. Е. Макаренко, было сделано другими. Городище Монастырище многими исследователями было признано памятником славяно-русской культуры. Однако, если в вопросе определения этнического облика признание городища славянским не оказалось никаких расхождений, то в вопросе датировки его наметился ряд точек зрения. В последнее время большинство исследователей все больше и больше склоняется датировать роменские поселения и, в частности, Монастырище VIII—X вв. Так вырисовывается облик Монастырища по публикации Н. Е. Макаренко. Просмотр неопубликованных архивных материалов, а также коллекций вещей из раскопок Монастырища, хранящихся в Роменском музее, приводит к выводу, что Н. Е. Макаренко не отразил в своих публикациях полностью материалов, добытых им при раскопках. Ни в отчете за 1906 г., опубликованном в «Известиях Археологической комиссии» (вып. 22), ни в специальных статьях, посвященных городищу Монастырищу и керамике городищ роменского типа, совершенно нет упоминания о наличии на городище керамических остатков зольничной культуры (кухонных горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика и защипанным краем). Между тем в коллекциях Роменского музея среди материалов из Монастырища керамика этой группы представлена значительным количеством остатков. Это подтвердилось и обследованием, проведенным в 1953 г. Днепровским левобережным отрядом Славянской археологической экспедиции. При сборе подъемного материала на городище, а также на прилегающей к нему с запада площадке были найдены обломки как славянской, так и зольничной керамики.

В свете этих данных городище Монастырище следует рассматривать не только как памятник славяно-русской культуры, а как многослойное поселение, где в основе лежат остатки поселения скифского времени (зольничной культуры). Но и последнее возникло уже на обжитом месте, о чем свидетельствуют многочисленные керамические остатки эпохи бронзы.

Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 55—68. ОАК за 1906 г. СПб., 1909, стр. 113; Сборник Археологического музея Высших женских курсов в Киеве, вып. 1, Киев, 1914, стр. 17 и сл.; М. Макаренко. 1) Городище Монастирище. Науковий збірник за рік 1924, т. XIX, Київ, 1925, стр. 3—23; 2) Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederlův sborník, Obzor praehistorický, ročník IV, Praha, 1925, стр. 323—338; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-борщевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 121—136; Коллекции Роменского музея: городище Монастырище, раскопки 1924 г., планшеты №№ 22 (№№ 262—276), 23 (№№ 358—368); Фотоархив ИА, фонд АК, д. 6122.

97. Рыльск, Курская обл. (правый берег р. Сейма) — городище (?).

Поселение находится в черте города, на правом берегу р. Сейма. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и оврагом. В настоящее время это, по сути дела, уже не мыс, а останец, отрезанный от плато широким и глубоким искусственным проемом (около 100—150 м), соединяющим город с берегом реки. Форма останца неправильная, удлиненная (около 300 м, по линии С—Ю и около 150 м по линии В—З). Высота над уровнем долины реки около 50 м. Склоны останца сильно разрушаются. Следов укреплений не сохранилось, но несомненно это было укрепленное поселение (рис. 70).

На площадке еще не так давно стояла церковь и церковный дом. Сейчас это развалины. Кирпич разбросан по всей пло-

Рис. 70. Городище в г. Рыльск. Схематический план.

щади останца. По всем направлениям останца пролегают траншеи Великой Отечественной войны. В отвесных обрезах склонов и в стенках траншей хорошо прослеживается культурный слой. Мощность его местами достигает 2 м.

Древнейшие отложения в виде слоя золы с вкраплениями углей, глиняной обмазки, черепков глиняной посуды покоятся на погребенной почве. Выше этого слоя лежит прослойка желтой глины, затем слой чернозема, смешанный с культурными остатками

Основная масса собранных культурных остатков — обломки глиняной посуды. Среди них черепки поздних зольничных сосудов, черепки сосудов, близких по профилю к позднезольничным (но без характерного признака, присущего зольничной керамике, — сквозных отверстий), черепки славяно-русских сосудов (роменско-боршевских и великокняжеских). Верхний слой состоит из отложений поздней поры, вплоть до XX в.

Поселение давно известно в литературе как остатки древнерусского города Рыльска. В 1947 г. оно обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

А. Н. Александров. Долина р. Сейм. Археологическая экскурсия 1910 г. Древности. Труды МАО, т. XXIII, вып. 2, М., 1914, стр. 308—328; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

98. Рыльск, Курская обл., уроч. Подмонастырская Слобода (правый берег р. Сейма) — городище.

Поселение находится в 4 км к северу от города, на правом берегу р. Сейма (у Подмонастырской Слободы). Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и балкой. От плато с юга поселение отделено рвом и валом. Вал и ров сохранились хорошо, как и все поселение. Высота вала достигает 10 м (от дна рва). Площадка поселения ровная, с уклоном к северу. Длина по линии С—Ю 150 м, ширина наибольшая — 60 м, ширина северной

оконечности 10 м. Площадка имеет форму равнобедренного треугольника со слегка изогнутым основанием (юг), обрамленным валом. Длина вала около 80 м. Высота площадки над долиной реки от 25 до 35 м (рис. 71).

Материалы, собранные на поселении, состоят из обломков глиняной посуды, поделок из кости и глины. Основную массу составляют обломки глиняной посуды, хотя и близкой по фактуре, профилю и устройству донышка зольничной посуде поздней поры, однако не имеющей характерного признака последней — сквозных отверстий и ярко выраженных щипков по венчику. Аналогичная керамика встречена на поселении в г. Рыльске, в слое совместно с керамикой культуры зольников.

Наряду с керамикой имеется большое количество кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, столь типичной для поселений зольничной культуры этой полосы. Среди поделок из глины следует отметить «пряслица» и своеобразные «блоки» яйцевидной формы. Найдено три поделки из кости и рога. Есть также черепки великокняжеской поры (гончарные). Мощность культурного слоя достигает 1 м

Поселение было известно давно: в начале XIX в. оно отмечено А. Дмитрюковым. В 1947 г. оно было обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией

А. Дмитрюков. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. 1, Курск, 1863, стр. 506—517; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

99. Сабынино. Курская обл., Саженский р-н (левый берег р. Северского Донца) — городище (?) и селище

В 6—7 км к востоку от села, на одной из террас левого берега р. Северского Донца, в уроч. Перепечка обнаружены остатки селища. Оно расположено на мысу, образованном балками впадающими в р. Саженку — левый приток р. Северского Донца. Площадка поселения возвышается над балками на 10—12 м. Поверхность ее обрабатывается под посевы. На пашне прослеживаются культурные остатки в виде черепков глиняной лепной посуды зольничного типа (со сквозными отверстиями ниже края венчика), костей животных, а также поделок из глины. Остатки размещаются гнездами, однако ясно выраженных зольничных пятен не заметно. Культурные остатки найдены на площади 400 (С—Ю)×200 (В—З) м. На рас-

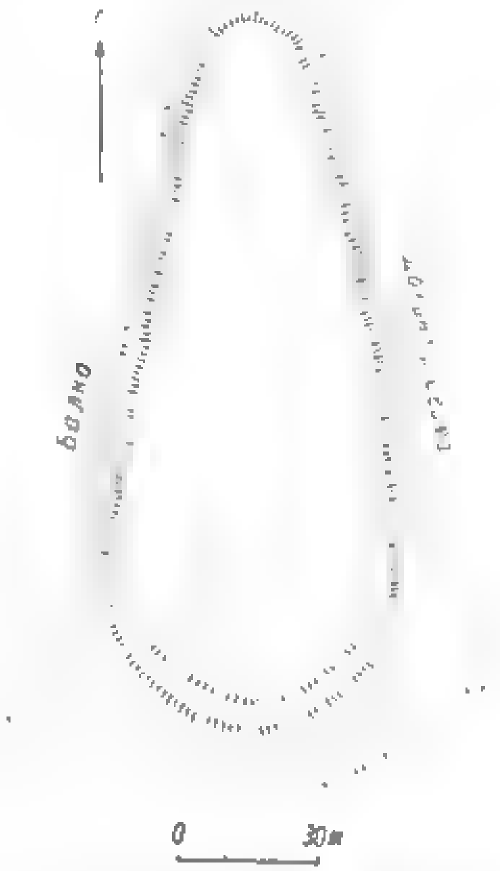


Рис. 71. Городище близ г. Рыльск (уроч. Подмонастырская Слобода). Схематический план.

стоянии 200—300 м к юго-востоку от селища, в излучине коренного берега р. Северского Донца находится городище. С севера, востока и юга излучина обрамлена высоким берегом в форме амфитеатра, с западной стороны (в сторону долины реки) открыта.

Форма городища овальная, несколько вытянутая по оси В—З, в соответствии с конфигурацией излучины; площадь его 500 (В—З)×150 (С—Ю) м. Северная, восточная и южная стороны городища обрамлены рвов и валом. Бóльшая часть рва заболочена. С западной стороны городище примыкает к балке, идущей с северо-востока на юго-запад. Балка мокрая. Внутренни

валом и рвом городище разделено на две части — восточную (180×150 м) и западную (300×150 м). Площадка городища поросла кустарником и сильно задернована, а местами заболочена. В ряде мест городище изрезано траншеями и одиночными окопами Культурных остатков на городище найти не удалось ни в одной из точек.

В каком отношения находится рассматриваемое городище к обнаруженному селищу, сказать трудно. По размерам, внутреннему членению на две части, характеру валов и некоторым другим данным городище близко к поселениям зольничного типа. Соседство городища с селищем скифского времени склоняет к мысли, что и городище относится к скифскому времени. Однако утверждать бесспорность этого положения нет оснований. Культурный слой, повидимому, смыт полностью потоками вешних и дождевых вод

У местного населения уроч. Поретечка называется «городищем». Городище известно в литературе со второй половины XIX в. Селище обнаружено Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1948 г.

Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. IV, Курск, 1874, стр. 155—176; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

100. Свиридовка, Полтавская обл., Лохвицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Сулы, в черте села, на высоком мысу, образованном долиной реки и балками, впадающими в нее. Мыс вытянут по оси С—Ю. Городище состоит из двух частей — центральной и предгородья. Первая расположена на стрелке мыса и отгорожена валом длиной около 15 м, высотой до 7 м и рвом глубиной 4 м. Площадка ее имеет неправильную форму, длина ее около 100 м (С—Ю) и ширина от 15 до 80 м (В—З). Поверхность задернована и поросла мелким кустарником. Культурные отложения встречаются лишь в виде измельченных черепков славяно-русской гончарной посуды великокняжеской поры.

Предгородье занимает основание мыса. Форма его также неправильная. Длина по линии С—Ю около 300 м, по линии В—З — от 40 до 300 м. Со стороны поля оно ограждено дугообразным валом длиной около 350 м и высотой до 6—8 м. С внутренней стороны вал распахивается. Ров сохранился плохо. Бо́льшая часть площадки городища находится под посевом зерновых культур. В восточной части есть фруктовые деревья. На поверхности обработанного поля найдены культурные остатки, состоящие из черепков глиняной лепной и гончарной посуды, кусков обожженной обмазки со следами отпечатков прутьев, костей животных, отдельных поделок из глины, кусков необработанного овручского шифера

Среди керамических остатков отчетливо выделяется два комплекса — зольничный (скифского времени) и древнерусский (великокняжеской поры).

Городище известно давно, со второй половины XIX в. В 1946 г. оно было обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР, а в 1948 г. — Днепровской левобережной археологической экспедицией

И. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 29; В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 146; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

101. Семеновка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Остатки поселения обнаружены в 1940 г. Левобережным отрядом на мысу правого, коренного берега р. Ворсклы, к западу от села. Площадь, на которой найдены культурные остатки, довольно значительная. В обрезе вершины оврага прослежены остатки культурного слоя мощностью до 1 м. Слой сохранился хорошо, не нарушен (сверху гумусированный культурный слой, ниже слой золы с угольками, под которым залегает прослойка обожженной глиняной обмазки). Среди собранных культурных остатков обломки кухонных лепных горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика и рантиком у донышка, черных лощеных сосудов (мисок), а также амфор. Из других находок следует отметить куски обожженной глины с отпечатками прутьев, шлака и точильный брусок

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122 132.

102. Солоница, Полтавская обл., Лубенский р-н (левый берег р. Сулы) — селище (?).

Следы поселения скифского времени (позднезольничного типа) обнаружены в 1947 г. Посульской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Ф. Б. Копылова. Поселение находится на территории, занятой садом колхоза им. XVIII партсъезда.

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307, 308.

103. Сосонка, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р Ворсклы) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в 2 км к северо-западу от села, в верховьях р. Сосонки, в уроч. Дубовское. Оно расположено на мысу, образованном с юга долиной реки, а с востока и запада оврагами. Поселение укреплено валами и рвами. По своей планировке поселение довольно сложное. Оно состоит из центрального укрепления и четырех предгородий. Рвы и валы охватывают всю эту площадь. Длина вала главного укрепления около 1200 м, ширина основания укрепленной линии 30—40 м., высота вала 9—10 м. Площадь этой части около 110 000 м². Главное укрепление имеет четыре въезда, три из которых, по-видимому, современны сооружению укрепления. Каждый из этих въездов защищен предгородьем. Длина вала северного предгородья 150 м, площадь 3500 м², ширина основания укрепленной линии около 25 м, высота вала не более 8.5 м. К юго-восточному предгородью примыкает еще одно; один конец его вала упирается в вал юго-восточного предгородья, а второй примыкает к крутому склону к р. Сосонке. Вал этого предгородья наиболее слабый. Длина его около 200 м, площадь предгородья около 10 000 м². Южное предгородье расположено на склоне к р. Сосонке и примыкает к главному укреплению. В месте стыка валов предгородья с валами главного укрепления их сохранность плохая. У края склона имеется перерыв вала. Длина вала около 400 м, площадь предгородья около 18 000 м² (рис. 72).

На площадке главного укрепления большое количество круглых ям диаметром от 2 до 8 м, при глубине 0.5—2 м. В центре — яма диаметром около 25 м, при глубине до 2 м. В юго-западной части — две ямы диаметром по 13 м, такая же яма в северо-западной части. Есть ямы и на северном предгородье.

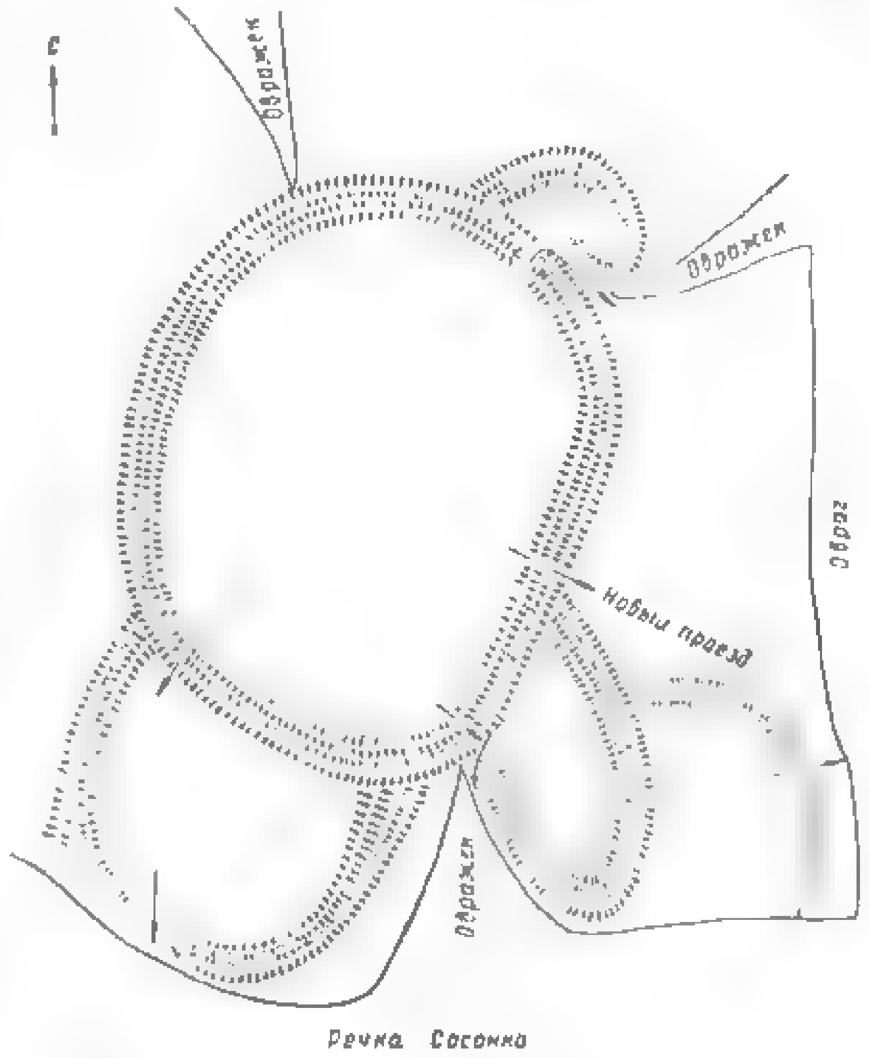


Рис. 72. Городище у с. Сосонка. Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

Поселение и окружающая территория покрыты лесом, в силу чего культурные остатки на поверхности немногочисленны. Среди собранных материалов обломки посуды с дырочками по венчику, амфор и черной лощеной посуды типа обнаруженной на Бельском городище.

Поселение известно в литературе с конца XIX в

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 7; М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 93, 94

104. Старые Гончары, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейм) — городище и селище.

Поселение находится к северо-востоку от села, на правом, коренном берегу р. Сейма. Оно состоит из двух частей — городища и селища. Городище расположено на мысу, образованном долиной реки (с юга и юго-востока) и балками (с севера-востока и северо-запада). С плато мыс связан узким перешейком, который перерезан рвом и валом. Длина вала около 50 м, высота его (от дна рва) до 12 м. Высота мыса над уровнем долины 35—40 м. Площадка городища сильно задернована.

Мыс вытянут по оси С—Ю. Форма его близка к треугольнику (вершиной обращена к югу). Ширина южной части мыса всего лишь 15 м, ширина северной стороны около 100 м. Последняя имеет направление не прямо запад—восток, а образует ломаную, состоящую из двух равных (50 м) отрезков: один — СВ—ЮЗ, второй — ЮВ—СЗ. Длина юго-восточной и юго-западной сторон около 140 м.

На площадке городища и в зачистках ям и склонов собраны культурные остатки, состоящие из черепков глиняной лепной посуды зольничного типа (позднего) и различных поделок из глины, а также черепков керамики эпохи бронзы (последние в незначительном количестве; рис. 73).

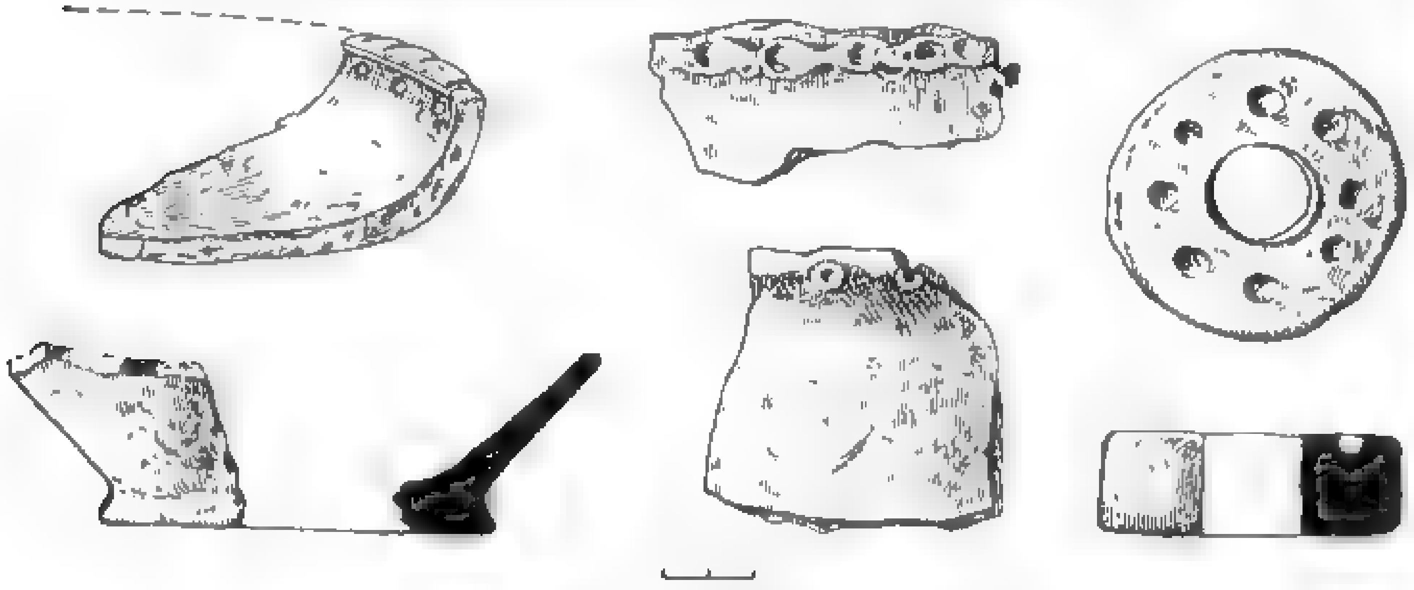


Рис. 73. Городище у с. Старые Гончары. Керамика

Аналогичный материал имеется и за пределами городища, на прилегающем к нему с северо-запада плато.

Мощность культурного слоя на городище, судя по зачистке склонов, достигает 0.50—0.70 м.

Мыс имеет уклон (к югу), вследствие чего культурный слой сохранился не везде.

Городище у с. Старые Гончары обследовано в 70-х годах прошлого столетия Д. Я. Самоквасовым. В 1947 г. его осмотрела Днепровская левобережная археологическая экспедиция. В 1950 г. на городище были произведены небольшие раскопки под руководством В. А. Ильинской, назвавшей городище Ширяевским, как будто бы в соответствии с названием, данным ему Д. Я. Самоквасовым, для чего нет никаких оснований.

Д. Я. Самоквасов. Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 228, 229; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 109—122.

105. Старый Салтов, Харьковская обл. (правый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией обнаружены следы древнего поселения к северу от села, в обрезе правого берега р. Северского Донца, там, где у колхоза «Прогресс» начинается оросительная система. В слое много золы, углей, черепков глиняной лепной посуды и костей животных. В одном месте прослежены крупные линзы обожженной докрасна глины с включениями черепков глиняной посуды и глиняных конусов. Судя по общему облику, обожженная глина принадлежала очажному сооружению. Бо́льшая часть его оползла под берег.

Общий облик керамического комплекса близок зольничному. Наряду с остатками от кухонных горшков со щипковым орнаментом по венчику имеются черепки черных лощеных сосудов.

Общая протяженность берегового обреза, где были обнаружены культурные отложения, достигает 150 м. Как далеко простиралось поселение в глубь берега, сказать трудно, так как площадь, прилегающая к берегу, задернована и культурные остатки на поверхности не выступают.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

106. Стаси, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции. Расположено оно на мысу, к югу от с. Стаси (правый берег р. Ворсклы). Следы его выступают в виде зольных пятен, столь характерных для большей части поселений скифского времени этого района.

Культурные остатки концентрируются главным образом на зольниках. Они состоят из обломков глиняной лепной посуды типа кухонных горшков. Край венчика у них, как правило, орнаментирован щипками, а ниже края идет ряд сквозных отверстий. Наряду с черепками от горшков есть обломки черной лощеной посуды типа мисок с загнутым внутрь краем, а также обломки амфор. Единичные обломки черной лощеной посуды покрыты геометрическим врезным орнаментом, инкрустированным белой пастой.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

107. Стаси, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, к северу от села, за балкой, в которой расположено село, на мысу, где была усадьба Кондратьевой, а ныне — колхозные постройки. Остатки его были обнаружены в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской экспедиции. Они хорошо прослеживаются в виде зольных пятен, на поверхности которых рассеяны черепки глиняной посуды, кости животных, куски обожженной глины и т. п. Обломки глиняной посуды, собранные при обследовании, принадлежат кухонным горшкам, орнаментированным по краю венчика сквозными отверстиями и налепным валиком, черным лощеным мискам с загнутым внутрь краем и некоторым другим формам, а также амфорам. Среди обломков лощеных сосудов есть черепки, покрытые геометрическим врезным орнаментом, инкрустированным белой пастой.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

108. Стригослы, Курская обл., Беловский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

В 1948 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией обнаружено селище скифского времени близ с. Стригослы. Оно находится на расстоянии 1 км к северо-востоку от села, расположенного под коренным берегом. Культурные остатки в виде черепков глиняной лепной посуды, костей животных и кусков обожженной глины рас-

сеяны на значительной площади. Они залегают явно гнездами. Собранные при обследовании керамические материалы принадлежат исключительно зольничному комплексу.

Территория поселения находится на поле, обрабатываемом под посевы зерновых культур.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

109. Супруновка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Слабые следы зольничной культуры (позднего времени) обнаружены Днепровской левобережной экспедицией в 1946 г. близ села, недалеко от железнодорожной линии Полтава—Киев, на правом берегу балки, идущей до с. Решетники (бывш. Старые Сенжары). На пахотном поле и в выбросах из ям найдены обломки глиняной лепной посуды типа кухонных горшков со сквозными отверстиями по венчику. Площадь распространения и характер залегания выявить не представилось возможным ввиду занятости территории постройками.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

110. Сухая, Курская обл., Рыльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Интересное поселение скифского времени было обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1947 г. у дер. Сухая. Оно находится на расстоянии около 4 км к юго-западу от деревни, на правом берегу р. Сейма, на мысу, образованном долиной реки и балкой. Мыс террасообразными уступами вытянут по линии З—В, вдоль долины реки, на протяжении до 1.5 км. Поселение занимает две самых высоких террасы у основания мыса (у плато). Со стороны поля (с запада) оно укреплено валом высотой 6—7 м и рвом. Длина вала около 80 м (рис. 74).

С восточной стороны склон второй террасы, входящей в площадку поселения, искусственно срезан почти отвесно. Высота среза 4—5 м. С северной стороны мыс обрамлен балкой, с юга — долиной реки. Площадка поселения неровная. По середине ее проходит уступ первой террасы. Высота уступа не менее 15 м. Склон сравнительно пологий.

Площадка поселения имеет грушевидную форму. Размер по длинной оси (В—З) около 230 м, по короткой — около 200 м (в самой широкой части). Периметр площадки около 800 м. Поверхность задернована, и культурный слой мало доступен внешнему осмотру. Собранный материал при зачистке оползающих склонов состоит из обломков глиняной посуды, принадлежащей зольничной культуре (поздней поры). Среди черепков есть одно донышко, на котором имеются отпечатки зерен злаков — пшеницы или ячменя (?). В одном из обрезов найден железный ножевидный серп. Мощность культурного слоя в зачистке восточного склона достигает 1.2 м (результат наноса (?) с площадки, лежащей выше).

В траншее, прорезывающей вал как вдоль, так и поперек, хорошо прослеживается устройство насыпи вала. Сверху идет дерновый слой, ниже — слой почвы, смешанный с мелкозернистыми кусками обожженной докрасна глины, затем слой крупных углей (целых плах). Под углями — утрамбованная глина, ниже которой — слой золы, местами перемешанной с такой же глиной.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

111. Сухоносовка, Полтавская обл., Чернухинский р-н (левый берег р. Удая) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Удая, в 2 км к северо-западу от села. Оно расположено на мысу третьей террасы, примыкая северной своей стороной к плато. Поселение укреплено валами и рвами со всех сторон, за исключением западной. Две линии валов, проходящие внутри поселения в направлении В—З, делят поселение на две части — северную (меньшую) и южную (бо́льшую). Въезд на поселение с юго-восточной стороны прикрыт дополнительным валом.

В 1946 г. поселение обследовано Посульской экспедицией Института археологии

АН УССР. Собранный экспедицией материал состоит из обломков посуды зольничного типа, близких обнаруженным на поселении у Глинска.

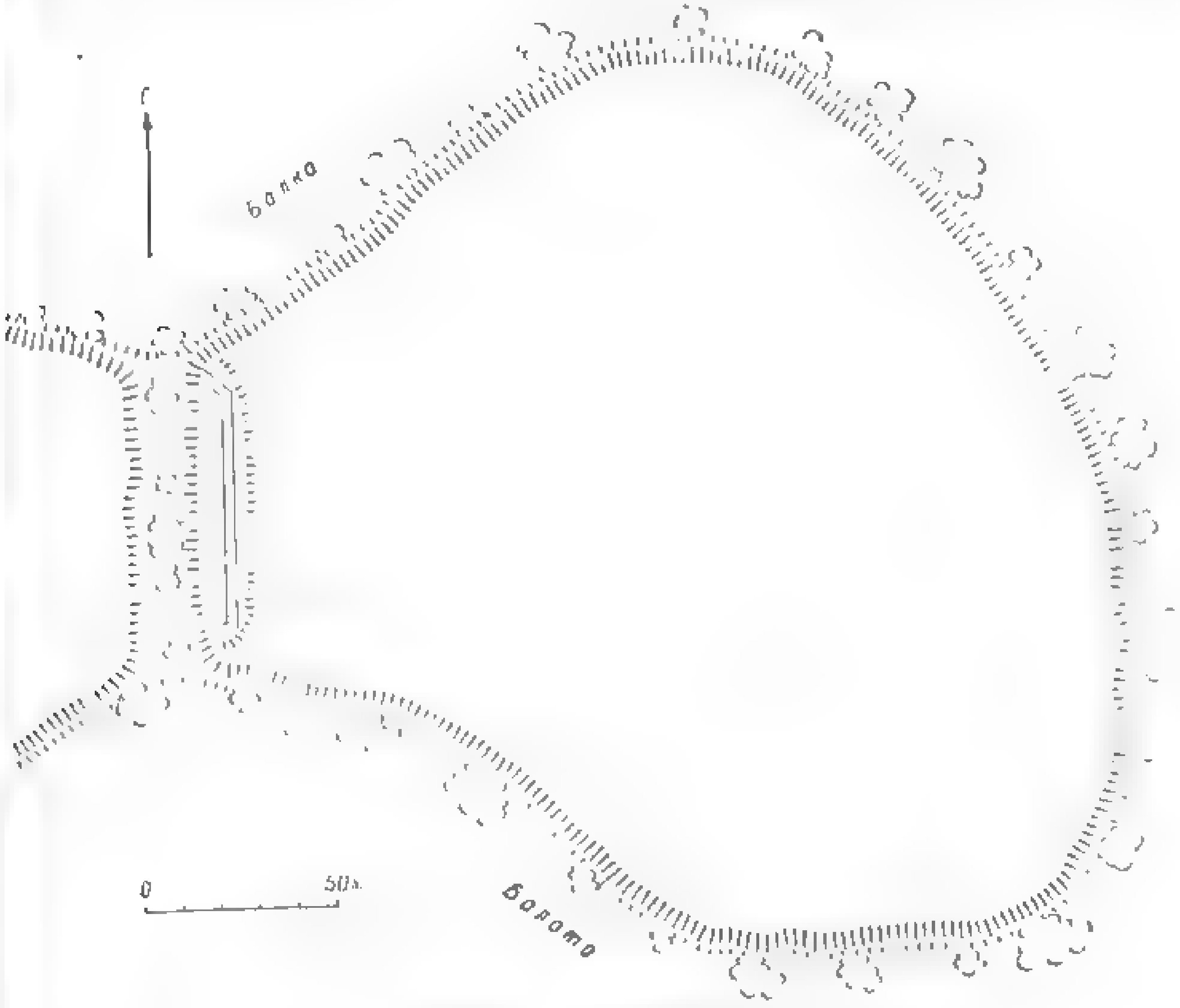


Рис. 74. Городище у дер. Сухая. Схематический план.

В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 145.

112. Уды, Харьковская обл., Золочевский р-н (правый берег р. Уды) — селище.

В 1948 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией обнаружены близ с. Уды, в уроч. Пушкари или Круча, остатки поселения скифского времени. Это селище. Оно находится на мысу правого берега р. Уды, образованном долиной реки и балкой. Мыс вытянут по оси СВ—ЮЗ. С северо-запада (со стороны балки) к нему примыкает лес. Высота мыса над долиной реки 15—20 м. Площадка, на которой прослеживаются культурные остатки, выявляется с большим трудом. Все же несомненно, что они размещены гнездами. Среди собранных остатков черепки глиняной лепной посуды, кости животных. Керамические обломки маловыразительны, но в их числе есть все же несколько образцов, относящихся к горшкообразным сосудам позднезольничного типа (донышки с рантиком и один обломок венчика со сквозным отверстием).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

113. Хижки, уроч. Городок, Сумская обл., Конотопский р-н (бассейн р. Сейма) — городище (болотное).

При обследовании болотного городища в уроч. Городок Д. Т. Березовец обнаружил здесь отложения двух культур — зольничного типа (скифское время) и роменско-боршевского (раннеславянское время). Работа проведена в 1947 г. Материалы не опубликованы.

Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242, 243.

114. Хитцы, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Удая) — городище.

В 1946 г. Посульская экспедиция Института археологии АН УССР обследовала городище скифского времени с керамикой зольничного типа, расположенное в 1.5 км к юго-востоку от села. В плане городище округлое, диаметр около 200 м. Площадка обнесена валом высотой 1.7—2.5 м и рвом глубиной 1.2—2 м. Въезд с северо-восточной стороны.

В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 146, 147.

115. Ховзовка, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Клевени) — городище и селище.

Поселение находится на правом, коренном берегу р. Клевени, на расстоянии 0.5 км к северо-западу от села. Оно состоит из двух частей — городища и примыкающему к нему селища. Городище занимает мыс берега, известный под названием Шпиль. С северо-востока мыс ограничен долиной реки, с севера-запада и юго-востока — балками. Высота мыса над долиной около 50 м. С плато мыс соединяется узким перешейком, перегороженным рвом и валом. Длина вала 25—30 м, высота 4—5 м. Ров сильно заплыл. Вал имеет значительные повреждения от раскопок, произведенных на нем местным населением. Сильно разрушается и площадка городища вследствие оползания склонов. Форма площадки неправильная, несколько удлиненная по оси СВ—ЮЗ. Размер площадки по длинной оси около 120 м, по короткой 30—60 м. От юго-восточной части мыса отходит стрелка размером 30×10 м, лежащая на 4—5 м ниже горизонта площадки мыса (рис. 75).

В прошлом площадка городища распахивалась, сейчас задернована.

В оползнях и обнажениях склона собрано значительное количество культурных остатков. Больше всего обломков глиняной посуды. Подавляющая часть их — лепные, принадлежащие сосудам двух культурно-хронологических комплексов: зольничному (позднему) и славяно-русскому (роменско-боршевскому). Имеются черепки, напоминающие собой гончарные сосуды великокняжеской поры.

Найдено также два бронзовых наконечника стрел скифского типа.

Культурные остатки прослеживаются и за пределами вала, к северо-западу от него. Собранные за пределами городища керамические остатки принадлежат зольничным сосудам.

Поселение у с. Ховзовка давно известно в литературе, однако о его культурно-хронологическом облике не приводилось никаких данных. В 1947 г. городище обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

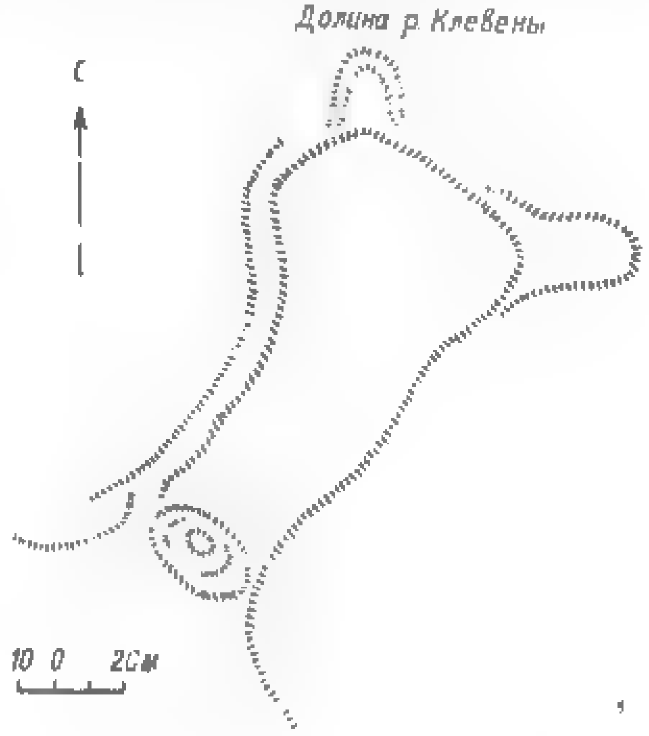
Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 8; Н. М. Ерешенко. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. 1, М., 1906, стр. 98, 99; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

116. Хорошево, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Уды) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Уды, в черте села. Оно занимает один из мысов высокого коренного берега, изрезанного широкой сетью глубоких оврагов и балок, тянущихся иногда на несколько километров. С севера мыс обрамляет долина реки, с востока и запада — впадающие в нее балки. Городище занимает северную часть мыса. Со стороны поля (юг) городище защищено валом и рвом. Протяженность этой укрепленной линии более 600 м. Вал сохранился сравнительно хорошо (рис. 76). Только в ряде мест он прорезан современными

дорогами. Высота в некоторых местах 4—5 м. Длина огражденной части мыса по линии С—Ю более 700 м. Небольшие овраги и балки разрезают площадку, занятую городищем, на ряд отдельных мысов. Один из них в северо-восточной части городища носит название Гулий-Горка. К этой части городища относится наибольшее количество легенд и преданий. Гуляй-Горку в настоящее время уже едва ли можно назвать мысом. Это скорее останец, отрезанный от плато оврагом недавнего образования, по линии, где когда-то проходил ров, преграждающий доступ к детинцу поселения, расположенному на месте с прекрасной естественной защитой в виде крутых склонов. Высота мыса над долиной колеблется в пределах 40—50 м.

Выявить следы какого-либо внутреннего членения городища в рамках, ограниченных большим южным валом, не представляется возможности ввиду застроенности территории хозяйственными и жилыми сооружениями, а также обработки под посевы. Северная часть городища (над долиной реки) занята постройками дома инвалидов (быв. Хорошевский монастырь). Не везде удается обнаружить и культурные отложения. Наиболее ярко они прослеживаются в северо-восточной части городища, над долиной реки, на огородах Дома инвалидов и прилегающих усадьбах колхозников. Здесь есть остатки славяно-русской культуры (роменско-боршевского и великокняжеского типов). Южнее, в направлении к большому валу, культурные остатки прошлого прослеживаются редко. Правда, остатки славянской керамики роменского типа удалось



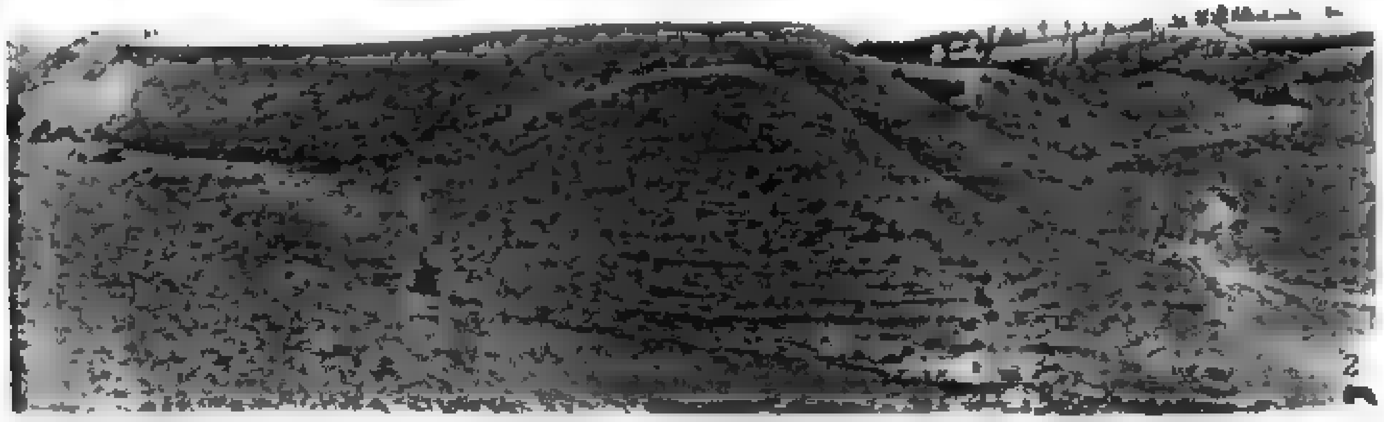


Рис. 75. Городище у с. Ховзовка

1 — схематический план, 2 — общий вид

Рис. 76. Городище у с. Хорошево.
1 — общий вид городища, 2 — вал городища.

обнаружить вплоть до вала. В зачистке вала найдены черепки зольничной керамики (рис. 77). В основании вала много золы, угля, обуглившихся бревен. По заявлению местных жителей, они часто пользуются углями из вала для хозяйственных надобностей Имеются случаи добычи угля на продажу.

Хорошевское городище известно с конца XVI—начала XVII в. Не раз подвергалось оно и обследованию. Однако подлинный археологический облик его оставался невыясненным. Городище сравнивалось по составу находок с Донецким и относилось, таким образом, к славяно-русскому периоду. В 1948 г. городище обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. 1, Харьков, 1902, стр. 82—97. В. Е. Данилевич. Донецкое и Хорошевское городища. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. II, Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ., т. 13, Харьков, 1902, стр. 227—229; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

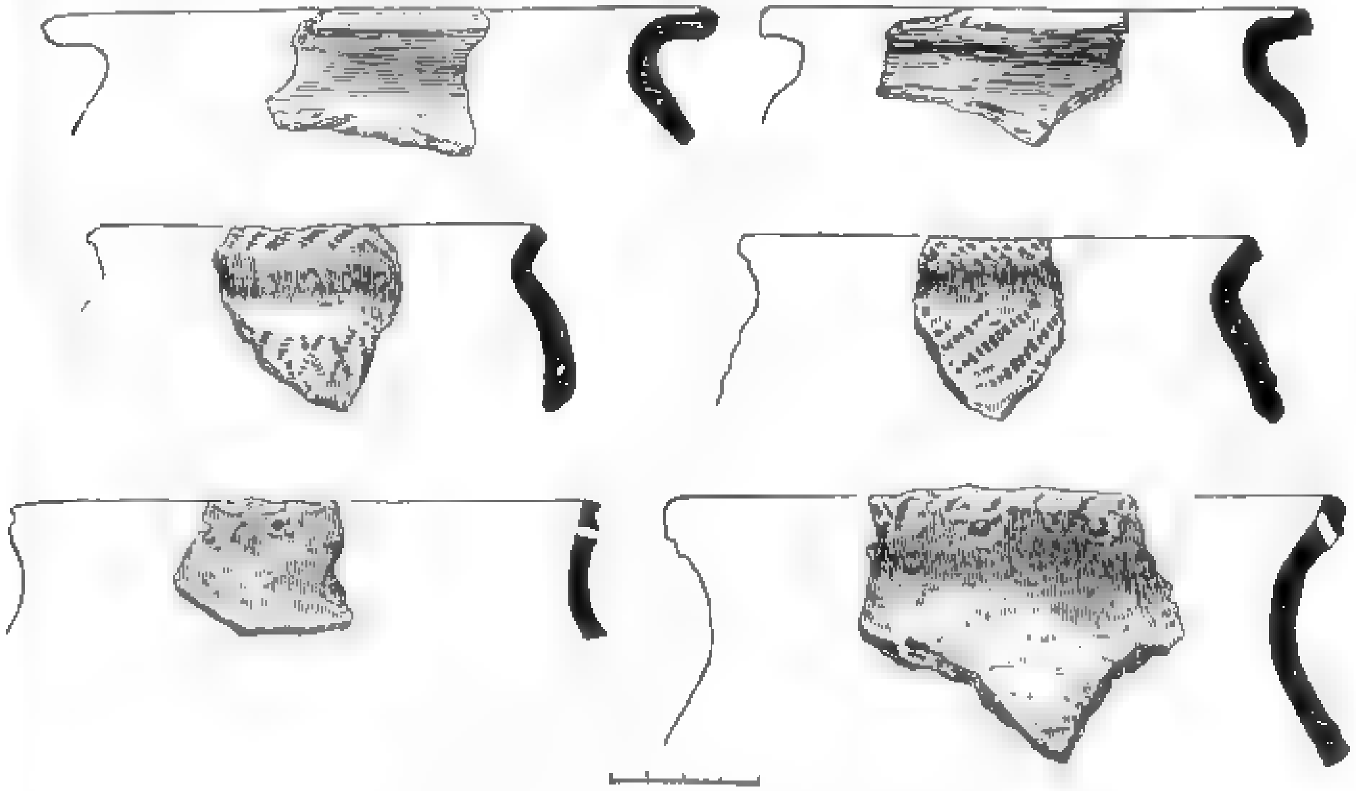


Рис. 77. Городище у с. Хорошево. Керамика.

117. Хрущева Никитовка, Харьковская обл., Богодуховский р-н (правый берег р. Мерчика) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Мерчика. Поселение укреплено. Площадь его около 45 000 м²

М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 106, 107.

118. Хухра, Сумская обл., Ахтырский р-н, уроч. Рицатове (левый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение расположено на мысу надпойменной террасы, при впадении р. Хухры в р. Ворсклу. Одна часть поселения занята постройками, другая распахивается. В 1953 и 1955 гг. поселение исследовалось путем раскопок Г. Т. Ковпаненко (Институт археологии АН УССР). Добытые при раскопках материалы (керамика и изделия из металла) относятся к двум периодам — к эпохе поздней бронзы и скифскому времени (VII—V вв. до н. э.).

Первые сведения о следах культуры скифского времени близ с. Хухра опубликованы среди материалов XII археологического съезда.

Каталог выставки XII археологического съезда в г. Харькове. Харьков, 1902, стр. 18, 192—195; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 8. В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 414, 420, 426; Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 95—105.

119. Чернетчина, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено в 1938 г. П. Н. Третьяковым. Оно находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, на надпойменной террасе, занятой огородами колхозников, недалеко от кузницы. Культурные остатки прослеживаются вдоль края террасы, на линии около 120 м, в глубь берега на 30—50 м. Мощность культурного слоя 0.30—0.35 м. На поверхности большое количество культурных остатков. Среди собранных материалов обломки глиняных лепных горшков со сквозными отверстиями ниже края венчика. Автор обследования П. Н. Третьяков датирует поселение VI—VIII вв. н. э., что, судя по керамике, является несомненно ошибкой.

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 127.

120. Чернечка, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Слабые следы зольников обнаружены в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции на плато правого берега р. Ворсклы, в уроч. Черничий Яр, у основания мыса, расположенного к югу от бывшего монастыря. Хотя зольники и недостаточно яркие, тем не менее они легко выделяются по скоплению материалов. Основная масса культурных остатков — обломки лепных кухонных горшков, орнаментированных по краю венчика щипками и сквозными отверстиями ниже края венчика. Есть обломки амфор. Совершенно не встречены черепки лощеных сосудов.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

121. Чернечка, Полтавская обл., Диканьковский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

На мысу, к северу от балки, в которой был расположен монастырь, в обрезе дороги, идущей вдоль мыса, в 1940 г. Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции обнаружен древний культурный слой. В нем оказались куски глиняной обмазки и обломки глиняной посуды — кухонных горшков со щипками по венчику и сквозными отверстиями ниже его края, а также амфор. Остатки немногочисленны.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1, Архив ИА; 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 122—132.

122. Шабалинов, Черниговская обл., Коропский р-н (левый берег р. Десны, при впадении р. Сейма) — городище и селище (?).

Поселение находится на левом, коренном берегу р. Десны, при впадении р. Сейма, в 3 км к юго-западу от села. Оно представляет собой городище, занимающее мыс берега, северо-западная и юго-восточная стороны которого сравнительно круто обрываются в долину рр. Десны и Сейма. Высота северо-западного склона 10—15 м, юго-восточного — 5—7 м. Часть юго-восточного склона распахивается. С напольной, северной и северо-восточной сторон мыс огражден рвом и валом. Вал, как и вся площадка городища, распахивается, а поэтому сильно расплылся. Ширина его в основании около 20 м, высота 1—1.5 м (рис. 78). Поверхность площадки городища ровная, с незначительным уклоном в юго-западную сторону. Периметр городища около 500 м. На поверхности распаханного городища есть черепки глиняной посуды, кости животных, куски обожженной глины. Судя по подъемному материалу, керамические остатки относятся к трем культурно-хронологическим комплексам — деснинскому (юхновскому), зольничному (позднему) и славяно-русскому (роменскому и великокняжескому).

Аналогичные материалы содержатся и в коллекции Сосницкого музея, собранные в разное время сотрудником музея Ю. С. Виноградским.

К северу от городища, за валом, на распаханном поле также имеются обломки керамики, но в весьма незначительном количестве.

Поселение у с. Шабалинов известно в литературе давно и время от времени посещается работниками Сосницкого музея. В 1947 г. оно обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией. Протяженность оборонительной линии около 800 м, ширина рва и вала около 20—30 м, высота вала 3—4 м. Площадь поселения около 43 000 м². Поселение распахивается. Сильной распашке подверглась и оборонительная линия. Небольшая часть площади занята садом. В валу имеется три въезда — восточный, западный и южный (рис. 79).

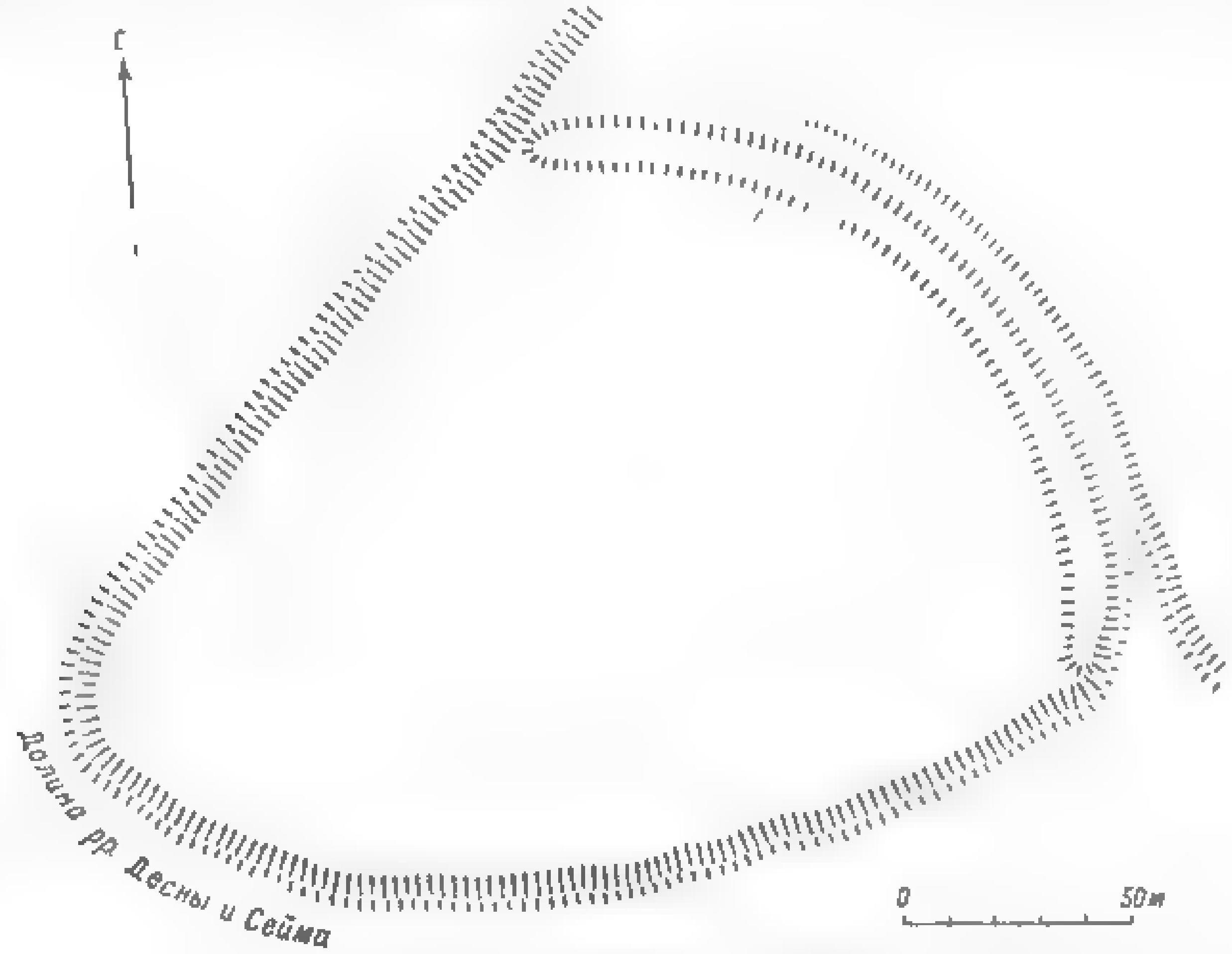


Рис. 78. Городище у с. Шабалинов. Схематический план.

Ю. Виноградський. Сосниця та її околиці. В кн.: Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, стр. 160, 161; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры (скифо-пахарей) в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

123. Шеерман, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Уды) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на левом берегу р. Люботинки (правый приток р. Уды), в 4—5 км от Муравского шляха. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки. Поселение имеет искусственное укрепление, состоящее из вала и рва.

Культурные остатки на распаханной поверхности довольно многочисленны. Среди них обломки сосудов со сквозными отверстиями ниже края венчика, обломки черных лощеных сосудов типа найденных на Бельском городище и обломки амфор.

Впервые поселение было отмечено на археологической карте Д. И. Багалея.

М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 99.

123а. Шмаровка, Харьковская обл. и р-н (левый берег р. Уды) — селище.

Поселение обнаружено и частично исследовано путем раскопок Б. А. Шрамко (Харьковский университет). Помимо кера-

мических остатков, типичных для культуры зольников поздней поры, здесь обнаружены остатки наземного жилища прямоугольной в плане формы. Исследователю удалось

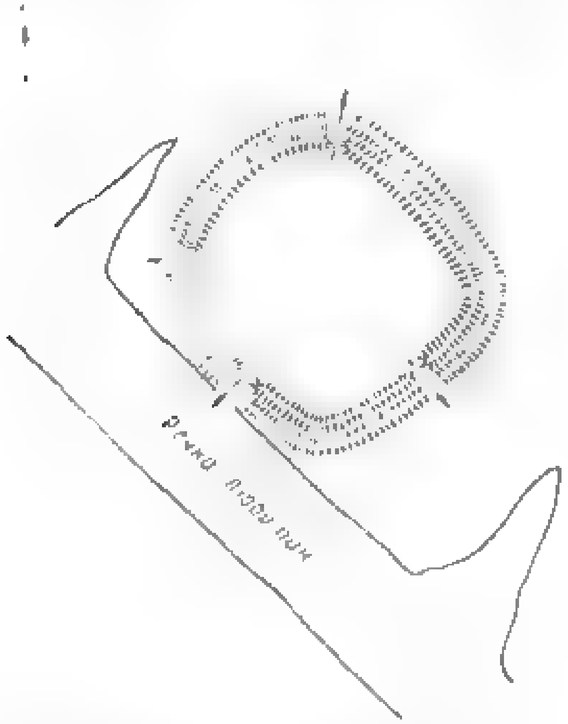


Рис. 79. Городище у бывш. хут. Шеерман. Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

проследить глиняную обмазку пола жилища и очаг. Найденные материалы, в частности бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы, дали основание автору отнести исследованный им памятник к IV—III вв. до н. э.

Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, М., 1954, стр. 112—115.

124. Шуклинка, Курская обл., Стрелецкий р-н (правый берег р. Тускарь) — городище и селище

Шуклинское городище давно известно в литературе. Исследователь его Л. Н. Соловьев даже назвал именем городища одну из групп керамики, обнаруженных при осмотре городища. Оно находится на правом берегу р. Тускаря, к юго-востоку от села. Поселение многослойное. Нижний слой связан с зольничной культурой. Обломки керамики этой группы были найдены всеми исследователями, осматривавшими городище. Верхний слой связан с отложениями славянской культуры. При раскопках в 1952 г. Т. Н. Никольской были обнаружены жилища-полуземлянки, обычные для славянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. в лесостепной полосе. С севера к городищу примыкает селище с хорошо выраженными отложениями великокняжеской поры.

Л. Н. Соловьев. Стоянки селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 27—29; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; 2) Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 57; Т. Н. Никольская. Шуклинское городище. КСИИМК, вып. 72, М., 1958, стр. 67—77.

125. Яковлевка, Харьковская обл., Змиевский р-н (левый берег р. Мерефы) — городище.

По данным М. Фукса, поселение находится на левом берегу р. Мерефы, в 2 км к югу от села. Оно расположено на мысу, образованном оврагами, впадающими в р. Ржавец (левый приток р. Мерефы).

Поселение укреплено валом и рвом. Протяженность оборонительной линии

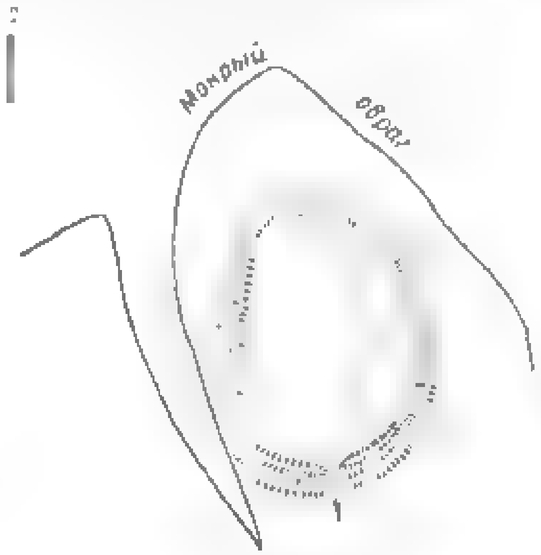


Рис. 80. Городище у с. Яковлевка. Схематический план. (Архив ИА, фонд А. А. Спицына).

около 375 м. Она охватывает поселение почти со всех сторон, за исключением незначительного отрезка над крутым склоном Долгого Яра. Ширина основания оборонительной линии около 17 м, высота вала около 3 м. Размер площади поселения около 11 000 м. С юго-восточной стороны имеется въезд (рис. 80). Каков характер культурных отложений, неизвестно.

Поселение обнаружено в 1925 г. И. Н. Луцкевичем, А. А. Потаповым и М. Фуксом. Отнесение городища М. Фуксом к скифскому времени обусловлено, по-видимому, планировкой поселения, размерами и географическим местоположением.

М. Фукс. Про городища скитської доби на Харьківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 103.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ[1]

1. ОБЩИЙ ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

В конце XIX в. известный киевский археолог В. В. Хвойка открыл среди древностей Среднего Поднепровья ряд могильников и поселений конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, получивших в литературе наименование памятников культуры «полей погребений» или «полей погребальных урн». Вновь открытые памятники привлекли к себе широкое внимание археологов. На страницах центральной и местной прессы появились заметки, подчеркивающие большую значимость этих памятников для изучения древнейшего периода истории восточного славянства.[2] Своими наблюдениями над исследуемыми памятниками В. В. Хвойка поделился в статье «Поля погребений в Среднем Поднепровье».[3] В ней он очертил территорию распространения известных ему памятников этой культуры, топографическое местоположение, охарактеризовал общий облик их, дал описание некоторых наиболее характерных находок и на основе этих данных произвел хронологическое членение памятников на две группы: раннюю — зарубинецкую, датируемую временем «около Р. Х.» и позднюю — черняховскую, датируемую II—V вв. н. э. В заключение автор выставил положение, что вновь открытые им памятники «полей погребений» зарубинецкого и черняховского типа «принадлежат единственному народу, жившему так долго на указанной территории, именно древним славянам, поселившимся в области Среднего Приднепровья, как показано, со времен самой отдаленной древности».[4]

Несмотря на интерес, проявленный к открытым памятникам, работа В. В. Хвойки не получила должного развития. С момента открытия первых памятников до конца 30-х годов нашего столетия новых значительных полевых исследований произведено не было. Мало пополнился и круг ранее известных памятников. Все последующие исследователи вплоть до 40-х годов в своих выводах об этой культуре основывались на материалах В. В. Хвойки из могильников у сел Зарубинцы, Черняхово, Ромашки и некоторых других, открытых и исследованных им же.

Трудность обнаружения новых памятников была обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что ни поселения, ни могильники «полей погребений» не имеют наружных признаков. Они могли быть выявлены случайно при земляных работах, как это и было с большей частью памятников, исследованных В. В. Хвойкой, или в результате специально поставленных разведочных работ. Поскольку разведочные работы не

[1] Термин «культура полей погребений» далеко не отвечает содержанию рассматриваемых нами памятников. Мы пользуемся им в том же условном значении, в каком он применяется большинством исследователей к памятникам Среднего Поднепровья и смежных областей конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.

[2] Погребальные поля в Киевской губернии. Археол. летопись южн. России, 1900, т. II, Киев, 1900, стр. 117, 118; ИАК, Прибавление к вып. 3, СПб., 1902, стр. 50, 51 (по материалам: Правит. вестн. от 22 III, № 66; Киевская газета от 25 III, № 84; СПб. ведомости от 2 III, № 83, Финляндская газета от 24 III № 46).

[3] ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1901.

[4] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1901, стр. 172—190.

производились, единственным источником оставались случайные находки. Однако известия о последних не всегда доходили до археологов. Найденные вещи чаще всего гибли или оседали в руках местных любителей старины, а на места находок просто не обращали внимания, о них забывали

Особенно мало было данных о культуре «полей погребений» на территории Днепровского Левобережья, хотя памятники этой культуры (зарубинецкого типа) здесь были открыты В. В. Хвойкой одновременно с правобережными. Это были могильники у сел Пуховка, Погребы, Бортничи, Вишенки, Койлово, Рудковка.[5] Все они расположены по левому берегу р. Днепра или близ него, на участке от устья р. Десны до р. Трубежа. Любопытно отметить, что и другие памятники этой группы (поселения и могильники), открытые в области Левобережья в последующее время, в основном сконцентрированы в том же районе, близ левого берега р. Днепра. В некотором отрыве от них, в районе г. Путивля, на правом берегу р. Сейма, находится вторая группа.[6] На остальной территории Левобережья остатки этой культуры почти неизвестны. Можно отметить лишь отдельные находки (городище у с. Басовка), да несколько впускных погребений в курганы (Лубны, Верхняя Мануйловка, хут. Дьяченки), но и они группируются в том же северо-западном районе. Бо́льшая часть этих памятников известна по случайным находкам или же по подъемным материалам, собранным при разведочных работах. К сожалению, и эти немногочисленные материалы до сего времени остаются неопубликованными. Все, что известно об этих памятниках, — это их географическое местоположение, современный населенный пункт, близ которого найдены те или иные материалы. Лишь на поселении у с. Харивка в 1950 г. Д. Т. Березовец произвел небольшие разведочные раскопки (вскрыто около 200 м²). К сожалению, и о этой работе имеется лишь небольшая краткая информация, из которой трудно заключить, относятся ли найденные при раскопках материалы только к зарубинецкому слою, или же на поселении имеются отложения и других культур.[7] В силу всех этих причин у нас нет возможности охарактеризовать облик зарубинецкой культуры по материалам Левобережья и мы вынуждены ограничиться в нашей работе лишь приведением данных о местоположении памятников, а в отношении общей характеристики сослаться на недавно вышедшую работу Е. В. Махно, освещающую облик культуры на основе материалов с территории наибольшего распространения памятников этого типа — Правобережья Однако должны оговориться, что мы ни в какой мере не разделяем взглядов Е. В. Махно на происхождение и развитие зарубинецкой культуры, изложенных в этой статье. Мы обращаемся лишь к данным, собранным при раскопках памятников этой культуры в области Правобережья, полагая, что они в какой-то мере раскрывают облик культуры в целом, в том числе и в области Левобережья.[8] Что касается вопроса о месте этой культуры в истории Левобережья, его мы касаемся ниже, а сейчас перейдем к освещению другой группы памятников культуры «полей погребений» поздней поры.

Первые, не вызывающие никакого сомнения, данные о наличии на Левобережье элементов культуры «полей погребений» черняховского типа связаны с открытием и исследованием М. Я. Рудинским в 1924 г. могильника и поселения у с. Кантемировка Чутовского района Полтавской области.[9] Правда, Кантемировский могильник не является типичным могильником «полей погребений» черняховского типа. С последним его связывает лишь сходство могильного инвентаря, в первую очередь керамики.

В 1925 г. следы поселения начала нашей эры были обнаружены близ устья р. Орели, у Кабаковых хуторов.[10]

Разведочными работами 1926 г. были выявлены еще два пункта этой культуры — могильник у с. Гурбинцы Сребнянского

[5] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43—49.

[6] Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, М., 1955, стр. 81—100.

[7] Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 49—66

[8] Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники. . ., стр. 81—100.

[9] М. Рудинський 1) Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 3-річчю музею, т. I. Полтава, 1928; 2) Кантемирівські могили римської доби. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930.

[10] К. Антонович-Мельник. Археологічні досліди на Кременчужчині. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926, стр. 81—86

района, Черниговской области (Н. Е. Макаренко)[11] и поселение близ с. Манжелеи, Великокрыниковского района Полтавской области (М. Рудинский).[12] Если не считать случайных находок отдельных предметов этой культуры, опубликованных в разное время в украинской печати (у с. Ковали Хорольского района Полтавской области, 1929 г.;[13] у хут. Холодного, близ г. Ромны, 1929 г.;[14] у хут. Савинского, близ г. Лубны; у хут. Гречаники, близ Переяслава; в селах Нехвороща, Шишаки Полтавской области),[15] — это все, что было известно о культуре «полей погребений» на Левобережье до Великой Отечественной войны. Правда, в довоенные же годы был открыт целый ряд памятников этой культуры на Харьковщине, но сведения о них в литературе появились лишь после войны.[16]

Число известных памятников культуры «полей погребений» стало быстро возрастать в последние, в основном послевоенные годы в связи с широкими разведочными работами, предпринятыми Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР. Здесь следует отметить систематические разводки в Посулье Ф. Б. Копылова и Е. В. Махно, открывших ряд поселений этой культуры,[17] а также Днепровской левобережной экспедиции, поставившей одной из основных задач своей работы — выяснение территории распространения памятников «полей погребений» (II—V в. н. э.) на Левобережье.[18] И если в предшествующий период, когда памятники культуры «полей погребений» открывались случайно, при различных хозяйственных земляных работах, ведущее место среди них занимали могильники, как памятники, наиболее заметные по составу своего инвентаря (цельные горшки, различные металлические поделки, бусы и т. д.) и по наличию в них человеческих костяков, то при разведочных работах основное значение приобрели остатки поселений, незаметные для глаз местных жителей, но вполне уловимые при тщательных поисках археологом.

За время полевых работ (1940, 1945 - 1948 и последующие годы) Левобережной экспедицией обследовано более 30 памятников, относящихся к культуре «полей погребений». Подавляющая часть их совершенно не была известна. Из этого числа 25 являются ясно выраженными остатками мест поселений. При четырех из них известны места могильников (Свинковка, Кантемировка, Писаревка, Пересечное). Следует при этом отметить, что на обширной территории Днепровского Левобережья только бассейн среднего и нижнего течения р. Ворсклы был подвергнут сплошному обследованию, да и то преимущественно в нагорной своей части, вся же остальная территория (бассейн рр. Псла, Сулы, Сейма, нижнего течения Десны, верховьев Северского Донца) охвачена лишь предварительными разведками. Нет никакого сомнения в том, что выявленные памятники культуры «полей погребений» составляют лишь незначительный процент их действительного наличия. Ежегодные открытия новых памятников этой культуры в достаточной мере подтверждают последнее положение. Отметим хотя бы случайное обнаружение в 1951 г. могильника этой культуры у Переяслава-Хмельницкого[19] и в 1955 г. могильника у г. Лохвица.[20] В 1953 г. Левобережным отрядом Славянской археологической экспедиции были открыты остатки поселения этой культуры

[11] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Придуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 111, 112.

[12] М. Рудинський. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 151—153.

[13] С. Магура. Випадкові знахідки за р. 1927. ХАМ, ч. 2, Київ, 1930, стр. 49, 50.

[14] М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 69—71.

[15] М. Рудинський. Археологічні збірки . . ., стр. 51 и сл.

[16] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164 -178.

[17] Ф. Б. Копилов. 1) Посульська експедиція, 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 246—253; 2) Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—311; 3) Археологічна розвідка на р. Хорол в 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 168, 169; Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. у верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 77—85

[18] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 117 и сл

[19] В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 37—39.

[20] Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 89, 90.

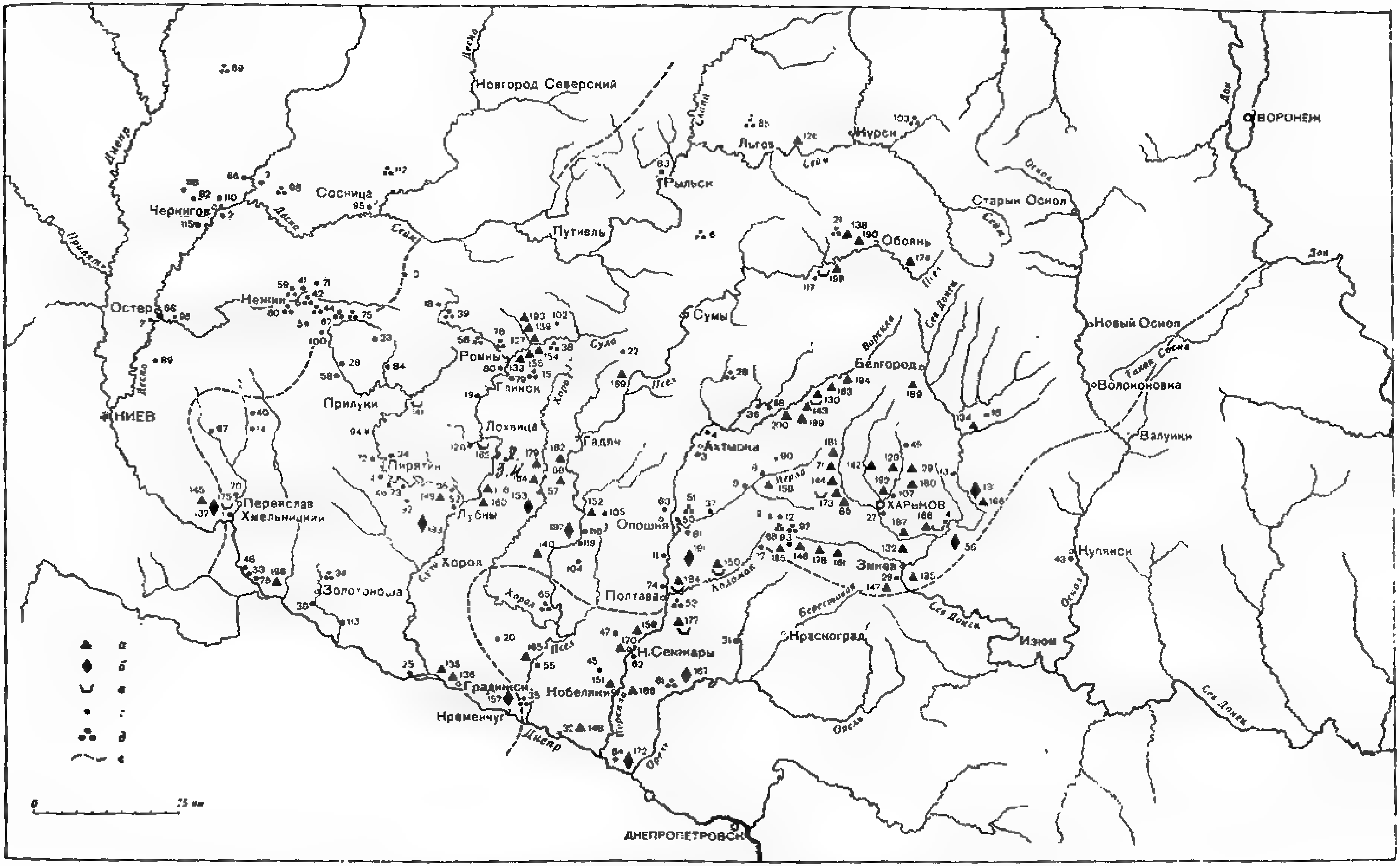


Рис. 81. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э.

а — селища; б — отдельные находки; в — могильники, г — римские монеты (отдельные находки); д — римские монеты (клады); е — граница лесостепи.

у с. Новотроицкое, уроч. Криничная Балка.[21] Вновь открытые памятники в совокупности с известными ранее коренным образом изменяют наше представление о распространении археологических памятников культуры «полей погребений» черняховского типа в области Днепровского Левобережья. Достаточно указать хотя бы на такой факт: на Левобережье поселений культуры «полей погребений» черняховского типа нам известно сейчас больше, чем на Правобережье, в рамках одних и тех же широт (Сейм—Ворскла и Тетрев—Рось). Территориально эти памятники охватывают не какую-либо узкую полосу, а все лесостепное Левобережье, от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма. Правда, известные нам памятники в очерченной области размещены неравномерно. Их больше в бассейне р. Ворсклы и верхнего течения Северского Донца, но они есть и в бассейнах нижнего и верхнего течения рр. Псла и Сулы и по левому берегу Днепра от устья р. Орели до р. Трубежа. Остатки их прослеживаются и в бассейне р. Сейма и нижнего течения р. Десны (рис. 81). Однако эти данные не могут являться свидетельством того, какой из районов Левобережья в начале нашей эры был населен плотнее. Это пока лишь показатели степени изученности того или иного района, не больше. В этом нас в достаточной мере убеждают ежегодные открытия в разных районах Левобережья

2. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА

Остатки черняховской культуры в области Левобережья выступают в виде трех групп памятников — поселений, могильников и кладов. По своему внешнему облику поселения культуры «полей погребений» весьма единообразны. Судя по сохранившимся остаткам, это открытые, не имеющие никаких искусственных укреплений поселения (селища). На Левобережье нам неизвестно ни одного городища, где были бы найдены отложения этой культуры. Имеющееся в литературе указание на керамику культуры «полей погребений» «с городища на высоком правом берегу р. Псла, в 10 км на юго-запад от г. Лебедина, у с. Новотроицкое», собранную А. А. Потаповым и хранящуюся в Археологическом музее Харьковского университета,[22] не нашло подтверждения. Раскопки этого городища, произведенные в 1952—1954 гг., позволили достаточно тщательно исследовать культурные отложения на всей его площади. Собранные материалы не дают оснований для утверждения о существовании на территории мыса поселения в начале нашей эры. Как материалы, так и внешний облик городища свидетельствуют о том, что на мысу располагалось раннеславянское поселение VIII—IX вв.[23] Правда, на расстоянии 2—2½ км к северо-западу от городища, в уроч. Криничная Балка были обнаружены остатки поселения культуры «полей погребений» черняховского типа, но только неукрепленного типа (селище). По-видимому, в документацию коллекции Археологического музея Харьковского университета вкралась какая-то техническая ошибка, повлекшая за собой отнесение к Новотроицкому городищу материалов, не имеющих к нему отношения. Не исключено, однако, что эти материалы были найдены в окрестности с. Новотроицкое, в частности в уроч. Криничная Балка.

Погрешность подобного рода лежит и в основании утверждения В. В. Мавродина, что «недалеко от могильников («полей погребальных урн», — И. Л.), по-видимому родовых кладбищ, располагаются городища. Продолжают существовать древние городища скифской поры (на Левобережье — Бельское)... Наряду с огромными городищами (... Бельское...) в лесостепной полосе Среднего Поднепровья в эти времена существуют небольшие городища (на Левобережье — Кременчуг на Псле, Кантемировка у Полтавы)».[24] То, что на Бельском городище отложения начала нашей эры пока что неизвестны, мы отмечали уже неоднократно.[25] Остатки Кременчугского и Кантемировского

[21] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958, стр. 12. В недавно вышедшей работе Е. В. Махно «Памятники черняховской культуры на территории УССР. (Материалы к составлению археологической карты)» (МИА, № 82, М., 1960, стр. 9—83) особенно наглядно можно проследить, как быстро возрастает число известных памятников культуры «полей погребений» в области Левобережья.

[22] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти..., стр. 165.

[23] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.

[24] В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 30.

[25] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 132, 133.

поселений следов укреплений не имеют. Это не городища, а селища. Об этом достаточно ясно сказано в работах М. Я. Рудинского,[26] это наблюдали и мы при обследовании Кантемировского поселения.[27]

Не меньше единообразия и в топографическом размещении поселений культуры «полей погребений». Все известные поселения Левобережья, обследованные как Левобережной экспедицией, так и другими исследователями, размещены на первой надпойменной террасе, вернее на ее склоне — при устьях небольших речек, оврагов или мокрых балок. Они тянутся узкой (50—100 м) полосой вдоль берегов и впадающих в них балок и оврагов, огибая мысы, образованные стыком двух водных артерий. Протяженность таких поселений бывает самая разнообразная — от сотни метров до километра и больше.

Следует отметить, что территории, занятые остатками поселений, и прилегающие к ним земельные участки в наши дни чаще всего находятся под усадьбами или под огородно-бахчевыми и пропашными культурами.

Бо́льшая часть поселений культуры «полей погребений» Днепровского Левобережья не раскапывалась. Незначительным раскопкам были подвергнуты лишь два поселения у сел Кантемировка (1924 и 1948 гг.)[28] и Пересечное (1931—1933 гг.).[29] Все материалы, характеризующие облик поселений, являются подъемными, собранными при обследовании. Вполне естественно, что материалы эти фрагментарные и не позволяют воссоздать подлинной сути археологической культуры, а равно обосновать твердые хронологические границы как отдельных поселений, так и культуры в целом. Впредь до изучения хронологии этих памятников мы датируем их, исходя из данных, полученных при исследовании могильных памятников этой культуры Левобережья, а также подобных памятников смежных районов (Правобережья), III—IV вв. н. э.[30] Попытку некоторых исследователей удлинить время этих памятников до VI—VII вв. мы считаем необоснованной.[31]

Основную массу культурных остатков на поселениях составляют черепки глиняной посуды, кости различных животных, куски обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, единичные поделки из глины и камня. Следует отметить также наличие на площадках некоторых поселений большого числа небольших камней самых разнообразных пород. На многих поселениях черепки глиняной посуды принадлежат исключительно гончарным сосудам (рис. 82). Но есть и такие поселения, где встречаются черепки и лепных сосудов. В ряде случаев облик последних настолько ясен, что не вызывает сомнения в том, что они не имеют никакого отношения к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Это остатки или эпохи бронзы (Пересыпь, Бродок), или культуры зольников (Курортная). Однако на большей части поселений черепки лепной посуды настолько малохарактерны, что нет возможности не только найти им место среди известных керамических групп, но и восстановить хотя бы приблизительно типы отдельных сосудов.

Поскольку керамические остатки состоят почти исключительно из фрагментов, а не из целых сосудов, нам представляется возможность охарактеризовать керамику исследуемых поселений преимущественно с технологической стороны и лишь в весьма общем виде со стороны форм сосудов, используя с этой целью керамику могильников (рис. 83).

По составу глины, технике обработки поверхности, обжигу и некоторым другим признакам гончарную керамику поселений культуры «полей погребений» можно разбить на три группы.

Первую и, пожалуй, самую большую группу составляют сосуды преимущественно серого цвета, из глины, с примесью крупных зерен различных горных пород. Поверхность

[26] М. Рудинський. 1) Кантамирівські могили. . ., стр. 133—158; 2) Досліди на Полтавщині, стр. 151—153.

[27] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1948, стр. 31.

[28] М. Рудинський. Кантамирівські могили. . ., стр. 133—158; Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 231—241.

[29] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти . . ., стр. 165—168.

[30] М. Я. Рудинський. Кантамирівські могили. . ., стр. 155; В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений. . ., стр. 37—39; Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник, стр. 89, 90; М. А. Тихонова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 170.

[31] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 241.

их шершавая. В нижней части сосудов большое количество так называемых зацарапин, процарапанных зернами горных пород под нажимом руки при вращении сосуда на гончарном круге. В большей части черепки этой группы принадлежат кухонной посуде, горшкам по преимуществу. Форма их хорошо известна по материалам Кантемировского могильника,[32] а также по ряду случайных находок. Они

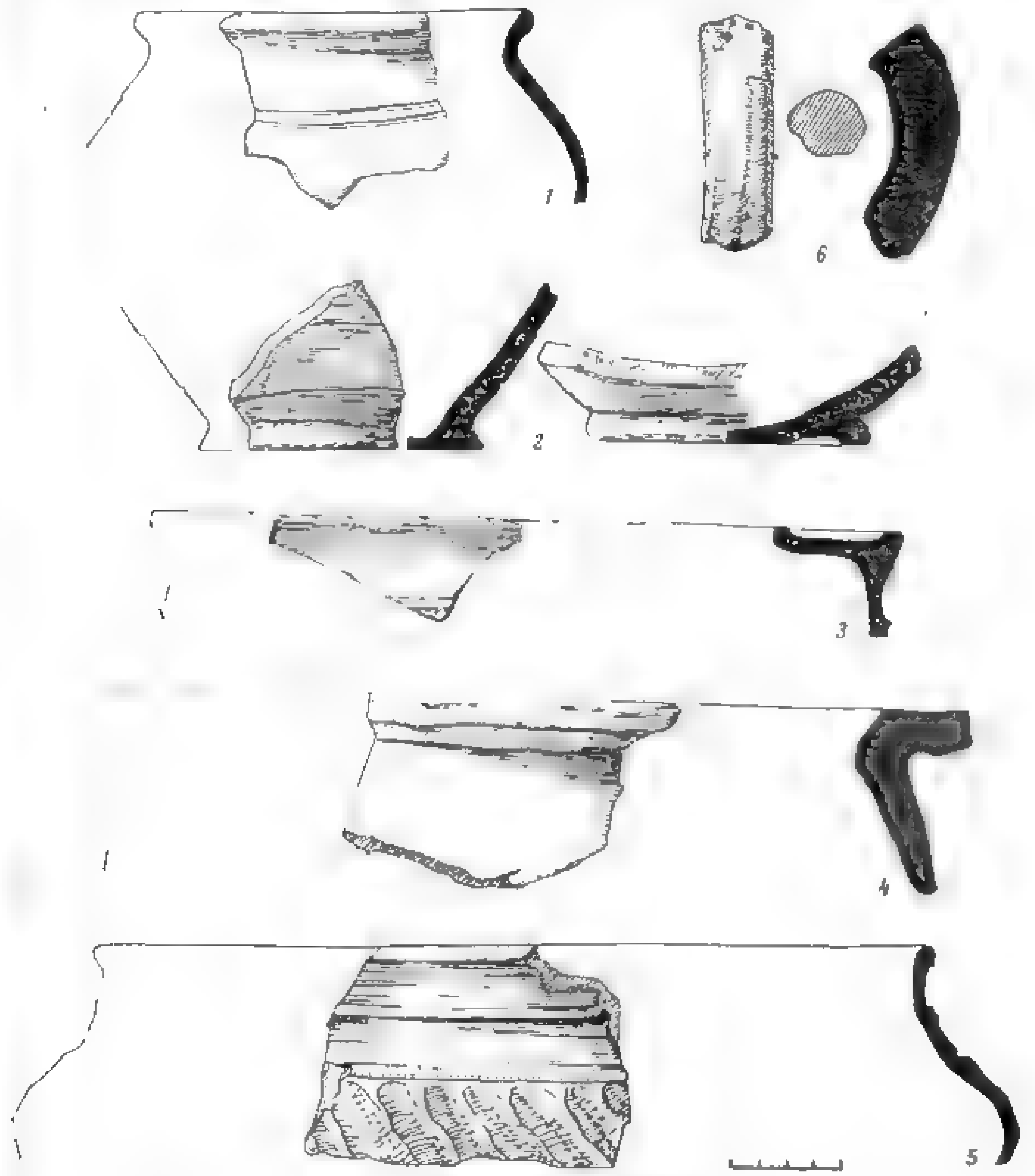


Рис. 82. Керамический комплекс культуры «полей погребений» черняховского типа (1—6). Поселение у с. Грядасово.

[32] М. Рудинський. Кантамирівські могили. . ., стр. 133—158.

имеют закругленный, слегка отогнутый во внешнюю сторону венчик, невысокую, но хорошо профилированную шейку, ясно выраженные плечики и слегка припухлый корпус, переходящий ко дну на конус. Донышки некоторых горшков этого типа имеют кольцевую ножку или ровную подставку. Плечики иногда орнаментированы врезными круговыми линиями (рис. 82, *1*).

Сосуды второй группы в технологическом отношении лишь немногим отличаются от сосудов первой. Они имеют более частый, лишь с незначительной примесью мелкозернистого песка состав глины. Поверхность стенок этих сосудов значительно глаже. Основную массу остатков посуды этой группы составляют черепки крупных сосудов чаще всего с плоскими, горизонтально отогнутыми венчиками. Это, по-видимому, сосуды хозяйственного назначения, тара типа пифосов, но только несколько меньших объемов (рис. 82, *4*).

Третью группу составляют черепки сосудов, изготовленных из тщательно отмученной глины, без какой-либо примеси. Цвет их красный, желтый, оранжевый, светло-серый, темно-серый, черный. Поверхность покрыта лощением. Это остатки столовой, парадной посуды. Ведущее место в ее составе принадлежит мискам самых разнообразных профилей, затем кувшинам, кружкам, чаркам и некоторым другим формам. Многие сосуды этой группы орнаментированы. Техника орнаментации и рисунки самые разнообразные: прочерченные прямые и волнообразные круговые линии, различные геометрические фигуры, наносимые на матовое поле с помощью лощения, каннелирование, наколы при помощи гребенки или какого-то другого острого инструмента и др. Многие сосуды этой группы представляют собой настоящие образцы художественного ремесла (например, кувшин из с. Коровинцы) (рис. 82, *3*, *5*).

Характерными чертами керамической посуды всех трех групп являются четкость профилировки сосудов, плотность теста и высокое качество обжига. Сосудам всех трех групп (но не всем) свойственна и еще одна общая черта: наличие так называемой кольцевой или плиточной ножки у донышка.

Среди керамических остатков поселений культуры «полей погребений» встречаются черепки и еще одной группы сосудов, сделанных на гончарном круге, — амфор так называемого римского типа (рис. 82, *6*). Черепки этих сосудов резко выделяются из состава черепков посуды собственно культуры «полей погребений» как по своему оранжево-желтому или палево-желтому цвету, так и по профилю. Количественно черепки этих сосудов занимают небольшое место, но они повсеместно сопутствуют керамике «полей погребений», а потому и не могут быть обойдены при изучении культурных остатков подобных поселений. Однако следует иметь в виду, что сосуды этой группы присущи не только поселениям «полей погребений». Территория их распространения значительно шире. Они встречаются на поселениях Крыма, Нижнего Дона, Кубани и в других местах и не являются характерным признаком керамического комплекса культуры «полей погребений».

Из числа глиняных поделок на поселениях чаще всего встречаются пряслица. Бо́льшая часть их имеет усеченную биконическую форму с наибольшим диаметром 3.5—4 см и диаметром отверстия около 1 см. Глина, из которой сделаны пряслица, чистая, без заметных примесей. Обжиг, как и у других изделий из глины, отличается высоким качеством.

Составной частью культурного слоя являются куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и кольев. Диаметр первых 1.5—3 см, вторых 5—8 см. Чаще всего отпечатки имеются лишь с одной стороны, вторая сторона плоская, заглаженная. Остатки обмазки, как правило, расположены гнездами. На поселениях, длительное время обрабатываемых под посевы, они растасканы по всей площади.

Изредка на поселениях находят предметы украшения: фибулы, поясные пряжки, бусы из стекла и горных пород (сердолик) и т. п.[33]

При раскопках поселения близ с. Кантемировка в 1948 г. были обнаружены остатки наземных построек в виде завала кусков обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, дающих представление об устройстве стен. Судя по всем данным, постройки в плане четырехугольные.[34] На поселении близ с. Ерковцы, имеющем сложную стратиграфию, найдены остатки комплекса построек, состоящие из небольшого полуземляночного

[33] І. Н. Луцкевич. Матеріалы до карти. . ., стр. 165, 168, 169, 175, 176.

[34] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення. . ., стр. 231—241.

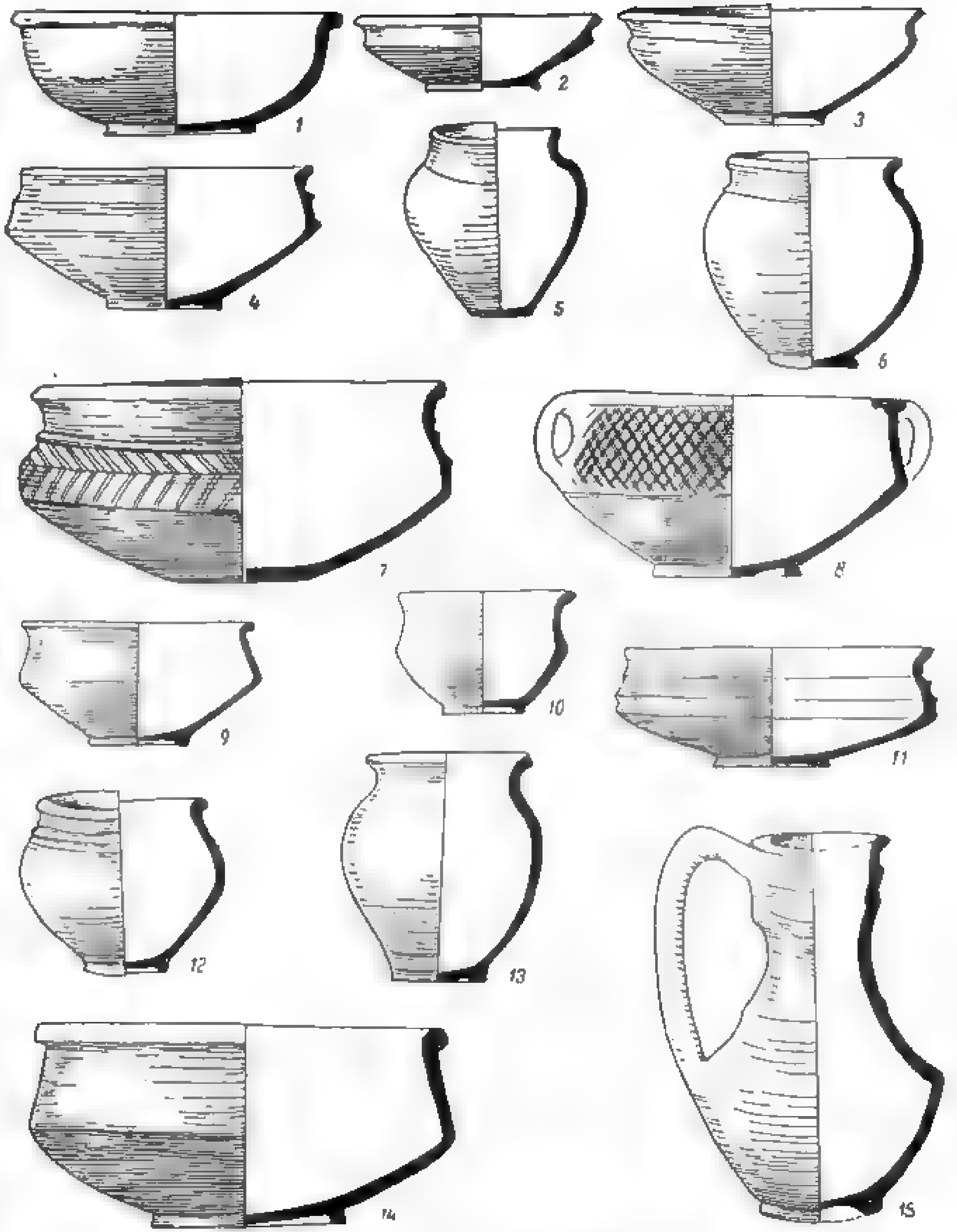


Рис. 83. Керамический комплекс культуры «полей погребений» черняховского типа. Могильник у г. Переяслав-Хмельницкий. (По В. К. Гончарову и Е. В. Махно).

1—8 — погребение № 2 *9—15* — погребение № 4.

помещения в виде четырехугольной ямы и около него наземной постройки с печью и «сенями».[35] На поселении у с. Пересечное зафиксированы остатки землянок.[36]

Материалы эти маловыразительны и не дают отчетливого представления об облике жилищно-хозяйственного комплекса данной культуры. Правда, в сочетании с подъемными материалами в виде кусков обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, собранными на многих поселениях, они в какой-то мере позволяют предполагать, что наземные плетневые постройки, обмазанные глиной, являются характерной чертой данной археологической культуры.

Существенное место среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений», занимают остатки гончарных обжигательных печей.

Такие остатки были обнаружены в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией при обследовании территории с. Коровинцы Недригайловского района Сумской области (бывш. Роменский уезд), в обрезе дороги, проложенной из села в долину р. Сулы (левый берег). При разборке завала собрано большое количество черепков глиняной посуды, сделанной на гончарном круге. На многих черепках заметны следы производственного брака. Изучение материала показало, что он относится к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Здесь были черепки всех трех групп, охарактеризованных нами выше. К сожалению, печь оказалась настолько разрушенной, что воссоздать облик ее не представляется возможным. Удалось выяснить лишь следующее: под топки находится на глубине 1.55 м от современной поверхности, ширина сохранившейся части пода топки 1.40 м, толщина пода 0.15 м, высота свода топки 0.30 м. Среди остатков развалившейся печи большое количество кусков обмазки, а также разрушенного столба из белого плотного вещества (из цемента или извести?). Высота сохранившейся части столба 0.40 м, сечение 0.50×0.40 м (рис. 84).

Близ развалин гончарной печи, не более чем на расстоянии 0.5 км от нее, в 1922 г. был найден своеобразный клад, содержащий вещи культуры «полей погребений» (см. ниже).[37]

Гончарная обжигательная печь, относящаяся к культуре «полей погребений», была открыта также при раскопках поселения близ с. Пересечное Харьковской области, Дергачевского района (правый берег р. Уды, бассейн р. Северского Донца).[38]

По-видимому, к той же культуре относится и печь, открытая случайно при хозяйственных работах в с. Фроловка Полтавской области Чутовского района, обследованная в 1927 г. сотрудниками Полтавского краеведческого музея.[39]

Могильники культуры «полей погребений» на Левобережье исследовались больше, чем поселения. В настоящее время мы знаем 5 могильников, подвергнутых раскопкам: у сел Кантемировка, Пересечное, Гурбинцы и городов Переяслав-Хмельницкий и Лохвица. Правда, более или менее полно опубликованными являются результаты раскопок лишь Кантемировского и Переяслав-Хмельницкого могильников, в отношении остальных мы располагаем данными общего порядка.

Могильник у с. Гурбинцы был открыт случайно местными жителями при копке глины для хозяйственных надобностей. По данным Н. Е. Макаренко, производившего исследование этого памятника, в могильнике обнаружено два обряда захоронения: трупоположение и трупосожжение (?). Некоторые захоронения сопровождались сосудами и другим инвентарем, характерным для «полей погребений» черняховского типа.[40]

Оба обряда захоронения выявлены и в могильнике у с. Пересечное. Как и в могильнике у с. Гурбинцы, сопровождающий инвентарь состоит из посуды черняховского типа, фибул и некоторых других вещей.[41]

Совершенно иной обряд захоронения зафиксирован М. Я. Рудинским в могильнике у с. Кантемировка. Могилы, исследованные

[35] В. М. Даниленко и А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 223—230.

[36] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти..., стр. 167, 168.

[37] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.-Л., 1950, стр. 14.

[38] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти..., стр. 168.

[39] Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I, Полтава, 1928, Хроніка, стр. 287, 288.

[40] М. Макаренко. Археологічні досліди..., стр. 111, 112.

[41] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти..., стр. 165—168.

автором, отличаются уже по внешнему облику — это курганы. Во всех трех открытых могилах обнаружено трупоположение в глубоких ямах с подбоями. В инвентаре погребений наряду с вещами черняховского типа (преимущественно керамикой) имеются и такие, которые ближе стоят к инвентарю сарматских могильников. Автор исследования

Подкурганная могила с таким же обрядом захоронения, как в с. Кантемировка, с керамикой черняховского типа вскрыта и еще в одном месте юго-восточной части Левобережья — близ с. Воронцовка бывш. Купянского уезда Харьковской губернии. Могильник был раскопан Е. Мельник в начале XX в. (1900—1901 г.).[44] Здесь под

Рис. 84. Остатки керамической печи культуры «полей погребений» черняховского типа. С. Коровинцы.

называет эти вещи «варварскими элементами».[42]

В 1948 г. около курганов, исследованных М. Я. Рудинским, Е. В. Махно были раскопаны 10 могил без каких-либо следов могильных насыпей. Из их числа в четырех оказались захоронения по обряду трупосожжения, а в шести — по обряду трупоположения. Из шести захороненных четыре ориентированы головой на северо-запад и два на север. Остатки трупосожжений помещены в сосуды.[43]

невысокой курганной насыпью (около 0.70 м), в глубокой с подбоем (камерой) яме было обнаружено два погребения. Одно из них оказалось разрушенным. Инвентарь сохранившегося погребения состоял из мелких украшений: цилиндрическая спираль, бронзовая пластина, свернутая в трубку, обломки бронзовой бляшки, бронзовая пряжка «варварского» типа, 14 маленьких бус из синего стекла, бронзовая фибула арбалетовидного типа. Кроме того, при погребении оказалась «нижняя часть сосуда из мелкой

[42] М. Рудинський. Кантамирівські могили..., стр. 133—158.

[43] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення..., стр. 231—242.

[44] Е. Н. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии, 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 726; І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти..., стр. 174.

серой глины с тонкими стенками, сделанного, очевидно, с помощью гончарного круга. . . Там же найдена половина такой же мисочки с округленными боками, из желтой глины очень тонкой отделки».[45]

Могильник в хут. Свинкова был обнаружен в 1940 г. случайно, при хозяйственных работах. Колхозник Чиж при рытье погреба открыл три костяка и при них несколько сосудов черняховского типа. Позже сотрудники Полтавского музея произвели доследование вскрытой колхозником площади и нашли еще одно захоронение по обряду трупосожжения. В августе того же 1940 г. Левобережной экспедицией близ могильника на берегу р. Свинковки было обнаружено поселение культуры «полей погребений».[46]

Писаревский могильник открыт колхозниками при строительстве свинарника в 1946 г. Судя по сведениям, собранным сотрудниками Полтавского музея, колхозники обнаружили несколько костяков. Рядом с костяками были найдены сосуды. Часть сосудов сохранилась и передана в Полтавский историко-краеведческий музей (кувшин и одна миска). Позже, в июне 1946 г., при посещении с. Писаревка Днепровской левобережной экспедицией совместно с сотрудниками Полтавского музея у одной из колхозниц удалось найти еще одну миску, уже приспособленную под комнатный цветок (на дне просверлена дырочка). Кроме того, были найдены фрагменты двух мисок, подобранных колхозницами вместе с костными остатками, выброшенными из могил. Черепки этих мисок и кости были ими захоронены метрах в 200—300 от могильника, под кустами; как оказалось несколько позднее, захоронение костей совместно с фрагментированными сосудами было произведено на территории поселения культуры «полей погребений».[47]

В последние годы в области Левобережья при строительных работах были открыты еще два могильника, у городов Переяслав-Хмельницкий и Лохвица.

Могильник в Переяславе-Хмельницком обнаружен в 1951 г. недалеко от города. В 1952 и 1954 гг. здесь были произведены раскопки. Открыто 40 погребений и 2 кенотафа. Среди погребений 21 захоронение по обряду трупосожжения и 19 — по обряду трупоположения. Пережженные кости залегают на глубине 0.25—0.40 м в виде небольших кучек. Среди пережженных костей имеются ошлакованные черепки глиняной посуды. Захоронения по обряду трупоположения найдены в ямах разной формы и глубины (от 1 до 3.6 м). Есть несколько могильных ям с подбоями. Ориентировка погребений головой на север, северо-запад, запад и юг. Преобладает северная ориентировка; южная ориентировка — в единичных погребениях. У большей части захоронений анатомический порядок костяков нарушен. Многие захоронения по обряду трупоположения сопровождаются погребальным инвентарем. Керамика исключительно гончарная, отличающаяся высоким качеством выделки, (рис. 83). Имеются стеклянные сосуды. В одной из могил найдены стеклянные шашки двух цветов, железная шпора, гребень, фибула и другой инвентарь. Дата могильника, по заключению исследователей, III—IV вв.[48]

Могильник у г. Лохвица открыт в 1955 г. и тогда же исследован.[49] Раскопками было вскрыто 20 погребений: 12 — по обряду трупоположения и 8 — по обряду трупосожжения. Захоронения по обряду трупоположения лежали в неглубоких (до 1.2 м) ямах. Захоронения ориентированы головой на север, северо-восток (1), северо-запад (3) и запад (1). Покойники сопровождались сосудами и некоторыми другими вещами. Сожженные кости хоронились в урнах. В качестве урн использовались только горшки. Глубина захоронений урн 0.2—0.4 м. Одно захоронение было без урны. Керамика только гончарная. Инвентарь обычный. Следует указать только находку двух подвесок в виде ведерок. Время могильника, по заключению исследователя, — III—IV вв

Некоторые дополнительные данные для суждения об облике культуры «полей погребений» представляют материалы случайных находок, хранящиеся в местных музеях Так, в Роменском краеведческом музее хранятся вещи (глиняные сосуды и железные поделки) из своеобразного клада, найденного в 1922 г. в с. Коровинцы Сумской области Недригайловского района при рытье колодца.[50] Основную часть «клада» составляет глиняная посуда — горшки, миски и кувшины черняховского типа, лощеные и без лощения. Из числа их особого внимания заслуживает одноручный кувшин черного цвета.[51] По форме кувшин близок к сосудам из металла: он имеет узкое, цилиндрическое горло высотой около 13 см, украшенное двумя веревкообразными валиками, размещенными один в средней части, а другой у основания горла. Верх горла обрамлен плоским, слегка скошенным от слива к месту прикрепления ручки венчиком. Корпус кувшина биконический, усеченный. Нижняя часть корпуса гладкая, верхняя имеет 13 граней, по ребрам которых нанесен орнамент в виде наколов. Горизонтальное ребро ограничено 13 овальными срезами; верхнее ребро этих срезов украшено такими же наколами, как и ребра граней верхней части кувшина Ручка ребристая, квадратная в сечении, толщиной около 1.5 см. Она прикреплена к середине горла, там, где проходит веревкообразный валик, и к основанию одной из 13 граней. Общая высота кувшина 31—32 см, наибольший диаметр (по ребру) 27 см. Кувшин сделан из хорошей, чистой глины и хорошо обожжен. Поверхность гладкая, лощеная. Сосуды подобного типа, по-видимому, были не редкостью в обиходе обитателей поселений «полей погребений». В составе этого же «клада» имеется верхняя часть (горло с ручкой) второго такого же сосуда. Фрагмент ручки аналогичного сосуда найден нами на одном из поселений, обследованном в 1948 г. Фрагменты двух таких сосудов опубликованы М. Я. Рудинским.[52]

На некоторых сосудах «клада» заметны следы копоти, свидетельствующие о том, что сосуды были в употреблении.

Кроме сосудов, относящихся к керамическому комплексу культуры «полей погребений», в составе «клада» находилась амфора. При нашем посещении музея нам была показана беспаспортная амфора салтовского типа. О ней мы упомянули при характеристике «клада».[53] Как выяснилось позднее из работы А. Т. Смиленко, амфора, которая была нам показана в музее, не имеет отношения к «кладу», она найдена у с. Ермолинцы, а амфора, найденная в «кладе», имеет иную форму и принадлежит к кругу причерноморских амфор IV в.[54] Это обстоятельство разъясняет все недоразумения, связанные с вопросом датировки «клада».[55]

Наибольший интерес «клада» заключается, однако, не в керамике. Последняя является лишь хорошим датирующим материалом, показателем культурно-хронологического облика этого «клада». В составе «клада», как отмечено выше, кроме керамики, имеются еще вещи из железа: два сварных кольца, продетых в ушки дужек, железная пластина и плужный нож (чересло). Мы не будем касаться здесь всех вещей из железа. Остановимся лишь на плужном ноже (чересле)[56] как предмете, который, с нашей точки зрения, придает данному «кладу» особое значение среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений». Чересло представляет собой довольно массивный нож длиной 53 см. Рабочую часть ножа составляет лезвие длиной 23 см, при наибольшей ширине 5.5 см и толщине обуха около 2 см Черен ножа прямоугольный в сечении, со сторонами 1.5—2 и 2—3 см. В верхней части черена имеется небольшой выступ вперед, заметно сработанный снизу. По-видимому, за эту часть производилось дополнительное, помимо грядиля, крепление ножа. Нож, хотя и сильно заржавел, все же сохранил свой облик достаточно хорошо. Среди материалов культуры «полей погребений» начала нашей эры в Среднем Поднепровье плужные ножи пока неизвестны. Это, по-видимому, первая находка. Вполне естественно, что это обстоятельство должно было заставить нас подойти к ней весьма осторожно. Необходимость такого подхода усугублялась

---

[45] Е. Н. Мельник. Раскопки курганов . . ., стр. 726; І Н Луцкевич. Матеріали до карти . . , стр. 173, табл. II, *5*, *8*, *9*.

[46] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 22 и сл.

[47] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 385—395.

[48] В. К. Гончаров и Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 127—144.

[49] Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник, стр. 89, 90.

[50] М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки. . ., стр. 70, 71; Роменский музей, инв №№ сосудов: 994—1005, вещей из железа — 1006, 1008—1010

[51] Роменский музей, инв. № 995.

[52] М. Рудинський. 1) Археологічні збірки. . ., стр. 47, табл. V, 14; 2) Кантамирівські могили. . ., стр. 138, рис. 4.

[53] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений». . ., стр. 18.

[54] А. Т. Сміленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 54—58.

[55] М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э СА, 1957, № 3, стр. 123, 124.

[56] Роменский музей, инв. № 1010.

еще тем, что в период Отечественной войны музейная документация (в частности, инвентарные книги) вся погибла и бо́льшая часть паспортов восстанавливалось по памяти.

С целью проверки принадлежности плужного ножа к «кладу», содержащему керамику культуры «полей погребений» черняховского типа, а также условий находки «клада» мы посетили с. Коровинцы. Нам удалось найти владельца колодца Ивана Петровича Гречаника, принимавшего непосредственное участие в извлечении «клада». И. П. Гречаник рассказал нам историю находки, перечислил суммарно обнаруженные вещи (типы сосудов, вещи из железа) и в числе прочих упомянул и черепок.

Из земледельческих орудий начала нашей эры, найденных на территории Левобережья, следует вспомнить симметричный сошник с плоской трубкой, обнаруженный Д. Я. Самоквасовым при исследовании песчаной россыпи у дер. Шмырево. Там же были найдены римские монеты II в. и бронзовая прорезная подвеска, инкрустированная красной эмалью.[57]

С территориями некоторых поселений «полей погребений» связаны находки римских монет первых веков нашей эры. Так, в 1880 г. близ с. Гридасова Обоянского уезда Курской губернии при вспашке поля крестьянин М. П. Барышев выпахал клад серебряных римских монет. Всего было собрано около 300 экз. Часть их (15 экз.) приобрел профессор Киевской духовной академии П. А. Лошкарев, сын священника[58] с. Гридасова. По времени монеты относятся к I—III вв. н. э. (от Траяна до Септимия). В 1909 г. одну из монет этого «клада» приобрел К. П. Сосновский. Обследовав место находки «клада», К. П. Сосновский отметил, что «в настоящее время на этом поле попадаются в большом количестве черепки битой посуды, куски обожженной докрасна глины, осколья пращевых камней и кости животных».[59]

В 1948 г., при обследовании бассейна р. Псла, мы посетили с. Гридасово, осмотрели указанное К. П. Сосновским место и установили, что отмеченные им культурные отложения есть не что иное, как остатки древнего поселения (селище) культуры «полей погребений» начала нашей эры (черняховского типа).

Ряд римских монет найден близ с. Снижки Валковского района Харьковской области. Среди материалов Археологического музея Харьковского университета имеется керамика культуры «полей погребений», собранная в окрестностях того же с. Снижки, свидетельствующая о наличии там поселения.[60]

По данным Полтавского музея большой клад римских монет (около 1000 экз.) был найден во время немецкой оккупации 1942 г. недалеко от с. Писаревка (Луковщина) Полтавской области (левый берег р. Ворсклы). В 1946 г. близ с. Писаревка случайно, при хозяйственных земляных работах, был открыт могильник культуры «полей погребений», а несколько позже, в том же 1946 г., Левобережной экспедицией было найдено и поселение той же культуры.[61] Выше отмечены находки римских монет на дюнах у дер. Шмырево, где Д. Я. Самоквасов обнаружил «поле погребальных урн». Находки римских монет известны и в ряде других пунктов Левобережья. Большая часть их носит случайный характер. Очень возможно, что при тщательном исследовании мест находок, как убеждают работы последних лет, там будут обнаружены и поселения начала нашей эры типа «полей погребений».

Все изложенное выше показывает, что состояние изученности памятников культуры «полей погребений» черняховского типа в области Левобережья, таково, что оно еще не создает отчетливого представления об облике археологической культуры. Мы имеем ясное представление о топографии поселений, но мало знаем о характере жилых и хозяйственных построек. Судить о них, исходя из данных смежных районов (например, Правобережья), у нас нет никаких

[57] Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ. М., 1915, стр. 3—5, Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. I, а, II, а.

[58] Н. Петров. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за месяц июнь 1880 г. Труды Киевск. духовн. акад., т. II, № 8, Киев, 1880, стр. 585, 586.

[59] К. П. Сосновский. Городища и курганы верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 318, 319.

[60] І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти ... стр. 169, 174, О. Федоровський. Інструкції та програми для розвідок и реєстрації пам'яток археологічних. Харків, 1927, стр. 53.

[61] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа, стр. 83, 395.

оснований. Очень трудно определить и характер погребального обряда. При наличии двух обрядов захоронения (трупоположения и трупосожжения) почти во всех исследованных могильниках каждый из обрядов в отдельных могильниках имеет свои особенности. В одних случаях сожженные кости хоронились в сосудах (Лохвица, с. Кантемировка), а в других — в ямках (Переяслав-Хмельницкий). Захоронения по обряду трупоположения отличаются как по устройству могил, так и по ориентировке. Очень неустойчивы и наборы погребального инвентаря. Исключение составляет лишь керамика. Во всех могилах, на всех поселениях господствующее положение занимает гончарная посуда. Формы сосудов весьма разнообразны, но все они объединены единством техники производства (характером теста, хорошей обработкой поверхности, качеством обжига). Керамика культуры «полей погребений» является одним из тех составных ее элементов, которые придают ей внешнее единство, резко выделяющее ее из числа других культур, как синхроничных ей, так и предшествующей и последующей поры.

«Поля погребений» долгое время считались памятниками культуры, связанной с Правобережьем по преимуществу. Да это и вполне естественно. На Правобережье были открыты и исследованы первые памятники этой культуры, там же в основном были сосредоточены и последующие работы, связанные с исследованием этой культуры. Полевые изыскания послевоенных лет вносят существенные изменения в это представление. Оказывается, что на Днепровском лесостепном Левобережье памятники культуры «полей погребений» распространены не в меньшей степени, чем на Правобережье. Не случайные поселения разбросаны вдоль левого берега р. Днепра и нижнего течения его притоков, связанные одной жизнью с Правобережьем, как представлялось еще недавно,[62] а густая сеть их покрывает все лесостепное пространство от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма.[63]

Объединяя археологические памятники культуры «полей погребений» Левобережья в одну группу с памятниками культуры «полей погребений» Правобережья, мы вовсе не считаем, что эти памятники принадлежат единой культуре. Больше того, как уже отмечалось нами ранее,[64] мы полагаем, что даже в рамках Левобережья они не представляют единства. К этому взгляду и последние годы склоняется все большее и большее число исследователей.[65]

Но до тщательного изучения этих памятников расчленить их на отдельные археологические культуры не представляется возможным. Попытки, предпринятые в этом направлении М. А. Тихановой, есть не более как первый приступ к этой большой работе.[66] В силу этих причин по-прежнему приходится называть эти древности тем именем, которое они получили при их открытии, — памятниками культуры «полей погребений».

3. ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. Поселения, могильники и отдельные находки

126. Авдеева, Курская обл., Ленинский р-н (правый берег р. Сейма) — селище (?).

Поселение находится на правом берегу р. Сейма, в 1—1.5 км от села, по обе стороны дороги в пос. Золотухино, на склоне коренного берега, в урочище, известном у местного населения под названием «Городище». В 1947 г. поселение было обследовано Днепровской левобережной экспедицией. Никаких следов искусственных укреплений в этой местности не обнаружено. Территория обрабатывается под посевы. На пашне найдены культурные остатки в виде обломков глиняной посуды — лепной и гончарной, костей животных, кусков обожженной глины. Среди собранных керамических остатков

[62] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 98, карта 6.

[63] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 157, 158.

[64] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа, стр. 388, 389.

[65] М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры, стр. 168—194, П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 23—27.

[66] М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры, стр. 168—194.

имеется гончарная посуда древнерусской культуры великокняжеской поры и обломки сосудов культуры «полей погребений» черняховского типа. Обломки лепной посуды роменско-боршевского типа маловыразительны.

Недалеко от дороги на пашне случайно обнаружена вымостка, состоящая из обломков глиняной посуды и камней известняка. Вымостка залегала на глубине 0.10—0.15 м от поверхности. Размер ее — по длинной оси (С—Ю) 1.30 м, по короткой около 0.75 м. Толщина вымостки не более 0.10—0.15 м. В качестве связывающего вещества применена глина, но в сравнительно небольшом количестве. Бóльшая часть обломков принадлежит лепным сосудам. Они относятся к двум типам — сосудам баночной формы и горшкам с хорошо выраженными ребристыми плечиками. Цвет сосудов светлый, оранжево-красный. В составе глины крупнозернистая примесь, а также блестки слюды. Имеется также несколько обломков гончарных сосудов. Часть их принадлежит, по-видимому, позднеримским амфорам, один черепок от серого гончарного сосуда культуры «полей погребений».

В 1948—1949 гг. А. Е. Алихова произвела на поселении небольшие раскопки, подтвердившие наличие керамических остатков типа культуры «полей погребений», а также обнаружившие отчетливо выраженные отложения роменско-боршевского типа.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1951, стр. 106—112; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 299, 300.

127. Беседовка, Сумская обл., Смеловский р-н (бассейн р. Смелы) — селище.

В 1949 г. Е. В. Махно обнаружены остатки поселения культуры «полей погребений» к северо-востоку от села, на расстоянии около 2 км, в уроч. Негрийковы Горбы. Поселение расположено на надпойменной террасе правого берега р. Смелы. Культурные остатки прослежены на площади около 2 км длиной и 200 м шириной.

Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини І тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 77, 78.

128, 129. Большая Даниловка, Харьковская обл. (правый и левый берега р. Харькова) — селища (?).

В 1928 г. И. Н. Луцкевич обнаружил на правом берегу р. Харькова, против с. Даниловка остатки поселения культуры «полей погребений». Тогда же, группа студентов Института народного образования выявила остатки аналогичного поселения к северу от села, на левом берегу р. Харькова.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 168.

130. Большая Писаревка, Сумская обл. (левый берег р. Ворсклы) — селище и могильник (?).

Близ с. Большая Писаревка, на левом берегу р. Ворсклы случайно было открыто погребение. При погребении оказались сосуды прекрасной выработки. Там же найдены и отдельные черепки такой же посуды, а также стеклянный сосуд. Материалы взяты местным учителем Самухиных и хранятся у него.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165.

131. Верхняя Писаревка, Харьковская обл., Старо-Салтовский р-н (левый берег р. Северного Донца) — отдельные находки.

В 1935 г. И. Н. Луцкевичем при обследовании берегов Северского Донца близ Верхняя Писаревка найдены вместе с керамикой других культур и черепки культуры «полей погребений».

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

132. Водяное, Харьковская обл., Чугуевский р-н (берег р. Уды) — селище (?).

В 1928 г. житель хут. Водяное Волненко нашел близ села, около балки Бичовая черепки посуды культуры «полей погребений», а в 1929 г. такие же черепки были обнаружены Давыдовой близ того же села, около леса Водяненкова.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

133. Волковцы, Сумская обл., Роменский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

Поселение обнаружено в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится к юго-западу от села, на левом берегу безымянной речки, при впадении ее в р. Сулу, на склоне надпойменной террасы. Бóльшая часть территории селища разрушена земляными работами, связанными со строительством дороги Ромны—Сумы; выемка шириной до 40 м, при глубине 1.5—2 м, проходит через все поселение, начиная от русла безымянной речки. В обрезах этой выемки хорошо прослеживается культурный слой мощностью до 0.5 м. Он состоит из углей, кусков обожженной глины с отпечатками прутьев, костей животных, черепков глиняной посуды и т. п. Последние принадлежат сосудам черняховского типа. Есть и поздние — XIX—XX вв. Такие остатки прослеживаются и на поверхности участков, прилегающих к выемке. Площадь распространения их проследить трудно, так как бóльшая часть поверхности задернована. Имеется возможность указать протяженность лишь по линии обреза выемки, начинающейся от русла безымянной речки и идущей на запад вдоль дороги. Она не менее 200 м.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

134. Волчанск, Харьковская обл. (правый берег р. Волчьей, левого притока р. Северского Донца) — селище (?).

В 1936 г. И. Н. Луцкевичем в г. Волчанске, на правом берегу р. Волчьей, на огородах и усадьбах, расположенных на второй террасе, найдены материалы культуры «полей погребений». Какие материалы, автор не указывает.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169

135. Вырвихвост (Радуськовка), Полтавская обл., Градижский р-н (левый берег р. Днепра) — селище.

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится в 4—5 км к северо-западу от Градижска, на стрелке, образованной левым берегом безымянного ручья и долиной р. Днепра. На правом берегу ручья расположена дер. Вырвихвост (Радуськовка). Поселение тянется узкой полосой (40—50 м) вдоль левого берега ручья, огибает стрелку и продолжается далее по склону берега р. Днепра вниз по течению. Протяженность линии, на которой прослеживаются культурные остатки, достигает 1.5 км. Высота берегов балки и р. Днепра не превышает в этом месте 10—12 м. Берег имеет склон в сторону реки. На этой линии остатки размещаются не совсем равномерно. Наиболее насыщенным является участок берега балки (по правую сторону Киевской дороги на Градижска) В этой части наряду с черепками глиняной посуды и костями животных обнаружено много камней, кусков обожженной глины. Здесь же найдено пряслице глиняное (биконическое, усеченное). Керамические остатки, собранные на поселении, принадлежат гончарным сосудам черняховского типа. Найдены черепки амфор римского времени.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 288.

136. Градижск, Полтавская обл. (левый берег р. Днепра) — селище

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится в черте города, под усадьбами на стрелке, образованной правым берегом безымянного оврага, пересекающего в северо-западной части города Киевское шоссе, и долиной р. Днепра. Культурные остатки встречаются по склону берега Днепра на участке, вытянутом узкой полосой начиная почти от шоссе до долины Днепра. Общая протяженность линии более 1 км. Вся эта площадь занята огородами и жилыми и хозяйственными постройками, в силу чего выяснить характер размещения культурных отложений нет возможности. Собранные материалы (преимущественно керамика) относятся к культуре «полей погребений» черняховского типа: это обломки черных и серых лощеных мисок, серых нелощеных кухонных горшков и т. п. Наряду с отложениями культуры «полей погребений» повсюду

встречаются обломки посуды более поздней поры, вплоть до наших дней.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; I. I. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 288.

137. Гречаники, Киевская обл., Переяславской р-н (левый берег р. Днепра) — отдельные находки.

При хозяйственных работах на усадьбе гр. Курилки было найдено пять сосудов темного цвета с шершавой поверхностью, сделанных на гончарном круге, а также бронзовая фибула и две бронзовые пряжки. Автор публикации относит находку на хут. Гречаники к культуре «полей погребений» черняховского типа.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 51.

138. Гридасово, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Туровки, правого притока р. Псла) — селище.

Поселение находится на расстоянии 1 км к северу от дер. Таповка (составная часть Гридасова), на правом берегу р. Туровки, правого притока р. Псла. Оно занимает склон мыса, образованного долиной реки и впадающими в нее балками. Культурные остатки прослеживаются на площади 400 (С—Ю)×150 (В—З) м. Бо́льшая часть мыса в (частности, стрелка) не обрабатывается, задернована, остальная занята под посевы. Собранные на этой территории культурные остатки состоят из черепков глиняной посуды (лепной и гончарной), кусков обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев и небольших камней всевозможных горных пород.

Черепки лепной посуды немногочисленны. По своему облику они близки черепкам лепных сосудов поселения у дер. Успенка. Черепки гончарной посуды принадлежат сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа, а также амфорам так называемого римского типа. Из числа других вещей следует отметить находку глиняного биконического пряслица.

В 1880 г. на территории поселения при вспашке поля был найден клад римских монет начала нашей эры в количестве не менее 300 экз. Часть этого клада поступила в музей археологии Киевской духовной академии. Несколько монет попало в Археологическую комиссию. Остатки этого клада долгое время ходили по рукам местного населения. В 1909 г. одну из монет клада приобрел К. П. Сосновский. Он обследовал место находки клада и установил наличие там остатков древнего поселения. Культурно-хронологический облик поселения определен не был. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. Петров. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за месяц июнь 1880 г. Труды Киевск. духовн. акад., т. II, кн. 8, Киев, 1880, стр. 585, 586; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. XXIII; К. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 318, 319; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

139. Гриневка, Сумская обл., Смеловский р-н (бассейн р. Смелы) — селище.

В 1949 г. при разведочных работах в верхнем Посулье Е. В. Махно обнаружила остатки древнего поселения культуры «полей погребений» — к северо-востоку от села, в уроч. Быков Яр. Площадь, на которой прослеживаются культурные остатки, около 1 км длиной и около 200 м шириной.

Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 77, 78.

140. Грянчиха, Полтавская обл., Велико-Багачанский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Поселение обнаружено в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится на правом берегу р. Псла, в 6 км от с. Устивицы, слева от дороги в с. Великая Багачка, против пос. Грянчиха, на склоне мыса, образованного двумя мокрыми балками, которые идут с северо-запада и юго-запада и к юго-западу от хут. Грянчиха соединившимися. Поселение тянется узкой полосой вдоль правого берега балки, идущей с северо-запада. Протяженность этой линии до 250 м. Культурные остатки прослеживаются и на левом ее берегу. Среди собранных остатков черепки сосудов культуры «полей погребений» черняховского типа. Характерная черта их — незначительное количество черепков лощеных сосудов.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

141. Гурбинцы, Черниговская обл., Сребнянский р-н (левый берег р. Удая) — могильник.

В 1926 г. Н. Е. Макаренко во время обследования Прилуччины узнал от местного населения, что на окраине с. Гурбинцы при копке глины попадаются останки древних захоронений. Раскоп, заложенный Н. Е. Макаренко на указанной территории, вскрыл шесть могил. Характер инвентаря (керамика прежде всего) и обряд захоронения (трупоположение и трупосожжение) не вызывают никаких сомнений, что могильник относится к культуре «полей погребений» черняховского типа. Так рассматривает его и автор раскопок.

М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 111.

142. Дергачи, Харьковская обл. (бассейн р. Уды) — селище.

В 1925 г. И. Н. Луцкевичем были обнаружены остатки поселения близ с. Дергачи (р. Лопань).

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 168.

143. Добренское, Сумская обл., Велико-Писаревский р-н (левый берег р. Ворсклы) — селище (?).

Между селами Новая Рябина и Добренское на песках левого берега р. Ворсклы Л. Н. Соловьевым были найдены обломки сосудов культуры «полей погребений» черняховского типа.

Г. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165.

144. Должик, Харьковская обл., Золочевский р-н (правый берег р. Уды) — селище.

Поселение находится к северо-западу от села, на склоне правого, коренного берега р. Уды, около поливного огорода колхоза им. «Памяти трех коммунаров». Бо́льшая часть склона задернована. Культурные остатки в виде костей животных и черепков глиняной посуды рассеяны на большой площади, но в незначительном количестве. Черепки принадлежат двум группам сосудов — лепным и гончарным. Первые немногочисленны и маловыразительны. Вторые являются обломками сосудов культуры «полей погребений» черняховской группы (лощеных и без лощения). Из числа других находок следует отметить фрагменты глиняного биконического усеченного пряслица хорошего обжига.

Поселение было открыто И. Н. Луцкевичем и Т. И. Ивановской в 1932 г. В 1948 г. оно обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

145. Ерковцы, Киевская обл., Переяслав-Хмельницкий р-н (левый берег р. Днепра) — селище.

В 1948 г. при обследовании левого берега р. Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого В. М. Даниленко и А. Д. Столяр обнаружили остатки древнего поселения. На территории поселения были произведены небольшие раскопки. Раскопками выявлен культурный слой, содержащий отложения культуры «полей погребений». Кроме того, обнаружены остатки комплекса построек, состоящие из землянки и наземной постройки с печью.

В. М. Даниленко и А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 223—230.

146. Замоский Кут, Харьковская обл., Валковский р-н — селище (?).

В 1923—1927 гг. в окрестностях с. Замоский Кут, около яра Бушняк А. С. Федоровским были найдены обломки керамики культуры «полей погребений», а также разные поделки из металла (арбалетовидная фибула, шпилька и т. п.)

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

147. Западня, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1926—1931 гг. А. С. Федоровским близ села, на поле близ яра Кут собрано большое количество обломков глиняных сосудов— серых, красных, бледно-розовых. Часть их лощена.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 170.

148. Исковка, Полтавская обл., Кишеньковский р-н (левый берег р. Днепра) — селище

Поселение открыто в 1947 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится в 100—150 м к юго-западу от деревни, на левом берегу р. Днепра, на двух мысах, образованных долиной реки и устьями сходящихся здесь балок. Наиболее отчетливо следы поселения выступают на западном мысу, образованном долиной реки и балкой, идущей с севера. Длина части мыса, занятой остатками поселения, около 350—400 м, ширина около 250 м. Культурные остатки на этой площади рассеяны вне какой-либо закономерности. Основную массу находок составляют черепки глиняной гончарной посуды черняховского типа. Совершенно такая же керамика обнаружена и на площадке восточного мыса, но несколько в меньшем количестве. Вся территория поселения распахивается

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

149. Калайдинцы, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Удая) — селище.

В 1945—1946 гг. при обследовании берегов р. Сулы Ф. Б. Копыловым обнаружено поселение культуры «полей погребений» близ с. Калайдинцы, в уроч. Решай-Долина. Собранный при обследовании материал состоит из обломков гончарной посуды — горшков, мисок и т. п.

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 246, 247.

150. Кантемировка, Полтавская обл., Чутовский р-н (правый берег р. Коломака) — селище и могильник.

Поселение и могильник близ с. Кантемировка были открыты М. Я. Рудинским в 1924 г. и тогда же им исследованы. По данным М. Я. Рудинского, могильник у с. Кантемировка несколько необычен для культуры «полей погребений». При общности могильного инвентаря (керамика, изделия из металла и т. п.) могильник отличается устройством могил: это курганный могильник с глубокими ямами и подбоями (камерами) в них. В 1948 г. близ курганов, исследованных М. Я. Рудинским, Е. В. Махно обнаружены безкурганные захоронения по обряду трупосожжения и трупоположения. Тогда же были произведены небольшие раскопки на поселении. Раскопками открыты остатки наземных построек. В 1945 г. поселение было обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

М. Я. Рудинский датировал Кантемировский комплекс памятников III—IV вв. Е. В. Махно считает возможным удлинить время существования поселения до VII в., не приводя в обоснование никаких данных.

М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. ЗВУАК, т. 1, Київ, 1930, стр. 127—158; И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 34—36; Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 231—241.

151. Кобеляки, Полтавская обл. (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1946 г. Оно находится на северной окраине города, в конце Ветеринарной улицы, на усадьбе Григория Яковлевича Горбача (д. № 49) и прилегающих к ней участках с севера и юга, на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Кобелячки. Следы древнего поселения в виде обломков глиняной гончарной и лепной керамики, костей животных отчетливо прослеживаются на поверхности обрабатываемого огорода. Черепки гончарной посуды принадлежат типичным сосудам культуры «полей погребений» (серым и черным лощеным мискам и кувшинам, серым без лощения кухонным горшкам, амфорам римского времени). Черепки лепных сосудов настолько нехарактерны, что нет никакой возможности сказать о них что-либо определенное.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

152. Ковалевка, Полтавская обл., Гоголевский р-н (левый берег р. Псла) — селище (?).

Следы культуры «полей погребений» в виде незначительного количества черепков серых сосудов, сделанных на гончарном круге, обнаружены в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией на поселении эпохи бронзы, расположенном на останце надпойменной террасы, в полукилометре от с. Ковалевки, влево от дороги на с. Большие Сорочинцы около озера Саврук (рукав р. Груни). Площадь, на которой встречены остатки поселения, небольшая — 50×300 м. Часть ее занята хозяйственными и жилыми постройками колхозников, часть находится под силосными ямами.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

153. Копали, Полтавская обл., Хорольский р-н (правый берег р. Хорола) — отдельные находки

В 1927 г. в ВУАК были присланы из Хорольского краеведческого музея рисунки сосудов, найденных при копке глины близ хут. Ковали, на правом берегу р. Хорола. Одновременно с сосудами выкопаны человеческие кости. Глубина залегания находок 1.5—1.80 м.

По определению С. Магуры, сосуды относятся «до часів римських впливів» (т. е. начала нашей эры).

По утверждению крестьян, подобные находки встречаются также по берегу реки, километрах в двух от указанного выше места.

С. Магура. Випадкові знахідки за р. 1927. ХАМ, ч. 2, Київ 1930, стр. 52

154. Коровинцы, Сумская обл., Недригайловский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

В 1922 г. на территории базарной площади села на склоне надпойменной террасы левого берега р. Сулы при рытье колодца на глубине около 2 м был найден своеобразный «клад», состоящий из глиняных сосудов культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. (черняховского типа) и нескольких вещей из железа: плужного ножа (чересла), обломков двух дужек с петлями и кольцами в них и куска железа в виде узкой полосы. При обследовании в 1948 г. территории, прилегающей к месту находки «клада» в 400—500 м к югу от него, в обрезе спуска, проложенного в долину реки, на усадьбе Столяец Петра Лукича, были обнаружены развалины гончарной обжигательной печи, среди которых найдено большое количество черепков посуды черняховского типа, преимущественно бракованных сосудов. К сожалению, печь оказалась настолько разрушенной, что восстановить ее облик не представляется возможным. Сохранилась лишь восточная часть топки, уходящая в глубь обреза, заваленная большим количеством кусков обожженной глины и белой (по-видимому, известковой) массы от рухнувшего свода и центрального столба. Печь была вытянута по оси В—З. Под печи расположен на глубине 1.55 м от современной поверхности; наибольшая ширина сохранившейся части пода 1.40 м, наименьшая — 0.85, толщина обожженной части пода 0.15 м, высота свода 0.30 м. В обрезе сохранился развал центрального столба, сделанного из белой плотной массы (извести — цемента?). Высота столба 0.40 м, сечение его около 0.40×0.50 м. По-видимому, печь состояла из двух камер — топки и расположенного над ней помещения для сосудов.

На территории, прилегающей к месту находки «клада» и развалин печи, ясно выраженных остатков культурного слоя поселения не обнаружено. Найдено всего лишь несколько черепков в точках, отстоящих одна от другой на большом расстоянии. Однако нет никакого сомнения, что поселение находилось здесь же, но остатки его перекрыты более поздними отложениями.

В 1949 г. территория с. Коровинцы была обследована Е. В. Махно. Близ места, где был найден «клад», а также в некотором отдалении от него Е. В. Махно были заложены небольшие раскопы (общая площадь около 130 м). В результате работы выяснено, что слой культуры «полей погребений» залегает на глубине 0.60—1.50 м, под более поздними напластованиями.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; 2) Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 16—21.

155. Коровинцы, Сумская обл., Недригайловский р-н, уроч Старое Село (левый берег р. Сулы) — селище.

В 1949 г. при обследовании верхнего течения р. Сулы Е. В. Махно обнаружены близ с. Коровинцы, в уроч. Старое Село остатки поселения культуры «полей погребений».

Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тысячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 77, 78.

156. Кочеток, Харьковская обл., Чугуевский р-н (левый берег р. Северского Донца) — отдельные находки

В 1921 г. А. С. Федоровским при обследовании берегов р. Северского Донца на левом берегу против села были найдены обломки посуды культуры «полей погребений»

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169

157. Кременчугщина (точное место неизвестно), Полтавская обл. — отдельные находки.

Где-то на Кременчугщине найден разбитый кувшин с граненой верхней частью (так называемая тыква) темно-серого цвета.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 52.

158. Кручик, Харьковская обл., Богодуховский р-н (левый берег р. Мерла) — селище (?)

В 1926 г. В. О. Ступавицкий обнаружил близ с. Кручик на левом берегу р. Мерла обломки серой посуды культуры «полей погребений»

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165

159. Кунцы, Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

В 1936 г. И. Н. Луцкевичем и Т. О. Ивановской на территории села (на огородах и усадьбах), расположенного на правом берегу р. Ворсклы, обнаружены остатки древнего поселения. Среди собранного материала много черепков от посуды культуры «полей погребений». Остатки поселения прослеживаются на всей территории, занятой современным селом.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 170.

160. Купьеваха, Полтавская обл., Лубенский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

Поселение было открыто в 1947 г Ф. Б. Копыловым при обследовании левого берега р. Сулы. Оно находится на боровой террасе р Солоницы, левого притока р. Сулы. Культурные остатки прослеживаются на площади около 1×0.2 км.

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—311.

161. Легези, Харьковская обл., Змиевский р-н (бассейн р. Можа) — селище.

В 1926 г. И. Н. Луцкевичем обнаружены близ хут. Легезы, в уроч. Подол обломки керамики культуры «полей погребений», рассеянные на площади около 5 га.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169

162. Лохвица, Полтавская обл. (правый берег р. Сулы) — могильник.

Могильник обнаружен в 1955 г. при земляных работах. Он расположен в долине р. Сулы, на небольшом мысе, недалеко от города. В том же году могильник был исследован. Раскопками вскрыто 20 захоронений — 12 по обряду трупоположения и 8 трупосожжений. Погребенные находились в неглубоких (до 1.2 м) ямах, головой на север, северо-запад (3), северо-восток (1) и запад (1). Сожженные хоронились в урнах. Лишь в одном случае пережженные кости захоронены без урны. В качестве урн использовались горшки

Захоронения по обряду трупоположения сопровождались сосудами и различным инвентарем. Все сосуды, найденные при исследовании могильника, сделаны на гончарном круге. В могилах с трупосожжениями вещей почти не найдено. Автор раскопок Д. Г. Березовец ставит Лохвицкий могильник в один ряд с Черняховским, Масловским и Переяслав-Хмельницким могильниками и датирует его III—IV вв.

Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Київ, 1957, стр. 89, 90.

163. Луговое, Сумская обл., Больше-Писаревский р-н (левый берег р. Ворсклы) — селище (?).

В окрестностях хут. Луговое, в направлении к с. Спасское, на левом берегу р. Ворсклы, Л. Н. Соловьевым были найдены обломки керамики черняховского типа.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165.

164. Малые Сорочинцы, Полтавская обл., Миргородский р-н (правый берег р. Хорола) — селище

В 1949. г. при обследовании берегов р. Хорола Ф. Б Копыловым были обнаружены близ с. Малые Сорочинцы, на правом берегу реки, остатки поселения культуры «полей погребений»

Ф. Б. Копилов. Археологічна розвідка на р. Хорол в 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, 1955, стр. 168, 169.

165. Манжелея, Полтавская обл., Велико-Крынковский р-н (правый берег р. Псла) — селище,

В 1926 г. при обследовании нижнего течения р Псла М. Я. Рудинским открыто поселение (селище), содержащее остатки культуры «полей погребений» черняховского типа Черепки черной лощеной керамики найдены в небольшом количестве. Есть черепки желтого цвета. Наибольшее число составляют остатки сосудов серого цвета с шершавой поверхностью. Имеются остатки узкогорлых амфор. Из других находок автор отмечает куски обожженной глины с отпечатками прутьев

М. Рудинський. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 152

166. Мартово, Харьковская обл., Печенежский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище

Следы поселения культуры «полей погребения» обнаружены в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией в 3—4 км от села, вправо от дороги в с. Печенеги, по склону левого берега р. Северского Донца. Здесь на линии протяженностью до километра находили черепки гончарной посуды с лощением и без лощения черняховского типа. Количество их невелико. Вследствие большой рыхлости склона поверхность его сильно размывается и сносится в долину. По-видимому, вместе с разрушением склона разрушаются и остатки поселения

Характер остатков не вызывает сомнения в принадлежности их к культуре «полей погребений»

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

167. Нехвороща, Полтавская обл. (правый берег р. Орели) — отдельные находки.

При раскопках остатков старого фундамента близ местечка найден сосуд с 300 денариями Траяна, Адриана и др.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 52.

168. Ново-Покровка, Харьковская обл., Чугуевский р-н (левый берег р. Уды) — селище и могильник.

Могильник открыт в 1936 г. И. Ф. Левицким и тогда же частично исследован. Вторично раскопки могильника произведены Ю. В. Кухаренко в 1949 г. При исследовании могильника Ю. В. Кухаренко здесь же обнаружены и остатки поселения. Ю. В. Кухаренко рассматривает поселение и могильник как единый комплекс и датирует его VI—VIII или VII—VIII вв. Думается, что памятник гораздо сложнее. Судя по опубликованным материалам, в нем содержатся отложения двух эпох — культуры «полей погребений» и салтово-маяцкой. Об этом свидетельствуют как вещи, найденные при раскопках, так и обряд захоронения

Ю. В. Кухаренко. 1) О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951, стр. 99—108;

2) Новопокровський могильник і поселення, Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 33—50.

169. Новотроицкое, Сумская обл., Лебединский р-н, уроч. Криничная Балка (правый берег р. Псла) — селище.

В 1953 г. при обследовании окрестностей с. Новотроицкое Днепровским левобережным отрядом обнаружены следы поселения культуры «полей погребений» на левом берегу балки Криничной, впадающей в р. Груню. Поселение тянется узкой (около 40—50 м) полосой вдоль берега на участке около 1 км. Местность, где находятся остатки поселения, распахивается. На темной поверхности поля отчетливо выделяются светлые глинистые пятна, насыщенные остатками строительных материалов (куски глиняной обмазки стен, печины и т. д.), а также различными бытовыми отбросами — обломками глиняной посуды, костями животных и единичными поделками из глины, камня и т. п.

При обследовании территории поселения собран подъемный материал, состоящий преимущественно из обломков глиняной посуды. Все они принадлежат сосудам, сделанным на гончарном круге, кухонным горшкам, мискам всевозможных профилей, сосудам для хранения продуктов, амфорам римского типа и т. п. Принадлежность собранных обломков посуде «полей погребений» черняховского типа не вызывает сомнений. Из единичных вещей следует отметить обломок ручного жернова (рис. 85).

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1953 г. Архив ИА; 2) Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958, стр. 12.

170. Новые Сенжары, Полтавская обл. (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено в 1946 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно расположено к северо-западу от села, на поле колхоза «За Найкраще життя». Оно занимает склон надпойменной террасы шириной около 60 м. Наибольшее количество культурных остатков в виде обломков керамики и костей животных прослеживается в верхней части склона, на перевале к плато. По технике изготовления бóльшая (подавляющая) часть собранных черепков принадлежит гончарным сосудам (лощеным и нелощеным), в том числе и амфорам римского времени. Черепки лепных горшков невыразительны. Часть их несомненно принадлежит эпохе бронзы.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА.

171. Ореховские Хутора, Харьковская обл., Золочевский р-н (правый берег р. Уды) — селище.

Поселение находится на правом берегу р. Уды, в полукилометре к юго-востоку от хутора (возле ветряной мельницы). Оно тянется узкой полосой вдоль края надпойменной террасы, имеющей здесь довольно крутой склон. Протяженность полосы, на которой встречаются культурные остатки, достигает километра. Состав остатков, встречаемых на вспаханном поле, — кости животных, черепки глиняной посуды, поделки из глины, куски обожженной глины. Черепки принадлежат лепным и гончарным сосудам. Первые немногочисленны и невыразительны, вторые относятся к сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа — всевозможным мискам, кувшинам и другим лощеным сосудам, а также кухонным горшкам без лощения.

По-видимому, это поселение было открыто в 1932 г. И. Н. Луцкевичем и Т. И. Ивановской. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури поля поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

172. Орлик, Полтавская обл., Кишеньковский р-н (левый берег р. Днепра) — отдельные находки.

При обследовании побережья устья р. Орели на кучугурах в уроч. Чернечное Е. Антонович-Мельник собраны черепки гончарной лощеной и нелощеной посуды времени «переселения народов» и римская серебряная монета имп. Антонина.

К. Антонович-Мельник. Археологічні досліди на Кременчуччині. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926, стр. 81—86.

173. Пересечное, Харьковская обл., Дергачевский р-н (правый берег р. Уды) — селище и могильник (?).

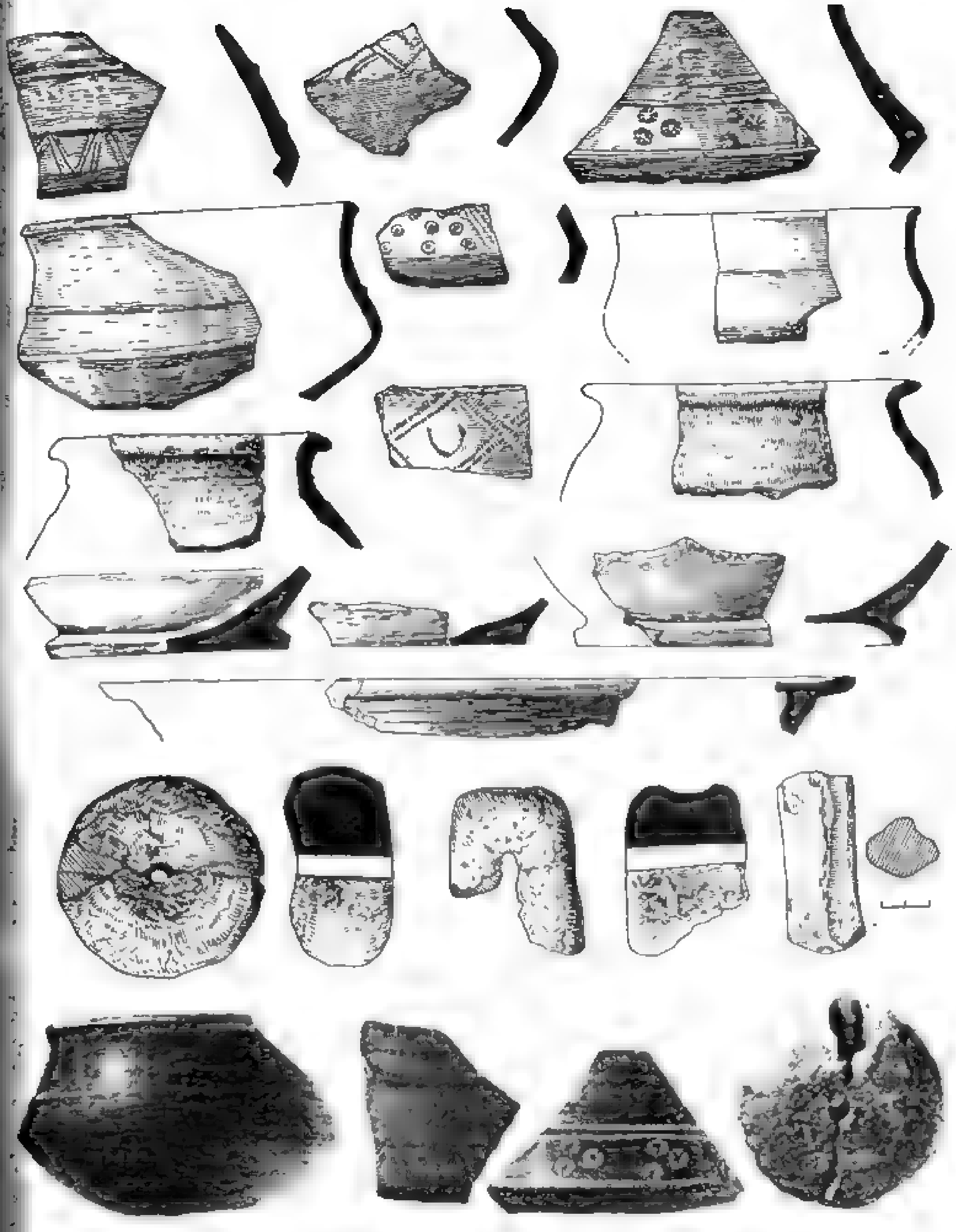


Рис. 85. Новотроицкое селище (уроч. Криничная Балка). Керамика

Поселение находится на правом берегу р. Уды, против села, по обе стороны дороги в с. Ольшаны. Оно занимает склон правого берега, начиная от ветряной мельницы. Культурные остатки в виде черепков глиняной посуды, костей животных и поделок из глины прослеживаются на площади 400—500×200 м. Керамические остатки состоят из обломков лепной и гончарной посуды. Черепки гончарной посуды принадлежат сосудам с лощением и без лощения черняховского типа и амфорам римского типа, черепки лепной посуды — сосудам в виде сковородок с невысоким бортиком и кухонным горшкам (роменский облик). Площадка поселения сильно разрушается дорожным строительством.

Поселение открыто в 1926 г. И. Н. Луцкевичем. В 1932—1933 гг. им были произведены там небольшие раскопки. При раскопках обнаружен могильник с захоронениями по обряду трупосожжения и трупоположения. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165, 168; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

(85). Пересечное, Харьковская обл., Дергачевский р-н, уроч. Курортная (правый берег р. Уды) — селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

174. Пересыпь, Курская обл., Кривцовский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. Оно находится в 2 км к юго-востоку от села, на правом берегу р. Псла, на склоне первой надпойменной террасы. Склон мысом врезается в пойму, подходя близко к руслу реки. Площадка мыса распахивается. Под тонким гумусным слоем залегает меловая щебенка. Местами она резко выступает на поверхности. Вдоль всего склона, ниже дороги, идущей из села вдоль берега в юго-восточном направлении, встречаются культурные остатки, состоящие из костей крупных животных и черепков глиняной посуды. Последние по составу весьма пестры. Основная масса керамических обломков — черепки лепных сосудов, по-видимому, относящихся к эпохе бронзы. Но среди них есть и гончарные (лощеные и без лощения), принадлежащие сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа.

Протяженность территории, на поверхности которой встречаются культурные остатки, достигает 500 м (ЮВ—СЗ), ширина полосы 90—100 м.

Наибольшее количество культурных остатков встречается в отложениях меловой щебенки, в частности, в завале траншеи, пролегающей вдоль всего склона берега. С меловой щебенкой связаны преимущественно черепки грубой лепной керамики и кости крупных животных.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

175. Переяслав-Хмельницкий, Киевская обл. (правый берег р. Трубежа) — могильник

Могильник открыт в 1951 г. при хозяйственных работах. В 1952 и 1954 гг. был подвергнут исследованию. При раскопках открыто 40 захоронений и 2 кенотафа. Из этого числа 19 захоронений по обряду трупоположения и 21 — по обряду трупосожжения. Трупосожжения обнаружены на глубине 0.25—0.50 м в виде небольших кучек кальцинированных костей. Среди костей найдены отдельные обломки ошлакованной глиняной посуды. Захоронения по обряду трупоположения совершены в ямах различной формы на разной глубине (от 1 до 3.6 м). Ориентировка погребенных тоже неустойчива: 8 погребений на север, 5 на северо-запад, 5 на запад и 1 на юг. Бо́льшая часть костяков найдена вне анатомического порядка. При погребенных по обряду трупоположения имелся инвентарь: глиняные сосуды, костяные гребни, пряслица, фибулы, стеклянные сосуды, стеклянные шашки, бусы и т. п. Керамика исключительно гончарная.

Исследователи могильника В. К. Гончаров и Е. В. Махно датируют могильник III—IV вв.

В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 37—39; В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 127—144.

176. Пески, Полтавская обл., Лубенский р-н (левый берег р. Сулы) — селище.

В 1947 г. при обследовании левого берега р. Сулы в пределах Лубенского района Ф. Б. Копыловым были обнаружены следы поселения культуры «полей погребений» к югу от с. Пески, на краю боровой террасы долины реки. Культурные остатки прослеживаются на площади около 0.5 га

Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—309.

177. Писаревка, Полтавская обл., Ново-Санжарский р-н (левый берег р. Тагамлыка, левого притока р. Ворсклы) — селище и могильник.

Весной 1946 г. колхозники с. Писаревка, производя хозяйственные работы в северной части села, обнаружили древний могильник. Судя по сведениям, собранным сотрудниками Полтавского музея, колхозники нашли несколько костяков. Рядом с костяками стояли сосуды. Часть найденных сосудов (кувшин и одна миска) сохранилась и была передана в Полтавский историко-краеведческий музей.

Позже, в июне 1946 г., при посещении с. Писаревка сотрудниками Днепровской левобережной экспедиции совместно с сотрудниками Полтавского музея, у одной из колхозниц удалось найти еще одну миску, уже приспособленную под посадку цветка (на дне была просверлена дырочка). Кроме того, были найдены фрагменты еще двух мисок из этого же могильника, подобранные колхозницами. Обломки этих мисок вместе с костями были ими захоронены на расстоянии 200—300 м от могильника, ближе к берегу реки, под кустами. Как оказалось при дальнейшем обследовании местности, захоронение костей вместе с обломками сосудов из могильника было произведено на территории поселения культуры «полей погребений».

Как и все поселения этой группы, Писаревское поселение расположено на склоне первой надпойменной террасы, почти вплотную примыкая к берегу реки. Размер площади, занятой поселением, не выяснен, так как бо́льшая часть местности задернована. Собранные при обследовании остатки состоят из костей животных и обломков глиняной посуды. Основная масса черепков принадлежит таким же сосудам, сделанным на гончарном круге, как и в могильнике. По своему облику они ничем не отличаются от сосудов Черняховского могильника и других аналогичных ему памятников. Среди собранных обломков глиняных сосудов есть несколько черепков от амфор римского времени. Обломки лепных сосудов немногочисленны и невыразительны.

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 16, 17.

178. Погорелый, Харьковская обл., Змиевский р-н (бассейн р. Мжа) — селище.

В 1926 г. И. Н. Луцкевичем близ хут. Погорелого, к северу от уроч. Мередие, обнаружены обломки керамики культуры «полей погребений» на площади около 4 га.

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

179. Поповка, Полтавская обл., Камышнянский р-н (правый берег р. Хорола) — селище.

В 1949 г. при обследовании берегов р. Хорола Ф. Б. Копыловым обнаружены близ с. Поповка, в уроч. Семиренкова Долина, остатки поселения культуры «полей погребений».

Ф. Б. Копилов. Археологічна розвідка на р. Хорол в 1949 г. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 168, 169.

180. Прелестный, Харьковская обл. и р-н (бассейн р. Харькова) — селище.

В 1935 г. И. Н. Луцкевичем на территории совхоза им. Фрунзе (правый берег р. Немышли) открыто древнее поселение площадью около 10 га. В северной части поселения, по мнению автора, находится могильник

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 168, 169.

181. Рассоховатое, Харьковская обл., Золочевский р-н (правый берег р. Уды) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. Оно находится на правом берегу р. Уды, на расстоянии полукилометра от села, на склоне надпойменной террасы. Размер поселения

около 300×100 м. Нижняя часть террасы, прилегающая к дороге, распахана, верхняя (к коренному берегу) задернована. Культурные остатки прослеживаются как на той, так и на другой части, но их больше на вспаханной поверхности. Состав их — кости животных, куски глиняной обмазки и черепки глиняных сосудов. Среди последних есть несколько черепков от лепных сосудов, однако они настолько невыразительны, что о них нельзя ничего сказать. Подавляющая часть черепков принадлежит гончарным сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа (серые кухонные горшки, столовые сосуды с лощением).

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

182. Рашовка, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. Оно находится между селами Рашовка и Лисовка по обе стороны балки, впадающей в долину р. Псла, недалеко от моста, где дорога в с. Лисовка отходит от большой дороги Рашовка — Сорочинцы. Поселение тянется узкой полосой по склонам балки, чуть-чуть выходя на плато. Протяженность линии, на которой встречаются культурные остатки, около 300 м. Наибольшая насыщенность культурными остатками прослеживается на правом берегу балки, представляющей собой мыс (шириной около 50 м), образованный долиной реки и впадающей в нее балкой. Территория поселения распахивается. Культурные остатки встречаются на поверхности; среди остатков куски обожженной глины, черепки глиняной посуды. Последняя относится к культуре «полей погребений» черняховского типа. Следует отметить, что среди остатков керамики очень мало обломков лощеных сосудов.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

183. Савинский, Полтавская обл., Лубенский р-н (бассейн р. Сула) — отдельные находки.

В коллекции Полтавского историко-краеведческого музея до Великой Отечественной войны хранилась амфора римского типа, найденная, по утверждению М. Я. Рудинского, вместе с другими амфорами с пеплом.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 52.

184. Свинковка, Полтавская обл. и р-н (бассейн р. Ворсклы) — селище и могильник.

Весной 1940 г. на территории хут. Свинковка, на усадьбе колхозника Чижа случайно во время земляных работ обнаружены три человеческих костяка и при них сосуды культуры «полей погребений». Позже сотрудниками Полтавского музея здесь было найдено погребение по обряду трупосожжения

Летом того же года Левобережный отряд Днепровской археологической экспедиции совместно с сотрудниками Полтавского музея еще раз обследовал место могильника и прилегающую к нему территорию. В результате проведенных изысканий недалеко от могильника обнаружено древнее поселение. Оно расположено в черте села, на склоне надпойменной террасы р. Свинковки, по обе стороны дороги, спускающейся к мосту через реку. Культурные остатки в виде черепков глиняной посуды, костей животных и кусков обожженной глины прослежены как в обрезах дороги, так и на вспаханных огородах, прилегающих к ней. Мощность культурного слоя достигает 1 м. Состав слоя — прослойки обожженной глины, угли, зола, кости животных, черепки глиняной посуды. Обломки посуды принадлежат двум керамическим группам — гончарной и лепной. Гончарные черепки относятся к сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа и римским амфорам. Черепки лепной посуды маловыразительны, и сказать о них что-либо определенное очень трудно.

Полное сходство гончарной посуды поселения с посудой могильника на усадьбе Чижа подтверждает, что могильник синхроничен с поселением и связан с ним.

И. И. Ляпушкин. 1) Дневник Левобережного отряда Днепровской археологической экспедиции 1940 г. Тетрадь № 1. Архив ИА. 2) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 128, 129.

185. Снижки, Харьковская обл., Валковский р-н (бассейн р. Мжа) — селище (?).

В разные годы (1922—1927) А. С. Федоровским в окрестностях с. Снижки были собраны керамические остатки культуры «полей погребений».

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

186. Сухиновка, Полтавская обл., Кобелякский р-н (левый берег р. Ворсклы) — селище.

В 1946 г. при обследовании левого берега р. Ворсклы Днепровской левобережной экспедицией обнаружены остатки древнего поселения культуры «полей погребений» на территории с. Сухиновка. Культурные остатки в виде обломков глиняной гончарной посуды были прослежены на склоне террасы на огородах и усадьбах вдоль всей деревни (до кладбища). Общая протяженность поселения около 500 м, при ширине 20—35 м.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА.

✓187. Терновое, Харьковская обл., Чугуевский р-н (левый берег р. Уды) — селище

В 1925 г. И. Н. Луцкевичем обнаружены к западу от с. Терновое, на левом берегу р. Уды, при устье р. Рогани, следы древнего поселения. Среди собранного материала наряду с обломками керамики, относящейся к различным эпохам, оказались черепки культуры «полей погребений».

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 169.

188. Терновый, Полтавская обл., Миргородский р-н (правый берег р. Псла) — селище

Поселение обнаружено в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится близ хут. Тернового, по обе стороны дороги из с. Савинцы в с. Большие Сорочинцы, на надпойменной террасе правого берега р. Псла. Территория селища распахивается. Часть его находится под проселочной дорогой (грейдером), идущим из с. Савинцы. Размер территории по линии С—Ю около 400 м, по линии В—З около 70 м. На поверхности пашни, а также в канавах вдоль дороги и на самой дороге рассеяны культурные остатки, состоящие из черепков глиняной посуды (лепной и гончарной), кусков обожженной глины, костей животных. Черепки гончарной посуды относятся к сосудам культуры «полей погребений» черняховского типа. Очень мало среди них остатков лощеной посуды. Немногочисленные черепки лепных сосудов совершенно нехарактерны.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

189. Топлинка, Белгородская обл., Шебекинский р-н (бассейн р. Северского Донца) — селище

Поселение открыто в 1948 г. Днепровской левобережной экспедицией. Оно находится на левом берегу р. Топлинки, на стрелке, образованной берегом реки и впадающей в нее балкой Соломенка. Наибольшее количество культурных остатков в виде костей крупных животных и черепков глиняной посуды прослеживается вдоль края террасы, а также по берегу балки. Судя по обрезу выемки дороги, пересекающей балку, мощность культурного слоя достигает до 0,50—0,60 м. Основная масса культурных остатков — черепки глиняной посуды. Это обломки лепной керамики эпохи бронзы и, по-видимому, роменской (?), а также гончарной керамики культуры «полей погребений» и салтово-маяцкой (?). Керамика культуры «полей погребений» представлена незначительным числом черепков, но они настолько характерны, что не вызывает никакого сомнения принадлежность их именно этой культуре; среди них черепки серых и черных лощеных сосудов и черепки кухонных горшков из глины с примесью крупных зерен дресвы. Многие донышки имеют характерную кольцевую подставку.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

190. Услонка, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — селище.

Поселение находится на расстоянии 2—3 км к северу от села, на правом берегу р. Услонки, правого притока р. Псла. Оно занимает склон берега, прилегая с севера к балке, впадающей в долину реки. Как и все поселения группы «полей погребений», оно не имеет каких-либо следов искусственных укреплений. Поселение тянется узкой

полосой (60—70 м) вдоль берега на протяжении 400—500 м. Вся площадка селища находится под посевами и малодоступна для обследования. Основной частью собранных материалов являются черепки глиняной посуды — лепной и гончарной. Обломки первой немногочисленны. По своему облику они напоминают черепки лепных сосудов из вымостки на поселении у с. Авдеевка Ленинского района Курской области (бассейн р. Сейма), обнаруженной при обследовании в 1947 г. Черепки гончарной посуды принадлежат сосудам (лощеным и без лощения) культуры «полей погребений» черняховского типа. Из числа других остатков следует отметить куски обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, а также большое количество небольших камней различных горных пород. Поселение было открыто в 1909 г. К. Сосновским. В 1948 г. оно было обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 318, 319. И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

191. Фроловка, Полтавская обл., Чутовский р-н — отдельные находки.

При хозяйственных земляных работах на одной из усадьб села обнаружены следы какого-то древнего сооружения. Обследование указанного места сотрудниками Полтавского музея привело их к выводу, что в земле сохранились остатки «печей, вымазанных глиной». На территории, прилегающей к этой усадьбе, при различных хозяйственных работах (сооружении погребов, колодцев и т. п.) находят кости животных и черепки глиняной посуды. Большое количество черепков глиняной гончарной посуды различных цветов (серого, черного, желтого), лощеной и без лощения, было найдено на одном из огородов на западном склоне балки близ моста. Автор обследования отождествляет эти черепки с посудой кантемировского типа.

Т[ахтай] А. [К.]. Археологічна работа музею 1926—1927 р. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 287, 288.

192. Харьков, северо-западный р-н (Павловка) (бассейн р. Уды) — селище (?).

В 1935 г. И. Н. Луцкевич обнаружил в северо-западной части Харькова, в Павловке, близ кирпичного завода остатки поселения культуры «полей погребений».

I. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 168.

193. Холодный, Сумская обл., Смеловский р-н (бассейн р. Смелой) — селище.

В 1929 г. в окрестностях хутора были найдены отдельные вещи, относящиеся к культуре «полей погребений». В 1949 г. Е. В. Махно здесь были произведены разведки, позволившие установить наличие остатков поселения культуры «полей погребений». Поселение расположено на правом берегу р. Смелянки, на склоне надпойменной террасы. Культурные остатки прослежены на площади около 500—700×100 м.

М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. ХАМ, ч. 1. Київ, 1930, стр. 69—71; Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 195?, стр. 77—85.

194. Хотмыжск, Белгородская обл., Борисовский р-н (левый берег р. Лозовой) — селище (?).

Следы культуры «полей погребения» обнаружены Л. Соловьевым в 1920 г. близ железнодорожной станции Хотмыжск Донецкой ж. д., на левом берегу р. Лозовой, около моста. Находки состоят из черепков гончарной посуды серого, желтого и красного цвета. Кроме керамики, здесь же найдены бронзовая арбалетовидная фибула с надломанной шляпкой, сердоликовая восьмигранная бусина и круглая бусина из синего стекла.

I. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164, 165.

195. Черкасский Бишкинь, Харьковская обл., Змиевский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1926—1931 гг. А. С. Федоровским были обнаружены остатки древнего поселения на левом берегу р. Северского Донца, близ с. Черкасский Бишкинь. Среди собранных керамических остатков разных эпох оказались обломки керамики культуры «полей погребений».

I. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 170.

196. Шабельники, Черкасская обл., Золотоношский р-н (левый берег р. Днепра) — селище.

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится к северу от деревни, несколько выше устья р. Сулы, вытянувшись узкой полосой (30—50 м) вдоль склона берега, чуть-чуть выходя на плато. Культурные отложения в виде черепков гончарной посуды и костей животных наиболее отчетливо выступают ближе к линии перехода склона в плато. Керамический комплекс достаточно характерен — черепки лощеных сосудов и серых кухонных горшков черняховского типа и амфор римского времени.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

197. Шишаки, Полтавская обл. (бассейн р. Псла) — отдельные находки.

В уроч. Дернова Долина найдена керамика культуры «полей погребений» и бронзовая фибула.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 52.

198. Шмырево, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — селище и могильник.

Здесь в 1909 г. Д. Я. Самоквасов открыл могильник, расположенный на песчаных дюнах правого берега р. Псла, который он датирует первой половиной I тысячелетия н. э. и относит к культуре «полей погребений». Обряд захоронения — трупосожжение. При раскопках могильника найден наральник симметричной формы с втулкой и бронзовая подвеска, инкрустированная красной эмалью. У местного населения были приобретены две римские монеты начала н. э., найденные на территории могильника.

Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии. М., 1915, стр. 3—5.

199. Яблочное, Сумская обл., Ахтырский р-н (бассейн р. Ворсклы) — селище (?).

На второй террасе правого берега р. Рябины (левый приток р. Ворсклы) около с. Яблочное Л. Н. Соловьевым были обнаружены керамические остатки культуры «полей погребений».

I. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165.

200. Яблочное, Сумская обл., Ахтырский р-н (бассейн р. Ворсклы) — селище (?).

В 1928 г. И. Н. Луцкевичем в центре с. Яблочное на площади были найдены обломки керамики культуры «полей погребений».

I. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 165.

Б. Места находок римских монет

1. Андруши и Коран, Киевская обл., Переяслав-Хмельницкий р-н — отдельные монеты.

В. Г. Лясоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Труды XI АС, т. I, М., 1901,[67] стр. 462.

2. Анисов, Черниговская обл. — отдельные монеты.

В. Шугаевский. «Татарская Горка» близ г. Чернигова. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XV АС, М., 1911, стр. 847.

3. Ахтырка, Сумская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959,[68] стр. 172, № 642.

4. Ахтырский р-н, Сумская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Лясоронский, 1901, стр. 463.

5. Безугловка, Черниговская обл., Нежинский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Лясоронский, 1901, стр. 463.

6. Белополье, Сумская обл. — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 171, № 635.

[67] В дальнейшем: В. Г. Лясоронский 1901.

[68] В дальнейшем: М. Ю. Брайчевський.

7. Березна, Черниговская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 199, № 1024

8. Богодухов, Харьковская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 181, № 775.

9. Бывш. Богодуховский у. (без указания места), Харьковская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 181, № 775.

10. Борана, Черниговская обл. — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

11. Брусил, Полтавская обл., Диканьковский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 159, № 479

12 Бывш. Вальковский у. Харьковская губ. — отдельные монеты

В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905,[69] стр 39.

13. Верхний Салтов, Харьковская обл., Старо-Салтовский р-н — отдельные монеты

В. Е. Данилевич, стр. 393.

14. Войково, Киевская обл., Березанський р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

15. Волковцы, Сумская обл., Роменский р-н — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

16. Бывш. Волчанский у. (без указания места), Харьковская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 182, № 782

17. Выползово, Черниговская обл., Остерский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462

18. Гирявка, Сумская обл., Дубовязовский р-н — отдельные монеты.

Д. А. Бочков Интересный случай находки древнеримской монеты. КСИА, вып. 5, Киев, 1955, стр. 84—85.

19. Глинск, Сумская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

20 Глобино, Полтавская обл. — отдельные монеты

Д. А. Бочков. Интересный случай находки древнеримской монеты. КСИА, вып. 5, Киев, 1955, стр. 84—85.

21. Гридасово, Курская обл., Обоянский р-н — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

22. Грунь, Сумская обл., Штеповский р-н — отдельные монеты.

В. Е. Данилевич, стр. 400.

23. Гужовка, Черниговская обл., Ичнянский р-н — отдельные монеты.

М. Ю Брайчевський, стр. 199, № 1030.

24. Деймановка, Полтавская обл., Пирятинский р-н — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Изд. 2-е, Киев, 1903,[70] стр. 191.

25. Еремеевка, Полтавская обл., Градижский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр 158, № 478

26. Жигаловка, Сумская обл., Тростянецкий р-н — клад.

В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—281.

27. Жихарь, Харьковская обл. — отдельные монеты.

В. Е. Данилевич, стр. 387.

28. Заудайка, Черниговская обл., Ичнянский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 200, № 1034

29 Бывш. Змиевский у. (без указания места), Харьковская обл. — отдельные монеты.

В. Е. Данилевич, стр. 396.

[69] В дальнейшем: В. Е. Данилевич.

[70] В дальнейшем В. Г. Ляскоронский, 1903.

30. Бывш. Золотоношский у. (без указания места), Черкасская обл. — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 192, № 909

31. Карловка, Полтавская обл. — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 454

32. Келеберда, Полтавская обл., Кременчугский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 160 № 485.

33. Келеберда, Черкасская обл., Гельмязовский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

34. Ковтуны, Черкасская обл., Золотоношский р-н — клад

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

35. Кременчуг, Полтавская обл. — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463

36. К[illegible], Сумская обл., Больше-Писаревский р-н — отдельные монеты.

В. Е. Данилевич, стр. 389.

37. Колонтаев, Харьковская обл., Краснокутский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1903, стр. 191, 192.

38. Коровинцы, Сумская обл., Недригайловский р-н — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 172, № 641

39. Красный Колядин, Черниговская обл., Дмитриевский р-н — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 199, № 1027

40. Круполь, Киевская обл., Березанський р-н — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

41. Кунашовка, Черниговская обл., Нежинский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1042.

42. Кунашевка, Черниговская обл., Нежинский р-н — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1043

43. Купянск, Харьковская обл. — отдельные монеты.

В. Е. Данилевич, стр. 398.

44. Куриловка, Черниговская обл., Нежинский р-н — клад

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1044.

45. Ладатки, Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н — отдельные монеты.

ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 160.

46. Лазорки, Полтавская обл. — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463

47. Лелюховка, Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н — отдельные монеты.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 212

48. Леплиово, Черкасская обл., Гельмязовский р-н — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462

49. Липцы, Харьковская обл. — отдельные монеты

В. Е. Данилевич, стр. 380.

50 Лихачевка, Полтавская обл., Котельвинский р-н — отдельные монеты

В. Е. Данилевич, стр. 390.

51 Лихачевка, Полтавская обл., Котельвинский р-н — клад.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 16.

52. Лубны, Полтавская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

53. Луковщино (между ст. Головач и с. Писаревка), Полтавская обл. и р-н — клад.

По материалам Полтавского историко-краеведческого музея.

54. Малая Круча, Полтавская обл., Пирятинский р-н — отдельные монеты.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 212.

55. Мануйловка, Полтавская обл., Козельщинский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1903, стр. 191.

56. Медвежье, Сумская обл., Талалаевский р-н — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

57. Миргород, Полтавская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 160, № 495.

58. Монастырище, Черниговская обл., Ичнянский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 200 № 1035

Нежин (Пашковка), Черниговская обл. — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

60. Нежин, Черниговская обл. — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1045.

61. Нехвороща, Полтавская обл. — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1903, стр. 192.

62. Новые Сенжары, Полтавская обл. — отдельные монеты.

ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 160.

63. Опошня, Полтавская обл. — отдельные монеты.

Т[ахтай] А. [К.] Археологічна работа музею 1926—1927 р. Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 287.

64. Орлик, Полтавская обл., Кишеньковский р-н — отдельные монеты.

К. Антонович-Мельник. Археологічні досліди на Кременчуччині. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926, стр. 81—86.

65. Остапово, Полтавская обл., Велико-Багачковский р-н — клад

М. Ю. Брайчевський, стр. 158, № 470

66. Остер, Черниговская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

67. Остер, Черниговская обл., Ичнянский р-н — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1036.

68. Перекоп, Харьковская обл., Валковский р-н — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1903, стр. 191.

69. Перепись, Черниговская обл., Добрянский р-н — клад.

М. Ю. Брайчевський, стр. 199, № 1028.

70. Переяслав-Хмельницкий, Киевская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр 462.

71. Печи, Черниговская обл., Комарский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 201, № 1039

72. Пирятин, Полтавская обл — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

73. Повстен, Полтавская обл., Пирятинский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 161, № 507.

74. Полтава — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 464.

75. Припутни, Черниговская обл., бывш. Борзненский у. — клад

Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. СГАИМК, I, Л., 1926.

76. Прохоровка, Черкасская обл., Гельмязевский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

77. Резуненково, Харьковская обл., Коломацкий р-н — отдельные монеты

І. Н. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948,[71] стр. 174.

78. Рогинцы, Сумская обл. Талалаевский р-н — клад.

Археологическая летопись южной России, 1903, № 1, стр. 60.

79. Бывш. Роменский у. (без указания места), Сумская обл. — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 173, №№ 650, 651.

80. Ромны, Сумская обл. — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

[71] В дальнейшем: І. Н. Луцкевич.

81. Рублевка, Полтавская обл., Котельвaский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 158, № 473.

82. Рудка, Черниговская обл. и р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, № 1059

83. Рыльск, Курская обл. — отдельные монеты

В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. —

84. Рышки, Черниговская обл., Ичнянский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. [illegible] № [illegible]

85. Сеппики, Курская обл., Конышевский р-н — клад.

ОАК за 1913—1915 гг. Пгр., 1918, стр. 196, 255.

86. Седнев, Черниговская обл. и р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, № 1060.

87. Селище, Киевская обл., Барышевский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 138, № 198.

88. Смереньки, Сумская обл., Больше-Писаревский р-н — отдельные монеты.

В. Е. Даниленич, стр. 388.

89. Семиполки, Киевская обл., Броварский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр 463

90. Сенное, Харьковская обл., Богодуховский р-н — отдельные монеты

І. Н. Луцкевич, стр. 174.

91. Скетново, Харьковская обл., Валковский р-н — отдельные монеты

Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. СГАИМК, I, Л., 1926

92. Слепородские хутора, Полтавская обл., Пирятинский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр 463

93. Снежков (Сніжки), Харьковская обл., Валковский р-н — отдельные монеты

І. Н. Луцкевич, стр. 174.

94. Сосновка, Полтавская обл., Пирятинский р-н — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1903, стр. 191

95. Сосница, Черниговская обл. — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, №№ 1053—1057.

96. Староторожка, Черниговская обл., Остерский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, № [illegible]

97. Старые Валки, Харьковская обл., Валковский р-н — клад (?)

В. Е. Даниленич, стр. 391

98. Стольное, Черниговская обл., Березнянский р-н — клад.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462.

99. Сумская обл. (без указания места) — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 173, № 653

100. Талалаевка, Черниговская обл., Нежинский р-н — отдельные монеты.

В. В. Кропоткин. Список находок римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 267.

101. Талалаевский р-н (без указания места), Сумская обл. — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 173, № 653

102. Терны, Сумская обл., Ульяновский р-н — отдельные монеты

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463

103. Троица, Курская обл., Беседнинский р-н — клад.

Т. А. Горохов. Монетные клады Курской губернии. Изв. Курск. губ. общ. Краеведения, № 4, VII—VIII, 1927, стр. 39.

104. Федунка, Полтавская обл., Гоголевский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 158, № 474

105. Харенково, Полтавская обл., Гоголевский р-н — отдельные монеты.

В. В. Кропоткин. Список находок римских монет в Восточной Европе. ВДИ 1951, № 4, стр. 265.

106. Хитцы, Полтавская обл., Лубенский р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 463.

107. Харьков — отдельные монеты

Д. Я. Самоквасов. О происхождении русских и польских Славян и причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов. Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. [illegible]

108. Бывш. Харьковская губ. (без указания места) — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 183, № [illegible]

109. Бывш. Хорольский у. (без указания места) — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 161, № 514.

110. Чернигов — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 462

111. Бывш. Черниговская губ. (без указания места) — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, 203, №№ 1060—1063

112. Чернотич (Киреевка), Черниговская обл., Сосницкий р-н — клад.

Ф. С. Виноградский. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея. КСИА, вып. 5, Киев, 19[illegible], стр. [illegible]2.

113. Чоховка, Черкасская обл., Ирклеевский р-н — отдельные монеты.

Архив ИА, фонд АК, д. 74.

114. Чугуев, Харьковская обл. — отдельные монеты

В. Е. Данилевич, стр. [illegible]

115. Шестовица, Черниговская обл. и р-н — отдельные монеты.

В. Г. Ляскоронский, 1901, стр. 394.

116. Шишаки, Полтавская обл., Гоголевский р-н — отдельные монеты

М. Ю. Брайчевський, стр. 158, № 476.

117. Шмырево, Курская обл., Обоянский р-н — отдельные монеты

Д. Я. Самоквасов. Древнее городище в окрестностях с. [illegible], [illegible] уезда, Курской губернии. М., 191[illegible], стр. [illegible]

118. Юрьевка, Черниговская обл. и р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 202, № 1065

119. Яреськи, Полтавская обл., Гоголевский р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 158, № 477.

120. Яхники, Полтавская обл., Лохвицкий р-н — отдельные монеты.

М. Ю. Брайчевський, стр. 160, № [illegible]

III. ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I И НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Исследования памятников культуры «полей погребений» Левобережья, произведенные в последние годы, довольно убедительно показали, что оседлое население, оставившее эту культуру, обитало в области Левобережья не долее как до середины I тысячелетия, а точнее до рубежа IV—V вв.[1] Попытки некоторых исследователей удлинить время существования этой культуры до VI—VII вв. не нашли подтверждения.

Для середины и второй половины I тысячелетия и более поздней поры в области Левобережья известны археологические памятники совершенно иного облика. Время V—VII вв. характеризуется отдельными вещами и кладами, найденными случайно. Остатки поселений и могильников этой поры пока неизвестны.[2]

От VIII—X вв. сохранились две археологические культуры — салтово-маяцкая и роменско-боршевская, развившаяся позднее, в X—XIII вв., в древнерусскую культуру.[3] Каждая из этих групп отлична от другой не только по времени, но и по общему облику и территориальному размещению.

1. К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ V—VII вв.

Остатки многочисленных поселений и прилегающих к ним могильников, известные в литературе под именем культуры «полей погребений», довольно красноречиво свидетельствуют о том, что в начале нашей эры, а точнее в III—IV вв., в области Левобережья была широко распространена оседлость.[4] В последующее время, V—VII вв., эта картина, по-видимому, резко изменяется. Об этом можно заключить по полному отсутствию следов поселений и могильников данной поры. Но положение это в литературе оспаривается. Одни утверждают, что жизнь на многих поселениях культуры «полей погребений» продолжалась и в более позднее время, в V—VI и даже в VII вв., но никаких обоснований этому не дают.[5] Другие пытаются привлечь для доказательства существования оседлости в V—VII вв. такие источники, которые относятся ко времени не ранее VIII в. ([illegible] у сел Будки и Волынцево и у [illegible] Сосница) и, следовательно, никакого

[1] В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 37—39; Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 89, 90; ср.: Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, М., 195[illegible], стр. [illegible]0, 41, [illegible] и др.

[2] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 49[illegible]—49[illegible]; Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, М.—Л., 1949, стр. 85—90; Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 41, 42.

[3] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 7—41.

[4] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр. 7—32.

[5] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 2[illegible]1—241; М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 127—158.

отношения к решению данного вопроса не имеют.[6]

Широко было распространено в литературе и такое мнение, что к VI—VII вв. принадлежат основные слои поселений роменского типа. Последующие изыскания показали, однако, что это положение также не находит подтверждения и от этой мысли отказались.[7] Но исследователи не оставили поисков следов оседлости V—VII вв. Поиски продолжаются. Они идут разными путями: одни продолжают вести полевые изыскания, другие пытаются отыскать их путем логических умозаключений.[8] Однако успехами похвастаться пока нельзя. Все остается по-старому До сего времени не найдено ни одного поселения, ни одного могильника, которые с полной достоверностью можно было бы связать с этой порой, хотя отдельные вещи и целые комплексы вещей этого времени в области Левобережья давно известны. Это, во-первых, вещи с эмалью (V в.) и, во-вторых, так называемые древности антов (VI—VII вв.) (рис. 86).

Вещи с эмалью в области Левобережья немногочисленны и связаны, по существу, с одним районом — северо-западным углом. Здесь известно около десятка случайных находок вне поселений и могильников. Места находок этих вещей — песчаные дюны по берегам рек и озер. За пределами этого района в области Левобережья можно отметить лишь две находки — в верховьях р. Псла (у дер. Шмырово) и у г. Ахтырка[9] (рис. 86).

Вещи VI—VII вв. впервые были систематизированы А. С. Спицыным и названы древностями антов.[10] Позже, в 1949—1952 гг., Б. А. Рыбаков назвал их древностями русов.[11] Однако характер памятников от этого нисколько не изменился, по-прежнему это были случайные находки — отдельные вещи и клады. Ни в одном случае не представлялось возможности связать их с остатками поселений или могильников. Даже тогда, когда вещи были найдены в кургане (близ хут. Березовка), они оказались принадлежащими впускному погребению, т. е. были связаны с комплексом, имеющим случайный характер по отношению к могильнику, оставленному населением более ранней поры.[12] По-видимому, с впускным погребением следует связать и находку в кургане у с. Поставмуки. Судя по найденным в могилах вещам, могильник принадлежал скифскому времени. В кургане, где найдена двуглавая фибула, было два погребения. Кроме фибулы, в кургане обнаружены трехперая бронзовая стрелка, бронзовая булавка и глиняное пряслице. К сожалению, часть кургана обрушилась под обрыв и вместе с ней упало одно погребение. Вследствие этого не было возможности установить, в каком соотношении с погребенными находились выявленные при исследовании кургана отдельные вещи.[13]

Этот случайный характер находок вещей V—VII вв., их несвязанность с местами оседлости, едва ли можно отрицать. Он признается большей частью исследователей.[14]

Что же представляют собой вещи VI—VII вв. или так называемые антские древности? Бо́льшая часть их — украшения: фибулы, поясные бляшки, височные кольца, подвески различных форм, браслеты, бусы разные, трубочки пронизки, и т. д. Другие

[6] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, стр. 151, 152; ср.: И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 58—8.

[7] Б. А. Рыбаков. 1) Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 319—337; 2) Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВИ, 1952, № 9, стр. 55; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 121—136.

[8] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, М., 1955, стр. 61—82.

[9] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 149—192; М. Макаренко. Борзенські емалі и старі емалі Україні взагалі. Чернигів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, стр. 80—100; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси М., 1948, стр 46 57.

[10] А. А. Спицын. Древности антов, стр. 492—495.

[11] Б. А. Рыбаков. 1) Новый Суджанский клад антского времени, стр. 85—90; 2) Проблема образования древнерусской народности..., стр. 40—62.

[12] В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 427—433.

[13] Н. П. Авенариус. Полтавская губ. Поставмукские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896, стр. 178—187; ср.: Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 92.

[14] М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східніх слов'ян. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 28, 29; Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр 41, 52 и др.

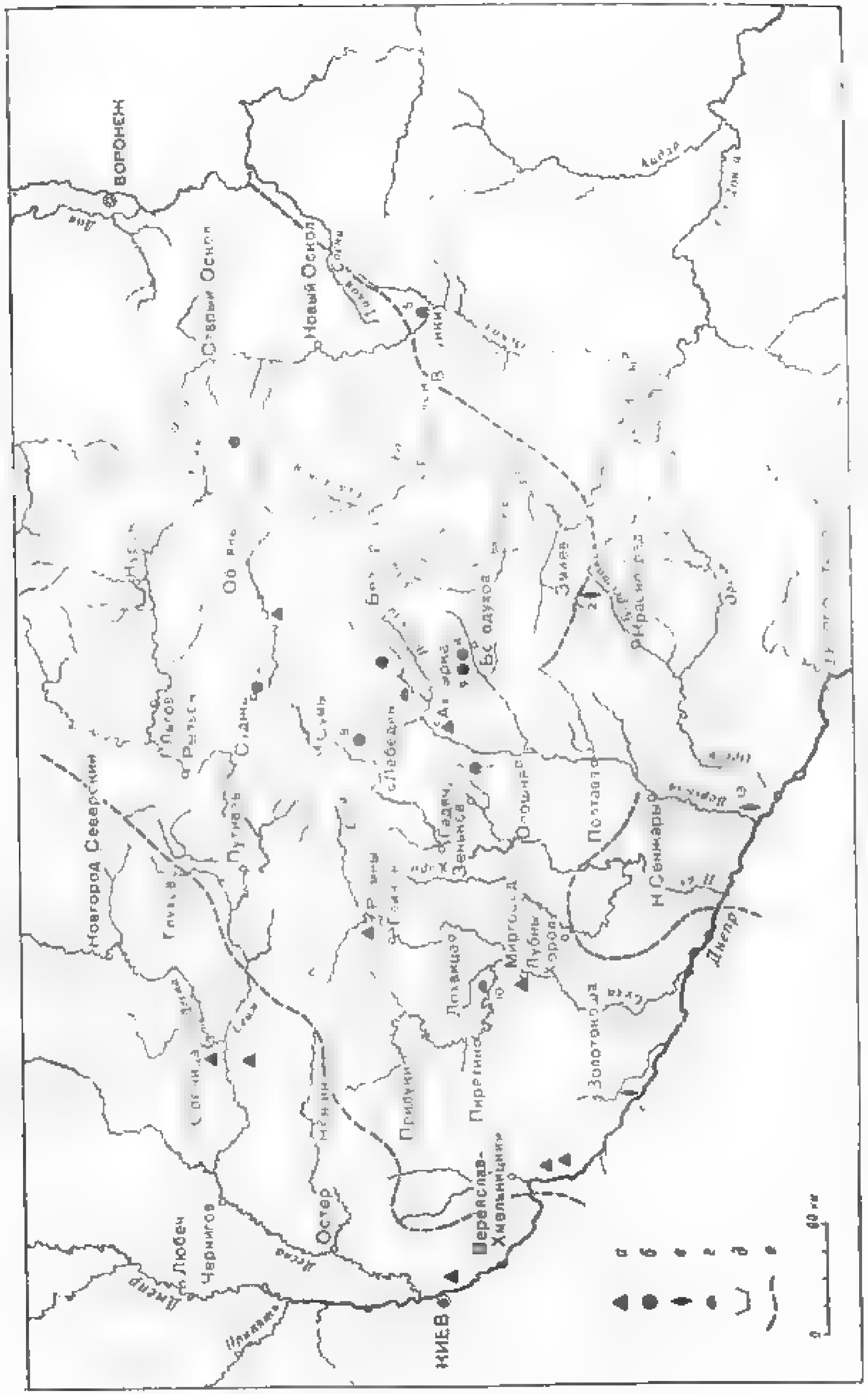


Рис. 86. Археологические памятники V—VII вв. н. э.
а — вещи с эмалью; б—д — древности антов (б — клады, в — отдельные находки, г — курганы, ... (бескурганные), е — граница лесостепи

вещи, как например оружие и бытовой инвентарь, представлены единичными экземплярами [15] (рис. 87).

Наиболее часты находки фибул, поясных бляшек и височных колец. Фибулы довольно разнообразны как по форме и материалу, так и по орнаментации. При всем этом их можно объединить в две группы — лучевые и антропо-зооморфные. Правда, это членение условное, ибо провести грань между ними очень трудно. Показательны в этом отношении попытки некоторых исследователей найти в них один эволюционный ряд,[16] рассматривая различия в форме и орнаментации как признаки временные. Не совсем уточнен вопрос хронологии фибул. Одни относят их к I—IV вв. н. э.,[17] другие к V—VII вв.,[18] причем фибулы, относимые первыми исследователями к наиболее ранней поре (рубеж нашей эры), датируются исследователями второй группы наиболее поздним временем (VI—VII вв.). В этом споре обоснованной датировкой, по-видимому, следует признать V—VII вв.

Лучевые фибулы распространены на довольно широкой территории. Помимо Левобережья, они есть на Правобережье,[19] в Крыму,[20] на юго-востоке,[21] на Оке [22] и в ряде других мест.[23] На Левобережье они найдены преимущественно в восточной части, в верховьях рр. Ворсклы, Псла и Оскола, в пограничье лесостепи и степи. Всего известно не более десяти точек.

Фибулы антропо-зооморфного типа в большей своей части обнаружены в области Среднего Поднепровья, преимущественно на Правобережье (Пастерское городище). Лишь небольшое число их найдено в Крыму и в бассейне р. Оки. На Левобережье известны четыре находки. Две из них — единичные вещи и две в виде кладов.[24]

Поясные бляшки и пряжки, как и фибулы, довольно разнообразны. Это разнообразие определяется, с одной стороны, их назначением, с другой — художественным вкусом. Среди них — наконечники поясов, Т-образные застежки, соединительные бляшки и др. Бляшки гладкие, прорезные. Поясные наборы этого типа распространены на еще более широкой территории, чем фибулы.[25]

Височные кольца этой поры — двух типов: браслетовидные и двуспиральные, очкообразные. Наиболее часто находят двуспиральные кольца. В настоящее время известно четыре пункта, где обнаружены такие кольца. Они расположены довольно компактной группой в юго-восточной части Левобережья. За пределами Левобережья подобные кольца в это время известны, кажется, лишь на Правобережье (Мартыновка) и в Прибалтике.[26] Правда, среди археологических материалов форма эта не но-

[15] А. А. Спицын. Древности антов, стр. 429—495.

[16] А. А. Спицын. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, М., 1899, стр. 385—387.

[17] Д. Н. Эдинг. Антропо-зооморфные фибулы Восточной Европы. Учен. зап. Инст. этнических и национальных культур народов Востока, т. II, М., 1930, стр. 124—155.

[18] Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 67, 68, 92 и сл.

[19] Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. IV, Киев, 1901, табл. V; Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. VI, Киев, 1907, табл. XIX, XX; А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. 3. СПб., 1901, табл. I

[20] Н. И. Репников. 1) Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 1—80, табл. VI, VII; 2) Некоторые могильники области крымских готов, ч. II. Зап. Одесск. общ. истории и древностей, т. XXVII, Одесса, 1907, стр. 101—104, табл. I.

[21] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, М.—Л., 1936, стр. 159—169

[22] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. XIV, В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности Труды МАО, т. 24, М., 1914, стр. 70, 133.

[23] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 24, табл. XVIII.

[24] Д. Н. Эдинг. Антропо-зооморфные фибулы Восточной Европы, стр. 124, 155; Архив ИА, ф. 5 (А. А. Спицын), № 334, лл. 82, 87

[25] В. В. Сахаров. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах, ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 127—134, рис. 19—22, табл. I; А. А. Миллер. Разведки на Черноморском Побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, СПб., 1909, стр. 91, рис. 22, Н. И. Репников. Некоторые могильники. . ., рис 64, 67, 71, 72, 75, табл. V; В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома. . ., стр. 70, 71; А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVI; А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 41, М.—Л., 1951, стр. 124—130, рис. 43, 45, И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. 50, М.—Л., 1953, стр. 89, 90, рис. 35, 1.

[26] A. Bezzenberger. Litauische Gräberfelder. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, Bd. 17, Konigsberg, 1892, стр. 147—150.

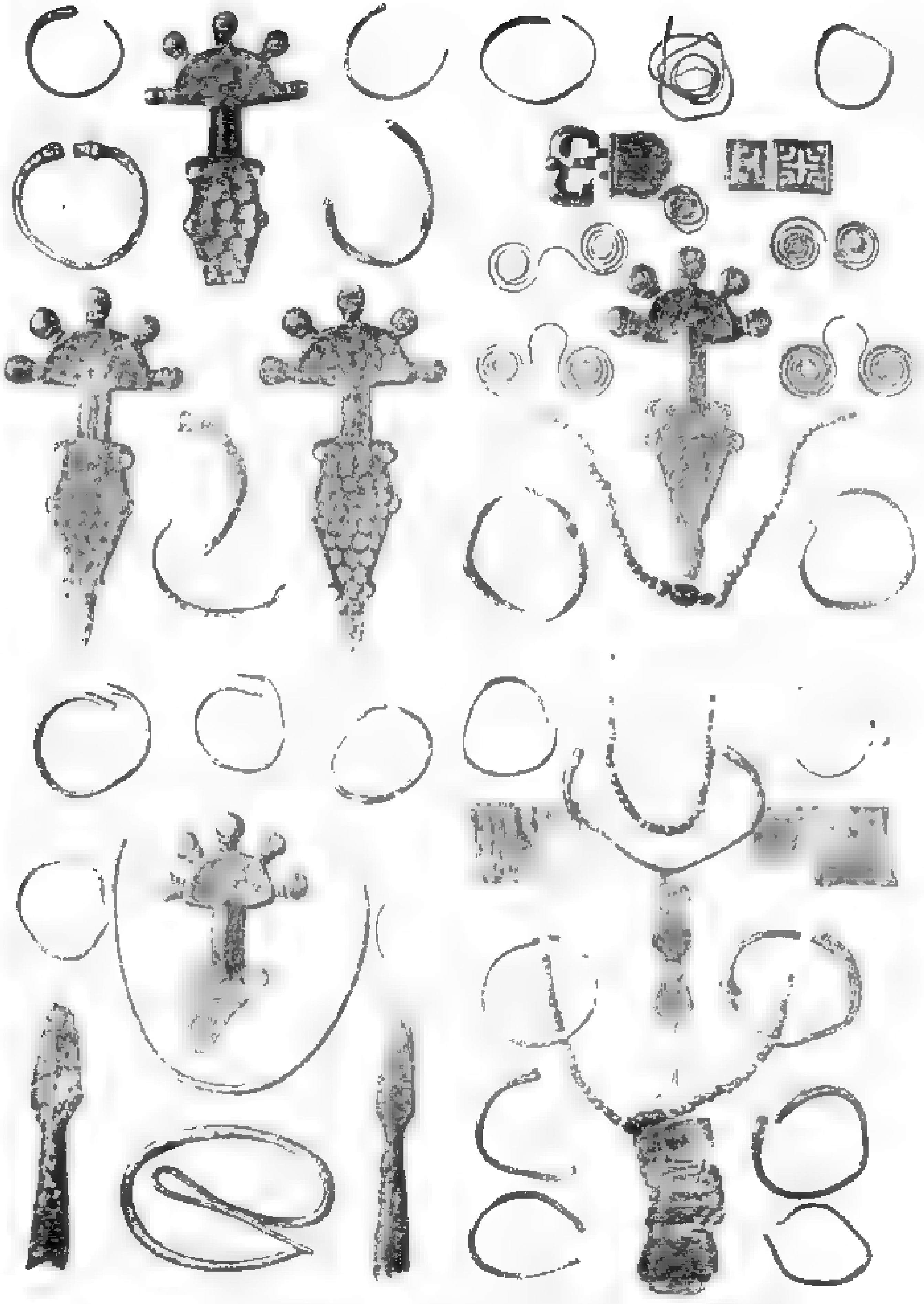


Рис. 87. Комплекс вещей VI—VII вв. («древности антов»). Колосковский клад (Фотоархив ИА, фонд А1).

вая. Аналогичные подвески были широко распространены уже в эпоху бронзы.[27]

На характеристике прочих вещей, относящихся к этой поре (браслетов, подвесок, бус, пронизок и др.), мы останавливаться не будем. Их общий облик более или менее известен по многократным описаниям А. А. Спицына, Б. А. Рыбакова и др.

Не будем также останавливаться здесь на характеристике некоторых «кладов», таких, как Перещепинский[28] и из Большого Каменца,[29] достаточно хорошо известных по своему составу, но спорных в отношении своей природы. Однако при анализе древностей V—VII вв. их следует иметь в виду. Они в какой-то мере помогут полнее раскрыть облик других находок этой поры.

В заключение необходимо сделать несколько общих замечаний о характере находок. Так, говоря о территории распространения вещей V—VII вв., нельзя не отметить одного весьма существенного обстоятельства. Если в области Среднего Поднепровья и, в частности, на Левобережье вещи V—VII вв. представляют случайные находки (в виде отдельных вещей или кладов), то за его пределами (на юго-востоке, в Крыму, на Оке и в других районах) их находят преимущественно в погребальных комплексах больших могильников этой поры. Это относится как к вещам с выемчатой эмалью, так и к «антским древностям».

Не менее любопытна и еще одна черта — наличие в составе кладов серий одинаковых вещей, целых и поломанных, и наряду с ними большого количества металлического лома, а в некоторых случаях просто слитков металла. К сожалению, значительная часть находок попадает к специалисту-археологу через вторые или третьи руки, после их открытия, если можно так выразиться, уже «в очищенном» виде, когда все «неинтересные и малозначащие» вещи или обломки оказываются выброшенными. Все же для понимания этой стороны кое-что сохранилось. Так, в Колосковском кладе (1895 г.) бросается в глаза несколько десятков целых и поломанных бронзовых браслетов и много обломков других вещей.[30] По-видимому, еще показательнее в этом отношении был один из Богодуховских кладов, попавший в 1920 г. в руки харьковского археолога А. С. Федоровского. В письме на имя А. А. Спицына после краткого перечисления вещей А. С. Федоровский отметил: «Клад имеет характер ювелирной мастерской, ибо наряду с целыми вещами много испорченных при отливке, также несколько слитков олова, одна фибула со следами починки и пр.».[31]

Нам думается, что отмеченные черты рассматриваемых археологических памятников заслуживают самого внимательного изучения, ибо без раскрытия их трудно понять природу этой категории «комплексов» и в первую очередь случайный характер находок, а также место этих памятников среди других.

А. Клады и находки отдельных вещей V—VII вв.[32]

1. Березовка, Харьковская обл., Грунский р-н — погребение.

В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда, Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 427—433.

2. Берестовенька, Харьковская обл., Красноградский р-н — отдельная находка.

М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I. Полтава, 1928, стр. 54, рис. 1.

3. Блажки, Полтавская обл., Зеньковский р-н — клад.

В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 147, 148

4. Козиевка, Харьковская обл. Краснокутский р-н — клад.

Архив ИА, ф. 5 (А. А. Спицын), д. 334, лл. 81—83.

5. Колосково, Белгородская обл. Валуйский р-н — клад.

ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 55.

6. Лебеховка, Черкасская обл., Золотоношский р-н — отдельная находка.

Архив ИА, ф. 5 (А. А. Спицын), д. 334, л. 73.

7. Мокна, Курская обл., Стрелецкий р-н — погребение (?).

Архив ИА, ф. 5 (А. Спицын), д. [illegible], л. 67.

8. Нижняя Сыроватка, Сумская обл., Ново-Дмитриевский р-н — клад.

ОАК за 1864 г. СПб., 1865, стр. XXIII.

9. Новая Одесса, Харьковская обл., Краснокутский р-н — (находка Кантемира?).

Архив ИА, ф. 5 (А. А. Спицын), д. 334, лл. 84, 85.

10. Поставмуки, Полтавская обл., Чернухинский р-н — погребение.

Н. П. Авенариус. Полтавская губ. Поставмукские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896, стр. 178—187.

11. Смородино, Белгородская обл., Грайворонский р-н — клад.

Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII М., 1953, стр. 59, рис. 10.

12. Суджа, Курская обл. — клад.

Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, М.—Л., 1949, стр. 75—90.

13. Тахтайка, Полтавская обл., Кобелякский р-н — отдельная находка.

Архив ИИМК, ф. 5 (А. А. Спицын), д. 334, л. 72

14. Угол, Курская обл., Яковлевский р-н — клад.

Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII, М., 1953, стр. 67.

2. САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ДРЕВНОСТИ

А. Общая характеристика памятников

Памятники салтово-маяцкой культуры в большей (основной) своей части находятся за пределами Левобережья — в бассейне р. Дона. Подробная характеристика этих памятников и место их среди других древностей Юго-Востока нами рассмотрены в специальной работе.[33] С исследуемой территорией они связаны лишь в той мере, в какой область верхнего течения р. Северского Донца является восточной (а точнее юго-восточной) окраиной Днепровского Левобережья в широком понимании (до р. Оскола включительно). Небезынтересно отметить, однако, что хотя с территорией Левобережья связана лишь небольшая группа салтово-маяцких древностей, тем не менее это наиболее яркие из известных нам памятников, причем в их число входит и могильник в с. Верхний Салтов, по имени которого названа и вся культура (рис. 88).

Здесь мы не намерены повторять всего того, что изложено в указанной работе, а на ее основе дадим лишь краткое, обобщенное описание этой группы памятников применительно к задачам настоящего исследования, причем в отдельных случаях при характеристике культуры мы используем материалы, относящиеся не только к Левобережью, но и к прилегающим районам (бассейна р. Дона).

Хотя памятники салтово-маяцкой культуры, как известно, отмечались в литературе и в какой-то мере даже исследовались еще в конце XIX в., по-настоящему они вошли в научный оборот, привлекли к себе внимание исследователей и получили свое наименование лишь с начала XX в., с момента открытия и исследования катакомбного могильника и городища в с. Верхний Салтов и ямного могильника близ хут. Зливки.[34] Открытие Верхне-Салтовского катакомбного могильника и близкого ему по инвентарю Зливкинского, хорошо датированных монетными находками и вещевыми комплексами, позволило разобраться в известных ранее, но «безликих» памятниках средневековья Юго-Востока. Однако основное внимание было сосредоточено все же на Салтовском могильнике. Объяснение этому следует искать, по-видимому, как в хорошей сохранности памятника, так и в своеобразии его облика —

табл. XIII; H. A. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 J. Chr., I. Tartu—Dorpat, 1929, табл. XI; ср.: Ardentliche Generalversammlung und Sitzung an 20 Nowember 1891. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, Bd. 17, Konigsberg, 1892, стр. 36—39.

[27] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XXXIV, 5, 6 и др.

[28] А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34, Пгр., 1914, стр. 111—120.

[29] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, 112, Л., 1934

[30] Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 66, рис. 12.

[31] Архив ИА, ф. 5 (А. А. Спицын), № 334, лл. 97 об., 98.

[32] Здесь дается перечень основных находок. Подробная сводка вещей V—VII вв. по литературным, архивным и музейным данным подготовлена к печати Г. Ф. Корзухиной в работе «К истории Среднего Поднепровья в V—VIII вв»

[33] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150.

[34] Там же, стр. 85—88.

катакомбном обряде захоронения и богатстве погребального инвентаря. Не было принято мер и к отысканию новых памятников этой культуры. За весь период со времени открытия верхне-салтовского комплекса древностей (могильника и поселения) до Октябрьской революции в бассейне р. Дона не было открыто новых памятников, относящихся к салтово-маяцкой культуре, между тем, как показали работы последующего времени, они плотным кольцом окружали Верхний Салтов. Исключительное внимание к Салтовскому могильнику, его обряду захоронения и могильному инвентарю, изучение его в отрыве от синхронных памятников, в первую очередь от непосредственно прилегающих к нему остатков поселения (городища и селища), не могло не отразиться на выводах о характере салтово-маяцкой культуры. Именно это было одной из причин того, что салтово-маяцкая культура вошла в научный обиход не как целостный комплекс во всем его многообразии (тип поселения, жилище, бытовой и хозяйственный инвентарь, обряд захоронения и т. д.), а лишь одной своей стороной, той, которая была связана с обрядом захоронения (могильником).[35] Это обстоятельство приводило к тому, что вещественные остатки иного типа (не могильные, а с поселений), принадлежащие той же салтовской культуре, относились, да иногда и сейчас относятся, к другим культурам.

В послеоктябрьский период изучение салтово-маяцких памятников длительное время продолжало носить случайный характер. Работы велись, главным образом на р. Дону и по среднему и нижнему течению р. Северского Донца. Это были преимущественно разведки. В результате работ был открыт ряд новых памятников, в том числе и поселений. На некоторых ранее известных поселениях были произведены небольшие раскопки, позволившие полнее воссоздать облик салтово-маяцкой культуры.[36]

Более регулярные исследования салтово-маяцких памятников развернулись в послевоенные годы. В области Левобережья эта работа проводилась Днепровской левобережной экспедицией, а также Кафедрой археологии Харьковского государственного университета.[37] На нижнем Дону большие работы были произведены Волго-Донской экспедицией. Ряд поселений в этом районе был подвергнут раскопкам.[38]

В результате всех этих работ наши знания о салтово-маяцкой культуре значительно расширились: изменились представления о территориальных границах размещения памятников, полнее раскрылся облик культуры. Все это позволило установить, что памятники, известные в литературе под именем салтово-маяцких, представляют далеко не единое целое.[39]

Остатки салтово-маяцкой культуры дошли до нас в виде разнообразных памятников — поселений (городищ и селищ), могильников (катакомбных и ямных), случайных отдельных вещей и комплексов их. Все три категории памятников известны и в области Левобережья. Самую большую группу памятников составляют поселения. В области Левобережья их насчитывается более двух десятков. По внешнему виду поселения неодинаковы. Среди них есть укрепленные (городища) и неукрепленные (селища). Последние встречаются как в комплексах с укрепленными, так и вне связи с ними, совершенно самостоятельно.

Укрепленные поселения по характеру оборонительных сооружений не были одинаковыми. Сохранившиеся остатки позволяют заключить о существовании у салтовцев двух типов укреплений: 1) со стенами из камней или самана, 2) с земляными валами. В области Левобережья известен лишь один тип укреплений — со стенами из

[35] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, М.—Л., 1951, стр. 14—30. Существенно отметить, что даже в этой работе, написанной в наши дни, автор вынужден был говорить о салтовской культуре на основе материалов, относящихся преимущественно к могильникам.

[36] М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, М.—Л., 1940, стр. 130—165.

[37] І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306; Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. Труди Історичного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького, т. 7, Харків, 1959, стр. 242. К сожалению, результаты работ Харьковского университета пока не нашли полного отражения в печати.

[38] И. И. Ляпушкин. 1) Карнауховское поселение. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 263—314; 2) Средневековое поселение близ ст. Суворовской. Там же, стр. 323—336.

[39] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 85—1[illegible]0.

камней. Поселения этого типа расположены на мысах высоких коренных берегов рек, крутые, малодоступные склоны которых являлись хорошей естественной защитой. Стены укреплений, опоясывающие поселения по всему периметру, были довольно мощны. С внешней стороны к стенам примыкал ров. В плане укрепления имеют преимущественно трапециевидную форму, что, по-видимому, обусловливалось конфигурацией площадок мысов, на которых размещались эти поселения. Размеры их колеблются в среднем в пределах 150 × 150 м. Такой более или менее единообразный характер укрепленных поселений для салтовской культуры, по-видимому, не случайное явление, а результат установившегося строительного приема, выработанного в процессе длительного опыта. Этот вывод довольно убедительно подтверждается материалами, добытыми нами при изучении двух укрепленных поселений — у с. Мохнач (р. Северский Донец) и у дер. Добрая (р. Корона). Оба эти поселения возникли на местах укрепленных поселений (городищ) скифского времени (подчеркнуто[illegible] типа). Хотя в момент возникновения этих поселений земляные укрепления (валы и рвы) скифской поры имели хорошую сохранность, подтверждением чего является их сегодняшнее состояние, и могли быть использованы в качестве оборонительных сооружений, салтовцы возводят на местах древних укрепленных поселков новые оборонительные сооружения охарактеризованного выше типа — в виде каменных стен по всему периметру. С подобным отношением к наследию прошлого мы столкнулись и при изучении укрепленных поселений ранних славян VIII—X вв.[41] И там в тех случаях, когда планировка и система древних укреплений не отвечали формам укреплений, выработанным у славян, эти остатки древних укреплений не использовались, а вместо них рядом же сооружались новые (см. ниже).

Около большей части укрепленных поселений находятся остатки неукрепленных поселков (селища). Они расположены или у самых стен укрепления (Салтовское, Архангельское), или в некотором отдалении от них. Последнее, по-видимому, связано с отсутствием непосредственно у стен укрепления удобной площадки для размещения поселка (дер. Добрая). По размерам неукрепленные части поселений значительно превышают укрепленные. Их протяженность измеряется не одной сотней метров, а поселок около Салтовского городища имеет протяженность более километра.

Долгое время считалось, что для салтово-маяцкой культуры характерны поселения укрепленного типа. Этот вывод был обусловлен тем обстоятельством, что специальных поисков мест древних поселений на Юго-Востоке до 20-х годов нашего столетия не велось и в поле зрения археологов естественно попадали лишь те памятники, которые имели ясно выраженные на земле признаки, позволяющие легко распознать их. Остатки укрепленных поселений — городища — и являлись такими памятниками. Они с давних пор бытовали в среде у местного населения и через него становились известными и археологам. Многие из этих городищ были отмечены в письменных источниках XVII—XVIII вв. В частности большая группа городищ салтово-маяцкой культуры по р. Северскому Донцу (Нетайловское, Салтовское, Кабаново, Маяцкое и др.) упоминается в «Книге Большому Чертежу».[40]

Полевые изыскания в послеоктябрьский период показали, что среди памятников салтово-маяцкой культуры наряду с городищами широко распространены

[40] Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. С[illegible], Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70, 71. В [illegible] опубликованной статье С. А. [illegible] (Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, М., 1960, стр. 3—20) утверждается, что обследование городищ, упоминаемых в «Книге Большому Чертежу», было произведено лишь в 1950 г. (стр. 3). Не знаем в силу каких причин, но в работу С. А. Плетневой вкралась досадная ошибка. Мы не говорим уже о том, что многие из упомянутых ею городищ неоднократно обследовались местными краеведами и исследователями и в дореволюционное время, и в наши дни (например Волчанское, Салтовское, Хорошевское, [illegible] и др.). В 1947—1948 гг. Днепровская левобережная археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и ИА АН УССР провела систематические разведки в верховьях р. Северского Донца и обследовала все сохранившиеся городища, упомянутые в «Книге Большому Чертежу», определив их культурно-хронологический облик. Результаты этих исследований опубликованы в ряде работ, которые С. А. Плетнева прекрасно знает (см., например: І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 8[illegible]—1[illegible] и др.).

имеют и селища, стоящие вне связи с городищами Впервые селища этого типа были обнаружены в 20-х годах при обследовании случайно открытых могильников салтово-маяцкой культуры у хут. Подгоровка [41] и у дер. Залиманье.[42] В настоящее время число известных селищ значительно превышает число городищ. Это соотношение наблюдается как на всей территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры, так и в области Левобережья.

Остатки неукрепленных поселений (селищ) в большой части не имеют ясно выраженных наземных признаков. О их местоположении можно судить лишь по выступающим на поверхности культурным остаткам — черепкам глиняной посуды, костям животных, углям и т. п. Чаще всего эти остатки обнаруживаются в обрезах промоин, оврагах и других естественных обнажений, а также при вспашке поверхности плугом. Лишь на немногих селищах встречаются своеобразные наземные опознавательные знаки, свидетельствующие о существовании здесь древнего поселения. Мы имеем в виду курганообразные сорные кучи — зольники. Такие зольники были обнаружены в районе нижнего Дона на селищах у хуторов Крутой и Ближний Подгорский [43] На территории Левобережья зольники на селищах салтовской культуры пока неизвестны.

Селища расположены по берегам рек, преимущественно на надпойменных террасах и более или менее пологих склонах коренных берегов, переходящих в надпойменную террасу. В этом отношении они резко отличны от описанных нами городищ. Размеры селищ определяются очень трудно, поскольку они не имеют наземных признаков, а проследить территорию по культурным отложениям без проведения раскопок дело довольно сложное. Часто места древних поселений заняты современными постройками или обрабатываются под посевы. Иногда они просто задернованы. Однако при всей неполноте собранных исследователями данных есть основание сделать вывод, что поселения были довольно значительных размеров. Укажем, например, что культурные отложения поселения у хут. Сидорова (среднее течение р. Северский Донец) прослеживаются на площади около 400×500 м, на поселении у ст. Суворовской (среднее течение р. Дона) — на площади около 300×700 м, на поселении у с. Голубовка (среднее течение р. Оскола) — на площади около 150×500 м и т. д. Факты эти довольно красноречивы. Следует обратить при этом внимание на то, что перечисленные нами точки характеризуют не один какой-либо район территории салтово-маяцкой культуры, а участки, отстоящие друг от друга на сотни километров Весьма любопытной чертой этих поселений является то, что в подавляющей массе они однослойны Лишь изредка мы находим в качестве подстилающего слоя отложении эпохи бронзы

Переходя от общей характеристики внешнего облика поселений (городищ и селищ) к характеристике материалов, добытых при полевых изысканиях, следует отметить, что бо́льшая часть раскопок салтово-маяцких поселений была проведена не с целью изучения данной культуры как таковой, а связана с задачами преимущественно историко-географического плана (поисками остатков крепости Саркел и других хазарских поселений). Это обстоятельство не могло не отразиться как на выборе объектов исследования, так и на постановке раскопочных работ. Наибольшее внимание было сосредоточено на районе нижнего и среднего течения р. Дона. В области Левобережья раскопки поселений почти не производились. Только в последние годы здесь были сделаны первые шаги в этом направлении. И все же следует признать, что в настоящее время накопилось столько материалов, что есть возможность воссоздать общий облик салтово-маяцкой культуры

Среди материалов, открытых раскопками, в первую очередь необходимо отметить жилые и хозяйственные постройки, а также сооружения производственного назначения.

Остатки жилых построек обнаружены почти при всех раскопках, хотя не всегда правильно поняты. По этим данным, основным видом жилищ на поселениях салтово-маяцкой культуры являются полуземлянки. По форме полуземлянки двух типов — прямоугольные и округлые

[41] Архив ИА, фонд ГАИМК, д. 238/1926 г., л 11

[42] Н. В. Сибилев Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, стр. 18.

[43] И. И. Ляпушкин Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища МИА, № 62, М.–Л., 1952, стр 257, 258

Полуземлянки первого типа дошли до нас в их нижней, углубленной в землю части, в виде прямоугольных в плане ям глубиной около 1 м. Размеры их колеблются в пределах 3—4.5×3—5 м. Устойчивости в ориентации не наблюдается. Пол материковый, хорошо утрамбованный, стены отвесные. Остатков опалубки стен из дерева или других материалов не замечено. В полу некоторых жилищ обнаружены хозяйственные ямы — погреба. Форма их колоколовидная. В центре жилища или в одном из углов находится очаг довольно примитивного устройства. Как правило, он открытый, по краям обложен камнями и черепками или углублен в пол. Кровля жилища покоилась, по-видимому, на столбах. Расположение столбов и количество их отчетливо прослеживаются по столбовым ямкам в полу жилища. Число их от 2 до 6. Характерной чертой в постановке столбов является заделка их в пазы подлицо со стенами жилища Очень мало данных для восстановления входа. Лишь в двух случаях обнаружены входные ступеньки, вырезанные в материковых стенках полуземлянки (жилище № 1 Карнауховского поселения и жилище № 1 Суворовского поселения).

В целом салтово-маяцкие полуземлянки первого типа очень близки одновременным с ними полуземляночным жилищам славяно-русских поселений лесостепной полосы, юго-восточная граница распространения которых вплотную примыкает к границам поселений салтово-маяцкой культуры, а в отдельных районах поселения той или другой культуры перемежаются. Есть, однако, одна черта, которая резко отличает славянские полуземлянки от полуземлянок салтово-маяцких, — это наличие в первых печей со сводами. Печи эти бывают или глиняными, или каменными. Как правило, они сооружались в одном из углов жилища (см. ниже). Эта черта славянских жилищ довольно устойчива для всей лесостепной полосы от Дона до Днестра и далее на запад до Моравии. В полуземлянках салтово-маяцкой культуры печей подобного типа обнаружено до сих пор не было, там имеются только открытые очаги. Правда, иногда такие очаги, размещенные в углах и обложенные камнями, имеют и устье, но сводов все же нет. Насколько верны эти наблюдения, покажет дальнейшее изучение памятников.

Данная характеристика прямоугольных полуземляночных жилищ дается на основе материалов, полученных при раскопках поселений нижнего и среднего течения р. Дона. В области Левобережья отчетливо выраженных остатков таких полуземлянок до последнего времени мы не знали, хотя косвенные данные о их существовании известны давно (Волчанское городище, селище у хут. Подгоровка).[44] Лишь в 1948 г. на Салтовском селище при раскопках обнаружено полуземляночное жилище. К сожалению, подробной публикации материалов пока нет.[45]

Полуземлянки второго типа (округлые) отличаются от прямоугольных не только по форме, но и по размерам. Они значительно меньше [illegible] диаметр их [illegible] м при глубине около 0.5 м. Очаги в них открытые, еще более примитивные, чем в полуземлянках первого типа, [illegible]. Как правило, они расположены в центре полуземлянок или близко к нему. Пол глиняный, хорошо утрамбованный. В некоторых жилищах в полу имеются хозяйственные ямы — погреба. Об устройстве наземной части судить очень трудно. Лишь исходя из округлой планировки углубленной части жилища и расположения очага в центре его, можно предполагать, что наземная часть была конусообразной, вида юрты. Полуземлянки второго типа известны лишь в районе нижнего течения р. Дона. В области Левобережья они пока не обнаружены.

На поселениях салтово-маяцкой культуры открыты остатки прямоугольных полуземляночных построек и построек хозяйственного назначения Наиболее отчетливо остатки их выступают на поселении у хут. Карнаухова, но они, по-видимому, есть и на других, в частности на Маяцком Это прямоугольные ямы, глубиной до 1 м, размером от [illegible] 5 м до 3–3.5 [illegible] 10–14 м Весьма характерной чертой их является отсутствие очажных сооружений Своеобразен и пол: в основе своей он материковый, но настолько испещрен втоптанными в него темными компонентами, что

[44] В. А. Бабенко. Волчанское городище Труды Харьковск комиссии по устройству XIII АС в Екатеринославе Сборн. Харьковск историко-филологич. общ., 16, Харьков, 1905, стр. 353–357; Архив ИА, фонд ГАИМК, д. 238 1926 г., л. 11.

[45] Б. А. Шрамко Керамiка салтiвськоi культури, стр. 244, 245.

приобрел мраморовидный характер. Поверхность его неровная. Посредине пола или вдоль стены, почти через всю длину, проходит неглубокая, узкая канавка. Столбовые ямки, обнаруженные в некоторых сооружениях, свидетельствуют, что покрытие покоилось на столбах. Постройки этого типа имеют довольно выдержанную ориентацию все они вытянуты по длинной оси в направлении СВ—ЮЗ. Устойчиво и их размещение на поселении как правило, каждая такая постройка расположена около жилища составляя с ним единый жилищно хозяйственный комплекс.[46]

Вторую группу углубленных в землю хозяйственных построек составляют хозяйственные ямы — погреба. В плане они округлые, причем нижний диаметр, как правило, несколько больше верхнего, что придает ямам колоколовидную форму. Размеры их самые разнообразные. Некоторые из них достигают 1.5—2 м глубины и таких же диаметров. Они обнаружены как внутри жилищ, так и за их пределами. Хозяйственные ямы открыты на всех поселениях, где производились раскопки. Наиболее вероятно, что такой же обычной хозяйственной ямой является так называемая гончарная печь, открытая В. А. Бабенко при раскопках Салтовского городища.[47]

Наряду с полуземляночными жилищно-хозяйственными постройками на поселении салтово-маяцкой культуры обнаружены следы наземных сооружений. Остатки каменных зданий были открыты на Правобережном Цимлянском, а также на Маяцком городищах, но в обоих случаях исследование доведено до конца не было и облик построек остался неясным.[48]

Также не совсем ясен характер и другой группы наземных сооружений, открытых на Карнауховском поселении, в неукрепленной его части. От них сохранились развалы стен в виде обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростникового каркаса, неглубокие канавки в виде замкнутых прямоугольников со слегка закругленными углами, служившие, по-видимому, пазами для установки камышового каркаса стен, и ямки от столбов, поддерживавших крышу. В некоторых сооружениях сохранились остатки очагов. Размеры построек этого типа достаточно большие — 4—5.5×5—8.5 м.[49] В области Левобережья такие постройки пока не обнаружены.

На некоторых поселениях нижнего течения р. Дона найдены остатки гончарных обжигательных печей (Суворовское, Саркел).[50] В свое время о наличии гончарных печей на поселениях салтово-маяцкой культуры писал В. А. Бабенко, основываясь на материалах раскопок Салтовского городища. Изучение этих материалов показало, однако, что заключение В. А. Бабенко было ошибочным. Находка нескольких глиняных сосудов (амфор) в обычной хозяйственной яме-погребе им была принята за... гончарную печь.[51]

В области Левобережья можно отметить лишь одну находку гончарной печи, к тому же далеко за пределами территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры. Это гончарный горн, случайно открытый крестьянами с. Мачухи (недалеко от г. Полтавы) и обследованный Н. Е. Макаренко.[52]

Богатый материал, характеризующий облик салтово-маяцкой культуры, обнаружен при исследовании могильников. Могильники этой культуры не имеют наземных признаков, вследствие чего отыскать их очень трудно. Их известно немного более десятка, причем почти все они находятся в области Левобережья. Салтово-маяцкой культуре свойственны два вида могильных сооружений — катакомбный и ямный. Обряд погребения в обоих видах могил — трупоположение. Антропологический тип по-

[46] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 40, 41; И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение, стр. 285—301.

[47] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Труды XV АС, т. I, М., 1914, стр. 467—470; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 102, 103.

[48] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Труды VI АС, т. IV, Одесса, 1889, стр. 278; А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, СПб., 1909, стр. 154; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 12—17.

[49] И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение, стр. 265—285.

[50] И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской, стр. 331—336.

[51] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 102, 103.

[52] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов, стр. 116—118.

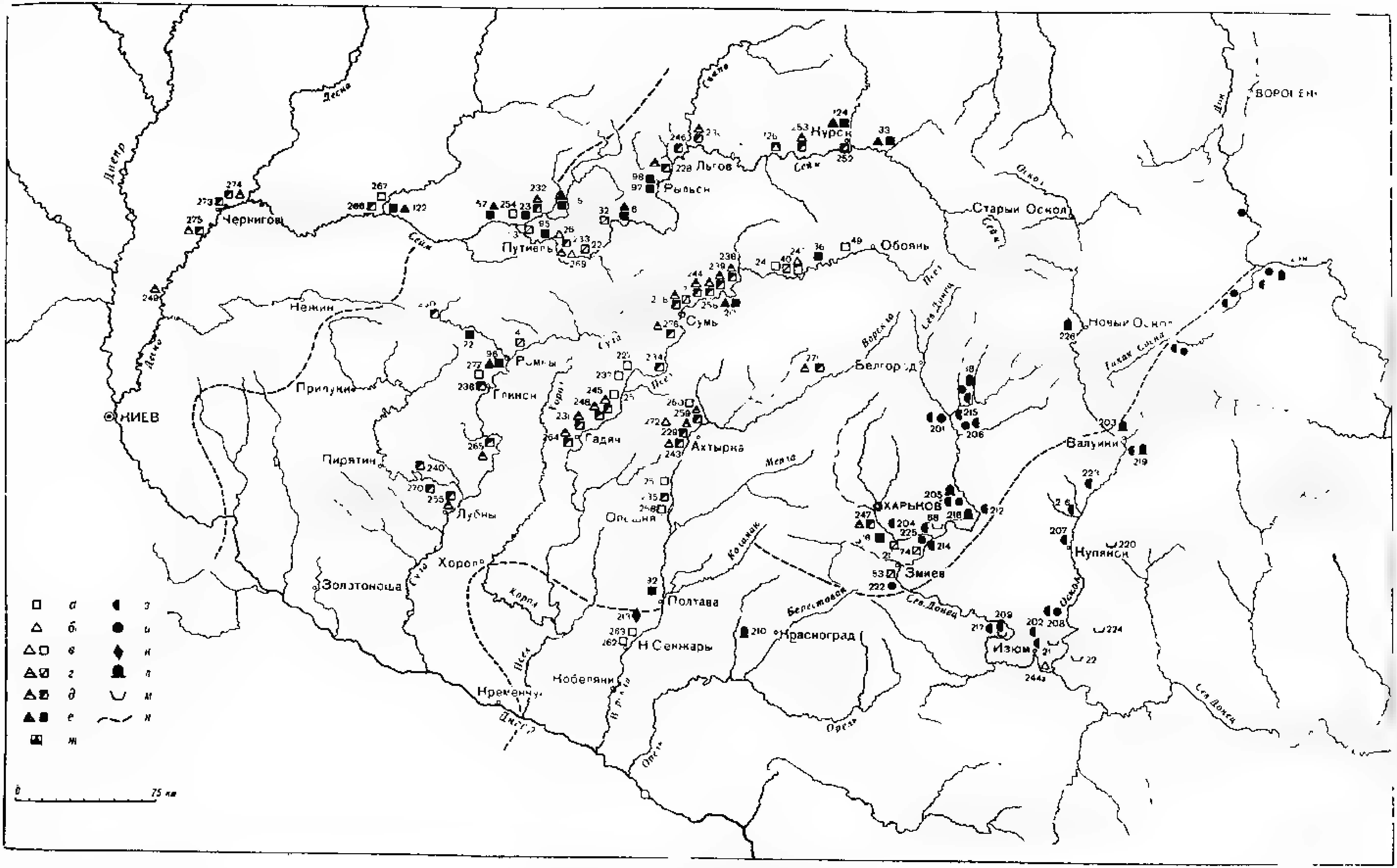


Рис. 88 Археологические памятники VIII X вв.

а — городища, б — селища в — славянские памятники VIII—X вв., г — славянские памятники VIII—X вв. на местах поселений скифского времени, д — славяно-русские памятники VIII—XIII вв., е — славяно-русские памятники VIII—XIII вв. на местах поселений скифского времени, ж — славяно-русские памятники VIII—XIII вв. на местах поселений культуры «полей погребений» черняховского типа, з — селища салтово-маяцкие; и — городища салтово-маяцкие; к — отдельные находки салтово-маяцкой культуры, л — катакомбные могилы салтово-маяцкие; м — ямные могилы салтово-маяцкие; н — граница лесостепи

гребенных в катакомбах — длинноголовый, а в ямах — короткоголовый.

Погребальный инвентарь в тех и других могилах совершенно одинаков. Только в катакомбных могилах он, по-видимому, более богат. Могильники с катакомбным обрядом захоронения территориально размещены преимущественно вдоль границы лесостепи и степи, могильники с обрядом захоронения в ямах — к югу от них. Наиболее хорошо изученным катакомбным могильником является Салтовский,[53] а могильником с захоронениями в ямах — Зливкинский.[54]

Во время проведения раскопочных работ на поселениях и могильниках найдено много вещей из металла, камня, стекла, глины и др., характеризующих облик салтово-маяцкой культуры. Самую многочисленную группу находок составляет керамика. Особенно много ее на поселениях. Собранные при исследовании поселений материалы показывают, что существовавшее представление о салтово-маяцкой керамике, сложившееся на основе данных, добытых при исследовании могильников, неполно; оно отражало лишь одну сторону керамического комплекса, весьма богатого и разнообразного как по формам сосудов и их назначению, так и по технике производства. При всем многообразии форм керамика салтово-маяцкого комплекса по своему назначению в быту может быть сведена к трем основным группам: 1) кухонные сосуды; 2) сосуды для хранения продуктов; 3) столовые сосуды[55] (рис. 89).

[53] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 465—491; С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 112—137.

[54] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211—213, 250—260.

[55] В недавно опубликованной статье Б. А. Шрамко «Кераміка салтівської культури...», написанной на основе материалов, относящихся к памятникам бассейна Северского Донца (главным образом верхнего его течения), дается детальная характеристика салтовской керамики. Очень жаль, что автор не выдержал принципа классификации. За основу выделенных им семи групп в одних случаях принято назначение сосудов (например, I группа — кухонная посуда), в других — форма (II группа — глечики), в третьих — размеры (IV группа — большие сосуды для хранения сухих продуктов питания) и т. п.

Группа кухонных сосудов включает ряд типов. Наиболее распространенные из них горшкообразные сосуды. По общему облику горшкообразные сосуды напоминают древнерусские горшки X—XIII вв. Однако это только кажущееся сходство. Изучение показывает, что в деталях (профилировка венчика, размещение орнаментации и т. п.) сосуды существенно различаются друг от друга; самое же главное — салтово-маяцкие сосуды этого типа хронологически предшествуют древнерусским.

Горшкообразные сосуды — наиболее распространенный тип среди керамических остатков салтово-маяцкой культуры. Они обнаружены на всех поселениях, независимо от того, производились ли на поселении раскопки или только внешнее обследование. Известны эти сосуды и среди материалов могильников. В катакомбных могильниках они составляют лишь незначительный процент по отношению к сосудам других типов. В ямных погребениях (например, Зливкинский могильник) горшкообразные сосуды преобладают.

Весьма своеобразным типом кухонной посуды являются сосуды с внутренними ушками. Форма их также довольно устойчивая, но существенно отличающаяся от формы горшков.

Сосуды с внутренними ушками в количественном отношении значительно уступают кухонным горшкам. Они обнаружены на многих поселениях, но далеко не на всех. В частности, неизвестно, имеется ли этот тип сосудов на таких поселениях, как Салтовское и Маяцкое, где производились раскопки. Объясняется это отчасти тем, что в дореволюционных раскопках указанных поселений керамическим остаткам не уделялось должного внимания; это подтверждается отчетами, опубликованными исследователями данных памятников.[56] О раскопках наших дней известно лишь по кратким информациям.[57]

Есть еще один тип сосудов, который, по-видимому, следует отнести к группе ку-

[56] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов, стр. 14, 17, 25—27, 34—43; И. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры..., стр. 467—470.

[57] Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури..., стр. 242, 2..

ховной посуды, — это сковородки. Как и сосуды с внутренними ушками, они обнаружены на многих, но далеко не на всех поселениях. В частности, они не найдены пока и в области Левобережья.

Посуда второй группы, для хранения продуктов, как по формам, так и по технике изготовления значительно разнообразнее. Со стороны формы сосуды этой группы членятся на две большие подгруппы — сосуды с широким горлом (пифосообразные) и сосуды с узким горлом (кувшинообразные).

Наиболее распространенным типом пифосообразной посуды являются сосуды, по форме напоминающие кухонные горшки, имеющие совершенно такое же соотношение между отдельными своими частями, но отличающиеся бо́льшими размерами, — объем их следует измерять не литрами, а ведрами. Как и кухонные горшки, сосуды этого типа имели очень широкое распространение. Обломки их найдены почти на всех поселениях, независимо от того, производились ли там раскопки или же только внешний осмотр.

Вторым типом этой подгруппы являются сосуды, по форме и технологии несколько отличные от охарактеризованных выше. Они имеют широкий, плоский, горизонтально отогнутый венчик, образующий невысокую, но отчетливо выраженную шейку, переходящую в почти горизонтальные плечики.

Остатки сосудов этого типа встречаются сравнительно редко, но почти во всех районах распространения салтово-маяцкой культуры, в том числе и в области Левобережья. Обращает на себя внимание большая близость этих сосудов как по форме, так и по технологическим свойствам с сосудами культуры «полей погребений» черняховского типа (см. выше).

Кувшинообразные сосуды для хранения продуктов в салтово-маяцком керамическом комплексе известны пока в виде двух типов: 1) трехручные кувшины, 2) яйцевидные амфоры.

Трехручные кувшины являются, пожалуй, наиболее крупными из всех сосудов, известных нам в составе керамического комплекса этой культуры. Высота их достигает 0.70 м, при наибольшем диаметре корпуса около 0.50 м. Судя по находкам, они были широко распространены. В области Левобережья они найдены на Салтовском поселении, а также в гончарной печи у с. Мачухи (Полтавская область).

Яйцевидные амфоры резко выделяются из состава керамического комплекса как своей формой, так и технологией изготовления. Сосуды этого типа не являются составной частью только салтово-маяцкого комплекса. Они имеют более широкое распространение — их много в Крыму, на Кавказе и в ряде других районов. Это, по-видимому, импортная тара, попадавшая на юго-восток при перевозке масла, вина и других продуктов. На поселениях салтово-маяцкой культуры остатки этой посуды представлены неравномерно. В одних случаях их очень много, в других нет совершенно. Такая картина свойственна для всех районов бассейна р. Дона.

Среди керамических остатков, найденных при раскопках и обследованиях поселений, имеются обломки, принадлежащие каким-то большим кувшинообразным сосудам и иных форм, но, к сожалению, восстановить их пока нет возможности.

Третью группу сосудов составляет так называемая столовая посуда. Среди материалов поселений она представлена недостаточно ярко. Сохранившиеся остатки малочисленны и невыразительны. Больше найдено столовой посуды в могилах. Формы сосудов этой группы довольно разнообразны: миски, кувшины, кружки и т. п. Лучше всего известны кувшины. Наиболее распространенным их типом являются невысокие одноручные кувшины шаровидной или близкой формы, со сравнительно узким цилиндрическим горлом (хорошо выраженным сливом). Значительный процент этих сосудов имеет очень характерное широкое дно, придающее кувшину приземистый характер. Этот тип сосудов наиболее распространен среди погребального инвентаря катакомбных могильников. В литературе они известны под именем салтовских в собственном смысле этого слова; их считают наиболее широко распространенным типом в керамическом комплексе салтово-маяцкой культуры. Материалы поселений в корне опровергают это положение

Миски известны значительно хуже. Формы их, судя по обломкам, по-видимому, также довольно разнообразны. Имеются миски, напоминающие деревянные резные чашки с вертикальными, слегка выпуклыми стенками и плоским дном. Есть круглодонные миски, а также напоминающие современные пиалы. К сожалению, бо́льшая часть

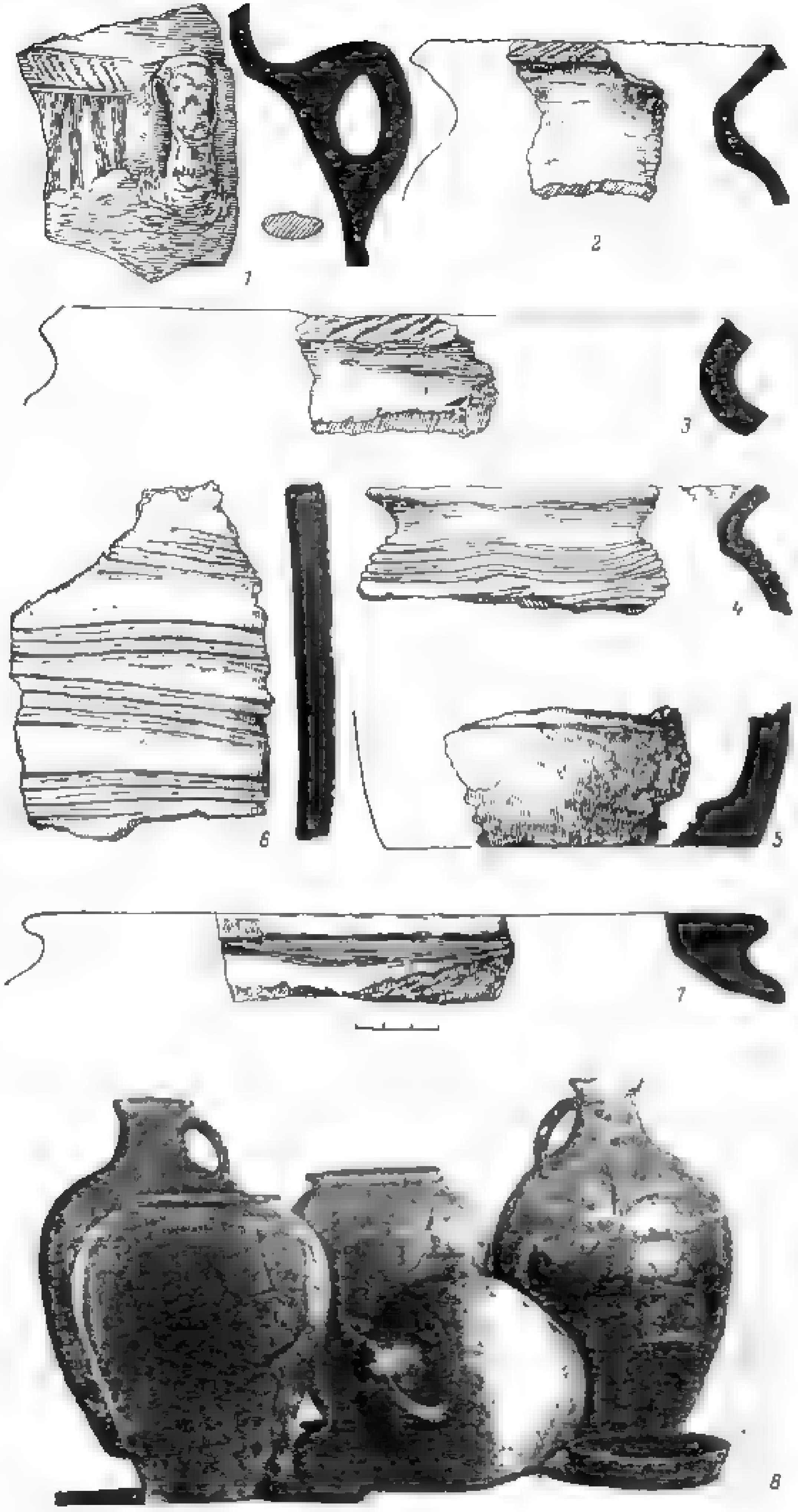


Рис. 89. Керамический комплекс салтово-маяцкой культуры.
1—7 — Волчанское городище; 8 — Карнауховское поселение.

этих сосудов найдена в виде небольших обломков.

Несколько слов о «кру́жках». Под этим термином вошли в литературу небольшие одноручные сосуды довольно разнообразных форм, представляющие собой, вернее, широкогорлые кувшинчики, чем кру́жки в нашем понимании слова. Как и кувшины, кру́жки богаче представлены в составе материалов могильников, чем в материалах поселений.

Данная нами характеристика глиняной посуды далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия керамики, бытовавшей у населения, оставившего салтово-маяцкую культуру. Не говоря уже о том, что значительное число форм пока не представляется возможным восстановить вследствие недостаточности имеющихся остатков, есть ряд хорошо известных типов, которые трудно связать с какой-либо из трех рассмотренных групп. К их числу следует отнести, например, фляги или баклажки.

В заключение характеристики керамики необходимо сказать несколько слов о технике ее производства. Не вызывает никакого сомнения то, что подавляющая масса сосудов изготовлялась на гончарном круге. Это положение находит подтверждение в материалах как поселений, так и могильников. Бесспорно и то, что какая-то часть сосудов — лепные. Последние наиболее отчетливо выступают в памятниках, расположенных в пограничной полосе лесостепи и степи, т. е. в области Левобережья. В каком соотношении находятся эти две группы сосудов — сосуществуют они или предшествуют одна другой, сказать трудно.

Наряду с изделиями, изготовленными явно на гончарном круге и способом ручной лепки, в составе салтово-маяцкой керамики следует отметить большую группу сосудов, технику изготовления которых установить очень трудно. Основную массу их составляют сосуды третьей группы (лощеная столовая посуда). По изяществу формы и безукоризненности внешней отделки сосудов, казалось бы, изготовление их на гончарном круге не должно подлежать никакому сомнению, однако при внимательном рассмотрении обнаруживается, что на многих из них следы обработки на гончарном круге совершенно отсутствуют. Не соответствует гончарному способу производства и своеобразная слоистая структура их теста.

Большое место среди материалов салтово-маяцкой культуры занимают изделия из железа: земледельческие орудия, орудия обработки дерева, рыбных промыслов, оружие, конское снаряжение и т. п. Наиболее полно представлены земледельческие орудия: сошники, плужные ножи, косы, серпы, мотыжки. Орудия обработки дерева, рыболовных и некоторых других промыслов представлены меньшим числом находок. Сюда следует отнести топоры, долота, ложкорезы, рыболовные крючки, пешни. Довольно многочисленны изделия, относящиеся к вооружению и конскому снаряжению: сабли, наконечники копий и стрел, боевые топоры, стремена, удила, всевозможные пряжки. Ряд вещей, связанных с вооружением и конским снаряжением, сделан из бронзы и серебра. Из бронзы и серебра изготовлено и подавляющее число предметов украшения. Часть украшений изготовлена из стекла и различных поделочных камней (бусы, вставки перстней).

Это простое, далеко не полное перечисление вещей, относящихся к салтово-маяцкой культуре, показывает, насколько многогранен ее облик. Приходится, однако, сожалеть, что бо́льшая часть известных нам находок относится к небольшому кругу памятников — поселениям нижнего Дона и могильникам Левобережья, причем хозяйственный инвентарь, как правило, найден при раскопках поселений, а украшения, оружие, конское снаряжение — при раскопках могильников.[56]

В заключение несколько слов о датировке. Салтово-маяцкая культура просуществовала в бассейне р. Дона, в том числе и в районах Левобережья, недолго, по-видимому около 200—250 лет — VIII—X вв. Время бытования ее определяется находками монет в могилах и на поселениях. Эта дата была предложена А. М. Покровским на XII археологическом съезде на основе материалов, добытых при раскопках Салтовского могильника. Материалы последующих раскопок полностью подтвердили эту датировку

* * *

Как видно из изложенного, охарактеризованные нами памятники, известные в литературе под именем салтово-маяцких, далеко не представляют единого целого. Наряду с такими элементами, как керамика и погребальный инвентарь, присущими всей группе, имеются элементы, отличающие одну часть памятников от другой. Эти различия наиболее отчетливо прослеживаются на могильных памятниках. Среди последних наряду с катакомбными могильниками (Верхний Салтов, Подгоровка) имеются могильники с захоронениями в ямах (Зливки, Покровское), причем, что весьма существенно, каждому типу могильных сооружений соответствует определенный антропологический тип погребенного. В катакомбах погребены длинноголовые, а ямах — короткоголовые.

В какой-то мере о неоднородности памятников, именуемых салтово-маяцкими, свидетельствуют и материалы поселений, в первую очередь жилые постройки. Как отмечалось, на поселениях салтово-маяцкой культуры обнаружено два вида массовых жилищ — прямоугольные полуземляночные столбовой конструкции и овальные полуземлянки, по-видимому типа юрт. К сожалению, проследить, в каком соотношении находятся различные типы жилищ с различными типами могильных сооружений, нет возможности. Бессистемность раскопок привела к тому, что памятники как целостные комплексы не изучались. Есть исследованные могильники (Верхний Салтов, Зливки), но почти ничего неизвестно о поселениях при них, и наоборот, около исследованных поселений совершенно неизвестны могильники. Лишь Маяцкое поселение и могильник при нем раскапывались комплексно. Но этого, конечно, недостаточно. Косвенные данные содержатся в материалах Правобережного Цимлянского городища, при раскопках которого были найдены человеческие костяки. Изучение сохранившихся черепов показало, что население городища в антропологическом отношении представляло короткоголовый европеоидный тип с некоторыми отдельными монголоидными признаками, т. е. тот же тип, что и в Зливках.

Делать из этих данных какие-либо определенные выводы безусловно преждевременно, но намечающиеся связи между катакомбным типом могильных сооружений и прямоугольными полуземляночными жилищами, с одной стороны, и овальными полуземляночными жилищами и зливкинским ямным типом, с другой, следует иметь в виду.

Таким образом, уже сейчас, когда изучение салтово-маяцкой культуры только что начинается, в ней явно прослеживаются две обособленные группы памятников, отличающиеся одна от другой как характером могильных сооружений, так и антропологическими типами захороненных, присущими каждому из этих видов могильных сооружений, а возможно, и жилищными постройками. Другими словами, под термином «салтово-маяцкая культура» скрывается в настоящее время не одна, а минимум две археологические культуры — салтовская в собственном смысле слова и, по-видимому, зливкинская

В настоящей работе термин «салтово-маяцкая культура» мы употребляем в широком его понимании, т. е. применительно к обеим группам памятников, как салтовским, так и зливкинским.

Б. Памятники салтово-маяцкой культуры в области Левобережья

201. Архангельское, Белгородская обл., Шебекинский р-н, Нежегольское городище (правый берег р. Северского Донца) — городище и селище.

Поселение находится в 1.5—2 км к северу от села, на мысу правого коренного берега р. Северского Донца. Остатки его состоят из двух частей — городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает мыс, террасообразно спускающийся в долину реки (рис. 90). Со стороны плато городище защищено рвом, проложенным по верхней террасе мыса. Поверхность городища изрезана траншеями военного времени. Культурный слой на территории городища почти не прослеживается. По-видимому, он смыт вследствие большой покатости мыса. Форма городища неправильная. Площадь его 150 (В—З)×80 (С—Ю) м.

К юго-западу от городища расположено селище. С юго-западной стороны оно обрамлено лесом. Площадь его около 300×400 м. Территория селища обрабатывается под посевы. На поверхности пашни рассеяно большое количество культурных остатков

[56] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 216—231; С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р., стр. 112—137; И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, М.—Л., 1940, стр. 58—62.

в виде черепков глиняной посуды и костей животных. Керамика гончарная, лепная (?). По общему облику керамический комплекс относится к салтово-маяцкой культуре. Правда, он несколько своеобразен. В нем очень много красноглиняных сосудов (амфор) и почти совершенно нет серых гончарных кухонных горшков и пифосообразных сосудов

стр. 25; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

202. Бублайка, Харьковская обл., Савинский р-н (левый берег р Северского Донца — селище (?).

Н. В. Сибилевым при обследовании берегов р. Северского Донца близ с. Бублайка

Рис. 90. Городище у с. Архангельское. Общий вид

с рифлением. Последние два вида представлены обломками грубых (лепных ?) красноглиняных сосудов с таким же рифлением. Как обычно на большей части салтово-маяцких поселений, мало остатков лощеных сосудов.

Поселение у с. Архангельское под именем Нежегольское неоднократно упоминается в источниках XVII—XVIII вв., в связи с чем исследователи не раз проявляли к нему интерес, однако культурно-хронологический облик его до последнего времени оставался невыясненным. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70, Труды XI АС, т. II, М., 1902, Протоколы,

собрана большая коллекция обломков глиняных сосудов (горшков, орнаментированных врезными линиями, а также лощеных), относящихся к комплексу салтово-маяцкой культуры.

М. В. Сібільов, Старовинності Ізюмщини, вип. III. Ізюм, 1928, стр. 19, табл. XLVII.

203. Валуйки, Белгородская обл. (правый берег р. Валуи) — могильник (?).

По сообщению учителя валуйской школы Г. Ф. Денисенко, летом 1931 г. при ремонте Валуйского маслозавода найден костяк на глубине около 4 м, при нем два сосуда, один из которых испещрен пересекающимися полосами. Погребение относится к хазарскому времени.

СГАИМК, 1932, № 5—6, Хроника, стр. 86.

204. Васищево, Харьковская обл. и р-н (левый берег р. Уды) — селище.

В Харьковском музее краеведения хранится коллекция, состоящая из обломков глиняной посуды салтовского типа, найденных в районе с. Васищево (сборы И. Ф. Левицкого).

Фонды Харьковского музея краеведения.

205. Верхний Салтов, Харьковская обл., Старо-Салтовский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище, селище и могильник.

Комплекс салтовских древностей состоит из поселения (городища и селища) и могильника. Верхне-Салтовское городище упоминается в источниках начиная с конца XVI— начала XVII в. В конце XIX в. городище начинает привлекать к себе внимание исследователей. Так, среди запросов XI археологического съезда, на которые желательно получить ответы, находится и вопрос о том, «не было ли исследовано и сделано каких-либо находок древних вещей» на ряде городищ Левобережья, в том числе и Салтановском (Салтовском). Однако до начала XX в. городище не исследовалось и облик его оставался неясным.

В 1900 г. местным учителем В. А. Бабенко на окраине села случайно был открыт катакомбный могильник. Он привлек к себе внимание Предварительного комитета по устройству XII археологического съезда. По поручению последнего могильник был исследован специальной комиссией в составе Д. И. Багалея, Е. П. Трефильева и А. М. Покровского при участии В. А. Бабенко, а затем дополнительно одним А. М. Покровским. Результаты раскопок им были доложены XII археологическому съезду. Раскопками было вскрыто более 50 могил. Все они оказались грунтовыми, без каких-либо следов наземных сооружений. Могилы расположены по склонам высокого берега р. Северского Донца и оврагов. Покойники захоронены в глубоко вырытых в земле катакомбах или камерах, преимущественно овальной в плане формы, со сводчатым потолком. Вход в камеру шел через длинный (до 5—7 м), узкий коридор. Средние размеры камер 2×2×1.5 м. Камеры содержали в большей части по несколько захоронений (мужчин, женщин и детей). Покойников клали в вытянутом положении, на спине, чаще всего перпендикулярно к входу, реже ногами к нему. Погребения сопровождались многочисленным инвентарем, состоящим из предметов украшения, оружия, конского снаряжения, орудий труда, утвари, а также пищей в виде мяса домашних животных.

В некоторых могилах среди украшений оказались восточные монеты VI—X вв. Отдельно от человеческих захоронений обнаружены погребения лошадей. По характеру могильных сооружений (камер или катакомб), обряду захоронения и могильному инвентарю могильник оказался совершенно тождественным северокавказским могильникам типа Чми, Кумбульта и др. Могильник был датирован VIII—X вв.

Тогда же, на XII археологическом съезде, В. А. Бабенко сделал доклад о Древнем Салтове, однако вопрос об отношении поселения к могильнику в это время выяснен не был.

После XII съезда изучением могильника и городища занялся учитель В. А. Бабенко. Обследования городища и прилегающих к нему окрестностей в течение ряда лет позволили выяснить внешний облик поселения. Оказалось, что древнее поселение состояло из укрепления и прилегающего к нему неукрепленного поселка. Произведенные на городище раскопки показали, что укрепленная часть была обнесена довольно мощными каменными стенами и рвом. Кроме того, на городище были открыты остатки построек, принятые В. А. Бабенко за гончарную мастерскую и гончарную обжигательную печь. Собранные при раскопках материалы, а также подъемный материал с территории селища привели автора к выводу, что древнее поселение принадлежит тому же населению, что и могильник. Со времени открытия Салтовский могильник исследовался не один десяток раз. Кроме В. А. Бабенко, который в дооктябрьский период производил раскопки почти ежегодно, могильник исследовался Н. Е. Макаренко, А. С. Федоровским и многими другими. В наши дни могильник раскапывался С. А. Семеновым-Зусером. За истекшее со времени открытия могильника полстолетие накопился богатейший материал (музеи Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и др.), однако по сравнению с тем, что дали первые раскопки накануне XII археологического съезда, последующие работы нового почти ничего не внесли. Следует лишь отметить, что в могильнике наряду с катакомбными погребениями

обнаружены погребения в грунтовых ямах, с инвентарем того же типа. Количественно ямные могилы занимают ничтожное место.

В противоположность могильнику Салтовское городище почти не исследовалось. Кроме невыразительных раскопок В. А. Бабенко, произведенных в 1913 г., нам известны еще лишь разведочные раскопки Н. Е. Макаренко, не давшие для понимания памятника совершенно ничего, да небольшие работы С. А. Семенова-Зусера, сделанные им одновременно с исследованием могильника. О результатах работ последнего пока ничего неизвестно.

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70, 71; Труды XI АС, т. II, М., 1902, Протоколы, стр. 25; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII, АС, т. I, М., 1905, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Древне-Салтовские придонецкие окраины южной России. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 434—460; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 122—144. В. А. Бабенко. Памятники хозарской культуры на юге России. Каменный город. Труды XV АС, т. I, М., 1914, стр. 464—470; Г. І. Тесленко. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. Наукові записки Науково-дослідчої катедрі історії української культури, № 6, Харків, 1927, стр. 353—366 (литература); И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 112—137.

206. Волчанск, Харьковская обл. (правый берег р. Волчьей) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Волчьей, к востоку от города, около известкового завода, в уроч. Городище. Оно состоит из укрепленной части (городища) и неукрепленного поселка (селища). Городище расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее балками. Значительная часть мыса (конец) сильно разрушена производящимися здесь разработками мела. Форма укрепленной части овальная, удлиненная по оси ЮВВ—СЗЗ. Размер укрепленной части около 400×200 м.

С напольной стороны мыс огражден валом и рвом. Длина вала около 50 м. Площадка городища частично обрабатывается под огороды. Культурный слой на городище прослеживается очень плохо. По-видимому, вследствие покатости площадки он смыт. На площадке найдено всего лишь несколько обломков глиняной посуды. Значительно больше их обнаружено на склонах мыса и у его подножия. Все найденные керамические остатки принадлежат сосудам салтово-маяцкого комплекса.

Культурные остатки прослежены также на площадке соседнего (с западной стороны) мыса, не имеющей совершенно никаких следов укрепления. Здесь, как и на городище, культурных остатков найдено больше на склоне и на дне оврага, примыкающего к этому мысу, чем на самой площадке. Характер остатков совершенно такой же, что и на городище, но более ярок. Как и на большей части поселений салтово-маяцкой культуры, основную массу керамических остатков составляют обломки кухонных горшков, лепных (?) и гончарных, орнаментированных круговыми линиями по всему корпусу, а также аналогичных им больших пифообразных сосудов. Стенки последних пористые и довольно толстые, до 1.5 см. В составе теста много примеси в виде крупнозернистой дресвы. Наряду с обломками таких сосудов, здесь найдено несколько обломков крупных сосудов, изготовленных из более тонкой глины и прекрасно обожженных. Цвет их серый, тесто плотное. Они сильно напоминают пифособразные сосуды с плоским венчиком культуры «полей погребений». В составе собранных материалов много обломков амфор салтовского типа. Цвет их преимущественно оранжево-красный. Близки к амфорам по качеству выделки и цвету обломки более мелких кувшинообразных сосудов. По-видимому, они принадлежат эпохоевидным сосудам, хорошо известным по материалам Салтова и некоторых других памятников этой культуры. Остатки лощеной посуды достаточно типичны, но, как правило, немногочисленны.

В 1903 г. городище было обследовано и частично раскопано В. А. Бабенко. По данным В. А. Бабенко, городище имело «три насыпных вала, первый из них, самый возвышенный, имеет форму правильной окружности в 164 саж. длины и 48 саж. в диаметре. По этому валу заметны остатки от довольно солидной каменной стены из цветного песчаника, за стеною в расстоянии 6 саж. от 1-го вала тянется второй, несколько пониже, вал, и затем третий, удаленный с южной стороны на 40 саж. и очень приближенный

с задней северной стороны всего на 8 саж. Последний вал имеет форму разностороннего многоугольника с периметром в 336 саж.» Раскопками было установлено, что в первом валу была масса больших камней, очевидно от развала стены, толщину которой В. А. Бабенко определяет в 2 м. Два других вала оказались насыпанными из песка и земли. Вышина их около 2 м, ширина основания около 6 м. Между первым и вторым валом слой подпочвы выявлен на глубине около 2 ½ м, из чего автор делает вывод, что за первым валом «шел глубокий и широкий ров, засыпавшийся впоследствии землею с окружающего его вала». Культурный слой в границах первого вала, по данным раскопок В. А. Бабенко, не превышал 0.50 м и совершенно не содержал культурных остатков. Лишь между вторым и третьим валами было найдено несколько черепков с линейным и точечным орнаментом, там же обнаружены и кремневые орудия. Значительно более культурных остатков найдено на склонах окружающих гор и у подножия городища. Здесь «в одном месте с SE стороны у самой подошвы горы была раскопана впадина, наполненная мешанной землей, кусками древесного угля, и в ней найден разбитый большой сосуд из серой глины с волнистым орнаментом. Сосуд этот имел форму огромного горшка или скорее урны с ручкой и заключал в себе массу золы и костей животных, как отбросы кухни. Вся яма имела четырехугольную форму с гладкими стенами и занимала площадь в 1 кв. сажень. Очевидно, здесь пришлось натолкнуться на полную землянку». В ряде других точек были открыты «места с прожженной докрасна землей, на которой слоями лежали древесный уголь, зола и обломки глиняной посудой с ямочным орнаментом»; «. . . по склонам вокруг городища была отыскана масса кремневых осколков и кусков, а также обломков от кремневых наконечников стрел, скребков, фрагментов глиняной посуды с самым первобытным, исчерченным ногтем или палочками орнаментом». В одном месте найдено разрушенное погребение, лежащее на «тонкой каменной плите, гладко источенной с верхней стороны, как бы точильный камень». Местные жители, пишет Бабенко, говорили ему, что «в разных местах около городища и раньше были вымыты водой и случайно вырыты человеческие кости и при них сохранившиеся глиняные горшки». По заключению В. А. Бабенко, «Волчанское городище, судя по кремневым предметам и черепкам, напоминающим неолитическую эпоху, можно причислить к городищам самого древнего периода, причем последнее могло служить лишь местом для совершения молений и для укрытия древних обитателей в опасное для них время».

Трудно сказать, что собой представляют черепки с «точечным орнаментом», относимые В. А. Бабенко к неолитической поре и положенные им в основу датировки городища, но тот сосуд, который найден в яме (землянке) и опубликован в статье, безусловно принадлежит к комплексу салтово-маяцкой керамики. К салтово-маяцкой группе несомненно принадлежат и фрагменты с линейным орнаментом, найденные на городище между вторым и третьим валами. Не исключена возможность, что вокруг городища на склоне надпойменной террасы действительно было расположено поселение более ранней поры, например эпохи бронзы, но к городищу оно не имеет никакого отношения.

В 1948 г. поселение было обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией ИИМК АН СССР.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 24; В. А. Бабенко. Волчанское городище. Труды Харьковск. комиссии по устройству XIII АС в Екатеринославе. Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ., т. 16, Харьков, 1905, стр. 353—357; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

207. Голубовка, Харьковская обл., Купянский р-н (правый берег р. Оскола) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится на правом берегу р. Оскола, слева от дороги в г. Купянск, при выезде из села, и занимает юго-восточный склон стрелки, образованной долиной реки и впадающей в нее балкой Григоров Яр. Культурные остатки прослеживаются на площади до 500 м вдоль берега реки и до 130 м по склону. Вся эта территория в настоящее время занята огородами и хозяйственными постройками с. Голубовка. Бо́льшая часть площадки поселения обрабатывается под огороды. На вспаханной поверхности найдено большое количество костей животных и обломков

глиняной посуды. Среди собранных материалов черепки амфор салтовского типа, серых кухонных горшков, орнаментированных врезными круговыми линиями, таких же пифосообразных сосудов с веревкообразным венчиком, лощеных сосудов. Культурные остатки размещаются не по всей территории, а гнездами, правда, не совсем ярко выраженными. Мощность культурного слоя не прослежена.

Береговая линия тянется с СВ на ЮЗ, склон обращен к ЮЮВ.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

208. Гороховатка, Харьковская обл., Боровский р-н (правый берег р. Оскола) — городище (?) и селище.

Поселение обследовано Днепровской археологической экспедицией в 1947 г. Оно находится в черте села, на правом, коренном берегу р. Оскола, на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее балками, вправо от дороги, идущей из балки в гору в направлении на г. Изюм. Высота мыса над долиной реки 25—30 м. С западной, напольной, стороны мыса сохранились остатки вала и рва. Бо́льшая часть их, как и восточная и западная части мыса, разрушены проложенной здесь в гору дорогой. Общая протяженность вала и рва около 200 м, длина разрушенной части около 100 м. Высота сохранившейся части вала около 1—1.5 м, глубина рва около 1 м. Размер сохранившейся части площадки мыса в границах вала 100×80 м. Площадка мыса ничем не занята и не обрабатывается, но поверхность ее вся перекопана в связи с сооружением дороги. В ряде мест она снята до материка. За валом расположены постройки больницы и огороды. Как на мысу, так и за чертой вала на дворе больницы и огородах прослеживаются культурные остатки. Среди собранных материалов обломки сосудов салтово-маяцкой культуры и сосудов XVI—XVII вв. К какому времени относится сооружение вала, сказать трудно.

Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 69, 70; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(38). Добрая (Козеевка), Белгородская обл., Шебекинский р-н (правый берег р. Корочи) — городище, селище и могильник.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

209. Залиманье, Харьковская обл., Савинский р-н (правый берег р. Северского Донца) — селище и могильник.

В 20-х годах в Изюмский музей из слободы Залиманье были доставлены человеческие кости, а также предметы украшения — бронзовые перстни, браслеты, пуговицы, бубенчики, стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые с костяными перемычками пронизки, явно салтовского типа. Место находки осмотрено сотрудником музея Н. В. Сибилевым. Это овраг, «выходящий с запада к одной из улиц Залиманья — Пшеничковке». С левой стороны устья оврага в невысоком обрыве берега брали землю для хозяйственных целей. Здесь на глубине 1—1.25 м от поверхности в яме и был найден костяк и вещи, доставленные в музей. При осмотре участка, прилегающего к месту находки, Н. В. Сибилев обнаружил в обрезе берега оврага еще два разрушенных погребения и отдельные человеческие кости в обвале. По собранным Н. В. Сибилевым сведениям, обломки керамики салтовского типа встречаются на многих усадьбах, прилегающих к месту находки. В обрезе оврага Н. В. Сибилевым прослежен ясно выраженный культурный слой, состоящий из следов обожженной глины, кирпичей, углей, костей животных и фрагментов сосудов — полированных и со шнурковым орнаментом. На основе этих данных Н. В. Сибилев делает заключение, что рядом с могильником находится большое поселение.

Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, стр. 18, табл. V; М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вип. IV. Ізюм, 1930, стр. 8, 9, М. Л. Макаревич. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 146—149.

210. Климовка, Полтавская обл., Карловский р-н (левый берег р. Орчика) — могильник

В 1926 г. М. Я. Рудинский при исследовании курганного могильника на северо-западной окраине села в одном из курганов обнаружил впускное погребение в камере, сопровождаемое инвентарем салтовской культуры.

М. Рудинський. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 144—150

211. Лысогорка, Харьковская обл., Савинский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище и могильник.

По сведениям, собранным Н. В. Сибилевым, на усадьбах хут. Лысогорки, расположенного у подошвы плато, неоднократно находили погребения с сосудами салтовского типа. На южной окраине хутора, непосредственно около усадьб, возвышается куполообразный холм. Площадь его около 5 га. Поверхность этого участка вся усеяна обломками салтовской керамики. Здесь, по-видимому, было поселение

М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вип. IV. Ізюм, 1930, стр. 9, 10.

212. Мартово, Харьковская обл., Печенежский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1948 г. при обследовании берегов р. Северского Донца Днепровской левобережной экспедицией в 1.5 км к северо-западу от села, на левом берегу, на выдувах песчаных дюн обнаружено большое количество культурных остатков, преимущественно керамики. По своему облику керамика принадлежит салтово-маяцкой культуре. Здесь найдены обломки кухонных горшков, орнаментированных по корпусу круговыми линиями, черепки таких же сосудов, но значительно бо́льших размеров (пифосообразных). Сосуды этих типов сделаны в большей части довольно грубо, как будто лепные. Тесто пористое, с примесью крупных зерен дресвы. Толщина стенок пифосообразных сосудов превышает 2 см. Черепки аналогичных сосудов, но сделанных несомненно на круге, значительно тоньше. Большое место среди остатков керамики, сделанной на гончарном круге, занимают обломки средневековых амфор. Цвет их от желтого до оранжево-красного.

Площадь, на которой прослежены культурные остатки, довольно значительная. Как правило, обломки посуды залегают гнездами. В каждой такой точке обломки принадлежат лишь нескольким сосудам. Остатки измельчены и изъедены песком.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; ср.: Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 23.

213. Мачухи, Полтавская обл. и р-н, уроч. Таранов Яр (правый берег р. Ворсклы) — отдельные вещи

В 1903 г. крестьяне с. Мачухи при корчевке пней в уроч. Таранов Яр нашли несколько глиняных сосудов. Обследовавший место находки Н. Е. Макаренко установил, что сосуды принадлежат к керамическому комплексу салтовской культуры и что найдены они в гончарном горне.

Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 3, СПб., 1911, стр. 116—118.

(74). Мохнач, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

214. Мохнач, Харьковская обл., Змиевский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1948 г. Оно расположено на левом берегу р. Северского Донца, против села, в 300—400 м вправо от моста. Площадка, на которой прослеживаются культурные отложения, тянется полосой 400×200 м вдоль сосновой рощи. Основная масса остатков состоит из черепков глиняной посуды салтово-маяцкой культуры: кухонных горшков, покрытых по всему корпусу линейным орнаментом (лепных и гончарных), таких же по форме крупных (пифосообразных) сосудов, серых кувшинов из плотной глины и, наконец, средневековых, круглодонных амфор. Наряду с керамикой салтово-маяцкой культуры найдены черепки посуды XIX—XX вв. Площадка, содержащая культурные отложения, частично распахивается. Мощность культурного слоя проследить не удалось; что касается насыщенности остатками, то она достаточно богатая.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

215. Нежеголь, Белгородская обл., Шебекинский р-н (левый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1925 г. Н. В. Сибилевым во время разведок по берегам р. Северского Донца к западу от ст. Нежеголь (верстах в 11 от Волчанска), на высоком песчаном берегу было открыто селище со следами различных культур. В описи находок подавляющая часть вещей принадлежит керамическим остаткам явно салтово-маяцкого типа — обломки красных и серых сосудов с линейным орнаментом, лощеных сосудов, а также, по-видимому, средневековых круглодонных амфор. По заявлению крестьян, против обследованного Н. В. Сибилевым селища находится городище, которое он не осматривал. Очевидно, речь идет о так называемом Нежегольском городище «Книги Большому Чертежу», расположенном против устья р. Нежеголи, близ с. Архангельское (см. выше).

Архив ИА, фонд ГАИМК, д. 132/1925 г.

(168). Ново-Покровка, Харьковская обл., Чугуевский р-н (левый берег р. Уды) — селище и могильник.

См. «Памятники черняховской культуры».

216. Новоселье, Харьковская обл., Двуречанский р-н (правый берег р. Оскола) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1947 г. Оно находится на правом берегу р. Оскола, к юго-востоку от деревни, на склоне левого берега р. Калиновой, по обе стороны дороги из с. Каменка в с. Двуречье. Культурные остатки в виде костей животных и обломков глиняной посуды прослежены на значительной площади — около 100 м по склону и около 300 м вдоль склона по обе стороны грейдера. Верхняя часть склона распахивается, нижняя, ближе к мосту, задернована (выгон). Керамические остатки относятся к комплексу салтово-маяцкой культуры. В их составе обломки круглодонных амфор, серых горшков с прочерченными круговыми линиями и лощеных сосудов. Последних немного. Мощность культурного слоя проследить не представляется возможным ввиду отсутствия ясно выраженной стратиграфии. Мощность слоя чернозема достигает 1 м. Следует все же отметить, что культурные остатки найдены не только на поверхности, но и в обрезах траншей, на глубине до 0,30 м.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

217. Норцовка 2, Харьковская обл., Савинский р-н (правый берег р. Северского Донца) — селище.

В 1927—1929 гг. Н. В. Сибилев при разведке в районе Изюма обнаружил на правом берегу р. Северского Донца, у хут. Норцовка 2, на усадьбе Козлова и соседних, следы поселения салтовской культуры.

М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вип. IV. Ізюм, 1930, стр. 9.

218. Печенеги, Харьковская обл. (правый берег р. Северского Донца — могильник (?).

В разное время близ села при хозяйственных работах были обнаружены древние погребения, сопровождаемые вещами салтовского типа. Бо́льшая часть вещей была приобретена учителем В. А. Бабенко.

Архив ИА, фонд АК, д. 340/1913 г., лл. 23/06, 24, 82.

219. Подгоровка, Белгородская обл., Уразовский р-н (правый берег р. Ураевой) — селище и могильник.

Близ хутора, на правом высоком берегу р. Ураевой (левый приток р. Оскола), в уроч. Желтая Круча крестьянами случайно обнаружен древний могильник. Осенью 1925 г. местный учитель И. М. Кочетов сообщил об этом Воронежскому областному музею. Музеем был послан научный сотрудник Д. Д. Леонов, которому удалось собрать на месте разрушенных погребений и у населения могильный инвентарь, состоящий из украшений, керамики и некоторых других вещей, и выяснить основные черты обряда захоронения. Полученные данные с несомненностью говорили о принадлежности могильника к салтовской культуре. По-видимому, тогда же около могильника было открыто и поселение (селище), расположенное у подножия коренного берега. На территории поселения, помимо керамики, были выявлены следы полуземлянок в виде ямок-западинок и найдено три ручных жернова (два целых и часть третьего).

В 1926 г. на хут. Подгоровка поступили сведения, что дождем вымыло еще ряд погребений. В ответ на это сообщение Воронежский музей снарядил небольшую экспедицию под руководством С. Н. Замятнина для исследования могильника.

С. Н. Замятниным было заложено шесть траншей по юго-западному склону Желтой Кручи, которыми вскрыто семь погребальных камер (катакомб). По характеру устройства погребальных сооружений, погребальному инвентарю могильник повторяет Салтово, не внося ничего принципиально нового. Материалы раскопок до сего времени не изданы. Дневник и графическая документация раскопок хранятся в Архиве ИА АН СССР (фонд ГАИМК, д. 238/1926 г.). Часть вещей находится в Воронежском областном краеведческом музее. Мы публикуем здесь схематический план раскопа, а также планы вскрытых катакомб с указанием размещения найденных в них вещей и сосуды, найденные при раскопках (рис. 91—97).

Архив ИА, фонд ГАИМК, д. 238/1926 г., 147/1927 г., 208/1927 г.

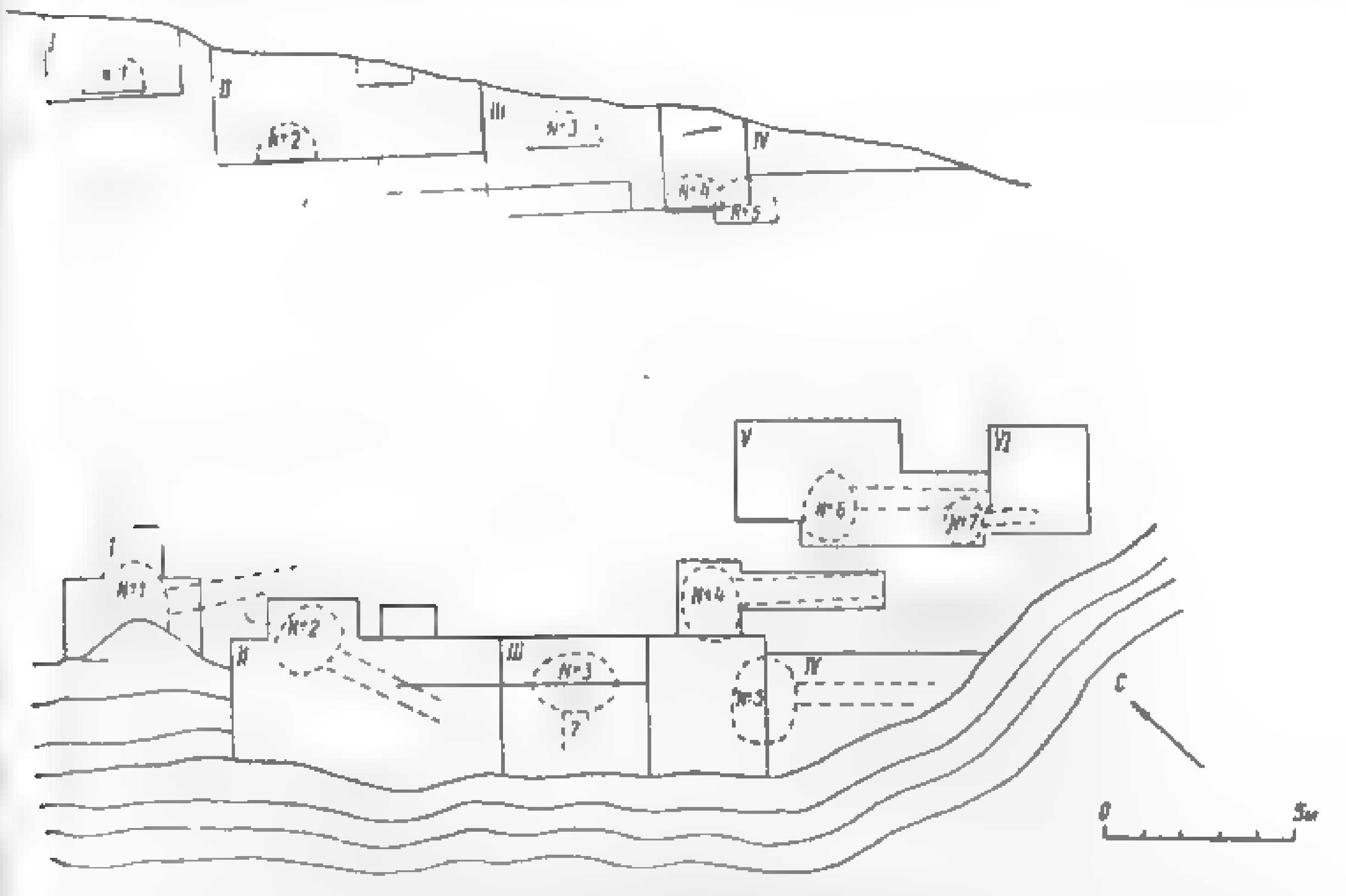


Рис. 91 Могильник у хут. Подгоровка. План и профили раскопов. (По материалам С. Н. Замятнина. Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).
I — общий план раскопа; II — профили раскопа

220. Покровское, Луганская обл., (правый берег р. Дуванки) — могильник.

В конце XIX в. (1894 г.) харьковский губернатор уведомил Археологическую комиссию, что в слободе Покровской крестьяне при хозяйственных работах открыли древнее кладбище. С целью изучения обнаруженного памятника комиссией был командирован в слободу Покровскую проф. В. З. Завитневич. По приезде на место В. З. Завитневичу удалось выяснить, что могильник находится в черте слободы, расположенной по обеим сторонам р. Гнилой Балки, впадающей справа в р. Дуванку (левый приток р. Северского Донца), на склоне правого коренного берега, к северу от Волчьего оврага. Вместе с тем было установлено что могильник известен местному населению уже давно, несколько десятилетий, с тех пор как правый берег Гнилой

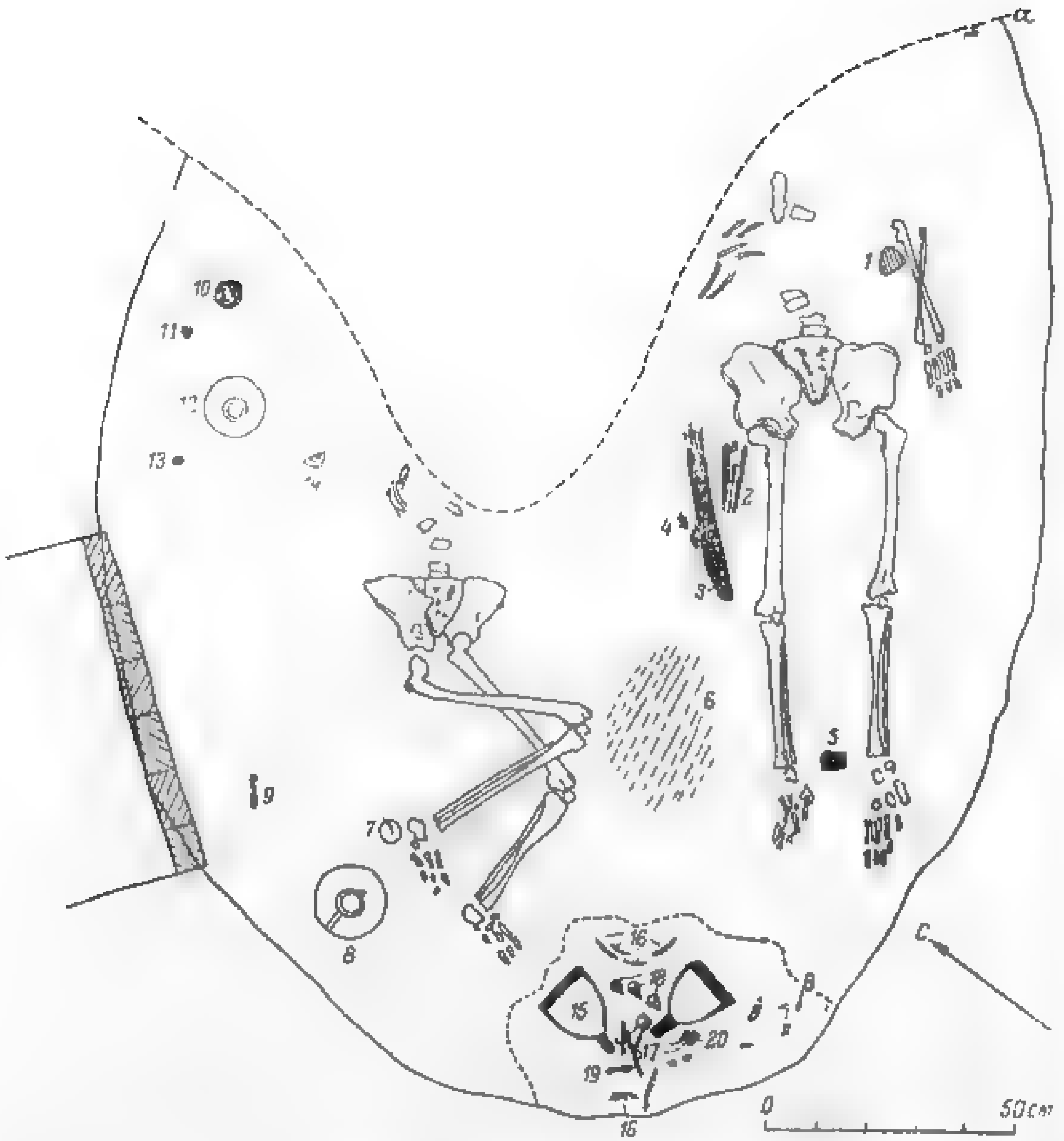


Рис. 92. Могильник у хут. Подгоровка. Камера № 1. План. (По материалам С. Н. Замятнина. Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).

1 — неопределенный костяной предмет с нарезным узором; *2* — три железных ножа; *3* — фрагмент железного меча, *4* — фаланги пальцев правой руки (на одной медный перстень со стеклянной вставкой); *5* — медная четырехугольная двойная бляшка; *6* — следы ткани, *7* — фрагмент железной круглой пряжки, *8* — глиняный кувшин; *9* — бронзовая серьга; *10* — бронзовое зеркало; *11* — стеклянная буса с выпуклыми глазками; *12* — глиняный сосуд; *13* — медная пряжка; *14* — небольшой фрагмент деревянного сосуда с медной оковкой, *15* — пара железных стремян; *16* — неопределенные фрагменты железных зубчатых поделок; *17* — железные удила; *18* — три бронзовых бубенчика; *19* — медная фигурная застежка, *20* — медный наконечник ремня. По всему дну могилы — присыпка из угля; α — граница грабительского подкопа пастушат; β — граница следов войлока и мелких фрагментов железа.

Балки стал заселяться крестьянами и на нем начали возводить жилые и хозяйственные постройки. При земляных работах, связанных со строительством, крестьяне и натолкнулись на могильник. За этот период разрушено значительное число могил. Находимые при покойниках вещи в виде металлических украшений за непригодностью, как правило, уничтожались. Что касается могил, об открытии которых губернская администрация известила Археологическую комиссию, то они были выявлены после

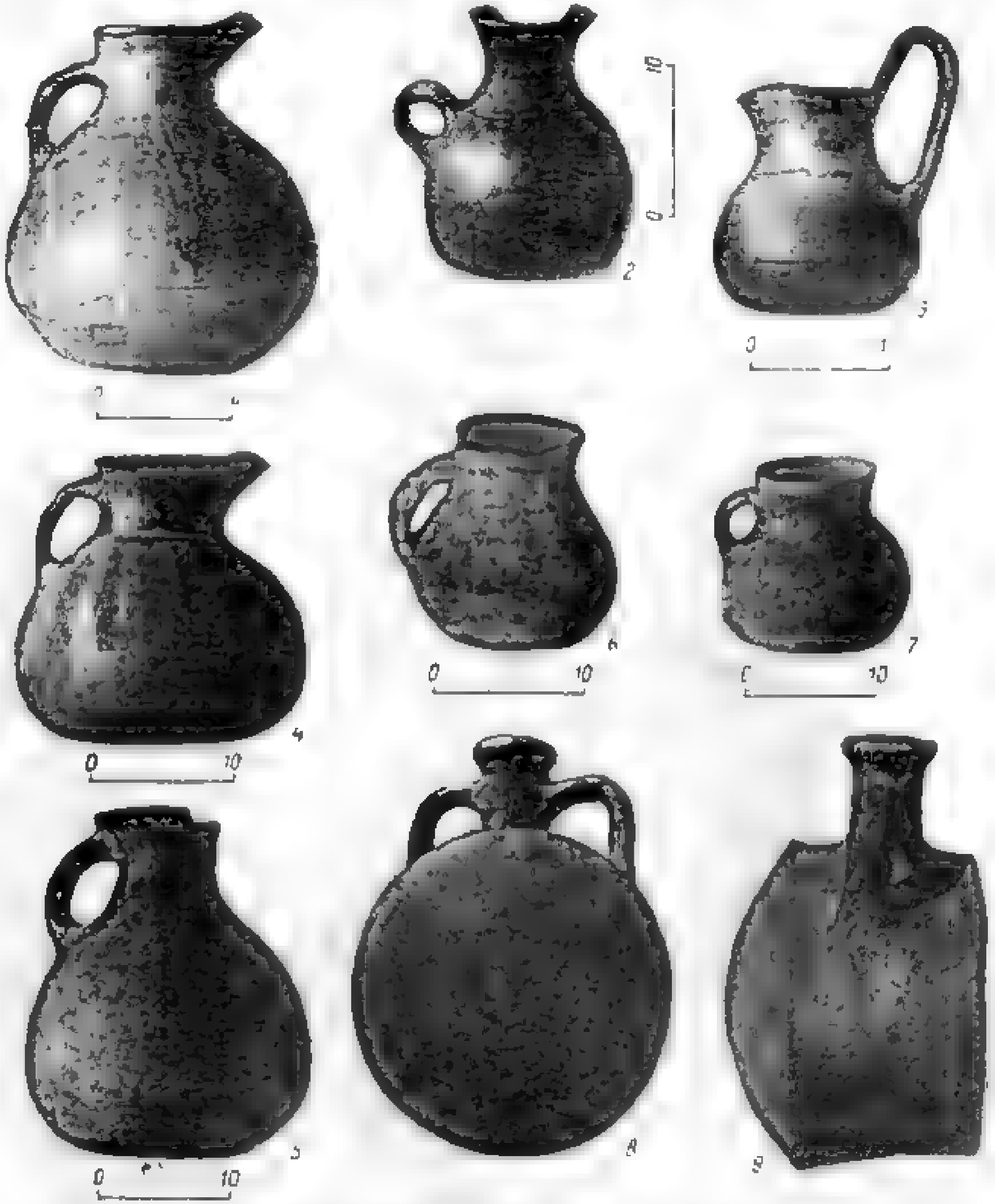


Рис. 93. Могильник у хут. Подгоровка. Керамика. (По материалам С. Н. Замятнина. Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).

1 — камера № 2; *2* — № 4; *3—5*, *8*, *9* — № 5; *6*, *7* — № 7

сильного весеннего дождя, в результате размыва склона берега. В. З. Завитневичем

вскрытии площадки, примыкающей к разрушенной могиле, им было найдено еще два

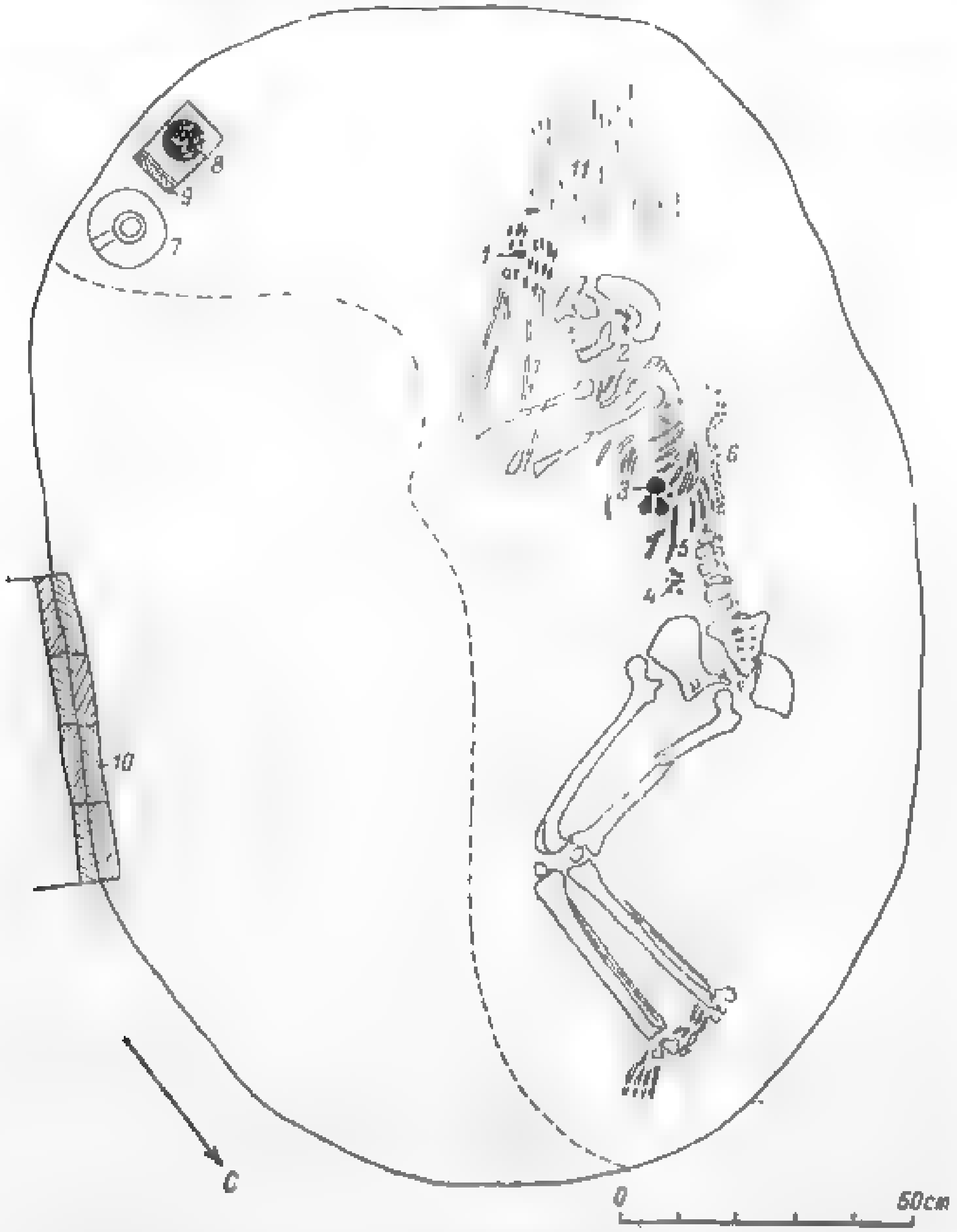


Рис. 94. Могильник у хут. Подгоровка. Камера № 4. План. (По материалам С. Н. Замятнина. Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).

1 — медный перстень со стеклянной вставкой; 2 — медная серьга; 3 — два медных бубенчика, буса и плоское костяное кольцо; 4 — буса сердоликовая и различные стеклянные и медные украшения; 5 — железный ножик; 6 — синие стеклянные бусы в два ряда; 7 — глиняный кувшин; 8 — медное зеркало; 9 — следы мешочка из ткани вишневого цвета с ободком из бересты (футляр от зеркала); 10 — деревянный заслон могилы; 11 — следы колосьев проса. Под погребением — густая присыпка из древесного угля (отмечена пунктиром), поверх которой хорошо заметные следы просяной соломы, настланной параллельно костяку, на всей поверхности дна могилы, покрытой углем.

было произведено исследование могилы, разрушенной дождем, а также трех могил, открытых крестьянами в своих дворах, но еще не разрушенных ими. Кроме того, при

погребения. Таким образом, В. З. Завитневичем было вскрыто шесть погребений. Все костяки находились в вытянутом положении, головой на запад. Сопровождающий по-

койников инвентарь немногочислен и беден, недостаточно характерный. В его со-

видно, сопровождаются костями мелких животных — овец, коз.

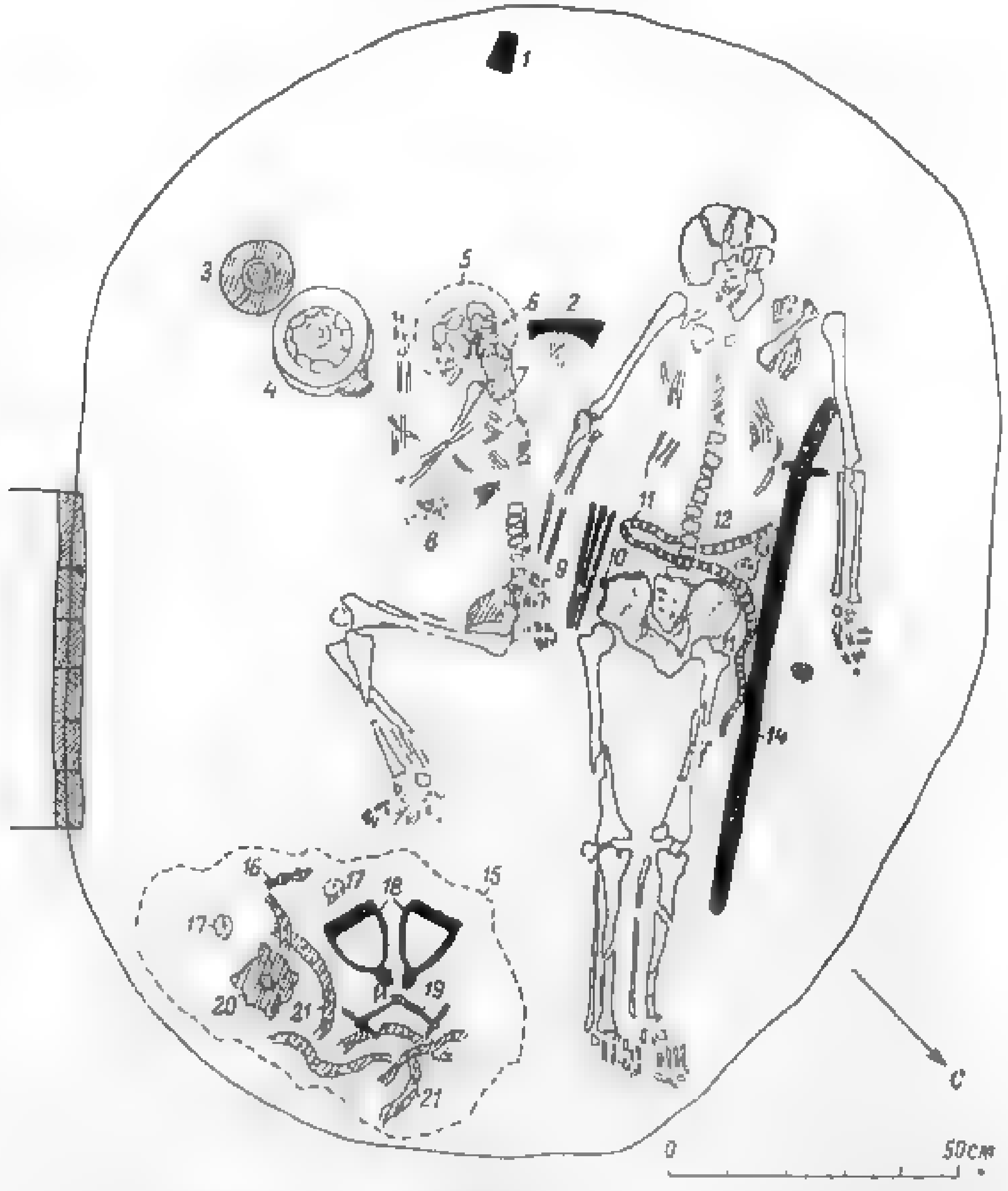


Рис. 95. Могильник у хут. Подгоровка. Камера № 5. План. (По материалам С. Н. Замятнина, Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).

1 — железная мотыга; 2 — железный топорик; 3 — кувшинчик из серой глины; 4 — баклажка из красной глины; 5 — части раздавленного черепа, зубы; 6 — пара медных серег; 7 — медные стеклянные бусы и пронизи; 8 — крупные бусы из композиции, медный бубенчик, три амулета; 9 — три железных ножа; 10 — плоская буса из белого стекла; 11 — ремень поясной с набором медных блях; 12 — поясная пряжка; 13 — три стеклянных бусы (синяя, зеленая, и коричневая с белыми полосами); 14 — железный меч (фрагменты); 15 — остатки войлока и кожи; 16 — фигурная медная застежка; 17 — два медных бубенчика; 18 — пара железных стремян; 19 — железные удила; 20 — медная налобная бляха на уздечке; 21 — ремни от уздечки с медным набором.

ставе бусы, ножи, удила (железные), глиняные сосуды и некоторые другие вещи, имеющие полное сходство с вещами салтовского могильника. Погребения, как пра-

В отчете совершенно не содержится данных об устройстве могильных сооружений. Лишь в одном месте (погребение № 4) исследователь отмечает, что «в могиле оказался

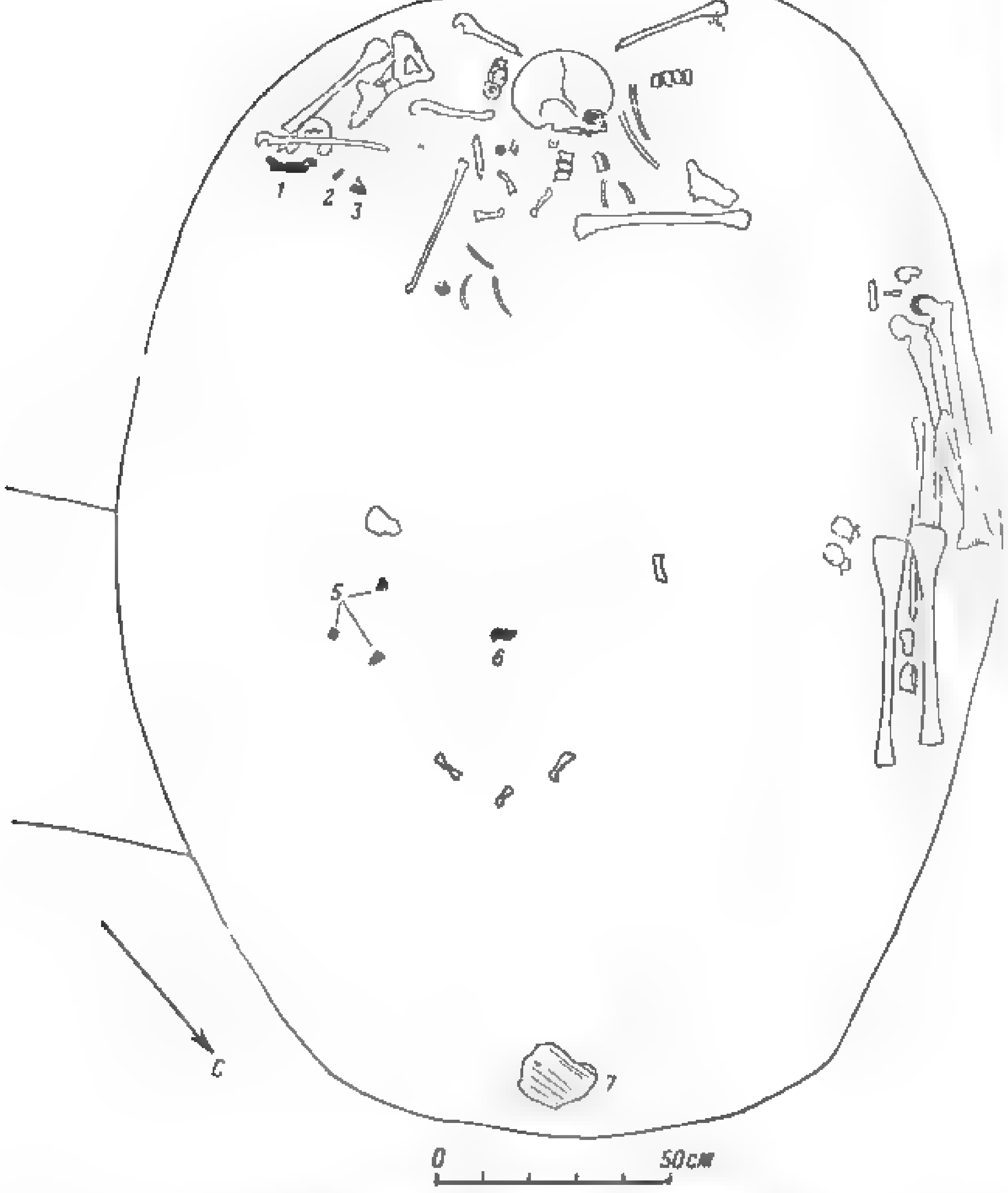


Рис. 96 Могильник у хут. Подгоровка Камера № 6. План (По материалам С. Н. Замятнина, Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238/1926 г.).

1 — фрагмент венчика глиняного сосуда; 2, 3 — фрагменты глиняного сосуда; 4 — двойная пронизка волоченого стекла, 5 — кусочки древесного угля; 6 — неопределенный обломок железа 7 — следы разложившейся кости. На нижней челюсти и локтевой кости — следы окислов меди. Деревянного заслона не обнаружено.

костяк, обложенный с двух сторон деревянными досками», однако о характере могилы и здесь сведений нет никаких. Судя по описанию исследуемых погребений, можно сделать только один вывод — это не катакомб-

После раскопок В. З. Завитневича Покровский могильник никогда более не исследовался. Одной из причин этого была, по-видимому, та характеристика, которую дал ему его первый исследователь в отчете, пред-

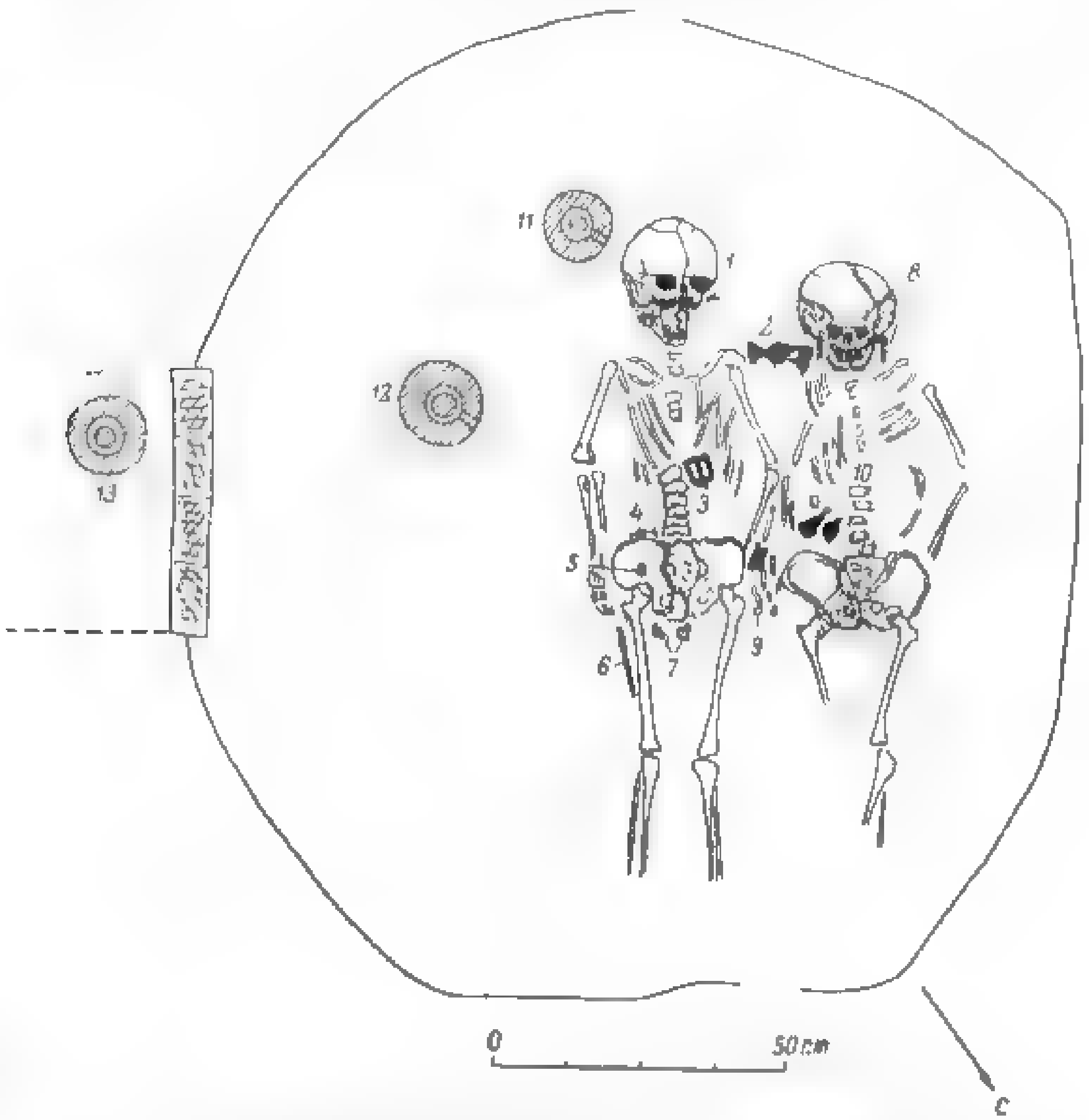


Рис. 97. Могильник у хут. Подгоровка. Камера № 7. План. (По материалам С. Н. Замятнина, Архив ИА, ф. 2, ГАИМК, д. 238 1926 г.).

1 — бронзовая серьга; 2 — железный топорик; 3 — железная пряжка; 4 — фрагменты медного бубенчика и неопределенного медного предмета, 5 — медный бубенчик (под тазом); 6 — железный нож, 7 — два куска асфальта, 8 — пара бронзовых серег, 9 — медный бубенчик, 10 — медный бубенчик и треугольная подвеска, 11, 12 — глиняные [illegible] 13 — глиняный кувшин (в коридоре)

ные погребения. Более внимателен исследователь в отношении надмогильных сооружений. Он отмечает, что ни над вскрытыми им погребениями, ни по склону вообще, где ранее были обнаружены погребения, никаких наземных признаков (курганов, каменных плит и т. п.) он не обнаружил. Эти его наблюдения были подтверждены и местными старожилами.

ставленном в Археологическую комиссию: «Вообще, как мои личные наблюдения, так и данные, добытые путем расспроса местных обывателей, — писал он, — дают основание предполагать, что центральное ядро настоящего могильника совпало с площадью, отведенной под усадьбы слобожан. Возможно, что и вне этой площади еще находятся скрытые в земле могилы, по разыска-

ние их, при полном отсутствии внешних признаков, потребовало бы значительных средств и могло бы привести к ничтожным или даже прямо отрицательным результатам». Не менее важную роль в этом вопросе сыграла бедность могильного инвентаря.

Принадлежность Покровского могильника к Салтово-маяцкой культуре была определена в нашей литературе уже давно. Одним из первых об этом высказался А. А. Спицын. Позже к мнению А. А. Спицына присоединились и другие исследователи, занимавшиеся Юго-Востоком.

Ниже публикуются выдержки из отчета В. З. Завитневича, содержащие описание вскрытых погребений.

«№ 1. Могила обнаруженная обвалом насыпи. Покойник лежал головой на запад; полуразложившийся головной череп лежал на правом боку; руки вытянуты вдоль туловища; ноги оторваны обвалом насыпи. На груди найдена привеска из четырех маленьких бус, разделенных металлическими колечками и надетых на проволоку, которая вверху загнута кольцом, а нижний конец завязан узелком. Возле головы два небольших сосуда: один из черной, другой из красной глины, грубой работы; оба оказались раздробленными в мелкие куски, по форме тождественны с тем, который будет описан ниже под № 3. Между головой и сосудами оказались кости (ребра) небольшого животного.

«№ 2. К северу от предыдущей могилы обнаружен разрушенный (на проезжей дороге) костяк ребенка, еще не переменившего молочных зубов, лежавшего в направлении с З на В. Возле головы найдены черепки от раздробленного сосуда той же формы, а у ног голова (со сбитыми рогами) козы или барана. С левой стороны в углублении найдена одна мелкая монистика и кусочек железа, как бы черепок от чугунного горшка; приблизительно около шеи (кости оказались в беспорядке) оказались обломки от костяных кружков, напоминающие своим видом форму так называемых пряслиц, тут же оказался железный, сильно окислившийся предмет, имеющий форму удлиненного кольца со следами язычка (пряжка?).

«№ 3. В непосредственном соседстве с костяком № 2 обнаружен третий костяк, тоже детский, длиной 1 арш. 5 верш., обращенный головой на запад; руки вдоль туловища; голова сдвинута с места; на груди тройчатая буса из стекловидной композиции, покрытая сверху серебряной пластинкой. У головы два сосуда; форма более сохранившегося такова: высота $2^1/_2$ верш., окружность шейки возле венчика $5^1/_4$ верш., диаметр отверстия 2 верш., окружность самой выпуклой части ($^1/_2$ верш. от основания) $10^1/_2$ верш., диаметр основания 3 верш. Сосуд имеет ушко; сделан из черной глины, очень грубой работы, украшения отсутствуют. Орнамент другого сосуда, разбитого, состоит из углублений, выдавленных на венчике чем-то вроде пальца.

«№ 4. Эта, как и две следующие могилы, находились в усадьбе двух соседних крестьян. В могиле оказался костяк, обложенный с двух сторон деревянными досками, крышки и дна гроба, а равно и поперечных досок не обнаружено; направление костяка то же; головной череп, примыкавший к самому фундаменту избы, обнаружен был хозяином раньше и раздроблен; руки вдоль туловища. У ног с левой стороны, вне гробовых досок найдены: маленький, но сравнительно широкий (самое лезвие около 1 верш. длины и около $^1/_2$ верш. ширины) ножик, возле рукоятки которого видны следы медной окиси; каменная (шиферная) пряслица и костяное шило; у головы кости барана или козы (раньше разбросаны); приблизительно возле головы (сдвинута раньше с места) найдены: две привески подобные описанной под № 1, верхняя часть небольшого медного бубенчика и небольшой обломок золотой бляшки; на пальце правой руки перстень, покрытый медной окисью.

«№ 5. В центре усадьбы. На глубине около 3 арш. (как в этой, так и во всех остальных могилах, верхние слои земли раньше были сняты, а поэтому точное определение глубины могил невозможно) на белой глине, составляющей подпочвенный слой в данной местности, лежал костяк в том же направлении и положении; длиной 2 арш. $7^1/_2$ верш.; лицо обращено вверх. Возле костяка найдено: с правой стороны, у пояса — маленький кинжал (точнее нож), покрытый слоем разложившегося дерева, длиной 5 верш. (без рукоятки, концы обломаны), половина железных удил от лошадиной уздечки, кремень, огниво и точильный камень; с левой стороны — кости (ножные) козы или барана.

«№ 6. Эта могила находилась в клуне крестьянина Петра Иващенки. Костяк оказался в том же направлении и положении; у головы два сосуда: один формой напоминает вышеописанный (№ 3), другой имеет вид современного нам обычного горшка».

Архив ИА, фонд АК, д. 69/1894 г

221. Рубцово, Сталинская обл., Красно-лиманский р-н (левый берег р. Оскола) — могильник.

Могильник открыт случайно в 1937 г при прокладке близ села железнодорожной линии. По заключению Н В. Сибилева, изучавшего материалы, это «типичный катакомбный могильник салтовского типа», хотя по рассказам рабочих, открывших погребения, в отдельных случаях «посуда и кости залегали просто в грунте», а не в катакомбах

М. В. Сiбiльов. Стародавня посудина з «письменами». Археологiя, т. VI, Киiв, 1952, стр. 139—141

222. Сухая Гомольша, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

Городище расположено на правом берегу р. Гомольши, при впадении ее в р. Северский Донец. До 1875 г. оно было обнесено каменной стеной. При проведении железной дороги камень был вывезен на постройку дороги. От укрепления сохранились лишь валы с напольной стороны (рис. 98). Культурный слой совершенно не прослеживается. При обследовании городища в 1947 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией на его территории было найдено лишь несколько небольших обломков глиняной посуды салтовского типа.

Д. И Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 29; И И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

223. Тополи, Харьковская обл., Двуреченский р-н (правый берег р. Оскола) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1947 г. Оно находится на правом берегу р. Оскола, в 5 км от с. Тополи, по дороге в с. Каменка, на надпойменной террасе правого берега реки. Терраса сильно размывается водами реки, русло которой проходит здесь в 25—30 м. В обрезе террасы хорошо прослеживается сильно гумусированный культурный слой с включениями костей животных и черепков глиняной посуды. Аналогичные культурные остатки встречаются и на плато террасы.

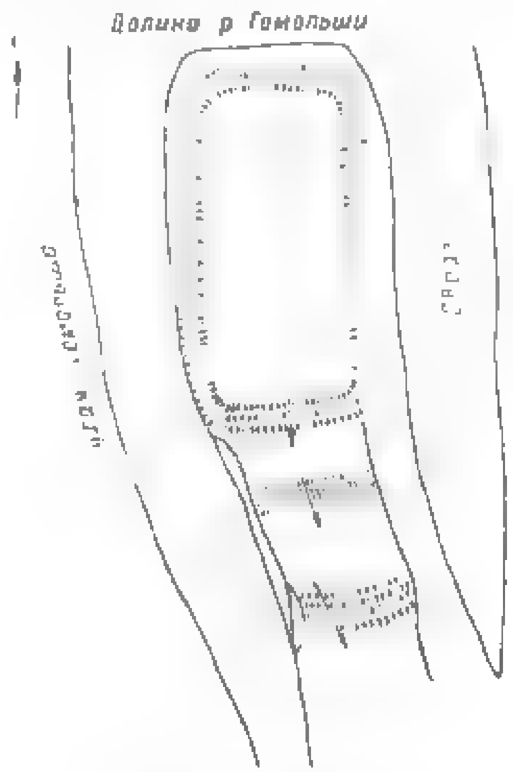


Рис. 98. Городище у с. Сухая Гомольша. Схематический план. (Архив ИА фонд А. А. Спицына).

Среди собранного материала обломки глиняной посуды: грубой лепной, относящейся, по-видимому, к эпохе бронзы, и гончарной — амфор салтовского типа и серых кухонных горшков с круговыми линиями (салтовская культура)

В обрезе террасы, на глубине 1.30—1.40 м от поверхности — разрушенное погребение. При расчистке его найдены кости грудной клетки, плечевые кости и кости черепа. Верхняя челюсть отсутствует. По левую сторону у локтя найдена кремневая ножевидная пластинка, справа — кремень без заметных следов обработки. В окружении погребения обнаружено каменное ядро, под левой лопаткой — галька. Погребение ориентировано СЗЗ—ЮВВ.

В 1891 г. близ с. Тополи во время полевых работ были найдены металлические вещи, по общему облику относящиеся к сал-

тово-маяцкой культуре. Точное местоположение находки неизвестно. Вещи переданы в Исторический музей.

ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 128; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г Архив ИА; Архив ИА, фонд АК, д. 69/1891 г.; Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951, стр. 99—108.

224. Шейковка, Харьковская обл., Боровский р-н (бассейн р. Оскола, левый берег) — могильник.

Из с. Шейковка в Изюмский музей был доставлен сосуд салтовского типа и человеческий череп, найденные при земляных работах. Обследовавший место находки сотрудник музея Н. В. Сибилев выяснил, что «во время общественных работ был раскопан могильник, причем погибло много сосудов и скелетов», и «что по устройству могил (в ямах, а не катакомбах) и по инвентарю могильник этот ближе к Зливкинскому, открытому в 1901 г. проф. В. А. Городцовым, чем к В. Салтовскому». Точное местоположение могильника не указано. Сосуд из могильника у с. Шейковка издан Н. Сибилевым.

Архив ИА, фонд ГАИМК, д. 132/1925 г., стр. 24, 25; Н. В. Сiбiльов. Старовинності Iзюмщини, вип. III. Iзюм, 1928, стр. 20, табл. LX.

225. Эсхар, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Уды) — городище (?).

На правом берегу р. Уды, близ устья, недалеко от пос. Эсхар, в уроч. Городище, в ряде мест прослеживаются средневековые культурные отложения в виде обломков керамики и камней. Не исключено, что где-то здесь находилось городище Кабановское, известное по «Книге Большому Чертежу». Поселение было обнесено, по-видимому, каменной стеной, остатки которой, как и на городище Сухая Гомольша и ряде других, в свое время были разобраны

Книга Большому Чертежу. Ред К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 71; И. И. Ляпушкин. Дневник Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Тетрадь № 1. Архив ИА.

226. Ютановка, Белгородская обл., Волоконовский р-н (правый берег р. Оскола) — могильник (?)

По сообщению учителя валуйской школы Г. Ф. Денисенко, в 1930 г. у с. Ютановка при земляных работах на глубине около 4 м обнаружен костяк и при нем кувшин с узким горлом и ручкой. Скелет и кувшин находились в особой нише. В глубину до самого скелета шли остатки столба около 65 см в диаметре. Находка датируется хазарским временем.

СГАИМК, 1932, № 5 - 6, Хроника, стр. 86.

3. ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди древних поселений, известных в области Днепровского лесостепного Левобережья, поселения славяно-русской культуры составляют одну из многочисленных групп. Их насчитывается более сотни. Они распространены по всей территории от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма. Как и поселения других культур этой территории, концентрируются они по отдельным районам неравномерно. В одних местах мы знаем их больше, в других меньше. Однако из этого пока что едва ли следует делать окончательный вывод о плотности заселения тех или других районов в прошлом. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с той же самой картиной, что и для других эпох, например, для первой половины I тысячелетия н. э.: мы знаем больше памятников в тех частях Левобережья, которые лучше обследованы, и совершенно не знаем их на необследованных участках.[59] Таким, например, является бассейн верхнего течения р. Ворсклы, от с. Хотмыжск до с. Петровское. Лишь относительно степной полосы Левобережья, лежащей к югу и востоку от водораздельной линии среднего и нижнего течения рр. Ворсклы и Орели и верхнего течения рр. Северского Донца и Оскола, можно более или менее уверенно утверждать, что памятников славяно-русской культуры там нет или же они крайне малочисленны.

[59] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950, стр 9, 10.

По общему облику остатки славяно-русских поселений Левобережья довольно разнообразны. Это разнообразие обусловлено как разновременностью памятников, так и, по-видимому, этнографическими и территориальными (географическими) особенностями. Сейчас еще трудно судить, что представляет собой каждое в отдельности поселение. Это дело будущего, когда они будут исследованы путем раскопок. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении материалы, характеризующие культурно-хронологический облик поселений, позволяют нам расчленить эти памятники лишь на большие хронологические группы. Таких групп намечается две

1) поселения (городища и селища) роменско-боршевского и близкого им типа VIII -X вв.,

2) поселения (городища и селища) X—XIII вв.

Это членение следует рассматривать, однако, лишь как схему, ибо в натуре приходится иметь дело с поселениями самых различных — в пределах VIII—XIII вв. — хронологических отрезков, причем уловить границу между этими двумя периодами не всегда представляется возможным

А. Характеристика славянских памятников VIII—X вв.

Бóльшая часть остатков славяно-русских поселений VIII—X вв. Днепровского Левобережья известна в литературе под названием городищ роменского или роменско-борщевского типа. Название это ими было получено по имени двух групп поселений — роменской, исследованной Н. Е. Макаренко в начале XX в. (Монастырище, Медвежье, Башкевича, Глинск и др.), и борщевской, исследованной в конце 20-х—начале 30-х годов П. П. Ефименко.[60] Это не значит, однако, что славяно-русские поселения VIII—X вв. этого типа в области Левобережья ранее не были известны. Поселения эти входят в научный обиход еще с начала XIX в. Больше того, некоторые из них уже тогда подвергаются научному изучению. Укажем на исследование А. Дмитрюковым в 1829 г. городищ у дер. Горналь (бывш. Белогорского монастыря).[61] А. Дмитрюковым были произведены здесь раскопки курганов с трупосожжением и трупоположением. Очень осторожно А. Дмитрюков ставит вопрос: не были ли эти курганы славянскими? Одновременно с курганами А. Дмитрюков подверг небольшим раскопкам находящиеся вблизи курганов два городища, известные в настоящее время как раннеславянские поселения роменско-борщевского типа. Основываясь на сходстве материалов, добытых при раскопке курганов и городищ, не давая им, однако, никакой характеристики, А. Дмитрюков также осторожно ставит вопрос: не являются ли городища остатками древнерусского города?[62] Дальше этих предположений автор тем не менее не пошел. В частности, им не была определена хронология городищ.

В 1839 г. В. Пассеком было исследовано так называемое Каганово (Донецкое) городище,[63] известное в настоящее время как поселение, содержащее отложения славяно-русской культуры роменско-борщевского типа и великокняжеской поры.[64]

Во второй половине XIX в. профессор Харьковского университета Ю. И. Морозов исследовал Хорошевское городище, содержащее наряду с отложениями скифского времени также отложения славяно-русской культуры VIII—XIII вв. (роменско-борщевского типа и великокняжеской поры).[65]

Большое количество поселений, содержащих отложения раннеславянской куль-

[60] См.: И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 121 - 136

[61] А. Дмитрюков. 1) Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вестн. РГО, 1854, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854, стр. 26—37; 2) Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. 1, Курск, 1863, стр. 506—517.

[62] А. Дмитрюков. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах, стр. 26—37.

[63] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сборн., т. III, кн. 2, М., 1839, стр. 201—229

[64] В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 110 и сл.; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 119, 120.

[65] Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губ. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 82—97.

туры роменско-боршевского типа, в области Левобережья в бассейнах рр. Ворсклы, Псла и Сулы было обследовано В. Г. Ляскоронским в конце XIX—начале XX в. Таковы городища Опошнянское, Глинское, Сары, Лубны, Басовка, Медвежье и ряд других.[66]

Но в силу того, что исследователи не могли отличить материальной культуры поселений одного периода от другого, в частности раннеславянских древностей VIII—X вв. от древностей предшествующей поры,[67] все обследованные городища рассматривались лишь как «остатки древних поселений» вообще.

В начале XX в. после исследования Н. Е. Макаренко группы городищ в районе г. Ромны вопрос о славянских поселениях до X в. приобрел бо́льшую ясность, но все же окончательно разрешен не был. Н. Е. Макаренко был весьма осторожен в определении как этнического облика населения, оставившего эти городища, так и датировки их. Дальше предположений и догадок в своих выводах он не шел.[68] Более уверенными были выводы других исследователей, занимавшихся памятниками славяно-русской культуры. Автор исследования «Славянские курганы и городища как исторический источник», характеризуя славянские городища, отмечает в числе других и исследованное Н. Е. Макаренко близ Ромны городище Монастырище.[69] К славянским поселениям до X в. относил роменские городища А. А. Спицын. В статье «Археология в темах начальной русской истории» он прямо писал, что «древним городищем, скорее всего северянским, следует считать роменское, раскапываемое Макаренко (ИАК, вып. 22), может быть, оно IX в.»[70] Однако это была скорее интуиция, чем научно обоснованный вывод. Только раскопки П. П. Ефименко в конце 20-х—начале 30-х годов на городищах воронежской группы (Большое Боршево, Малое Боршево, Кузнецова Дача, Михайловский Кордон) внесли более или менее отчетливое представление о характере славянской культуры до X в. в лесостепной полосе.[71] В свете этих новых данных более ясно выступили славяно-русские поселения до X в. и на Левобережье. Правда, имевшиеся в распоряжении исследователей материалы первоначально позволили выделить лишь незначительную группу поселений, которые было возможно отнести к этому типу. Основная масса их концентрировалась в бассейне верхнего течения р. Сулы (Монастырище, Медвежье, Вашкевич, Глинск).[72] Но отдельные поселения оказались и в других районах Левобережья: в бассейне р. Десны — городище у оз. Буромка,[73] в бассейне р. Псла — городища Крейдище (близ г. Сумы),[74] Гочевское (близ Обояни),[75] в бассейне р. Северского Донца — Донецкое.[76] Не было никакого сомнения в том, что славянские поселения до X в. есть и в других районах Левобережья. Разведочные работы в этом крае, начатые в 1938 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР (Ленинград)

[66] В. Г. Ляскоронский. 1) Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 404—457; 2) Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII, АС, т. I, М., 1907, стр. 158—198.

[67] ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1901, стр. 404—408; ОАК за 1905 г. СПб., 1908, стр. 98, 99.

[68] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 55—69; М. Макаренко. 1) Орнаментацiя керамiчных виробiв в культурi городищ роменського типу. Niederlův sborník. Obzor praehistorický, ročník IV, Praha, 1925, стр. 323—338; 2) Городище Монастирище. Науковий збiрник за рiк 1924, т. XIX, Київ, 1925, стр. 3—23; см. также: И. И. Ляпушкин. О датировке городищ. . ., стр. 121—136.

[69] В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев, 1914, стр. 17, 18.

[70] Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 10.

[71] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 5—9; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ. . ., стр. 121—136; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, М.—Л., 1948.

[72] М. Макаренко Городище Монастирище, стр. 3—23 (отд. оттиск).

[73] В. Е. Козловская. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке Черниговской губ. Сосницкого уезда. ИТУАК, 47, Симферополь, 1912, стр. 135—143.

[74] С. Магура. Археологiчнi досліди на Сумщинi року 1928-го. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 33—36

[75] Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, М., 1915; Атлас Гочевских древностей. М., 1915, Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 319—337.

[76] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., стр. 119, 120.

совместно с Институтом археологии АН УССР, полностью подтвердили это предположение.

За время с 1938 по 1948 г. (1938, 1940, 1945, 1946, 1947 и 1948 гг.) Левобережная экспедиция Института истории материальной культуры, а также экспедиции Института археологии АН УССР провели обследование берегов основных левых притоков р. Днепра — Орели, Ворсклы, Псла, Сулы, нижнего течения Десны, Сейма и берегов рек бассейна верхнего течения Северского Донца (Северский Донец до устья Оскола, Оскол и Уды) и выявили среди как ранее известных, так и вновь открытых многочисленных древних поселений не один десяток раннеславянских поселений роменско-боршевского и близкого им типа. В частности, в эти годы было обращено внимание на наличие в области Левобережья группы славянских памятников этой же поры, несколько отличной от роменской, получившей название волынцевской, хотя могильник такого типа был исследован Н. Е. Макаренко еще в 1906 г.[77]

В результате указанных работ удалось проследить южные, восточные и западные (в пределах Левобережья) границы распространения роменских и близких им поселений. На востоке граница их проходит по верховьям рр. Сейма (поселение у дер. Городище на р. Рати), Псла (поселение у с. Картамышев близ Обояни), Ворсклы (поселение в с. Хотмыжск Борисовского района). По течению р. Уды славяно-русские поселения роменско-боршевского типа выходят на берег р. Северского Донца (поселение у с. Мохнач и хут. Коробов). На всем остальном отрезке верхнего течения р. Северского Донца, а также по берегам р. Оскола раннеславянских поселений не обнаружено совершенно. Лишь в последние годы при обследовании берегов р. Северского Донца ниже г. Змиев Д. Я. Телегиным были выявлены следы неукрепленного славянского поселения в районе г. Изюм.[78]

Южная граница роменско-боршевских поселений проходит по нижнему течению рр. Уды [поселения у дер. Водяное, сел Хорошево, Карачевка (Донецкое городище)] и Ворсклы [Полтава, Решетники (бывш Старые Сенжары)].

Самой южной, известной в настоящее время, точкой этих памятников является поселение у с. Решетники (правый берег нижнего течения р. Ворсклы), открытое экспедицией в 1946 г. Южнее по р. Ворскле, а также в бассейне р. Орели славянских поселений VIII—X вв. в области Левобережья не обнаружено.

Западная граница распространения поселений роменско-боршевского типа в области Левобережья проходит по нижнему течению рр. Десны (городище у с. Шестовица),[79] Сулы (городище в г. Лубны), Ворсклы (городище у с. Решетники). За этой линией вплоть до берега р. Днепра ясно выраженные поселения роменско-боршевского типа неизвестны (рис. 88).

Мы не касаемся здесь северной границы распространения роменско-боршевских поселений, поскольку они в этом направлении выходят далеко за пределы исследуемой нами территории (бассейн р. Десны).[80] По сути дела, левобережные лесостепные роменско-боршевские поселения есть лишь часть большого массива поселений лесостепи и пограничной полосы лесостепи и леса.

Из изложенного выше с полной очевидностью следует, что раннеславянские поселения в области Левобережья имели хотя и широкое, но далеко не повсеместное распространение. Они совершенно не обнаружены в степной части. Но и в лесостепи обнаружены не везде, а лишь в районах с явно лесным ландшафтом (бассейны рр. Десны, Сейма, верхнего и среднего течения Псла, Сулы, Ворсклы). Что касается безлесных районов, то там их нет. Показательными в этом отношении являются прибрежная полустепная полоса Приднепровья (нижнее течение рр. Десны, Сулы, Псла, Ворсклы) и полустепной район верховьев рр. Сейма, Псла, Ворсклы и Северского Донца.

* * *

[77] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 30—54; Д. Т. Березовець. Дослiдження на територiї Путивльського району, Сумської областi. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242—250; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 58—83.

[78] Д. Я. Телегин. Находки раннеславянского времени на Северном Донце КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 129—132.

[79] Д. I. Блiфельд. Дослiдження в с. Шестовицях. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 123—141

[80] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949, стр 67—77

В очерченных выше границах территорий поселения размещены, как правило, [illegible]регам рек и озер. Чаще всего они нахо[illegible] правых, высоких берегах рек, в [illegible], господствующих над окружающей [illegible]риторией. Но они встречаются и в долинах рек, в болотистых, малодоступных местах (Асмолово, Бапищи). Обычно поселения расположены группами от двух до четырех, на расстоянии 3—5 км одно от другого.

Бóльшая часть известных нам славяно-русских поселений VIII—X вв. была полностью или частично укрепленной. В первом случае остатки таких поселений дошли до нас в виде городищ, во втором — в виде городищ и прилегающих к ним селищ. На Левобережье можно указать лишь три точки (Авдеево, Ворожба, Черветчина), где культурные отложения поселений этой поры были обнаружены вне связи с укреплениями (городищами). Но не исключена возможность, что и эти поселения в прошлом были укрепленными. Косвенным подтверждением этого положения служит то, что два из этих поселений (Авдеево и Ворожба) у местного населения и по сей день называются «городищами». Насколько нам известно, термин «городище» никогда не применяется к местам неукрепленных поселений. По-видимому, время и человеческая деятельность уничтожили следы бывших здесь когда-то укреплений, а старые названия дожили до наших дней [81].

Переходя к описанию внешнего вида дошедших до нас остатков славяно-русских поселений, сделаем одно небольшое, но весьма существенное примечание. Суть его сводится к следующему: несмотря на то, что в области Левобережья число известных древних поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры, довольно велико (более 60), число поселений, относящихся только к этой поре, совершенно ничтожно. Оказывается, что на многих (пожалуй, на большей части) поселениях, возникших в этот период, жизнь продолжалась и в последующее время (X—XIII вв.). Довольно большая группа поселений раннеславянского периода возникла на местах более древних поселений (скифского времени). Таким образом, при исследовании внешнего вида раннеславянских поселений приходится иметь дело не столько с остатками собственно славянских поселений — VIII—X вв., сколько с памятниками скифского времени, приспособленными славянским населением для своих потребностей, и раннеславянскими памятниками, использованными в последующую (X—XIII вв.) пору, возможно в какой-то мере подвергшимися переделке. Другими словами, здесь, как и в письменных источниках, при определении первоначального облика памятника должны быть учтены позднейшие дополнения и исправления.

Исходя из данных, относящихся к поселениям, возникшим в раннеславянский период, можно утверждать, что места для поселений выбирались такие, которые можно было бы укрепить с наименьшей затратой сил. Это были останцы или мысы высоких берегов, более или менее обособленные от плато, с хорошей естественной защитой в виде крутых, малодоступных склонов и возможностями наблюдения над широко расстилающейся у подножия местностью (рис. 99, 1) или небольшие всхолмления естественного происхождения, затерянные в долинах рек, среди озер и непроходимых болот (рис. 99, 2). Естественная малодоступность таких мест усиливалась искусственными укреплениями в виде валов и рвов. Последние возводились лишь в местах, не имеющих хорошей естественной защиты, каковыми являлись преимущественно перешейки, соединяющие плато с мысами, и пологие склоны к долинам рек. Это в достаточной мере подтверждается данными, относящимися ко всем известным нам укрепленным поселениям (городищам), возникшим в эту пору. Таковы поселения Стрелица и Городок между с. Долгий Колодезь и дер. Стригослы и с. Новотроицкое на р. Псле, Опошнянское и Хотмыжское на р. Ворскле, Скоробогатковское на р. Суле, Донецкое на р. Уде. Из искусственно возводимых оборонительных сооружений, судя по характеру дошедших до нас остатков, бóльшую роль, чем валы, играли, по-видимому, рвы, достигающие пяти-шестиметровой глубины. Последние в большей части случаев дошли до нас в весьма невыразительном виде, напоминая скорее просто выбросы земли из рвов, чем специально сооруженные валы. Эти соображения в какой-то мере подтверждаются данными раскопок городища Новотроицкое, памятника однослойного, не содержащего

[81] ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 513

Рис. 99. Внешний облик раннеславянских городищ

1 — Хотмыжское городище, 2 — городище у озера Буровка (близ г. С[illegible]

в себе элементов ни предшествующей, ни последующей поры.[82] Материалы, полученные при исследовании валов других поселений, к сожалению, не могут быть использованы, так как относятся к памятникам многослойным, и у нас нет уверенности в том, что дошедшие до нас валы отражают строительные приемы раннеславянской поры (городища Монастырище,[83] Гочевское,[84] Донецкое[85]). Если поселения размещались на останцах, отделенных от плато оврагами или глубокими седловинами, валы и рвы совсем не сооружались. В таких случаях естественная малодоступность площадки останца усиливалась путем придачи склонам большей крутизны. С этой целью пологие склоны останца в верхней части зачищались отвесно на высоту 7—10 м. Общее впечатление от раннеславянских поселений таково, что это не столько укрепления в собственном смысле этого слова, сколько естественно укрепленные, малодоступные площадки, превращенные с минимальной затратой сил в неприступные для врага места поселений.

По форме укрепленные части поселений всецело определяются конфигурацией площадок занимаемых ими мысов и останцев. Размеры их преимущественно невелики.

Как уже отмечалось выше, основная масса раннеславянских поселений роменско-борщевского типа состояла из двух частей — укреплений (городищ) и открытых поселков (селищ). Последние располагались с напольной стороны непосредственно за укреплением. Известны случаи, когда неукрепленные поселки размещались не на плато, а у подножия коренного берега, но они немногочисленны (например, у с. Скоробогатка на р. Суле). Размер неукрепленной части поселения, как правило, значительно превосходил размер укрепленной площадки.

Приведенные данные о внешнем облике раннеславянских поселений на Левобережье основываются на материалах поселений, жизнь на которых протекала лишь в раннеславянский период. Насколько подмеченные черты являются характерными особенностями раннеславянских поселений, а не случайными, подтверждается материалами и других групп поселений, занятых в раннеславянский период, таких, которые были обитаемы в предшествующий, скифский, или в последующий, древнерусский (X—XIII вв.), период.

Рассмотрим сначала группу раннеславянских поселений, возникших на местах поселений предшествующей, скифской, поры. Выясним, какого рода поселения скифского времени были освоены славянами. Выше, в главе, посвященной памятникам скифской поры, мы отмечали, что от этого времени до нас дошло значительное число поселений, весьма разнообразных по внешнему виду. Среди них есть неукрепленные (селища), укрепленные (городища) и сложные, состоящие из двух частей — укрепленной и неукрепленной. Укрепленные поселения как по форме и типу укрепления, так и по размерам укрепленной площади довольно разнообразны. По внешним признакам укрепленные поселения следует поделить на две большие группы: 1) городища с замкнутыми валами; 2) городища мысовые, огражденные валом с напольной стороны. По характеру внутренней планировки обе группы разбиваются на простые и сложные, причем первые характеризуются цельностью огороженной площадки, вторые — ее расчлененностью. Изучение материалов этих поселений убеждает, что из числа поселений скифской поры в раннеславянский период были обитаемы укрепленные поселения лишь второй группы, т. е. такие, которые были искусственно ограждены только с напольной стороны (мысовые). Из этой группы наиболее широко освоенными оказались небольшие по размерам укрепления, расположенные на мысах высоких берегов, защищенные с напольной стороны валом и рвом незначительной (от 20 до 50 м) протяженности. По сути дела, эти укрепленные поселения (городища) по своему местоположению и характеру оборонительных сооружений ничем не отличаются от славяно-русских укрепленных поселений VIII—X вв. у них лишь ярче выражен вал (например, городища

[82] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958.

[83] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 55—68.

[84] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 319—337.

[85] В. А. Городцов. Результаты исследования..., стр. 110 и сл.; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., стр. 117—122.

у сел Ховзовка, Горки и др.). Из известных нам поселений этого типа в раннеславянский период незанятыми оказались лишь поселения, расположенные вдали от рек (например, у сел Старые Гончары, Линово).[86] Поселения этой же группы, имеющие большую огороженную площадку и оборонительную линию значительной протяженности, в раннеславянский период были обитаемы не все, а лишь те, на которых имелась расчлененная площадка. Членение это достигалось при помощи дополнительных валов и рвов, возводимых внутри укрепленного поселения. Благодаря этому на территориях больших укрепленных поселений возникали небольшие внутренние укрепления, напоминающие собой поселения скифского времени (типа описанных нами выше) или собственно раннеславянские, т. е. такие, которые полностью соответствуют типу укрепленных поселений, возводимых самим славянским населением до X в.

Когда и кто сооружал эти внутренние оборонительные линии, а тем самым и небольшие укрепления внутри поселений, сказать сейчас, впредь до тщательного изучения их путем раскопок, не представляется возможным. Отдельные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, лишь в какой-то мере освещают этот вопрос, не давая полного ответа. Так, на Гочевском городище большой внешний вал был полностью разрушен в центральной своей части на линии протяженностью около 150 м в славянское время, о чем довольно убедительно свидетельствует славянский курганный могильник, расположенный на линии вала, тогда как внутренние валы, ограждающие площадки небольших мысов (Крутой Курган и Царский Дворец), прекрасно сохранились до наших дней.[87] Изучение культурного слоя в границах большого вала показывает, что эта территория была обитаема и в славянский период, но это был уже неукрепленный поселок около двух небольших укреплений — Крутого Кургана и Царского Дворца. Таких сложных поселений, в основании которых лежит слой скифского времени, а выше — слой славяно-русской культуры, до нас дошло значительное число как на Левобережье, так и в других районах лесостепи. Многие из этих поселений долго считались, а некоторые и сейчас считаются чисто славянскими поселениями, поскольку отложения этой культуры, залегающие в верхних горизонтах, выступали настолько ярко, что совершенно затушевывали остатки скифского времени. Таковы Гочевское городище близ Обояни на р. Псле,[88] городище в с. Хорошево на р. Уде.[89] За пределами Левобережья укажем Голышевское городище на р. Дону.[90] Наличие у этого типа укрепленных поселений сложной системы оборонительных сооружений (2—3 линии) некоторые исследователи объясняют как результат расширения территории поселения, вызываемого численным ростом славянского населения укрепленного поселка.[91] Приведенные нами материалы показывают, что оборонительная система этих поселений имеет более сложное происхождение и что основы ее были заложены в скифское время.

Наряду с поселениями, имеющими члененную площадку, от скифского времени до нас дошло значительное число таких же больших огражденных валом и рвом с напольной стороны городищ, но без внутреннего членения. Обычно площадки этих городищ не включают мысообразных естественно укрепленных участков, которые можно было бы с помощью дополнительных валов выделить в самостоятельные укрепленные пункты (Грашков, Большая Гомольша, Борисовка, Высокое, Ворожба, Кнышевка, Малый Вязовик и некоторые другие). На этих поселениях отложений славяно-русской культуры до сего времени нигде не обнаружено. Естественно встает вопрос

[86] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

[87] Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. I, план Гочевского городища Обоянского уезда Курской губернии.

[88] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 319—338.

[89] В. Е. Данилевич. Донецкое и Хорошевское городища. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. II, Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ., т. 13, Харьков, 1902, стр. 227—229.

[90] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 7—9.

[91] Там же, стр. 9; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 258; ср.: В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 34—42; А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, М.—Л., 1956, стр. 84—94.

какое отношение имело славянское население к небольшим укреплениям, находящимся в границах больших укрепленных поселений скифского времени? Были ли сооружены эти небольшие укрепления славянским населением или населением скифского времени, а славяне воспользовались [illegible], вполне отвечающими их [illegible] этот вопрос весьма важно, но [illegible] проведения больших раскопочных работ сделать это невозможно. Интересный материал, освещающий некоторые стороны этого вопроса, дают полевые наблюдения над территориальным размещением раннеславянских поселений. Выше мы отмечали, что раннеславянские поселения размещены группами по три-четыре. Расстояние между ними 4—5 км, а иногда и менее. В границах таких гнезд очень часто наряду с укрепленными поселениями, сооруженными славянским населением, имеются и большие укрепленные поселения скифской поры. И что же мы здесь видим? Если поселение скифского времени в границах укрепления имеет небольшой естественно защищенный участок, то он, как правило, укреплен дополнительно валом и рвом, а в культурных отложениях этого поселения имеется славянский слой [Гочево, Долгий Колодезь, (уроч. Наволочка), Водяное, Хорошево и др.]. Если же в границах такой группы славянских городищ большие городища скифской поры не имеют таких хорошо естественно защищенных участков, внутренних дополнительных укреплений на городищах не оказывается, а в составе культурных отложений нет славянского слоя. В таких случаях славянские поселения размещаются буквально в сотнях метров от поселении скифского времени, на небольших естественно хорошо защищенных мысах, где заново возводится укрепление, а большое укрепленное поселение скифского времени славянами не занимается. Такая картина наблюдается в районе сел Кпышевка (на р. Псле), Ворожба (на р. Псле), Хотмыжск (на р. Воркле) и в ряде других мест. Приведенные данные показывают, что славянское население в области Левобережья использовало не все укрепленные поселения, сооруженные в предшествующий (скифский) период, а лишь те, которые по своему местоположению, размерам укрепленной территории, а также характеру оборонительных сооружений соответствовали укреплениям, сооружаемым самим славянским населением.

Отмеченное выше своеобразие укрепленных раннеславянских поселений подтверждается и материалами многочисленных поселений, содержащих отложения как раннеславянской культуры, так и более поздней поры (XI—XIII вв.), например городищ Хотмыжское, Хорошевское, Скоробогатское, Донецкое и мн. др.

Мало чем отличаются от поселений, размещенных на высоких коренных берегах рек, поселения так называемого болотного типа. Единственная их особенность — иной характер естественной защиты. Поселения, размещенные на высоких коренных берегах, защищены крутизной высоких склонов, болотные поселки — малой проходимостью болотистых мест, окружающих поселения. Число известных нам поселений этой группы невелико (пять-шесть), и все они размещены в бассейне р. Сейма; в это число входят и два поселения так называемого волынцевского типа (близ с. Волынцево и у г. Сосница), которые часть исследователей считает неукрепленными поселками, усматривая в этом одну из характерных черт подобных памятников.[92]

Таким образом, все рассмотренные нами поселения, содержащие отложения раннеславянского времени, возникли ли они в раннеславянский или предшествующий периоды и закончили свое существование в X в. или в последующие века, по своему местоположению, размерам и характеру оборонительных сооружений представляют достаточное единообразие. Это дает основание утверждать наличие у славянского населения этого времени хорошо выработанного устойчивого типа поселений, обусловленного, по-видимому, внутренним укладом населявшего его общества, с одной стороны, и задачами обороны, с другой.

Если в отношении выявления остатков славяно-русских поселений VIII—X вв. и изучения их внешнего облика в области Днепровского лесостепного Левобережья в послевоенные годы была проделана значи-

[92] Д. Т. Березовець. 1) До питання про літописних сіверян. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 28—44; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 54—56; Д. Т. Березовец. Археологические памятники летописных северян. КСИА, вып. 2, Киев, 1953, стр. 25, 26.

тельная работа, то в деле изучения их внутреннего содержания делаются лишь первые серьезные шаги. Достаточно указать хотя бы на то, что до недавнего времени не было произведено ни одних мало-мальски существенных раскопок поселений этой поры. Небольшие по объему, к тому же методически не совсем хорошо поставленные и полностью так и оставшиеся неопубликованными раскопки Н. Е. Макаренко в начале XX в. на городище Монастырище были наиболее существенными из всего того, что сделано в этом плане.[93] Не случайно, все исследователи, касаясь славяно-русских памятников VIII—X вв. в области Левобережья, до последней поры опирались в первую очередь на эти материалы,[94] ибо все последующие раскопочные работы, проведенные на поселениях этой группы как Н. Е. Макаренко, так и другими исследователями (если исключить отсюда работы не имеющие отношения к исследуемой нами территории, например, крупные раскопки на поселениях близ Воронежа — Боршево, Кузнецова Дача [95] и др.), являлись менее заметными, да их и немного. Так, в 1906 г., одновременно с раскопками на городище Монастырище и в последующие годы Н. Е. Макаренко были произведены разведочные раскопки на поселениях у с. Медвежье, хут. Шумск (бывш. имение Вашкевича), в г. Глинск (Замчище) и ряде других пунктов. Материалы, опубликованные автором раскопок, а также отчеты весьма кратки и не дают ясного представления об исследованных памятниках.[96] Раскопочные работы других исследователей носили также разведочный характер. Таковы исследования Б. А. Рыбакова на Гочевском городище (р. Псел),[97] раскопки П. Н. Третьякова на Петровском городище (р. Воркла),[98] раскопки И. И. Ляпушкина на Опошнянском городище [99] и на поселении в г. Полтава [100] (р. Воркла). К этому следует добавить еще и то, что не все результаты этих немногочисленных работ вошли в научный оборот и являются доступными. До сего времени не опубликованы материалы раскопок Б. А. Рыбакова на Гочевском городище.[101] Однако наиболее слабым местом в исследовании раннеславянских поселений являлось то, что все раскопки, за исключением одного случая, были произведены на многослойных поселениях и, следовательно, добытые материалы относятся к различным эпохам, а не только к раннеславянской, как об этом иногда думают. Так, городище Монастырище, считающееся типичным примером раннеславянского поселения роменско-боршевского типа,[102] в действительности относится к числу поселений, культурно-хронологический облик которых более чем сложен. Наряду с раннеславянскими отложениями городище содержит отложения эпохи бронзы, скифского времени и славяно-русской культуры великокняжеской поры. Характеристика городища Монастырища как памятника только раннеславянского сложилась в результате того, что материалы, добытые на поселении, сознательно или бессознательно, об этом сейчас трудно судить, не были опубликованы полностью. Н. Е. Макаренко совершенно изъял из публикации многочисленные остатки керамической посуды скифской поры (зольничного типа), о чем можно судить как по материалам, хранящимся в фондах Роменского краевед

[93] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 55—77.

[94] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 322 и сл.; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 70 и сл.; П. Н. Третьяков. 1) Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, М.—Л., 1941, стр. 32 и сл.; 2) Восточнославянские племена, стр. 242 и сл.

[95] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 5—9; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

[96] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 55 и сл.; М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 3—23; ОАК за 1906 г. СПб., 1909, стр. 112, 113; ОАК за 1912 г. Пгр., 1916, стр. 68—70.

[97] Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 143.

[98] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 123—139.

[99] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 117—127.

[100] І. Ляпушкін. Старослов'янсько поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 75—83.

[101] Б. А. Рыбаков. 1) Анты и Киевская Русь, стр. 322; 2) Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 73, примеч.

[102] В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 70 и сл.

ческого музея,[103] так и по некоторым данным фотоархива Института археологии АН СССР.[104]

Как известно, помимо общих работ, посвященных роменским памятникам, Н. Е. Макаренко написал специальную работу о керамическом производстве поселений роменского типа.[105] В этой работе наряду с керамикой собственно раннеславянской он публикует и керамические остатки эпохи бронзы, но материалы скифского времени отсутствуют и здесь, хот[illegible] количественно далеко превосходят о[illegible] эпохи бронзы. Правда, некоторые данн[illegible] на Монастырище слоя скифского [illegible] опубликованы Н. Е. Макаренко, но он в них не разобрался. Мы имеем в виду изданную Н. Е. Макаренко «глиняную поделку тщательной обработки в форме грибка с небольшим углублением сверху», в действительности являющуюся не чем иным, как ножкой античной амфоры.[106]

Отложения эпохи бронзы занимают, по-видимому, также существенное место в культурном слое городища, о чем можно судить как по остаткам кострища со стоявшим на нем сосудом, так и по отдельным обломкам керамики, встречаемым на всей площади раскопа.[107] Исследования последних лет показали, что керамика этого типа в лесостепной полосе имеет широкое распространение в эпоху поздней бронзы. Она встречается на всем пространстве Левобережья от Днепра до Донца.[108] Известна она и по верхнему течению р. Дона (окрестности Воронежа).[109]

О наличии славянского слоя времени X—XI вв. свидетельствуют материалы, опубликованные автором раскопок. К числу последних принадлежит «обломок ножки от вазы, грубо обработанный из красной глины»,[110] представляющий собой не что иное, как обломок (ножку) светильника так называемого киевского типа. Типичными вещами великокняжеской поры являются найденные на Монастырище пряслица из розового (овручского) шифера и обломки глиняной посуды с линейным и волнистым орнаментом.[111] Далеко, по-видимому, не все и землянки, открытые Н. Е. Макаренко, как мы покажем ниже, относятся к раннеславянскому периоду.

Несомненно, такая же картина имеет место и на городище у с. Медвежье.[112] Раннеславянский слой городища г. Глинск сильно разрушен сооружениями последующего периода и перемешан с культурными отложениями более поздней поры.[113] В раннеславянские отложения Донецкого городища врезались отложения X—XIII вв.[114] и т. д. Из всех ранее раскопанных поселений лишь Опошнянское городище представляет однослойный памятник, собственно раннеславянское поселение, возникшее, по-видимому, в VIII в. на малодоступном останце правого коренного берега р. Ворсклы. Но и здесь объем раскопочных работ не превысил 100 м² (раскрыты остатки трех жилищ полуземляночного типа).[115]

Лишь в последние годы на территории Левобережья были произведены несколько бо́льшие по объему раскопки на трех поселениях этой группы — на Волынцевском (раскопки Д. Т. Березовца 1948—1949 гг.) Новотроицком (наши раскопки 1952—1954 гг.) и Опошнянском (наши раскопки 1957 г.).

Волынцевское поселение оказалось памятником многослойным. Здесь наряду со славянскими отложениями второй половины I тысячелетия н. э. были обнаружены следы поселения скифского времени (зольничного типа) и, по-видимому, зарубинецкой поры. Керамический комплекс Волынцевского поселения по общему облику более близок материалам могильника у сел Малые Будки и Константинов, чем собственно роменским. Совершенно одинаков с тем же могильником и могильник, открытый близ с. Волынцево. Что касается других материалов, добытых при исследовании поселения, в частности жилых и хозяйственных построек, то они неотличимы от так называемых роменских.[116] Городище Новотроицкое раскопано полностью. Оно однослойное. При исследовании здесь найдены остатки бытового и хозяйственного инвентаря, различные украшения, остатки жилых, хозяйственных, а также производственных сооружений.[117] Опошнянское городище тоже однослойное. Как и на Новотроицком городище, на нем открыты остатки жилых и хозяйственных сооружений (в 1940 г. исследовано 3 жилища и в 1957 г. 11 жилищ), а также некоторый бытовой и хозяйственный инвентарь.

Эти новые полевые изыскания последних лет значительно обогатили наши знания славянской культуры VIII—X вв. Основываясь на этих данных, попытаемся охарактеризовать общий облик культуры.

* * *

Среди материалов, вскрытых раскопками последних лет на славянских поселениях VIII—X вв., центральное место занимают остатки жилых и хозяйственных сооружений. Судя по сохранившимся деталям, жилые постройки восточных славян VIII—X вв. Днепровского Левобережья существенно отличались от жилых построек данной территории предшествующей поры, т. е. первой половины I тысячелетия н. э. (культуры «полей погребений»), правда, известных нам пока все еще недостаточно хорошо.[118] Отличны они и от жилищ восточнославянских племен VIII—X вв. северной лесной полосы.[119] В обоих последних случаях жилища были наземными; в поселениях культуры «полей погребений» Левобережья деревянный каркас из нетолстых жердей и плах покрывался глиняной обмазкой; в славянских поселениях VIII—X вв. лесной полосы жилища были рублеными. Своеобразие жилищ славян Левобережья VIII—X вв. состоит в том, что они были постройками полуземляночного типа. Подобные жилища имели широкое распространение у славянских племен лесостепной полосы Восточной и Центральной Европы. Полуземлянки имелись и у соседних со славянами народов этой поры, например у населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры, но по ряду черт они отличались от славянских. В свою очередь полуземлянки славянских племен различных районов в деталях не были одинаковы. Но эти различия были частного порядка, обусловленные больше всего характером имеющихся строительных материалов.

Полуземляночные жилища дошли до нас, как правило, в виде остатков их нижней, углубленной в землю части, представляющей прямоугольную в плане яму размером 2,5—4,5×3—5 м, с отвесными стенками, вырытую на глубину от 0.50 до 1.5 м в зависимости от местоположения жилища. На ровных местах глубина ям около 1 м, с незначительными уклонениями. В полуземлянках, вырытых на склонах, глубина ям в более высоких частях доходит от 1.5 до 2 м, на участках более низких, по склону, она не превышает 0.40—0.50 м. Ориентировка жилищ довольно устойчивая. Как правило, они обращены сторонами по линиям СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ, в пределах от 0 до 45°. Ориентировка по странам света более редкая (рис. 100)

В зависимости от того, где сооружалось полуземляночное жилище — на месте, ранее не заселявшимся, или на развалинах древнего поселения, — углубленная часть выкапывалась или в нетронутом почвенно-материковом слое, или же в культурных отложениях предшествующей поры. В последнем случае полуземлянки часто перерезали остатки ранее существовавших здесь различных построек, причудливо переплетаясь с ними. На Полтав-

---

[103] См. коллекция Роменского музея; городище Монастырище, раскопки 1924 г., планшеты №№ 22 (№№ 262—276) и 23 (№№ 358—368).

[104] Фотоархив ИА, фонд АК, д. 6122.

[105] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів. . ., стр. 323—338.

[106] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 68, рис. 40.

[107] Там же, стр. 59, 60; М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 16—19.

[108] Во время разведочных работ Левобережной экспедицией керамика этого типа была обнаружена на ряде стоянок по рр. Пслу (Гусаны, Суки), Сулой (Новая Гребля) и в других местах.

[109] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 44.

[110] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 58, 59, рис. 29.

[111] Там же, стр. 58, 67 и др.

[112] Там же, стр. 73, 74. См. также: коллекции Роменского музея, планшет № 11 (№№ 135—146), 1920 г.

[113] ОАК за 1912 г. Пгр., 1916, стр. 68—71.

[114] В. А. Городцов. Результаты исследований. . ., стр. 110 121; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., стр. 119, 120.

[115] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . ., стр. 117—127.

[116] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 50 и сл.; Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльского району, Сумської області, стр. 242—250; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі 1949—1950 рр., стр. 49—54

[117] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое

[118] Е. В. Махно. 1) Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань АП, т. III, Київ, 1952 стр. 231—241, 2) Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 153—175, В. М. Даниленко и А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 223—230

[119] В. И. Равдоникас. Старая Ладога СА, XII, М.—Л., 1950, стр 7—40

ском поселении нижняя часть одной из вскрытых славянских полуземлянок VIII—X вв. оказалась выкопанной на месте хозяйственных ям ранее существовавшего здесь поселения скифского времени; в свою очередь эта славянская полуземлянка была перерезана нижней, углубленной в землю частью полуземлянки более поздней поры.[130] Толщу древних культурных отложений эпохи бронзы и скифского времени прорезают и полуземлянки городища Монастырище, неоднократно раскапывавшегося Н. Е. Макаренко.[131] Независимо от того, вырыта ли нижняя часть полуземлянки в нетронутом почвенно-материковом слое или в культурных отложениях поселения предшествующей поры, пол жилища, как правило, был глинобитный, хорошо утрамбованный. В нетронутом слое это был естественный материк, в культурных отложениях — искусственно нанесенная глиняная обмазка. Обмазка по мере накапливаемости возобновлялась, вследствие чего пол приобретал слоистый характер.[132]

До последнего времени считалось, что и стены славянских полуземлянок Днепровского Левобережья VIII—X вв. были глинобитными, что, по мнению некоторых исследователей, является их отличительным признаком от полуземлянок верхнедонских, считающихся вятическими, стены которых облицовывались деревом. Основанием для такого заключения служило отсутствие ясно выраженных следов деревянной облицовки во всех исследованных до недавнего времени полуземлянках VIII—X вв. в области Днепровского Левобережья,[133] хотя в полуземлянках более поздней поры (после X в.), несомненно отражающих традиции домостроительства предшествующего времени, например в поселениях Донецком и Ницахском, наличие деревянной облицовки стен было прослежено довольно отчетливо.[134] Раскопки на Волынцевском поселении в уроч. Стан (1948 и 1949 гг.), на Новотроицком городище (1952—1954 гг.), а также на Опошнянском городище (1957 г.) внесли существенные поправки в представления об устройстве стен в нижней, углубленной части полуземлянок Левобережья. Оказалось, что и здесь, как и в бассейне верхнего Дона, стены углубленной части полуземлянок облицовывались деревом. Характер сохранившихся остатков дает основание сделать заключение, что стены облицовывались широкими (до 0.30 м) досками или пластинами. Следы такой облицовки в виде обгорелых плах, залегающих вдоль стен, сохранились в большой части исследованных жилищ, число которых в настоящее время достигает семи десятков. Они не встречены лишь в тех жилищах, жизнь в которых прекращалась ранее прекращения жизни поселения в целом (например, в Новотроицком — жилища №№ 8, 16, 46 и др.). По-видимому, деревянные части из этих заброшенных построек вынимались после прекращения в них жизни. Правда, в ряде жилищ, преимущественно небольших по своим размерам (Новотроицкое городище, жилища №№ 12, 13 и 14), просуществовавших до конца жизни поселка, остатки деревянной облицовки также не были прослежены, но это, как нам кажется, ни в какой мере еще не может являться основанием для утверждения, что в этих жилищах деревянной облицовки не имелось; наблюдаются все же случаи, прямо говорящие о том, что в отдельных жилищах облицовки из дерева не было. Стены в этих жилищах были материковые, покрытые сверху цветной глиняной обмазкой. Такая картина обнаружена в жилище № 44 на Новотроицком городище.[135]

Судя по характеру остатков облицовочного материала (пластины или доски, а не бревна), а также размещению столбов, следует полагать, что облицовка стен в большей части жилищ укреплялась с помощью столбов. Следы последних в виде столбовых ямок в углах и в средней части стен числом от 2 до 10 были обнаружены во всех полу-

[130] I. I. Ляпушкiн. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. . . ., стр. 65.

[131] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 60.

[132] I. I. Ляпушкiн. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. . . ., стр. 65—67; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 104.

[133] П. Н. Третьяков. 1) Археологические памятники древнерусских племен. Учен. зап. ЛГУ, № 85, сер. историч. наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 284, 285; 2) Восточнославянские племена, стр. 238—245.

[134] В. А. Городцов. Результаты исследований. . . ,стр. 111—116, 121—124; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 24.

[135] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 127, 128.

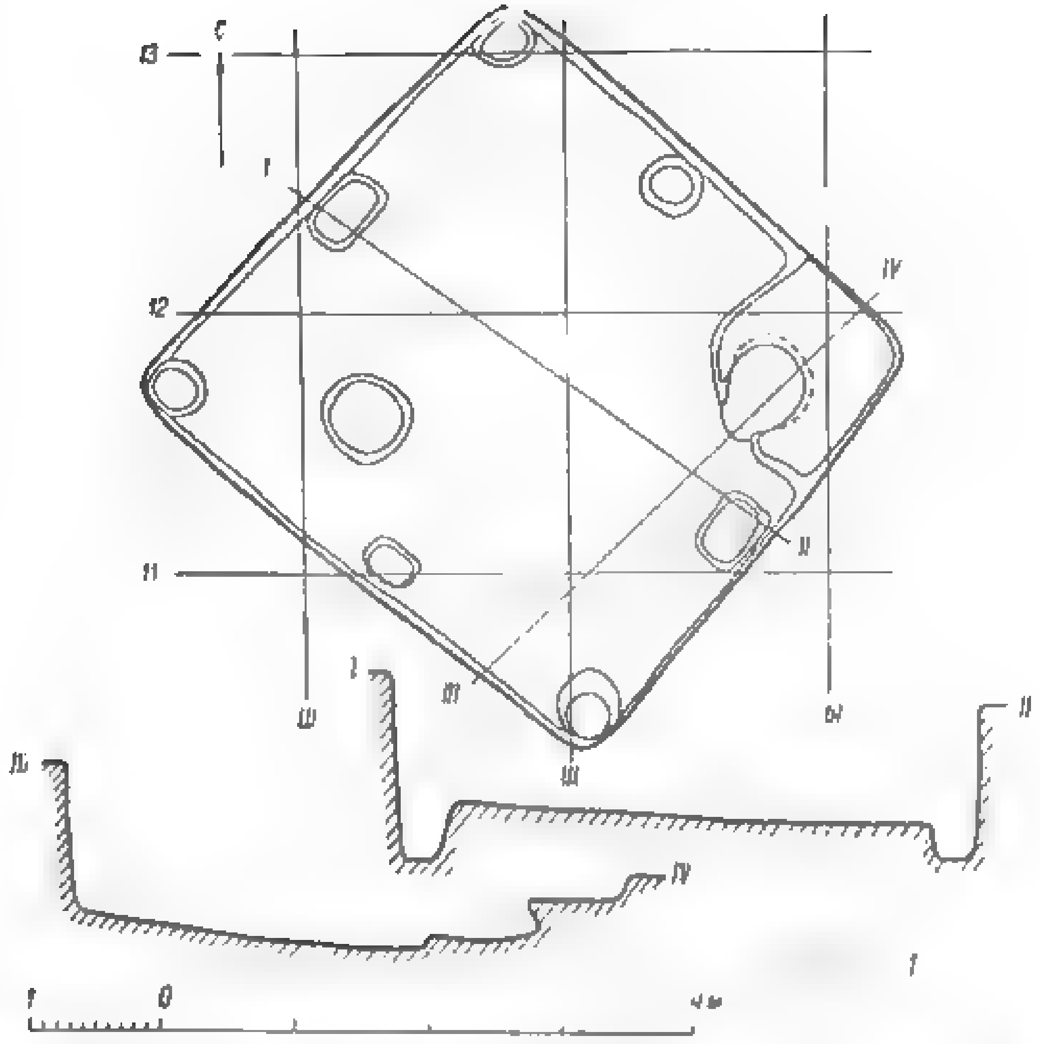


Рис. 100. Славянские жилища-полуземлянки Новотроицкое городище.
1 — план полуземлянки № 22; 2 — полуземлянка № 22 (вид с юго-востока).

землянках Новотроицкого и Опошнянского поселений. В некоторых жилищах были прослежены остатки вертикально стоящих обгорелых бревен (столбов) с прилегающими к ним облицовочными пластинами или досками (Новотроицкое городище, жилища №№ 10, 15, 19, 24 и др.; Опошнянское городище, жилища №№ 4, 5 и др.). Но такая система облицовки едва ли была возможна в жилищах, где имелось 2—3 столба, а между тем следы облицовки в виде обгорелых плах вдоль стен были обнаружены и в жилищах такой конструкции (городище Новотроицкое, жилища №№ 3, 4, 28 и др.). Очевидно, здесь применялась другая система закрепления облицовки, например срубная. Остатки срубов были обнаружены в жилище № 13 Волынцевского поселения.[126] На поселениях Новотроицком и Опошнянском отчетливо выраженных остатков срубной системы не прослежено.

Найденные при раскопках материалы содержат достаточно данных и для понимания устройства покрытия жилищ. Основной опорой крыши являлись столбы. Число столбов в жилищах не было постоянным, равно как и размещение их. Но почти во всех жилищах имелось два столба с постоянным местоположением — средняя часть двух противоположных стен, параллельных топке печи, так что один из столбов всегда находился против устья печи. Именно на линии этих столбов были неоднократно прослежены остатки сгоревших толстых бревен, тянущихся через всю длину жилища (от одного столба до другого) и являющихся не чем иным, как перекладами (или переводами), т. е. верхней связью противостоящих столбов — сох, несущих на себе основу (каркас) крыши (Новотроицкое поселение, жилища №№ 11, 15, 22 и др., Опошнянское поселение, жилища №№ 4, 5 и др.) В завалах сгоревших построек сохранились остатки и других деталей перекрытия — стропильных (поперечных) и продольных слег, хвороста, соломы или камыша, перемешанных с землисто-глинистым обожженным слоем.

В свете этих новых данных, обнаруженных при раскопках Волынцевского, Новотроицкого и Опошнянского поселений, следует признать, что число столбов в полуземлянках связано не только с конструкцией крыши, т. е. была ли последняя односкатной, двухскатной или какой-то иной, как это считалось ранее, когда облицовка деревом стен полуземлянок Левобережья была неизвестна, а и с системой облицовки.[127] Однако эти новые данные по-прежнему не содержат прямого ответа на вопрос, как же была устроена верхняя (надземная) часть жилищ. На материалах Новотроицкого поселения мы все же сделали попытку воссоздать внешний облик жилища той поры, используя при этом данные этнографии.[128]

Составной частью славянских полуземляночных жилищ VIII—X вв. является печь. Наиболее распространенным типом в области Левобережья была, по-видимому, печь «глинобитная», сводчатая, в которой нельзя не признать прототип «русской печи». Термин «глинобитная» здесь, однако, условен. Материалы раскопок показывают, что печь не «билась», а вырезывалась в глинистом материковом слое. Постройка ее производилась одновременно с сооружением нижней, углубленной части полуземлянки. При выкапывании ямы внутри ее, в одном из углов вырезался останец кубовидной формы размерами по длинной оси в пределах 1.20—1.70 м, по короткой 1.10—1.50 м и высотой до 1 м (несколько ниже стенок ямы жилища). Двумя сторонами останец примыкал непосредственно к стенам полуземлянки. В этом останце с одной из сторон (как правило, более короткой) вырезалась топка овальной или близкой к прямоугольнику в плане формы размером около 0.50×0.50—0.70 м, с куполообразным сводом высотой до 0.50 м. Вверху свода прорезалось цилиндрическое отверстие (дымоход) диаметром до 0.85 м. Следов трубы для вывода дыма наружу пока не обнаружено. Устье топки делалось в виде полукруглой арки несколько уже и ниже, чем сама топка. Под действием сильного огня топка (свод и под) подвергалась сильному обжигу, приобретая ярко-красный или оранжево-красный цвет. Снаружи печь оставлялась необожженной. Под, как правило,

[126] Там же, стр. 51—166; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА; Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—66.

[127] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения..., стр. 24, 25.

[128] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 19—210.

залегает на одном горизонте с полом[129] (рис. 101).

В таком изначальном своем виде печи сохранялись, по-видимому, непродолжительное время. Во всяком случае при исследованиях целые печи встречаются редко. Среди открытых можно указать печь в жилище № 2 Петровского поселения,[130] ряд целых печей обнаружен на Новотроицком городище (полуземлянки №№ 14, 15, 22, 43, 45, 46).[131] В большей части случаев в вскрываемых жилищах находят остатки печей, уже подвергавшихся неоднократной переделке (исправленные боковые стенки, обновленные поды, перенесенные устья с одной стороны на другую и т. п.). Быстрее всех других частей разрушался, по-видимому, свод. Ремонт свода производился с помощью особого вида кирпичей, обломков глиняной посуды, а также камней. В литературе эти кирпичи известны под именем конусов, хотя форма их далеко не всегда коническая. Они бывают овальные, сферические, удлиненные и т. п. О назначении этих кирпичей, встречаемых почти во всех жилищах в развалах печей, высказывались самые различные предположения.[132] Сейчас можно считать вполне установленным, что с помощью их ремонтировался свод печи, что было прослежено в ряде жилищ городища Новотроицкого и других поселений.[133]

«Глинобитные» печи кубовидной формы известны и в других районах, за пределами Левобережья. В частности, они известны и в области Правобережья, на поселениях близ с. Сахновка (уроч. Гора Девица),[134]

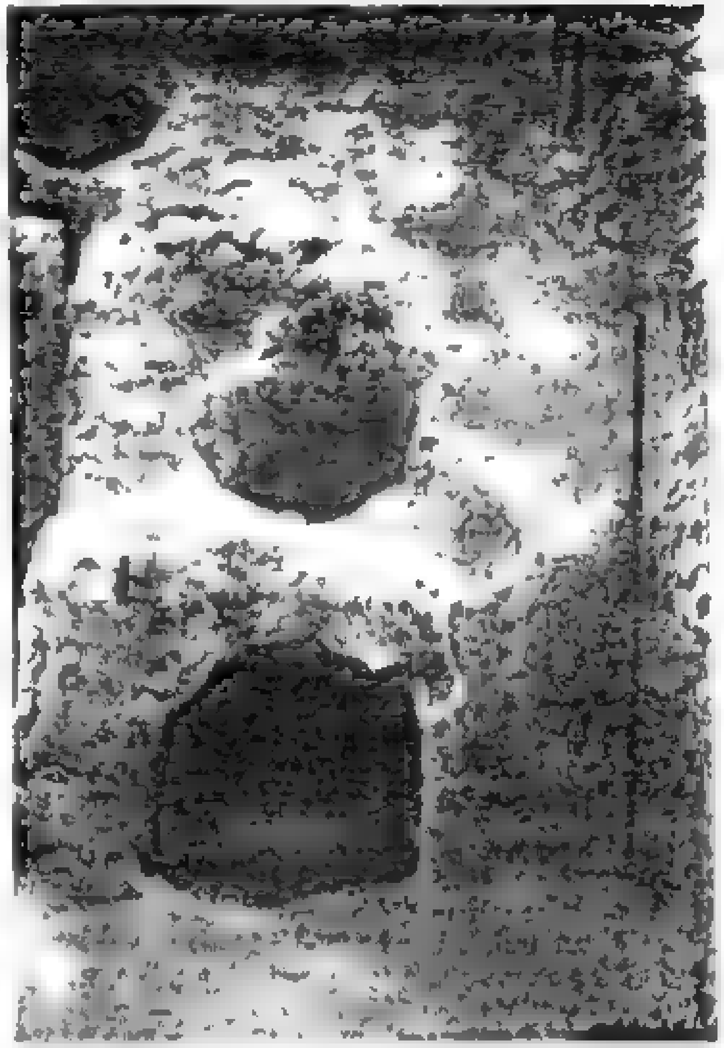


Рис. 101. Печи славянских жилищ-полуземлянок.

1 — Новотроицкое городище, жилище № 3[illegible]; 2 — [illegible] жилище № 11

[129] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 125—140; И. И. Ляпушкин. 1) Городище Новотроицкое, стр. 51—1?7, 19?—198. 2) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

[130] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 129, 130.

[131] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 74—77, 90—93, 123—131.

[132] М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 14; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 71; И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ..., стр. 124; Д. Т. Блифельд. Дослідження в с. Шестовицях. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 126.

[133] Д. І. Бліфельд. Дослідження..., стр. 126; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 71, 98 и др.

[134] В. И. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем

в районе г. Канев (усадьба Биологического заповедника Киевского университета),[135] у с. Райки,[136] в Киеве [137] и ряде других мест. В окрестностях с. Райки печь такого типа была обнаружена в жилище более поздней поры (XI—XII вв.) в неукрепленном поселении в уроч. Запасека. Здесь печь была вырезана в специально оставленном материковом массиве в северо-западном углу полуземлянки.

Кроме печей кубовидной формы, в некоторых жилищах поселений, содержащих отложения славянской культуры VIII—XI вв., как например на городище Монастырище, были обнаружены печи колоколовидной (полусферической) формы,[138] напоминающие собой печи древнего Киева и других древнерусских поселений XI—XIII вв.[139] Печи этой формы сооружались на особых материковых площадках, оставляемых при выкапывании нижней части полуземлянки (ямы). Одни из этих печей лепились из глины полностью, у других нижняя часть вырезалась в материке и только верх лепился из глины.[140] Имелся или нет в этих печах деревянный каркас, как это наблюдается в печах великокняжеской поры, неизвестно; никаких данных для ответа на этот вопрос в опубликованных материалах не содержится. Таким образом, говорить о полном сходстве колоколовидных печей Монастырища с печами великокняжеской поры нет достаточных оснований, а тем самым нет возможности дать ответ и на вопрос о соотношении этих двух форм печей — одновременны они или относятся к различным периодам жизни поселения, несмотря на то, что наличие слоя XI в. на городище Монастырище не вызывает сомнений. Не давая ответа на этот вопрос, следует все же иметь в виду факты, показывающие, что на многослойных поселениях в жилищах VIII—X вв. печи были кубовидной формы, а в более поздних — колоколовидной (полусферической). Такая картина была прослежена на Полтавском поселении;[141] то же самое, по-видимому, имеет место в Киеве [142] и на городище Курган.[143]

Вторым типом печей славянских жилищ Левобережья VIII—X вв. являются печи в виде подбоя в стенах жилищ. Глубина их 0.60—0.70 м, ширина устья 1.20—1.40 м, высота до 0.50 м. Форма топки близка к полусфере. Стенки свода и под сильно обожжены. Под топки в одних случаях лежит на одном уровне с полом, в других он возвышается над полом на 0.30—0.40 м. Печи подобного типа известны пока в небольшом числе. На Левобережье они обнаружены в жилищах №№ 3, 7 и 38 Новотроицкого городища,[144] в жилище № 1 Битицкого городища [145] и в жилище № 11 Опошнянского городища.[146] На Новотроицком городище в жилищах №№ 3 и 38 наряду с печью в виде подбоя имелись остатки обычных печей кубовидной формы. Сосуществовали они или нет, сказать не представляется возможным. Если эти печи разновременные, то последними по времени были печи кубовидной формы, ибо сохранились явные следы пользования ими в последний момент жизни. Была ли вторая печь в жилище № 7 (как в жилищах №№ 3 и 38), ответить невозможно, так как жилище № 7 почти полностью разрушено; от него сохранилась лишь одна юго-восточная стена, в которой и была сооружена печь в виде подбоя. На Битицком городище печь в виде подбоя была единственной печью в жилище; то же самое имело место и на Опошнянском городище.

Помимо Левобережья, печь подобного типа на поселениях VIII—X вв. известна

течении р. Рось. МИА, № 70, М.—Л., 1959, стр. 102—113.

[135] Раскопки Киевского государственного университета.

[136] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 55—57.

[137] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940, стр. 61—66.

[138] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 62—66.

[139] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 11, 19, 20.

[140] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 62—65.

[141] И. И. Ляпушкин. Старослов'янські поселення VIII—XIII ст. ст. . ., стр. 65.

[142] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., стр. 61—66.

[143] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270.

[144] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 55, 62, 63, 115—118.

[145] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—63.

[146] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

еще лишь в одном случае — в жилище № 3 на славянском поселении у хут. Ближняя Мельница.[147]

В каком соотношении находится данный тип печей с печами первого типа (кубовидной формы), ответить трудно. О хронологических различиях здесь говорить едва ли есть возможность; и Новотроицкое поселение, и Опошнянское, и поселение у Ближней Мельницы существовали непродолжительное время, и бо́льшая часть исследованных в них жилищ, в том числе и с печами в виде подбоев, прекратила свою жизнь если не одновременно, то на довольно близком друг от друга хронологическом отрезке. Что касается Битицкого поселения, то там, кроме печи в форме подбоя, других мы пока не знаем.

Любопытно отметить, что печи подобного типа были обнаружены в большом числе полуземляночных жилищ XII—XIII вв. на так называемом посаде и в сельских поселках близ укрепленного поселения Райки Житомирской области. И по размерам, и по устройству они буквально повторяют печи-подбои полуземлянок Левобережья VIII—X вв. Это были своеобразные ниши, вырезанные в стенах жилища. Под некоторых из них размещался на одном уровне с полом жилищ, другие вырезались на 0.20—0.30 м выше уровня пола.[148]

В некоторых полуземляночных жилищах Левобережья наряду со сводчатыми печами были встречены остатки открытых очагов. В большей части случаев они представляют незначительные углубления, преимущественно овальной или близкой к ней формы. Дно (под) их, как правило, сильно обожжено и имеет красный или оранжево-красный цвет. Расположены они неодинаково — в центре, в углах, близ печи и т. д., однако в каждом жилище они занимают строго отведенное место.

В незначительном числе полуземлянок Левобережья были обнаружены вдоль стен своеобразные «прилавки», вырезанные из материка одновременно с сооружением нижней, углубленной части полуземлянки совершенно так же, как вырезался в одном из углов останец для печи, или вылепленные из глины. Площадки этого типа возвышаются над полом на 0.35—0.50 м, при средней ширине около 0.40—0.50 м. Помимо городища Монастырища, где «прилавки» впервые были открыты Н. Е. Макаренко в 1906 г.,[149] они обнаружены также на городище Новотроицком.[150] Число полуземлянок, имеющих подобное устройство, незначительно. Так, на Новотроицком поселении из пятидесяти раскопанных жилищ подобные площадки обнаружены лишь в двух полуземлянках, поэтому признать их для жилищ Левобережья VIII—X вв. явлением распространенным, как это считают иногда, нет оснований. Скорее даже следует рассматривать их как отклонение от нормы. Нельзя считать их также присущими славянским жилищам только Левобережья.[151] Прилавки такого же типа обнаружены в ряде жилищ полуземлянок на поселениях вокруг Райковецкого городища (Житомирщина), правда, более позднего времени, XI—XII вв. О назначении этих лавок (или прилавков) сейчас можно судить уже более или менее определенно. Бо́льшая часть исследователей считает их лежанками,[152] а исследователь Райковецкого городища их прямо так и называет.[153] Раскопки последних лет содержат материалы, позволяющие по-новому подойти к определению их сущности. Оказывается, что прилавки имеются лишь в тех жилищах, где прослеживаются остатки ремесленного производства. Это установлено и на Новотроицком, и на Райковецком городищах. Как правило, в жилищах, где обнаружены прилавки, имеется по две печи — одна бытовая, вторая производственная. По-видимому, прилавки имели производственное назначение, это могли быть столы-верстаки, на которых производились огнеопасные работы.

В связи с характеристикой жилищ нельзя не остановиться еще на одной черте, присущей полуземлянкам, — это наличие в их полу хозяйственных ям. Бо́льшая часть их в плане округлая. Нижний диаметр чаще

[147] И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 337—347.

[148] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 49—57.

[149] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 61, 62; М. Макаренко. Городище Монастирище. . ., стр. 10, 11.

[150] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 81—84, 118—121.

[151] П. Н. Третьяков. Археологические памятники. . ., стр. 284, 285.

[152] В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 71.

[153] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 49—57.

всего больше верхнего, что придает ямам кубышкообразную форму. Размеры ям небольшие: верхний диаметр в пределах 0.40—0.90 м, нижний до 1 м, при глубине около 0.60—1.5 м. Ямы размещались, как правило, в углах или у стен. В заполнении их ничего характерного, что позволило бы уяснить назначение этих ям, до сего времени найдено не было. Обычно в них оказывались те же самые остатки, что и в нижней части полуземлянок. Только на Битицком поселении на дне одной из ям жилища (?), лишь слегка углубленного в землю, найдены железный лемех (симметричный), ботало железное, пряслице глиняное и железная пряжка. В ямах жилищ №№ 3 и 44 Новотроицкого поселения найдены шаровидной формы куски красной (так называемой липкой) глины, заготовленной, по-видимому, для хозяйственных надобностей. Основываясь на этих данных, можно заключить, что ямы использовались в качестве хранилищ-кладовых (погребов), где держались вещи, не находившиеся в данный момент в употреблении. Следует, однако, признать, что хозяйственные ямы (погреба) внутри жилищ не имели широкого распространения. Чаще всего они сооружались за пределами жилищ.[154]

Наконец, следует остановиться и еще на одной стороне конструкции жилищ — на устройстве выхода. В полуземляночных жилищах последующей поры (XI—XIII вв.) устройство выхода в виде ступенек, вырезанных в одной из стен, прослеживаются довольно отчетливо, не вызывая в этом отношении никаких сомнений.[155] Иная картина наблюдается в полуземляночных жилищах VIII—X вв. Для большей части исследованных полуземлянок места выходов остаются неизвестными. Лишь в последние годы в некоторых жилищах Посеймья были обнаружены следы выходов. Не исключено, что мы имеем здесь дело с памятниками переходной поры от роменских к великокняжеским.[156] К сожалению, подробной публикации этих материалов нет и делать какие-либо выводы не представляется возможным. Вместе с тем в научном обиходе вот уже более 20 лет прочно установилось мнение, что раннеславянские полуземлянки имеют по несколько выходов, соединяющих отдельные постройки в группы, представляющие единый жилой комплекс. Впервые это положение было высказано П. П. Ефименко в начале 30-х годов в отношении жилищ исследованного им в 1928—1929 гг. Большого Боршевского городища. В последующее время это положение без обоснования было распространено и на другие поселения этой поры и приобрело характер истины.[157]

Изучение материалов Большого Боршевского городища и других поселений, однако, привело к выводу об ошибочности этого заключения, основанного на признании разновременных, взаимно перекрывающих жилых и хозяйственных полуземляночных построек, причудливо переплетающихся между собой, за единовременный комплекс жилищ, связанных между собой переходами.[158]

Наряду с остатками жилищ в славянских поселениях VIII—X вв. неоднократно были прослежены остатки и хозяйственных сооружений, но менее выразительные, чем первые. Наиболее распространенным видом их являются ямы-погреба. В отдельных случаях, как отмечалось выше, ямы-погреба были обнаружены непосредственно в жилищах, но бо́льшая часть их найдена все же за пределами жилых построек. Ямы-погреба, как и углубленные части жилых построек, выкопаны в почвенно-материковом слое. Формы и размеры их довольно разнообразные. Наряду с округлыми в плане встречаются и прямоугольные. Правда, последние сравнительно редки. Верхний диаметр округлых ям, как правило, меньше нижнего, что придает ямам колоколовидный или, как называют их сейчас, кубышкообразный вид. Реже встречаются ямы цилиндрической формы. Есть основания полагать, что цилиндрическая форма не первоначальная, что она образовалась из колоколовидной, в результате оползания верхних частей стенок. Такая форма хозяйственных ям-погребов в южной части нашей страны довольно древняя. Она хорошо известна уже на поселениях скифского времени. Вместе с тем эта форма дожила вплоть до наших дней в тех же самых районах в виде погребов-кубышек, отличаясь лишь большими размерами. Размер таких ям в славянских поселениях VIII—X вв. колеблется в пределах: верхний диаметр 0.40—1.40 м, нижний 0.70—2.0 м, глубина от 0.50 до 2 м. Нижний диаметр современных кубышек достигает 3 м, при такой же глубине. В заполнении некоторых ям (например на городище Новотроицком ямы №№ 1, 4, 7, 9 и др.) обнаруживали горелое дерево, золу, ошлакованную глиняную посуду, причем в одной из ям (№ 9) золисто-углистый слой залегал выше сосудов, находившихся на дне ямы.[159] Это свидетельствует о том, что горелый слой упал в яму сверху и связан, очевидно, с наличием над погребами каких-то деревянных конструкций, по-видимому относящихся к перекрытию. По материалам Новотроицкого городища мы попытались реконструировать внешний облик этих построек.[160]

Вторую группу хозяйственных построек составляют сооружения наземного или лишь слегка углубленного в землю типа. В области Левобережья о них можно судить пока лишь на основании материалов Новотроицкого городища. Это были прямоугольные в плане сооружения размером 2—3×2—3 м. Судя по остаткам одной из таких сгоревших построек (!), стены их сооружались из вертикально поставленных впритык одна к другой деревянных плах шириной до 0.30 м. Другими словами, площадка забиралась частоколом из довольно массивных плах. Каково было крепление их и устройство крыши, неизвестно. От большей части построек этого типа сохранились лишь остатки полов в виде горизонтальных площадок. Внутри таких построек обнаружены остатки открытых очагов в виде сильно обожженных глиняных пятен овальной в плане формы, а также хозяйственные ямы. В некоторых сооружениях на полу найдены раздавленные глиняные сосуды, орудия труда, горелое зерно.[161] На других поселениях остатки построек этого типа пока неизвестны, что следует объяснить, по-видимому, незначительностью размеров вскрытых площадей.

В связи с характеристикой внешнего облика жилых и хозяйственных построек естественно встает необходимость остановиться подробнее на том, какова же была планировка поселений. К сожалению, как отмечалось выше уже не раз, на большей части исследованных поселений вскрыты лишь незначительные участки, площадью порядка 200—300 $м^2$, включающие в себя два-три жилищно-хозяйственных комплекса, что, конечно, далеко не достаточно для суждения о планировке не только поселения в целом, но и отдельных участков их. Исключение из этого составляют два памятника — городища Новотроицкое и Опошнянское, а за пределами Левобережья — Большое Боршевское. Территория Новотроицкого поселения вскрыта полностью (около 4000 $м^2$),[162] на Опошнянском городище раскопано около 1500 кв. м,[163] на Большом Боршевском

[154] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 60—65; П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 130—132; И. И. Ляпушкин. 1) Материалы к изучению юго-восточных границ..., стр. 119, 120; 2) Городище Новотроицкое, стр. 138—150. І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселения VIII—XIII ст. ст..., стр. 71.

[155] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 15, 19 и др.

[156] Д. Т. Березовець. 1) До питання про літописних сіверян, стр. 33 и сл.; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—66.

[157] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 7, 8; В. И. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Изв. ГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 109, 110; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 273; История СССР, ч. III—IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939 (на правах рукописи), стр. 214, 215, 460; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 324; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории Левобережной Украины, стр. 32, 33; 2) Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 118, 119; 3) Древняя Русь, Л., 1946, стр. 53; П. Н. Третьяков. 1) Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. II, № 3, М., 1945, стр. 165; 2) У истоков древней Руси. Сборн. По следам древних культур. Древняя Русь, М., 1953, стр. 22, 24; 3) Восточнославянские племена, стр. 164, 287, 288; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 11; История культуры древней Руси, т. I. Ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М.—Л., 1948, стр. 204, 205; БСЭ, т. 5, изд. 2-е, М., 1950, «Боршево», стр. 607; История русской архитектуры. Краткий курс. Ред. С. В. Безсонов и др. М., 1956, стр. 3; М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия. СЭ, вып. 2, М., 1953, стр. 30, 31.

[158] И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 3—13.

[159] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 138—150.

[160] Там же, стр. 192—210.

[161] Там же, стр. 150—153.

[162] Там же, стр. 14.

[163] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

около 700 кв.м.[164] Большие раскопки произведены на Волынцевском поселении, но, к сожалению, из-за отсутствия сводной публикации материалов не представляется возможным составить отчетливое представление ни о системе раскопок, ни о вскрытых объектах. Использовать в этих целях план, напечатанный в V выпуске «Археологiчних пам'яток УРСР» (стр. 49, рис. 1), мы не считаем возможным.[165]

Новотроицкое городище занимает площадку высокого мыса, вытянутого по оси В—З; мыс сохранился не полностью. В результате выборки глины южная часть площадки по всей длине мыса уничтожена. Разрушенная часть составляет около ¼ площадки. Частично разрушен и восточный конец мыса. Сохранившаяся часть площадки, на которой прослежены остатки древнего поселения, равна приблизительно 3500 м² (125×20—40 м). Первоначальная форма мыса близка яйцевидной, с площадкой около 5000 м².

Раскопками вскрыто остатки 50 жилых полуземлянок, около 100 хозяйственных сооружений, в том числе около десятка наземных. Подавляющая часть жилых построек, а также многие из хозяйственных прекратили свое существование в результате пожара, очевидно, одновременно, в связи с катастрофой. Лишь некоторые жилища и часть хозяйственных построек закончили свою жизнь несколько ранее. Исключение последних дает картину того, как была застроена площадка поселка жилыми и хозяйственными сооружениями в последний момент его жизни.

Раскрытые остатки древнего поселения позволяют заключить, что жилища занимали серединную часть площадки по всей ее длине. Размещены они были довольно скученно, иногда буквально впритык одно к другому, но это были все отдельно стоявшие, изолированные друг от друга постройки. Следов уличной или какой-либо другой отчетливо выраженной планировки в расположении жилищ не чувствуется, хотя боле или менее одинаковая ориентировка их по линиям СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ придает этому нагроможденному размещению жилищ некоторый порядок. В этой скученности жилищ есть и еще одна любопытная деталь. Многие жилища обращены друг к другу стенами, к которым примыкают задние стенки печей.

Наземные хозяйственные постройки и погреба территориально, как правило, оторваны от жилищ. В большей части они размещены по краю мыса, где проходит полоса шириной 8—12 м, не занятая жилыми постройками. Но погреба расположены не только по краю площадки. Ряд их обнаружен непосредственно около жилых построек, там, где между полуземлянками были значительные промежутки[166] (рис. 102)

Сходная картина размещения жилых и хозяйственных построек прослежена и на Опошнянском поселении, где исследован восточный конец площадки мыса, на котором выявлены остатки древнего поселения. Здесь вскрыто около 1500 м², обнаружено 14 жилищ и 18 хозяйственных построек. Жилища расположены по линии серединной части площадки, причем следы уличной планировки отсутствуют и здесь. Правда, на Опошнянском поселении нет той скученности, как на Новотроицком городище (расстояние между отдельными жилищами от 2 до 10 м). Хозяйственные постройки концентрируются за линией жилищ. Материалы Опошнянского поселения относятся лишь к незначительной, примерно ¼ части территории всего поселка.[167] Сами по себе они, конечно, не могут служить достаточным основанием для ответа на вопрос о планировке поселения, но как дополнительные данные к материалам полностью раскопанного Новотроицкого городища они являются весьма ценными. На Большом Боршевском городище раскопки производены в северной части городища. На участке, представляющем собой площадку, расположенную поперек городища, были обнаружены остатки 18 полуземляночных построек и ряд хозяйственных ям (погребов) и наземных хозяйственных сооружений. Как и в Новотроицком поселения, жилища размещены в средней части мыса, а хозяйственные сооружения — по краю.[168] Постройки

[164] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

[165] Д. Т. Березовець. Дослiдження слов'янських пам'яток на Сеймi в 1949—1950 рр., стр 49—66.

[166] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 193—211, табл. 1.

[167] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

[168] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 14—35.

далеко не все одновременны, но даже при оставлении на плане лишь той группы построек, одновременное существование которых не вызывает сомнения (№№ 1, 5, 8, 10 15, 17—22), придется признать, что на Большом Боршевском городище постройки расположены так же скученно и без заметных

Рис. 102. Славянские жилища-полуземлянки. Новотроицкое городище. Раскопки 1953 г. Вид с северо-востока.

следов уличной планировки, как и на Новотроицком.

Почти ничего нельзя извлечь для ответа на данный вопрос из материалов других исследованных поселений (Монастырище, Петровское, Полтавское и некоторые другие). Материалы их подтверждают лишь одно — что жилища размещались так же скученно, как на Новотроицком, Опошнянском и Большом Боршевском. Так, для Монастырища Н. Е. Макаренко указывает пределы расстояния между жилищами от 1.30 до 3.20 м.[169] На Петровском городище две землянки, раскопанные П. Н. Третьяковым, отстояли одна от другой на 0.80—1 м.[170]

Любопытно отметить, что подобная скученность жилых построек была прослежена на славянских поселениях и более поздней поры, XI–XIII вв. Так, раскопками на территории Киева в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря был вскрыт комплекс из восьми полуземляночных жилищ. Некоторые из них отстояли одно от другого на расстоянии, не превышающем 1м.[171] Из всего комплекса лишь одна полуземлянка

[169] М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 10

[170] П. Н. Третьяков. Стародавнi слов'янськi городища. . ., стр. 129

[171] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 8—44

(VIII) отстояла как будто в некотором отдалении от остальных — на расстоянии около 5 м. Не исключено, однако, что и она была связана более тесно с остальными, но неисследованность участков, прилегающих с северо-восточной и северо-западной сторон, не позволяют это выяснить.

Значительная скученность жилых построек полуземляночного типа обнаружена и на Райковецком поселении, в так называемом посаде и сельских поселениях. На участке южного склона левого берега р. Рубленки, что к западу от городища, землянки расположены на расстоянии не более 2—3 м, причем печи этих жилищ, вырезанные в стенах, отстоят всего лишь на расстояние 0.7—1.1 м одна от другой.[172]

* * *

Работы последних лет значительно обогатили наше представление не только об устройстве жилищ и планировке поселений, но и о других сторонах материальной культуры славянского населения Левобережья VIII—X вв. Всем хорошо известно, что в литературе давно, с момента открытия памятников роменско-боршевского типа, утвердилось представление о примитивном характере материальной культуры населения, оставившего эти памятники. Об этом писали все, кто в какой-то мере соприкасался с памятниками этого типа, начиная с Н. Е. Макаренко,[173] исследовавшего роменскую группу поселений (Монастырище, Вашкевича, Медвежье и др.), и П. П. Ефименко,[174] исследовавшего воронежскую группу (Большое Боршевское, Малое Боршевское, Кузнецова Дача, Михайловский Кордон), и кончая исследователями последнего времени, в том числе и автора настоящей работы.[175] Наиболее крайняя точка зрения в этом вопросе была высказана Н. Е. Макаренко. Характеризуя культуру городища Монастырище, он писал: «Не удивительно, что ни разу не встречено на городище ни меди, ни бронзы. Думаю, что ее тут не было. Не случайное явление и то, что, несмотря на большую площадь, занятую раскопками, так мало найдено железных вещей. Железо тогда было металлом, в этих местах редким, а меди и бронзы население городища, не исключена возможность, что не только не видело, но и не знало».[176] Подобное представление могло сложиться несомненно лишь в результате слабой изученности как памятников этого типа, так и культуры всего I тысячелетия н. э. Показательным в этом отношении является тот факт, что до последнего времени (до середины нашего столетия) мы судили о культуре славянского населения Левобережья VIII—X вв. по раскопкам городищ роменской группы (Монастырище в первую очередь), произведенным Н. Е. Макаренко в начале XX в.

Все это обусловлено тем, что другие поселения данной культуры исследованы еще менее, или же результаты изучения их, как например двухлетние раскопки на Гочевском городище, остаются до сего времени неопубликованными.[177] Значительно лучше других было исследовано Большое Боршевское городище, расположенное, правда, за пределами рассматриваемой нами территории, но и оно не могло служить достаточным основанием для суждения о характере культуры восточных славян VIII—X вв., что с полной очевидностью вытекало из работы, посвященной данному памятнику, в которой авторы утверждают, что поселение «было покинуто жителями, успевшими унести с собой наиболее ценный бытовой инвентарь. Оставлено было лишь то, что невозможно было взять, а именно глиняная посуда, которая не выдержала бы дороги, и тяжелые вещи: жернова и точильные камни. . . Таким образом, добытый при исследовании городища вещественный материал, — заключают авторы, — не может быть признан особенно полным. Он представляет собой лишь некоторые остатки хозяйственного и чисто бытового инвентаря, бывшего в обиходе у населения существовавшего здесь по-

[172] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 49—57.

[173] М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 22.

[174] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 5—9; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 45.

[175] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1941, стр. 238—290; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения. . ., стр. 36.

[176] М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 22.

[177] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . ., стр. 123—140; И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . ., стр. 117—126; І. І. Ляпушкін. Старослов'янсько поселення VIII—XIII ст. ст. . ., стр. 58—78; Б. А. Рыбаков. 1) Анты и Киевская Русь, стр. 319—337; 2) Ремесло Древней Руси, стр. 73, примеч.

селка».[178] Тем не менее и этот материал, как и материалы роменской группы поселений, явился одним из краеугольных камней при суждении об облике культуры славян VIII—X вв.

Не останавливаясь подробно на обзоре существовавшей оценки характера материальной культуры роменско-боршевского типа, обратимся к материалам, добытым раскопками последних лет, посмотрим, насколько представления об облике этой культуры соответствовали действительности.

При раскопках поселений Битицкого, Волынцевского, Новотроицкого и других исследователями обнаружены многочисленные изделия из железа и цветных металлов. На Битицком городище найдены сошник, серп, тесло, орудия кузнечного производства, бытовые вещи — ножи, кресало, а также украшения из цветных металлов.[179] Сошник и серп обнаружены также на Волынцевском поселении. Кроме того, в одной из могил Волынцевского некрополя были найдены обрывки кольчуги. Из украшений Волынцевского могильника следует отметить браслеты, перстни, бусы.[180] Более всего изделий из металла оказалось на Новотроицком городище. Из железных изделий — сошники, мотыжки, серпы, косы, топор, тесла (проушные и трубчатые), ложкорезы, рыболовные крючки, наконечники стрел, обломок меча, ножи, кресало, шилья, бабка для пробивки кос, пряжки и много других бытовых изделий и хозяйственных поделок. Изделия из цветных металлов представлены преимущественно украшениями. Здесь и височные кольца, и браслеты, и шейные гривны, и перстни, и серьги, и некоторые другие поделки, причем это не отдельные, случайные вещи, а целые комплексы, наборы вещей или серии их. Большая часть найденных вещей сделана из серебра. Некоторые находки представляют собой клады. Один из таких кладов содержал, помимо украшений, десять восточных монет, относящихся ко времени от 93 (711—712) до 203 (818—919) г.

Наряду с готовыми металлическими изделиями на Новотроицком поселении были найдены предметы, свидетельствующие об обработке металлов на месте, — железные шлаки, шлаки и слитки цветных металлов, тигли для плавки цветных металлов, штамп для изготовления бляшек.

Небезынтересно отметить, что единичные, совершенно такие же вещи, как на Новотроицком городище, были находимы и на других поселениях, где раскопки велись в меньших масштабах. Так, на Шуклинском городище обнаружены коса-горбуша, нож с пластинчатой железной рукоятью и сошник,[181] на Воргольском городище — трубчатое тесло,[182] на Опошнянском городище — обломки тигельков той же самой формы, что и на Новотроицком.[183]

В свете этих данных следует признать утверждение Н. Е. Макаренко, что население, оставившее памятники роменского типа, «не видело и не знало бронзы и меди, а железо в этих краях было редким металлом», далеким от действительности. Приведенные нами данные свидетельствуют, что металлы не только хорошо были известны населению, оставившему роменские памятники, но и широко использовались им и в сельском хозяйстве, и при обработке дерева, и при рыбной ловле, и в вооружении, и в различных областях быта. Из серебра и бронзы изготовлялись украшения. По сравнению с изделиями из металла изделия из кости среди найденных на поселениях вещей занимают ничтожное место. Основную массу костяных вещей на всех поселениях составляют различные острия — шилья, кочедыки и т. п. Все прочие изделия из кости являются единичными находками, да и число их ничтожно. Это рукояти ножей, лощила и некоторые другие вещи чаще всего неясного назначения. Никаких орудий труда и других подобных предметов из кости ни на одном поселении обнаружено не было.[184]

[178] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 34, 35.

[179] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83.

[180] Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльського району, Сумської області, стр. 242—250; 2) До питання про літописних сіверян, стр. 28—44; 3) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—4[illegible].

[181] Т. Н. Никольская. Шуклинское городище. КСИИМК, вып. 72, М., 1958, стр. 66—77.

[182] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян, стр. 31.

[183] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1937 г. Архив ИА.

[184] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . ., стр. 123—140; Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіве[illegible]

Большое место среди материалов раскопок занимают керамические остатки. Основную массу их составляет глиняная посуда — лепная и гончарная. Лепная посуда преобладает на всех поселениях, а на отдельных она является единственной. Грубая по качеству материала и выделки и простая по своим формам, она тем не менее настолько своеобразна, что легко выделяется из состава других керамических групп даже по незначительным обломкам. По форме лепные сосуды можно свести к четырем основным группам: 1) горшки; 2) миски; 3) сковородки; 4) кувшинообразные сосуды (рис. 103).

Горшкообразные сосуды — самая многочисленная и самая разнообразная по профилировке, качеству теста, размерам и орнаментации группа. Отчетливо выделяется четыре типа горшков: I. Кухонные горшки; II. Горшки для хранения продуктов с широкой горловиной; III. Горшки для хранения продуктов с выпуклым туловом; IV. Горшки с цилиндрическим венчиком.

I. У кухонных горшков диаметр горла несколько меньше высоты сосуда, диаметр дна составляет от ½ до $^2/_3$ диаметра горловины. Венчик сосудов невысокий, слегка отогнутый наружу. Плечики выражены довольно отчетливо. Тулово горшков слегка выпуклое, постепенно сходящее ко дну на конус. Высота сосудов колеблется от 5—9 до 25—30 см. В глине примесь дресвы или шамота, вследствие чего поверхность стенок шершавая; толщина стенок доходит до 1 см. Цвет стенок от палевого до темно-бурого. В изломе черепок имеет, как правило, черную окраску. Многие сосуды орнаментированы. Орнаментировались край венчика, плечики и тулово сосудов. Край венчика покрывался отпечатками зубчатого чекана, защипами, насечкой, отпечатками палочки обмотанной веревочкой, и т. п. Те же технические приемы применялись и при орнаментации плечиков и тулова сосудов, правда, в более разнообразных сочетаниях. Кроме того, многие сосуды покрывались врезным линейным и волнистым орнаментом, а также врезной ломаной линией в самых различных сочетаниях [185] (рис. 103, *1*, *2*).

II. Горшки второго типа имеют широкую горловину, диаметр которой чаще всего превосходит высоту сосуда. Дно сосуда узкое, диаметр его около $^1/_3$ ширины горла. Шейка и плечики выражены очень слабо. Форма сосуда коническая. Тесто и поверхность стенок одинаковы с горшками I типа. Цвет наружной поверхности желтый или палевый, черепок в изломе черный. Край венчика иногда орнаментирован теми же приемами, что и у горшков I типа; плечики и тулово орнаментации не имеют. Размеры сосудов обычно больше, что существенно отличает их от горшков I типа (рис. 103, *3*).

III. Сосуды третьего типа имеют близкое соотношение размеров диаметра горла и высоты, но дно у них более широкое, а тулово выпуклое, и это придает им иной облик. Во всех остальных отношениях они совершенно одинаковы с горшками II типа (рис. 103, *4*).

IV. Характерной чертой горшков четвертого типа, отличающей их от других горшкообразных сосудов, является высокий вертикальный (цилиндрический) венчик, достигающий в отдельных случаях 6—7 см в высоту. Впрочем, вертикальность венчика выражена не у всех сосудов отчетливо. У одних венчик имеет небольшой наклон внутрь, у других — наружу, что придает одним сосудам резкий характер профилировки, контуры других делает более мягкими. Венчик переходит непосредственно в плечики, причем последние выражены в одних случаях в виде резкого изгиба, в других имеют плавный, едва уловимый переход. Недостаточно устойчивы и пропорции отдельных частей сосудов: у некоторых диаметр горловины больше высоты, у других высота больше ширины горловины или равна ей. То же можно сказать о пропорциях дна. Такое соотношение между отдельными частями сосудов делает одни из них широкими, приземистыми, другие — высокими, стройными. Размеры сосудов IV типа разнообразны. Высота их колеблется в пределах 10—35 см (рис. 103, *5*, *6*).

В технологическом отношении эти горшки в массе своей более совершенны, чем все описанные выше. Они изготовлялись из относительно чистой глины, в силу чего стенки их сравнительно тонкие и имеют

ран, стр. 30; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 48—51.

[185] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів. . ., стр. 323—338, И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 32—38.

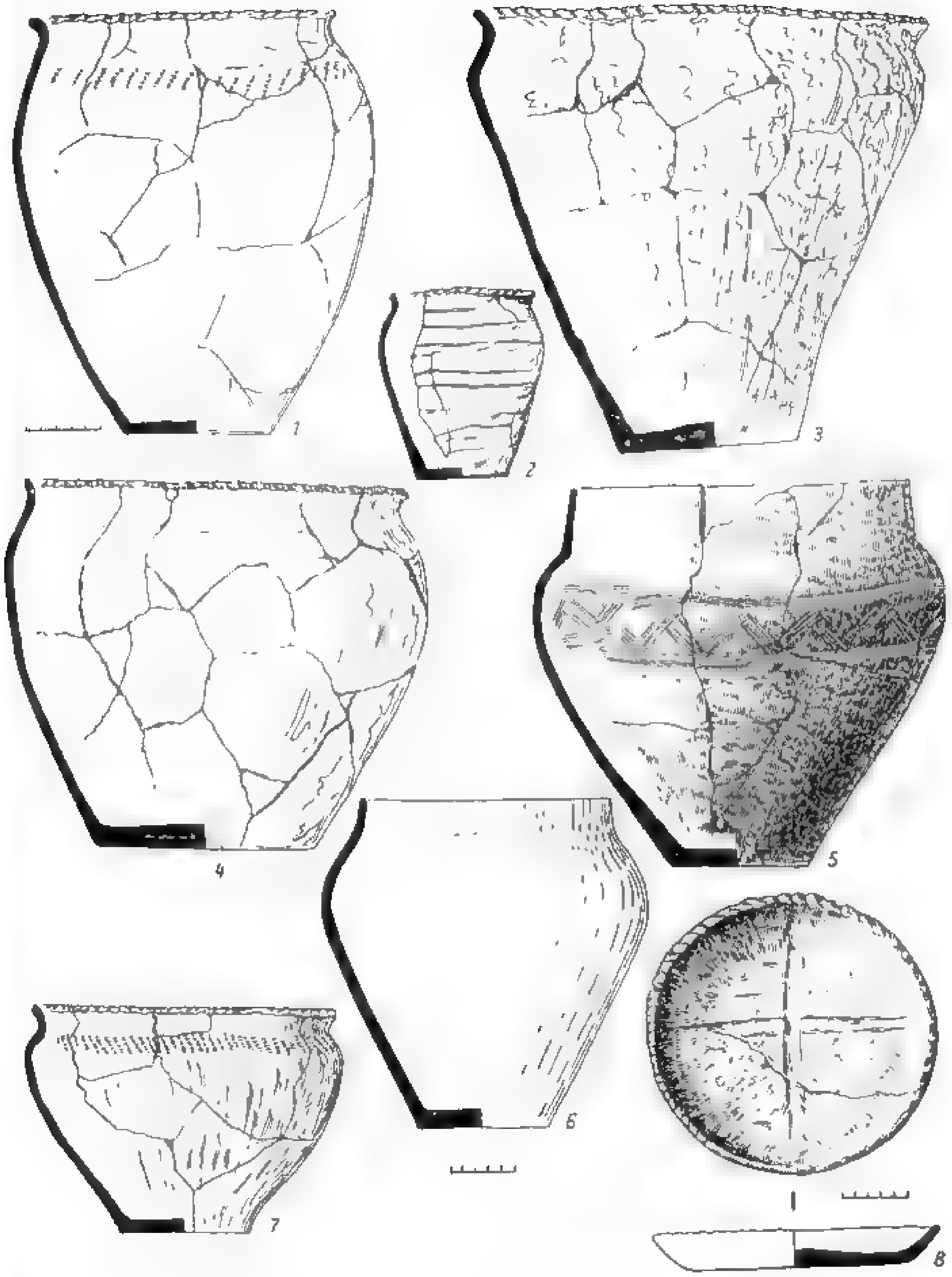


Рис. 103. Керамический комплекс славяно-русской культуры VIII—X вв. Новотроицкое городище.

ровную, гладкую поверхность. Обжиг их более равномерный, цвет от ярко-красного до черного. Имеются сосуды, покрытые лощением — сплошным или в виде вертикальных полос. Верхняя часть некоторых сосудов обрабатывалась, по-видимому, с помощью какого-то примитивного гончарного круга.

Многие сосуды орнаментированы. Орнамент размещался исключительно по тулову сосуда, ближе к плечикам. Край венчика всегда гладкий. Орнаментальные мотивы и техника нанесения орнамента та же, что и на горшках I типа.[186]

Сосуды второй группы — миски — имеют широкое, открытое горло, диаметр которого значительно превышает их высоту, и узкое дно. Венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо, стенки слегка выпуклые. Миски изготовлялись из глины с примесью дресвы или шамота, но более мелкозернистых, чем в горшкообразных сосудах. Поверхность их менее шероховатая. Край венчика, а также плечики отдельных сосудов покрывались орнаментом. Техника и мотивы орнаментации те же, что и у горшков I типа, но только менее разнообразны. Цвет стенок желтый или палевый, в изломе черепок черный. Стенки толстые, придонная часть и дно достигают 2 см. Размер мисок разнообразен. Есть очень маленькие, но имеются высотой более 20 см при диаметре горловины более 30 см (рис. 103, 7).

Составной частью керамического комплекса является третья группа сосудов — сковородки. По форме и размерам они мало чем отличаются от современных чугунных сковород: диаметр их 20—25 см, высота стенок 3—4 см. Бóльшие и меньшие размеры встречаются редко. У большей части сковородок стенки имеют незначительный наклон наружу; реже встречаются сковородки с вертикальными или загнутыми внутрь стенками. Сковородки изготовлялись из глины с незначительной примесью шамота или дресвы (реже), и стенки их имеют более гладкую поверхность, чем стенки кухонных горшков. Край (обрез) стенок иногда орнаментировался отпечатками пальцев и зубчатого чекана или косыми насечками. Встречаются сковородки, на дне которых с внутренней стороны нанесен крест (рис. 103, 8).

Наряду с такими небольшими сковородками на поселениях роменской группы широко распространены сковородообразные сосуды или противни больших размеров. Одни из них округлые в плане, другие прямоугольные. Высота стенок (бортиков) достигает 10 см, при толщине 3—4 см. Диаметр этих сковород доходит до 60 см. Они изготовлялись из глины, содержащей значительные примеси каких-то органических остатков, в силу чего тесто их пористое и довольно рыхлое. Края бортиков некоторых таких сковород орнаментировались защипами.

Четвертая группа лепных сосудов самая малая и наименее выдержанная в своих формах. Сюда относятся все узкогорлые кувшины и близкие к ним сосуды с ручками, напоминающие собой кружки и им подобные формы. В большей своей части они известны по обломкам ручек и горлышек, находимых на отдельных поселениях. Восстановить их формы чаще всего невозможно.[187]

Помимо четырех описанных групп лепных сосудов, встречаются одиночки («уникумы»), которые невозможно отнести ни к одной из перечисленных групп без натяжки. Но такие случаи редки.[188]

Перечисленные нами четыре группы лепных сосудов, составляющие керамический комплекс роменской и близких им славянских памятников Левобережья, присущи, очевидно, всем известным нам поселениям, однако соотношение отдельных типов сосудов на отдельных поселениях, как показывают материалы раскопок, не везде одинаково. Неодинаково также и процентное соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики. Так, на поселениях волынцевского типа (Волынцево, Битица) горшки IV типа (с цилиндрическим венчиком) встречаются в большем числе, чем на поселениях собственно роменских,[189] а на Опошнянском городище — поселении, во всех отношениях ничем не отличающимся от Новотроицкого — орнаментированной керамики почти совсем нет.[190]

Есть и еще некоторые особенности в керамике отдельных памятников (поселений). Так, на Опошнянском городище, кроме средневековых амфор (яйцевидных), никаких иных сосудов, сделанных на гончарном круге, не найдено. На других поселениях, как например на Волынцевском и Битицком, сосуды, сделанные на гончарном круге, представлены рядом форм: горшки IV типа (с цилиндрическим венчиком), салтовские кувшины, яйцевидные амфоры и некоторые другие, не совсем отчетливо выраженные формы.[191] Гончарные горшки IV типа (отдельные обломки) обнаружены на Новотроицком городище. Там же найдено и несколько обломков горшков курганного типа и одна такая же миска.[192] Обломки гончарной керамики курганного типа встречены на многих других поселениях, как подвергавшихся, так и не подвергавшихся раскопкам.[193] Как бы ни были незначительны эти особенности, пройти мимо них нельзя, они требуют изучения.

Из других керамических изделий, находимых при исследовании поселений, следует отметить глиняные пряслица. Форма их преимущественно биконическая, усеченная. Реже встречаются овальные. Пряслица, изготовленные из черепков сосудов, широко распространенные в это время на Юго-Востоке, на поселениях салтово-маяцкой культуры, на славянских поселениях очень редки. На некоторых поселениях найдены шиферные (овручские) пряслица (Монастырище, Петровское).[194]

Сравнительно немногочисленны находки изделий из камня. Сюда относятся точильные камни, жернова и так называемые утюжки. Точильные камни встречаются как в обработанном виде, в форме брусков, так и в виде необработанных кусков камней (песчаник, сланцы и некоторые другие породы). В последние годы на исследованных поселениях Новотроицком и Битицком найдены круглые точила. Жернова встречаются довольно редко. Нам достоверно известны находки этого рода на Петровском, Новотроицком и Битицком городищах. На Новотроицком городище найдена целая серия «утюжков». Это каменные орудия, изготовленные из песчанистых конкреций, расколотых пополам. Плоскость скола представляет хорошо обработанную горизонтальную или слегка вогнутую внутрь поверхность. Назначение этих орудий неизвестно.[195]

Исключительный интерес для понимания облика культуры славянского поселения представляют остатки продуктов питания. В первую очередь сюда следует отнести зерна пшеницы, ржи, ячменя и других злаков. В большом количестве злаки обнаружены на Новотроицком городище, преимущественно в жилищах, под завалами рухнувших сгоревших крыш. Так, в жилищах №№ 11, 21, 43 и 44 была найдена пшеница, в жилище № 23 — рожь. Рожь была найдена также в сгоревшей наземной постройке 1 и в яме № 28. Ячмень обнаружен в виде примеси к пшенице. Зерна злаков сохранились настолько хорошо, что представляется возможность определить не только различные культуры, но и сорта внутри отдельных культур.[196]

К этой же категории материалов следует отнести и костные остатки, являющиеся чаще всего кухонными отбросами или неиспользованными запасами мяса. К сожалению, кости животных не всегда привлекают внимание исследователей и в силу этого не подвергаются изучению, а иногда, по-видимому, и не собираются совсем. Хотя мы располагаем данными лишь из неболь-

[186] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 38—41.

[187] Там же, стр. 44, 45.

[188] Там же, стр. 44

[189] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83.

[190] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

[191] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області, стр. 242—250; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83

[192] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 44—46.

[193] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., стр. 67 и др.; М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 14

[194] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . ., стр. 138; И. И. Ляпушкин; 1) Раннеславянские поселения. . ., стр. 32—34; 2) Городище Новотроицкое, стр. 46; 3) Карнауховское поселение. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 310, 311

[195] П. Н. Третьяков Стародавні слов'янські городища. . ., стр. 138; И. И. Ляпушкин. 1) К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83; 2) Городище Новотроицкое, стр. 48, 49.

[196] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 69—73, 87—90, 93, 123—129, 142, 150—153

шого числа памятников, учесть их все же необходимо (табл. 1; цифры показывают %% соотношение).

Таблица 1

Наименование вида	Петровское		Новотроицкое		Опошня	
	по числу костей	по числу особей	по числу костей	по числу особей	по числу костей	по числу особей
Домашние животные						
1. Крупный рогатый скот	74	41	60	40	[illegible]	38.5
2. Мелкий рогатый скот	12	21	[illegible]	18	12	11.5
3. Лошадь	[illegible]	12	8	10	3	7.70
4. Свинья	11	26	16	2	24.5	26.9
5. Собака	—	—		5		
6. Птицы	[illegible]	[illegible]	5	3	3.5	15.4
Дикие животные						
7. Кабан	7	1	[illegible]	30.8		[illegible]
8. Косуля	[illegible]	70.5	[illegible]	18		18.5
9. Бобр			[illegible]	[illegible]		[illegible]
10. Олень	1.5	2.8	[illegible]	7.6		[illegible]
11. Куница лесная		—	1.7	4.3		3.5
12. Лось	10	10.8	[illegible]	[illegible]		11
13. Лиса	3	2.8	[illegible]	[illegible]	—	11.5
14. Заяц	—	—	[illegible]	[illegible]	—	15
15. Медведь	1.5	2.9	0.2	0.5		11.5
16. Волк	—	—	[illegible]	0.5	—	
17. Птицы	—	—	[illegible]	15.0		4.5
18. Водяная крыса	—	—	—		—	3.5
19. Слепыш	—	—		—		3.5

Для понимания роменско-боршевских и близких им славянских памятников большое значение имеет правильная их датировка. К сожалению, вопросы хронологии археологических памятников мало привлекают внимание исследователей. Это относится к датировке как отдельных поселений и могильников, так и групп и культур в целом. Памятники роменско-боршевские и близкие к ним не составляют в этом плане исключения. Правда, им как будто уделялось больше внимания, однако нельзя сказать, что хронология их в достаточной мере разработана и не вызывает никаких возражений.[197] Это объясняется рядом причин. Прежде всего необходимо указать на сложный характер (многослойность) памятников, содержащих отложения роменско-боршевского и близкого им типа. Существенное значение имеет и то, что среди добытых при раскопках материалов очень мало датирующих вещей, да и то, что находят в процессе археологических работ, не всегда хорошо документируется и публикуется. Следует, однако, признать, что перечисленные нами причины хотя и с трудом все же постепенно преодолеваются. Но есть иная категория причин, изжить которые очень трудно. Мы имеем в виду попытки некоторых исследователей датировать тот или иной памятник или группу их, исходя не из материалов, а из соображений умозрительного порядка, из определенных концепций. Особенно это имеет место в отношении той категории древностей второй половины I тысячелетия н. э., облик кото-

[197] М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 22, 23; П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 5—9, Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 319—337; П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 123—140. И. И. Ляпушкин. 1) О датировке городищ..., стр. 121—136; 2) Городище Новотроицкое; 3) К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83; Ю. С. Виноградский. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосницы. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 50—52; Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—66.

рых несколько отличен от наиболее распространенных в области Левобережья собственно роменских памятников. В частности, утверждается, что имеется группа памятников и более ранней поры, чем собственно роменские, так называемых предроменских или ранпероменских, время существования которых следует отнести к VII—VIII вв., а может быть, даже к V—VI вв.[198] Обратимся к источникам и попытаемся выяснить, насколько существующие взгляды обоснованы.

Длительное время среди материалов, добытых при раскопках роменских памятников, не находили вещей, которые могли бы непосредственно датировать эти древности. Хронологию роменских (левобережных) памятников устанавливали на материалах преимущественно смежных районов.[199] Несмотря на это, как показали последующие разыскания, исследователи более или менее верно определили, что VIII—X вв. являются наиболее вероятным временем жизни населения, оставившего роменскую группу памятников. Подтверждением этой даты послужили материалы, найденные в последнее время при раскопках ряда поселений. Так, на Новотроицком городище в одном из жилищ (№ 2), прекратившем свое существование в момент гибели поселка в целом, найдена восточная монета 833 г. На том же городище найден клад, состоящий из вещей и 10 восточных монет, относящихся к 711/712—818/819 гг. Кроме того, на поселении найдены обломки привозной салтовской керамики,[200] бытовавшей в VIII—X вв., что проверено как многократными совместными находками с монетами, так и хорошо датированными вещами.[201] При раскопках Опошнянского городища, памятника однослойного, найдено зеркало и кольцо салтовского типа, а также обломки яйцевидных средневековых амфор, т. е. и здесь круг хорошо датированных вещей не выходит за рамки VIII—X вв.[202] Привозная керамика салтовского типа (серые лощеные кувшины) и амфоры яйцевидной формы обнаружены на Битицком городище,[203] памятнике, относящемся к волынцевской группе. Если мы обратимся к собственно волынцевскому поселению, то и там столкнемся с подобной же картиной: наряду с собственно раннеславянским керамическим комплексом здесь обнаружены обломки привозной посуды салтовского типа (кувшины) и средневековых круглодонных амфор. Другими словами, волынцевское поселение при внимательном рассмотрении оказывается одновременным собственно роменским. Попытка рассматривать волынцевские поселения в качестве памятников предроменской поры есть не больше не меньше как декларация.[204]

Таким образом, VIII—X вв. являются наиболее вероятным временем жизни населения, оставившего памятники собственно роменского и близкого им типа. Есть лишь несколько поселений, которые содержат в своих напластованиях отложения славянской культуры второй половины I тысячелетия н. э., датировка которых в силу недостатка материалов требует дополнительных изысканий. Но они не изменяют общей картины. Это поселения у сел Пересечное (№№ 85, 173), Севча (№ 320), Топлинка (№ 189). Эти поселения, как правило, многослойные, а культурные остатки (керамика) роменского типа на них немногочисленны и невыразительны. Не исключено, что мы имеем здесь дело с временными стоянками, но тем не менее их все же следует иметь в виду.

Как отмечалось уже неоднократно, не все памятники исследуемой группы возникли и прекратили свое существование одновре-

[198] Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльського району, Сумської області, стр. 242—250; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—66; ср.: И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83.

[199] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ..., стр. 121—136.

[200] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 26—30, 44—46, 52—55.

[201] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 465—491; А. С. Федоровский. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 18—22 сентября 1911 г. Вестн. Харьковск. историко-филологич. общ., вып. 5, Харьков, 1914, стр. 75—84;

[202] И. И. Ляпушкин. 1) Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 117—127; 2) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. Архив ИА.

[203] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83.

[204] Д. Т. Березовець. 1) Дослідження на території Путивльського району, Сумської області, стр. 242—250; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., стр. 49—66, Ю. С. Виноградский. Раннеславянские памятники..., стр. 50—52.

менно, т. е. не все они относятся к VIII—X вв. Но, к сожалению, в нашем распоряжении нет пока таких материалов, которые позволили бы расчленить все известные нам поселения на более короткие хронологические отрезки. Возможно, это будет сделано тогда, когда раскопками будут охвачены не единицы, а десятки поселений. Сейчас же можно попытаться выделить, да и то в порядке предположения, группу роменских поселений, возникших в самый последний период существования этих памятников — в X в.

Выше было сказано, что одна часть роменских и близких им поселений прекратила свое существование в роменское время (VIII—X вв.), другая продолжала существовать и в последующую великокняжескую пору (X—XIII вв.). Несомненно весьма важно выяснить в каком соотношении находятся эти две группы роменских поселений — совпадают ли они по времени заселения или нет. Прямые данные для решения этого вопроса пока неизвестны, но есть некоторые косвенные. Они весьма интересны, и на них следует остановиться.

Из материалов раскопок видно, что на всех роменских и близких им поселениях Левобережья, не содержащих отложений позднее X в. (Битица, Новотроицкое, Волынцево, Опошня) среди находок имеется то или иное количество привозных вещей, относящихся к так называемой салтовской культуре: это керамика, изделия из серебра, бронзы. Это явление, как нам кажется, вполне закономерно, поскольку славянские племена Левобережья обитали по соседству с салтовцами, а отдельные поселения тех и других даже перемежались.

Совершенно иная картина наблюдается на поселениях, содержащих отложения как роменской, так и более поздней поры, X—XIII вв. На большей части таких раскопанных поселений вещи салтово-маяцкой культуры неизвестны. Их нет ни на Полтавском поселении,[205] ни на Петровском,[206] ни на Гочевском,[207] ни на городище Курган близ с. Волынцево,[208] хотя многие из этих поселений находятся в непосредственном соседстве с территорией, занятой населением, оставившим памятники салтовского типа. Чем можно объяснить такое явление? Почему не на всех поселениях, содержащих отложения роменского и близкого им облика, есть вещи салтовского типа, несмотря на то, что территориально они расположены рядом? Бросается в глаза то обстоятельство, что салтовские вещи отсутствуют на тех роменских поселениях, где жизнь продолжается и в послероменское время, в X—XIII вв., причем это явление довольно устойчивое. Насколько нам известно, оно наблюдается на всех исследованных памятниках. Думается, что это не случайность. По-видимому, мы имеем здесь дело хотя и с однотипными (роменскими), но разновременными культурными отложениями.

Как известно, жизнь на салтовских поселениях прекратилась где-то в начале X в.[209] Какова последующая судьба населения, оставившего эти памятники, и культуры в целом, мы не знаем. Во всяком случае в бассейне р. Дона, где оно обитало до X в., отчетливо выраженных следов этой культуры более поздней, чем начало X в., поры пока неизвестно. А если это так, то разгадку отмеченным выше явлениям — отсутствию на поселениях роменского типа, содержащих отложения X—XIII вв., салтовских вещей — очевидно, следует искать в том, что они возникли после исчезновения салтовской культуры на Юго-Востоке, т. е. где-то в X в.

В свете этих данных казалось бы представляется возможность расчленить древности роменского и близкого им типа, датируемые широкими хронологическими рамками VIII—X вв., на более мелкие хронологические отрезки: VIII—IX вв., с одной стороны, и X в., с другой. К сожалению, все попытки найти критерий для такого членения в самых материалах роменских памятников, помимо салтовских вещей, не увенчались успехом. В силу этих причин приходится датировать эти памятники по-прежнему VIII—X вв.

[205] І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст..., стр. 58—75.
[206] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 123—140.
[207] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 319—337; коллекция Курского музея краеведения.

[208] В. Й. Довжонок. Розкопки біля с. Волынцевого Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270.
[209] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150.

Б. Поселения VIII—X вв.

(126). Авдеева, Курская обл., Левинский р-н (правый берег р. Сейма) — селище (?).

См. «Памятники черняховской культуры».

227. Азак, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в 1 км к северу от села, вверх по течению реки. Оно занимает мыс одной из террас высокого коренного берега. С юга и северо-запада мыс обрамлен балками, с востока — долиной реки. С юго-западной, напольной, стороны поселение ограждено валом и рвом. Они дугой охватывают мыс, придавая поселению округлую форму. Размер площадки поселения 150 (С—Ю)×120 (В—З) м. Территория поселения и прилегающие к ней участки перекопаны при добыче камня. В обрезах им и в выбросах из них ясно прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной посуды, костей животных и т. п. Керамика лепная и гончарная. Первая принадлежит славяно-русской культуре (ранней поры), вторая — позднерусской XVII—XVIII вв.

Азацкое городище упоминается в ряде документов XVII в. В середине XIX в. автором «Историко-статистического описания Харьковской епархии» было определено местоположение городища и сделано подробное описание его внешнего вида. Автор рассматривает городище как остатки города дотатарской поры. Приводя народные предания, в которых говорится, что в Азацком городище «был притон удальцов-гайдамаков», автор замечает от себя: «И здесь же... жили защитники Руси против половцев». Этим положением автор как бы определяет этнический облик населения, обитавшего на поселении.

На основе данных «Историко-статистического описания Харьковской епархии» Азацкое городище было нанесено на археологическую карту Харьковской губернии.

В начале XX в., перед XIII археологическим съездом В. Г. Ляскоронский при обследовании городищ в бассейне р. Псла, «не смотря на расспросы местных жителей..., не мог отыскать следов некогда существовавшего здесь (в с. Азацком, — *И. Л.*) городища». В 1948 г. городище было обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 536, 537. Д. И. Багалей. 1) Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетиях. Харьков, 1886, стр. 110, 111; 2) Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 71. В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы, и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 169; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948. Архив ИА; І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 301—306.

228. Асмолово, Курская обл., Рыльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище (болотное) и селище (?).

Поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией в 1947 г. Оно находится на стрелке правого берега р. Амонки при впадении ее в р. Сейм. Площадка, занятая поселением, возвышается над окружающей поймой на 1.5—2 м. По-видимому, в прошлом территория вокруг поселения была заболочена (следы чего сохранились и по сей день) и подступ к нему был сильно затруднен. Следов искусственных укреплений не видно.

Стрелка сильно заросла бурьяном и кустарником, вследствие чего проследить границы поселения и характер возвышающейся площадки не представлялось возможным. Наиболее ярко отложения культурного слоя прослеживаются в обрезе берега стрелки, размываемой весенними водами. Много остатков рассеяно и на песчаной пойме под крутым берегом. Сравнительно слабее выражен культурный слой в обрезах траншей, проложенных через площадку поселения.

Собранный материал, состоящий в основном из черепков глиняной посуды, принадлежит славянской культуре — роменско-борщевского и великокняжеского типа. Метрах в 300 от берега на пойме встречены черепки того же самого типа. По-видимому, здесь была неукрепленная часть поселка.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА

229. Ахтырка, Сумская обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище (?) и селище

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, против города. Оно располо-

жено на высоком останце коренного берега, там, где находился Ахтырский монастырь. Площадка останца возвышается над долиной реки до 40 м. Форма ее овальная, вытянутая по оси С—Ю. Размер около 100×280 м. Восточный и северо-западный склоны крутые, южный п[illegible]й. Культурный слой прослеживается [illegible] на отдельных небольших участках, на всей же остальной площади, занятой постройками бывш. Ахтырского монастыря, никаких признаков древнего поселения не обнаружено. Строительство монастыря и последующая жизнь, по-видимому, полностью разрушили остатки поселения. Собранные немногочисленные обломки глиняной посуды принадлежат сосудам славяно-русской культуры IX—XII вв. У подножия холма, в 250—300 м к югу от него, между постройками молочной фермы обнаружен культурный слой неукрепленного поселения. Здесь собраны обломки глиняной лепной посуды славяно-русской культуры IX—X вв. Культурный слой мощностью 0.25—30 м залегает под слоем песчаного наноса 0.30—0.50 м толщины. Площадь, на которой встречаются культурные остатки, не превышает 50×50 м. Последнее обследовано П. Н. Третьяковым в 1938 г.

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 126, 127.

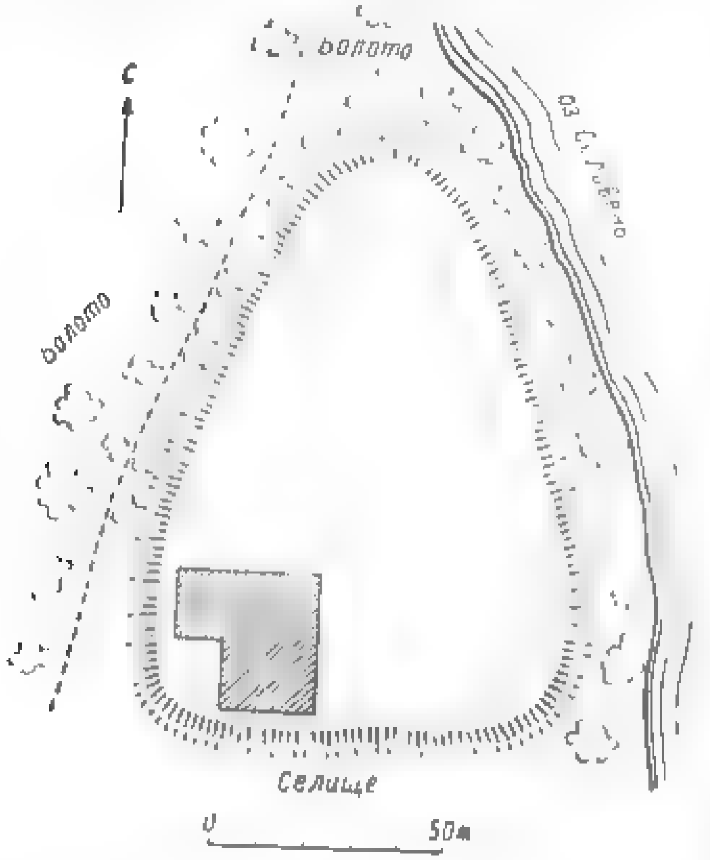


Рис. 104. Городище у с. Банищи. Схематический план.

230. Банищи, Курская обл., Льговский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сейма, напротив села, в лесу среди болот, около Соловень-озера. Оно состоит из городища и селища. Площадка городища возвышается над окружающей территорией на 3—4 м. Следов искусственных укреплений вокруг нее не обнаружено. С востока она омывается Соловень-озером, с севера и запада ее окружают болота, и только с юга к ней примыкает пойма реки (рис. 104). Территория городища распахивается. На ее поверхности встречаются культурные остатки в виде обломков глиняной посуды, костей животных и т. п. Собранные материалы состоят из черепков посуды славянской культуры роменско-борщевского и великокняжеского типа.

На территории городища сейчас находится домик лесника. По рассказам членов семьи лесника, при земляных работах, проводимых на территории городища, обнаруживаются черепки толстостенных сосудов, поделки из глины в виде косточек от современных счетов («пряслица»?), а также различные железные вещи.

Культурные остатки того же типа, что и на «городище», прослежены и к югу от него, на пойме. По-видимому, это территория селища.

Поселение (городище) у с. Банищи упоминается в документах начала XVII в. В 70-х годах прошлого столетия в сведениях Центрального статистического комитета, составленных по донесениям волостных правлений, поселение было отмечено как «курган при селе Банищи, в урочище Соловьином, в 4-верстном от села расстоянии». В начале XX в. поселение обследовал А. Н. Александров. А. Н. Александров сделал описание внешнего вида поселения и собранного на нем материала и указал местоположение поселения. На основе собранных данных автор сделал вывод, что поселение возникло в начале эпохи металлов. В отношении этнического облика поселения автор писал: «Что касается названия городища Словенским, то нет особых оснований считать его за таковое. По нашему предположению, упомянутое название городищу приурочено было монахами-отшельниками, имевшими здесь свою пустынь, и представляет собой плод их книжного домысла». В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Указатель городищ, курганов, и других древних земляных насыпей в Курской губернии. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. IV, Курск, 1874, стр. 161; А. Н. Александров. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. Древности. Труды МАО, т. XXIII, вып. 2, М., 1914, стр. 312, 313; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; I. I. Ляпушкін. Досліджения Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—301.

(4). Басовка, Сумская обл., Смеловский р-н (правый берег р. Хмелевки) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(7). Битица, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

231. Броварки, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в черте села, на усадьбе колхозника Ст. Ив. Шаповала. Оно состоит из укрепленной части (городища) и неукрепленной (селища). Городище занимает мыс коренного берега, образованный долиной реки с юга и балками с востока и запада. С северной, напольной, стороны городище имеет искусственную оборонительную линию, состоящую из вала и рва. Высота вала (от дна рва) 7—8 м, глубина рва 5—6 м. Восточная половина вала почти полностью уничтожена распашкой (городище, по-видимому, находится во владении двух хозяев). Размер городища по оси С—Ю около 60 м, В—З — около 70 м. Форма овальная (рис. 105). Высота площадки мыса над долиной около 30 м. На поверхности рассеяны культурные остатки в виде обломков глиняной посуды и костей животных. Среди собранных материалов обломки глиняных сосудов славяно-русской культуры ранней и великокняжеской поры. Следует отметить, что среди обломков лепных сосудов, собранных на городище, нет орнаментированных.

К северу от городища, выше по склону коренного берега, на усадьбах колхозников расположено селище. Размер его установить не представляется возможным из-за застройки хозяйственными сооружениями. Во всяком случае площадь его не менее 300×100 м. Собранный на селище подъемный материал аналогичен материалам городища.

Еще севернее и северо-восточнее на усадьбах и за пределами их находятся курганы, известные по раскопкам В. В. Хвойки.

Поселение (городище) в с. Броварки известно по сведениям, собранным Центральным статистическим комитетом в 1873 г. Позже, в начале XX в., городище упоминается В. В. Хвойкой в связи с археологическими раскопками курганного могильника, проводимыми им совместно с Н. Е. Бранденбургом и С. А. Мазараки в этом районе.

Городище, по-видимому, все же никто не исследовал. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 2; В. В. Хвойка. Раскопки могильника при с. Броварки. Древности. Труды МАО, XX, вып. 2, СПб., 1904, стр. 40 и сл.; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(20). Великая Рыбица, Сумская обл., Миропольский р-н (левый берег р. Псла при впадении р. Рыбицы) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(21). Водяное, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Уды) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

232. Волокитино, Сумская обл., Шарыгинский р-н (правый берег р. Клевени, правого притока р. Сейма) — городище и селище.

Остатки древнего поселения находятся справа от дороги при въезде в с. Дорошевка, на правом берегу р. Клевени. Они состоят из городища и прилегающего к нему селища. Городище занимает мыс берега, образованный долиной реки и впадающими в нее глубокими оврагами. Со стороны поля (северо-восток)

мыс обрамлен рвом и валом. Размер городища 100×50 м. Бо́льшая часть площадки обрабатывается под посевы. На поверхности обработанного поля находятся культурные остатки в виде черепков глиняной посуды, костей животных и т. п. Культурный слой хорошо прослеживается и в обрезе склона, на самой стрелке. Собранный при обследовании материал состоит из черепков славянских сосудов роменско-борщевского и великокняжеского типа.

Непосредственно за городищем, на плато, расположено селище. Культурные остатки,

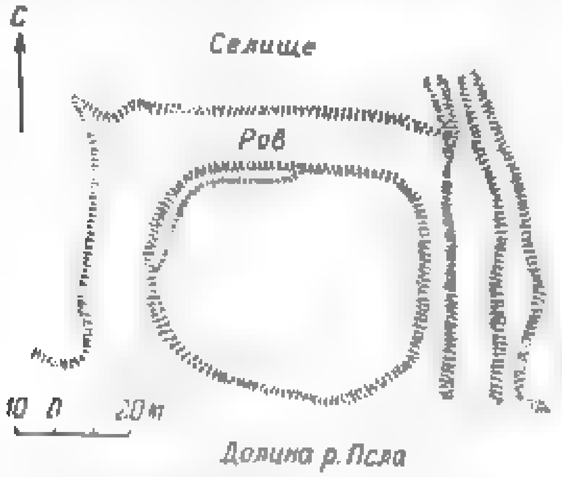


Рис. 105. Городище у с. Броварки. Схематический план

собранные на поверхности, а также в обрезах траншей, оказались совершенно такими же, что и на городище. Следы селища обнаружены и на втором мысу, расположенном к востоку от городища.

Поселение (городище) известно в литературе с 70-х годов XIX в., когда оно было обследовано и частично раскопано Д. Я. Самоквасовым. Материалы из раскопок были использованы Д. Я. Самоквасовым для доказательства, что городища являются «памятниками древних народных поселений». Тогда же Д. Я. Самоквасов исследовал около городища славянские курганы. По сведениям Д. Я. Самоквасова, городище было подвергнуто раскопкам в 1871 г. А. М. Миклашевским. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. 1) Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 7. 2) Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 231; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

233. Волынцево, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Кургая (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

Поселение находится к юго-востоку от села, на высоком мысу, врезавшемся в пойму р. Сейма. С севера, востока и юга мыс имеет хорошую естественную защиту в виде крутых склонов, с западной (напольной) стороны имеется вал и ров. Форма площадки округлая (72×68 м). Рядом с укрепленной частью поселения (городищем), преимущественно к западу от него, на плато прослежены остатки неукрепленной части поселения — селища.

В 1948 г. поселение обследовано экспедицией Института археологии АН УССР, и тогда же на нем были произведены раскопки, обнаружившие остатки жилых построек, а также бытового и хозяйственного инвентаря. Проводивший раскопки В. И. Довженок датирует поселение IX—X вв. и относит его к памятникам роменско-борщевского типа. Анализ материала, опубликованного им, не позволяет согласиться с выдвинутыми положениями. Судя по керамическим данным, наличию среди материалов пирсовых пряслиц, стеклянных браслетов, а также устройству печей, поселение закончило свое существование не ранее XII в. Неверно заключение автора и в отношении наличия на поселении остатков наземных жилищ. Жилища №№ 2 и 4, которые автор считает наземными, были полуземлянками. Лишь в результате пожара, превратившего культурный слой в золу, углубленная часть этих жилищ, вырытая в культурном слое, оказалась разрушенной.

В. П. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270.

(22). Волынцево, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейма), уроч. Стан — болотное городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(23). Воргол, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Вишневая Гора (правый берег р. Клевени, правого притока р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

234. Ворожба, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище (?).

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в черте села, на выезде в с. Низы, справа от дороги. Оно занимает мыс, образованный долиной реки и балкой. В южной части, где мыс переходит в плато, имеется неглубокая канава, постепенно переходящая в западной части в овраг. Возможно, что это остатки рва, являвшегося частью искусственной оборонительной линии поселения. Размер площади поселения около 250 (В—З)×80 (ССВ—ЮЮЗ) м. Вся территория поселения находится под усадьбами колхозников. Часть ее обрабатывается под огороды, часть занята хозяйственными постройками. На вспаханной площади обнаруживаются культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды, костей животных, кусков обожженной глины. Собранный материал показывает, что поселение относится к славяно-русской культуре ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры. Много керамических остатков более позднего времени — XVII—XVIII вв.

Территория поселения известна среди местных жителей под названием «Городище». На это название было обращено внимание еще в середине XIX в. Вот что писал по этому поводу автор «Историко-статистического описания Харьковской епархии»: «. . . в Ворожбе одна улица, отдельная от самой слободы и расположенная на обрывистой горе, издавна называется городищем. Потому ли называется она так, что здесь был город первых черкасов Ворожбы, или здесь же было укрепление еще прежде того, во времена незапамятные, неизвестно». В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 518; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

235. Глинск, Полтавская обл., Опошнянский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, в северо-западной его части. Оно занимает три холма, отрезанных друг от друга оврагами и балками. Кроме того, все три части имеют искусственные укрепления в виде валов и рвов. Собранный при обследовании материал в основном состоит из обломков глиняной посуды — лепной и гончарной. Первые относятся к сосудам славяно-русской культуры ранней поры — VIII—X вв. (роменско-борщевского типа), вторые — к сосудам великокняжеской поры — X—XIII вв.

Поселение в с. Глинск в начале XX в., перед XIII археологическим съездом обследовал В. Г. Ляскоронский. Им описан внешний вид поселения, указано его местоположение, сделан глазомерный схематический план поселения, собран подъемный материал, но культурно-хронологический облик поселения определен все же не был. В этом отношении В. Г. Ляскоронский ограничился замечанием общего порядка: «В насыпи городища попадаются куски черепков древнего типа». В 1940 г. поселение обследовано Левобережным отрядом Днепровской археологической экспедиции.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 180—182; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 120—132.

236. Глинск, Сумская обл. (правый берег р. Сулы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в черте города. Оно расположено на высоком мысу коренного берега, вытянутом по оси ЮВ—СЗ. От плато мыс отрезан оврагом с протоком Мухавцом. В ряде мест мыс перерезан оврагами и образует четыре высоких останца. На площадках останцев заметны остатки укрепления в виде валов. Общее название местности — Замок. Юго-восточный останец называется Малый Замок, второй за ним — Большой Замок. На северо-западе останца находятся курганы, известные у местного населения под названием «Могилки». Общая протяженность описанного мыса около 500 м.

Поселение в г. Глинск известно давно и неоднократно подвергалось обследованиям. В свое время оно было описано А. Шафонским. По сведениям Центрального статистического комитета 1873 г., на средней части поселения (Большой Замок?) в северо-западном углу производил раскопки Каруковский. Им был открыт подземный ход.

Исследовать его Каруковский не смог из-за отсутствия средств.

В конце XIX в. поселение (Замок) обследовал В. Г. Ляскоронский. Им было сделано описание местоположения поселения и произведена глазомерная съемка. В. Г. Ляскоронский отнес поселение к группе «городищ великокняжеской поры», исходя из того, что оно связано с территорией древнерусского города, упоминаемого в начальной русской летописи. В 1906 г. поселение обследовал Н. Е. Макаренко. Им, помимо внешнего осмотра, произведен сбор подъемного материала, главным образом керамических остатков. Среди последних Макаренко отмечает черепки гончарных сосудов великокняжеской поры и лепных роменского типа. В 1912 г. Н. Е. Макаренко вторично обследовал поселение и произвел небольшие раскопки. Им было заложено несколько траншей в разных местах поселения. В результате этих работ установлено, что древний слой поселения уничтожен сооружениями последующей поры — XVI—XVIII вв. — и перемешан с последними.

А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 542, 543; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 435, 436; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 75, ОАК за 1912 г. Пгр., 1916, стр. 68—70. Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 350, 351.

237. Горка, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, на расстоянии 1 км к востоку от села. Оно расположено на останце коренного берега, отрезанном от последнего балками. Останец вытянут по оси В—З, длина его около 300 м, ширина 20—35 м. Восточная часть останца на протяжении до 100 м более высокая. Эта всхолмленная часть при помощи зачистки западного склона и вырытого рва была превращена в укрепленную площадку. Высота всхолмленной части над долиной достигает 25—30 м. Склоны ее довольно крутые. В настоящее время весь останец и его окружение покрыты лесом и задернованы. В ряде мест площадка поселения перерезана траншеями военного времени. Зачистка стенок этих траншей, а также заложенные шурфы показывают, что культурный слой бедный. Найдено всего несколько обломков глиняных лепных сосудов раннеславянского типа. О принадлежности поселения раннеславянскому населению говорят также его местоположение и характер искусственных укреплений.

Жители с. Горки называют это место Старый городок в противоположность Новому Городку (барской усадьбе), расположенному в 500 м южнее первого.

В начале XX в., перед XIII археологическим съездом В. Г. Ляскоронский при обследовании бассейна р. Псла осмотрел около с. Горки «холм, носящий название Старого городища». В. Г. Ляскоронский отмечает, что при обследовании вершины холма он не нашел «никаких следов валов или же каких-либо других насыпей», кроме им — следов «произведенных здесь г. Лосевым раскопок, не давних, однако, никаких результатов, так как при раскопках ничего не найдено». В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 169; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(32). Горки, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

238. Горналь, Курская обл., Суджанский р-н уроч. Большое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между с. Гуево и дер. Горналь, у бывш. Белогорского монастыря. Оно занимает один из мысов коренного берега, расположенных к северо-востоку от территории бывшего монастыря. Остатки поселения состоят из городища и селища. Городище расположено на стрелке мыса, отрезанной от напольной (северной) стороны глубоким рвом. Высота вала от дна рва до 10 м, высота мыса над долиной до 35 м. Склоны мыса довольно крутые (рис. 106, *1*, *2*).

Мыс вытянут по оси С—Ю, стрелка его несколько отклонена к юго-западу. Размер городища по длинной оси до 240 м, по ко-

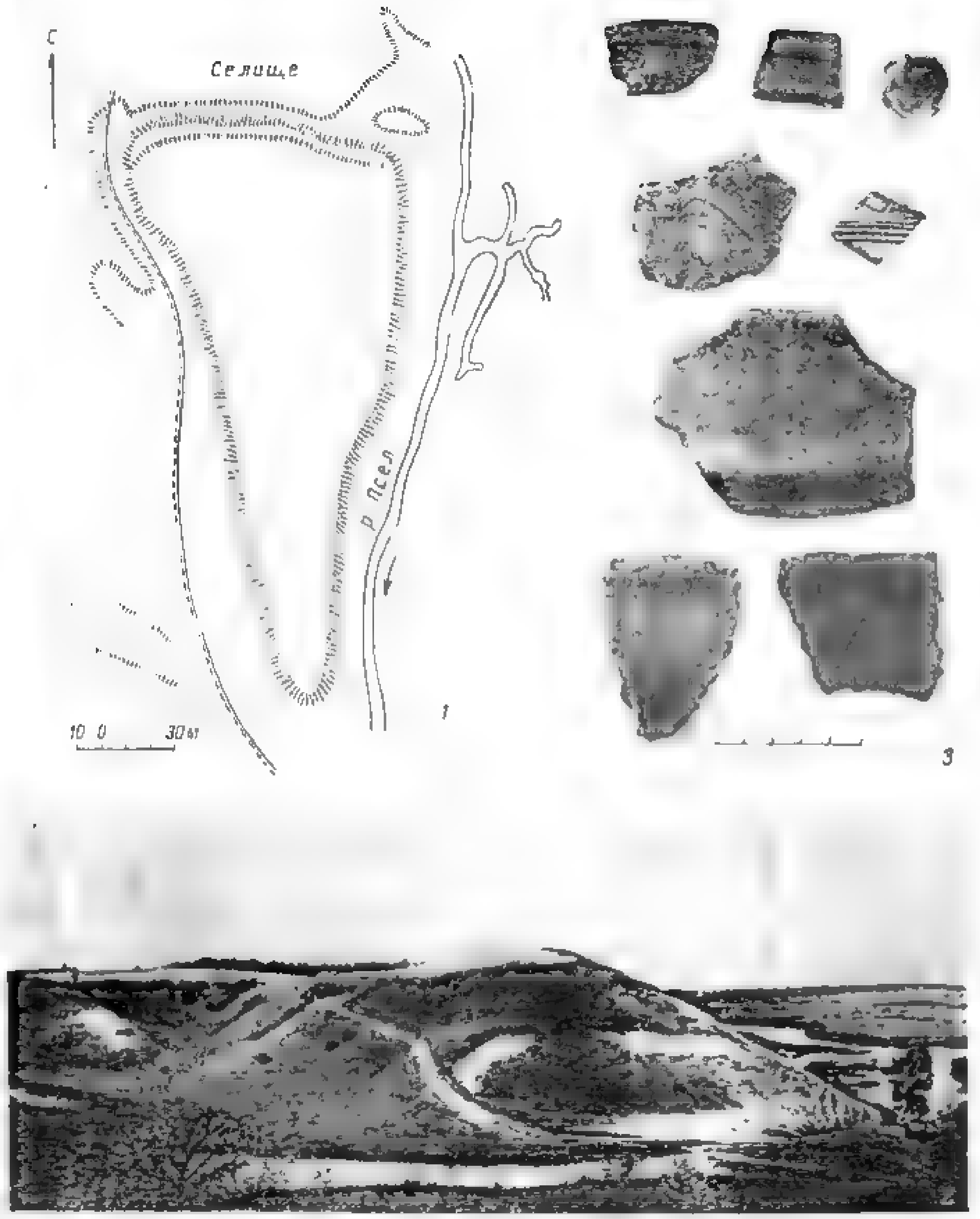


Рис. 106. Городище (Большое) у дер. Горналь.
1 — схематический план, *2* — общий вид; *3* — керамика

роткой до 70 м (в средней части). Площадка слегка всхолмлена; она обрабатывается под посевы. На вспаханной поверхности обнаруживаются кул[illegible]ые остатки в виде черепков глиняно[illegible], костей животных и единичных дру[illegible]. Среди собранных керамических остат[illegible]ломки сосудов славяно-русской культу[illegible]ней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры.

Селище примыкает к городищу с северной стороны. Остатки его прослеживаются на площади до 100×400 м. Основную массу собранных материалов на селище составляют обломки сосудов славяно-русской культуры — ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской. Найдено небольшое число обломков сосудов скифского времени — зольничной культуры (рис. 106, 3).

Поселение у дер. Горналь известно в литературе с начала XIX в. В 1820 г. А. Дмитрюков (любитель старины) произвел раскопки курганного могильника на территории близ городища. Тогда же им было осмотрено и описано и городище. На вспаханной поверхности городища А. Дмитрюковым был собран подъемный материал, в составе которого имелись обломки глиняных сосудов таких же, какие им были открыты при раскопках [illegible] в 70-х годах, городище и могильник исследовал Д. Я. Самоквасов. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

А. Дмитрюков. 1) Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вести. РГО, 1854, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854, стр. 26 и сл.; 2) Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. 1, Курск, 1863, стр. 506, 507; Д. Я. Самоквасов, Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 225—235; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

23б. Горналь, Курская обл., Суджанский р-н, уроч. Малое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, на расстоянии не более 1 км ниже по течению от Большого. Как и последнее, оно состоит из городища и селища. Городище занимает мыс коренного берега, образованный долиной реки и впадающим в нее [illegible] ком. Форма мыса овальная, вытянутая по оси ЮЗ—СВ (рис. 107, 1, 2). От напольной стороны мыс отрезан глубоким рвом (3—4 м), в настоящее время частично засыпанным. Следов вала незаметно. По-видимому, вал снесен. Высота мыса над долиной до 40 м. Площадка городища ровная, сильно задернована. В ряде мест она перерезана траншеями Отечественной войны. При зачистке их стенок прослежен культурный слой, содержащий обломки лепной и гончарной посуды славяно-русской культуры ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры, а также и более позднего времени (XVII—XVIII вв.). Культурные остатки прослеживаются и за пределами городища, на территории, прилегающей к монастырской стене. Содержание их аналогично материалам, собранным при зачистке траншей на городище (славяно-русской культуры VIII—XIII и XVII—XVIII вв.).

Малое городище вследствие более близкого местоположения к монастырю сохранилось значительно хуже, чем Большое. Хозяйственные и культовые сооружения поздней поры (на территории городища не недавнего прошлого стояла церковь), по-видимому, значительно видоизменили внешний облик территории древнего поселения. Сильно отразилась монастырская жизнь на культурных отложениях славяно-русской поры. Несмотря на все это, остатки древнеславянского поселения прослеживаются сравнительно легко.

Малое городище, как и Большое, известно с начала XIX в. А. Дмитрюков обследовал его одновременно с Большим, произвел на нем незначительные раскопки и дал краткое описание местоположения и внешнего его облика. При раскопках «никаких вещей, ни деревянных, ни металлических, не найдено». В 1948 г. оно обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

А. Дмитрюков. 1) Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вести. РГО, 1854, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854, стр. 26, 27; 2) Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. 1, Курск, 1863, стр. 506; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(24). Городище [illegible] ский р-н (правый б[illegible] р. Рати) — городище

См «Поселения культуры зольников VII–III вв. до н. э.».

240. Городище, Полтавская обл., Чернухинский р-н, уроч. Замок (левый берег р. Удая, близ впадения в р. Сулу) — городище.

Городище обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Ф. Б. Копылова в 1946 г. На основе собранного подъемного материала было установлено, что это остатки славяно-русского поселения VIII—XIII вв.

Ф. Б. Копилов. Посульска експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 248–250.

(36). Гочево, Курская обл., Беловский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII–III вв. до н. э.».

241. Долгий Колодезь, Курская обл., Беловский р-н, уроч. Вышний (правый берег р. Псла) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между селами Долгий Колодезь и Стригослы, в уроч. Вышний, в 2—3 км ниже по течению от поселения Наволочки. Оно расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и впадающими в нее балками. У подножия мыса протекает река. С западной, напольной, стороны, поселение укреплено валом и рвом. Верхней части склонов балок (север и юг) путем искусственной зачистки придан почти отвесный характер. Восточная часть поселения (конец мыса) разрушается, оползая в долину реки.

Территория поселения поросла лесом и задернована. По восточному краю проложена траншея. При зачистке стенок ее ясно прослеживается культурный слой. В его составе зола, угли, куски обожженой глины, кости животных, обломки глиняной посуды. Последние принадлежат славяно-русской культуре ранней поры (роменско-боршевского типа).

У местного населения городище известно под названием Городок.

В 1909 г. городище обследовано курским археологом К. П. Сосновским. Он описал внешний вид городища, его местоположение и снял глазомерный план. К. П. Сосновский дал, однако, неверное представление о внешнем виде городища как в описании, так и в графическом изображении. Городище не круглое. Вал охватывает площадку лишь с западной стороны. Концы вала упираются на севере и юге в овраги, склоны которых в верхней части срезаны почти до отвесного положения. Зачистку склонов оврагов К. П. Сосновский принял, по-видимому, за вал и на плане довел концы его до берега реки (восток). В 1948 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 308; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции 1948 г. Архив ИА.

(40). Долгий Колодезь, Курская обл., Беловский р-н, уроч. Наволочки (правый берег р. Псла) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

242. Долгий Колодезь, Курская обл., Беловский р-н, уроч. Стрелица (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между с. Долгий Колодезь и дер. Стригослы, в уроч. Стрелица. Оно состоит из городища и селища. Городище расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее балками. Мыс вытянут по оси СВ—ЮЗ. Поверхность его сильно наклонена к долине. С напольной стороны и со стороны долины городище защищено искусственными оборонительными сооружениями — валами и рвами. Площадка городища и прилегающая к ней территория покрыты густым лесом и малодоступны для исследования. В ряде мест заметны следы ям. Заложенный на территории городища шурф показал, что культурный слой незначителен. По-видимому, вследствие крутизны склона он смыт. Среди культурных остатков, собранных при шурфовке, обломки глиняной лепной посуды славяно-русской культуры ранней поры (роменско-боршевского типа), а также вещи XX в.

За границей городища, на плато коренного берега расположено селище. Остатки его в виде обломков глиняной посуды, кусков обожженой глины и костей животных прослеживаются на площади около 150×100 м. По своему составу обломки керамики принадлежат сосудам славяно-русской культуры ранней поры (роменско-боршевского типа).

Поселение (городище) Стрелица обследовано впервые К. П. Сосновским в 1909 г. Им дано краткое описание внешнего вида городища, его местоположения и сделана глазомерная съемка. Никаких сведений о культурных остатках исследователь не сообщает. Не заметил, по-видимому, он и селища. Культурно-хронологический облик поселения оставался невыясненным до посещения Левобережной экспедиции в 1948 г.

К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 308, 309; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

√ 243. Журавное, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в 2 км к северо-востоку от села. По данным разведки 1938 г., проведенной И. И. Третьяковым, остатки поселения состоят из городища и селища. Около поселения большой курганный могильник. Городище занимает три останца коренного берега, отделенных друг от друга оврагами. Площадь самого большого останца около 150×250 м, высота над уровнем реки до 50 м. Площадь второго останца, расположенного к юго-востоку от первого, около 40×70 м. На стороне, обращенной к первому останцу, имеется вал высотой 1.5—2 м, длиной 35—40 м. Третий останец расположен к северо-западу от первого. Площадь его около 100×50 м. По южному краю площадки проходит вал высотой около 1.5—2 м, длиной около 35 м и ров.

На площадках всех трех останцев и в обнажениях большого останца хорошо прослеживается культурный слой, содержащий куски обожженной глины, глиняные прослойки и т. п. В нижних горизонтах слоя обнаружены обломки только лепных сосудов (роменско-боршевского типа), в верхних — гончарных.

Селище находится у подножия городища. Культурные остатки прослеживаются здесь по пологому склону, именуемому местными жителями Подолы. Состав слоя на селище, как и на городище, черный, с большим содержанием глины. Керамические остатки преимущественно гончарные.

Курганный могильник расположен на отрогах высокого коренного берега к западу и северу от городища. Насыпи небольшие — от 1.5 до 2 м. Общее число их до 2000. Размещены они довольно тесно. К север-северо-востоку от городища на отдельной возвышенности имеется курганная группа из 30 насыпей. Городище и могильники поросли лесом.

Городище у с. Журавное под именем Немеровского городища упоминается в документах начиная со второй половины XVII в. Еще ранее, в конце XVI в., это место известно под именем Кубенской могилы в Немиры — она усть Буймерле. С конца XIX в. Немеровское городище становится известным в литературе. Никаких данных для суждения о культурно-хронологическом облике до последнего времени приведено не было. Единственное, что могло дать повод для отнесения поселения к памятникам славяно-русской культуры, это указание на большой курганный могильник.

И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича, М., 1846, Источники, стр. 18; ИСОХЕ, отд. III, М., 1857, стр. 103—108. П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 95–97; И. И. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 128.

244. Зеленый Гай, Сумская обл. и р-н, уроч. Старое Крейдище (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, на расстоянии около 1.5 км к юго-западу от Зеленого Гая, в уроч. Старое Крейдище. Оно состоит из городища и селища. Городище занимает мыс, образованный долиной реки и впадающими в нее балками. Площадка городища и окружающая территория поросли труднопроходимым лесом, вследствие чего определить конфигурацию мыса не представляется возможным. Общее направление оси мыса — СВ—ЮЗ. С плато мыс соединяется узким перешейком шириной 30 м. Остатков искусственных укреплений незаметно. В том месте, где мыс соединяется с плато, имеется всхолмление, напоминающее террасообразный уступ. Мыс сильно изрезан естественными оврагами, траншеями военного времени,

а также искусственными выемками, связанными с меловыми разработками. Особенно большая выемка сделана в северо-восточном конце мыса, в 20—25 м от стрелки. Она прорезает мыс от вершины до основания, на площади около 150×70 м. В стенках траншей, а также в обрезах выемки хорошо прослеживается культурный слой, мощность которого колеблется от 0.30—0.40 до 1 м. В ряде мест заметны контуры хозяйственных ям и полуземляночных жилищ. В слое много остатков быта — обломков глиняной посуды, костей животных, кусков обожженной глины. Судя по собранным материалам, городище относится к славяно-русской культуре ранней (роменско-боршевского типа) и великокняжеской поры.

Культурные остатки того же типа прослеживаются и за границами вала — к западу от него, на плато. По-видимому, здесь находилась неукрепленная часть поселка, границы последнего проследить нет возможности, так как вся территория поросла густым лесом.

Метрах в 300 к западу от поселения, также в лесу, находится курганный могильник. Число курганов определить трудно, но несомненно, их не одна сотня.

В 1929 г. Н. Е. Макаренко произвел раскопки курганного могильника, расположенного близ городища, и снял план могильника. На план нанесено 1480 курганов. Вскрытые курганы содержали славянские захоронения. В составе инвентаря наиболее характерными элементами являются спиральные височные кольца типа колец из могильника у с. Броварки.

Одновременно Н. Е. Макаренко произвел небольшие раскопки и на поселении. Собранный при раскопках материал содержал обломки глиняной посуды славяно-русской культуры ранней (роменско-боршевского типа) и великокняжеской поры. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

С. Магура. Археологiчнi дослiди на Сумщинi року 1929 го. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 63—70; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

244а. Изюм, Харьковская обл. (левый берег р. Северского Донца) — селище (?).

Поселение обнаружено Д. Я. Телегиным в 1951 г., при исследовании неолитической стоянки. Оно расположено несколько южнее (14 км) г. Изюм, в уроч. Бондариха, на окраине боровой террасы. Раскопками открыты остатки жилища полуземляночного типа, а также обломки глиняной лепной и гончарной посуды. Лепные сосуды относятся к группе роменско-боршевских, обломки гончарных сосудов принадлежат средневековым амфорам (VIII—X вв.).

Д. Я. Телегин. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 129—132.

245. Каменное, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между с. Каменное и хут. Городище. Остатки его состоят из городища и селища. Городище занимает мыс коренного берега, образованный долиной реки и впадающими в нее с востока и запада балками. С севера, с напольной стороны, городище укреплено рвом и валом. Высота вала около 5—7 м, глубина рва 6—7 м, высота площадки над долиной 20—25 м. Площадка городища в плане овальная, немного покатая в южную сторону; поверхность ее задернована и поросла кустарником. Кругом городища также кустарник и редкие дубки. Размер площадки по линии С—Ю около 60 м, по линии В—З около 70 м (рис. 108, 1).

Южный склон мыса, оползая в долину реки, разрушает городище. По краю городища с южной стороны проложена траншея. В обрезе стенок траншеи, а также по склону собраны культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды славяно-русской культуры ранней (роменско-боршевского типа) и великокняжеской поры (рис. 108, 2).

Культурные остатки того же самого типа прослеживаются за чертой городища, к северу от него, на вспаханном поле. Здесь, по-видимому, находилась неукрепленная часть поселения. Площадь его довольно значительная.

Еще севернее, за пашней в лесу — курганный могильник. Число курганов невелико — 50—60. Курганы небольшие. Высота их 1—1.5 м, диаметр основания 10—12 м. Несколько курганов раскопано.

Поселение (городище) у пригорода Каменного упоминается уже в документах

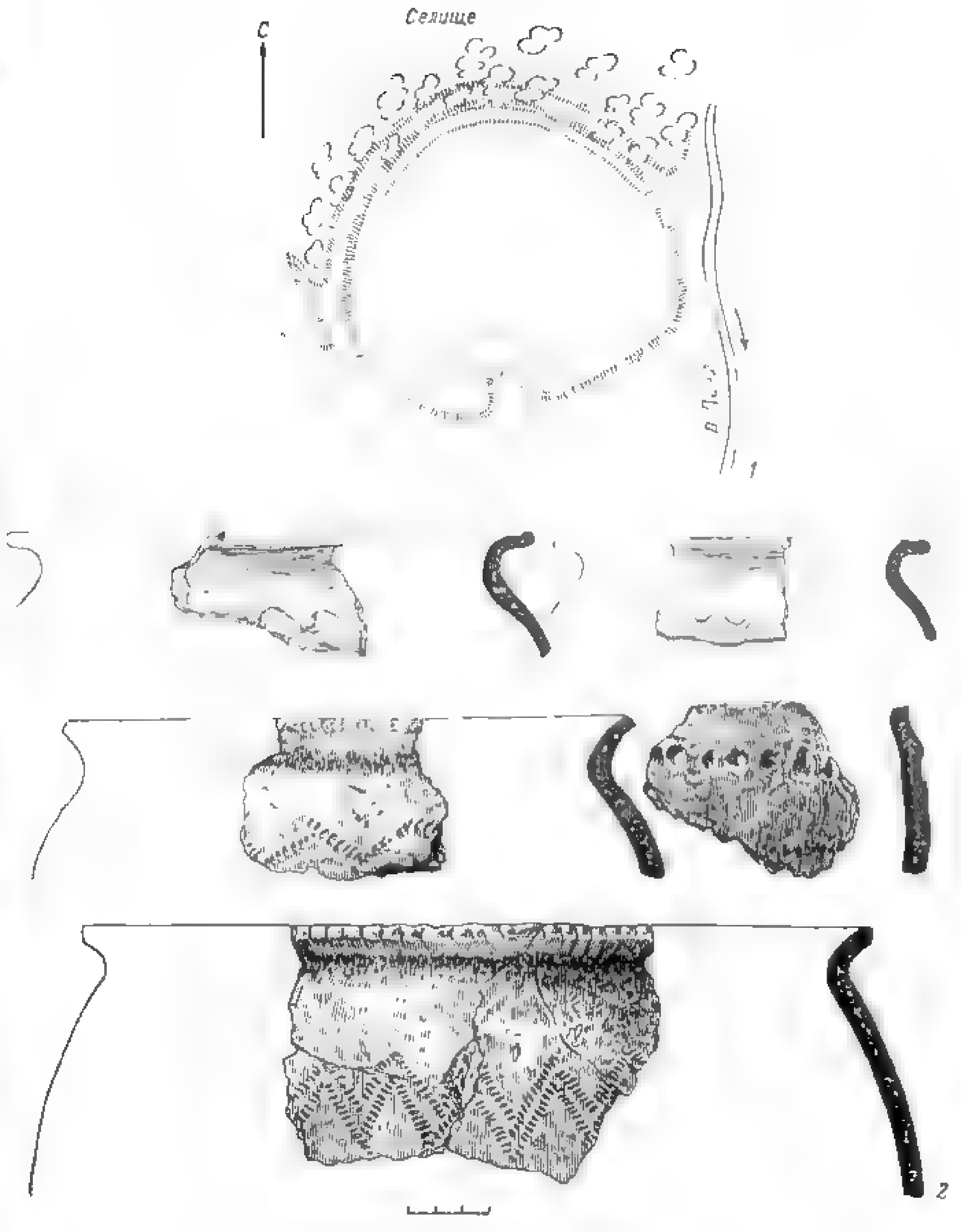


Рис. 108. Городище у с. Каменное.
1 — схематический план, 2 — керамика.

XVII в. В середине XIX в. автор «Историко-статистического описания Харьковской епархии» при попытке определить местоположение городища допускает ошибку, приняв за «городища» территорию, занятую хутором, носящим в настоящее время название Городище, и расположенную рядом с собственно городищем, которое в то время называлось Городок. В очерке дается описание внешнего вида Городка и его место-

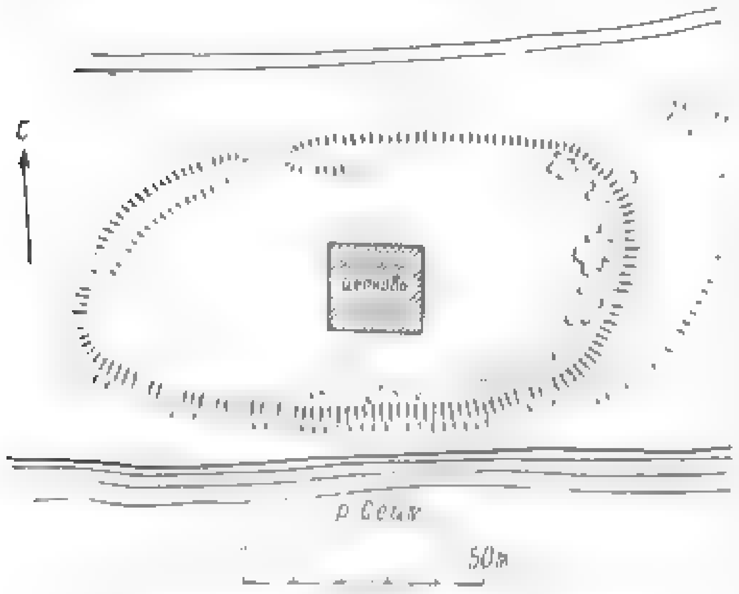


Рис. 109. Городище у с. Капыстичи. Схематический план.

положения. Автор датирует Городок временем не ранее второй половины XVII в.

В начале XX в., перед XIII археологическим съездом В. Г. Ляскоронский, обследуя бассейн р. Псла, не нашел никаких признаков городища Каменное, упоминаемого в древних документах. В. Г. Ляскоронский высказал предположение, что оно находилось «в середине села, на пологом склоне, вправо от идущей вверх, на гору, дороги». По-видимому, В. Г. Ляскоронский плохо знал документы XVIII в., в которых местоположение городища по отношению к пригороду Каменное определено достаточно точно. В 1948 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 530—534, 561—576; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 168, 169; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

246. Капыстичи, Курская обл., Рыльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Городище находится в центре села, на мысу правого берега р. Сейма. С северо-западной стороны от плато мыс отгорожен валом. Городище имеет овальную, несколько вытянутую по оси В—З форму (рис. 109). Размер площадки городища 110×40—50 м. Высота мыса над долиной реки 25—30 м. Поверхность задернована. Культурный слой прослеживается лишь в обрезах траншей, проложенных вдоль края мыса с южной и восточной сторон. Слой аморфный, весьма слабо насыщенный культурными остатками. Собранные в обрезах траншей черепки глиняной посуды принадлежат лепным и гончарным сосудам славянской культуры роменско-борщевской и великокняжеской поры.

В центре городища стоит разрушенная церковь. Вокруг церкви по краю мыса отдельные кусты акации. Земляные работы, проводившиеся на мысу в связи с постройкой церкви и разбивкой сада, по-видимому, и нарушили культурный слой городища.

Поселение в с. Капыстичи не было известно в литературе, да и местное население не обращало внимания на своеобразие этой местности. Лишь в 20-х годах нашего столетия Н. П. Сенаторским на основе лингвистического анализа современного названия села «Капыстичи» высказано предположение, что это поселение должно относиться к «домонгольскому» периоду. В 1947 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. П. Сенаторский. К истории заселения северо-западного района Курского края. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 48; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

247. Карачевка, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Уды) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Уды, к северу от села. Остатки его состоят из городища, известного в литературе под названием Донецкого, и примыкающего к нему селища.

Городище расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и

впадающей в нее балкой. Мыс вытянут по оси ЮВ—СЗ. Городище занимает стрелку мыса. С северо-западной, напольной, стороны городище защищено глубоким рвом и валом. Последний маловыразителен. Конец стрелки (юго-восток) перерезан двумя рвами и двумя параллельными им невысокими валами. Северо-восточная и юго-западная стороны искусственных оборонительных сооружений не имеют; склоны их довольно крутые. Северо-восточный склон (в сторону реки) сильно разрушен весенними разливами. В настоящее время он представляет совершенно отвесную стенку (рис. 110). Поверхность площадки городища задернована. Длина городища около 100 м, ширина (наибольшая) около 50 м.

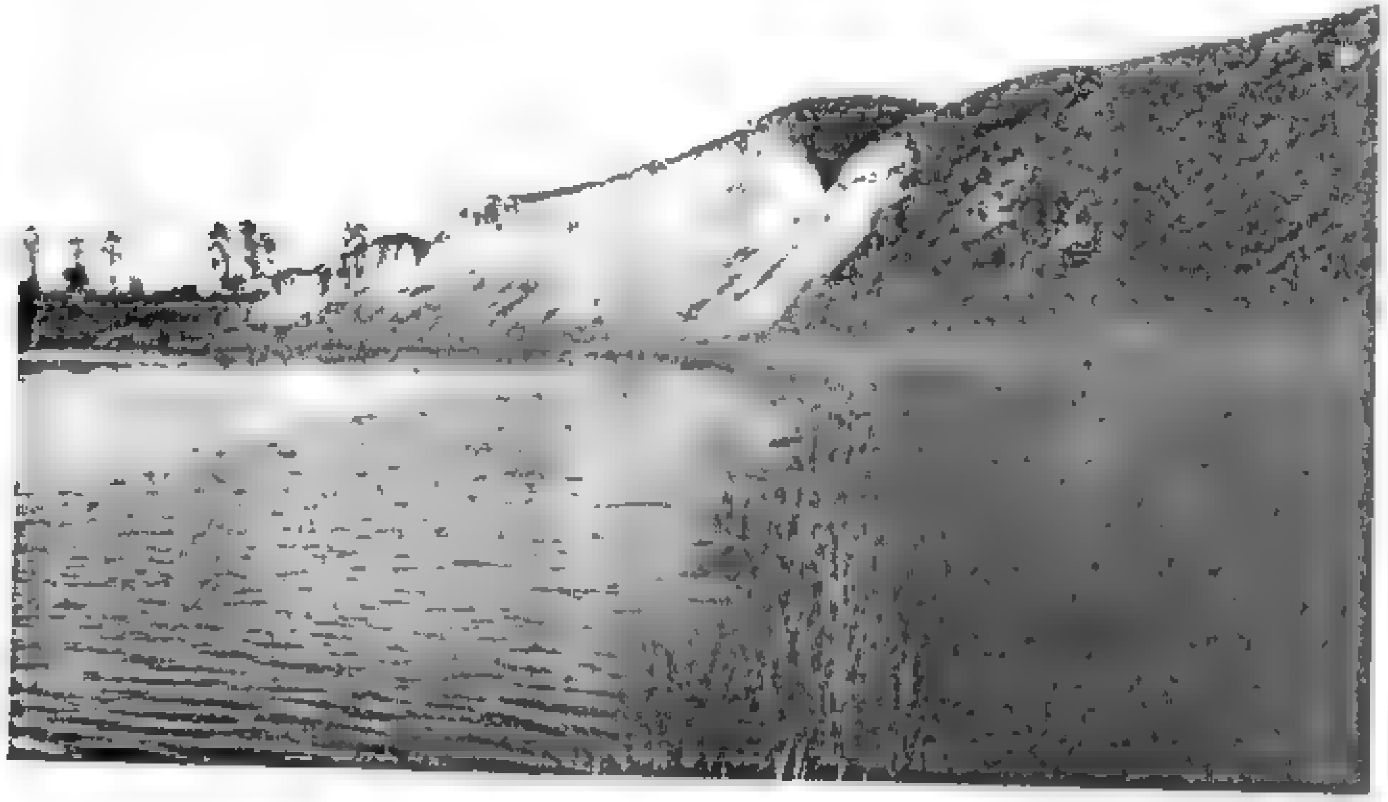


Рис. 110. Городище у с. Карачевка. Общий вид.

Селище расположено к западу и северо-западу от городища. Оно занимает обширную площадь, бо́льшая часть которой сейчас находится под посевами. Культурные остатки прослеживаются как на поверхности поселения, так и в обнажениях склонов оврагов, прорезывающих селище. Они довольно многочисленны. Среди них обломки глиняной лепной и гончарной посуды славяно-русской культуры ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры, кости животных, шлаки, куски обожженной глины и т. п.

Поселение исследовалось неоднократно, и культурно-хронологический облик его как памятника славяно-русского населения VIII—XIII вв. не вызывал сомнений, однако по-настоящему оно до последнего времени оставалось неизученным. Начиная с 1955 г. городище исследуется Б. А. Шрамко (Харьковский университет).

Упоминания о «Донецком городище» появляются в письменных источниках с конца XVI в. С рубежа XVIII—XIX вв. Донецкое городище начинает привлекать к себе внимание исследователей. В 30-х годах В. Пассек обоснованно доказывает, что городище у с. Бабаи есть Донецкое городище «Книги Большому Чертежу», которое представляет собой не что иное, как остатки древнерусского города Донца, где Игорь Святославович нашел себе приют при побеге из половецкого плена. Основываясь на

«Книге Большому Чертежу», Н. М. Карамзин еще ранее В. Пассека указывал, что «древний город Донец был недалеко от впадения реки Харьков в Уды». Не зная памятников в натуре, Н. М. Карамзин не мог увязать своих доводов с определенным городищем. В. Пассеком были сделаны и первые попытки археологического исследования городища, произведены обмеры, сделаны рисунки (общий вид и разрез городища), а также расчищен ров с северной стороны. Как было отмечено в свое время, графическая документация В. Пассека далеко не отразила внешнего вида городища. Что касается добытых при раскопках культурных остатков — черепков, костей и др., то они, по-видимому, остались вне всякого внимания. Позже поселение не раз подвергалось обследованиям. Во второй половине XIX в. проф. Харьковского университета Ю. И. Морозовым была произведена инструментальная съемка городища, однако раскопки поселения вплоть до XII археологического съезда не проводились.

Много внимания было уделено Донецкому городищу в начале XX в. в связи с подготовительными работами, проводимыми Харьковским предварительным комитетом, а также во время съезда. Перед съездом поселение было подвергнуто неоднократному обследованию как членами Предварительного комитета, так и другими лицами. Были проведены небольшие раскопки (В. И. Фавр, П. С. Уварова). Более широкий размах приняли раскопки во время съезда, произведенные особой комиссией. Результаты исследования обобщены в двух работах В. Е. Данилевича и В. А. Городцова.

При определении культурно-хронологического облика городища участники съезда разошлись во взглядах. В. А. Городцов признал его славянским поселением XI—XII вв. Д. Я. Самоквасов, не отрицая того, что городище по внешнему облику является славянским, считал, что оно принадлежало кочевникам (половцам) и было населено ими. По его мнению, городище было разрушено в XIII в. татарами.

Изучение Донецкого городища продолжалось и в последующее время. В 1905 г. оно было обследовано и частично раскопано Н. Е. Макаренко. Н. Е. Макаренко обратил внимание на такие элементы материальной культуры, мимо которых прошли исследователи предшествующей поры, в частности во время XII археологического съезда, несмотря на их наличие. Мы имеем в виду лепную раннеславянскую керамику роменского типа.

В 1929 г. Донецкое городище исследовалось А. Федоровским. Раскопки А. Федоровского еще раз подтвердили наличие в составе культурных отложений Донецкого поселения наряду с остатками великокняжеской поры элементов раннеславянской культуры роменского типа. Таким образом, в итоге многолетнего изучения выясняется, что Донецкое поселение представляет собой памятник многослойный. Возникновение его уходит далеко за границы великокняжеской поры, к VIII—IX вв. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.[21]

Книга Большому Чертежу, Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 71; В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сборн., т. III, кн. 2, М., 1839, стр. 213 и сл.; И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846, Источники, стр. 21; ИСОХЕ, отд. II. М., 1857, стр. 100, 101; Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 96; В. Е. Данилевич. Донецкое городище и город Донец. Археол. летопись южн. России (1904), № 4—5, Киев, 1905, стр. 183—197; В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 110—121; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 119, 120; А. Федоровський. Археологічні розкопи в околицях Харкова. ХАМ, т. I, Київ, 1930, стр. 5—10.

(49). Картамышево, Курская обл., Обоянский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

248. Кнышевка, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение открыто Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. Оно находится на правом берегу р. Псла, в черте села, в юго-западной его части, на так называемой Сергеевой Горке. Остатки поселения состоят из городища и селища. Городище расположено на мысу коренного берега, образованного долиной реки (с юга) и впадающими в нее балками (с востока и запада). С севера, с напольной стороны, городище защищено оборонительной линией из вала и рва, сохранившихся достаточно хорошо (рис. 111). Высота вала от 2.5 до 4 м, глубина рва до 2 м. Городище имеет овальную, вытянутую по оси С—Ю форму. Размер 180×130 км. Высота мыса над долиной до 30 м. Площадка имеет покатость в южную сторону. Городище занято огородами. На вспаханной поверхности прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной посуды и костей животных. Судя по собранным материалам, городище относится к славяно-русской культуре VIII—XIII вв. К северу от городища расположено селище. С востока и запада оно ограничено балками, с юга — валом городища. На севере селище подходит к современной дороге и колхозным усадьбам.

[21] Судя по последним данным (раскопки Б. А. Шрамко), на поселения имеются отложения скифского времени (зольничного типа). Археология в ХГУ за сорок лет. Путеводитель по выставке в археологическом музее ХГУ. Харьков, 1958, стр 42.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

(53). Коробов, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

249. Коропье, Черниговская обл., Остерский р-н, уроч. Селище (правый берег р. Десна) — селище.

В 1948 г. Ф. Б. Копыловым обследованы остатки древнерусского поселения X—XIII вв на правом берегу р. Десны, между селами Карпиловка и Коропье, в уроч. Селище. По утверждению Ф. Б. Копылова, в Остерском музее имеются материалы с этого поселения, собранные сотрудниками музея. Среди керамических остатков этой коллекции наряду с обломками гончарной посуды X—XIII вв. есть обломки раннеславянской лепной посуды, но несколько отличной от роменской.

Ф. Б. Копилов, С. М. Одинцова, О. Г. Шапошнікова. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 94—97.

(57). Красное Утро (бывш. Божки), Сумская обл., Кролевецкий р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

250. Красный Колядин, Черниговская обл. Дмитриевский р-н (левый берег р. Ромена) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Ромена. Оно расположено на высоком,

Рис. 111. Городище у с. Кнышевка. Схематический план

длинном мысу коренного берега, образованном долинами рр. Ромена и впадающей в нее Красной. Мыс вытянут по оси С—Ю. Это довольно сложное укрепленное поселение. Оно состоит из трех частей. Часть, занимающая стрелку мыса, известна под названием Гуляй-Городок. В южном конце ее — огромный холм, так называемая Гуляй-Гора (по-видимому, это вал). К югу от Гуляй-Горы — ров. Размер площадки около 150 (С—Ю)×30—40 (В—З) м. Поверхность площадки неровная. На ней имеется ряд каких-то насыпей. К северу от Гуляй-Городка расположен так называемый замок. От плато он отрезан глубоким оврагом, от Гуляй-Городка — рвом. Кроме того, Замок кругом обнесен валом высотой около 3 м. Форма площадки — неправильный четырехугольник со сторонами около 140 м по длинной оси (С—Ю) и 40—60 м по короткой (В—З). На площадке Замка, как и Гуляй-Городка, имеется ряд насыпей. К северу от Замка

за оврагом находится третья часть Колядинского укрепленного поселения — так называемая Большая Крепость. Как и Замок, она кругом обнесена валом и рвом, причем с восточной и западной сторон вал двойной. Площадь этой части поселения значительно больше площади Замка. По линии С—Ю протяженность ее достигает 250 м, при ширине, по-видимому, до 150 м.

Поселение близ с. Красный Колядин известно давно и не раз, по-видимому, подвергалось обследованию, однако данных для суждения о его культурно-хронологическом облике до сих пор нет. Об остатках укрепления в Красном Колядине упоминает А. Шафонский (конец XVIII в.). Автор «Историко-статистического описания Черниговской епархии», исходя из летописных данных, отождествляет Красный Колядин с древнерусским городом Глебль. С этой точкой зрения как будто соглашаются А. Лазаревский и П. В. Голубовский.

В 70-х годах поселение обследовал Г. В. Кибальчич. Им были собраны различные культурные остатки. К сожалению, описание этих остатков настолько невразумительно, что сделать какое-либо заключение об их культурно-хронологическом облике совершенно нет никакой возможности. В конце XIX в. поселение было обследовано В. Г. Ляскоронским. Им дано описание местоположения и внешнего вида поселения и произведена глазомерная съемка. Исследователь относит поселение близ с. Красный Колядин к группе «городищ великокняжеской поры», связанных с поселениями, упоминаемыми в начальной летописи.

Местоположение поселения и его облик дают основание утверждать, что культурно-хронологический облик памятника довольно сложен. Исходя из того, что поселение размещалось на мысу, следует полагать, что возникновение его относится к домонгольскому периоду, всего вероятнее к VIII—X вв., и, может быть, связано с раннеславянскими племенами.

А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 554; Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 6. Чернигов, 1874, стр. 382—395; Г. В. Кибальчич. Древности. Киев, 1876, стр. 11, 12, 44; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 433, 454; А. [М.] Лазаревский. Описание Старой Малороссии, т. III. Киев, 1902, стр. 241; П. В. Голубовский. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. Труды XIII АС, т. II, М., 1908, стр. 9, 10.

251. Куземин, Сумская обл., Груньский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, близ села. По данным разведки П. Н. Третьякова, произведенной в 1938 г., это — городище. Оно расположено на мысу коренного берега, отделенном от плато валом и рвом. Вал имеет дугообразную форму. Высота его около 1.5 м, длина до 40 м. В средней части — въезд. Ров неглубокий, до 1 м. Размер городища небольшой — около 40×150 м. Высота над долиной реки до 40 м. Площадка городища не обрабатывается. На поверхности заметны округло-прямоугольные ямы — следы заплывших полуземляночных жилищ.

В обнажениях склона и стенок старых окопов вдоль северо-восточного склона прослеживается культурный слой. Мощность его от 0.30 до 0.50 м. Среди находок обломки глиняной лепной посуды славяно-русской культуры IX—X вв. (роменско-борщевского типа).

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхів'ях Ворскли. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 128, 129

252. Курск (правый берег р. Тускаря) — городище (?).

В Курском историко-краеведческом музее хранятся глиняные лепные и гончарные сосуды (в обломках и целые), а также изделия из металла (серебра, бронзы, железа), относящиеся к славяно-русской культуре VIII—XIII вв., найденные в разное время на территории города, преимущественно на мысу, образованном долинами рр. Тускаря и Куры.

Курск. Очерки по истории города. Курск, 1957, стр. 7—25.

(61). Лощиновка, Курская обл., Глушковский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

253. Липино, Курская обл., Ленинский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

Поселение находится в 1 км к юго-востоку от села, на правом берегу р. Сейма. Оно состоит из городища, расположенного

на мысу надпойменной террасы, и прилегающего к нему с севера обширного селища. С напольной стороны мыс обрамлен высоким, до 6—7 м, валом. Городище имеет овальную, несколько удлиненную форму. Размер его 140×90 м. Поверхность городища задернована. Мощность культурного слоя определить не удалось. На склонах и в обрезах различных ям собран подъемный материал, состоящий из черепков глиняной посуды (лепной и гончарной) славянской культуры (роменско-борщевского и великокняжеского типа). Найдено также несколько черепков от сосудов, облик которых определить не представляется возможным.

Материал, собранный на селище, совершенно такой же, как и на городище. Липинское городище давно привлекает внимание исследователей и не раз подвергалось исследованию. В 1907 г. на поселении были произведены раскопки В. Е. Данилевичем. В. Е. Данилевич отнес поселение к памятникам славяно-русской культуры великокняжеской поры (XI — середина XIII в.). Кроме того, в нижних слоях им были обнаружены остатки более древнего периода, по мнению автора — неолитического (два костяных шила и черепки «глиняных сосудов грубой работы»). По-видимому, к остаткам неолитической эпохи В. Е. Данилевич отнес вещи раннеславянской культуры роменско-борщевского типа (VIII—X вв.), представленные в большом числе среди остатков поселения. Это подтверждается как подъемным материалом, так и произведенными здесь раскопками в наши дни. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

В. Е. Данилевич. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911, стр. 127—180; ИАК, Прибавление к вып. 26, СПб., 1908, стр. 30—32; Труды XIV АС, т. III, М., 1911, Протоколы, стр. 119; Л. Н. Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 23—25; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949, стр. 67—77; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА

254. Литвиновичи, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище

Городище находится в центре села, на правом берегу р. Ворсклы. Оно расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и двумя впадающими в нее балками. С напольной стороны мыс огорожен валом высотой до 2 м. Форма городища овальная, размер 100×115 м (рис. 112). Площадка городища и вал сильно задернованы. Только южный склон со стороны долины реки имеет небольшие обнажения. Мощность культурного слоя в этих местах достигает 0.50—0.70 м. Насыщенность культурными остатками незначительная. В зачищенной части найдено всего лишь несколько черепков лепных сосудов роменско-борщевского типа и две грубые проколки.

Площадка городища занята церковью (центр) и домом священника (юго-западный угол). На прилегающем к городищу плато расположены жилые и хозяйственные постройки колхозников.

Остатки древнего поселения в с. Литвиновичи известны в литературе с 60-х годов XIX в. под именем Городок. Эти сведения перенесены в погубернскую сводку Центрального статистического комитета. В них содержится краткое описание внешнего вида городища и его местоположения. Культурно-хронологический облик поселения определен не был. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 7, Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 7. Чернигов, 1873, стр. 324; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции 1947 г. Архив ИА.

255. Лубны, Полтавская обл. (правый берег р. Сулы) — городище и селище (?).

Следы славяно-русского поселения VIII—XIII вв. (в виде обломков глиняной лепной и гончарной посуды) обнаружены Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. в черте города, в районе так называемого Большого Вала, расположенного на мысу правого, высокого берега р. Сулы. Каков был облик этого поселения в древности, сказать трудно. Никаких признаков древних укреплений в настоящее время незаметно. Они исчезли, по-видимому, давно. На рубеже XX в. Большой Вал был осмотрен В. Г. Ляскоронским. Но и тогда уже он смог отметить следы лишь поздних укреплений. Сейчас вся площадка мыса занята

хозяйственными и жилыми постройками и прилегающими к ним усадьбами, обрабатываемыми под огородные культуры. Судя по конфигурации мыса и размещению культурных остатков, древнейшей частью поселения должна являться юго-восточная стрелка мыса. Она, по-видимому, была укреплена рвом и валом, проходившими в самой узкой части мыса. К западу от укрепленной части располагался неукрепленный поселок.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 440, 441; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(72). Медвежье, Сумская обл., Талалаевский р-н (правый берег р. Ромена) — городище.

См. «Поселения культуры зольников в VII—III вв. до н. э.».

256. Могрица, Сумская обл., Миропольский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в 1.5 км к северо-востоку от села. Остатки его состоят из городища и селища. Городище расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки, русло которой здесь вплотную подходит к берегу, и впадающими в нее балками. Городище занимает стрелку мыса. От напольной стороны оно отрезано глубоким рвом (до 5 м) и валом (рис. 113). Форма вала нехарактерна. Площадка городища имеет почти правильную четырехугольную форму, вытянутую по оси С—Ю. Длина ее около 70 м, ширина в середине около 20 м, ширина северного конца вала около 11 м, южного конца около 15 м. Городище перекопано. В южной части имеется 5 ям, из которых одна (вторая с юга) перерезает всю площадку городища по линии В—З. Городище задерновано. Культурные остатки на поверхности не прослеживаются. Не обнаружены они и при шурфовке. Лишь по склонам мыса собрано несколько черепков от лепных сосудов раннеславянской культуры. По-видимому, вследствие незначительной ширины площадки городища и большой крутизны склонов мыса культурный слой смыт.

Высота мыса над долиной не менее 40 м. Внешний облик его довольно ярко выступает на фоне омывающего его подножие быстрого Псла и лесного массива на севере. С площадки городища открывается вид на широкую долину р. Псла и его притоков (Рыбицы и др.).

К северо-западу от городища на склоне плато, расположенного почти перпендикулярно мысу, на котором находится городище, прослеживаются остатки неукрепленной части поселения — селища. Собранные на нем материалы (обломки керамики) принадлежат славяно-русской культуре ранней (роменско-боршевского типа) и великокняжеской поры.

Поселение у с. Могрица впервые в литературе упоминается в середине XIX в. Автор «Историко-статистического описания Харьковской епархии» при характеристике поселения отмечает, что «крестьяне при распахивании земли городища (под термином «городище» автор имеет в виду, по-видимому, всю территорию поселения — городище и селище, — *И. Л.*) отыскивали копья и другие военные орудия, равно черепа и другие части человеческого остова». На площади городища большое число могилок. Автор полагает, что поселение относится к домонгольскому времени. Последующие исследователи, касаясь Могрицкого поселения, повторяли сведения автора «Историко-статистического описания», не давая ничего нового. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 391; Ю. В. Морозов. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 95; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(74). Мохнач, Харьковская обл., Змиевский р-н (правый берег р. Северского Донца) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

257. Новотроицкое, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Псла, в черте села, на юго-восточной его окраине (рис. 114). В 1952—1954 гг. поселение полностью раскопано.

И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958.[31]

[31] В книге «Городище Новотроицкое» допущена досадная опечатка: на стр. 245 под таблицей

Рис. 112. Городище у с. Литвиновичи. Общий вид.

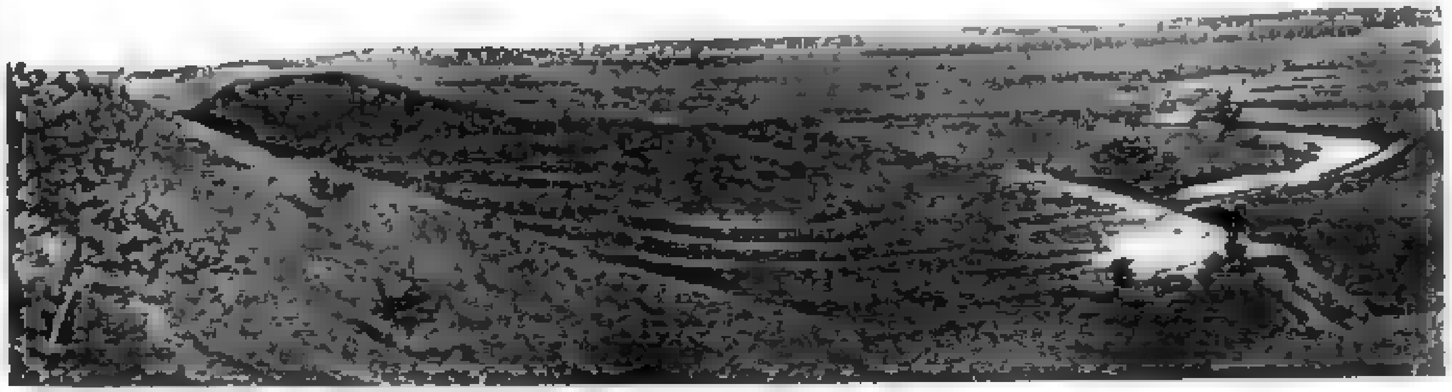


Рис. 113. Городище у с. Могрица. Общий вид.

Рис. 114. Городище у с. Новотроицкое.
1 — керамика (жилище № 11); 2 — общий вид с востока

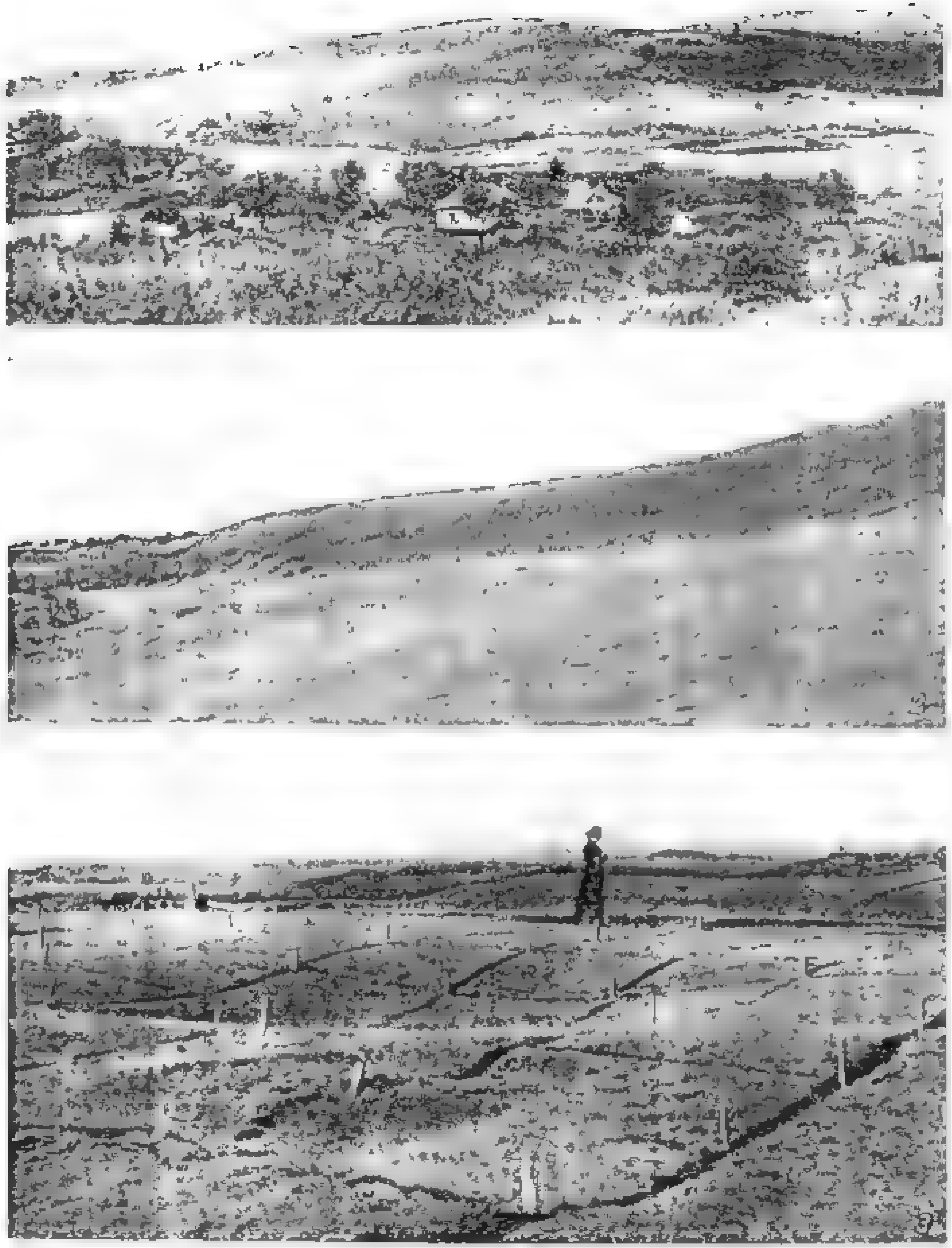


Рис. 115. Городище в с. Опошня.
1 — общий вид с юго-востока; 2 — вал городища, 3 — площадка раскопа

258. Опошня, Полтавская обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, в северо-восточной его части. У местного населения оно известно под именем Городище. Расположено поселение на небольшой площадке высокого холма — останца коренного берега, отрезанного от плато долиной речки Тарапуньки целой серией оврагов (рис. 115, 1). Холм сильно разрушается как в силу естественных причин (оползания), так и благодаря копке глины на его склонах. Все это в значительной мере видоизменило первоначальную форму и размер площадки холма, некогда занятой поселением. Возможно, что в какой-то мере это отразилось и на оборонительной линии поселения. Сейчас вал и ров имеются лишь в восточной и юго-восточной частях поселения, там, где холм плавно спускается к долине (рис. 115, 2).

Размер площадки поселения 150—160 м по длинной оси (В—З) и 40—50 м по короткой (С—Ю). Северо-западная часть площадки занята современным кладбищем, вся остальная часть свободна от построек и не обрабатывается. По всей площади холма (особенно же в восточной части) прослеживаются неглубокие (от 0.40 до 1 м), диаметром от 3 до 7 м задернованные ямки. Растительность в этих ямках отличается от окружающей более зеленой окраской.

В 1940 г. Днепровской левобережной экспедицией на поселении произведены небольшие раскопочные работы, вскрывшие остатки трех полуземляночных жилищ (рис. 116). В 1957 г. раскопками вскрыто еще 11 жилищ-полуземлянок и ряд погребов (хозяйственных ям). Раскопки 1957 г. производились в восточной части мыса, там же, где и в 1940 г. Поверхность площадки сравнительно ровная, с незначительным уклоном в восточном и юго-восточном направлениях; в ряде мест имеются западинки. Последние довольно разнообразны — от едва заметных до крупных, диаметром 6—7 м, при глубине до 1 м (рис. 115, 3). Южная и северная части исследуемого участка сильно нарезаны глинищами.

На всей исследованной площади культурные отложения вскрыты до материка. Они представляют обычный темный, гумусированный слой. Мощность его на местах, не связанных с остатками построек, углубленных в землю, около 0.25—0.40 м. Насыщенность слоя культурными остатками слабая (рис. 117). Бóльшую часть их составляют обломки глиняной посуды, кости животных, единичные вещи (целые и дефектные) из железа, бронзы, глины, камня. Керамика лепная, в подавляющей массе неорнаментированная. Основные группы сосудов — горшки, миски, сковородки. Горшки — наиболее многочисленная и в то же время наиболее разнообразная группа. Отчетливо выделяется три типа горшков.

1. Сосуды средних размеров со слегка отогнутым венчиком, с невысокой, но хорошо выраженной шейкой. Тулово книзу постепенно переходит на конус. Дно плоское. Соотношение отдельных частей довольно устойчивое. Диаметр горловин несколько меньше высоты сосуда, диаметр дна около $_3$ или немного меньше диаметра горловины. Край венчика часто орнаментирован вдавлениями пальца или щипками. Орнаментация тулова встречается очень редко. Найден всего лишь один орнаментированный обломок. Сосуды изготовлялись из глины с примесью шамота или дресвы. (рис. 118, 1).

2. Горшки второго типа характеризуются широким горлом, часто превосходящим по диаметру высоту сосуда. Диаметр дна очень небольшой, около $^1/_3$ диаметра горловины. Венчик невысокий, лишь слегка отогнутый, в силу чего шейка и плечики выражены очень слабо. Форма тулова коническая. Сосуды этого типа по размерам самые большие. Изготовлялись они из глины такого же качества, как и горшки первого типа. Край венчика иногда орнаментировался вдавлениями пальца или щипками. Судя по размерам, такие горшки могли использоваться прежде всего для хранения продуктов (рис. 118, 2).

3. Горшки третьего типа резко отличаются от двух предыдущих вертикальностью или цилиндричностью венчика, переходящего непосредственно в плечики и далее в коническое тулово. Но вертикальность или цилиндричность венчика довольно неустойчивы. В одних случаях венчик имеет наклон внутрь сосуда, в других вовне. Горшки этого типа изготовлялись из глины также с примесью шамота и дресвы, но раз-

XI напечатано «Жилище № 9», должно быть «Жилище № 10»; на стр. 246 под таблицей XII напечатано «Жилище № 10», должно быть «Жилище № 9».

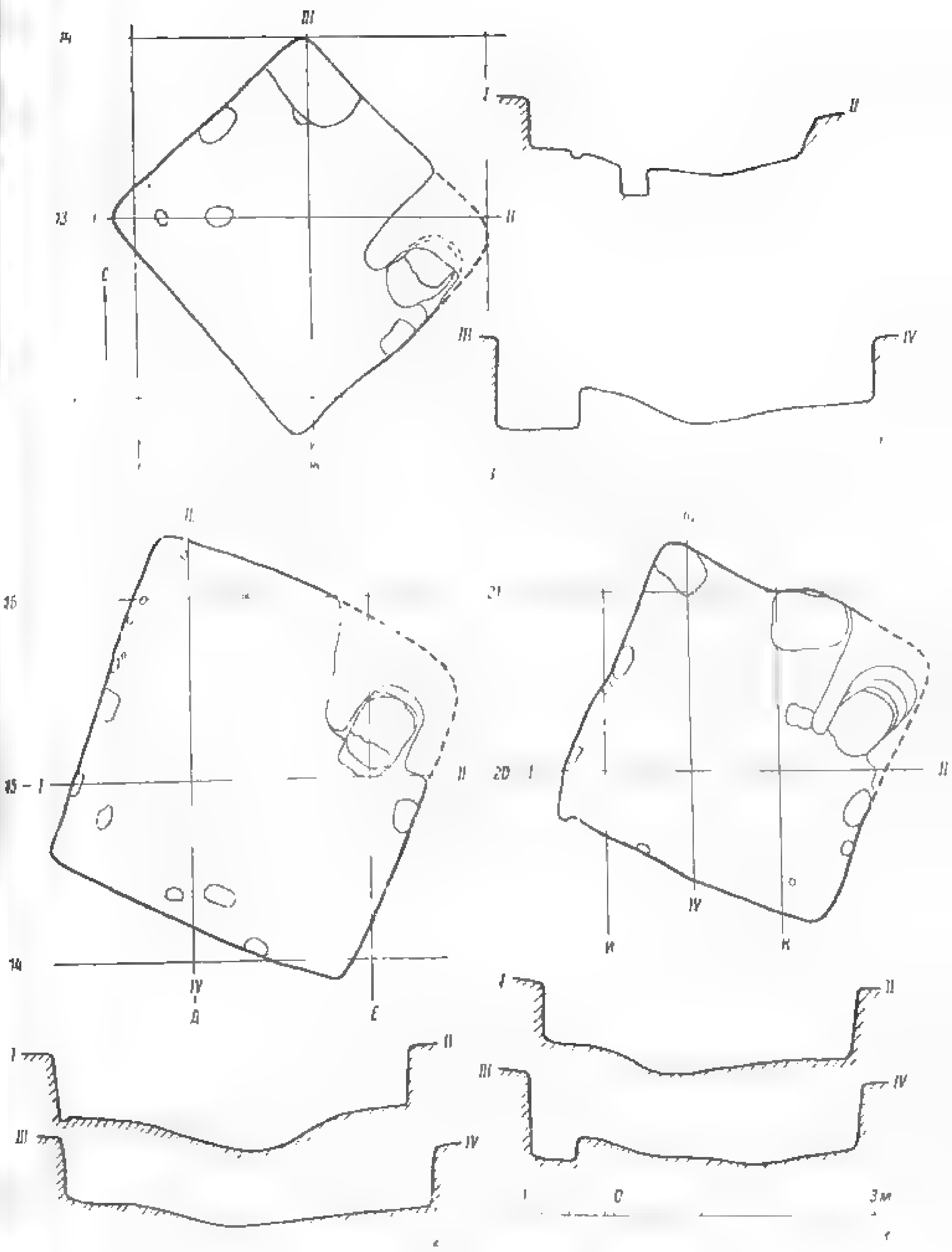


Рис. 116. Городище у с. Опошня. Раскопки 1940 г.
1—3 — планы и профили жилищ №№ 1—3.

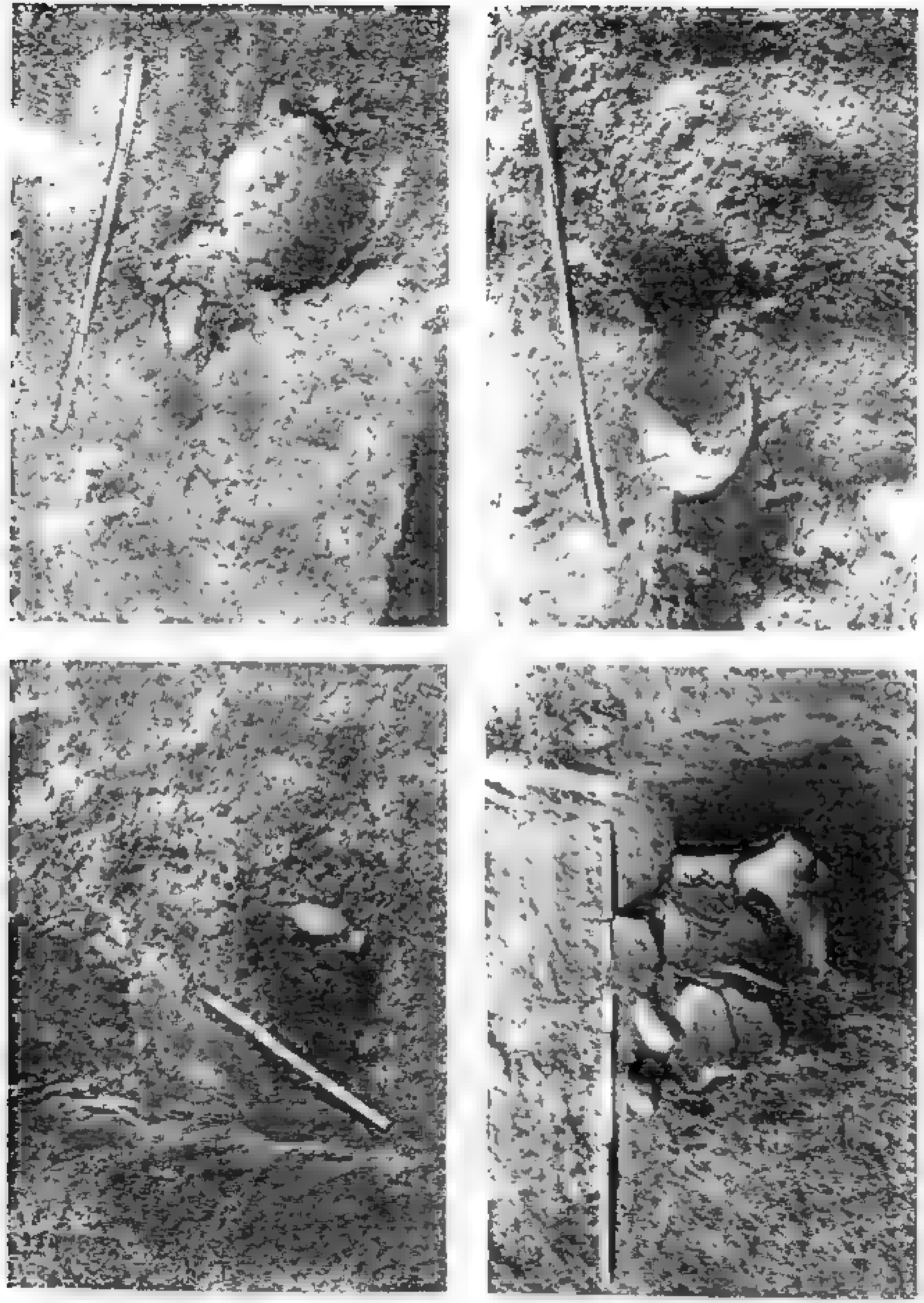


Рис. 117. Городище у с. Опошня. Культурные остатки на горизонте древней дневной поверхности.
1 — кв. $А_{16}$; 2 — кв. $О_{11}$; 3 — кв. $Т_{2}$; 4 — кв. $Ч_{16}$.

меры зерен менее крупные, чем в горшках первого и второго типов. Вследствие этого поверхность их более гладкая. Цвет сосудов — от бурого до черного (рис. 118, *4*). Среди собранных остатков орнаментированные сосуды этого типа не встречены.

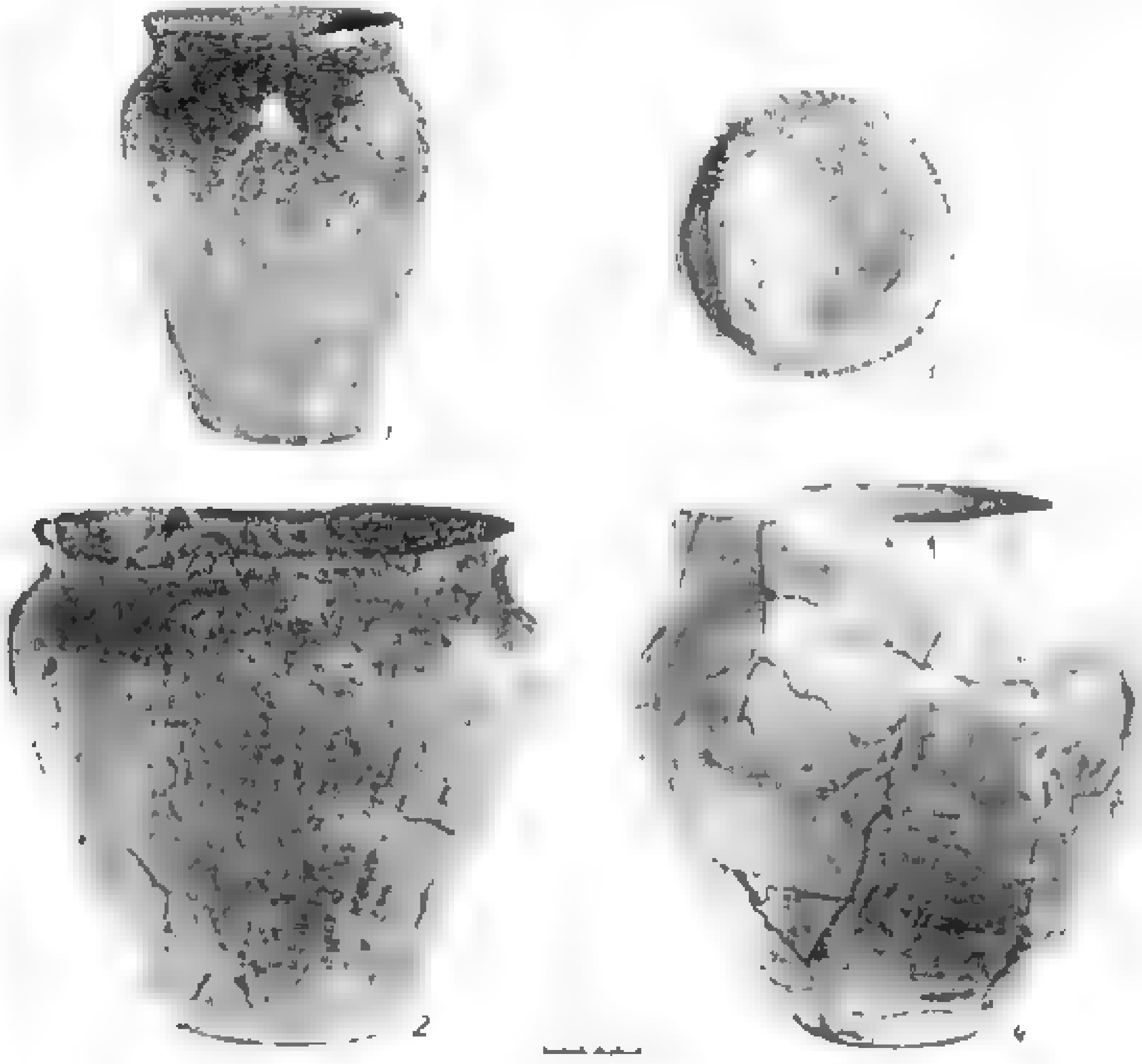


Рис. 118. Городище у с. Опошня. Керамика, найденная в культурном слое
1 — кв. $А_{16}$; 2 — кв. $О_{11}$, 3 — кв. $Л_{28}$, 4 — кв. Т.

Все три отмеченные типа горшков найдены как в фрагментах, так и целыми.

Сосуды второй группы — миски — найдены лишь в отдельных обломках. От кухонных горшков они отличаются более широкой горловиной и меньшей высотой. Диаметр горла у них всегда больше высоты. Во всем остальном (тесто, техника изготовления и т. п.) они одинаковы с горшками.

Третья группа — сковородки — немногочисленна. Форма их обычная. Собранные при раскопках обломки позволили восстановить одну весьма любопытную сковородку, орнаментированную по дну (с внутренней стороны параллельно бортам) двумя рядами треугольников, обращенных друг к другу вершинами. Треугольники нанесены точечным наколом (рис. 118, *3*).

Небезынтересно отметить, что наряду с обычными сковородами при раскопках обнаружено большое число (до десятка) миниатюрных сковородок диаметром 3.5—4 см. Изготовлены они из глины и хорошо обожжены. Бортики части сковородок орнаментированы насечками (рис. 119, *12*, *13*). Отдельные сковородки найдены в развалах печей.

Из других глиняных изделий следует отметить пряслица, бусы (?), небольшие шарики и лепешечки, фигурки животных (в обломках), тигельки (в обломках).

Пряслица двух типов — биконические или близкие к ним и плоские. Биконические пряслица изготовлялись непосредственно

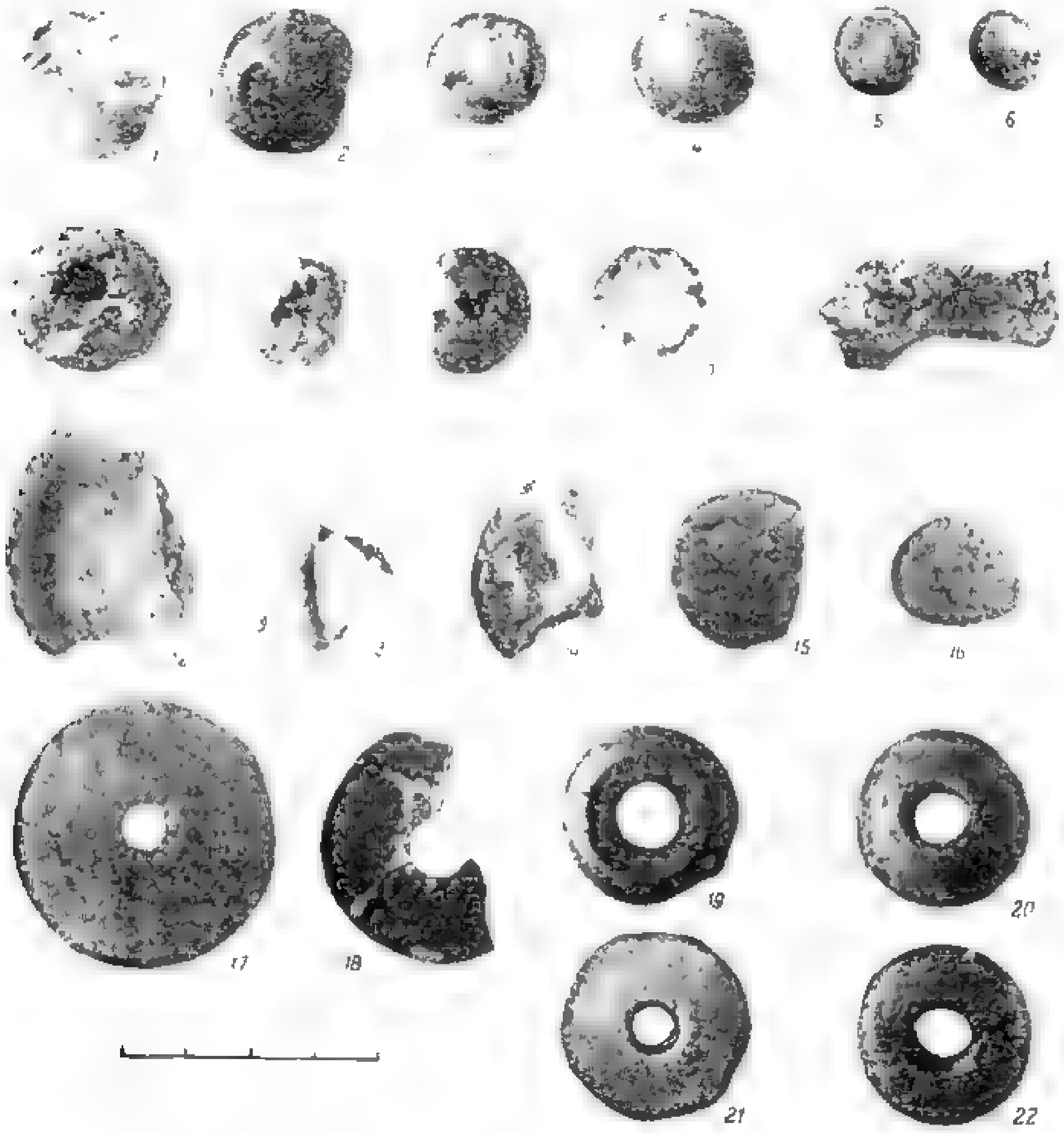


Рис. 119. Городище в с. Опошня. Мелкие поделки из глины (*1—22*).

из глины, пряслица плоские изготовлялись из черепков (обломков глиняной посуды) (рис. 119, *17—22*). При раскопках найдено около десятка глиняных обожженных шариков. Часть их имеет сквозные отверстия и напоминает бусы. Но среди них есть экземпляры и без отверстий (рис. 119, *1—10*). О назначении их судить трудно. Наряду с шариками найдены небольшие глиняные плоские таблетки (лепешечки), округлые в плане (рис. 119, *14—16*). Как и глиняные шарики, они обожжены. Назначение их также неизвестно. Подобные лепешечки были найдены при раскопках Новотроицкого поселения. Кроме глиняных бус, найдено несколько глазчатых бус и одна сердоликовая, сферическая.

Весьма любопытны фигурки животных. К сожалению, ни одна из них не сохранилась полностью. Тем не менее в одном из таких, наиболее сохранившихся обломков нельзя не усмотреть фигурку собаки. Три остальные передают лишь отдельные детали животного — ногу, часть туловища и т. п. (рис. 119, *11*).

Особого внимания заслуживают найденные на поселении обломки тигельков. Число их невелико, но они интересны в том отношении, что принадлежат тигелькам таких же самых форм, что и обнаруженные при раскопках Новотроицкого городища.

Изделия из металла, найденные при исследовании поселения, немногочисленны. Из железных вещей следует отметить бытовые ножи (рис. 120, *7—9*), кресало в виде калачика (рис. 120, *10*), шило, обломок серпа (рис. 120, *13*), две небольшие скобки (рис. 120, *11*, *15*), небольшую прямоугольную пряжку без язычка и несколько обломков каких-то неопределенных предметов. Вещи из цветных металлов представлены зеркалом (салтовского типа) с ушком на оборотной стороне (зеркало дефектное, край частично оплавлен) (рис. 120, *6*), небольшой (около 3 см в диаметре) округлой бляшкой с ушком для закрепления (рис. 120, *2*), тонкой, квадратной формы пластинкой с небольшими отверстиями по углам (рис. 120, *3*), литой шпонкой (рис. 120, *1*) и рядом обломков неизвестных вещей.

Таблица 2

Наименование вида	Количество костей: абсолютное	Количество костей: в %	Количество особей: абсолютное	Количество особей: в %
Домашние животные				
1. Корова	100	[illegible]	10	[illegible]
2. Лошадь	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
3. Мелкий рогатый скот	2	8.33	3	[illegible]
4. Свинья	[illegible]	16.66	7	[illegible]
5. Курица	6	2.38	4	[illegible]
	174	[illegible]	[illegible]	
Дикие животные				
6. Кабан	[illegible]	1.1	[illegible]	[illegible]
7. Лось	13	[illegible]	[illegible]	[illegible]
8. Олень	[illegible]	1.1	2	[illegible]
9. Косуля	26	[illegible]	[illegible]	[illegible]
10. Медведь	7	[illegible]	[illegible]	[illegible]
11. Лиса	4	[illegible]	[illegible]	[illegible]
12. Куница	2	[illegible]	1	[illegible]
13. Заяц	11	4.3	4	[illegible]
14. Бобр	5	[illegible]	1	[illegible]
15. Водяная крыса	1	[illegible]	1	[illegible]
16. Слепыш	2	[illegible]	1	[illegible]
17. Утка нырковая	1	[illegible]	1	[illegible]
	78	30.95	27	50.95
Всего	252	100	53	100

Немного поделок и из кости. Это шилья и кочедыки. Изделия из камня также немногочисленны. В основном это точильные камни из разных пород (рис. 121) и два обломка жернова (?).

Последнее, на чем необходимо остановиться в связи с характеристикой культур

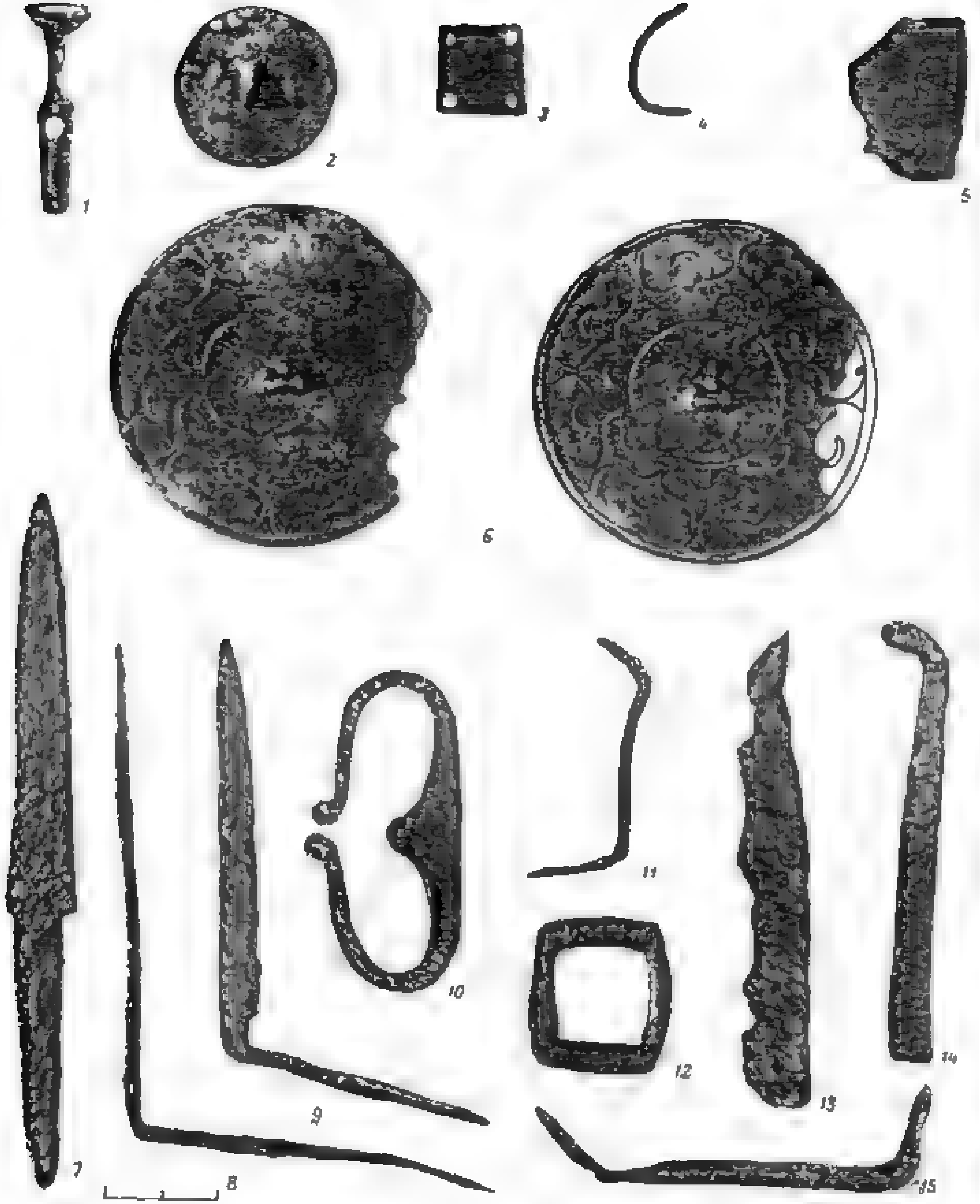


Рис. 120. Городище в с. Опошня. Вещи из металла (*1—15*).

Рис 121. Городище в с. Опошня. Изделия из камня.

ного слоя, это кости животных. Число их невелико. На всей вскрытой площади (включая заполнения ям жилых и хозяйственных построек) собрано около 500 костей, причем лишь около половины оказались определимыми.

По данным определения, произведенного в Зоологическом институте АН СССР научным сотрудником А. В. Таттар, под руководством И. М. Громова, костные остатки принадлежат различным животным (табл. 2).

Таким образом, по числу костных остатков домашние животные составляют около 70%, по числу особей — около 50%, причем по видам они распределяются следующим образом (в % по числу особей):

1. Корова — около 38.5
2. Лошадь — 7.7
3. Мелкий рогатый скот — 11.5
4. Свинья — 26.9
5. Курица — 15.4

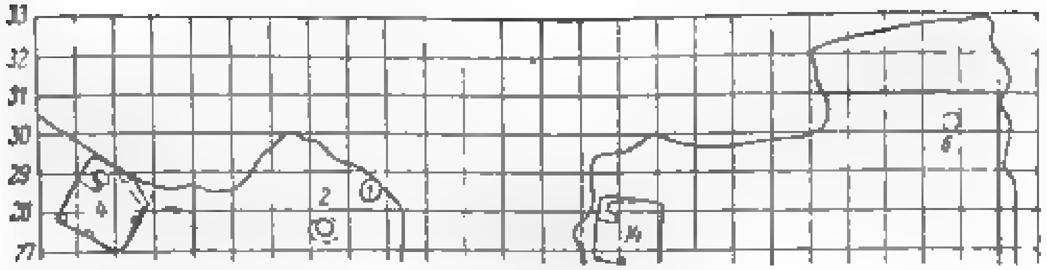
После снятия культурного слоя на глубину 0.25—0.30 м на исследуемом участке на местах западинок были обнаружены остатки 11 жилищ и 18 хозяйственных построек (погребов) (?). Исследование остатков построек показало, что все жилища полуземляночного типа, причем от них сохранились лишь нижние, углубленные части, врезанные в материк. В верхней части на глубину 0.40—0.75 м материковый слой состоит из глины красного оттенка, ниже идет белая глина. В плане жилища прямоугольные; одни из них ориентированы строго по странам света, другие с некоторым отклонением. Жилища небольшие, в среднем около 3×3 м. Лишь жилище № 5 несколько выделяется своей величиной (размеры его около 5.5×5 м). Среди развалов жилищ сохранились остатки печей, расположенные, как правило, в одном из углов. Печи вырезались в материковой глине одновременно с сооружением нижней, углубленной частью жилища. Только в жилище № 11 печь сделана в стене, в форме подбоя. В полу в углах и у стен, в средней их части, столбовые ямы. Число их различное, от 2 до 10. В развалинах всех жилищ (в заполнении углубленных частей) обнаружены остатки сгоревшего дерева; судя по их расположению, это деревянные конструкции жилищ — столбы, переклады, стропила и т. п. В отдельных жилищах найдены глиняные сосуды (в большей части раздавленные). Все исследованные жилища размещены на территории площади довольно свободно — в виде отдельно стоящих построек без каких-либо признаков связи между собой (рис. 122, 123).

Ниже дается характеристика исследованных остатков отдельных жилищ.[212]

Жилище № 4 (рис. 124) расположено к северо-западной части раскопа, в квадратах $А_{27-28}$, $Б_{27-28}$, $В_{27-28}$, непосредственно у северного обрыва мыса. Сохранившиеся остатки представляют прямоугольную в плане яму, ориентированную сторонами в направлении СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ. Длина стен — северо-восточной 3.5 м, юго-восточной 3.65 м, юго-западной 3.80 и северо-западной 3.75. Яма вырыта в материковой глине. Глубина ямы около 0.85 м. Стенки отвесные. Пол материковый, сравнительно ровный, только центральная часть слегка выбита и подмазана. В полу четыре ямки (столбовые) — три около стен (северо-восточной, юго-восточной и юго-западной), в средней их части, и одна в углу (западном). Ямки в плане овальные (0.30—55×0.25—0.40 м, при глубине 0.20—0.60 м). Печь расположена в северном углу. Сохранность ее более или менее удовлетворительная, за исключением свода, которых разрушен полностью. Внешние размеры печи 1.40×1.00×0.60 м. Устье печи обращено на юго-восток. Топка печи в плане овальная, размеры ее 0.75×0.60 м. Под залегает на одном уровне с полом. Он глиняный, материковый. На поду лежит слой золы и углей, выше завал красной обожженной глины, перемешанной с «конусами». Форма последних различная — овальная, конусовидная и пр. Над обожженной глиной и конусами идет пестрый слой из земли, углей, обожженной и необожженной глины, кусков обгорелого дерева, обломков глиняной лепной посуды и т. п.

Углубленная часть жилища была заполнена вверху (на глубину двух штыков) темным гумусированным слоем. Ниже шел более плотный глинистый слой с включением остатков горелого дерева. Наиболее отчетливо горелое дерево было прослежено в средней части жилища на линии СВ—ЮЗ (рис. 125). Здесь обнаружены остатки об-

[212] Нумерация жилищ является продолжением нумерации раскопок 1940 г. (в 1940 г. исследованы жилища №№ 1—3).



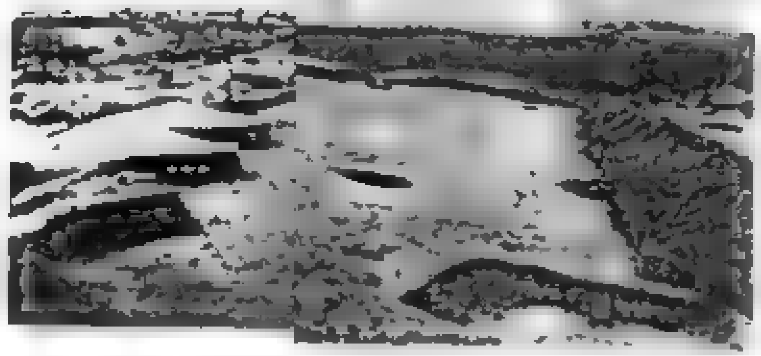


Рис. 122. Городище в с. Опошня. План раскопа.

а — гумусный слой, б — желтый глинистый слой; в — белый глинистый слой (рушеный); г — угли; д — слой с включением обожженной глины; е — горизонт материка, ж — золистый слой, з — слой подпочвы; и — глина белая (выброс); к — глина белая (материк); л — слой коричневатого оттенка, м — глина коричневатого оттенка (материк).

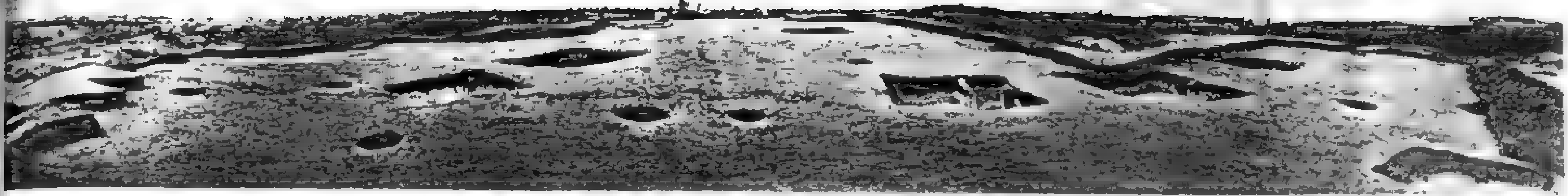


Рис. 12. Городище в с. Олошин. Общий вид раскопа (с востока).

ного слоя, это кости животных. Число их невелико. На всей вскрытой площади (включая заполнения ям жилых и хозяйственных построек) собрано около 500 костей, причем лишь около половины оказа-
лис

I
в З
учль
ково
прин
Т
ков
70%
чем
щим

кяные сосуды (в большей части раздавленные). Все исследованные жилища размещены на территории площади довольно свободно — в виде отдельно стоящих пос-

По
бину
на м
остатк
строек
ков по
луемл
хранил
части,
части
слой с
ниже
прямоу
строго
отклоне
нем ок
сколько
меры е
жилищ
ложени
Печи вы
времени
..., углубленной частью жилища. Только в жилище № 11 печь сделана в стене, в форме подбоя. В полу в углах и у стен, в средней их части, столбовые ямы. Число их различное, от 2 до 10. В развалинах всех жилищ (в заполнении углубленных частей) обнаружены остатки сгоревшего дерева; судя по их расположению, это деревянные конструкции жилищ — столбы, переклады, стропила и т. п. В отдельных жилищах найдены гли-

Углубленная часть жилища была заполнена вверху (на глубину двух штыков) темным гумусированным слоем. Ниже шел более плотный глинистый слой с включением остатков горелого дерева. Наиболее отчетливо горелое дерево было прослежено в средней части жилища на линии СВ—ЮЗ (рис. 125). Здесь обнаружены остатки об-

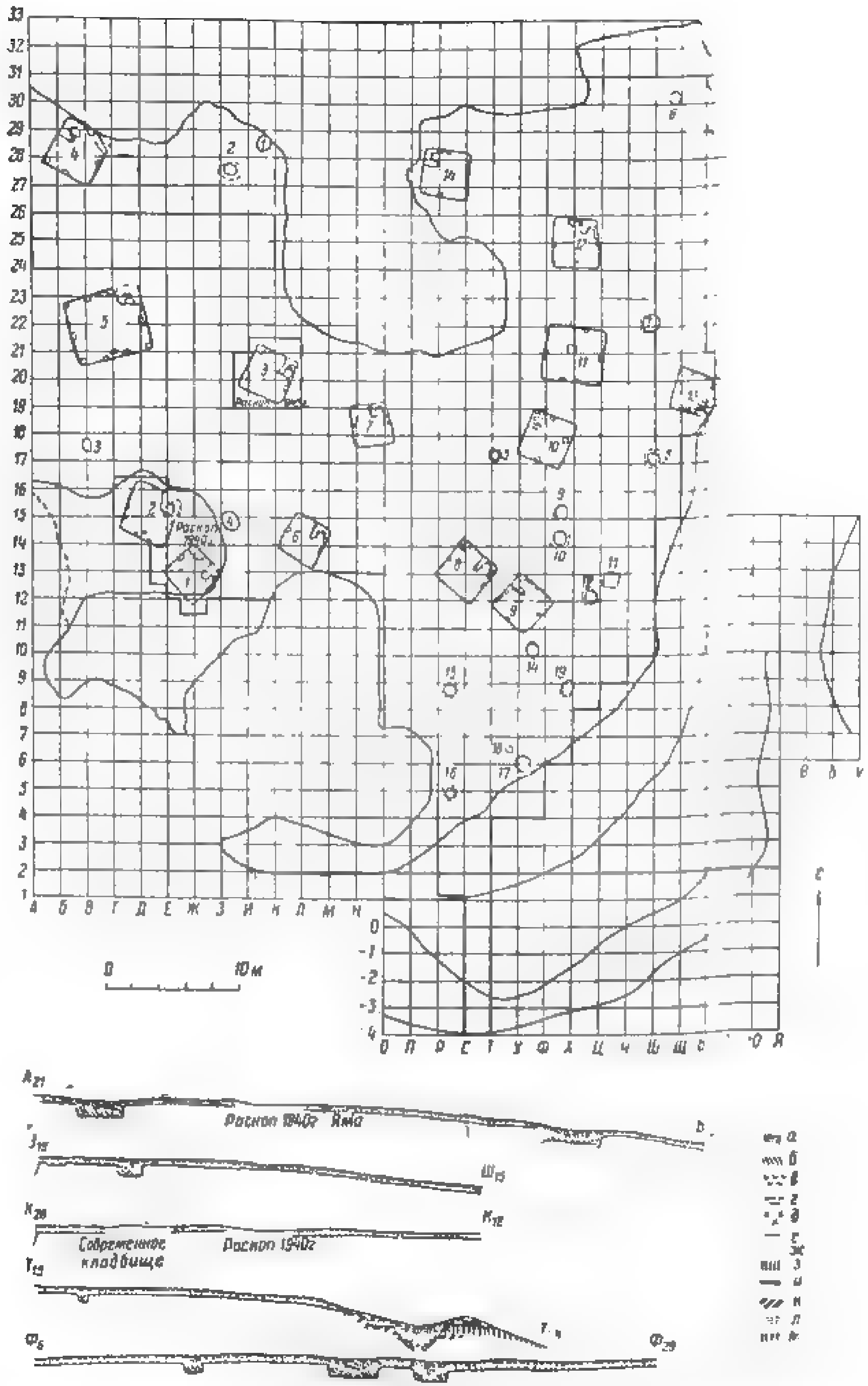
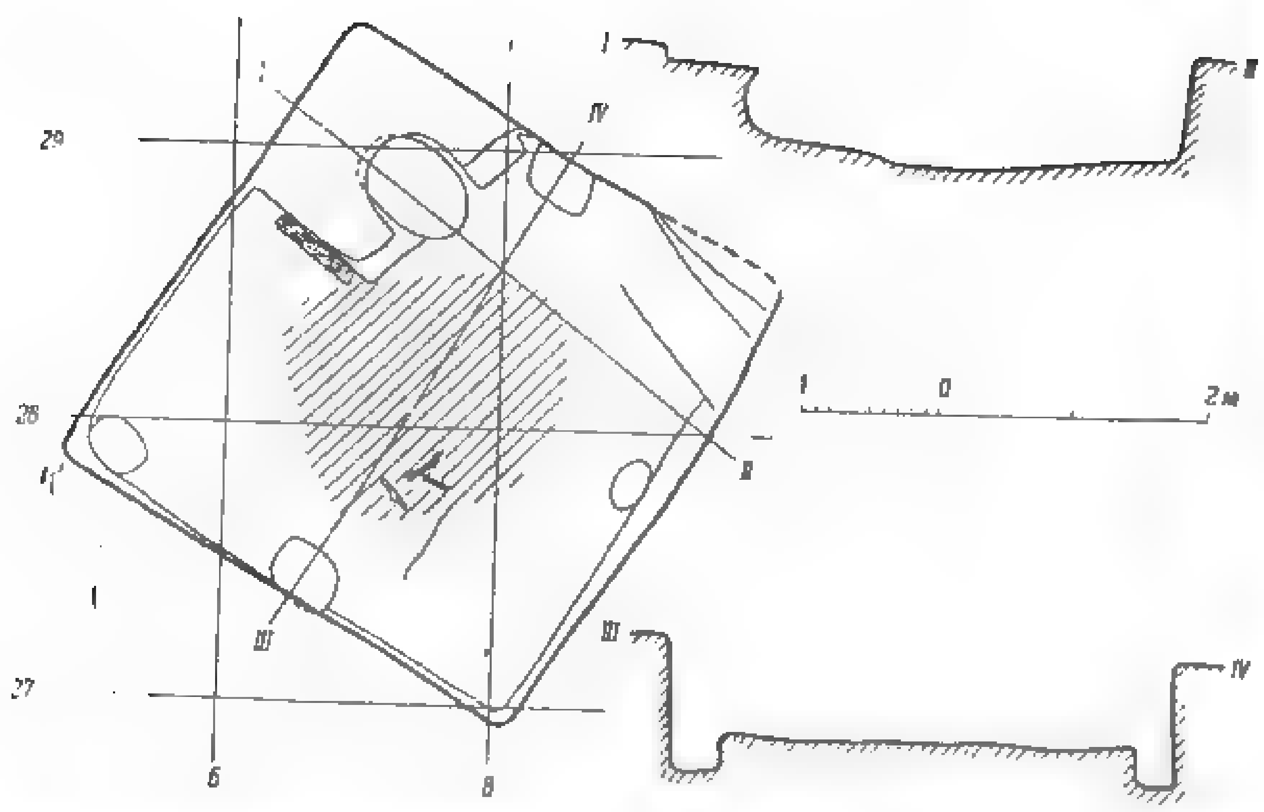


Рис. 122. Городище в с. Опошня. План раскопа

а — гумусный слой; б — желтый глинистый слой; в — белый глинистый слой (ру...ый); г — угли; д — слой с включением обожженной глины; е — горизонт материка, ж — ... слой, з — слой подпочвы, и — глина белая (выброс); к — глина белая (материк); л — слой коричневатого оттенка, м — глина коричневатого оттенка (материк).

[213] Нумерация жилищ является продолжением нумерации раскопок 1940 г. (в 1940 г. исследованы жилища №№ 1—3).



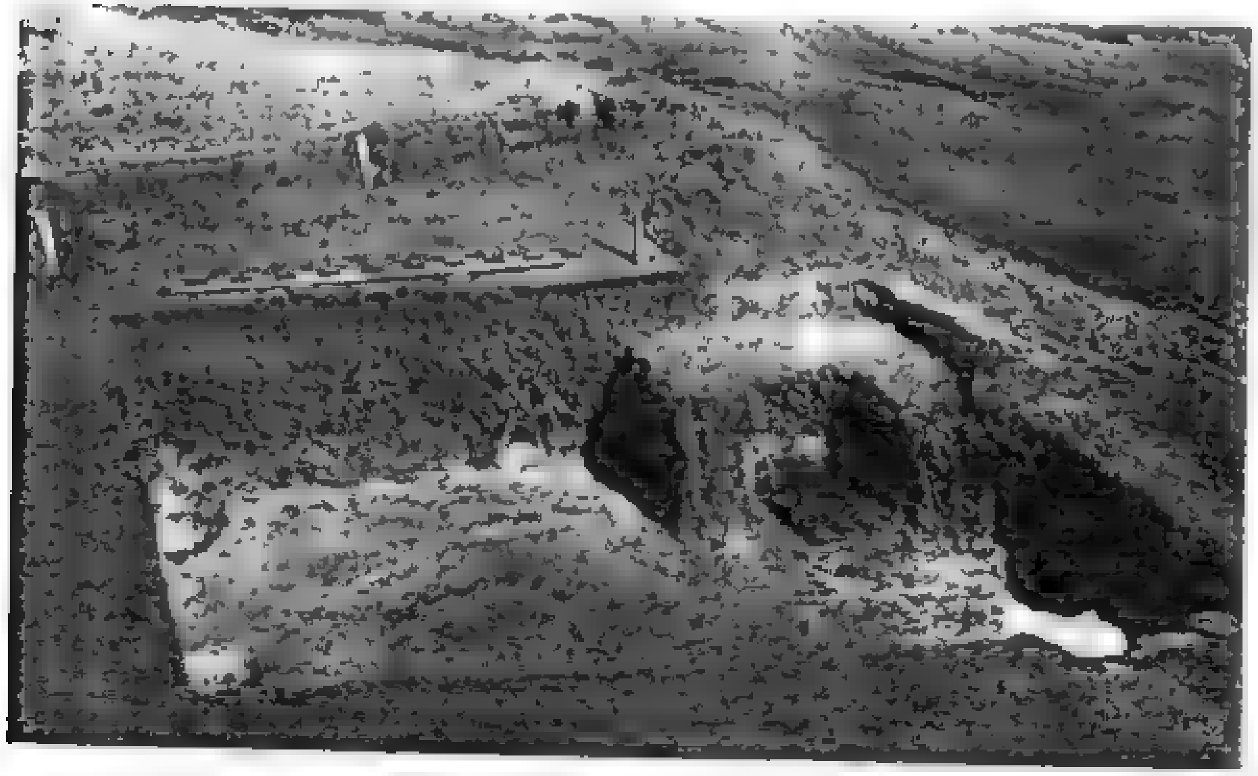
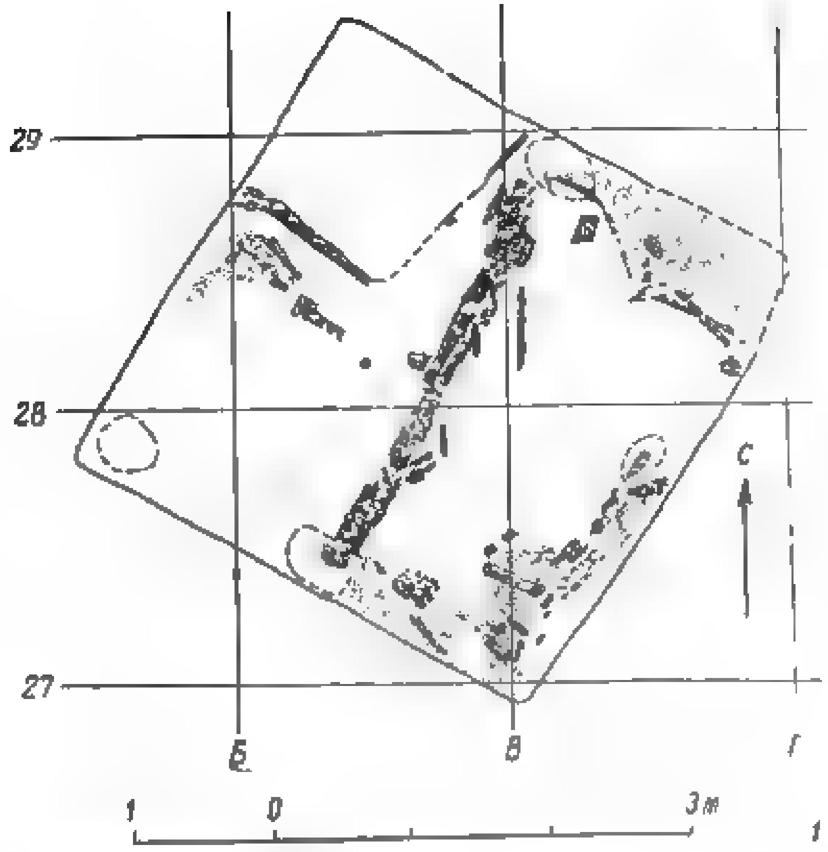


Рис. 124. Городище в с. Опошня. Жилище № 4.

1 — план и профили; *2* — общий вид



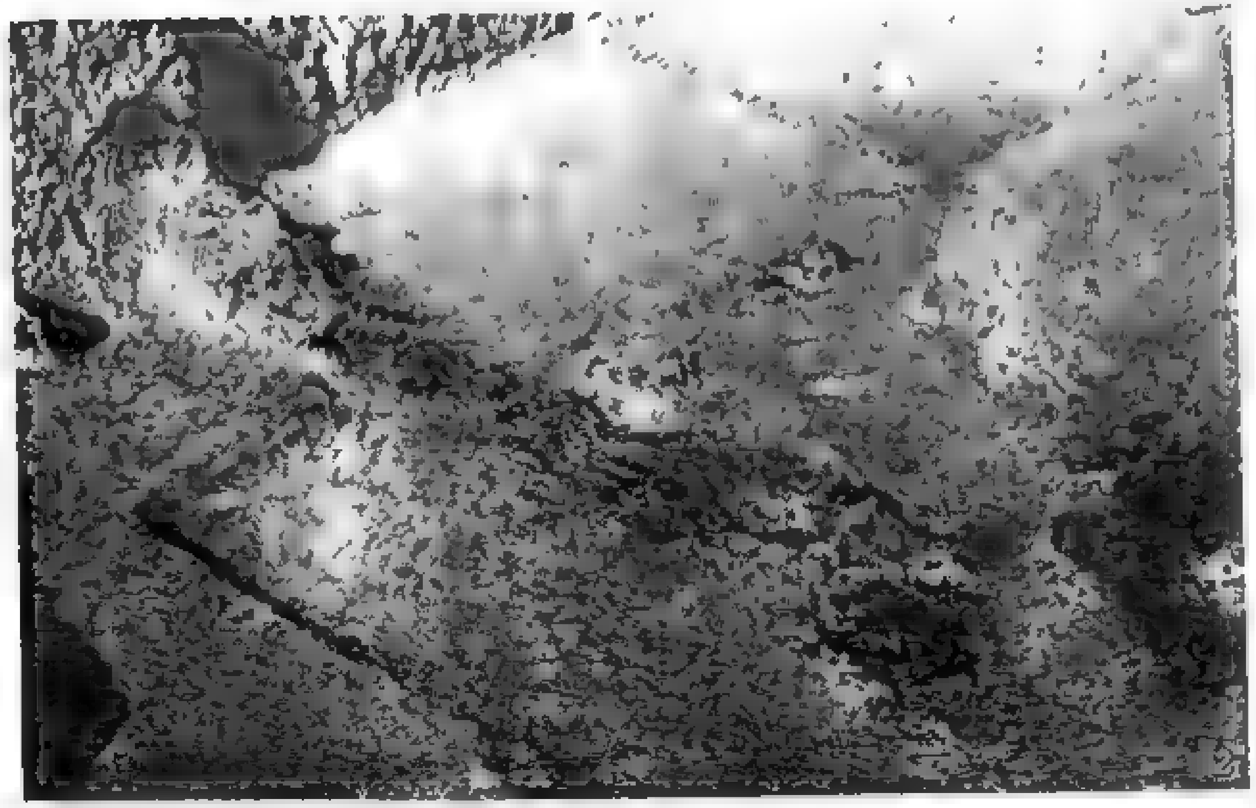


Рис. 125. Городище в с. Опошня. Жилище № 4.

1 — план горизонта горелого дерева; *2* — процесс расчистки.

горелого бревна длиной около 3.20 м, при ширине (толщине?) до 0.30 м. Горелое бревно лежало на линии столбовых ямок. Вдоль всех четырех стен на различной глубине залегания были обнаружены продольные углистые линзы, чередующиеся с линзами обожженной красной глины. В углах (на линии сопряжения пола со стенками) прослежены полосы плесени (сгнившее дерево). Такая же плесень обнаружена при расчистке столбовых ям. В заполнении углубленной части жилища были найдены отдельные обломки лепной посуды и раздробленные кости животных.

Жилище № 5 (рис. 126, 127) расположено метрах в 7 к югу от жилища № 4, в квадратах $Б_{20-23}$, $В_{20-23}$, $Г_{20-23}$, $Д_{21-23}$. От жилища сохранилась лишь нижняя, углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами по линиям СВ—ЮЗ, СЗ—ЮВ. Длина стен — северо-западный около 5.50 м, северо-восточной около 4.50 м, юго-восточной около 5.50 м и юго-западной около 4.80 м. Яма вырыта в материковой глине. Глубина ее около 0.80 м. Стены отвесные. Пол материковый, довольно ровный. Центральная часть слегка выбита и подмазана. В полу десять столбовых ямок: четыре по углам и шесть у стен, в средней их части, причем три из них расположены у юго-восточной стены. Ямки у северо-восточной и юго-западной стен продолговатые, остальные овальные. Размеры продолговатых ямок 0.70—0.80×0.30—0.40×0.25 м, овальных — 0.25—0.50×0.30—0.40×0.20—0.40 м. В северном углу печь, обращенная устьем на юг. Внешние размеры печи 1.65×1.15×0.70 м. Под печи прямоугольной формы, размером 0.65×0.90 м. Он залегает на уровне пола. В восточной и северной частях сохранились стенки топки и свод с частью дымохода, представлявшего, по-видимому, отверстие цилиндрической формы. Дымоход сильно обожжен. Высота его около 0.40 м, диаметр около 0.30 м. Под покрыт золисто-углистым слоем. Выше углисто-золистого слоя у задней стенки лежало несколько обломков и один целый конус. В центральной части топки на высоте около 0.10 м над подом залегал кусок сгоревшего дерева. На этом же уровне находились обломки лепных сосудов и большой сковородки, а также куски обожженной и необожженной глины.

На глубине двух штыков от поверхности яма была заполнена темным гумусированным слоем. Ниже шел более плотный, глинистый слой с большим содержанием остатков горелого дерева (рис. 128). В границах ямы дерево залегало на всей площади. Наиболее отчетливо горелое дерево выступало в средней части ямы, по линии СВ—ЮЗ. Здесь прослежена целая свита сгоревших плах общей длиной около 2.5 м. Отдельные куски этих плах прослежены и далее к юго-западу. В западной части перпендикулярно вышеописанным остаткам сгоревшего дерева залегает несколько обломков сгоревших плах длиной около 1 м. Вдоль юго-восточной линии впритык к стене от восточного угла тянется горелая доска шириной около 0.20 м, длиной более 2 м. В восточном углу — остатки сгоревшего столба.

Жилище № 6 (рис. 129) расположено в южной части раскопа (на краю глинища), в квадратах $К_{13-14}$, $Л_{13-14}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы размером около 2.80×2.90 м, глубиной около 0.70 м, ориентированная сторонами по линиям СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ. Яма вырыта в материковой глине. Стенки отвесные, пол сравнительно ровный, в центральной части заметны следы искусственной подмазки пола глиной. В полу, у северо-западной и юго-восточной стенок, в средней их части, — две столбовых ямки, овальных в плане. Размер ямок около 0.30—0.35×0.40—0.45 м, при глубине около 0.30 м. Печь находится в восточном углу. Внешние размеры печи около 1.20×1.05×0.65 м. Устье топки обращено в юго-западную сторону, ширина устья около 0.50 м. Под имеет овальную форму, размеры его 0.75×0.85 м. Свод не сохранился. На поду лежал слой золы, углей и кусок горелого дерева. Выше топка была заполнена кусками красной обожженной глины и «конусами», как целыми, так и разбитыми. Над печью обнаружены обломки лепных сосудов, в том числе донышко.

Заполнение углубленной части жилища вверху состояло из темного гумусированного слоя с включением мелких угольков. Ниже этого слоя (вдоль стен на глубине около 0.30 м, в центре на глубине около 0.40—0.5 м) шел плотный глинистый слой с включением кусков горелого дерева, углей, золы. Лучше всего остатки горелого дерева сохранились в средней части жилища,

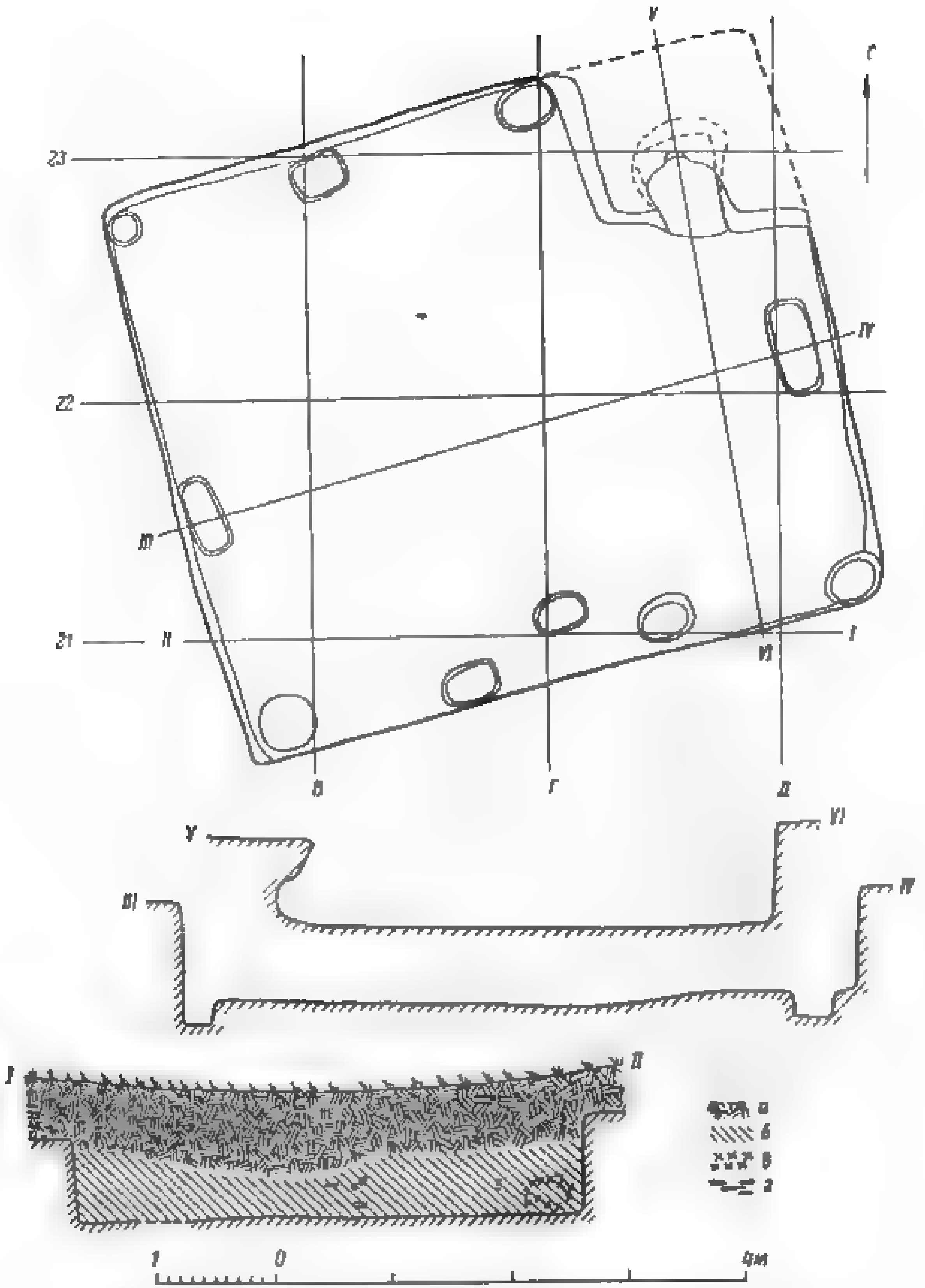


Рис. 126. Городище в с. Опошня. Жилище № 5. План, профили и разрез.
а — гумусный слой; б — желтый глинистый слой; в — обожженная глина; г — угольки.

на линии столбовых ямок (СВ—ЮЗ). В северо-восточной и юго-западной частях жилища куски горелого дерева лежали в направлении, перпендикулярном первому. Остатки сгоревших деревянных плах прослежены также вдоль юго-западной и юго-восточной стен (рис. 130). В заполнении найдены отдельные обломки глиняной лепной посуды и кости животных, в том числе

Рис. 127. Городище в с. Опошня. Жилище № 5. Общий вид.

проколка из рога (рис. 131, *16*). В западном углу в верхней части заполнения (на глубине 0.15—0.20 м) обнаружен бронзовый перстень салтовского типа (дефектный — без глазка) (рис. 131, *3*).

Жилище № 7 (рис. 132) находится в центре исследованного участка, в квадратах M_{17-19}, H_{17-19}, O_{17-19}. От жилища сохранилась нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы размером около 3×2.70 м, глубиной около 0.80 м, ориентированная почти по странам света. Как и у предыдущих жилищ, яма вырыта в материковой глине (сверху глина красная, ниже, у пола, переходит в белую). Стенки отвесные, пол сравнительно ровный. В полу, у восточной и западной стенок, в средней их части, — столбовые ямки. Форма ямок близка к овалу, размеры их 0.15—0.20×0.25—0.30×0.15—0.20 м. Печь расположена в северо-восточном углу. Внешние размеры ее около 1.25×1.00×0.70 м. Устье топки обращено на юг, ширина его около 0.45 м. Под печи почти прямоугольный в плане, размером 0.70×0.45 м. У задней стенки частично сохранился свод, переходящий в дымоход. На поду печи лежал золисто-углистый слой, перекрытый кусками горелого дерева. Выше шли обломки «конусов» и кусков красной обожженной глины, обломки глиняной лепной посуды. Отдельные обломки посуды лежали выше печи. Кроме того, в печи найдены две маленькие сковородки (диаметр 3—3.5 см). Край одной из них орнаментирован насечками (рис. 131, *4*, *5*).

Заполнение ямы сверху состояло из темного гумусированного слоя; под слоем гумуса шел более плотный, глинистый слой с включением кусков горелого дерева. Сохранность его плохая. Наиболее ясно прослежены остатки горелого бревна на линии столбовых ямок (В—З). Длина его около 1.10 м. Перпендикулярно к нему с южной стороны лежали две тонкие горелые плахи.

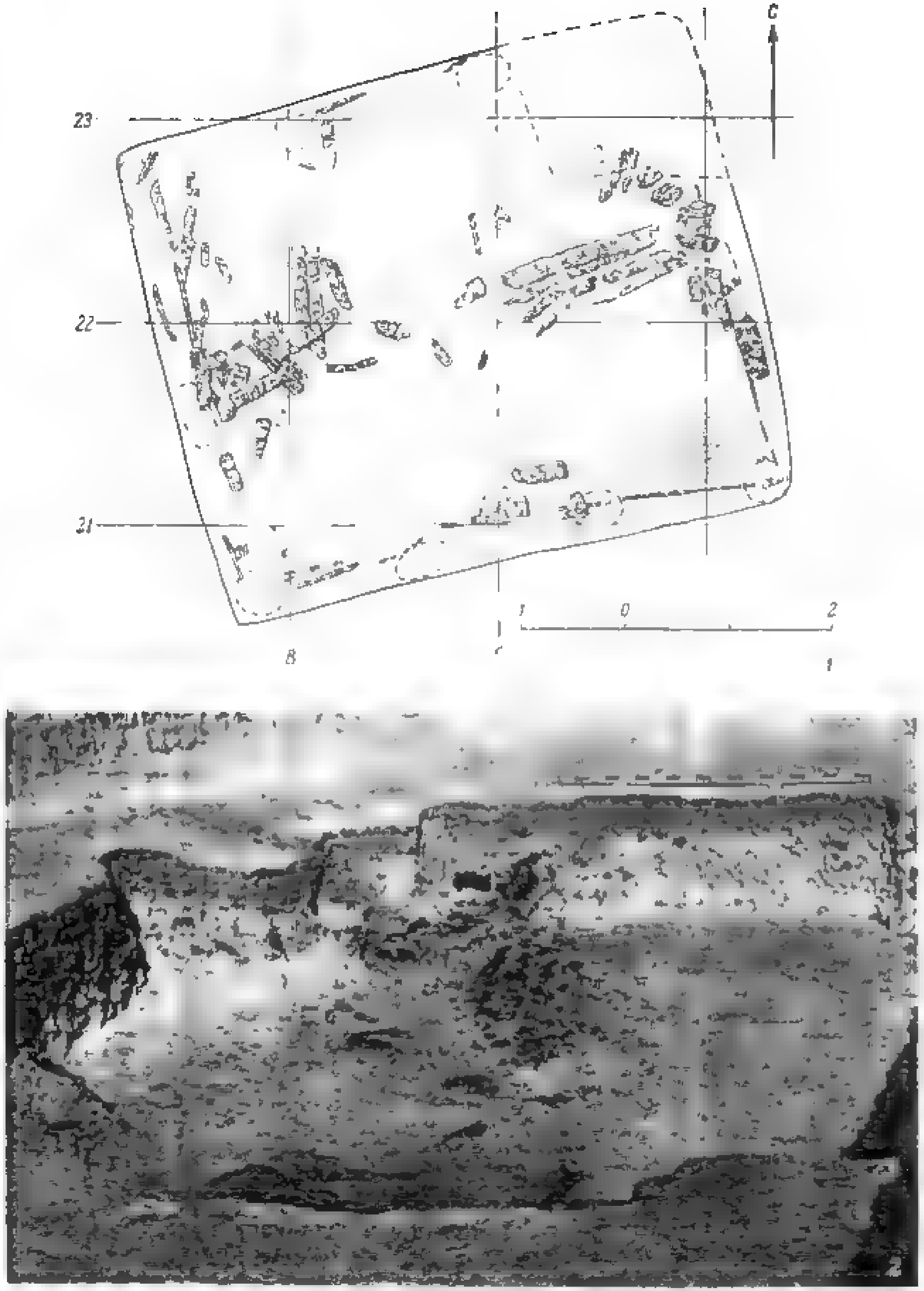


Рис. 128. Городище в с. Опошня. Жилище № 5.
1 — план горизонта горелого дерева; *2* — процесс расчистки

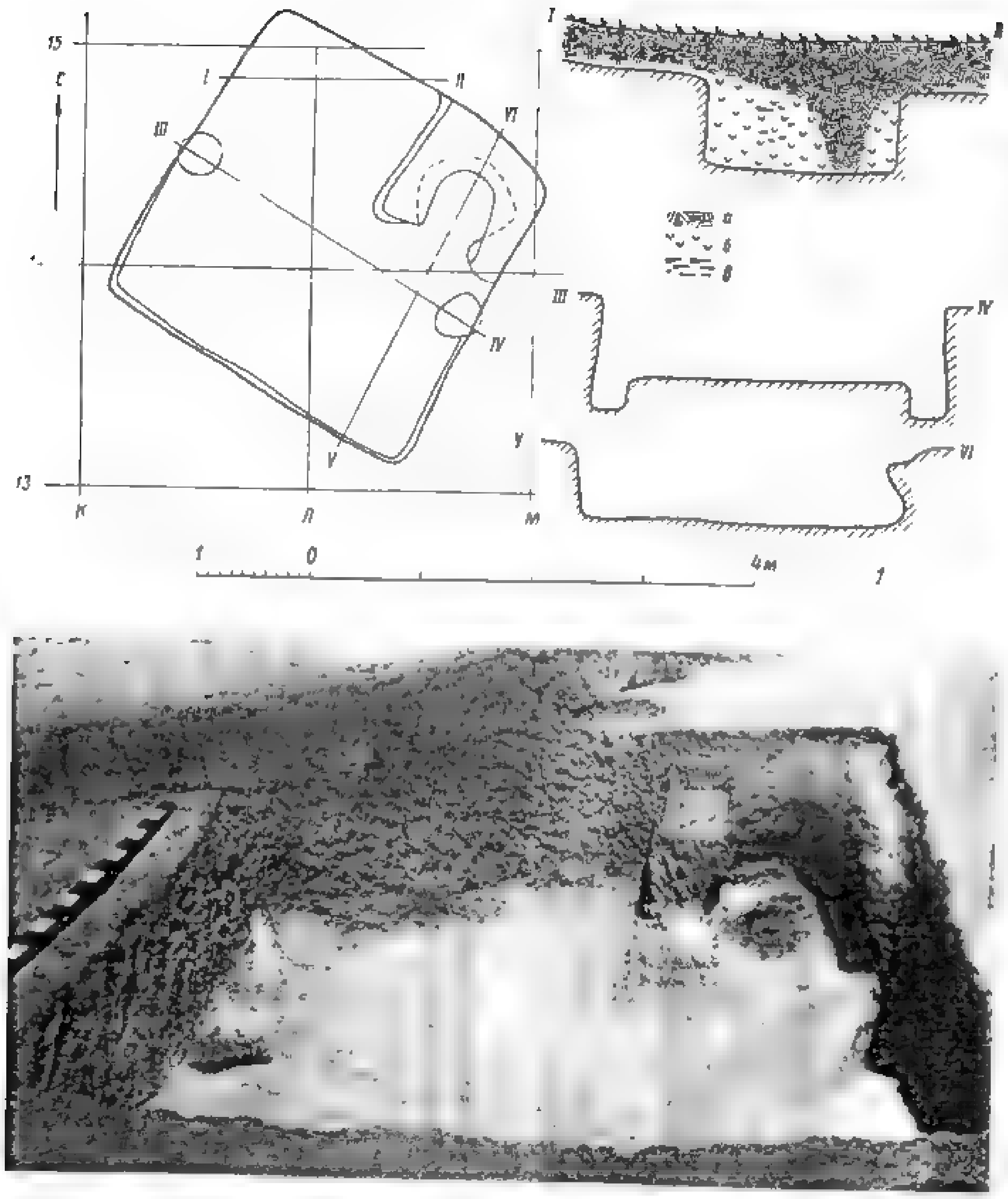


Рис. 129. Городище в с. Опошня. Жилище № 6.

— план, профили и разрез; б — общий вид. а — гумусный слой; б — белый глинистый слой; в — угольки.

В заполнении найдены обломки глиняной лепной посуды и кости животных. Из единичных вещей следует отметить обломок глиняной фигурки животного и обломки костяной проколки (рис. 131, *6*).

Жилище № 8 (рис. 133) находится в юго-восточной части участка, в квадратах P_{12-14}, C_{12-14}, T_{12-13}. Как и от остальных жилищ, от него сохранилась лишь нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы размером 3.20—3.35×3.35 м, глубиной около 0.70 м, ориентированная углами строго по странам света. Яма вырыта в глиняном материковом слое. Стенки отвесные, пол ровный, центральная часть его имеет следы неоднократной подмазки. В полу прослежено шесть ямок. Две из них, овальные в плане, размером около 0.35×0.25 м, глубиной около 0.20 м, расположенные у юго-восточной и северо-западной стен, в средней их части, следует отнести к столбовым. Четыре остальных примыкают к северо-восточной стене. Три из них овальные в плане, небольшие (0.15—0.20×0.20—0.26 м, при глубине 0.10—0.15 м), четвертая (в северном углу) несколько бо́льших размеров — диаметр ее около 0.50 м, глубина около 0.10 м. Печь находится в восточном углу. Внешние размеры ее около 1.50×1.15×0.60 м. Устье топки обращено на юго-запад. Ширина устья около 0.60 м. Под печи овальный, размером около 1.05×0.75 м. Свод не сохранился. На поду лежал углисто-золистый слой с кусками обгорелого дерева. Выше залегали «конусы» (целые и обломки), куски обожженной глины. В завале печи найден обломок маленькой сковородки и глиняный обожженный шарик (рис. 131, *8*, *10*).

Углубленная часть жилища была заполнена сверху темным гумусированным слоем. Вдоль стенок этот слой шел до глубины 0.25—0.30 м. В центре гумус залегал несколько глубже. Под слоем гумуса шел плотный глинистый слой, сильно насыщенный остатками горелого дерева (рис. 134). В средней части жилища на линии столбовых ямок (СЗ—ЮВ) прослежены остатки сгоревшего бревна. Сохранность их не на всей линии одинакова. Лучше всего они сохранились в центре. Перпендикулярно этому горелому бревну в северо-восточной и юго-западной частях жилища лежали многочисленные куски сгоревших плах. В отдельных местах прослежены горелые плахи вдоль стен. Над столбовой ямкой у юго-восточной стены обнаружены остатки горелого дерева, залегающего в вертикальном положении (столб). Под горелым деревом во многих местах проходил слой обожженной докрасна глины. В заполнении найдены обломки глиняной лепной посуды, кости животных. Из единичных вещей следует отметить глиняную бусину, глиняный обож-

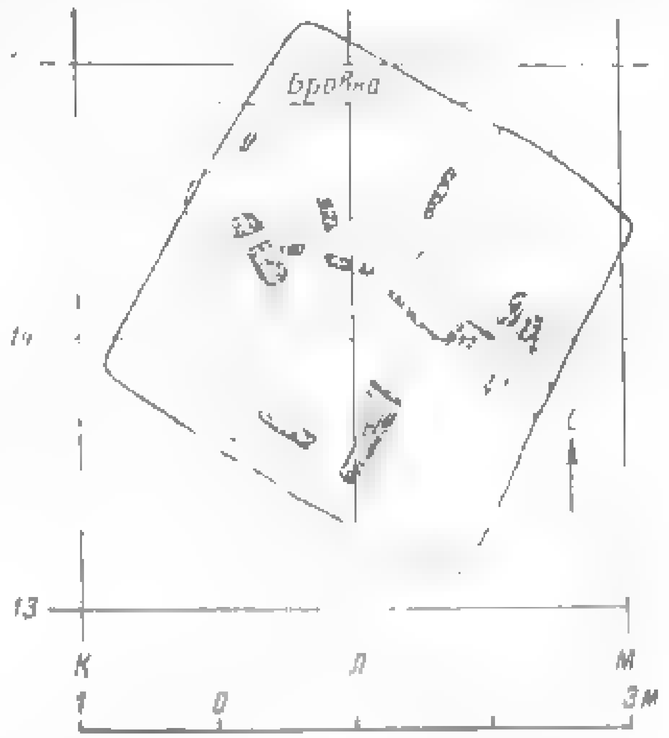


Рис. 130. Городище в с. Опошня. Жилище № 6. План горизонта горелого дерева.

женный шарик и обломок точильного бруска (рис. 131, *7*, *9*, *11*).

Жилище № 9 (рис. 135) расположено в 1.5 м к юго-востоку от жилища № 8, в квадратах T_{11-12}, $У_{10-12}$, $Ф_{11-12}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной углами по странам света. Размер ямы 3.20×3.10 м, глубина около 0.75—0.85 м. Яма вырыта в глинистом материковом слое (в верхней части глина красная, внизу белая). Стены отвесные, пол ровный. Вдоль северо-западной стенки, между печью и юго-западной стеной над полом возвышается небольшая ступенька высотой 0.15 м, шириной 0.10—0.20 м. На линии сопряжения ступеньки со стеной имеется три небольших, размером 0.15—0.20×0.20 м, овальных в плане ямки, выкопанных

в виде подбоя. Глубина их 0.10—0.12 м. Ямка таких же размеров имеется и в западном углу. Как и описанные выше ямки, она сделана в виде подбоя. В полу в разных местах обнаружено еще пять ямок. Две из них расположены у северо-восточной и юго-западной стенок, в средней их части. Они овальные в плане, размером 0.25×0.35—0.40 м, глубиной 0.20—0.30 м. В заполнении их — следы сгнившего дерева в виде плесени. Это, по-видимому, столбовые ямки. Аналогичная яма обнаружена у юго-восточной стены, в средней ее части, на расстоянии около 0.20 м от стены. Размеры ее 0.38×0.40 м, глубина 0.20 м. Две ямки — около печи, справа и слева от устья, у торцов стенок. Ямка справа от устья в плане округлая, размером 0.30×0.35 м, глубиной около

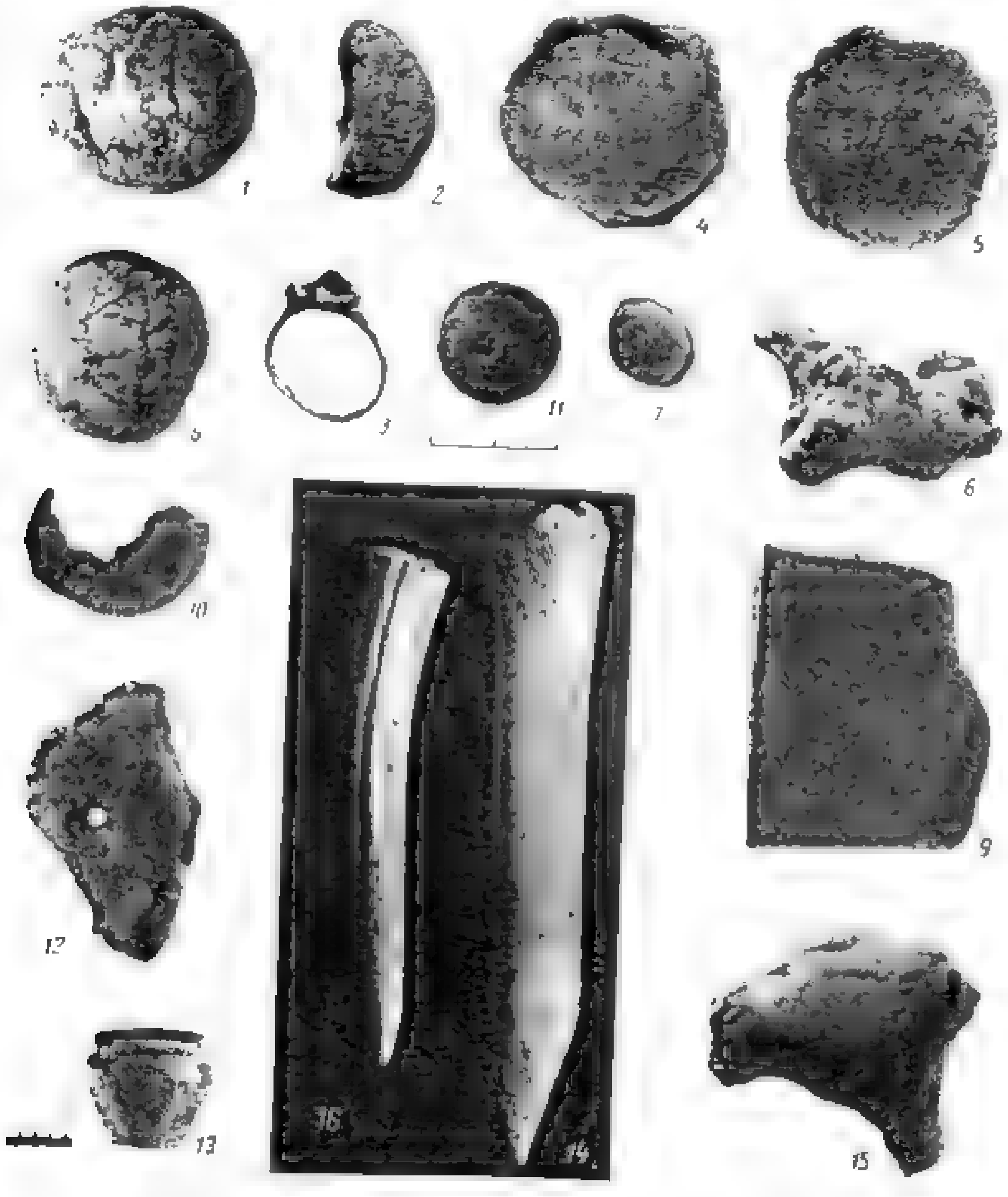


Рис. 131. Городище в с. Опошня Вещи, найденные в жилищах.
1, 8 — жилище № 5; *3, 16* — № 6; ... *12* — № 8, *13—14* — № 9; *15* — № 11

0.30 м. Ямка слева небольшая. Она расположена в углу между северо-восточной стеной жилища и стеной печи. Форма ее цилиндрическая, диаметр 0.10 м, глубина около 0.12 м.

Печь расположена в северном углу. Внешние размеры ее около 1.30×0.90×0.65 м. Устье топки обращено в юго-восточную сторону. Ширина устья около 0.50 м. Под имеет трапециевидную форму, размеры его 0 80×0.50—0 60 м. Под неоднократно подправлялся, вследствие чего он залегает несколько выше горизонта пола. Судя по слоистости стенок топки, подправлялся не только под, но и вся топка. Свод не сохранился. Под печи был покрыт золисто-углистым слоем. Выше залегали «конусы» (целые и обломки), куски обожженной глины, обломки глиняной лепной посуды и кости животных. На полу жилища, в северо-западной части, найден небольшой лепной горшочек, венчик которого орнаментирован насечками (рис. 131, *13*), и обломки сосуда больших размеров. Между печью и северо-восточной стеной найден костяной кочедык (рис. 131, *14*).

Углубленная часть жилища заполнена сверху темным гумусированным слоем. Вдоль стен жилища мощность его не превышала 0.20 м, в центре она доходила до 0 40—0.50 м. Ниже шел плотный глинистый слой с включением золы, углей, кусков горелого дерева. Наиболее отчетливо остатки сгоревшего дерева были прослежены в центре жилища. Они представляли собой золисто-углистое пятно размером 1×1 м, залегавшее на глубине около 0.50 м. Выше него на линии столбовых ям (СВ—ЮЗ) были обнаружены остатки сгоревшего бревна длиной около 0.50 м. Кусок сгоревшей плахи длиной около 0.60 м залегал в верхней части заполнения на глубине около 0.15 м, вдоль юго-западной стены. Кроме того, в заполнении найдены обломки глиняной посуды (горшков и сковородок), кости животных, кости рыб.

Жилище № 10 (рис. 136) расположено в 8 метрах к востоку от жилища № 7, в квадратах $Т_{17}$, $У_{17-18}$, $Ф_{18-19}$, $Х_{17-18}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами по линиям СВ—ЮЗ и ЮВ—СЗ. Размеры ямы около 3.65×3.45 м, глубина ямы 0 65—0.85 м. Стены отвесные, пол ровный. В полу — три небольших, овальных в плане ямки Они расположены у северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стен, в средней их части. Размеры их 0.35—0.50×0.40—0.50 м, глубина 0.20—0.50 м. Печь находится в северо-западном углу. Внешние размеры ее около 1.40×1.10×0.65—0.75 м. Устье печи обращено на юго-восток. Ширина устья около 0.50 м. Под имеет овальную форму, вытянутую по линии СЗ—ЮВ. Размеры его 0.30×0.60 м. Свод не сохранился. Под покрыт сажисто-золистым слоем. Выше залегали «конусы» (целые и разбитые), а также куски красной обожженной глины. Среди этого завала встречено несколько обломков глиняной лепной по-

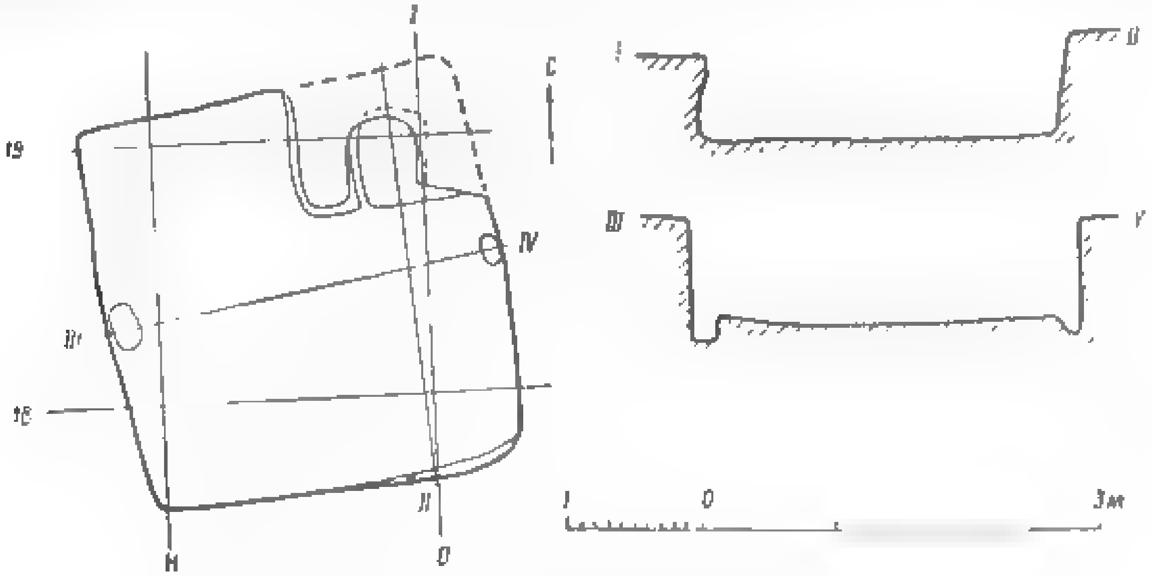


Рис. 132. Городище в с. Опошня. Жилище № 7. План и профили

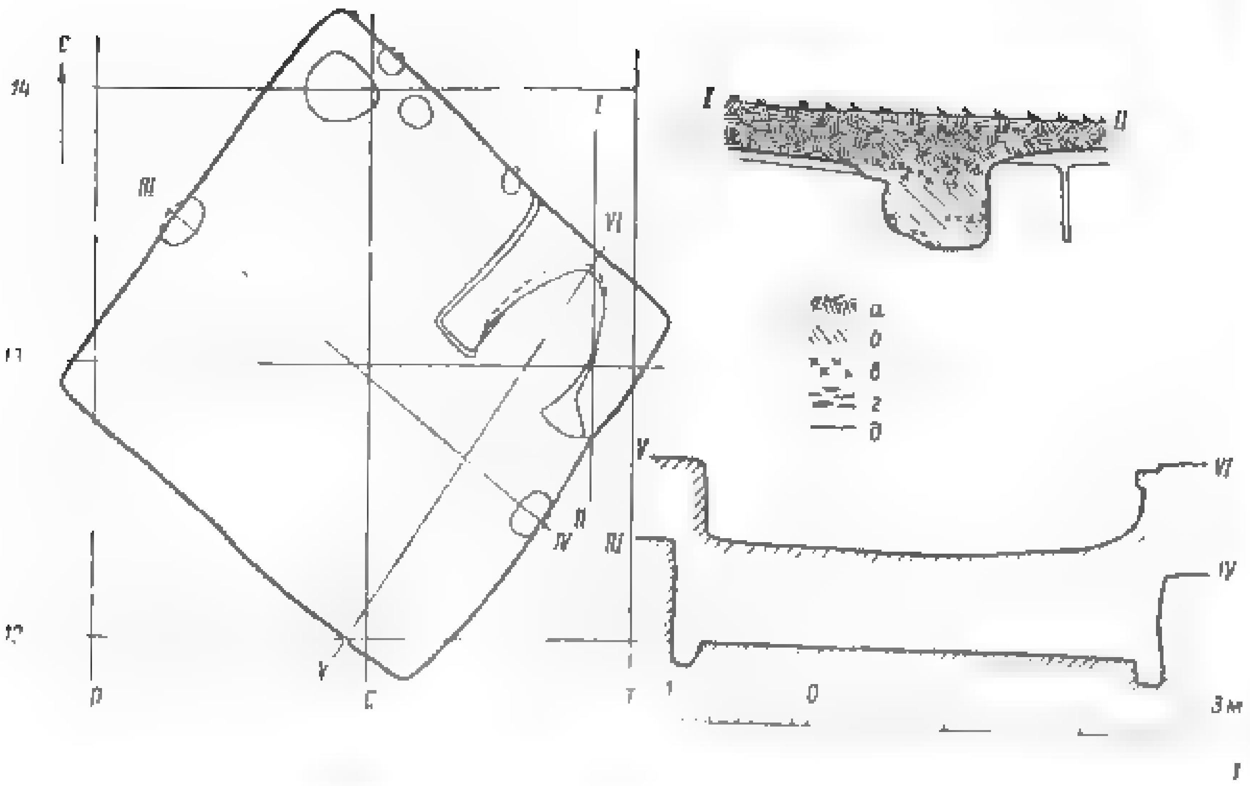


Рис. 133. Городище в с. Опошня. Жилище № 8.
1 — план, профили и разрез; 2 — общий вид. а — гумусный слой; б — желтый глинистый слой, в — обожженная глина, г — угольки; д — горизонт материка.

суды. Сверху все это перекрыто гумусированным слоем с включением кусков обожженной глины и обломков «конусов». На полу жилища вещей не обнаружено.

Углубленная часть жилища была заполнена сверху темным гумусированным слоем с включением единичных обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Ниже гумуса залегал слой глины (вверху красной, внизу белой), пронизанный горелыми прослойками из золы, угля и кусков горелого дерева. Наиболее выразительные остатки горелого дерева прослежены вдоль северо-восточной и юго-западной стенок. Отдельные небольшие куски найдены и вдоль юго-восточной стены. У северо-восточной стены над ямой горелое дерево залегало в вертикальном положении (столб?).

Жилище № 11 (рис. 137) находится в 2 м к северо-востоку от жилища № 10, в квадратах $У_{20-21}$, $Ф_{20-21}$, $Х_{20-21}$, $Ц_{20-21}$. От него сохранилась нижняя, углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами почти по странам света. Размеры ямы около 4.40×4.00 м. Яма вырыта в материке. Стены отвесные, пол ровный. В полу пять небольших ямок. Все они расположены у стен, в средней их части, причем у южной стены их две, в 0.70 м одна от другой. Ямки у восточной и западной стенок округлые в плане, у северной и южной продолговатые, но с закругленными углами. Размеры ямок: у южной стены около 0.40×0.25 м, глубина 0.25—0.45 м; у северной стены 0.35×0.25 м, глубина 0.15 м; у восточной стены 0.40×0.35 м, глубина 0.40 м, у западной стены диаметр около 0.25 м, глубина 0.20 м. В центре жилища (ближе к северной стене) обнаружено пятно красной обожженной глины, овальной в плане формы, размером 1.75×2.00. Под слоем этой глины оказалась двухчастная яма. Верхний контур этой ямы имел очертание грушевидной формы, вытянутое по линии В—З. Размеры этой части 1.75×1.10 м, глубина около 0.08—0.10 м. Вторая часть ямы, расположенная в северной половине, округлая в плане, диаметром 0.70 м, глубиной около 0.20 м, заполнена она желтоватой глиной. На дне ее лежали обгорелые куски дерева, угольки, зола, сажа. Края обеих частей ям обожжены.

Печь в жилище № 11 отличается от печей всех остальных жилищ, исследованных на городище. Она представляет подбой в северной стене, в метре от северо-западного угла. Под ее лежит на одном уровне с полом жилища. Он сравнительно ровный и лишь чуть-чуть повышается к задней стене. В плане и разрезе печь прямоугольная. Размеры ее около 0.60×0.40×0.40 м. Печь заполнена в нижней части (на поду) тонким углисто-золистым слоем. Верхняя часть заполнения состояла из гумусированного

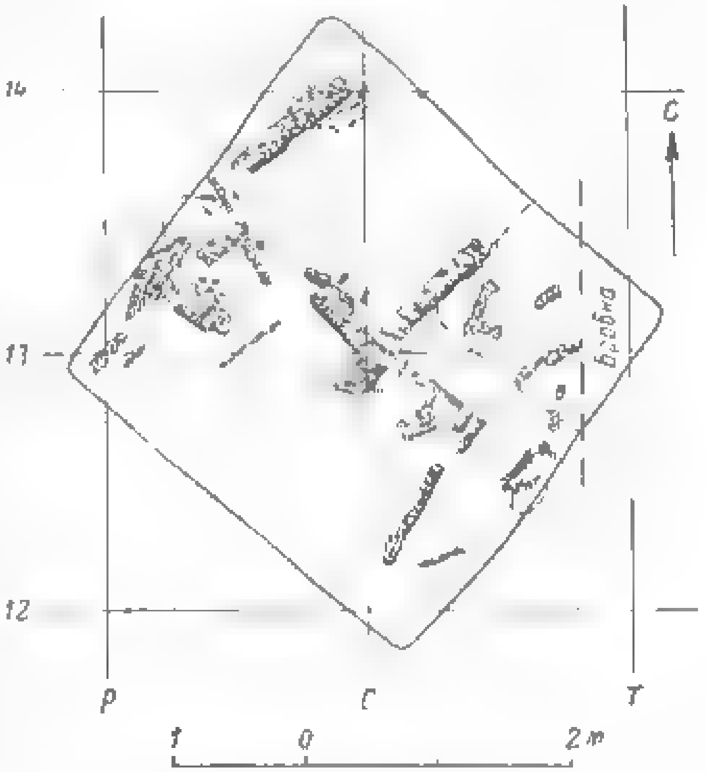
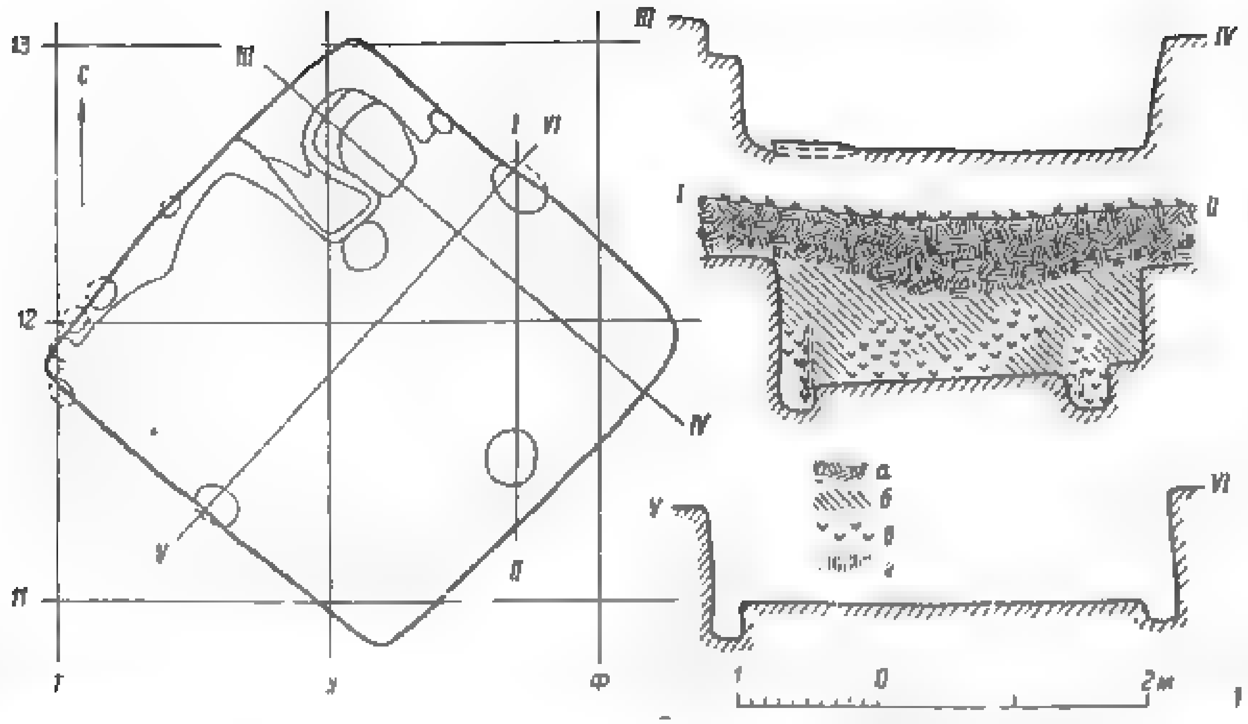


Рис. 134. Городище в с. Опошня. Жилище № 8. План горизонта горелого дерева.

слоя с включением кусочков обожженной глины.

В заполнении ямы сверху залегал темный гумусированный слой в форме конической линзы (основанием кверху). Ниже, вдоль стен гумусированный слой сменился сероватым, грязным слоем (смесь белой глины с гумусом, углями, золой), а в середине — плотным глинистым слоем с включением угольков (рис. 138). В заполнении попадались обломки глиняной лепной посуды, кости животных, куски обожженной глины. У восточной стены и в юго-восточном углу прослежен завал обгоревших бревен, под которым шел мощный слой прожженной докрасна глины.

Жилище № 12 (рис. 139) расположено приблизительно в 4 м к северу от жилища



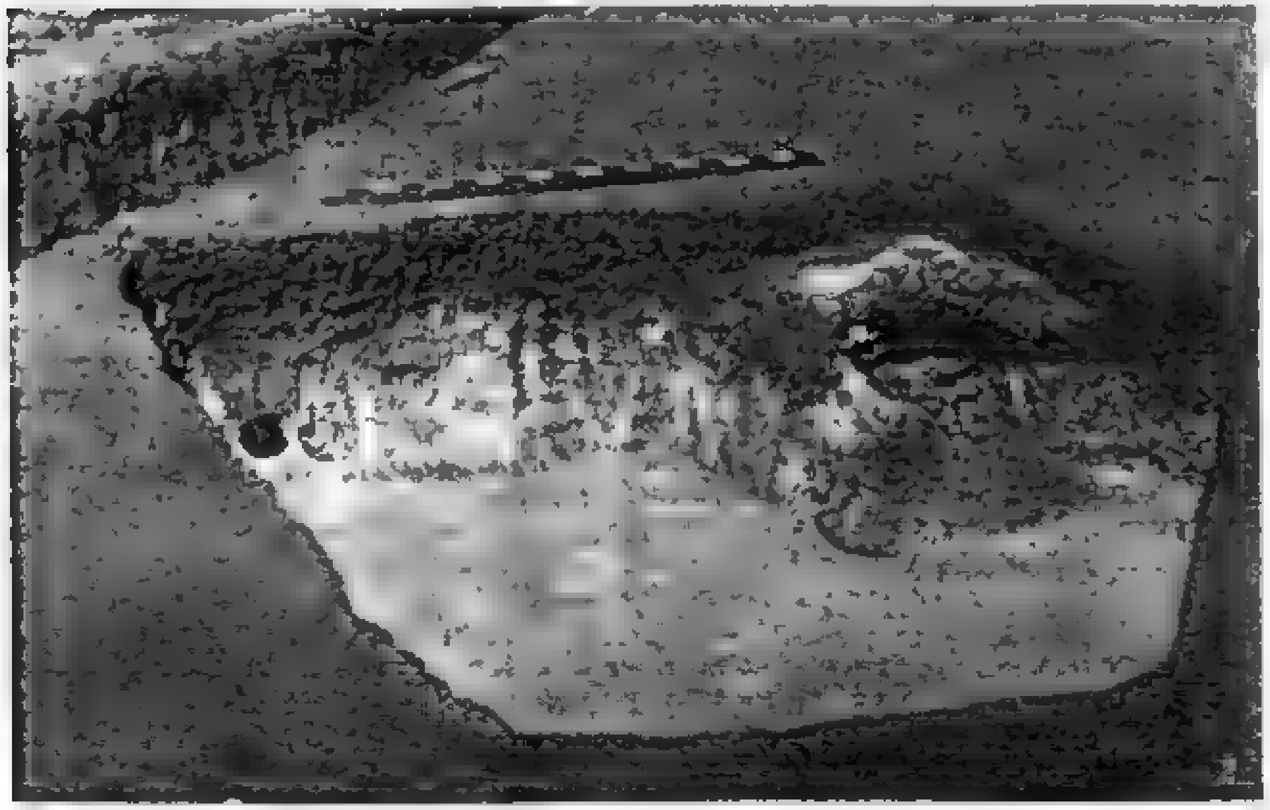
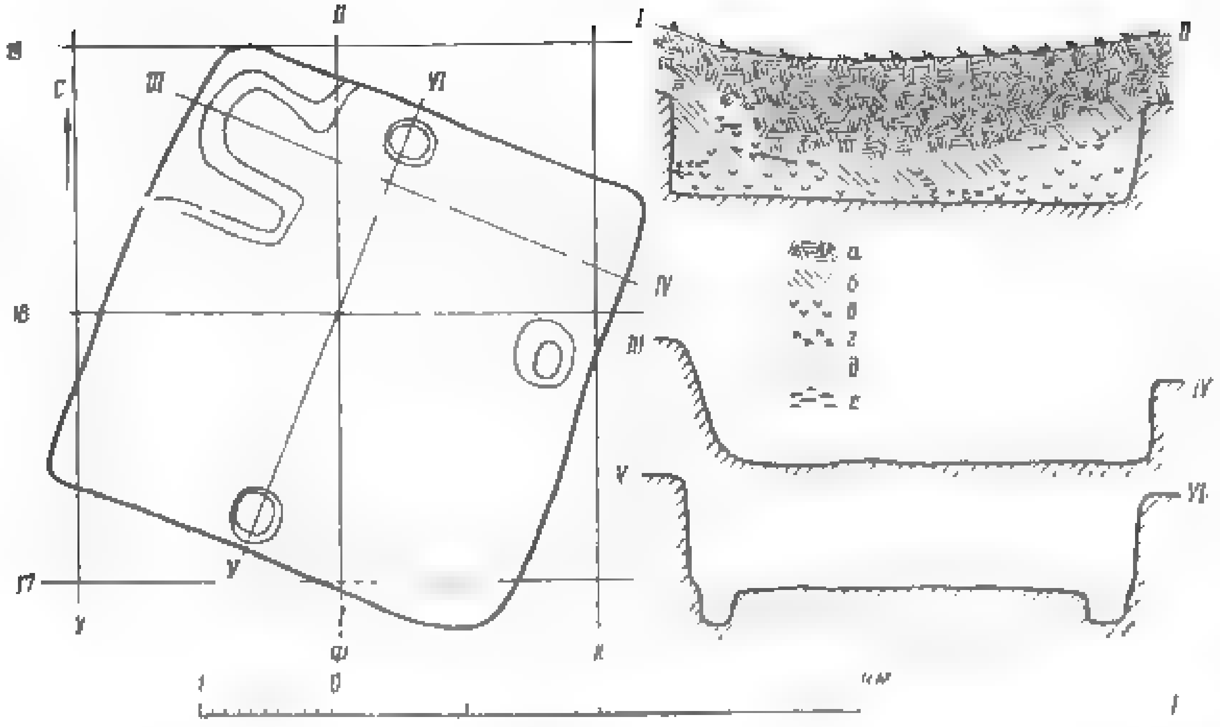


Рис. 135. Городище в с. Опошня. Жилище № 9.

1 — план, профили и разрез; 2 — общий вид. а — гумусный слой, б — желтый глинистый слой; в — белый глинистый слой; г — плесень.



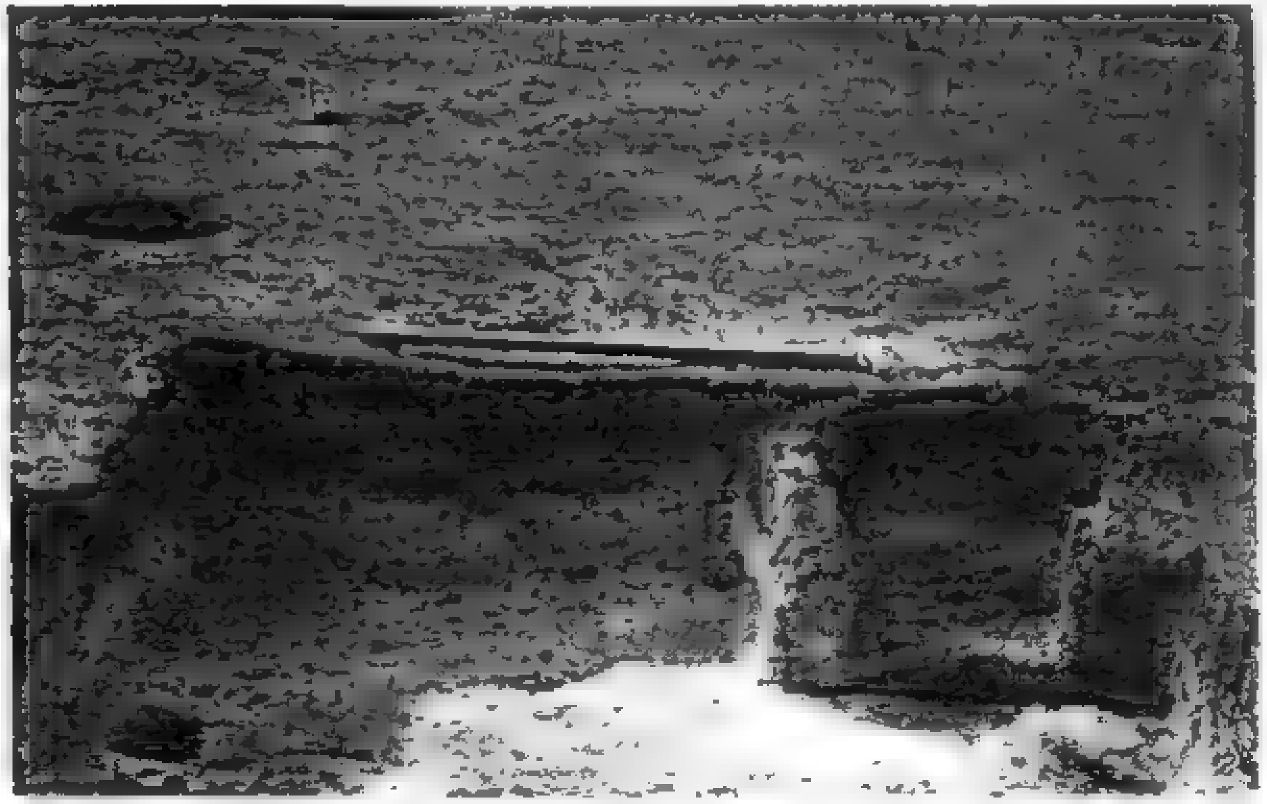


Рис. 136. Городище в с. Опошня. Жилище № 10.

1 — план, профили и разрез; 2 — общий вид. а — гумусный слой, б — желтый глинистый слой; в — белый глинистый слой; г — обожженная глина, д — золистый слой; е — угольки

№ 11, в квадратах $Ф_{24-25}$, $Х_{24-25}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами строго по странам света. Размер ямы 3.50×3.45 м, глубина около 0.75 м. Стены отвесные, пол материковый, ровный. В полу, около восточной, южной и западной стен небольшие столбовые ямки, овальные в плане. Ямки у восточной и западной стен вплотную примыкают к ним. Размеры ямок около 0.40×0.30 м, при глубине около 0.25—0.35 м. Ямка у южной стены отстоит от нее на 0.25 м. В плане она овальная, размер около 0.20×0.15 м, при глубине 0.30 м. У северной стены, в средней ее части, ямка корытообразной формы, размером около 0.60×0.30 м, глубиной около 0.10 м. Заполнение ее состояло из плотной глины коричневатого оттенка.

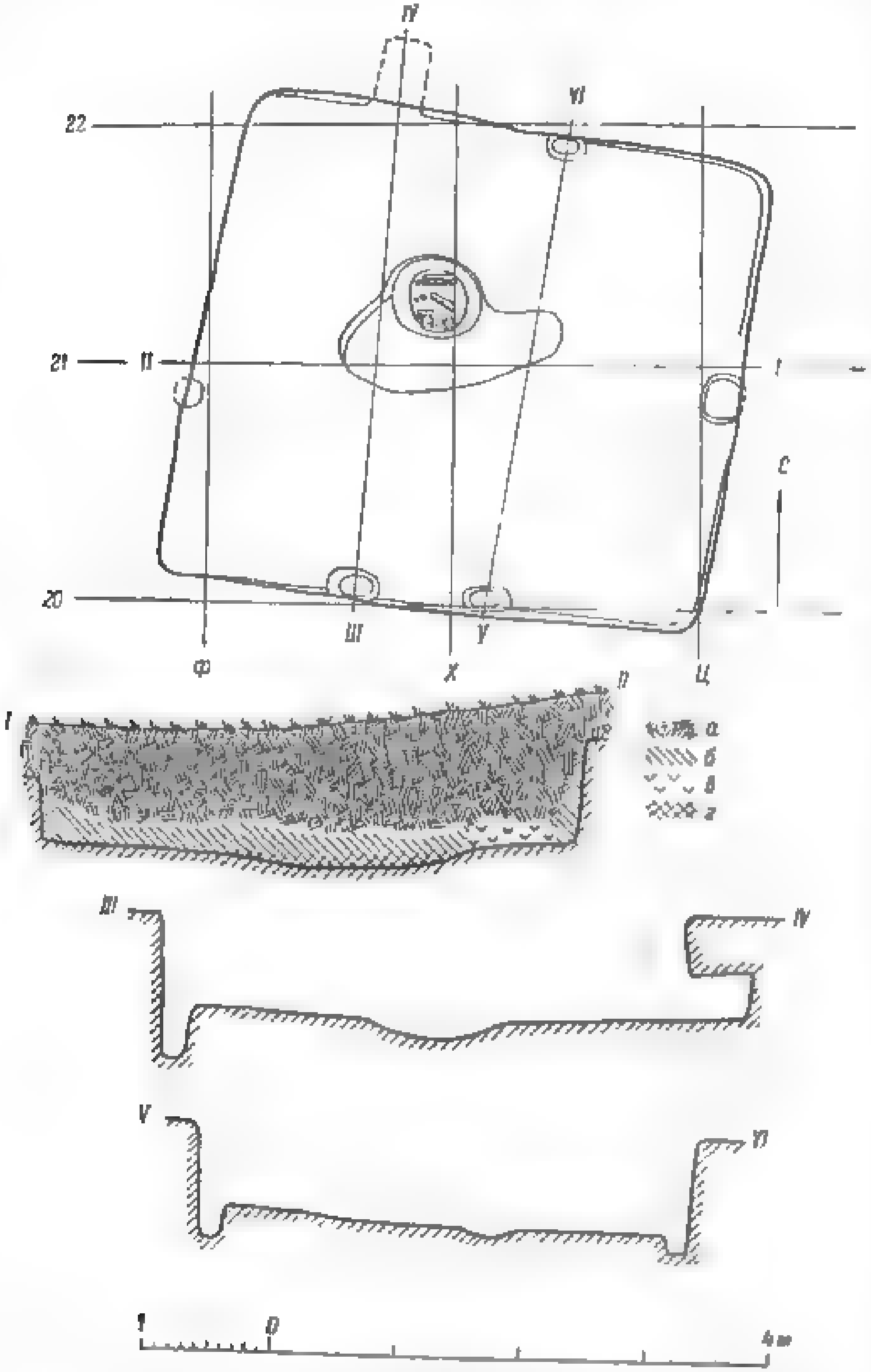


Рис. 137. Городище в с. Опошня. Жилище № 11. План, профили и разрез.

а — гумусный слой, *б* — желтый глинистый слой, *в* — белый глинистый слой, *г* — глиняная обмазка

Печь расположена в северо-восточном углу. Внешние размеры ее 1.30×1.10×0.65 м. Устье топки обращено в южную сторону. Ширина устья около 0.60 м. Под материковый, сильно обожженный. Он залегает на одном уровне с полом. В плане под имеет трапециевидную форму. Размеры его около 0.70×0.50 м. Под покрыт золисто-углистым слоем. Мощность его 2—3 см. Над слоем золы и углей залегал слой из «конусов», кусков обожженной глины, горелого дерева, золы. В верхней части этот слой смешан с гумусом. Сверху печи лежал раздавленный большой горшок второго типа (с широкой горловиной). На полу жилища, около печи (с западной стороны), найден обломок глиняного пряслица.

Углубленная часть жилища заполнена сверху гумусированным слоем, причем мощ-

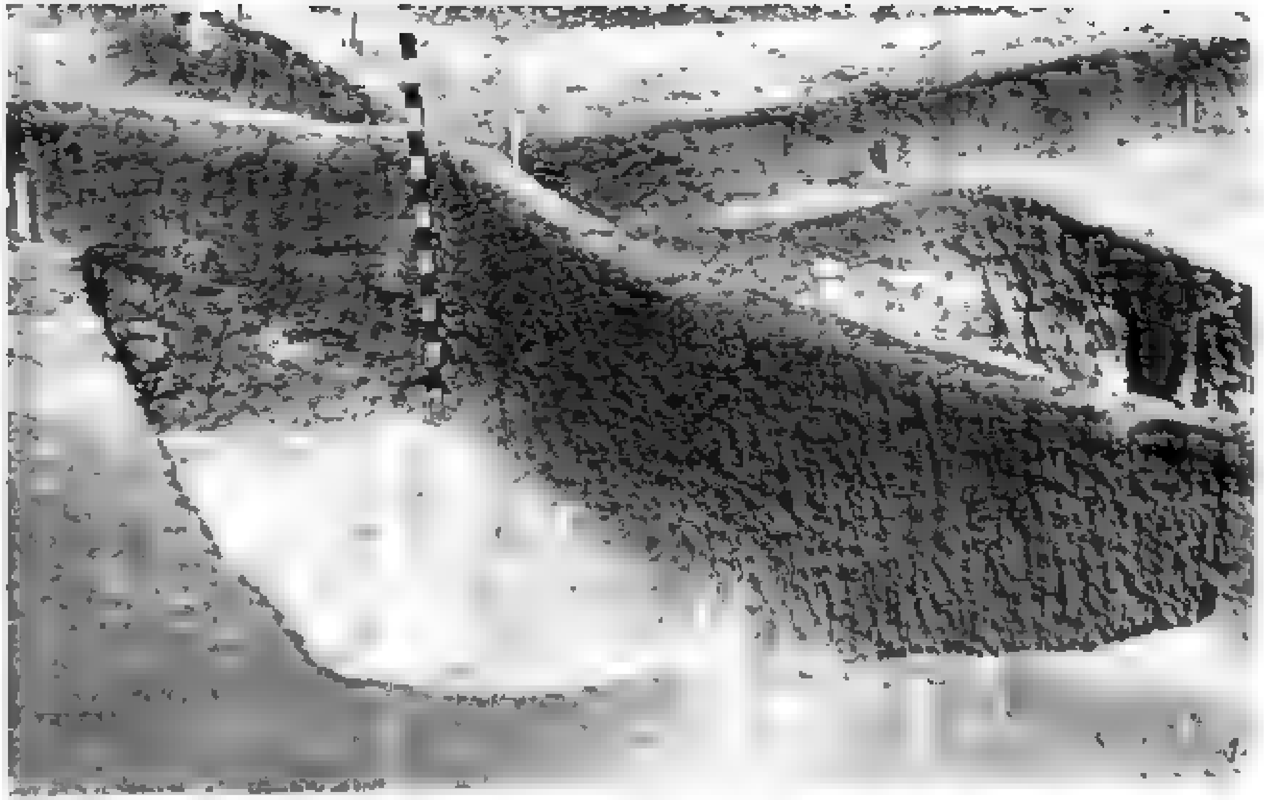


Рис. 138. Городище в с. Опошня. Жилище № 11

[illegible]

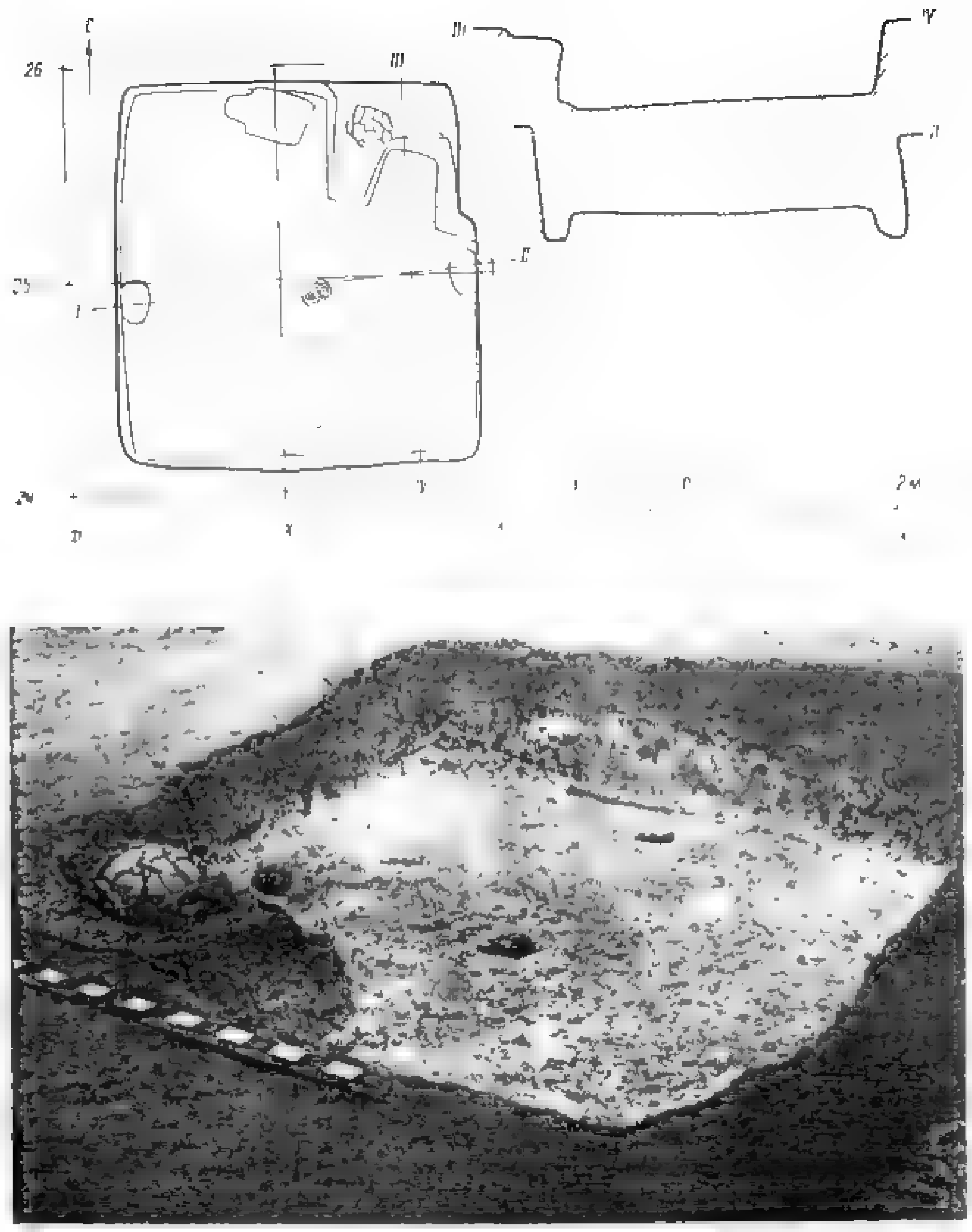


Рис. 139. Городище в с. Опошня. Жилище № 12.
1 — план и профили, 2 — общий вид.

ность его в центре была значительно больше, чем вдоль стен. Под слоем гумуса залегал более плотный слой, состоящий из глины с включением большого числа кусков горелого дерева и золисто-углистых прослоек, более рыхлых по сравнению с слоем глины (рис. 140). Горелое дерево залегало в двух направлениях — С—Ю и В—З. На линии В—З в средней части жи-

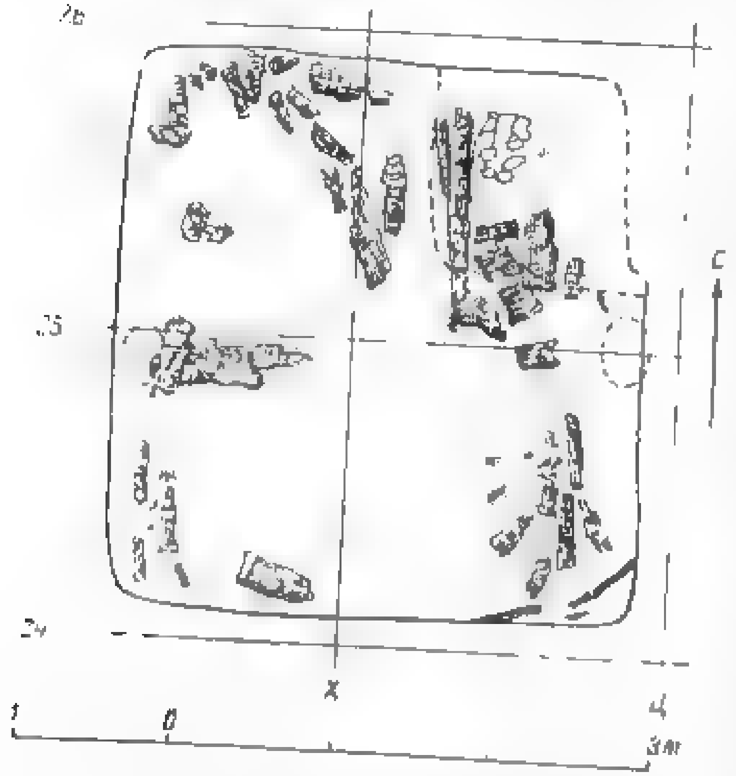


Рис. 140. Городище в с. Опошня. Жилище № 12. План горизонта горелого дерева.

лища (между столбовыми ямками) прослежены два куска обгорелого бревна: один ближе к западной стене (длина около 1 м), второй — к восточной (длина около 0.25 м). К северу и югу от этого сгоревшего бревна выявлены куски сгоревших плах, перпендикулярных к линии В—З. Куски горелого дерева залегали наклонно от стен к центру жилища. Ряд горелых плах прослежен непосредственно вдоль стен (особенно вдоль южной), причем плахи лежали на ребре (облицовка); параллельно кускам горелого дерева, ниже их, находился слой обожженной докрасна глины.

В заполнении обнаружены отдельные обломки глиняной лепной посуды и кости животных.

Жилище № 13 (рис. 141) расположено на восточной оконечности мыса, в квадратах $Ш_{18-20}$, $Щ_{18-20}$, $Ы_{18-20}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами по линиям СВ—ЮЗ, СЗ—ЮВ. Размеры ямы около 3.10×3 м, при глубине от 0.40 до 0.85 м (яма на склоне). Яма вырыта в материке. Стены отвесные, пол ровный. В полу у северо-восточной и юго-западной стен, в средней их части, — небольшие, овальные в плане столбовые ямки. Размеры их 0.40×0.25—0.30 м, глубина около 0.20 м. В центре жилища, на полу — округлое в плане обожженное докрасна пятно (очажок?) диаметром около 0.65 м. Печь — в юго-восточном углу. Внешние размеры печи 1.25×1.00×0.25 м. Устье обращено к северо-западу. Ширина устья около 0.45 м. Под материковый, залегает на одном уровне с полом. В плане под почти прямоугольный. Размеры его 0.60×0.45 м. Свод не сохранился. На полу жилища, в средней его части (ближе к восточной стороне), найден раздавленный горшок второго типа (рис. 142, *1*), а в северо-восточном углу — днище лепного горшка.

Заполнение углубленной части жилища вверху состояло из темного, гумусированного слоя с включением отдельных обломков глиняной лепной посуды, костей животных, кусков обожженной глины и «конусов». Среди обломков сосудов имеется стенка амфоры. Кроме того, в северо-западном углу на глубине около 0.15—0.20 м обнаружен раздавленный горшок второго типа (рис. 142, *2*). Из единичных вещей следует отметить две глиняные небольшие лепешечки, железное шило (в северо-восточном углу) и пастовую бусинку (рис. 142, *3—6*). Ниже гумуса шел более плотный глинистый слой с включением кусков горелого дерева. Наиболее отчетливо горелое дерево прослежено в южной части жилища (рис. 143).

Жилище № 14 (рис. 144) находится в северной части раскопа, на краю глинища, в квадратах $П_{26-28}$, $Р_{26-28}$, $С_{26-28}$. От жилища сохранилась нижняя, углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы, ориентированной сторонами почти по странам света. Яма вырыта в материке. Размеры ямы 3.40×3.15 м, глубина около 0.80 м. Стенки отвесные, пол ровный, со следами неоднократной подмазки. В полу жилища у северной и южной стенок, в средней их части и в юго-западном углу, — небольшие столбовые ямки. Размеры ямок

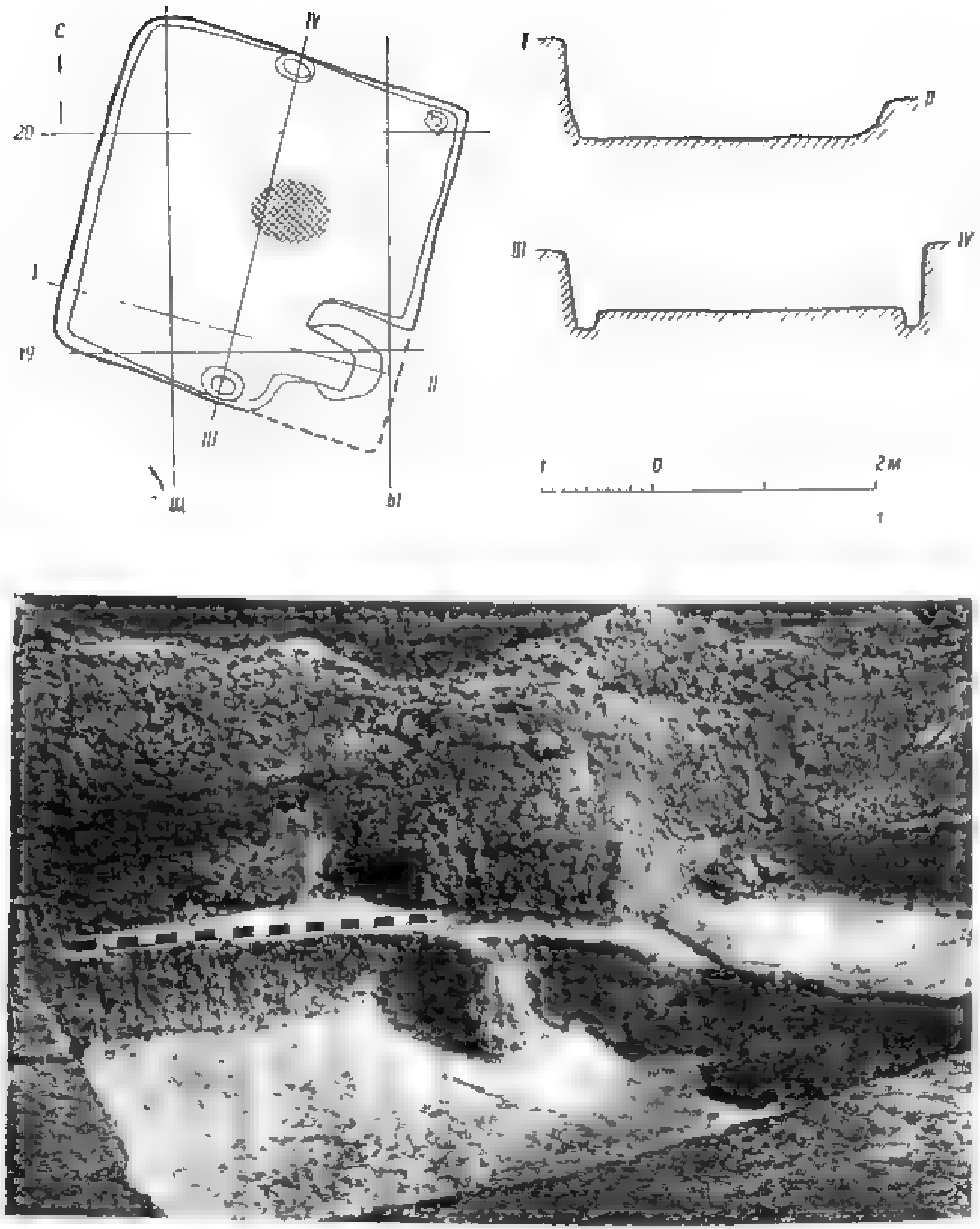


Рис. 141. Городище в с. Опошня. Жилище № 13.
1 — план и профили, *2* — общий вид.

у северной и южной стенок 0.35×0.25 м, глубина 0.10 м. Размер ямки в юго-западном углу около 0.40×0.45 м, глубина 0.15 м.

Печь расположена в северо-западном углу. Внешние размеры ее 1.30×1.20×0.60 м. Устье топки обращено на восток (с незначительным отклонением к югу). Ширина устья около 0.60 м. Под залегает на одном уровне с полом. Форма его почти прямоугольная, размеры пода 0.60×0.50 м. На поду лежал слой золы, углей, кусков горелого дерева. Выше шел слой, состоящий из обломков «конусов», кусков обожженной глины и обломков глиняной лепной посуды. Там же найдена маленькая глиняная сковородка (игрушка?). Сверху на печи лежали обломки раздавленного горшка. Сосуд восстановлен (рис. 142, 7—9).

Заполнение ямы сверху состояло из гумусированного слоя с включением мелких угольков. Мощность этого слоя в центре достигала до 0.40 м. К краям он постепенно выклинивается. Под слоем гумуса лежал более плотный слой глины. Более рыхлым было заполнение в юго-западной части, где в слое прослеживалась примесь золы. В глинистом слое найдены куски горелого дерева. Лучше всего они прослежены вдоль северной и восточной стенок.

От хозяйственных построек сохранились

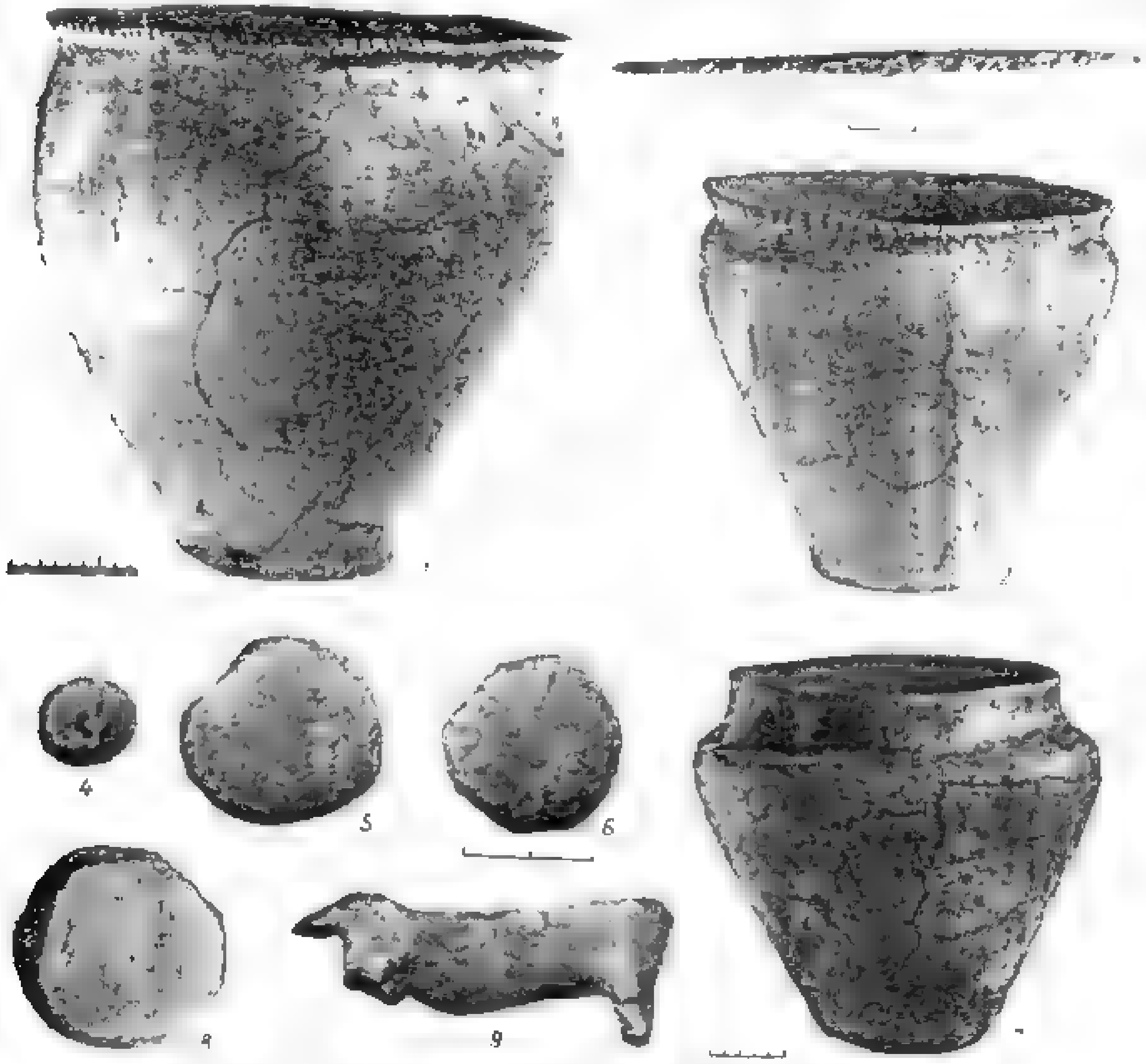


Рис. 142. Городище в с. Опошня. Вещи, найденные в жилищах.
1—6 — жилище № 13; 7—9 — № 14.

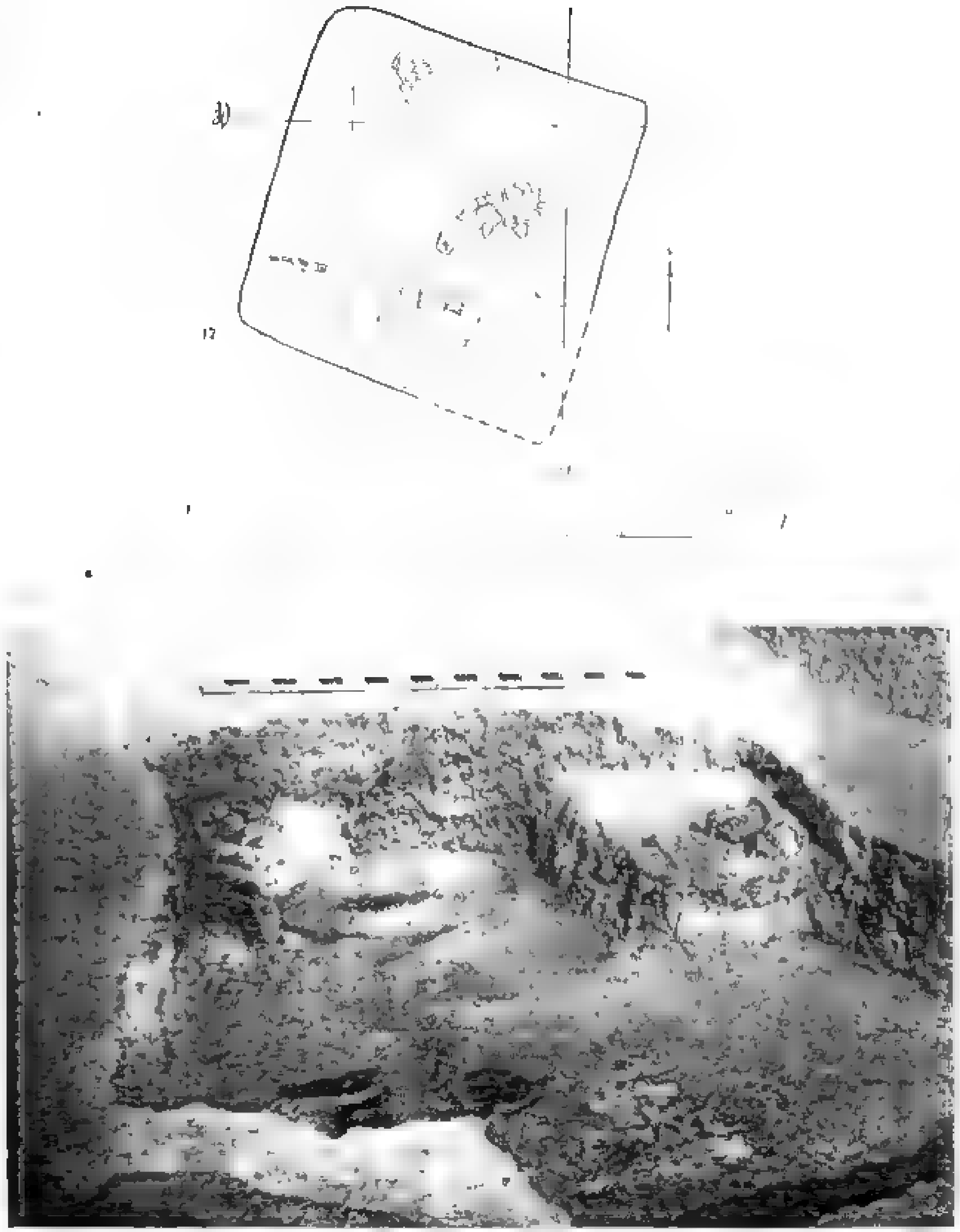
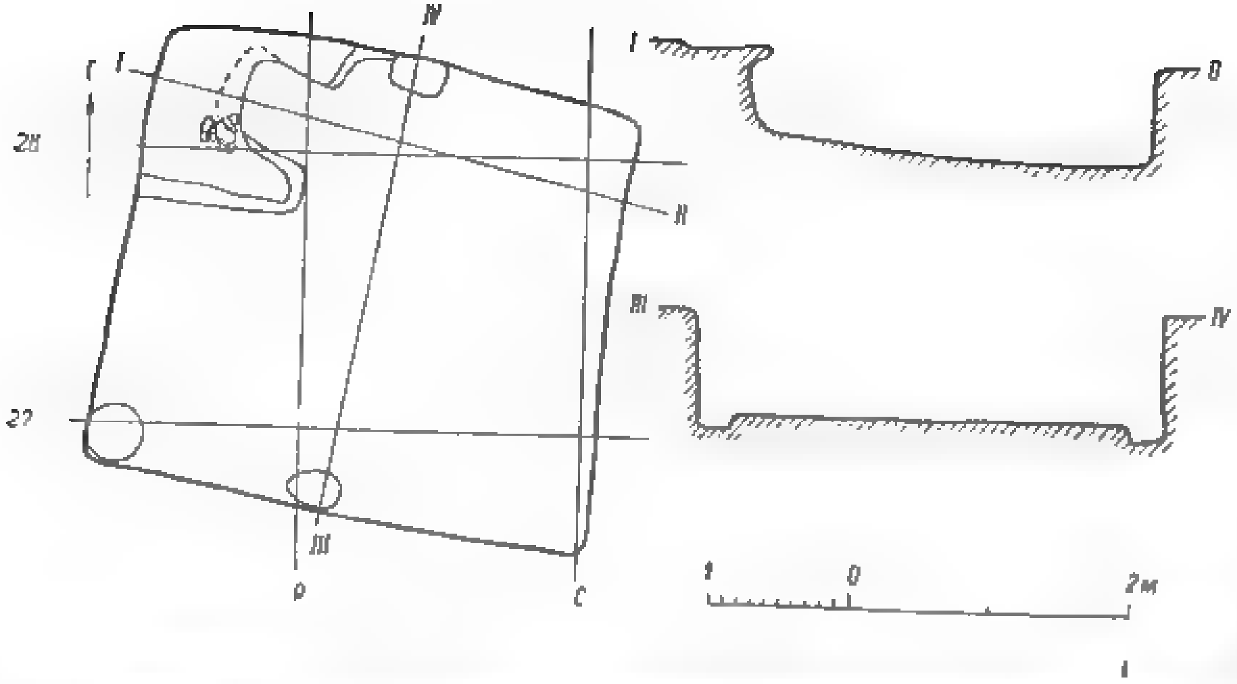


Рис. 143. Городище в с. Опошня. Жилище № 13
1 — план горизонта горелого дерева; 2 — процесс расчистки



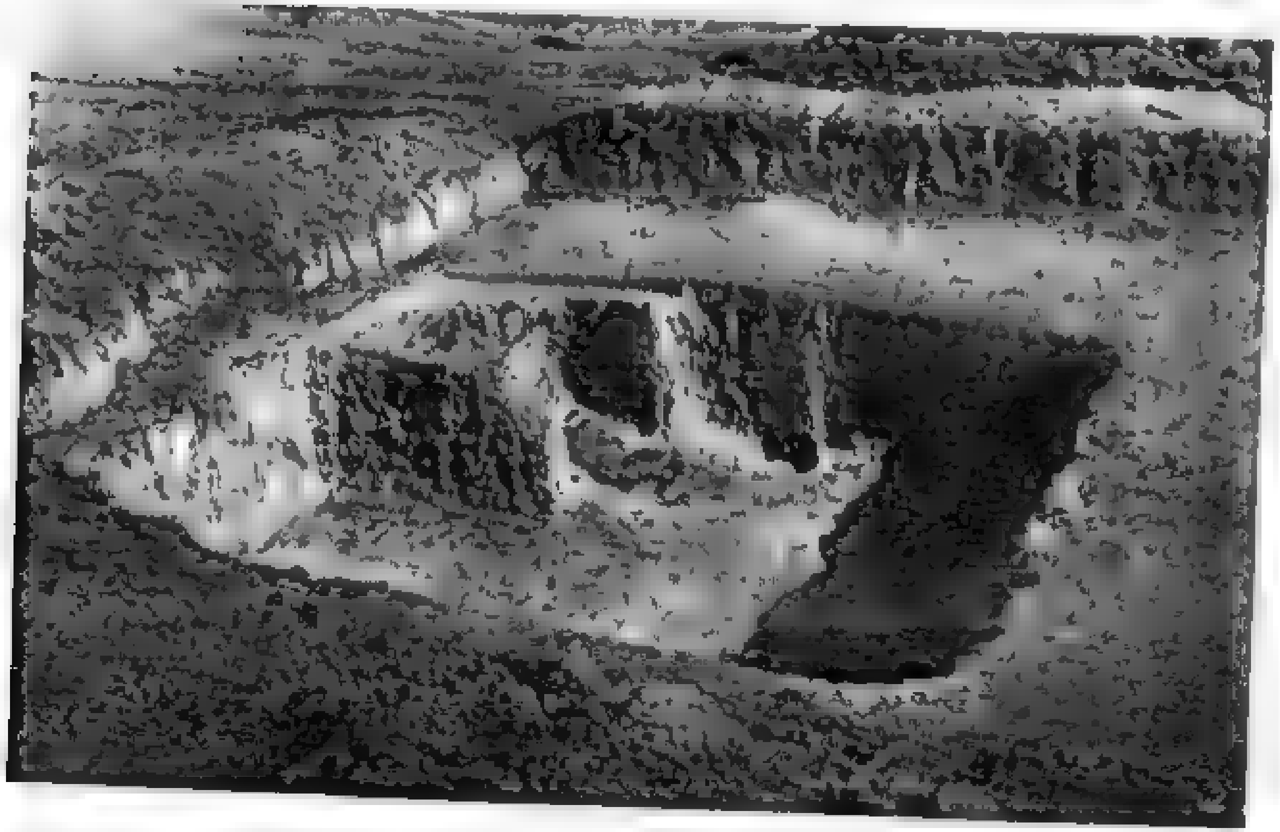


Рис. 144. Городище в с. Опошня. Жилище № 14.
1 — план и профили; 2 — общий вид.

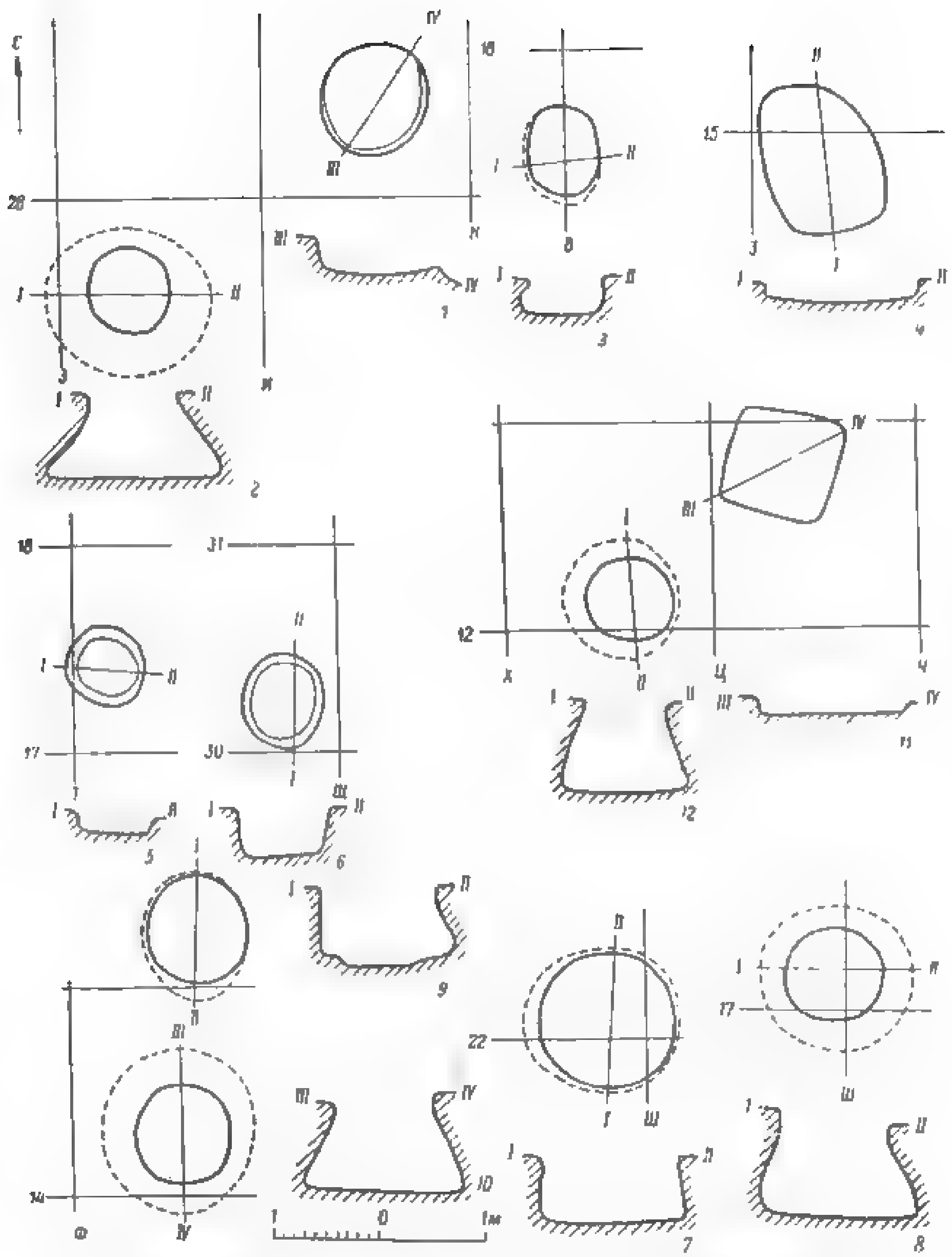


Рис. 145. Городище в с. Опошня. Планы и профили хозяйственных ям.
1 — яма № 1, 2 — № 2, 3 — № 3, 4 — № 4, 5 — № 5, 6 — № 6; 7 — № 7, 8 — № 8, 9 — № 9, 10 — № 10, 11 — № 11; 12 — № 12

также только нижние, углубленные в землю части в виде ям, преимущественно округлых в плане. Они сохранились относительно хорошо. Ниже дается описание отдельных ям.

Яма № 1 (рис. 145, *1*) расположена в северной части раскопа, на склоне мыса, в кв. $И_{28}$. Яма в плане овальная, вытянутая по оси С—Ю. Размеры ее 1.05×0.80 м, глубина около 0.40 м. Верхняя часть ямы заполнена темным гумусированным слоем

Яма № 4 (рис. 145, *4*) расположена в кв. $З_{14-15}$. Яма вырыта в материке. В плане овальная, вытянутая по оси СЗ—ЮВ. Размеры ее около 1.45×1.15 м, глубина 0.20 м. Заполнение состояло из темного гумусированного слоя с большим содержанием золы и углей.

Яма № 5 (рис. 145, *5*) расположена в кв. $Т_{17}$. Яма в плане округлая, диаметр ее около 0.75 м, глубина около 0.15 м. Яма

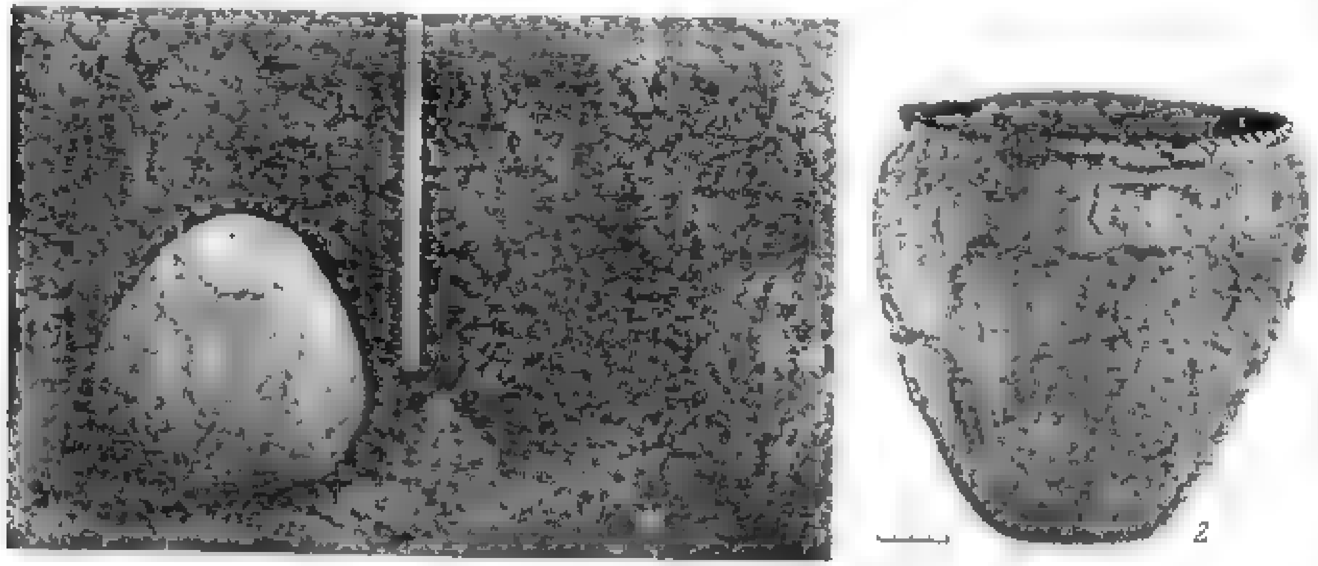


Рис. 146. Городище в с. Опошня. Яма № 1.
1 — процесс расчистки; *2* — горшок, найденный в яме.

с включением отдельных угольков. Внизу (на дне), особенно вдоль стен, лежали куски сгоревшего дерева, причем некоторые из них находились в вертикальном положении. В юго-восточной части на дне обнаружен горшок (I типа), опрокинутый вверх дном (рис. 146, *1*, 2).

Яма № 2 (рис. 145, *2*) расположена к юго-западу от ямы № 1, в кв. $З_{27}$. Яма вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидной формы. Верхний диаметр около 0.80 м, нижний 1.40—1.60 м, глубина около 0.85 м. Заполнение ямы состоит из темного гумусированного слоя с включением единичных обломков глиняной лепной посуды и костей животных.

Яма № 3 (рис. 145, *3*) расположена в квадратах $Б_{17}$, $В_{17}$. Яма вырыта в материке. В плане яма овальная, вытянутая по оси С—Ю. Размеры ямы около 0.85×0.70 м, при глубине около 0.40 м. Яма заполнена темным гумусированным слоем.

вырыта в слое подпочвы, стенки отвесные. Заполнение ямы состояло из темного гумусированного слоя с включением мелких угольков. Кроме того, в слое найдены отдельные кости животных (неопределенные).

Яма № 6 (рис. 145, *6*) расположена в северо-восточной части мыса, в кв. $Ш_{30}$. Яма вырыта в материковом слое, в плане округлая. Верхний диаметр около 0.80 м, нижний около 0.60 м. Глубина ямы 0.50 м. Заполнение ямы — темный гумусированный слой.

Яма № 7 (рис. 145, *7*) расположена в квадратах $Ч_{21-22}$, $Ш_{21-22}$. Яма вырыта в материковом слое, в плане округлая; верхний диаметр ее 1.35 м, нижний 1.50 м, глубина у западной стенки около 0.7 м, у восточной около 0.50 м (яма расположена на склоне). Заполнена темным гумусированным слоем с включением отдельных обломков глиняной лепной посуды.

Яма № 8 (рис. 145, *8*) расположена в квадратах $Ч_{16-17}$, $Ш_{16-17}$. Яма вырыта

в материковом слое. Форма ее колоколовидная, диаметр верха 0.90 м, диаметр низа около 1.40 м. Глубина ямы у западной стенки около 1 м, у восточной около 0.90 м (склон). Яма заполнена в верхней части (до глубины 0.20 — 0.25 м) темным гумусированным слоем с включением отдельных обломков глиняной лепной посуды и кусков обожженной глины. Средняя часть (в пределах 0.30—0.75 м) заполнения состояла из плотного глинистого, слегка гумусированного слоя, ниже которого вновь залегает рыхлый, темный гумусированный слой. На дне ямы лежал золистый слой мощностью 2—3 см.

Яма № 9 (рис. 145, *9*) расположена в кв. $Ф_{15}$. Яма вырыта в материковом глинистом слое. В плане округлая, колоколовидная. Верхний диаметр около 1.10 м, нижний около 1.30 м, глубина ямы 0.70 м. Заполнение ямы в верхней части до глубины 0.40 м состояло из темного гумусированного слоя. Ниже шел слой более плотный, с коричневатым оттенком, с включением угольков

Яма № 10 (рис. 145, *10*) расположена в кв. $Ф_{16}$. Яма вырыта в материковом слое. В плане яма округлая, колоколовидной формы. Верхний диаметр около 1 м, нижний около 1.6 м, глубина ямы 0.95 м. Заполнение ямы в верхней части состоит из темного гумусированного слоя с включением кусков горелого дерева. Ниже идет плотный глинистый слой с такими же включениями. На дне ямы лежит слой золы мощностью 3—4 см. В верхнем гумусированном слое найдено большое количество кусков обожженной глины серовато-желтого цвета, а также костей животных и обломков глиняной лепной посуды. Из единичных вещей найдена костяная проколка (разломана на две части в древности) (рис. 147, *1*).

Яма № 11 (рис. 145, *11*) расположена в кв. $Ц_{18}$. Яма вырыта в материке. В плане яма четырехугольная, слегка вытянутая по диагонали (почти ромбическая) в направлении СВ—ЮЗ. Размеры ямы 1×1 м, глубина около 0.15 м. Заполнение ямы состояло из темного золистого слоя с включением большого числа обломков глиняной лепной посуды, костей животных, костей и чешуи рыб, кусочков обожженной глины и мелких угольков. Из единичных вещей найдены проколка костяная, две бусины пастовые, обломок маленькой глиняной сковородки,

два миниатюрных глиняных конуса, бронзовая бляшка (обломок) (рис. 147, *2*, *4*, *6*, *7*).

Яма № 12 (рис. 145, *12*) расположена в кв. $Х_{11-12}$. Вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидная. Верхний диаметр 0.80 м, нижний 1.20 м, глубина ямы около 0.95 м. Заполнение в верхней части

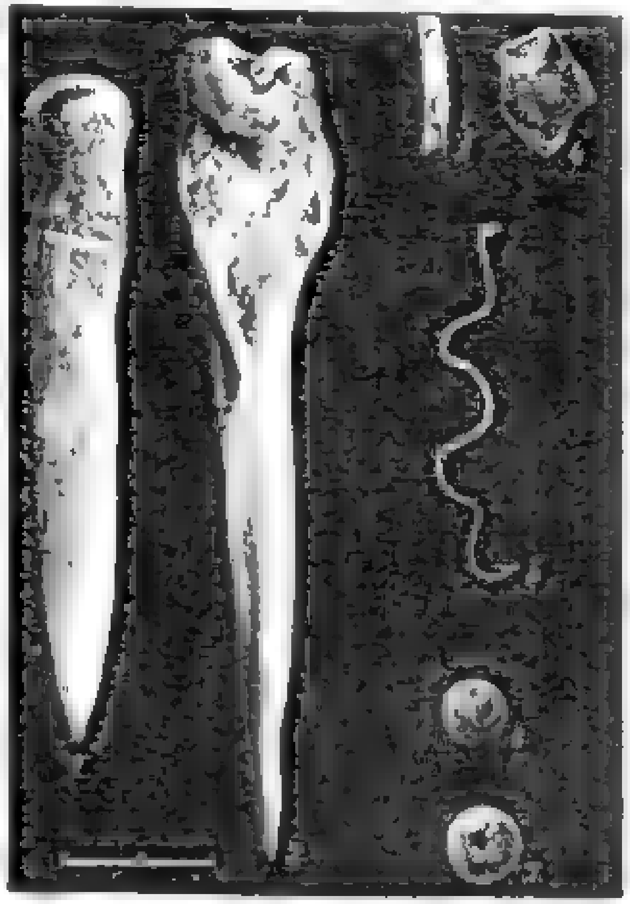


Рис. 147. Городище в с. Опошня. Вещи, найденные в ямах (натур. вел.)
1 — яма № 10, *2*, *4*, *6*, *7* — № 11; *3* — № 19, *5* — № 16

(до глубины 0.30 м) состояло из темного гумусированного слоя с включением отдельных обломков глиняной лепной посуды, кусков обожженной глины, костей животных, углей. Ниже шел плотный глинистый слой, перемежающийся с пластами темной рыхлой земли. На дне ямы лежал тонкий (6—8 см), темный, рыхлый слой. От западного края ямы наклонно к центру на глубину до 0.20 м залегал кусок сгоревшей доски. Ширина доски около 0.30 м.

Яма № 14 (рис. 148, *1*) расположена в кв. $У_{16}$, рядом с жилищем № 9. Яма вырыта в материке. В плане яма округлая, бочкообразной формы. Диаметр ямы около

1 м, глубина 1 м, наибольшая ширина на глубине около 0.50 м равняется 1.15 м. Заполнение ямы в верхней части до глубины 0.20 м состояло из темного гумусированного слоя с включением угольков, обломко[illegible]епной керамики и костей животных ([illegible]елимых). Ниже шел слой коричневатого оттенка, прорезанный четырьмя углистыми прослойками, отстоящими одна от другой на 0.15—0.20 м. На высоте около 0.10 м от дна в северной части ямы прослежена золистая линза.

Яма № 15 (рис. 148, 2) расположена в кв. P_{6}. Вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидной формы. Верхний диаметр около 0.85 м, нижний 1.00 м, глубина около 0.50 м. Сверху до глубины 0.15—0.20 м яма заполнена темным, рыхлым гумусированным слоем с включением угольков. Ниже шел более плотный глинистый слой коричневатого оттенка. Дно покрыто горелым слоем мощностью около 2 см.

Яма № 16 (рис. 148, 3) расположена в квадратах P_{4-6}. Вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидная. Верхний диаметр около 0.85 м, нижний около 1.20 м, глубина около 0.60 м. Сверху до глубины 0.15—0.20 м яма заполнена темным гумусированным слоем с включением мелких угольков. Ниже залегал слой более плотный, коричневатого оттенка. На дне ямы лежал горелый слой толщиной 5—7 см. В верхнем слое найден кусок бронзовой, волнообразно изогнутой проволоки (обломок какой-то поделки) (рис. 147, 5).

Яма № 17 (рис. 148, 4) расположена в кв. $У_{5, 6}$. Вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидной формы. Верхний диаметр около 0.85 м, нижний 1.15 м, глубина 0.30—0.40 м (яма находится на

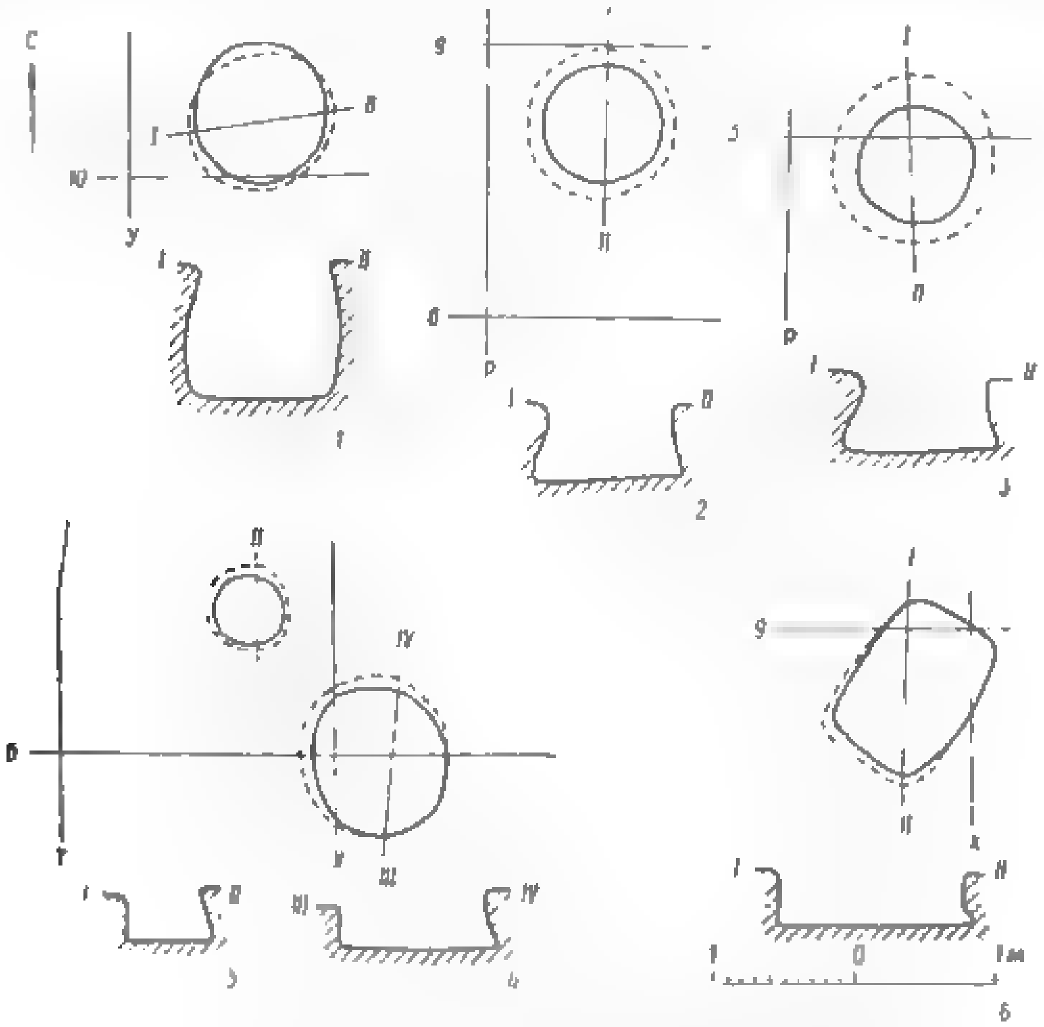


Рис. 148. Городище в с. Опошня. Планы и профили ям.
1 — яма № 14, 2 — № 15; 3 — № 1[illegible] 4 — № 17; 5 — № 18; 6 — № 19

склоне). Сверху до глубины 0.15—0.20 м яма заполнена очень рыхлым, темным гумусированным слоем. Ниже залегал более плотный слой коричневатого оттенка. На дне ямы — горелый слой. В заполнении встречались мелкие угольки.

Яма № 18 (рис. 148, 5) расположена в кв. T_{6}, рядом с ямой № 17. Вырыта в материке. В плане яма округлая, колоколовидной формы. Верхний диаметр около 0.50 м, нижний 0.60 м, глубина ямы около 0.40 м. Заполнение ямы в верхней части (до глубины 0.10 м) состояло из рыхлого, темного гумусированного слоя с включением угольков. Ниже шел слой более плотный, коричневатого оттенка.

Яма № 19 (рис. 148, 6) расположена в кв. $Ф_{6}$. Вырыта в материке. В плане овальная, вытянутая по оси СВ—ЮЗ. Размеры ямы 1.20×0.90 м, глубина около 0.40 м. Сверху до глубины 0.25—0.30 м яма заполнена темным гумусированным слоем с сажистыми прослойками. В слое встречались обломки глиняной лепной посуды, кости животных и рыб, кусочки обожженной глины, угольки. Ближе к дну шел более плотный слой с углисто-золистыми прослойками. В слое найден астрагал с прочерченными на нем линиями, обломок бронзовой поделки и железная пластинка с заклепками (рис. 147, 3). В верхнем слое прослежены куски горелого дерева, залегавшие наклонно от края ямы к середине, до глубины 0.20 м, в направлении С—Ю и В—З.

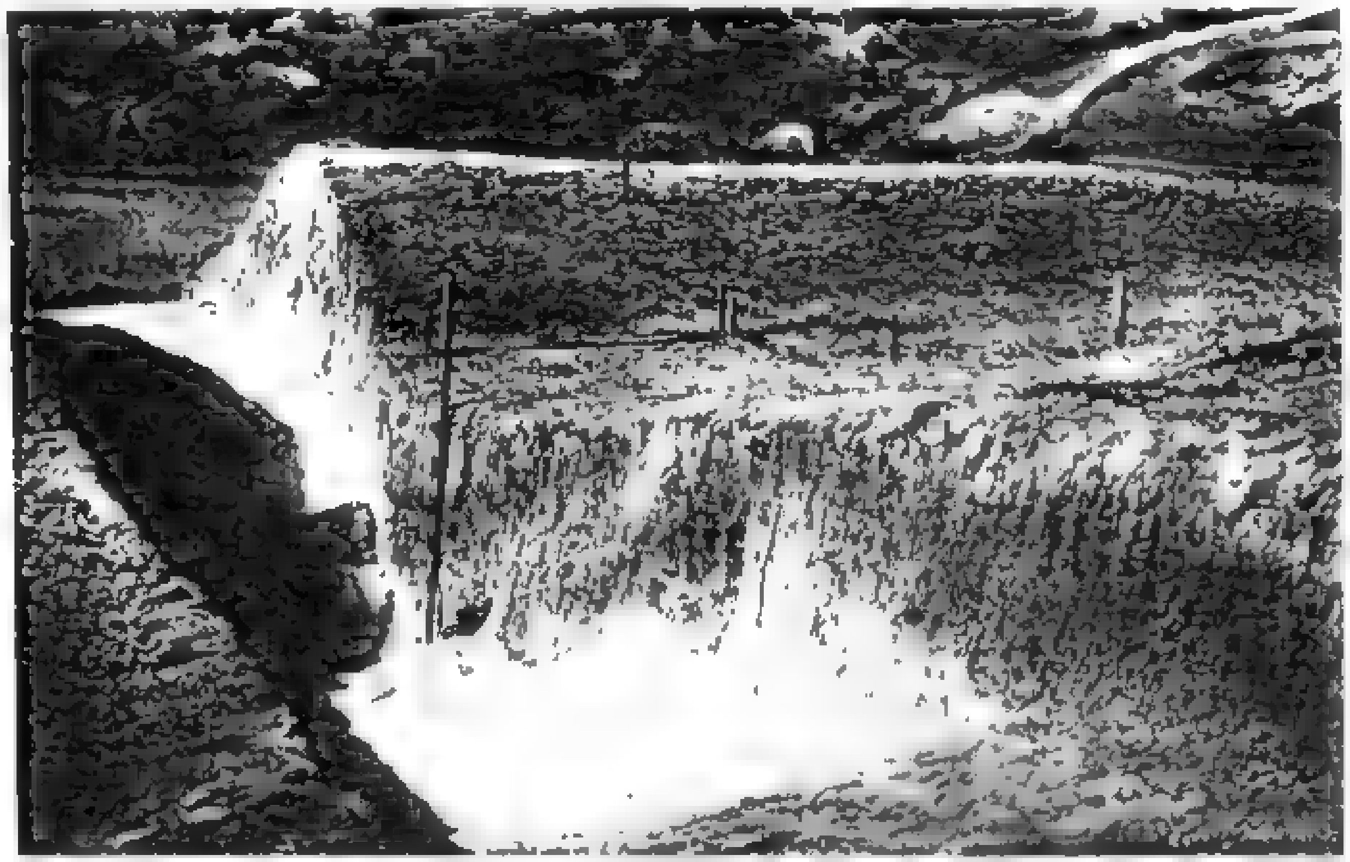


Рис. 149. Городище в с. Опошня. Разрез вала.

С целью исследования устройства оборонительных сооружений (вала и рва) на юго-восточном склоне мыса заложена траншея (квадраты C_{4}—C_{-4}). К сожалению, работа не была закончена (рис. 149).

Как видно из изложенного, открытые при раскопках материалы немногочисленны, тем не менее они дают возможность создать более или менее отчетливое представление о памятнике. Безусловно городище является остатками славянского поселения. Время существования его, судя по таким вещам, как зеркало и перстень салтовского типа, обломки яйцевидных амфор, а также керамическому комплексу в целом (вся керамика лепная), не выходит за рамки VIII—X вв. Нет никакого сомнения и в том, что поселение просуществовало непродолжительное время.

Об этом свидетельствует и слабая насыщенность культурного слоя бытовыми остатками, и хорошая сохранность углубленных частей жилищ и хозяйственных построек, и отсутствие следов перестройки, и некоторые другие данные, причем все жилища закончили свое существование, по-видимому, одновременно в результате пожара.

В прошлом городище обследовалось не раз. В начале XX в. перед XIII археологическим съездом его посетил В. Г. Ляскоровский. Он дал краткое описание внешнего вида городища и указал его местоположение, произвел глазомерную схематическую съемку и собрал подъемный материал. На основе этих данных автор сделал следующий вывод: «Находимые всюду в городище куски черепков говорят о почтенной давности его». Позже, в 20-х годах, городище обследовалось сотрудниками Полтавского историко-краеведческого музея. Оно было отнесено к группе поселений скифского времени.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 184, 185; И. И. Ляпушкин. 1) Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, стр. 112—127; 2) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Южно-русской археологической экспедиции ИИМК 1957 г. Архив ИА.

259. Петровское, Сумская обл., Тростянецкий р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села. По данным, собранным в 1938 г. экспедицией под руководством П. Н. Третьякова, оно состоит из городища и селища. К поселению примыкает небольшой курганный могильник. Городище расположено на мысу коренного берега. Форма его неправильно овальная. Размер площадки 40×100 м. С трех сторон городище имеет естественную защиту в виде высоких (до 30 м) крутых склонов мыса. Верхняя часть склонов подвергнута искусственной зачистке. С напольной стороны городище укреплено валом высотой 3—4 м и рвом глубиной до 2 м. Площадка городища в настоящее время не обрабатывается, задернована.

Селище расположено вокруг укрепленной части поселения, как на плато коренного берега, так и у подножия. Общая площадь селища до 50 000 м². Культурный слой прослеживается хорошо на всей площади поселения. Мощность его колеблется от 0.30 до 1 м.

В 1938 г. на городище П. Н. Третьяковым произведены небольшие раскопки. Открытые при раскопках жилища-полуземлянки, а также собранная на поселении лепная и гончарная керамика (как подъемный материал, так и из раскопок) показывают, что Петровское поселение является памятником славяно-русской культуры IX—XIII вв. На территории городища наиболее ярко выступают ранние элементы, на селище — поздние.

Поселение у с. Петровское (бывш. Боголюбовка) под именем Кукуева городища известно в литературе с 70-х годов XIX в. Впервые описание его сделано автором «Историко-статистического описания Харьковской епархии». Однако характеристика его внешнего вида была дана неверная. Это же неправильное описание перенесено и в «Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ.,» хотя ко времени выхода в свет археологической карты имелись новые, более точные данные.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 55—59; И. Ш—в. Памятники старины в Ахтырском уезде. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 81, 82; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1903, стр. 2; П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 123—139.

260. Петровское, Сумская обл., Тростянецкий р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в 2 км от села по течению. По данным экспедиции 1938 г. под руководством П. Н. Третьякова, оно расположено на длинном, узком мысу коренного берега, обрамленном долиной реки и впадающими в нее глубокими оврагами. Поселение довольно сложное. Оно состоит из трех частей, отделенных одна от другой, а также от плато тремя линиями валов и рвов. Первая часть — стрелка мыса размером 45×100 м, по-видимому, наиболее древняя. Вторая, средняя часть имеет форму трапеции. Размер ее около 70×80 м. Заселена она была, быть может, несколько позже. Третья часть примыкает к плато. Форма ее также трапециевидная. Размер около 40×90 м. На всей площади поселения ясно прослеживается культурный слой мощностью до 0.50 м. На территории всех трех площадок собраны обломки глиняной лепной посуды славяно-русской культуры IX—X вв. Близ городища, на плато имеется небольшая группа разрушенных курганов.

В «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» в окрестности с. Боголюбовка (ныне Петровское) отмечено два городища: одно из них Кокуенское, непосредственно у села — его мы отождествляем с Петровским (см. № 259), а второе указано в полуверсте от первого. Автор дает следующую характеристику местоположения и внешнего вида второго поселения: «Это городище находится в полуверсте от первого, ближе к Литовке, но на той же горе, на которой расположено первое. Оно окружено тройным рядом валов и двумя рвами, валы в 1 саж. вышины, рвы в 1 саж. глубины; в окружности городища до 200 саж.» Судя по этим данным, есть основание предполагать, что автор описывает рассматриваемое нами поселение.

ИСОХЕ, отд. III. М., 1857, стр. 55—59, П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 125, 126.

(92). Полтава, Красная (бывш. Соборная) площадь (правый берег р. Ворсклы) — городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

261. Путивль, Сумская обл., уроч. Бугры (правый берег р. Сейма) — селище.

В 1947 г. при обследовании окрестностей г. Путивля Д. Т. Березовец обнаружил керамику роменского типа в уроч. Бугры. Материалы не опубликованы.

Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 242, 243.

(95). Путивль, Сумская обл., уроч. Никольская Горка (правый берег р. Сейма) — городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

262. Решетники (бывш. Старые Сенжары), Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, на северо-восточной окраине села, близ колхозного двора. Оно расположено на двух мысообразных площадках коренного высокого берега, образованных долиной реки (с востока) и оврагами (с севера и юга). С напольной, западной, стороны поселение укреплено валами, следы которых, правда едва уловимые, видны и сейчас. Общая площадь, занятая поселением, около 6000 м². Территория поселения распахивается.

Линия оборонительных укреплений, сооруженная во время Отечественной войны по склону коренного берега, разрушила со стороны реки площадку поселения. В силу этого трудно судить, было ли поселение укреплено со стороны реки или нет.

В стенках обреза со стороны реки хорошо прослеживается культурный слой. Мощность его в некоторых местах достигает 1 м. Не исключена возможность, что эта толща напластований частично образовалась за счет сноса культурных остатков с центральной части городища. В культурном слое обломки глиняных лепных сосудов, кости животных, кости и чешуя рыбы, поделки из глины (пряслица). Много углей и золы. Есть железные шлаки. По своему облику керамические остатки довольно разнообразные. Наряду с обломками явно от сосудов роменско-борщевского типа (по орнаментации и профилю) есть обломки таких же архаических сосудов, но несколько иного профиля (более округлые) и с иной орнаментацией — край венчика орнаментирован вдавлениями четырехугольной формы. По составу глины, качеству обжига они не отличаются друг от друга и, по-видимому, принадлежат одной поре. Следует отметить, что обломков гончарной посуды не найдено совершенно. Таким образом, поселение у с. Решетники является памятником однослойным, принадлежащим славяно-русской культуре ранней поры (VIII—X вв.). Это самое южное славяно-русское поселение в бассейне р. Ворсклы. До работы Левобережной экспедиции 1946 г. поселение совершенно не было известно.[312]

[312] В 1960 г. на городище были произведены небольшие раскопки Днепровской левобережной экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора. Вскрыто около 250 м². Материалы, собранные при исследовании, подтверждают выводы, сделанные в 1946 г. Уточняются некоторые

И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, 1949, стр. 387.

√ 263. Решетники (бывш. Старые Сенжары), Полтавская обл., Ново-Сенжарский р-н, уроч. Городок (правый берег р. Ворсклы) — городище.

В 3—4 км к северо-востоку от села, на правом берегу р. Ворсклы находятся ос-

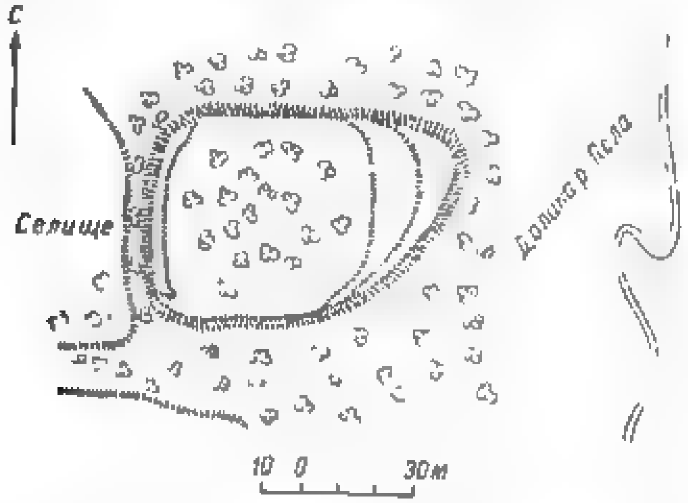


Рис. 150. Городище у с. Сары. Схематический план.

татки древнего поселения, известного у местного населения под названием Городок. Поселение занимает высокий выступ плато коренного берега, образованного долиной реки и балками в излучине между селами Решетники и Буланово. Небольшая площадка Городка (около 700—800 м²) обнесена с юго-запада валом сильно распаханным, как и все поселение. За пределами Городка около двух десятков курганов. Они также распаханы, вследствие чего почти слились в одну линию. Высота их не превышает 1.5—2 м. Высота берега до 20 м.

Собранный в черте Городка материал — обломки глиняной лепной посуды — немногочислен и маловыразителен. Это обломки сосудов почти баночной формы, с плоским дном. В составе теста крупнозернистая примесь. Некоторые обломки орнаментированы косой насечкой. Аналогичный материал собран и на соседнем городище около с. Решетники в комплексе с материалами явно славяно-русской культуры роменско-боршевского типа. Не вызывает никакого сомнения, что и Городок является остатками древнеславянского поселения.

В начале XX в. Городок обследовался дважды. В 1901 г., накануне XII археологического съезда — Л. Падалкой и накануне XIII археологического съезда (до 1905 г.) — В. Г. Ляскоронским. Ими дано описание внешнего вида поселения и его местоположения, а В. Г. Ляскоронский, кроме того, сделал схематический план Городка. Оба исследователя отмечают наличие двух частей поселения, каждая из которых ограждена валом. Л. Падалка указывает и курганы. При обследовании Городка Левобережной экспедицией в 1946 г. внешний вал прослежен не был.[214]

Л. В. Падалка. Древний городок близ м. Старых Сенжар, Полтавского у. Археол. летопись южн. России, т. III, Киев, 1901, стр. 106 и сл.; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 188; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1946 г. Архив ИА; 2) Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, 1949, стр. 387.

(96). Ромны, Сумская обл., уроч. Монастырище (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(97). Рыльск, Курская обл. (правый берег р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(98). Рыльск, Курская обл., уроч. Подмонастырская Слобода (правый берег р. Сейма) — городище.

[214] В 1960 г. на территории городища в уроч. Городок были произведены небольшие раскопки Днепровской левобережной археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора. Вскрыто около 250 м². Раскопками установлено, что городище — памятник более сложный, чем предполагалось по данным, собранным в 1946 г. В основе своей оно относится к скифскому времени (культуре зольников). Удалось проследить остатки второго вала, отмеченного в свое время В. Г. Ляскоронским и Л. Падалкой. В границах первого вала обнаружен могильник скифского времени. Славяне обитали здесь непродолжительное время, по-видимому в конце IX или начале X в.

детали. Так, наряду с лепной керамикой при раскопках найдены обломки ранней гончарной посуды, рубежа X—XI вв.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

264. Сары, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в южной части села, около усадьбы колхозника Феодосия Петровича Парепадьи. Оно расположено на мысу, обрамленном с севера и юга балками, а с востока — долиной реки. Поселение состоит из двух частей — городища и селища. Городище занимает стрелку мыса. С западной (напольной) стороны оно укреплено валом высотой до 7—8 м и рвом глубиной 5—7 м. Вал полукольцом охватывает отрезанную часть мыса, придавая последней форму, близкую кругу. Размер площадки городища по оси С—Ю около 60 м, по оси В—З около 50 м (рис. 150).

Мыс возвышается над долиной реки на 25—30 м. Со стороны долины подъем идет террасообразными уступами. Всего таких уступов три. На самом верхнем расположено городище. Южный и северный склоны более круты. Поверхность городища, как и большая часть мыса, поросла кустарником и хорошо задернована. На площади городища имеется несколько кладоискательских ямок. Значительно сильнее поврежден вал. В нем вырыто две больших траншеи со стороны рва. По словам колхозника Парепадьи, они вырыты также кладоискателями.

В заложенном Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. небольшом шурфе в юго-западной части городища около вала собраны немногочисленные керамические остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, относящихся к раннеславянскому периоду (VIII—X вв.).

Селище примыкает к городищу с западной стороны. Часть его находится под лесом, часть обрабатывается под огороды. На возделываемой части встречаются черепки глиняной посуды не только лепной, но и гончарной, кости животных, куски обожженной глины и единичные другие вещи. Судя по этим материалам, поселение в целом существовало не только в VIII—X вв., но и позже, возможно до XIII в.

К юго-западу от городища, в лесу, вдоль левого берега балки имеется несколько небольших курганов. По рассказу колхозника Ф. П. Парепадьи, еще не так давно их было больше, но постепенно, в связи с разработкой участка под посевы, они уничтожаются.

Поселение (городище) у с. Сары известно с 70-х годов прошлого столетия по сведениям, собранным Центральным статистическим комитетом через волостные правления. В начале XX в., перед XIII археологическим съездом городище было обследовано В. Г. Ляскоронским, давшим краткое описание внешнего вида городища и его местоположения и сделавшего схематическую глазомерную съемку. Культурно-хронологический облик поселения выяснен не был.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 165; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 3; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

265. Скоробогатьки, Полтавская обл., Лохвицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в 3.5 км от г. Лохвицы, по дороге в с. Скоробогатьки. Оно состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает мыс, образованный долиной реки и впадающими в нее балками. Мыс вытянут по оси В—З, параллельно долине реки. Стрелка мыса отрезана глубоким рвом, превращающимся постепенно в балку. На этом «останце» и размещено городище. Кроме рва, отделяющего конец мыса от остальной части, никаких других искусственных укреплений на городище не обнаружено (рис. 151, 1).

Форма городища овальная, вытянутая по оси В—З. Размер по длинной оси 120 м, по короткой (С—Ю) 50 м (наибольшая ширина), периметр около 300 м.

Вся территория городища поросла лесом. На поверхности культурные остатки не прослеживаются. В восточной части городища имеется большая яма. Зачистка западной ее стенки показала, что культурный слой городища довольно мощный, до 1 м. В составе слоя много золы, кусков обожженной глины, обломков глиняной посуды, костей животных. Судя по составу керамических остатков, поселение принадлежит славяно-русской культуре двух периодов — роменско-боршевского и великокняжеского (рис. 151, 2).

Селище примыкает к городищу с западной стороны. Остатки его хорошо прослежи-

ваются у подножия коренного берега на надпойменной террасе. Площадка селища распахивается. Собранные на территории селища материалы аналогичны материалам горо-

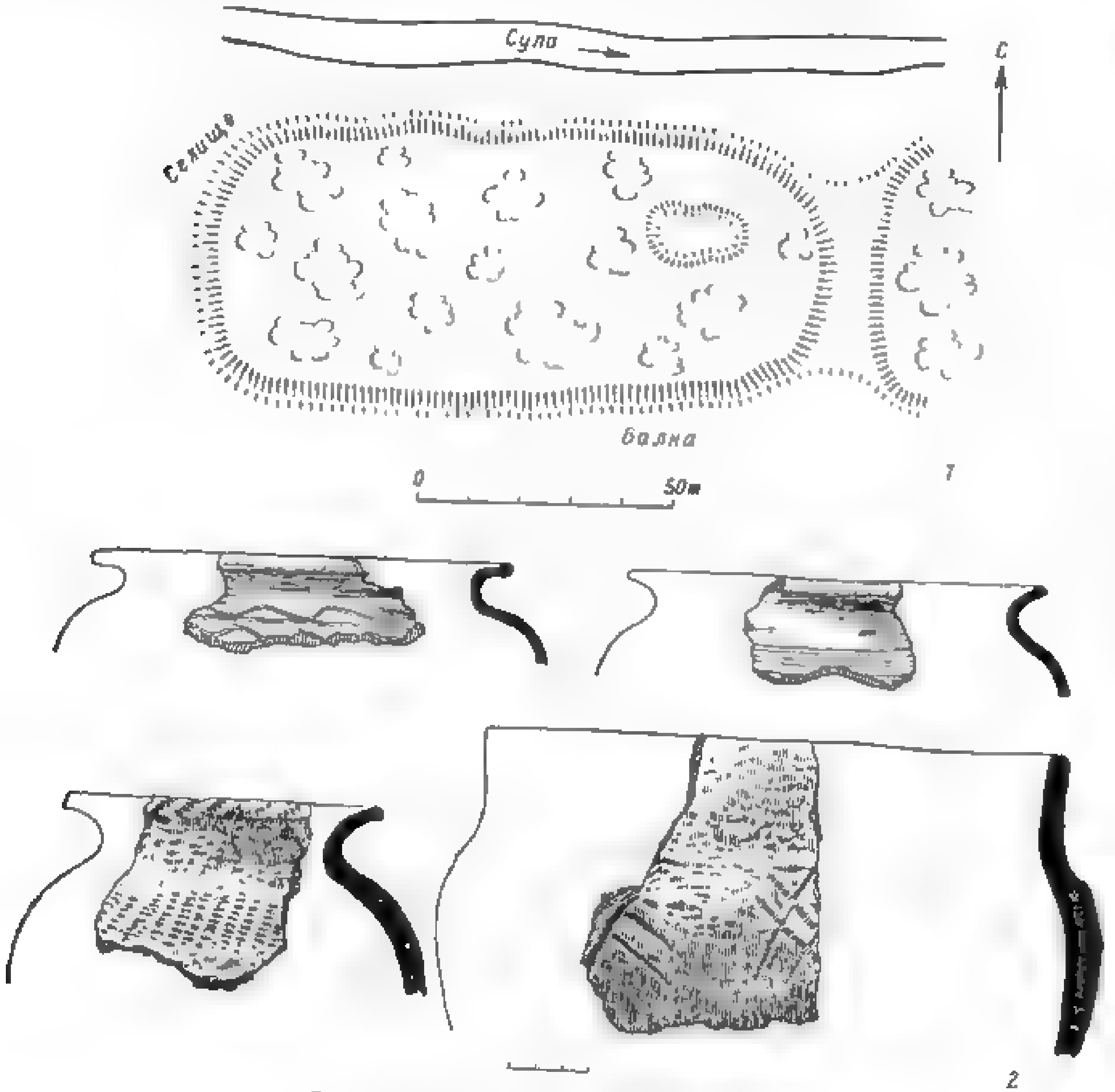


Рис. 151. Городище у с. Скоробогатки.
1 — схематический план, 2 — керамика.

дища. Кроме того, здесь найдены и остатки более поздней поры — XVII—XVIII вв.

Городище между г. Лохвицы и с. Скоробогатки значится в сведениях Центрального статистического комитета, собранных через волостные правления. В последние годы (1945—1946) поселение обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР, тогда же определен его культурно-хронологический облик. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии, Полтава, 1917, стр. 27, 28; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; Ф. Копилов. Посульська експедиція 1945—1946 pp. АП, т. 1, Київ, 1949, стр. 246—253.

266. Сосница, Черниговская обл. (правый берег р. Десны) — городище (болотное).

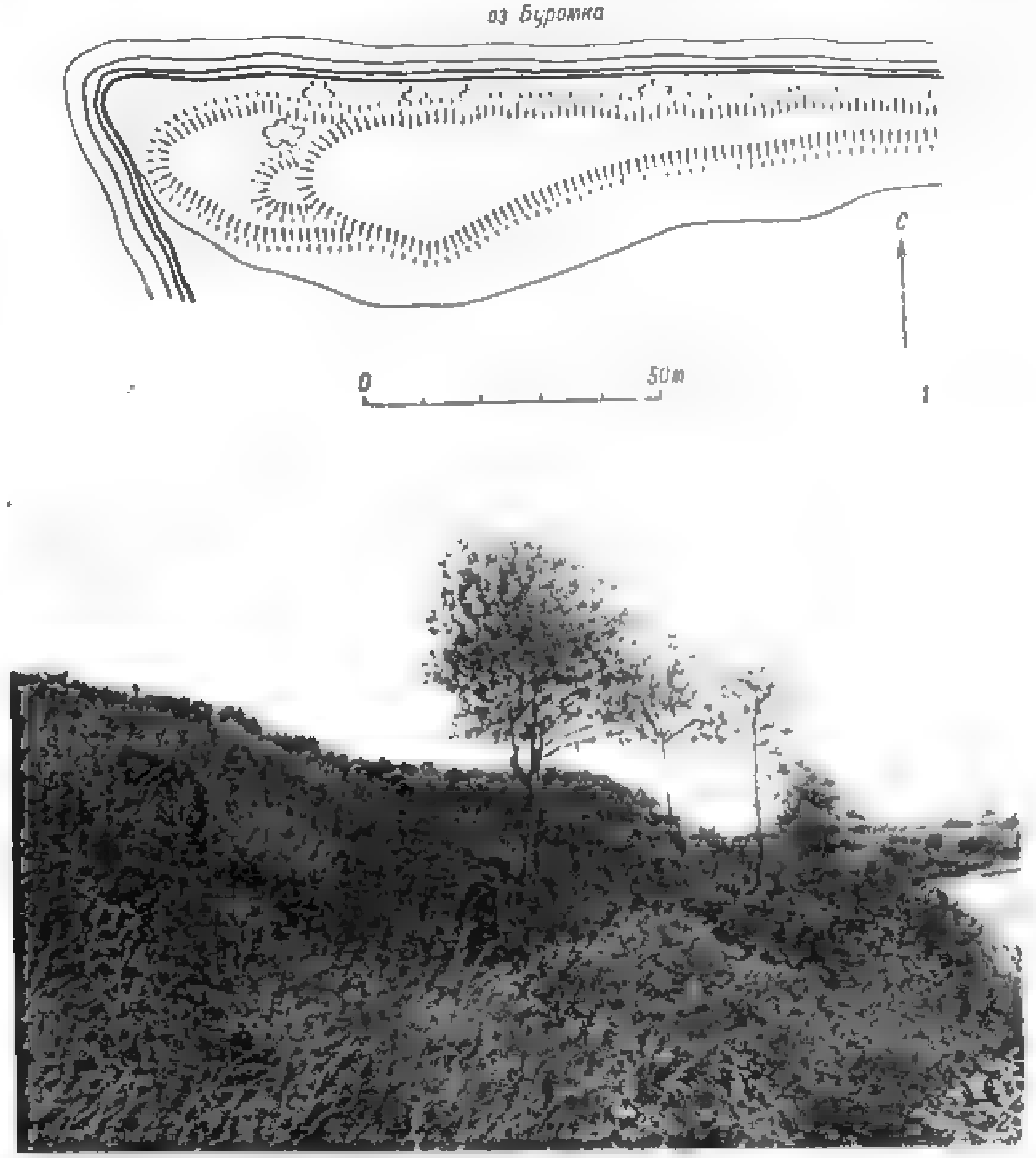


Рис. 152. Городище у г. Сосница (уроч. Буромка).
1 — схематический план; 2 — общий вид

Городище находится на правом берегу р. Десны, в 6—7 км к юго-западу от города, на песчаном останце среди болот поймы реки, на берегу озера Буромки. Весенние разливы реки сильно разрушили городище. Об этом свидетельствуют оползни высокого берега и находки культурных остатков на дне озера вдоль берега. От городища осталась узкая, двадцатиметровая полоса протяженностью 70—80 м. Следов искусственных укреплений не обнаружено (рис. 152).

Характер культурных отложений хорошо прослеживается в береговом обрезе и оползнях. Мощность культурного слоя достигает 1 м. Состав его — зола, кости

животных, куски обожженной глины, черепки глиняной посуды, поделки из глины и кости и т. п. Много остатков найдено в оползшей част[illegible] берега

Собранные [illegible] лепной и гончарной посуды принадле[illegible] [illegible]осудам славянской культуры роменско-борщевского и велико княжеского типа Есть поделки из кости и глины.

Поселение у озера Буромка впервые обследовано в 1910 г., хотя о существова нии его местные музейные работники знали и ранее. Собранный на нем материал, керамика по преимуществу, дал возможность отнести поселение к славяно-русской культуре IX—X вв. Поселение неоднократно подвергалось обследованию работниками Сосницкого краеведческого музея, в частности Ю. С. Виноградским. Раскопок, однако, никто на нем не производил. В 1947 г. городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией

В. Козловская. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке, Черниговской губ., Сосницкого уезда. ИТУАК, 47, Симферополь, 1912, стр. 135—143; Ю. Виноградський. Сосниця та її околиці. В кн.: Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, стр. 152—155; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

267. Сосница, Черниговская обл., уроч. Лан (правый берег р. Убеди) — городище (болотное ?).

Поселение впервые обследовано Ю. С. Виноградским в 1948 г. Тогда же определен и культурно-хронологический облик поселения. В 1949 г. на поселении были проведены раскопки Институтом археологии АН УССР под руководством Д. Т. Березовца.

Ю. С. Виноградский. Раннославянские памятники в окрестностях г. Сосница. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 50—52, Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 54—56, 65.

268. Тополи, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, на юго-восточной окраине села, в 2—3 км от г. Сумы, вверх по течению. Оно состоит из городища и селища. Городище расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее оврагами. С напольной стороны городище отгорожено валом и рвом. Северо-восточный конец вала и рва уничтожены: вал срыт, а ров засыпан с целью свободного доступа к площадке городища со стороны плато. На расстоянии 15—20 м от вала на площадке городища, в северо-восточной ее части, имеется еще одна валообразная насыпь, идущая параллельно основному валу. Высота ее около 1.5—2 м, ширина основания 7—10 м, длина 12—15 м. Высота мыса над долиной около 25—30 м, склоны довольно крутые (рис. 153).

Городище обрабатывается под огородные культуры. Вдоль всего края площадки проходит траншея военного времени. В выбросах из траншеи, а также в стенках ее прослеживаются остатки человеческих костяков. Глубина захоронения их не превышает 1 м. Аналогичная картина наблюдается и в обрезах траншеи, проложенной вдоль края селища, расположенного за валом выше по берегу реки. Территория селища частично, по-видимому, уходит под хозяйственные постройки колхозников хут. Тополи. На вспаханной поверхности городища и селища находят культурные остатки в виде черепков глиняной посуды — лепной и гончарной, принадлежащей славяно-русской культуре ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры.

Площадка городища имеет форму неправильного многоугольника, вытянутого по оси СЗ—ЮВ. Размер ее около 120×90 м.

Городище у хут. Тополи известно в литературе с середины XIX в. Автор «Историко-статистического описания Харьковской епархии» упоминает о нем в связи с описанием г. Сумы. Он называет его Липецким, отождествляя с городищем, упоминаемым в росписи урочищ 1571 г., и относит к домонгольской поре. К этой мысли присоединяется ряд исследователей (например, Д. И. Багалей) последующих лет.

В 1929 г. городище обследовано Н. Е. Макаренко, а в 1948 г. — Днепровской левобережной экспедицией.

И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846, Источники, стр. 19; ИСОХЕ, отд. III, М., 1857, стр. 279, 280; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1907, стр. 88; С. Ма-

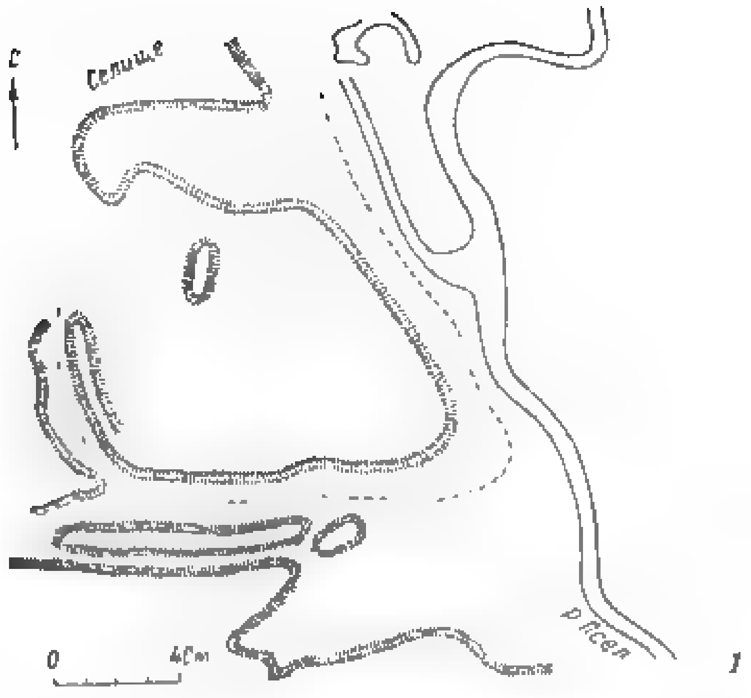


Рис. 153. Городище у хут. Тополи.
1 — схематический план, 2 — общий вид.

гура. Археологічні досліди на Сумщині року 1929 го. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 36, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

269. Харивка, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Упуд (правый берег р. Сейма) —селище.

Следы поселения роменского типа близ с. Харивка, в уроч. Упуд были обнаружены экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д. Т. Березовца. Материалы пока не опубликованы.

Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 243.

(113). Хижки, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Городок (правый берег р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.»

270. Хитцы, Полтавская обл., Лубенский р-н, уроч. Коломак (правый берег р. Удая) — городище.

Городище обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР в 1946 г. Тогда же был определен его культурно-хронологический облик.

Ф. Б. Копылов. Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 248—250.

(115). Ховзовка, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Клевени) — городище и селище

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(116). Хорошово, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Уды) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

271. Хотмыжск, Курская обл., Борисовский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, в черте села, в южной его части, против церкви. Оно состоит из городища и селища. Городище занимает мыс коренного берега, образованный долиной реки и впадающими в нее оврагами. Прослеживается две линии остатков укрепления: одна — защищающая центральную часть, детинец, и вторая — к западу от нее.

Детинец расположен на стрелке мыса, вытянутой по оси СВ—ЮЗ. Северо-восточный конец стрелки отрезан от площадки городища (детинца) глубоким рвом, еще более глубокий ров, доходящий до 8 м, отделяет детинец от напольной, юго-западной, стороны. Северо-западные и юго-восточные склоны достигают 50 м, что делает детинец совершенно недоступным со стороны долины реки. Размер площадки детинца 75×50 м.

Вторая линия укрепления сохранилась плохо, вал почти совершенно разрушен. Высота его в уцелевших частях не превышает 2—3 м. Он полукольцом охватывает площадку размером около 100×200 м., лежащую к западу от детинца (рис. 154).

Селище примыкает к городищу. Оно тянется вдоль берега на протяжении до 400 м и в глубь берега до 150 м

Собранные на поселении материалы (на городище и селище) принадлежат славяно-русской культуре ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры (рис. 155). Встречаются остатки и более поздние — XVII—XVIII вв.

Поселение в с. Хотмыжск как городище известно в письменных источниках еще с конца XVI в. Местные краеведческие организации не раз ставили перед собой задачу изучения «древнего Хотмыжска», однако намерение это, кажется, не было проведено в жизнь. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 63; Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII вв. Харьков, 1886, стр. 4; Изв. Курск. губ. общ. краеведения, 1927, № 3, стр. 83; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА

272. Чернетчина, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклы, не более как в полукилометре к юго-западу от села, справа от дороги в Работин хутор. По данным разведки, проведенной в 1938 г. П. Н. Третьяковым, поселение расположено на невысокой дюне пойменной долины. Дюна вытянута по линии СВ—ЮЗ. Размер ее 150×40 м. Поселение неукрепленное. Дюна служит песчаным

Рис. 154. Городище у с. Хотмыжск.
1 — схематический план, 2 — общий вид

карьером. В ямах хорошо прослеживается культурный слой мощностью до 0.75 м. В составе слоя большое количество обломков глиняной лепной посуды славяно-русской культуры IX—X вв.

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течіїВорскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 127.

273. Чернигов (правый берег р. Стрижени) — городище (?).

За последние годы, особенно послевоенные, в разных частях Черниговского кремля,

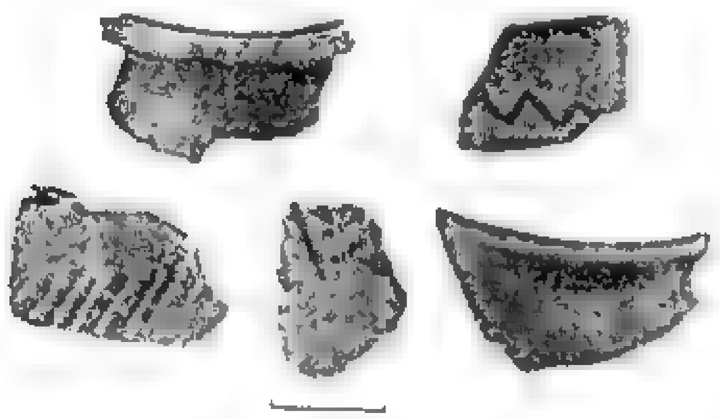


Рис. 155. Городище у с. Хотмыжск. Керамика.

а также на прилегающих к нему участках (Третьяк и др.) при проведении археологических работ обнаружены отложения славяно-русской культуры VIII—XIII вв. При раскопках найдены обломки керамики, как лепной (роменского и близкого ей типа), так и гончарной (великокняжеской). Вместе с тем здесь были открыты остатки жилищ-полуземлянок. Совокупность этих материалов позволяет заключить, что на мысу, образованном долинами рр. Десны и Стрижени, находилось древнее славяно-русское поселение, на территории которого позднее возник древнерусский город Чернигов.

Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, М., 1949; В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 5—11.

274. Чернигов, уроч. Еловщина (левый берег р. Стрижени) — городище и селище.

В 1949 г. при обследовании правого берега р. Десны в районе Чернигова Д. И. Блифельд осмотрел на северной окраине города, на левом берегу р. Стрижени, в уроч. Еловщины, остатки древнего поселения, состоящие из городища и примыкающего к нему селища. Городище расположено на мысу; в плане оно прямоугольное, размером 40×40 м. С северной и южной сторон городище обрамлено балками, с западной, напольной, укреплено высоким валом и рвом. Культурные отложения выражены слабо. Собранный при шурфовке материал состоит из обломков глиняной посуды — лепной, типа раннеславянской и сделанной на гончарном круге (X—XIII вв.).

Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—21; ср.: П. С. Уварова. Выборки из дел Черниговского статистического комитета, Исторического общества Нестора Летописца и Архива граф. П. С. Уваровой. Городища и курганы. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. I, М., 1906, стр. 92.

(122). Шабалинов, Черниговская обл., Коропский р-н (левый берег р. Десны, при впадении р. Сейма) — городище и селище (?).

См. «Поселение культуры вольников VII—III вв. до н. э.».

275. Шестовица, Черниговская обл., Михайло-Коцюбинский р-н (правый берег р. Десны) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Десны, к юго-западу от села. Оно состоит из городища и селища. Городище расположено на стрелке мыса, далеко вдающейся в долину реки. В южной части (со стороны долины реки) и в северной городище защищено от плато валами и рвами. Селище находится непосредственно за городищем, на площади протяженностью с юга на север до 1300 м. Вся территория поселения (в том числе и валы городища) распахивается. На поверхности ее рассеяно большое количество всевозможных культурных остатков — обломков глиняной посуды, различных шлаков, костей животных, кусков обожженной глины, необработанных кусков красного (овручского) шифера. Особенно много остатков выступает на песчанистых выдувах в юго-западной части поселения.

В траншее, проложенной в западной части поселения вдоль дороги по оси С—Ю, хорошо прослеживается характер культурного слоя. В ряде мест здесь видны линзы обожженной глины, скопления золы, железных шлаков и других остатков. Метрах в 150

к северу от склона берега в восточной стенке траншеи обнаружен раздавленный горшок с остатками трупосожжения. Горшок был наполовину зарыт в материк (песок), верхняя часть его находилась в гумусированном культурном слое. Горшок сделан на гончарном круге, цвет оранжево-красный. Бо́льшая часть тулова горшка покрыта линейным орнаментом.

Собранный Днепровской левобережной экспедицией в 1948 г. на поселении материал принадлежит славяно-русской культуре великокняжеской поры.

Шестовицкое поселение известно давно. Дважды (в 1946 и 1948 гг.) на городище производились раскопки, в результате которых на нем установлено наличие отложений славяно-русской культуры роменско-боршевского типа и великокняжеской поры. При раскопках обнаружены жилища-полуземлянки. Некоторые исследователи полагают, что роменский слой Шестовицкого поселения следует датировать VII—VIII и даже VI—VIII вв., однако никаких данных в обоснование этого положения не приводится.

К югу от поселения в долине реки расположен курганный могильник, подвергавшийся неоднократному исследованию.

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 21; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. 1, Київ, 1949, стр. 50—57; Д. І. Бліфельд. Дослідження в с. Шестовицях. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 123—131.

276. Шпилевка, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, в 3—3.5 км к югу от села, в уроч. Шпиль. Оно состоит из городища и селища. Городище занимает останец коренного берега (Шпиль), отрезанный от плато глубокими балками. К западу от останца имеется седловина, переходящая в пологий склон балки, расположенной к югу от останца. По этому склону прослеживаются остатки селища. К северу от городища, под коренным берегом на одной из террас в лесу находится курганный могильник. Курганы небольшие, высотой от 0.50 до 1.5 м, при диаметре 8—15 м. Число их довольно велико, не менее 150—200. Останец имеет величественный вид. Он довольно высокий, до 40 м. Склоны его поросли лесом вперемежку с кустарником. Площадка останца небольшая, около 120×70 м. Форма овальная, вытянутая по оси С—Ю. Лишь северная сторона прямолинейная (рис. 156). В центре городища — кустарник, вся остальная часть засажена молодыми деревцами. Городище задерновано, вследствие чего культурных остатков на поверхности почти не имеется.

Рис. 156. Городище у с. Шпилевка. Схематический план.

В заложенных в юго-западной части шурфах найдены обломки глиняной посуды, кости животных, угли, зола. Мощность культурного слоя 0.30—0.40 м. По своему составу обломки глиняной посуды относятся к славяно-русской культуре ранней (роменско-борщевского типа) и великокняжеской поры. Остатков валов и рвов не обнаружено. Лишь северная, восточная и западная стороны склонов в верхней части имеют искусственную зачистку на высоту до 20 м, которая придает им более отвесный, почти вертикальный характер. У основания этой зачистки вокруг останца проходит горизонтальная площадка шириной до 5 м. Ниже ее склон сравнительно пологий. Такой же состав культурных остатков и с селища, расположенного к юго-западу от городища. Размер селища установить не представляется возможным, так как большая часть площади, примыкающей к городищу, задернована или находится под лесом.

Городище у с. Шиловка значится на археологической карте Харьковской губернии Д. И. Багалея. В 1948 г. оно обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Н. И. Б у н и н. Где находились города … и Варгол, а также другие места, упоминаемые в летописи под 1283—1284 гг.? Труды XI АС, т. II, М., 1902, стр. 66—71; Д. И. Б а г а л е й. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 96; И. И. Л я п у ш к и н. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1948 г. Архив ИА.

(124). Шуклинка, Курская обл., Стрелецкий р-н (правый берег р. Тускаря) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.»

277. Шумск, (бывш. хут. Вашкевича), Сумская обл., Глинский р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы близ впадения в нее р. Олавы. Оно расположено на мысу коренного берега, обрамленного долиной реки и впадающими в нее оврагами. С северной, напольной, стороны поселение укреплено валом и рвом, огибающими площадку поселения полуциркулем. Длина вала около 30 м, ширина основания около 8 м, высота около 7 м. Глубина рва около 4 м, ширина дна рва около 3 м. В направлении к долине реки и оврагов мыс имеет высокие, крутые склоны. Площадка ровная, несколько покатая в южную (к реке) сторону. Вся территория поселения засажена фруктовыми деревьями.

В 1906 г. поселение обследовано Н. Е. Макаренко. Им было заложено шесть траншей, давших достаточное количество материалов для определения культурно-хронологического облика поселения. В их составе имелись черепки глиняной лепной посуды типа обнаруженных на городище близ г. Ромны (Монастырище). Кроме того, траншеями вскрыты угол землянки, аналогичной землянкам Монастырища, хозяйственная яма и развалины печи. Судя по отчету Археологической комиссии, поселение у хут. Шумска отнесено к роменской группе поселений, датировать которые автор раскопок воздержался.

Н. Е. М а к а р е н к о. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 68—72; ОАК за 1906 г. СПб., 1909, стр. 113.

В. Характеристика древнерусских памятников X—XIII вв.

Настоящий раздел, посвященный древнерусским археологическим памятникам X—XIII вв., которые известны в литературе под названием великокняжеских, по своему содержанию не является необходимой частью разрабатываемой нами темы, он лишь дополняет ее. Этот раздел включен в настоящую работу, поскольку данные памятники являются составной частью археологической культуры восточных славян домонгольского периода и представляют собой дальнейшее развитие наиболее ранних достоверно славянских памятников Левобережья. Оторвать их от памятников предшествующей поры, провести грань между ними очень трудно, а иногда и вообще невозможно, ибо на большей части поселений VIII—X вв. жизнь продолжалась непрерывно, вплоть до монгольского нашествия.

Включая этот раздел в настоящую работу, мы учитываем также и то обстоятельство, что если могильные памятники этой поры в какой-то мере сведены воедино,[21а] то поселения остаются совершенно несистематизированными, больше того, многие из них и в литературе вообще неизвестны, а в наших руках в результате многолетних полевых работ накопился достаточно богатый материал. Оставить эти данные неопубликованными было бы с нашей стороны по меньшей мере непростительно.

Жизнь населения X—XIII вв. отражена в значительно большем числе археологических памятников, чем населения VIII—X вв. Уже говорилось о том, что почти на всех поселениях, содержащих отложения роменско-борщевского типа, есть отложения X—XIII вв., но имеется довольно большая группа поселений, содержащих слой только X—XIII вв. И географически эти памятники охватывают более широкую территорию, чем поселения VIII—X вв. В частности, левый берег р. Днепра от устья р. Орели до устья р. Десны, а также бассейн нижнего течения рр. Десны, Трубежа, Сулы и Псла, слабо насыщенные памятниками VIII—X вв., оказываются довольно густо

[21а] Г. Ф. С о л о в ь е в а. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, М., 1956, стр. 138—170.

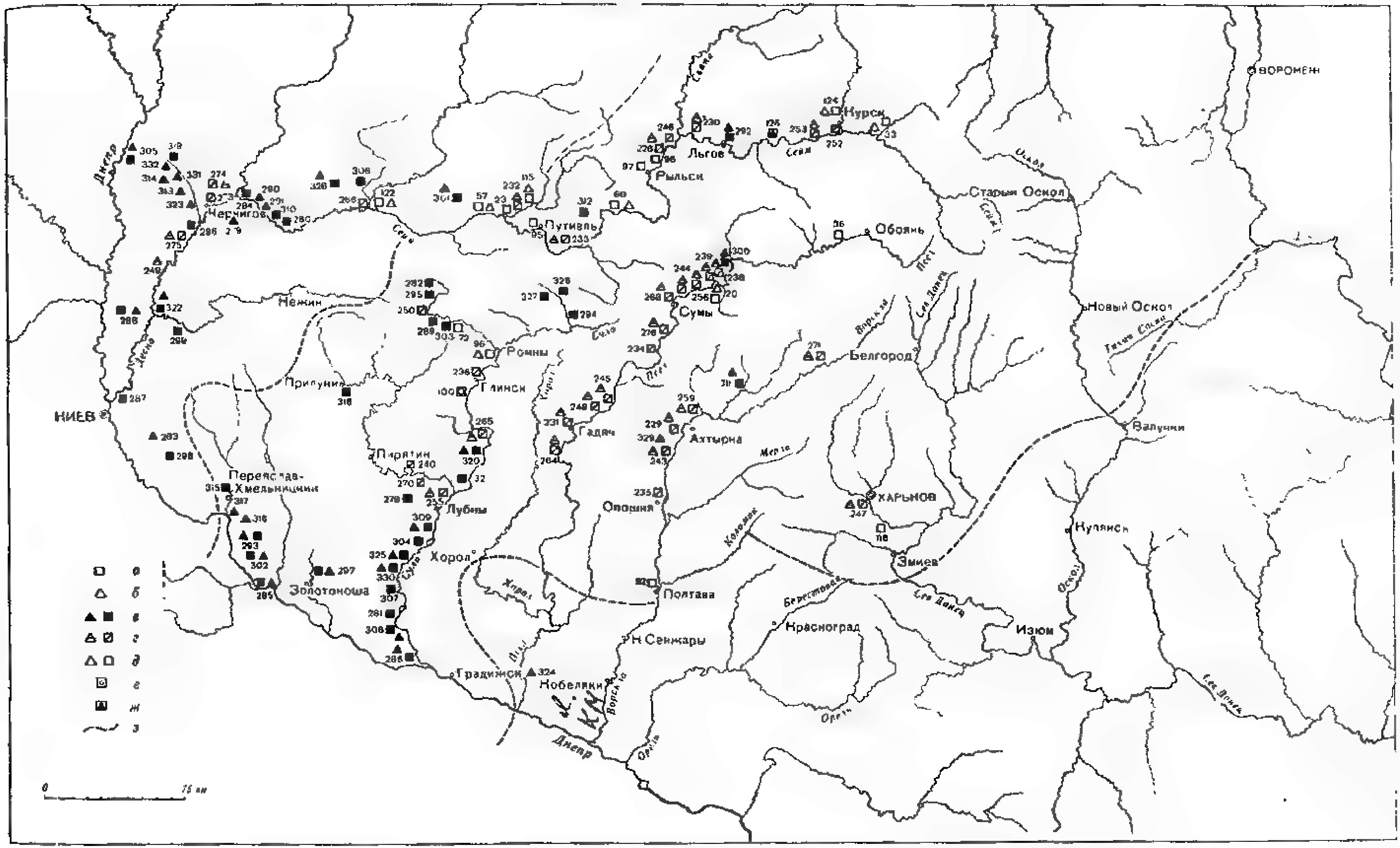


Рис 157. Археологические памятники X—XIII вв.

а — городища; б — селища, в — древнерусские памятники X—XIII вв. г — славяно-русские памятники VIII—XIII вв.; д — славяно-русские памятники VIII—XIII вв. на местах поселений скифского времени; е — древнерусские памятники X—XIII вв. на местах поселений скифского времени; ж — славяно-русские памятники VIII—XIII вв. на местах поселений культуры «полей погребений» черняховского типа; з — граница лесостепи.

покрытыми остатками поселений X—XIII вв. Имеется и ряд других таких районов. В целом же границы распространения этих двух групп славянских памятников более или менее совпадают. Южная граница их проходит между рр. Ворсклой и Ореолью, юго-восточная и восточная — между верховьями рр. Северского Донца и Оскола. К северу и западу древнерусские памятники X—XIII вв., как и роменско-боршевские, уходят за пределы Левобережья (рис. 157).

Памятники X—XIII вв. представлены остатками как укрепленных поселений (городищами), так и неукрепленных (селищами). Последние находятся, как правило, рядом с укрепленными поселениями, связаны с ними не только по местоположению, но и по общему облику. Остатки поселений X—XIII вв. могут быть расчленены на две основные группы. Местоположение первой группы поселений (городищ) ничем не отличается от местоположения поселений роменско-боршевского типа. Выражаясь точнее, это те же роменско-боршевские поселения, но более позднего периода жизни. Расположены они по берегам рек на высоких мысах или в долинах рек на останцах. Форма городищ определяется всецело конфигурацией местности; селища примыкают к городищам. Форма городищ второй группы иная. Она не связана с конфигурацией местности. Это небольшие, округлые поселения с кольцевым валом. Диаметр их 60—110 м. Некоторые из них и расположены в иных условиях — в отдалении от больших рек, у небольших ручьев и мокрых балок. Но известны отдельные поселения, расположенные в тех же условиях, что и поселения первой группы, т. е. на мысах. Как правило, все эти поселения однослойные, содержащие отложения лишь конца X—XIII вв.

Поскольку бо́льшая часть поселений X—XIII вв. неразрывно связана с поселениями предшествующей поры (роменско-боршевского типа), естественно, что история изучения их тесно переплетается. Первые раскопанные памятники роменско-боршевского типа — такие, как Большое Городище у дер. Горналь или так называемое Донецкое городище у с. Карачевка — являются в то же время и поселениями X—XIII вв. Однако в ходе изучения славяно-русской культуры в области Левобережья большее внимание было обращено все же на материалы VIII—X вв., чем X—XIII вв. В частности, были произведены раскопки на нескольких поселениях, относящихся только к VIII—X вв. [Опошня, Волынцево (уроч. Стан), Битица, Новотроицкое], а при раскопках поселений VIII—XIII вв. исследовался слой преимущественно ранней поры (Петровское, Полтава и др.). Только при раскопках больших древнерусских городов (Чернигов и Переяслав) исследователи в какой-то мере концентрировали свое внимание на материалах X—XIII вв., но эти раскопки, как правило, посвящались исследованию архитектурных памятников и лишь попутно затрагивали вопросы общей археологии. Правда, в последние годы Б. А. Рыбаковым предприняты крупные раскопки на городище Любеч, но, к сожалению, материалы, добытые при этих работах, еще не опубликованы. В силу этих причин облик славяно-русской культуры X—XIII вв. в области Левобережья выступает менее отчетливо, чем облик памятников предшествующей поры или синхронных памятников Правобережья, где имеется ряд поселений (Райковецкое городище, Колодяжинское городище и др.), раскопанных почти полностью.

Материалы раскопок позволяют заключить, что для X—XIII вв. основным типом жилища в области Левобережья, как и в предшествующий период, является полуземлянка, прямоугольная в плане, углубленная в землю до метра. Общий облик этих жилищ ясно свидетельствует, что домостроительство X—XIII вв. продолжает традиции предшествующей поры.[216] Наземные жилые сооружения строились, по-видимому, лишь в крупных городах; отчетливо выраженных следов их мы пока не знаем.[217] Отнесение

[216] В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 112—121, 129, 130; О. Федоровський. Археологічні розкопи в околицях Харькова. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 5—10; І. І. Ляпушкін. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 68—75, В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 132—138, В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 5—11, М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, М., 1954, стр. 6—10.

[217] В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові. . ., стр. 5—11; Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 15—21.

остатков жилых построек №№ 2 и 4 городища Курган близ с. Волынцево, исследованных В. И. Довженком, к наземным сооружениям мы считаем ошибочным. Это остатки жилищ полуземлянок, ямы которых вырыты не в материке, а в культурном слое, в силу чего при раскопках они сохранились не на всю глубину, а лишь в пределах 20—30 см. По свидетельству исследователя, остатки построек были обнаружены под зольным слоем, который покрывал всю территорию городища. Полевой опыт показывает, что открыть в культурном слое, а тем более в зольном, древнее устье ямы, в частности полуземлянки, весьма трудно. При раскопках какая-то часть стенок, как правило, срезается.[218]

Полуземляночный, а не наземный характер этих жилищ (№№ 2 и 4) подтверждается также конструкцией этих построек — размещением столбов, совершенно одинаковым с жилищами-полуземлянками.[219]

Жилища-полуземлянки X—XIII вв. наряду с общими чертами, свойственными этому типу славяно-русских жилищ VIII—XIII вв., имеют и некоторые особенности. Так, в полуземлянках VIII—X вв. нам совершенно неизвестно устройство выхода. В жилищах X—XIII вв. устройство выхода в виде ступеней на линии одной из стен прослеживается довольно хорошо.[220] Когда впервые появляются ступеньки, сказать пока трудно. Отличается и устройство печи. В жилищах-полуземлянках VIII—X вв. печи, как правило, прямоугольные в плане, независимо от того, сделаны они из глины, камня или какого-либо другого материала.[221] В жилищах-полуземлянках X—XIII вв. печи преимущественно глинобитные, округлые в плане. Бо́льшая часть известных печей этого времени сооружена на деревянном каркасе. Под печей вымащивался черепками.[222] Стены жилищ-полуземлянок облицовывались деревом. Следы такой облицовки сохранились в полуземлянках Донецкого, Ницахского и других городищ.

Вместе с остатками жилых построек на ряде поселений обнаружены остатки хозяйственных сооружений в виде ям-погребов. Постройки этого типа размещались как внутри жилищ в полу, (Полтава), так и за пределами их (Донецкое городище, Любеч и др.). Общий облик их весьма близок ямам-погребам VIII—X вв. На Донецком городище обнаружены остатки сооружений производственного назначения — гончарных обжигательных печей.[223]

Культурный слой поселений X—XIII вв. как по мощности, так и по насыщенности остатками несколько отличен от слоя предшествующей поры. В нем нет больших скоплений золы и углей, костей животных и рыб. Керамические остатки этих поселений хотя и многочисленны, но в силу большой дробности черепков, а также более тонкой их выработки малозаметны среди культурных напластований.

Глиняная посуда этой поры сделана преимущественно на гончарном круге. Сосуды лепные немногочисленны. Их, по-видимому, следует отнести в переходному периоду (X в.). Судя по черепкам, основную массу сосудов составляли кухонные горшки с хо-

[218] При рассмотрении данного вопроса нельзя пройти мимо природы зольного слоя, перекрывающего остатки построек. Не исключено, что слой золы, покрывающий все городище, образовался после прекращения жизни поселения в результате сгорания культурного слоя, состоящего из органических остатков (преимущественно навоза), в котором были выкопаны ямы-полуземлянки. Органические остатки могли загореться от удара молнии или случайно разведенного костра. Явления подобного порядка можно наблюдать и сегодня в виде горящих торфяников, больших навозных куч и т. п. В результате сгорания органических отложений мощность культурного слоя должна сильно сократиться, а тем самым уменьшиться и глубина ям, вырытых в культурном слое, в том числе, очевидно, и ям жилищ №№ 2 и 4. Возможно, в этом следует искать ответ, почему нижние части жилищ-полуземлянок №№ 2 и 4, а не наземных жилищ, как думает В. И. Довженок, оказались менее глубокими, чем полуземлянок, вырытых в материке.

[219] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 151—270.

[220] О. Федоровський. Археологічні розкопи..., стр. 6; В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча, стр. 134; В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові..., стр. 8.

[221] И. И. Ляпушкин. 1) Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 26 и сл.; 2) Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958, стр. 195—198.

[222] В. А. Городцов. Результаты исследований..., стр. 112—121, 129, 130; В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові..., стр. 8; М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе Хмельницком..., стр. 8—11.

[223] О. Федоровський. Археологічні розкопи..., стр. 6, 7.

рошо профилированными венчиками и плечиками. Наиболее распространенный тип орнаментации — врезная прямая или волнообразная линия или ряд таких параллельных линий. Изредка в качестве дополнительного мотива по плечикам наносились семячкообразные и другие наколы. На донышках некоторых горшков имеются рельефные клейма. По форме клейма разнообразны. Бо́льшая часть их имеет вид окружности, часто усложненной другими фигурами, например вписанным крестом, второй меньшей окружностью и т. п. (рис. 158). Из других форм сосудов следует отметить небольшие кувшинчики, амфорки киевского типа, а также небольшие миски с ушком. Судя по черепкам, собранным при раскопках и обследовании городищ, широкое распространение имели сосуды для хранения продуктов — пифосообразные сосуды и корчаги (амфоры). Последние были, по-видимому, привозные. Из других гончарных изделий следует отметить светильники, писанки поливные, а в городе — плитки поливные.

К сожалению, трудно что-либо сказать о характере хозяйственного инвентаря этой поры — земледельческих орудиях, орудиях обработки дерева, металла и т. д. Среди материалов добытых при раскопках поселений, имеются лишь отдельные, разрозненные вещи. Так, на Донецком городище найдены обломки жерновов.[224] На поселении близ с. Волынцево (уроч. Курган) обнаружены железные долото и топор.[225]

Из всех отраслей хозяйственной деятельности среди известных нам материалов только прядение нашло более или менее широкое отражение. Мы имеем в виду многочисленные находки пряслиц. По-видимому, нет ни одного поселения этой поры где не были бы найдены эти маленькие, разнообразные по форме кружочки, свидетели повседневного кропотливого труда женщин. Пряслица X—XIII вв. весьма специфичны. Подавляющая часть их изготовлена из овручского красного шифера (сланца). В связи с этим небезынтересно отметить одну характерную черту культурных отложений некоторых поселений X—XIII вв. — наличие в них необработанных кусков красного овручского шифера. Необработанный шифер был найден на поселениях у г. Золотоноша, у сел Лепляво, Шестовица, Бруслнов, Николаевка, Новая Слобода и на некоторых других. Так как на территории Левобережья выходы этой горной породы неизвестны, едва ли возможно признать наличие необработанного овручского шифера на этих поселениях случайным. Правда, Г. О. Оссовский в докладе на III археологическом съезде указывал, что куски красного овручского шифера и кварцита доносятся водами системы Днепра до Киева и даже несколько ниже.[226] Но если этот факт в какой-то мере может служить объяснением, каким путем попадали куски этого шифера на поселения, расположенные вниз по течению Днепра от устья Припяти (например район Золотоноши или Лепляво), то он никак не объясняет наличия этого шифера на поселениях системы р. Десны (Шестовица, Бруслнов или, например, у дер. Городище на р. Рати, притоке верхнего течения р. Сейма). По-видимому, куски необработанного шифера могли попасть туда не естественным путем, а только при содействии человека.[227]

Составной частью вещевого комплекса X—XIII вв. являются стеклянные браслеты. Как и шиферные пряслица, они были распространены довольно широко.[228] Существует мнение, что стеклянные браслеты — вещи городского быта, что для деревни они нехарактерны. Материалы Левобережья позволяют сделать заключение, что их носили и в деревне. Несмотря на плохую изученность поселений Левобережья, нам известно несколько случаев нахождения браслетов в поселках далеко не городского типа, на-

[224] В. А. Городцов. Результаты исследований..., стр. 117.

[225] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого..., стр. 259.

[226] Г. О. Оссовский. Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева. Труды III АС, т. II, М., 1878, стр. 1[illegible], 104.

[227] В свете этих данных вопрос о Овручском районе как единственном месте производства изделий из красного шифера едва ли может быть признан окончательно решенным. Нам кажется, что не будет ничего невероятного, если археологи при исследовании древнерусских поселений X—XIII вв. найдут следы обработки овручского шифера и на поселениях, отстоящих далеко от его месторождения. Для чего же иначе привозились эти камни шифера?

[228] В. А. Богусевич. Роботи Чернігівської експедиції. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 109—122; В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча, стр. 133, 134; В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого..., стр. 259 и др.

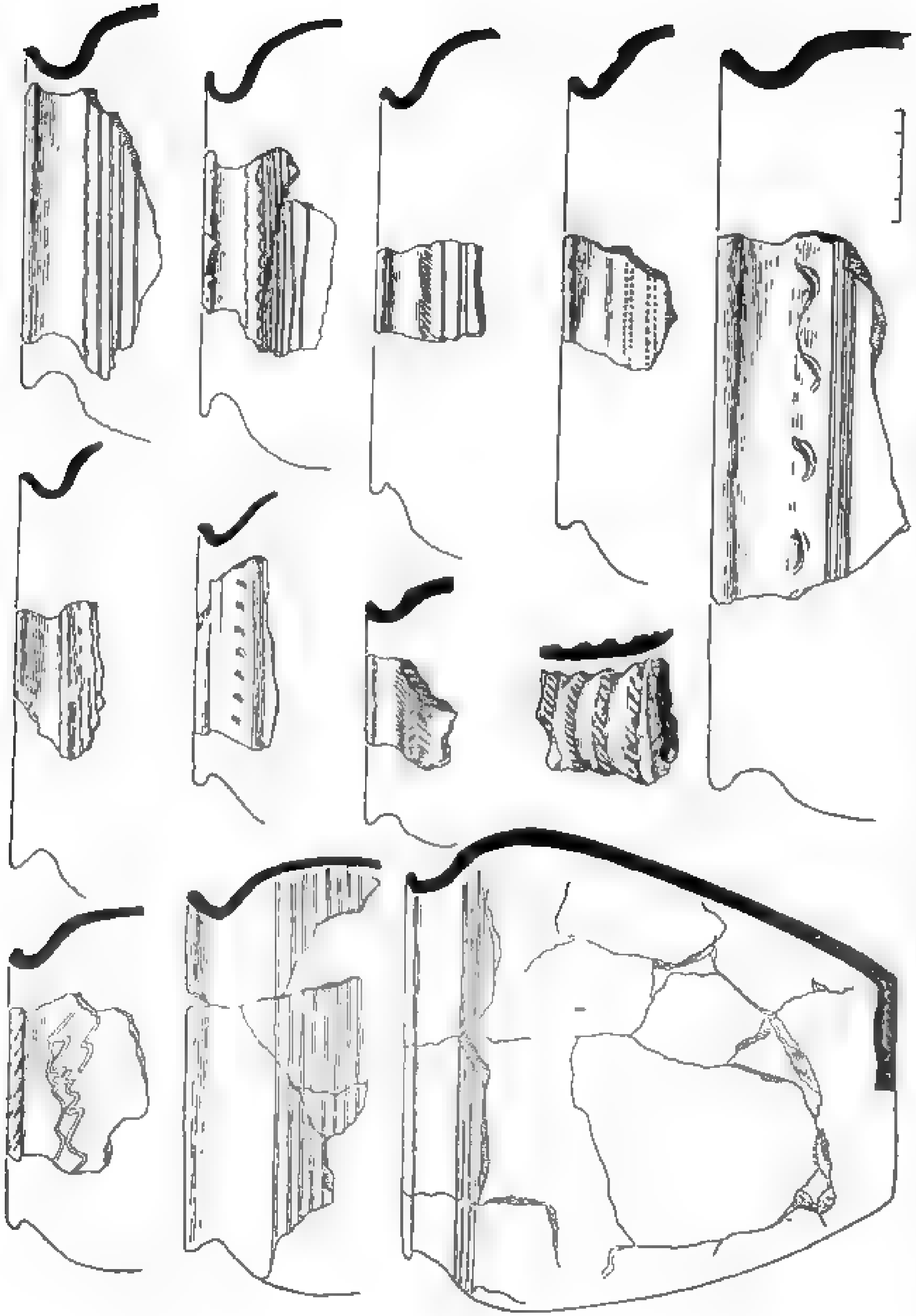


Рис. 158. Керамический комплекс древнерусских поселений X—XIII вв. (По материалам Полтавского поселения).

пример на городище Курган близ с. Волынцево или на селище Ильминово близ г. Сосницы.[229] Из других бытовых вещей, относящихся к этой поре, следует отметить железные ножи, костяные гребни, замки, различные костяные острия (шилья, кочедыки) и т. п. Одни из этих вещей близки вещам предшествующей поры, другие, как например замки, появляются, по-видимому, лишь в XI—XII вв. Расчленить этот бытовой и хозяйственный инвентарь хронологически пока нет возможности. Мы еще плохо знаем особенности памятников той или иной поры в рамках X—XIII вв.

Нет никакого сомнения, что рассматриваемые нами древнерусские поселения X—XIII вв. не являются одновременными. По-видимому, не все они возникли в одно время и, вероятно, не все в одно время закончили свое существование, хотя подавляющая их часть все же погибла, вероятнее всего катастрофически в первой половине XIII в., в результате татарского нашествия, о чем свидетельствуют слои пожарища на многих поселениях. Но как расчленить их без проведения серьезных раскопок? Сейчас в нашем распоряжении для большей части поселений имеется лишь подъемный керамический материал да данные о внешнем облике укрепленных поселений. К сожалению, керамика древнерусских поселений до сего времени не подверглась обоснованной хронологической классификации Как и полстолетия назад, она датируется широкими рамками X—XIII вв. Правда, в какой-то мере нам известны особенности горшков X и XIII вв., но как эти особенности проявляются в XI и XII вв., мы знаем плохо

Несколько лучше обстоит дело с хронологической классификацией остатков древних укреплений. Здесь нам на помощь приходят материалы многослойных и однослойных городищ, а также письменные источники.[230] Основываясь на этих данных, нам удалось выявить такую последовательность планировки славяно-русских укрепленных поселений

1) для VIII—X вв. характерны поселения на мысах, укрепленные с напольной стороны валом и рвом, а при отсутствии естественной защиты — и со стороны стрелки мыса; к этому же времени относятся и болотные городища;

2) для XI—XIII вв. — поселения, имеющие планировку, аналогичную укрепленным поселениям VIII—X вв. (отдельные поселения этого времени в основе своей имели поселения VIII—X вв., некоторые же возникли вновь);

3) для XII—XIII вв. — поселения, округлые в плане, с кольцевым валом;

4) для VIII—XIII вв. — поселения со сложной линией оборонительных укреплений, возникшие на местах укрепленных поселений скифской поры.[231]

Произведенная нами хронологическая классификация планировки древнерусских укрепленных поселений на материалах Левобережья была проверена П. А. Раппопортом на материалах более широкой территории и принята при изучении русского военного зодчества X—XIII вв. за основу.[232] Конечно, эта классификация есть лишь первый шаг в изучении древнерусских поселений X—XIII вв. Ее достоверность не раз будет проверена с помощью полевых раскопок, и публикуемые здесь поселения явятся теми памятниками, на которых эта проверка будет произведена

Г. Поселения X—XIII вв.

(126). Авдеева Курская обл., Лопинский р-н (правый берег р. Сейма) — селище (?)

[229] В. П. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого . . ., стр. 259, 264; Ю. С. Виноградський. Сосниця та її околиці. Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, стр. 164; ср.: Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов в древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, М., 1953, стр. 21—25.

[230] Мы имеем в виду прежде всего свидетельство летописи под 988 г. о строительстве «городов» около Киева по левому берегу р. Днепра: «И рече Володимеръ. „Се не добро, еже малъ городъ около Киева". И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады; бѣ бо рать от печенѣг. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ» (Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 83).

[231] И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА. 2) Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА; 3) Раннеславянские поселения. . ., стр. 7—41.

[232] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, М.—Л., 1956, стр. 15 и сл.

См. «Памятники черняховской культуры».

278. Александровка, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Сляпорида) — городище.

Городище находится на правом берегу р. Слипорида; оно занимает высокий останец коренного берега. Площадка останца небольшая, около 100×60 м, вытянутая по оси С—Ю. С северной стороны городище защищено валом высотой около 1 м, длиной около 50 м. С внешней стороны к валу примыкает довольно глубокий (до 6 м) и широкий (свыше 20 м) ров. Площадка городища сильно перекопана. Городище у с. Александровка известно со второй половины XIX в. В начале XX в. оно обследовано В. Г. Ляскоронским, давшим краткое описание внешнего облика его и сделавшим глазомерную съемку. В последние годы Ф. Б. Копыловым на городище произведены небольшие раскопки, позволившие выяснить, что на городище имеются культурные напластования эпохи бронзы и славяно-русской культуры великокняжеской поры.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в области Днепровского Левобережья. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 68; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 29, 30; Ф. Б. Копылов. Посульська експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 307—311.

279. Анисов, Черниговская обл. и р-н (левый берег р. Десны) — селище.

Поселение находится на левом берегу р. Десны, к северу от села, в уроч. Татарская горка. На дюнных выдувах в разных местах среди посадок соснового леса прослеживаются культурные остатки самых различных эпох. Среди них собраны обломки глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры.

Поселение в уроч. Татарская Горка известно в литературе давно. В 1909—1910 гг. оно неоднократно обследовано членами Черниговской архивной комиссии, а затем частично раскопано. Собранные материалы показывают, что территория Татарской Горки подвергалась неоднократному заселению. В X—XIII вв. здесь было славяно-русское поселение, о чем свидетельствуют многочисленные находки, принадлежащие славяно-русской культуре.

В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

В. Шугаевский. «Татарская Горка» близ г. Чернигова. Труды Черниговск. предварит. комитета по устройству XV АС, М., 1911, стр. 244 и сл.; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(228). Асмолово, Курская обл., Рыльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище (?).

См. «Поселения VIII—X вв.».

(229). Ахтырка, Сумская обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище (?) и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(230). Банищи, Курская обл., Льговский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

280. Блистова, Черниговская обл., Менский р-н (правый берег р. Десны) — городище.

Поселение находится на правом берегу Десны, в черте села, над старым руслом реки. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее с запада балкой. С напольной стороны (с севера) поселение защищено валом и рвом. Сохранность вала и рва плохая. Площадка поселения также разрушается, особенно в южной и юго-восточной частях со стороны долины реки. Сохранившаяся в границах вала территория не превышает 30×30 м. Высота ее над уровнем долины не превышает 20 м. Поселение занято усадьбой школьного дома и обрабатывается под огород.

Культурный слой хорошо прослеживается в обнажениях южного и юго-восточного склонов. Отдельные вещи обнаружены на поверхности площадки поселения. Основную часть собранных материалов составляют обломки глиняной гончарной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры. Найден железный нож так называемого курганного типа.

За границей вала расположены жилые и хозяйственные постройки, в силу чего проследить культурные остатки в этой части не представляется возможным.

О наличии остатков древнего поселения в с. Блистова указаний в литературе, кажется, не было. Тем не менее, основываясь

на письменных источниках, П. В. Голубовский полагал, что на месте современного с. Блистова находился летописный Блестовит, в котором в 1151 г. по пути из Новгорода-Северского в Чернигов останавливается Святослав Олегович. Обследованное в 1947 г. Днепровской левобережной археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР городище в с. Блистова, по-видимому, и есть остатки летописного Блестовита.

П. В. Голубовский. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. Труды XIII АС, т. II, М., 1908, стр. 5; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

281. Большая Буромка, Черкасская обл., Чернобайский р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в черте села. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее балкой. Поселение укреплено правильным кольцевым валом диаметром около 100 м. С внешней стороны проходит ров шириной около 4 м. Высота вала местами достигает 5 м. В валу два прохода — с севера и юга. На территории поселения стояла церковь.

Несмотря на сравнительно хорошую сохранность, поселение не привлекало к себе внимания исследователей. Впервые и, кажется, единственный раз оно было обследовано в конце XIX в. В. Г. Ляскоронским, который дал описание местоположения и внешнего вида поселения и произвел глазомерную съемку. Никаких материалов для определения культурно-хронологического облика он не приводит. В. Г. Ляскоронский отнес поселение к группе «круглых нагорных городищ». После В. Г. Ляскоронского поселение м. б. и обследовалось, но сведения о нем на страницах печати не появлялись. О принадлежности городища славяно-русской культуре X—XIII вв. можно судить лишь предположительно, на основе планировки.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 417, 418.

282. Большой Самбор, Сумская обл., Дубовязовский р-н (левый берег р. Ромена) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Ромена, к юго-востоку от села. Оно расположено в долине реки, среди болот. От коренного берега через болото к нему ведет небольшая дорожка. Площадка поселения укреплена валом правильной кольцевой формы. Диаметр кольца около 70 м. Вал невысокий — 1—1,5 м, ширина в основании около 2 м. С внешней стороны проходит ров шириной до 4 м. Поселение частично поросло лесом.

В конце XIX в. поселение обследовано В. Г. Ляскоронским. Им было дано описание местоположения поселения и его внешнего вида и сделана глазомерная съемка. Исследователь отнес поселение к группе «круглых болотных городищ». Среди местного населения оно известно под именем Городок.

О принадлежности поселения славяно-русскому населению X—XIII вв. можно говорить предположительно лишь на основании формы и местоположения городища.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 406.

283. Борисполь, Киевская обл. — селище.

В разное время на территории села, главным образом в районе Борисоглебской церкви, производились археологические изыскания. При раскопках обнаружены отложения славяно-русской культуры великокняжеской поры. Среди собранных материалов обломки гончарной керамики, вещи из металла, шиферные пряслица, куски красного (овручского) шифера. Раскопками открыты остатки культового сооружения.

В. Е. Козловська. Розкопи на території стародавнього Борисльського городка. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926, стр. 92, 93; М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, вып. XLIX, М., 1953, стр. 13—20.

(231). Броварки, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

284. Бруслилов, Черниговская обл. и р-н (правый берег р. Десны) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Снова, при впадении в р. Десну, в черте

села. Оно занимает стрелку мыса, образованного долинами рек. С северо-западной, напольной, стороны поселение укреплено валом и рвом (рис. 159). Вал и ров сохранились плохо. Весенние разливы рек постепенно разрушают площадку поселения. Сохранившаяся в настоящее время часть ее ...вышает 100×30 м. По рассказам ... жителей, за последние годы восточ... ...еро-восточная стороны площадки

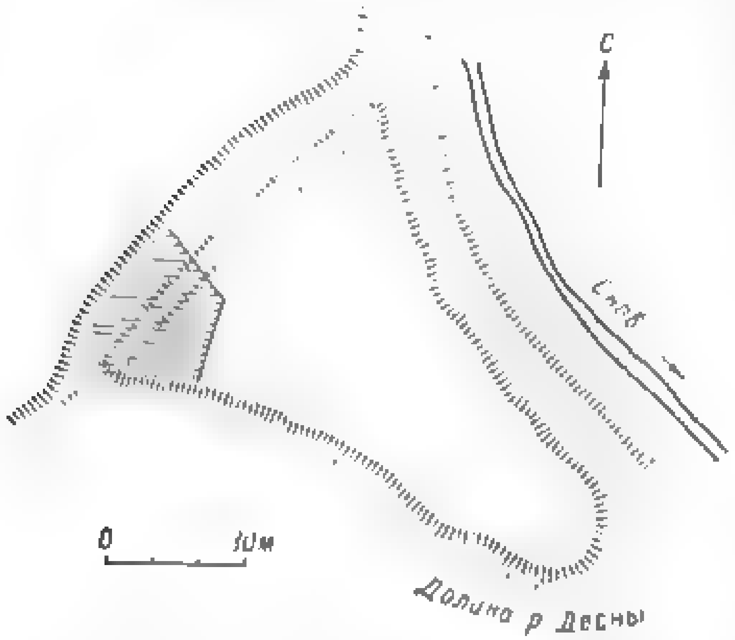


Рис. 159. Городище у с. Брусилов. Схематический план.

поселения разрушены по всей длине не менее чем на 10 м в ширину. Большое количество культурных остатков, рассеянных под берегом, на 4—6 м ниже горизонта площадки поселения, в достаточной степени подтверждает это

Территория поселения занята усадьбой и частично обрабатывается под посевы. Культурные остатки хорошо прослеживаются как на поверхности, так и в обрезах. Мощность культурного слоя от 0.30 до 0.80 м. Основную массу остатков составляют обломки глиняной посуды, кости животных, угли, куски обожженной глины и необработанные куски красного (овручского) шифера. Керамические остатки принадлежат сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры. Есть также обломки красноглиняных амфор с рифлением.

За пределами укрепленного поселения (городища) культурные остатки не обнаружены. Поиски их осложняются тем, что большая часть территории занята хозяйственными и жилыми постройками, а также усадьбами колхозников.

Поселение (городище) в Брусилове становится впервые известным по сведениям, собранным Центральным статистическим комитетом в 70-х годах XIX в. Сведения содержали лишь указание о местоположении городища. В те же годы городище было осмотрено Д. Я. Самоквасовым. В последние годы поселение в с. Брусилов неоднократно обследовалось работниками Черниговского музея и Института археологии АН УССР, но все эти посещения в литературе не нашли отражения. Раскопок на поселении, по-видимому, не производилось. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. 1) Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 22, 2) Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 228, 229, примеч. 6, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

285. Бубновская Слобода, Черкасская обл. Гельмязовский р-н (левый берег р. Днепра) — городище и селище.

Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища. Оно находится на левом берегу р. Днепра, к северо-западу от села, на плато коренного берега. Городище занимает мыс, образованный долиной реки и впадающим в нее оврагом. От плато (с запада) мыс отрезан двумя рвами и валами. Форма городища округлая, диаметр площадки около 70 м. Внутренний вал сохранился хорошо, высота его около 3—4 м, длина 100 м. Глубина рва 2—2.5 м. Наружный вал и ров сохранились хуже. Верхняя часть склонов мыса со стороны долины реки имеет искусственную зачистку (эскарпирована) на высоту 6—7 м. Селище примыкает непосредственно к городищу (рис. 160).

Собранные на территории городища и селища культурные остатки в виде черепков глиняной посуды относятся исключительно к гончарным сосудам славянской культуры великокняжеской поры.

Поселение (городище) известно по сведениям Центрального статистического комитета, собранным в 70-х годах XIX в. В них содержится краткое описание внешнего вида и указание на местоположение. Указаний на

наличие около городища селища в сведениях не имеется. Культурно-хронологический облик поселения определен не был. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 6, 7; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(20). Великая Рыбица, Сумская обл. Миропольский р-н (левый берег р. Псла, при впадении р. Рыбицы) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.»

286. Воинская Гребля, Полтавская обл., Градижский р-н (правый берег р. Сулы, при устье) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, близ устья, недалеко от села. Оно расположено в долине реки, примыкая северной своей стороной непосредственно к руслу реки. С юга, востока и запада оно укреплено валом и рвом. Восточная и западная стороны этого вала расположены по отношению к южной под прямым углом. Длина сторон около 100 м. С севера поселение укреплено рвом, имеющим дугообразную форму. Концы рва упираются в русло реки, благодаря чему в весенний разлив ров мог быть наполнен водой.

На поселение находили остатки древних черепков и пережженной докрасна глины, кости, угли, шиферные пряслица. Поселение упоминается в сведениях Центрального статистического комитета 1873 г.

В конце XIX в. поселение обследовано В. Г. Ляскоронским, который дал описание местоположения и внешнего вида поселения и произвел глазомерную съемку. Исходя из местоположения поселения, исследователь отнес его к группе «круглых болотных городищ». В последние годы поселение обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР. Из краткого отчета, опубликованного Ф. Копыловым, можно заключить, что около укрепленной части (городища) расположено селище. Ф. Б. Копылов относит поселение к памятникам славяно-русской культуры великокняжеской поры. С 1956 г. на городище ведутся систематические раскопки Институтом археологии АН УССР.

Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 5; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 412, 413; Ф. Б. Копылов. Посульська експедиція 1947—1948 рр, АП, т. I, Київ, 1949, стр. 250—253.

(232). Волокитино, Сумская обл., Шарыгинский р-н (правый берег р. Клевени, пра-

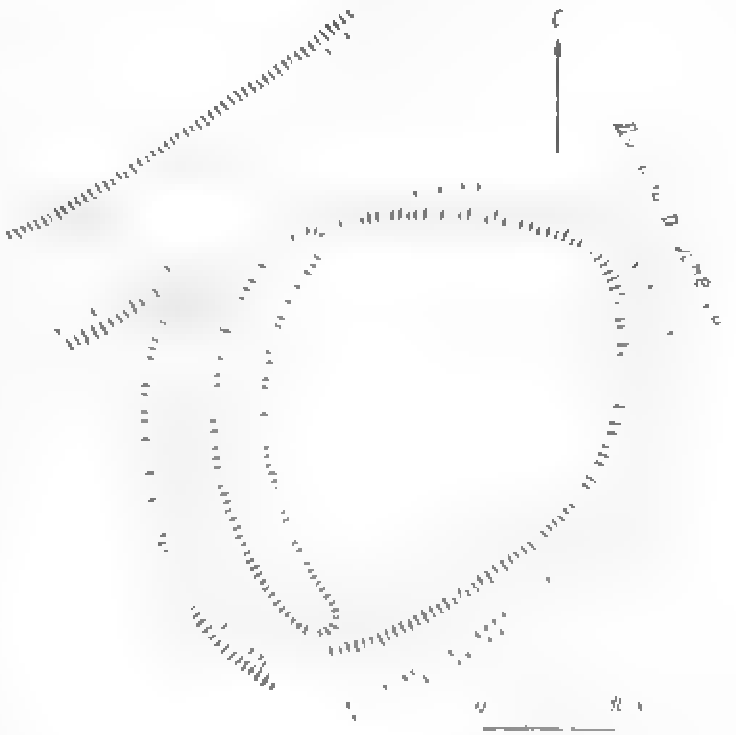


Рис. 160. Городище у с. Бубновская Слобода. Схематический план.

вого притока р. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(233). Волынцево, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Курган (правый берег р. Сейма) — городище и селище

См. «Поселения VIII—X вв.».

(23). Воргол, Сумская обл., Путивльский р-н, уроч. Вишневая Гора (правый берег р. Клевени, правого притока р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(234). Ворожба, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище (?).

См. «Поселения VIII—X вв.».

287. Выгуровщина, Киевская обл., Броварский р-н (левый берег р. Днепра) — городище.

Поселение находится в северо-западной части села, слева от дороги при выезде в с. Троещину (усадьбы колхозников Гр. Ром. Мигашко, Ив. Ив. Перистого, Ф. Н. Полевика). Укреплено оно кольцевым валом и рвом. Вал сохранился хорошо, особенно в северо-западной части. Размер городища около 100 м в диаметре. Территория городища и бо́льшая часть вала находится под усадьбами. Часть площадки городища распахивается. Несмотря на это, культурные остатки выявить не удалось. По заявлению жены Мигашко, муж ее нашел при обработке усадьбы на территории городища несколько небольших глиняных горшков, но где они, она не знает. На усадебных участках за границами вала найдено несколько обломков глиняных сосудов славяно-русской культуры великокняжеской поры. О принадлежности поселения этой поре говорит и внешний облик поселения — характер вала, размер, форма.

Поселение (городище) в с. Выгуровщина в свое время по анкетным данным зарегистрировано Центральным статистическим комитетом. П. В. Голубовский считает его остатками летописного Городца, впервые упоминаемого в летописи под 1026 г.

В 1947 г. городище обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР.

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 22; П. В. Голубовский. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. Труды XIII АС, т. II, М., 1908, стр. 10, 11; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

288. Выползово, Черниговская обл., Остерский р-н (правый берег р. Десны) — городище (?) и селище

Поселение находится на правом берегу р. Десны к северо-востоку от села. Оно расположено на мысу коренного берега реки, глубоко врезающемся в долину. Высота мыса 35—40 м. Стрелка мыса — песчанистая дюна, возвышающаяся над плато на 4—5 м в виде большого бугра (остатки укрепления?). Она сильно оползает в долину и раздувается ветром. В выдувах следы культурных отложений. Вся юго-восточная сторона мыса вдоль долины реки поросла лозой. Мыс распахивается. Культурные остатки прослеживаются начиная от стрелки по направлению к плато, на протяжении не менее 500 м. Состав их — обломки гончарной глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры, кости животных, куски обожженной глины и т. п.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

289. Гиревка, Сумская обл., Дубовязовский р-н (бассейн р. Ромена) — городище.

Поселение находится на берегу р. Ромена, в 3 км к северо-востоку (?) от села. Оно расположено в долине реки, среди болот. С коренным берегом поселение соединено узкой полоской суши, слегка приподнятой над окружающей болотистой долиной. Поселение укреплено правильным кольцевым валом. С внешней стороны проходит ров. Часть рва (с запада) залита водой. Высота вала до 6 м, считая от дна рва, ширина в основании доходит до 8 м. С юго-восточной стороны и в двух местах с северо-западной в валу имеются проезды. Размер площадки поселения около 3 га. Недалеко от поселения на склоне коренного берега расположена небольшая группа курганов. При обработке поля крестьяне выпахивают из курганов человеческие кости и различные металлические предметы.

В конце XIX в. поселение обследовано В. Г. Ляскоронским, который сделал описание местоположения и внешнего облика поселения, а также произвел глазомерную съемку. В описании В. Г. Ляскоронский отметил, что почва городища черноземная. Никаких вещей, характеризующих культурно-хронологический облик поселения, им обнаружено не было, а при различных хозяйственных работах местное население часто находило человеческие кости, железные предметы и шиферные пряслица синего и красного цвета.

Поселение у с. Гиревка В. Г. Ляскоронский отнес к группе «круглых болотных городищ». О принадлежности его к древнерусским поселениям X—XIII вв. можно заключить как на основе найденных вещей (например, шиферные пряслица), так и исходя из конфигурации и местоположения городища.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 407, 408; П. С. Уварова. Выборки из дел Черниговского статистического комитета, Исторического общества Нестора Летописца и Архива граф. П. С. Уваровой. Городища и курганы. Труды Московского предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. I, М., 1906, стр. 79.

(235). Глинск, Полтавская обл., Опошнянский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(236). Глинск, Сумская обл. (правый берег р. Сулы) — городище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

290. Горицы, Черниговская обл., Березанский р-н, уроч. Провалье (правый берег р. Десны) — селище.

Поселение обследовано Днепровский левобережной археологической экспедицией в 1947 г. Оно находится на правом берегу р. Десны в 1.5—2 км к западу от села, в уроч. Провалье, на мысу коренного берега, выступающем к югу в долину реки. Русло реки в настоящее время отошло далеко от коренного берега, но в прошлом, по-видимому, проходило непосредственно у берега. Высота берега над долиной реки от 20 до 30 м. Остатков искусственных оборонительных сооружений не прослеживается. Площадка мыса обрабатывается под посевы. Культурные остатки прослеживаются вдоль всей западной стороны мыса на линии протяженностью около 600—700 м, шириной от 50 до 100 м. Среди них обломки двух типов гончарной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры: белых тонкостенных сосудов с резко профилированным венчиком и более грубых красно-бурых сосудов.

Такая же картина наблюдается и по восточной стороне мыса, но по насыщенности остатками она более бедна.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

291. Горицы, Черниговская обл., Березанский р-н, уроч. Дворище (правый берег р. Десны) — селище.

Поселение находится на правом берегу р. Десны, к востоку от села, справа от дороги в с. Локнистое, в уроч. Дворище. Оно расположено на мысу коренного берега, плавно спускающегося к долине. Высота плато от 8 до 15 м. Следов укрепления не обнаружено. Территория поселения распахивается.

Культурные остатки прослеживаются на площади протяженностью около 600 м по линии В-З (параллельно долине реки) и около 200 м в глубь берега по направлению к дороге.

В западной части мыса преобладают керамические остатки гончарной посуды великокняжеской поры. Черепки лепных сосудов здесь единичны. В восточной части больше обломков лепных сосудов. Судя по орнаментированным черепкам, обломки лепных сосудов вероятнее всего относятся к эпохе бронзы. Лишь один обломок, орнаментированный грубым отпечатком гребенки, напоминает раннеславянскую керамику. Следует отметить также обломок стенки серого сосуда с лощением.

Среди остатков гончарной посуды великокняжеской поры различаются две группы: обломки белых тонкостенных сосудов и обломки более грубых красно-бурых сосудов.

Поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР в 1947 г.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(238). Горналь. Курская обл., Суджанский р-н, уроч. Большое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(239). Горналь, Курская обл., Суджанский р-н, уроч. Малое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище. См. «Поселения VIII—X вв.».

292. Городенск, Курская обл., Льговский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сейма, на границе сел Городенск и Любшенка, по обе стороны дороги из Льгова. Остатки его состоят из укрепленной части (городища) и селища. Городище занимает небольшую площадку, отрезанную от плато подковообразным валом, охватывающим ее с северо-восточной, северной и северо-западной сторон. С юга оно ограничено крутым, высоким берегом реки, проходящей здесь непосредственно у коренного берега. С юго-восточной и юго-западной сторон — овраги (рис. 161).

Высота вала с напольной стороны 3—4 м, с внутренней 4—5 м. Вал насыпан из мелкого известняка, залегающего здесь же, около поселения. Длина вала около 165 м. Сохранность его хорошая. Лишь юго-западный конец начал разрушаться.

Размер городища небольшой. Длина по береговой линии около 80 м, от береговой линии

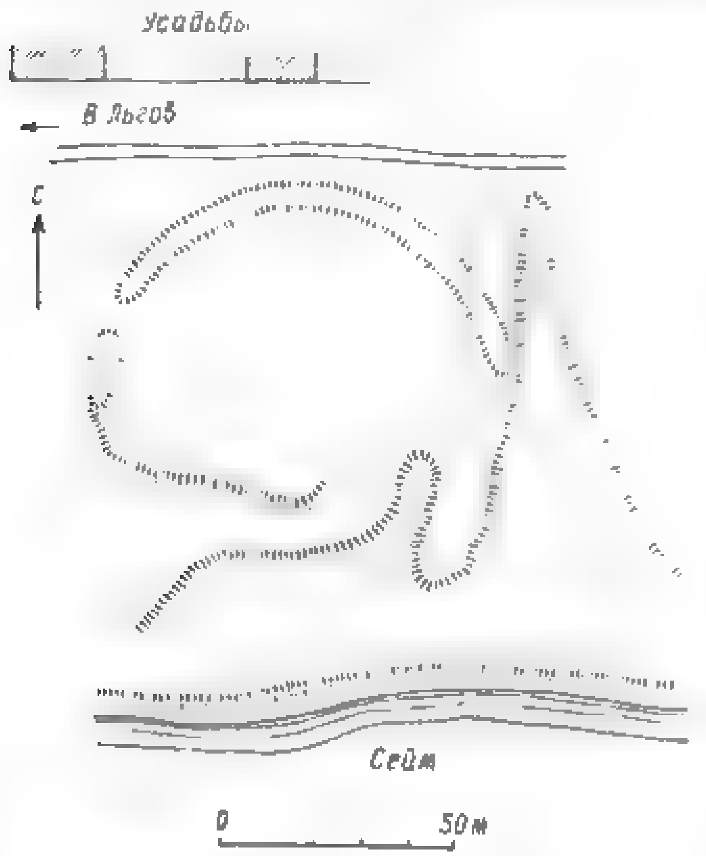


Рис. 161. Городище у с. Городенск. Схематический план.

до вала (в средней части) около 40 м. Площадка городища сильно поката в южную сторону (к реке). Высота берега над долиной реки около 25—30 м. Южная часть городища (берег реки) сильно оползает. По этой же причине разрушается и юго-западный конец вала.

Через все городище по линии В-З проложена траншея. Мощность культурного слоя, судя по обрезам стенок траншеи, незначительная. Насыщенность его остатками слабая. Найдено всего лишь несколько обломков глиняной гончарной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры. В силу большой покатости площадки городища культурный слой в большей своей части, по-видимому, смыт. В настоящее время поверхность городища задернована.

Селище расположено к северу от городища, выше по склону берега, за дорогой, на усадьбах колхозников. Характер культурных отложений здесь такой же, как и на городище: остатки немногочисленны и неярки (обломки глиняной посуды измельчены), культурно-хронологический облик их, однако, достаточно ясен — они принадлежат славяно-русской культуре X—XIII вв.

Поселение под именем Городенского городища известно в документах рубежа XVI—XVII вв. В описании Свиной дороги в «Книге Большому Чертежу» указывается: «А Семь реку лаживали под Городенским городищем, ниже Курска верст с 40». В литературе поселение появляется в 70-х годах XIX в., в сведениях, собранных Центральным статистическим комитетом. Неоднократно оно упоминалось и позже, однако исследовано не было и культурно-хронологический облик его оставался неясным. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 102, 105, 114, 115; Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. IV, Курск, 1874, стр. 161; Н. П. Сенаторский. К истории заселения северо-западного района Курского края. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927, стр. 48; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

293. Городище, Киевская обл., Переяслав-Хмельницкий р-н (левый берег р. Днепра) — городище и селище.

В районе хутора находится округлое в плане («циркулярное») городище, обрамленное валом и рвом; около городища в уроч. Пески — селище. При обследовании обнаружены обломки славяно-русской керамики. Судя по планировке, поселение должно относиться ко времени XI—XIII вв.

К. Коршак. З праці семінару при Археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Києві. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 59; А. Піонтковський. Археологічні розвідки у Переяславському районі р. 1930. ХАМ, ч. 3, Київ, 1931, стр. 80, 81.

(33). Городище, Курская обл., Бесединский р-н (правый берег р. Рати) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(240). Городище, Полтавская обл., Чернухинский р-н, уроч. Замок (левый берег р. Удая, близ впадения в р. Сулу) — городище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

294. Городище, Сумская обл., Ульяновский р-н (левый берег р. Терна) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Терна, близ села. Оно укреплено мощным кольцевым валом и широким (до 10 м) рвом. Высота вала в некоторых местах достигает 8 м. В северо-восточной части поселения находятся ворота. В конце XIX в. поселение было обследовано В. Г. Ляскоронским, давшим краткое описание местоположения и внешнего его облика. Никаких данных о культурных остатках исследователь не приводит. Им отмечено лишь, что «в почве городища на небольшой глубине попадаются кости, но чьи — человеческие или звериные — неизвестно». Ляскоронский относит поселение к группе «круглых болотных городищ», называя его «одним из грандиознейших городищ, подобного типа». Площадь его около 1.25 га. О принадлежности городища к славяно-русским поселениям X—XIII вв. можно заключить лишь предположительно, на основе планировки и местоположения.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 410, 411; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 71, 72.

(36). Гочево, Курская обл., Беловский р-н (правый берег р. Псла) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

295. Грицевка, Черниговская обл., Дмитриевский р-н (правый берег р. Ромена) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Ромена, в 1 км к северо-востоку от села. Оно расположено в долине реки, среди болот. Поселение укреплено кольцевым валом длиной около 250 м. С внешней стороны вала проходит ров, который в весеннее время через залив из реки заполняется водой. Сохранность вала хорошая. Местами он достигает 8 м высоты считая от дна рва, ширина основания 5 м. С южной и северной сторон вал прорезают ворота. На территории поселения в почвенном слое находят человеческие кости, куски пережженной глины, черепки грубого типа и шиферные пряслица.

Поселение упоминается в сведениях 1873 г. о городищах и курганах, собранных Центральным статистическим комитетом. В конце XIX в. поселение обследовано В. Г. Ляскоронским. Им дано описание местоположения и внешнего облика поселения, а также сделана глазомерная съемка. Исследователь отнес поселение к группе «круглых болотных городищ». О принадлежности поселения славяно-русскому населению X—XIII вв. можно заключить лишь предположительно, основываясь на местоположении и планировке поселения, а также по некоторым вещам, например, шиферным пряслицам.

Т. В. Кибальчич. Древности. Киев, 1870, стр. 10, 11, 44. В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 408, 409, Сведения 1873 г. о городищах и курганах. ИАК, вып. 5, СПб., 1903, стр. 93.

296. Гущино, Черниговская обл. и р-н (левый берег р. Белоуса) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Белоуса, в черте села, напротив дер. Киенки. Поселение расположено на краю берега. С севера и запада оно обрамлено долиной реки, а со стороны поля (юга и востока) — валом и рвом. Вал разрушается, а ров постепенно засыпается мусором. Вся площадка поселения занята современным кладбищем. Культурный слой проследить не удалось. Отдельные черепки гончарных сосудов великокняжеской поры, найденные на территории городища, маловыразительны. Осмотр территории, прилегающей к городищу, занятой в настоящее время усадьбами колхозников, не дал ничего.

Поселение (городище) в с. Гущино известно давно, с XVIII в. Упоминание о нем имеется у А. Шафонского. В 70-х годах сведения о нем были получены через донесение волостного правления Центральным статистическим комитетом. В них содержится указание на местоположение городища и краткое описание внешнего вида его.

О наличии в с. Гущино Городка упоминается также в «Историко-статистическом описании Черниговской епархии». Автор описания считает его, однако, поздним. В 1947 г.

городище обследовано Днепровской левобережной экспедицией.

А. Шафонский. Черниговского наместства топографическое описание. Киев, … 234; Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 2…; Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 5. Чернигов, 1874, стр. 142; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(243). Журавное, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(244). Зеленый Гай, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище

См. «Поселения VIII—X вв.».

297. Золотоноша, Черкасская обл. (левый берег р. Золотоноши) — городище и селище.

Поселение находится в 1—1.5 км к северу от города, в уроч. Городок. Оно состоит из городища, расположенного на стрелке мыса левого берега р. Золотоноши, и прилегающего к нему селища. Остатки искусственных укреплений — вал и ров — сохранились плохо. Городище в плане округлое, диаметр его около 70 м. Высота вала 1—1.5 м, высота мыса над долиной реки 20—25 м. Склоны мыса в верхней части имеют искусственную зачистку (эскарпированы), по-видимому, с целью усиления обороны.

Территория поселения распахивается. На поверхности рассеяно большое количество культурных остатков — черепков глиняной посуды, кусков обожженной глины, костей животных и т. п.

Собранные материалы по своему составу относятся к славяно-русской культуре X—XIII вв.: черепки от гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом, железные ножи, куски овручского шифера.

Площадь селища не менее 300×400 м. На трехверстной карте второй половины XIX в. местность, на которой прослеживаются остатки поселения, обозначена как Городок.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

298. Иваньково, Киевская обл., Бориспольский р-н (бассейн р. Альты) — городище.

В 1926 г. В. Козловская обследовала в районе с. Иваньково округлое в плане городище с двумя валами. Среди собранных материалов обломки посуды великокняжеской поры и шиферные пряслица.

В. Е. Козловська. Розкопи в Бориспільському районі. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 50

(245). Каменное, Сумская обл., Лебединский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(246). Капыстичи, Курская обл., Рыльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(247). Караченка, Харьковская обл. и р-н (правый берег. р. Уды) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

299. Кашаны, Черниговская обл., Остерский р-н, уроч. Исаева Гора (левый берег р. Остера) — городище.

При полевых исследованиях 1948 г. Ф. Б. Копылов обнаружил на левом берегу р. Остера, в уроч. Исаева Гора остатки славяно-русского поселения в виде городища. Городище занимает мыс площадью около 14 га, соединенный с плато коренного берега узким (около 40 м) перешейком.

Ф. Б. Копилов, С. М. Одинцова, О. Г. Шапошнікова. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 94—98.

(248). Книшевка, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(249). Коропье, Черниговская обл., Остерский р-н, уроч. Селище (правый берег р. Десны) — селище.

См. «Поселения VIII—X вв.»

(250). Красный Колядин, Черниговская обл., Дмитровский р-н (правый берег р. Ромена) — городище.

См. «Славянские поселения VIII—X вв.».

(57). Красное Утро (бывш. Божки), Сумская обл., Кролевецкий р-н (правый берег с. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

300. Куриловка, Курская обл., Суджанский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Псла, между дер. Куриловка и с. Гуево, несколько ниже впадения р. Суджи. Оно состоит из укрепленной части (городища) и селища Городище расположено на стрелке мыса, образованного долиной реки и правым берегом Турчиной Балки. Со стороны плато (юго-запад) стрелка мыса отрезана валом и рвом. Длина вала около 70 м. Он дугообразно (с СЗ на ЮВ) охватывает площадку городища. Диаметр городища около 50 м. Высота вала 1—1.5 м. Ров заплыл почти полностью. Склоны стрелки в сторону долины реки и балки поросли лесом и молодыми посадками. Верхняя часть склонов искусственно зачищена. Селище примыкает к городищу с северо-западной стороны. Следы его в виде обломков глиняной посуды, костей животных и единичных других вещей прослеживаются на площади около 200×300 м.

Бо́льшая часть поселения распахивается. Лишь городище да примыкающая к нему часть селища по линии СВ—ЮЗ задернованы.

Собранный на территории поселения материал — обломки гончарной посуды — дает основание причислить поселение к памятникам славяно-русской культуры X—XIII вв.

Поселение у дер. Куриловка известно со второй половины XIX в. Сведения о нем были получены Курским губернским статистическим комитетом и опубликованы в 1874 г. В них содержится указание на местоположение городища без какой-либо характеристики памятника. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. IV, Курск, 1874, стр. 176; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(252). Курск (правый берег р. Тускаря) — городище (?).

См. «Поселения VIII—X вв.».

301. Ленинское (бывш. Спасское), Сумская обл., Кролевецкий р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сейма, в 1 км от села, слева от дороги в с. Алтыново. Оно состоит из укрепленной части (городища) и селища. Городище расположено на мысу, образованном балками. Западная балка, впадающая в долину р. Сейм, в прошлом, по-видимому, была мокрая. С восточной, напольной, стороны проходит ров. Городище обрамлено кольцевым валом. Высота его с внутренней стороны 1—1.5 м, с внешней он сливается со склонами мыса, достигая в некоторых местах 6 м. Наиболее высокая часть южная и юго-западная. Диаметр кольца около 70 м, длина вала около 200 (рис. 162). Площадка городища засажена молодыми соснами. Поверхность ее задернована. В центре городища имеется несколько ям (окопы Великой Отечественной войны). В обрезах их стенок хорошо прослеживается культурный слой. Мощность его от 0.30 до 0.60 м. Культурные остатки, собранные при расчистке ям, состоят из обломков глиняной посуды, костей животных и кусков обожженной глины. Керамические остатки принадлежат сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры. Селище расположено к северо-востоку от городища, по берегу балки. Территория его частично распахивается под посевы зерновых культур. Собранные здесь материалы также относятся к славяно-русской культуре великокняжеской поры.

У местного населения городище известно под названием Тарелка.

Поселение у с. Ленинское (бывш. Спасское) известно в литературе давно, с 70-х годов XIX в. Сведения о нем были получены Центральным статистическим комитетом из донесения волостного правления. Культурно-хронологический облик поселения не был известен. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. Древние города России, СПб., 1873, Приложение, стр. 3; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

302. Лепляво, Черкасская обл., Гельмязовский р-н (левый берег р. Днепра) — городище (?) и селище.

Поселение находится к юго-западу от села, на мысу надпойменной террасы, глубоко врезывающемся в долину реки. У местного населения, а также на трехверстной карте территория, занятая поселением, имеет название Городище. Наличие здесь искусственных укреплений в виде валов было

засвидетельствовано в начале XX в. Н. Е. Макаренко при обследовании археологических памятников Полтавской области. Сейчас остатков укрепления уже не сохранилось. Территория, занятая поселением, не раз служила объектом земляных дорожно-строительных работ. Сначала здесь было проложено шоссе. Несколько позже прошла железная дорога. Часть мыса, в том числе, по-видимому, [illegible] итая поселением, попала под болото [illegible] ной дороги, часть же использовалась [illegible] место, где добывался строительный материал при сооружении насыпи. Не исключена возможность, что при этих работах были разрушены и искусственные оборонительные сооружения. Несмотря на все это, площадь, на которой и по сей день встречаются культурные отложения, остается довольно обширной — около 500 м длины во всю ширину мыса. Собранный материал на поверхности поселения и в обрезах выемки относится к славянской культуре великокняжеской поры (черепки гончарных сосудов, куски овручского шифера).

Поселение у с. Лепляво в начале XX в. было обследовано Н. Е. Макаренко. Уже тогда была отмечена плохая сохранность его остатков. В частности, вал был едва заметен. Менее пострадал, по-видимому, культурный слой. Мощность его, по данным Н. Е. Макаренко, достигала в некоторых местах 1 м.

Позже поселение обследовалось неоднократно, но раскопок, по-видимому, никто не производил; раскапывались лишь курганы, расположенные около поселения. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических обследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 87, 88; В. Щербаківський. Лiплявський могильник. Niederlův sborník. Obzor praehistorický, ročník IV, Praha, 1925, стр. 339—348; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(61) Лещиновка, Курская обл., Глушковский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

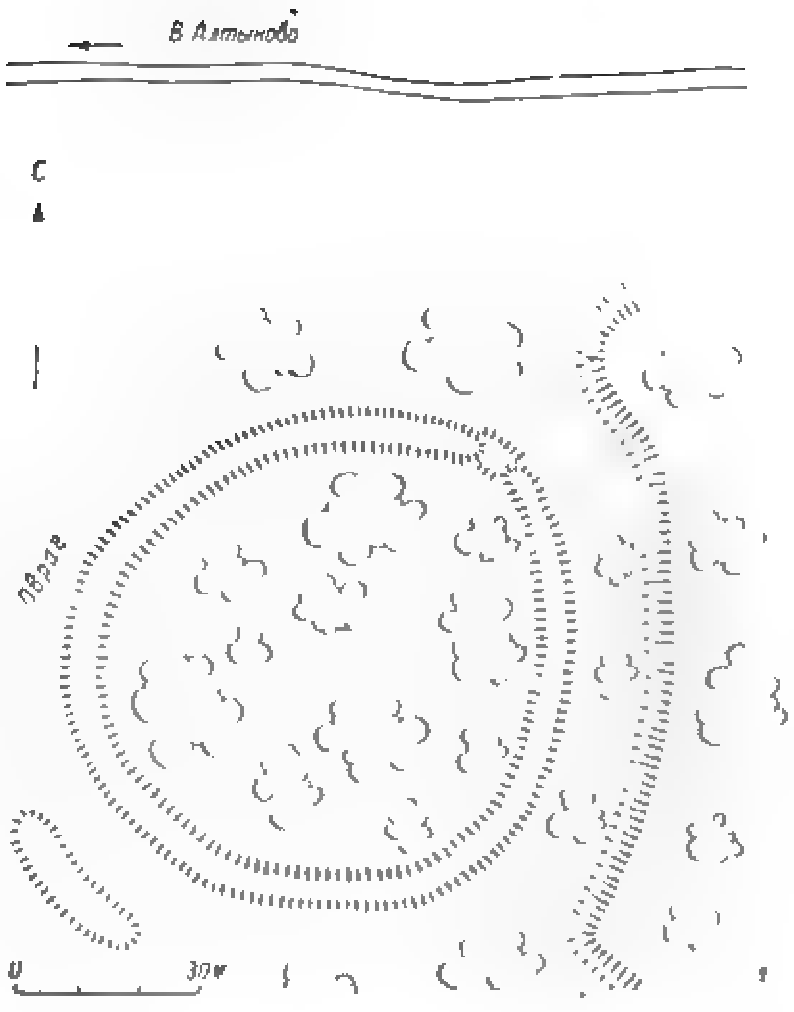
(253). Липино. Курская обл., Ленинский р-н (правый берег р. Сейма) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.»

303. Липовое, Сумская обл., Талалаевский р-н (правый берег р. Ромена) — городище

Поселение находится на правом берегу р. Ромена, к северо-востоку от села. Оно расположено в долине реки, возвышаясь над поймой на 2—3 м. Поселение обрамлено кольцевым валом, диаметр площадки около 100 м. Под именем Городок Липовой городище упоминается в источниках начала XVII в. В конце XIX в. (перед XI археологическим съездом) поселение обследовано В. Г. Ляскоронским. Им сделано описание местоположения и внешнего облика поселения, произведена глазомерная съемка. По сведениям В. Г. Ляскоронского, оборонительные сооружения, за исключением западной части, где были возведены хозяйственные постройки владельца этой земли, имели хорошую сохранность. Высота вала местами доходила до 5 м, при ширине рва до 12 м. В двух местах, на юге и западе, вал рассечен проходами. Кроме того, В. Г. Ляскоронским были замечены следы двух рядов свай, идущих от поселения к реке. Недалеко от поселения, по склону берега, на пространстве около километра в длину, расположен курганный могильник, насчитывающий не одну тысячу курганов.

В. Г. Ляскоронский отнес поселение к группе «круглых болотных городищ». Основываясь на имеющихся у латинских писателей и арабских географов описаниях формы славянских городищ, В. Г. Ляскоронский склонен признать круглые болотные городища за славянские. В 1906 г. поселение обследовано Н. Е. Макаренко. К моменту его посещения оборонительные сооружения в значительной своей части уже были разрушены хозяйственными постройками. Помимо внешнего осмотра, Н. Е. Макаренко произвел разведочные раскопки. Им проложено две траншеи, показавшие, что культурный слой по своему внешнему облику значительно отличается от того, что обычно присуще так называемой городищенской культуре. В нем «не было замечено ни угля ни золы, ни вкраплений обожженной глины». Мощность культурного слоя достигала 1 м. Это темная, жирная земля с незначительным содержанием костных остатков и черепков



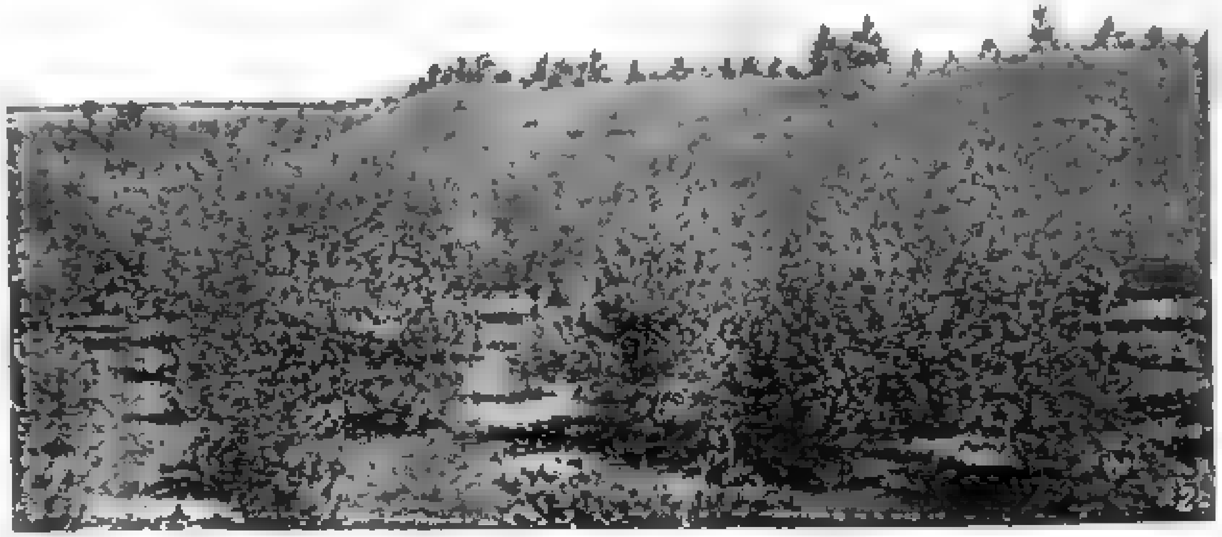


Рис. 162. Городище у с. Левинское
1 — схематический план; 2 — вал городища

темной глины, хорошо вымешанной, с волнистым орнаментом, характеризующим, по общепринятому мнению, славянскую культуру.

Книга Большему Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 109; В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 409, 410; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб 1907, стр. 72, 73.

(255). Лубны, Полтавская обл. (правый берег р. Сулы) — городище и селище (?). См. «Поселения VIII—X вв.».

304. Лукомье, Полтавская обл., Оржицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище (?).

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в черте села. Оно расположено на мысу, образованном долиной реки и впадающими в нее балками. На стрелке мыса сохранились остатки оборонительных сооружений самых различных эпох, по-видимому вплоть до XVII в. Проследить остатки укреплений ранней, великокняжеской поры не представляется возможным.

Поселение имеет мощный слой культурных напластований, содержащий остатки от эпохи бронзы до XX в. Наиболее многочисленны остатки поздней поры — XVI—XVII вв., по сути дела, прикрывшие собой все напластования. Остатки славяно-русской культуры домонгольского времени малочисленны и невыразительны. Найдено всего несколько обломков глиняных сосудов великокняжеской поры.

Поселение в с. Лукомье обследовано в конце XIX в. (перед XI археологическим съездом) В. Г. Ляскоронским. Исследователь дал подробное описание внешнего облика поселения (его местоположения и сохранившихся оборонительных сооружений), сделал схематический план укрепления, но совершенно не коснулся характеристики культурных отложений. Лукомльское поселение В. Г. Ляскоронский относит к великокняжеской эпохе, исходя из летописных данных. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 442—444; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

305. Любеч, Черниговская обл. (левый берег р. Днепра) — городище и селище.

В районе Любеча отложения славяно-русской культуры X—XIII вв. прослеживаются вдоль берега р. Днепра в ряде мест — в урочищах Лисицина Гора, Мазепина Гора и на примыкающих к ним участках. До последних лет раскопки Любеча носили случайный характер. Лишь с 1957 г. началось систематическое его исследование под руководством Б. А. Рыбакова.

В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча, АП, т. III, Київ, 1952, стр. 132—138.

306. Ляшковцы, Черниговская обл., Сосницкий р-н (правый берег р. Убеди) — городище.

Городище находится на правом берегу г. Убеди, к юго-востоку от села. Оно расположено на мысу коренного берега, обрамленном с севера и юга оврагами, а с востока долиной реки. Западная сторона мыса примыкает к плато. В этой части мыс перегорожен валом и рвом. Вал невысокий, около 3 м от дна рва. Ширина основания вала около 11 м, ширина рва около 6 м. Мыс имеет овальную форму, вытянутую по оси В—З. Размер площадки, огороженной валом, около 100×50 м. Высота мыса над долиной реки около 20 м. Мыс распахивается. Местное население называет этот мыс Городком. По сведениям, собранным Ю. С. Виноградским, обследовавшим городище в 1927 г., на территории Городка находят изделия из железа и бронзы, а также шиферные пряслица, обломки глиняной посуды и другие предметы быта. Подъемный материал, собранный Ю. С. Виноградским на городище, подтвердил эти сведения

Ю. С. Виноградський. Археологічні розшуки на Сосниччині р. 1927, ХАМ, ч. 3, Київ, 1931, стр. 47, 48.

307. Ляшевка, Черкасская обл., Ирклеевский р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Городище находится к востоку от села, на останце коренного берега. В плане оно округлое, обрамленное тремя линиями кольцевых валов. Что из этих сооружений относится к древним оборонительным постройкам и что к поздним, связанным, по-видимому, с «селитряным делом», сказать трудно. Площадка городища небольшая, около 50 м в диаметре.

Городище в конце XIX в. было обследовано В. Г. Ляскоронским. Исследователь дал краткое описание внешнего облика поселения, его местоположения и сделал глазомерную съемку. В послевоенные годы городище осмотрено Ф. Б. Копыловым (Посульская экспедиция Института археологии АН УССР). Материалы, собранные при обследовании, позволили установить принадлежность городища славяно-русскому населению великокняжеской поры.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 427, 428; Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 250—253.

308. Матвеевка, Полтавская обл., Градижский р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в уроч. Кизивер. Оно состоит из двух частей — укрепленной (городище) и неукрепленной (селище). Городище расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и впадающими в нее небольшими оврагами. С напольной, северо-западной, стороны возведен двойной вал высотой около 2 м. Посредине вала имеется проход. Форма укрепленной части округлая, диаметр площадки около 50 м. Культурный слой на городище достигает 0.7 м. В его составе угли, обломки глиняной посуды, куски обожженной глины.

Селище расположено к северу от укрепленной части, на плато коренного берега. Культурные остатки здесь прослеживаются на площади 200×400 м. Это обломки глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, железные шлаки, необработанные куски шифера. Среди керамических остатков обломки кухонных горшков великокняжеской поры, а также и более позднего времени и амфор.

Поселение обследовано неоднократно. В конце XIX в. его осматривал В. Г. Ляскоронский, давший краткое описание местоположения и внешнего вида поселения. Им же сделана глазомерная съемка. По данным В. Г. Ляскоронского, рядом (к югу) с описанным выше укрепленным поселением было еще два небольших укрепления с кольцевыми валами. По утверждению Ф. Б. Копылова, обследовавшего поселение в послевоенные годы, сейчас этих небольших укреплений уже нет. Они погибли в связи с разрушением берега.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 428—430; Ф. Б. Копилов. Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 252.

309. Мацковцы, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в 3 км к северу от села. Оно расположено на высоком мысу, образованном правым берегом р. Слипорида с севера и большой балкой с юга. Поселение состоит из двух частей — укрепленной (городища) и неукрепленной (селища). Городище обнесено кольцевым валом, в котором имеется четыре въезда — с северо-запада, юго-востока и два с юго-запада. Сохранность вала хорошая, высота его не менее 3 м. Ров сильно заплыл. В северной части склон вала сливается со склоном берега р. Слипорида, образуя почти отвесную линию, с востока (со стороны р. Сулы) склон мыса сравнительно пологий с юга городище отстоит от балки на 40—50 м Склон балки крутой. Высота мыса 30—35 м (рис. 163).

Площадь, занятая городищем, небольшая. Диаметр ее около 100 м. По-видимому, еще недавно она обрабатывалась под посевы, так как задернована очень слабо. На поверхности встречаются культурные остатки в виде обломков глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры.

Селище примыкает непосредственно к городищу. Остатки его прослеживаются на площади около 400 (В—З)×70 (С—Ю) м. Территория селища распахивается. На поверхности пашни много обломков глиняной посуды, костей животных, различных шлаков, необработанных кусков красного шифера. Керамические остатки принадлежат исключительно славяно-русской культуре великокняжеской поры.

К югу от городища, за балкой, вдоль склона правого коренного берега р. Сулы, тянется своеобразный «вал» длиной около 1 км

Городище у с. Мацковцы известно с конца XIX в. Сведения о нем были получены по анкетным данным, собранным Д. Я. Само-

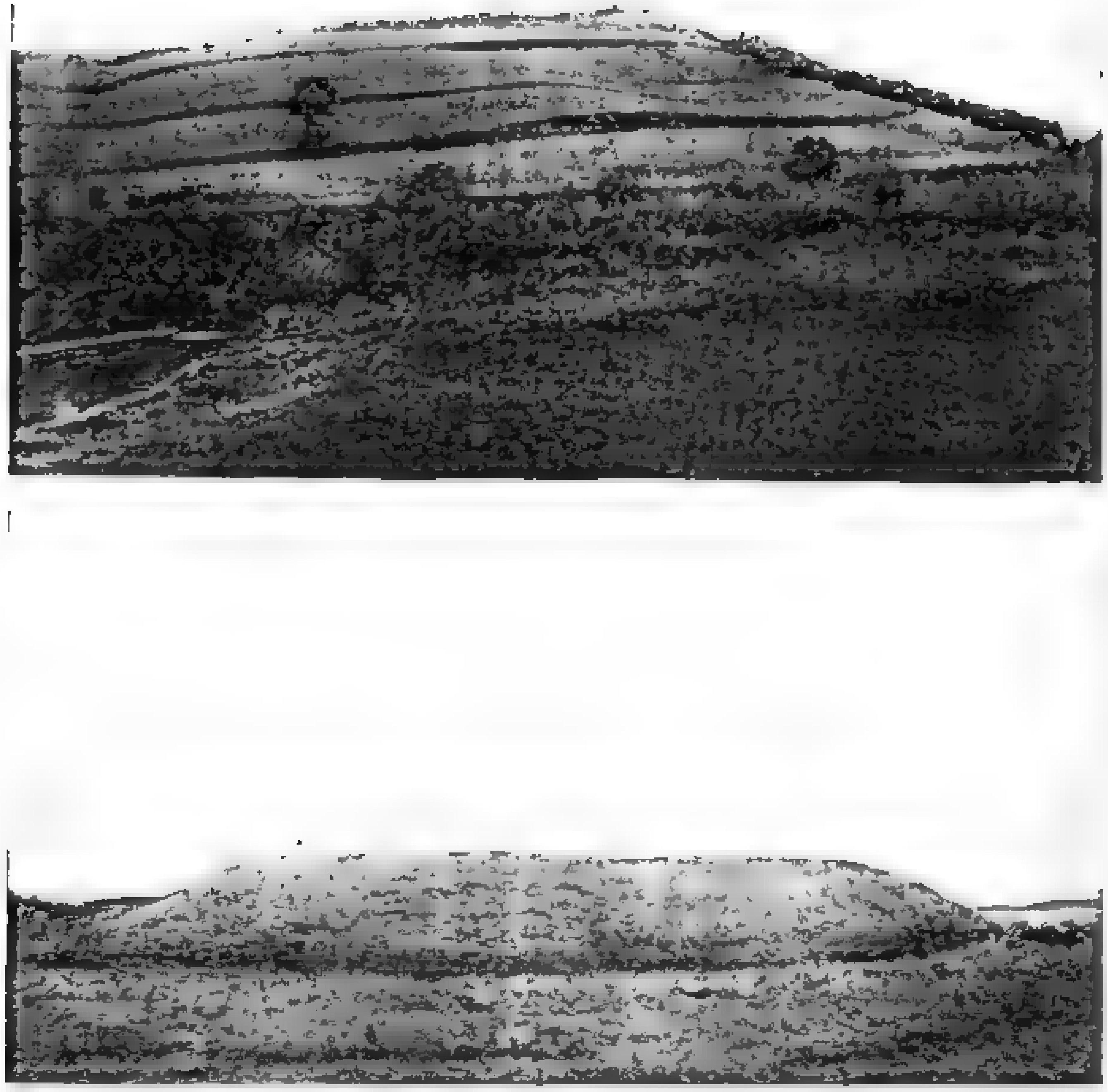


Рис. 163. Городище у с. Мацковцы.

1 — общий вид, 2 — вал городища.

квасовым. В начале XX в. городище обследовано В. Г. Ляскоронским. Автор дал общую характеристику местоположения городища и его внешнего облика, отметив при этом, что в «городище и вокруг него находится множество битых черепков древнего типа, костей и камней». Городище у с. Мацковцы В. Г. Ляскоронский отнес к группе «круглых нагорных городищ», очень близких по своему облику к «круглым болотным городищам», отличающихся от последних лишь местоположением. В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 415, 416; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 30; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(72). Медвежье, Сумская обл., Талалаевский р-н (правый берег р. Ромена) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

256. Могрица, Сумская обл., Миропольский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

310. Николаевка, Черниговская обл., Березненский р-н (правый берег р. Десны) — городище (?)

Поселение находится на правом берегу р. Десны, к западу от села. Оно расположено в долине реки, на песчаном дюнистом останце, над старым руслом реки. Весь останец покрыт лесом. Форма останца округлая. Следов искусственных укреплений не обнаружено.

Благодаря древесным насаждениям движение дюн прекратилось и поверхность стала задерновываться. В силу указанного культурные остатки на поверхности почти не прослеживаются. Наиболее ярко культурные отложения выступают в юго-восточном углу останца, против нового русла реки, в обнажениях склона. В их составе обломки глиняной посуды, кости животных, угли, куски обожженной глины. Обломки керамики принадлежат сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры.

По сведениям Центрального статистического комитета, собранным в 70-х годах прошлого столетия через волостные правления, место описанного нами поселения носит название Городище. В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 22; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

311. Ницаха, Сумская обл., Больше-Писаревский р-н (правый берег р. Ворсклицы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Ворсклицы, в 1 км к юго-востоку от села. Оно состоит из двух укреплений (городищ) и селища. Городища расположены против с. Солдатское, на смежных мысах, образованных долиной реки и оврагами. Одно из них называется Крутым, второе безымянное. Городище Крутое занимает мыс, овальный по форме, вытянутый по оси ЮВ—СЗ. Размер его по длинной оси около 70 м, по короткой около 50 м. С напольной, северо-западной, стороны городище укреплено высоким дугообразным валом и глубоким рвом. Склон стрелки мыса со стороны долины реки укреплен двумя валами, расположенными уступами.

Безымянное городище расположено к востоку от Крутого и отделено от него небольшим, но глубоким оврагом. По форме безымянное городище также овальное. Размер его по длинной оси около 55 м, по короткой около 50 м. Поверхность его ровная но сильно покатая к долине реки. С северо-западной стороны городище укреплено высоким, дугообразным валом и рвом. В средней части вала и рва имеется въезд. К северо-западу от городищ находится большое селище. Территория селища обрабатывается под посевы. При вспашке поля находят металлические вещи, относящиеся как к домонгольскому, так и к более позднему, вплоть до XVIII в., времени. Культурный слой хорошо прослеживается и в различных естественных обнаженях. К северу же от городищ параллельно селищу расположен большой курганный могильник. Бóльшая часть его находится в так называемом Городищенском лесу и лишь незначительная на пашне.

Поселение у с. Ницаха известно в литературе с 70-х годов XIX в. В 1902 г., во время XII археологического съезда, на

Крутом городище научной экспедицией этого съезда произведены небольшие раскопки. Раскопками вскрыто полуземляночное жилище типа жилищ Д цкого городища. В заполнении жилищ обраны остатки бытового инвентаря, относящиеся к великокняжеской поре: обломки глиняной гончарной посуды с линейным и волнистым орнаментом, шиферное пряслице, железный нож и т. п. Одновременно были исследованы и курганы. Погребальный инвентарь, обнаруженный при костяках, оказался принад-

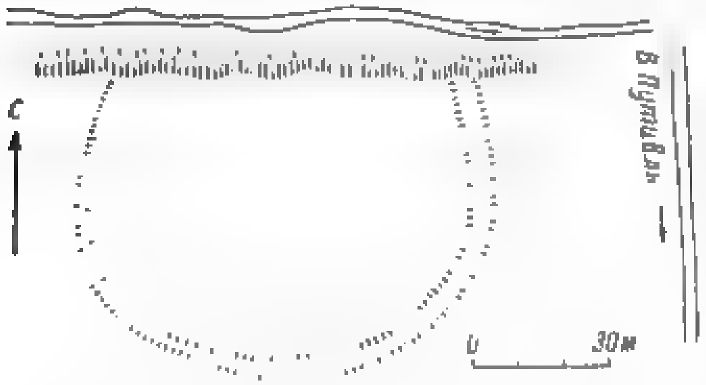


Рис. 164. Городище у с. Новая Слобода. Схематический план

лежащим также славяно-русской культуре великокняжеской поры. На основании этих данных В. А. Городцев, опубликовавший материалы раскопок, пришел к выводу что поселение являлось «местом жительства славянских колонистов» XI—XIII вв. Не исключена возможность, однако, что в составе культурных остатков есть и более ранние вещи. Так, при описании вещей, найденных на городище, Д. И. Багалей отмечает наряду с обломками «глиняных сосудов с линейным и волнистым орнаментом, обломки более первобытного времени», т. е., по-видимому, лепных.

ИСОХЕ, отд. III, М., 1857, стр. 197 и сл.; В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 121 и сл.; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 6.

312. Новая Слобода, Сумская обл., Путивльский р-н (правый берег р. Сейма) — городище.

Поселение находится в 1 км от села, вправо от дороги в г. Путивль. Оно расположено на правом берегу неглубокой балки, впадающей в долину р. Сейма. Бо́льшая часть поселения обрамлена валом. Исключение составляет северная сторона, примыкающая к балке. Вероятнее всего, вал был и здесь, но разрушился вследствие оползания берега в долину реки. Вал сохранился вообще плохо. Он невысок. Только восточная часть (ближе к берегу балки) выступает сравнительно рельефно, достигая местами 1.5—2 м. Форма городища округлая. Диаметр его 65—80 м. Периметр городища около 250 м (рис. 164).

Площадка городища сейчас не обрабатывается, тем не менее задернована она слабо. По-видимому, обработка ее прекращена не так давно. На поверхности площадки есть культурные остатки в виде обломков глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры. Шурф, заложенный в северной части городища, показал, что мощность культурного слоя незначительна, около 0.30 м. Среди собранных при шурфовке материалов обломки глиняных гончарных сосудов, аналогичные собранным на поверхности. В шурфе найден также железный наконечник стрелы листовидной формы.

Высота берега над балкой около 10—12 м.

Отдельные обломки керамики великокняжеской поры найдены и за границей вала, однако ясно выраженных следов селища не обнаружено.

Обломки глиняных сосудов, собранные при обследовании поселения, отличаются сильной измельченностью. Поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1947 г.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

313. Новый Белоус, Черниговская обл. и р-н (правый берег р. Белоуса) — селище.

При полевых изысканиях 1949 г. Д. И. Блифельд обнаружил на южной окраине села, на правом берегу речки, остатки славяно-русского поселения X—XIII вв. Поселение размещено на склоне надпойменной террасы. Культурные остатки прослежены на площади 250—300×100 м

Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20.

314. Новый Белоус, Черниговская обл. и р-н, уроч. Криница (правый берег р. Белоуса) — селище.

В 1949 г. Д. И. Блифельд обнаружил в 2.5—3 км к западу от села, в уроч. Криница, древнерусское поселение X—XIII вв.

Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20.

315. Переяслав-Хмельницкий, Киевская обл. (левый берег р. Трубежа, при впадении р. Альты) — городище.

Остатки древнего поселения на территории города хорошо прослеживаются на стрелке, образованной рр. Трубежом и Альтой, на левом берегу р. Трубежа. Они состоят из черепков гончарной посуды великокняжеской поры, большого количества кусков красного овручского шифера, обломков кирпичей великокняжеской поры и т. п. На стрелке сохранились и остатки древнего вала.

На территории древнего поселения ведутся систематические исследования. Раскопками вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек великокняжеской поры, а также культовых сооружений. Результаты этих работ довольно подробно освещены в литературе.

Б. Рибаков. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 21—25; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА; М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, М., 1954, стр. 5—30.

316. Переяслав-Хмельницкий, Киевская обл., уроч. Терний (левый берег р. Днепра) — селище.

В 1947 г. Днепровская левобережная археологическая экспедиция обследовала многослойное поселение на левом берегу р. Днепра, в 6 км к юго-востоку от Переяслава-Хмельницкого, справа от дороги в г. Золотоноша. Среди собранных материалов оказались обломки керамики славяно-русской культуры X—XIII вв., а также куски красного овручского шифера. Остатки поселения прослежены вдоль берега на линии протяженностью до 1.5 км, при ширине около 50 м. Отложения славяно-русской культуры маловыразительны.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

317. Переяслав-Хмельницкий, Киевская обл. (устье р. Трубежа, правый берег) — селище (?)

В 1947 г. Днепровская левобережная экспедиция обследовала берега р. Трубежа при устье. В ряде мест в стенках траншей военного времени обнаружены культурные отложения. Они резко отличаются как от верхнего, перекрывающего их наносного слоя, так и подстилающего их песчанистого материка своей темной окраской и содержанием бытовых остатков. Мощность культурных отложений достигает 0.40 м. В культурном слое найдены обломки глиняной гончарной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры, кости животных, угольки.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(259). Петровское, Сумская обл., Тростянецкий р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.»

318. Повстень, Полтавская обл., Пирятинский р-н (правый берег р. Удая) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Удая, в 3 км к востоку от села. Оно расположено на краю высокого коренного берега. Со всех сторон, за исключением стороны, примыкающей к берегу (северной), поселение укреплено валом и рвом. Вал, как и вся площадка поселения, сильно перекопан. Судя по сохранившимся частям, вал был высокий. В ряде мест высота его доходит до 10 м. Ширина рва достигает 12 м, при глубине до 4 м. Размер площадки поселения по длинной оси (В—З) около 140 м, по короткой (С—Ю) около 70 м.

Поселение упоминается в сведениях Центрального статистического комитета 1873 г. В конце XIX в. оно было обследовано В. Г. Ляскоронским, который сделал краткое описание местоположения и внешнего вида поселения и произвел глазомерную съемку. Характеризуя внешний облик поселения, В. Г. Ляскоронский указывает, что, помимо внешнего вала, ряд валов имеется и внутри городища. На этой основе исследователь относит поселение к группе концентрических нагорных городищ сложной формы.

Некоторые из поселений, отнесенных В. Г Ляскоронским к этой группе (хут. Слинко), обследованные в последние годы, показали, что так называемые внутренние валы — явление поздней поры, не имеющее никакого отношения к укреплениям древнего поселения.

В. Г. Ляскоронский. Городища курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 430; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 41

(92). Полтава, Красная (бывш. Соборная) площадь (правый берег р. Ворскла) — городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(95) Путивль. Сумская обл., уроч. Никольская Горка (правый берег р. Сейма) — городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.»

319. Рогоща, Черниговская обл. и р-н (левый берег р. Белоуса) — городище.

Городище находится к западу от с. Рогоща, непосредственно у реки, на ее левом берегу. С восточной и южной сторон городище обрамлено небольшими балками. В плане городище округлое, с хорошо сохранившимся валом высотой до 9 м. Диаметр площадки 180—200 м. Городище известно в литературе со второй половины XIX в. В 1949 г. оно было исследовано Д. И. Блифельдом. На поселении обнаружены остатки жилищ-полуземлянок, хозяйственных построек, а также бытовой и хозяйственный инвентарь. Судя по этим данным, городище принадлежало славяно-русскому населению X—XIII вв

Д. Я. Самоквасов Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 22, Д. І. Блїфельд. Десняньска археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20

(96). Ромны, Сумская обл., уроч. Монастырище (правый берег р. Ромена) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(97). Рыльск, Курская губ. (правый берег р. Сейма) — городище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII III вв. до н. э»

(98). Рыльск, Курская обл., уроч. Подмонастырская Слобода (правый берег р. Сейма) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв до н. э».

(264). Сары, Полтавская обл., Гадячский р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище

См. «Поселения VIII—X вв.»

(100). Свиридовка, Полтавская обл., Лохвицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

320. Сенча, Полтавская обл. (долина р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится в 1.5—2 км к юго-востоку от села, на острове (так называемый Самсониев остров), образованном руслом р. Сулы и старицей. Оно состоит из двух частей — укрепленной (городища) и неукрепленной (селища). Городище по форме округлое, с кольцевым валом. С внешней стороны вала проходит ров. Вал расплылся. Высота его не превышает 2 м (от дна рва), ров заплыл. Размер городища небольшой, около 50 м в диаметре (рис. 165). Площадка городища поросла лесом и задерновалась. Культурные остатки на поверхности не прослеживаются. При закладке шурфа в центре городища найдены обломки глиняной посуды, лепной и гончарной. Первые принадлежат сосудам эпохи бронзы, вторые — сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры.

Остатки селища прослеживаются к северо-востоку от городища, на лесной поляне, на линии протяженностью до 300 м. Поляна когда-то, по-видимому, распахивалась, а поэтому задернована слабо. На поверхности этой площадки обнаружены обломки глиняной посуды, аналогичные найденным при шурфовке городища: лепные, относящиеся к сосудам эпохи бронзы, и гончарные — великокняжеской поры. В шурфах, заложенных на селище, мощность культурного слоя достигает 1 м. Здесь найдены обломки гончарной посуды великокняжеской поры, лепных сосудов эпохи бронзы и отдельные черепки роменского (?) типа

Метрах в 15 к юго-востоку от городища имеется округлая в плане яма. Диаметр ее около 10 м. По краю ямы — вал высотой 0.40—0.50 м. Глубина ямы около 1.10—1 20 м Стенки ямы наклонны, вследствие чего яма имеет коническую форму. В центре дна ямы

округлая площадка диаметром около 5 м, возвышающаяся на 0.10—0.20 м над дном.

Далее к востоку от этой ямы, на линии протяженностью до 200 м имеется еще 5 таких ям. По форме они менее правильны. В трех из них имеются входы — в двух с севера и в одной с юга. Некоторые из этих ям поросли деревьями

В конце XIX в. городище было обследовано В. Г. Ляскоронским. Он дал краткое

Рис. 165. Городище у с. Сенча. Общий вид.

описание местоположения городища и его внешнего облика. Городище у с. Сенча В. Г. Ляскоронский отнес к группе «круглых болотных городищ». Исходя из известий арабских писателей о славянских городищах, автор считает, что описанные им круглые болотные городища вполне сходны с теми, о которых сообщают арабы. Никаких других материалов В. Г. Ляскоронский не приводит.

В 1948 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 411, 412; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 28; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(265). Скоробогатки, Полтавская обл., Лохвицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.»

321. Снятин, Полтавская обл., Лубенский р-н (правый берег р. Сулы) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, к юго-востоку от села. Оно расположено у подошвы коренного берега, вплотную примыкая к руслу реки. Поселение укреплено кольцевым валом. С наружной стороны вала ясно выступают следы рва. Хотя вал сильно разрушен, тем не менее по отдельным сохранившимся местам, доходящим до 4 м в высоту, следует предполагать, что он был достаточно мощный

Остатки древнего поселения в с. Снятин известны давно. Под именем Городок они упоминаются в сведениях, собранных Центральным статистическим комитетом в 1873 г В конце XIX в. поселение обследовано и описано В. Г. Ляскоронским. Им же была произведена глазомерная съемка поселения и окружающей местности

На этот план В. Г. Ляскоронский, помимо описанного городища, нанес и другие земляные сооружения в виде валов, расположенных к западу от городища. В. Г. Ляскоронский рассматривает их как дополнительные оборонительные сооружения, защищающие поселение. Характеризуя площадку поселения, исследователь отметил сильную перекопанность ее.

Территория поселения пересекается двумя дорогами, идущими в направлении С—Ю и В—З. Соответственно этим дорогам вал имеет четыре проезда В разрезе вала у западных ворот В. Г. Ляскоронским замечены остататки кирпичной, вперемежку с камнями, кладки.

Поселение в с. Снятин В. Г. Ляскоронский связывает с летописным городом Ксвятин

Однако он полагает, что округлое городище по своему облику должно быть отнесено к более древней поре, чем великокняжеская. По предположениям В. Г. Ляскоронского, население великокняжеской поры использовало древнее укрепление, усилив его валами с западной стороны ского периода среди культурных отложений оказались вещи и более позднего времени, в частности изразцы XVII—XVIII вв. с растительным рельефным орнаментом.

Кроме траншей, проложенных на территории поселения, Н. Е. Макаренко сделал еще поперечный разрез вала, позволивший

Рис. 166. Городище у с. Старгородка. Общий вид.

В 1907 г. поселение обследовал Н. Е. Макаренко. Характеризуя состояние сохранности поселения, исследователь отметил, что валы наполовину уже унесены водами р. Сулы, наполовину разрыты крестьянами. Не лучше сохранилась и площадка поселения. Бо́льшая часть ее оказалась перекопанной. Нетронутых мест не было совсем. Проложенные траншеи на территории поселения полностью подтвердили эти внешние наблюдения. Вскрытый культурный слой мощностью до 1 м (до материка) оказался полностью перерытым. В его составе найдено незначительное количество черепков глиняных гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом (великокняжеская пора) и несколько черепков лепных сосудов с веревочным орнаментом. Макаренко отнес их к «более древнему времени» без какого-либо уточнения. В отчете Археологической комиссии эта группа керамических остатков охарактеризована таким образом: «В небольшом количестве обнаружены более древние черепки из грубой глины с примесью крупной дресвы». Наряду с вещами домонголь ему выяснить способ его устройства. К северу от поселения, на «шпиле» расположен курганный могильник, содержащий довольно значительное число небольших насыпей.

В. Г. Ляскоронский. 1) Остатки древнего городища в м. Снетине, Лубенского уезда, Полтавской губ. Киевская старина, год 15-й, т. LV, 1896, декабрь, стр. 332; 2) Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I. М., 1901, стр. 436—440; ОАК за 1907 г. СПб., 1910, стр. 104; Н. Е. Макаренко. 1) Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 108, 109; 2) Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 29.

(266). Сосница, Черниговская обл., уроч. Буромка (правый берег р. Десны) — городище (?).

См. «Поселения VIII—X вв.».

322. Старогородка, Черниговская обл., Остерский р-н (правый берег р. Остера) — городище и селище (?).

Городище находится в черте села, на правом берегу р. Остера. Оно расположено на останце, слева от дороги на с. Волчья

Гора, при въезде в село, у моста. Форма площадки останца округлая, диаметр около 100 м (рис. 166). Следов укреплений не обнаружено. Территория площадки почти свободна от застроек. Только в северо-восточной части стоит небольшой домик, и при нем хозяйственная постройка. В юго-восточной части — остатки церкви великокняжеской поры (Юрьева божница). Площадка почти вся задернована и поросла редкими деревьями. Территория, прилегающая к домику, обрабатывается под огород. В ряде мест площадки проложены траншеи. На вспаханном огороде и в обрезах траншей собран подъемный материал, относящийся к славянской культуре великокняжеской поры: черепки глиняных гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом, кирпичи великокняжеской поры и т. п.

В ряде мест, прилегающей к городищу площади, на усадьбах колхоза найдены черепки такой же керамики. По-видимому, здесь было неукрепленное поселение.

О наличии остатков древнего поселения у с. Старогородка имеются краткие указания в «Историко-статистическом описании Черниговской епархии». Автор описания отождествляет их с летописным городом на Остре, заложенным в 1098 г. Владимиром Мономахом. Этой же точки зрения придерживается и П. В. Голубовский.

В 1947 г. поселение обследовано Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 5. Чернигов, 1874, стр. 420—430; П. В. Голубовский. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. Труды XIII АС, т. II, М., 1908, стр. 30, 31; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

323. Старый Белоус, Черниговская обл. и р-н (правый берег р. Белоуса) — селище.

В 1949 г. при обследовании берегов р. Белоуса Д. И. Блифельд обнаружил к северо-западу от села, на правом берегу реки, в четырех местах, на линии протяженностью около 1.5 км, остатки древнерусского поселения X—XIII вв.

Д. I. Блiфельд. Деснянська археологiчна експедицiя 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20.

324. Суки, Полтавская обл., Кременчугский р-н (левый берег р. Псла) — селище.

Поселение обнаружено Днепровской левобережной археологической экспедицией в 1947 г. Оно находится на левом берегу р. Псла, в 1 км к югу от хутора, непосредственно над руслом реки. Высота берега в этом месте достигает 7—8 м. Культурные остатки прослеживаются в обрезе берега на линии протяженностью более 100 м. Мощность культурного слоя достигает 0.7—0.8 м. В слое — кости животных и рыб, куски обожженной глины, обломки глиняной посуды и т. п. В одном месте обнаружены остатки глинобитной печи. Расчистка показала, что бо́льшая часть ее опала под берег, в силу чего восстановить облик печи не представляется возможным. Как в сохранившейся части, так и в развалинах (под берегом) много обломков гончарной посуды, аналогичных собранным при зачистке берега в других местах. Все они принадлежат кухонным горшкам славяно-русской культуры великокняжеской поры.

Среди обломков посуды, собранных при расчистке печи, большой интерес представляют фрагменты одного сосуда оранжево-желтого цвета, с полосатым вертикальным лощением. По своей форме это одноручный кувшин салтовского типа, с расширяющимся к дну корпусом. В обвале под берегом против печи найдено несколько обожженых камней, по-видимому из развалившейся печи.

Как далеко в глубь берега тянется поселение, сказать трудно, так как берег сильно задернован и порос кустарником, в силу чего культурные остатки на поверхности его не выступают.

И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

325. Тарасовка, Полтавская обл., Оржицкий р-н (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в черте села, в юго-восточной его части. У местного населения оно известно под названием Бурты. Поселение состоит из укрепленной части (городище) и селища.

Городище расположено на краю берега. С севера его обрамляет овраг, с востока — берег реки, а с запада и юго-запада — дугой окаймляют вал и ров. Высота вала около 2—2.5 м. Ров заплыл. Центральная часть городища сильно перекопана. Следует отметить, что в перекопке есть порядок — выбросы идут двумя рядами параллельно внешнему валу. От последнего они отстоят на 100—150 м. В границах этих двух рядов насыпей выбросы не имеют такого правильного размещения. В одних случаях они идут по линии В—З, в других С—Ю. Наиболее ярко следы перекопки выступают в северо-восточной части городища, на мысу — над оврагом. Возможно, что и эта часть имела укрепленную линию — вал, остатки которого сохранились в виде всхолмлений. Размер городища по линии В—З 200 м, С—Ю — около 250 м. Центральная часть городища сильно задернована. Культурные остатки на поверхности здесь редки, но довольно характерны. Все они принадлежат одному культурно-хронологическому комплексу — славяно-русской культуре великокняжеской поры. Площадка, лежащая между валом и всхолмленной частью городища, распахивается под огороды. На ее поверхности культурные остатки довольно многочисленны. Собранные здесь материалы принадлежат славяно-русской культуре той же великокняжеской поры. Среди других находок следует отметить необработанные куски красного (овручского) шифера.

Прилегающая к городищу территория сохранила следы неукрепленной части поселения — селище. Оно занимает большую площадь. К северу (вдоль берега) оно тянется на линии до 200 м, к югу — до 80 м, к западу — до 130 м. Культурные остатки, подобранные на селище, относятся также к славяно-русской культуре великокняжеской поры. Местное население изредка подбирает на территории поселения различные вещи, отражающие жизнь поселения. Ученик Ст. Слипко нашел два пряслица из красного шифера.

Впервые поселение (городище) описано В. Г. Ляскоронским в конце XIX в., накануне XI археологического съезда. (Городище у хут. Слипко). Автор описывает местоположение городища и его внешний вид. На наличие около городища селища он не указывает. Городище у с. Тарасовка (хут. Слипко) В. Г. Ляскоронский относит к группе «концентрических нагорных городищ сложной формы». В последние годы поселение обследовано Посульской экспедицией Института археологии АН УССР. В 1948 г. поселение осмотрено Днепровской левобережной археологической экспедицией ИИМК АН СССР.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 426, 427; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

326. Терны, Сумская обл., Ульяновский р-н (левый берег р. Терна) — городище.

Поселение находится на левом берегу р. Терна. Оно расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и впадающим в нее оврагом. Поселение укреплено дугообразным в плане валом. Диаметр укрепленной площадки около 60 м. В юго-восточной части вала имеется ряд проходов, относящихся, по-видимому, к сравнительно позднему времени. Высота вала в юго-западной части около 7 м, в северо-восточной около 3 м. В конце XIX в. поселение обследовано В. Г. Ляскоронским, давшим описание местоположения и внешнего облика поселения, а также произведшего глазомерную съемку. В. Г. Ляскоронский отнес его к группе типичных «круглых нагорных городищ», в основных своих чертах совершенно одинаковых с круглыми болотными городищами, отличающимися от последних лишь по местоположению. По замечанию В. Г. Ляскоронского, это городище известно у местного населения под названием Лесиковой могилы.

Совершенно в ином свете выступает Лесикова могила по археологической карте Харьковской губернии. В объяснительной записке к этой карте читаем: «В 3 верстах от слободы (Терны, — *И. Л.*), на проселочной дороге, идущей в Будки, на левом берегу р. Терна «Лесикова могила», на вершине неглубокая впадина; от уровня реки высота кургана до 30 с.». На основе каких источников дает Д. И. Багалей характеристику Лесиковой могилы, неизвестно. Безусловно лишь одно, сам он этого памятника не осматривал. Исходя из этого, следует признать, что сведения В. Г. Ляскоронского должны быть наиболее достоверными. О принадлежности городища славяно-русской культуре можно заключить лишь предположительно, по его местоположению и общему облику памятника.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 414; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 73.

327. Терны, Сумская обл., Ульяновский р-н, уроч. Медведка (правый берег р. Терна) — городище.

Поселение находится на правом берегу р. Терна. Оно расположено на мысу коренного берега, образованном долиной реки и оврагами, в уроч. Медведка. С напольной стороны площадка поселения укреплена валом и рвом. В ряде мест вал перекопан, при этом образовались перерывы. Длина наибольшего (южного) отрезка вала около 60 м. Высота вала около 3 м, при основании до 5 м. Поселение обследовано в конце XIX в. В. Г. Ляскоронским. Им сделано краткое описание местоположения и внешнего его облика и произведена глазомерная съемка. Никаких данных для суждения о культуре народа, обитавшего здесь, собрано не было. Исходя из формы и местоположения поселения, исследователь отнес его к группе «круглых нагорных городищ». Форма и местоположение городища позволяет предположительно отнести его к памятникам славяно-русской культуры великокняжеской поры.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 415.

(268). Тополи, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

328. Фесковка, Черниговская обл., Менский р-н (левый берег р. Мены) — городище и селище (?).

Поселение находится на левом берегу р. Мены, против села, слева от дороги в г. Мена. Оно укреплено кольцевым валом и рвом. Форма его округлая, диаметр 80—90 м. Высота вала 7—8 м (от дна рва), глубина рва до 5 м. Невысокий вал обрамляет ров со стороны поля (по-видимому, выброс из рва). Со стороны берега вал в ряде мест поврежден. Высота берега над долиной реки 15—17 м. Въезд не прослеживается. Возможно, он находился над рекой, в северо-западной части, где вал сейчас сильно разрушен (рис. 167).

Площадка поселения лежит несколько выше окружающей территории. Поверхность ее задернована. Культурные остатки прослеживаются лишь в береговых обнажениях. По данным шурфовки, мощность культурного слоя в центре поселения достигает 0.70 м. В слое содержатся керамические остатки, принадлежащие исключительно сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры, кости животных и кусочки обожженной глины. Культурные остатки имеются и в отложениях вала, и под валом. Обломки глиняной посуды, найденные в валу, аналогичны керамике, собранной при шурфовке в центре поселения. Под валом обнаружены обломки лепных сосудов эпохи бронзы. Отдельные обломки глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры найдены и за пределами городища, на вспаханном поле. Сделать на основе этих данных заключение о наличии здесь остатков неукрепленного поселка пока что нельзя, но их все же следует иметь в виду.

Поселение (городище) у с. Фесковка известно со второй половины XIX в. В советское время оно было обследовано сотрудником Сосницкого краеведческого музея Ю. С. Виноградским, который произвел глазомерную съемку городища. В 1947 г. городище осмотрено Днепровской левобережной археологической экспедицией.

Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение, стр. 19; Ю. С. Виноградський. Археологічні розшуки на Сосниччині р. 1927, ХАМ, ч. 1 Київ, 1931, стр 33, 39, И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г. Архив ИА.

(270). Хитцы, Полтавская обл., Лубенский р-н, уроч. Коломак (правый берег р. Удая) — городище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(115). Ховзовка, Сумская обл., Путивльский р-н, (правый берег р. Клевени) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(116). Хорошево, Харьковская обл. и р-н (правый берег р. Уды) — городище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(271). Хотмыжск, Белгородская обл., Борисовский р-н (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

329. Чернетчина, Сумская обл., Ахтырский р-н (правый берег р. Ворсклы) — селище.

Поселение обнаружено в 1938 г. П. Н. Третьяковым при обследовании берегов р. Ворсклы. Оно находится на правом берегу реки, в черте села, на огородах, расположенных вдоль старицы Белая Сога, на надпойменной террасе, высота которой над уровнем реки 4—5 м. Поселение неукрепленное. Культурные остатки прослеживаются на площади 80—90 (вдоль берега) × ×50—60 (вглубь) м. Среди собранных остатков обломки глиняной гончарной посуды великокняжеской поры, а также изделия из железа, шлаки.

П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 127.

(273). Чернигов (правый берег р. Стрижени) — городище (?).

См. «Поселения VIII—X вв.».

(274). Чернигов, уроч. Еловщина (левый берег р. Стрижени) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

330. Чутовка, Полтавская обл., Оржицкий район (правый берег р. Сулы) — городище и селище.

Поселение находится на правом берегу р. Сулы, в 1 км к югу от села. Оно состоит из укрепленной части (городища) и селища. Городище расположено на краю берега и укреплено кольцевым валом и рвом. Форма его почти круглая. Размер по линии С—Ю около 60 м, по линии В—З около 50 м. Площадка городища, вал и прилегающая к нему территория сильно перекопаны, но уже задернованы. Высота сохранившихся частей вала 2—3 м. Ров шириной до 20 м, но неглубокий. Заложенные шурфы в северо-восточной и юго-западной частях городища показали, что отложения культурного слоя нарушены. Насыщенность их остатками очень бедна. Найденные обломки глиняной посуды относятся к гончарным сосудам славяно-русской культуры великокняжеской поры. Обломки сильно измельчены. Мощность культурного слоя достигает до 0.7 м (по-видимому, за счет сброса с вала или перекопки). Высота коренного берега у городища не превышает 20 м.

К западу и юго-западу от городища расположено селище. Площадка его значительная, не менее 500×120 (С—Ю—В—З). Селище распахивается под посевы зерновых культур. На поверхности поля имеются культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды славяно-русской культуры великокняжеской поры и необработанных кусков красного (овручского) шифера и костей животных. По общему облику и содержимым материалам поселение довольно типично для великокняжеской поры.

Первые сведения о наличии поселения (городища) близ с. Чутовка относятся к 70-м годам прошлого столетия. Они были получены Центральным статистическим комитетом в соответствии с запросом, предпринятым комитетом по инициативе Д. Я. Самоквасова. Однако сведения эти увидели свет лишь в 1917 г. Они содержат краткую характеристику внешнего облика поселения и указание на его местоположение.

В конце XIX в. перед XI археологическим съездом поселение обследовал В. Г. Ляскоронский. В сведениях, сообщенных им, кроме описания внешнего вида поселения (городища) и указания на его местоположение, других данных нет. Правда, В. Г. Ляскоронский сделал схематический план городища. Городище причислено к группе «круглых нагорных городищ». В 1948 г. поселение осмотрено Днепровской левобережной археологической экспедицией.

В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 416, 447; Н. Е. Макаренко. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917, стр. 33; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ИА.

(122). Шабалинов, Черниговская обл., Коропский р-н (левый берег р. Десны при впадении р. Сейма) — городище и селище (?).

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

(275). Шестовица, Черниговская обл., Михайло-Коцюбинский р-н (правый берег р. Десны) — городище и селище.

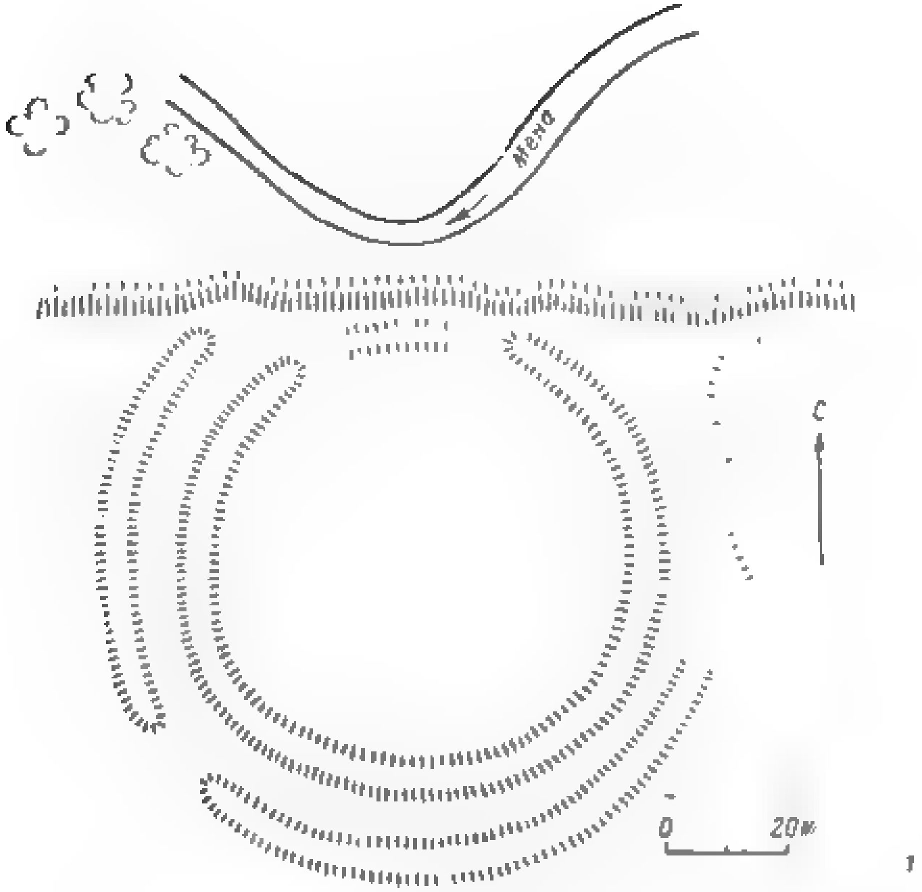


Рис. 167. Городище у с. Фесковка

1 — схематический план; 2 — общий вид.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(276). Шишевка, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) — городище и селище.

См. «Поселения VIII—X вв.».

(124). Шуклинка, Курская обл., Стрелецкий р-н (правый берег р. Тускаря) — городище и селище.

См. «Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э.».

331. Юрьевка, Черниговская обл. и р-н, уроч. Вязовка (правый берег р. Белоуса) — селище.

При полевых изысканиях 1949 г. Д. И. Блифельд обнаружил на южной окраине села, в уроч. Вязовка остатки древнерусского поселениях X—XIII вв. Поселение расположено на правом берегу балки, в 0.5 км от реки. Культурные остатки прослежены на площади около 150×200 м.

Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20.

332. Юрьевка, Черниговская обл. и р-н, уроч. Живцы (правый берег р. Белоуса) — селище

В 1949 г. при разведочных работах Д. И. Блифельд обнаружил на северо-западной окраине села, в уроч. Живцы, на так называемой Черничей Горе, остатки древнерусского поселения X—XIII вв. Культурные остатки прослежены на площади около 200×300 м.

Д. І. Бліфельд. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 12—20.

IV. О СООТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

Произведенное нами членение археологических памятников (поселений преимущественно) на ряд культурно-хронологических групп естественно подводит нас к вопросу о том, а в каком же соотношении находятся между собой эти группы памятников и, в частности, есть ли преемственная связь между достоверно славянскими памятниками Левобережья (т. е. поселениями роменского типа) и археологическими памятниками предшествующей поры этой территории. Речь, следовательно, должна идти о том, существовала ли между населением, оставившим эти группы археологических памятников, генетическая связь или нет

Вопрос этот не новый. Он ставился неоднократно и в дореволюционной археологии и почти не сходит со страниц печати в наши дни. Такое внимание к нему объясняется важностью этого вопроса. Ведь без ответа на него нельзя правильно понять наше далекое прошлое. К сожалению, приходится отметить один печальный факт: предметом специального исследования этот вопрос никогда не был, решался походя, и в силу этого обоснованного ответа на него мы пока не имеем.

Наше изучение начнем с анализа взаимосвязи между наиболее ранними группами памятников — скифского времени и начала нашей эры. Как видно из описания отдельных групп археологических памятников, от скифского времени на территории Левобережья сохранились две археологические культуры — деснинская (юхновская) и зольничная. Первая из них, по сути дела, не связана с лесостепной полосой Левобережья, она лишь примыкает к ней (основная масса памятников этой группы расположена к северу от лесостепи, в бассейне р. Десны и лишь в бассейне р. Сейма перемежается с зольничной), и касаться ее мы здесь не будем. Памятники зольничного типа прослежены почти на всей территории Левобережья (за исключением северо-западного угла). Хронологически эта группа охватывает период от VII до III—II в. до н. э., а в отдельных районах (в частности, в бассейне р. Сейма) возможно, и до рубежа нашей эры. Памятники последующего времени — культуры «полей погребений», — как и зольничной, размещаются также почти на всем Левобережье (рис. 2, 81). Правда, плотность их в отдельных районах не совсем совпадает; в частности, в северной полосе (в бассейне р. Сейма) поселения культуры «полей погребений» численно уступают поселениям зольничной культуры. Подобное обстоятельство само по себе едва ли имело бы значение для исследования этого вопроса, но при наличии некоторых других данных его следует иметь в виду. Прямое, непосредственное отношение к решению вопроса имеет тот факт, что почти ни на одном поселении (за исключением одного-двух случаев) зольничной культуры не обнаружено отложений культуры «полей погребений»; что, следовательно, население, оставившее культуру «полей погребений», начало свою жизнь на новых местах, топографически не связанных с предшествующими. Не менее существенно также и то, что население культуры «полей погребений» появилось в области Левобережья спустя три, а может быть, четыре столетия после прекращения жизни в поселениях зольничной культуры. Уже исходя из этих данных, вопрос о непосредственной связи населения культуры «полей погребений» с населением, оставив-

шим памятники зольничного типа, можно поставить под сомнение. Конечно, решать вопрос о соотношении этих двух археологических культур, основываясь только на несоответствии хронологии и топографии, было бы слишком поспешно. Мы прекрасно сознаем, что хронологическое несоответствие может оказаться не чем иным, как результатом недостаточной разработки датировки памятников обеих групп. Но эти выводы находят подтверждение в ряде других данных, в частности в общем облике поселений, характере бытового и хозяйственного инвентаря и т. д.

Чтобы лучше разобраться в этом, напомним некоторые, наиболее характерные черты культуры зольников на последнем этапе ее развития: господствующий тип поселения — укрепленные поселки, расположенные близ лесных массивов, или, по-видимому, просто в лесу, на высоких крупных мысах коренных берегов рек, балок и оврагов. Неукрепленные поселения имеют менее широкое распространение. Бытовой инвентарь примитивен: посуда изготовлялась из грубой глины ручным способом, гончарная посуда только привозная — амфоры; среди глиняных изделий большое место занимают различные поделки в виде пряслиц, разнообразных форм грузиков неизвестного назначения и т. д. (рис. 6, 8). Бытуют изделия из кости, железа. В составе культурного слоя много золы, костей животных, кусков обожженной глины с отпечатками прутьев. Последнее дает основание говорить о наземном характере жилых построек. Трудно сказать что-либо о погребальном обряде. Если признать, что курганы так называемых скифов-пахарей (пусть даже не все) связаны с населением, оставившим поселения культуры зольников, а к этому имеется достаточно оснований, то мы вправе заключить, что в период существования зольничной культуры господствовало трупоположение под курганными насыпями. В целом культура зольников достаточно своеобразна и ее памятники легко выделяются из числа памятников синхроничных ей культур (деснинской, дьяковской) смежных областей.

Иной облик имеет культура «полей погребений». Поселения этой культуры были неукрепленными. Размещались они в совершенно иных топографических условиях — в долинах рек, на склонах первой надпойменной террасы при устьях небольших речек и мокрых оврагов и балок. Жилища как наземные, так, по-видимому, и полуземляночные. Очень богат керамический комплекс (горшки, миски, кувшины, кружки и т. п.). Бóльшая часть сосудов изготовлялась с помощью гончарного круга, часто из хорошей, отмученной глины. Столовая посуда, как правило, лощеная (рис. 82, 83). Сосуды, сделанные без применения гончарного круга, немногочисленны и маловыразительны. Составной частью материальной культуры являются гончарные обжигательные печи, обнаруженные в ряде мест Левобережья. Совершенно иной характер имеют и предметы украшения — фибулы, поясные бляшки, бусы из стекла и горных пород и т. п. Нельзя не отметить также иной облик вещей, характеризующих внешние связи, — привозную посуду (амфоры римского типа, стеклянные сосуды), римские монеты и т. п. Население, оставившее культуру «полей погребений», хоронило покойников, как правило, в рядовых могильниках. Захоронения под курганами единичны. Обряд погребения смешанный — трупоположение и трупосожжение.

Как видно из приведенных кратких характеристик, рассматриваемые нами культуры и по своему общему облику, и по составляющим ее элементам существенно отличаются одна от другой. Ни на поселениях зольничной культуры, ни на поселениях культуры «полей погребений», равно как и в могильниках обеих этих культур, пока не найдено остатков, которые свидетельствовали бы о какой-то близости их или преемственности одной от другой. Вещей, входящих в комплекс зольничной археологической культуры, мы не находим среди материалов культуры «полей погребений», и наоборот. Едва ли все отмеченные нами явления случайны. Очевидно, мы имеем дело с культурами, оставленными двумя группами населения, не имевшими между собой никакой связи, что в условиях одной территории можно объяснить лишь хронологическим разрывом. Население, оставившее культуру «полей погребений», было, по-видимому, новым для Левобережья, явившимся в этот край тогда, когда население, оставившее зольничную культуру, покинуло его.

Некоторые исследователи одно время пытались рассматривать население, оставившее культуру зольничного типа, как непосредственных предков славянского населения Левобережья (роменцев).[1] Поводом к этому послужили находки в основании культурного слоя многих славянских (роменских) городищ (Гочево, Большое Боршево и др.) керамики зольничного типа. При таком подходе пришлось бы заново пересмотреть хронологию поселений с культурой зольников и славянских (роменских) поселений, отделенных друг от друга целым тысячелетием. Факты, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, явно противоречат этому предположению.

В связи с рассмотрением вопроса о соотношении археологических культур эпохи раннего железа в области Левобережья следует остановиться еще на одной культурно-хронологической группе — памятниках зарубинецкого типа. Как уже отмечалось выше, основная территория распространения этой культуры лежит за пределами исследуемой нами области, к западу и северо-западу от нее. На Левобережье зарубинецкие памятники встречены лишь в северо-западном углу, на той территории, где почти совершенно неизвестны ни памятники зольничного типа, ни памятники культуры «полей погребения» начала нашей эры. К этому следует добавить, что все материалы, добытые при исследовании зарубинецкой группы памятников Левобережья, слишком маловыразительны. Они совершенно не дают представления об облике культуры и безусловно исключают всякую возможность вести сравнительное изучение памятников. Из этого есть единственный выход — воспользоваться косвенными данными, изучением зарубинецких материалов основной территории их распространения — Правобережья.

В свое время, когда были открыты первые памятники культуры «полей погребений» зарубинецкого и черняховского типа, В. В. Хвойкой было выдвинуто положение, что зарубинецкая культура представляет собой один из моментов беспрестанного и последовательного изменения местной культуры, совершающегося поступательным движением и сохраняющего между отдельными моментами живую и непосредственную связь.[2] Одно время точка зрения В. В. Хвойки занимала господствующее место. В последние годы взгляды многих исследователей претерпели существенные изменения. Часть археологов заняла прямо противоположную точку зрения, другие заколебались. Так, в одной из последних своих работ П. Н. Третьяков, суммируя наблюдения над источниками, освещающими истоки зарубинецкой культуры, писал: «Таким образом, вопрос о происхождении зарубинецкой культуры остается пока открытым. Ясно лишь, что эта культура сложилась в области Среднего Поднепровья и что большую роль при этом сыграли культурно-этнические элементы западного происхождения, восходящие к эпохе поздней бронзы». Что касается восточных областей Поднепровья (сюда, по-видимому, относится и Посемье), то туда, по мнению П. Н. Третьякова, зарубинецкая культура распространилась в первые века нашей эры.[3] Следовательно, вопрос об отношении зарубинецкой группы памятников к памятникам предшествующей поры оказывается неясным и для основной ее территории. Одно, по-видимому, является несомненным, что в область к востоку от р. Днепра проникновение зарубинецкой культуры произошло в первые века нашей эры. А если это так, то вопрос о непосредственной связи культуры зольничного типа Левобережья с зарубинецкой культурой должен быть решен отрицательно.

В таком же соотношении, судя по материалам Правобережья, находятся памятники зарубинецкой культуры с памятниками культуры «полей погребений» черняховского типа. Вот как суммирует свои наблюдения по этому вопросу П. Н. Третьяков: „Исследования последних лет, к сожалению, не дали для решения данного вопроса ничего существенно нового. На зарубинецких и черняховских поселениях ни разу не был отмечен убедительным образом факт перерастания одной культуры в другую или

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 94 и др.; М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 50—54.

[2] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1901, стр. 187—190.

[3] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV международный съезд славистов. Доклады, М., 1958, стр. 27—35.

тесной связи между ними. Поселения черняховской культуры располагаются обычно совсем в иных местах и условиях, чем зарубинецкие, — не на возвышенных местах, а на ровных участках невысоких речных берегов. Не были исследованы также и смешанные зарубинецко-черняховские могильники („поля погребений“).»[4]

Итак, сравнительное изучение памятников оседлого населения скифского времени, представленных культурой зольников, с одной стороны, и памятников оседлого населения последующего периода — культурой «полей погребений» зарубинецкого и черняховского типа и славянских памятников роменского типа, с другой, приводит нас к выводу, что непосредственной связи между ними нет. Больше того, после прекращения жизни в поселениях, содержащих отложения культуры зольников, что произошло для большей части территории Левобережья около II в. до н. э. и лишь в северных районах (бассейн р. Сейма) несколько позднее (по-видимому, около рубежа нашей эры), оседлая жизнь возобновилась лишь спустя три столетия, во II—III вв. н. эры. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не содержат данных, которые позволили бы нам с достаточной уверенностью установить причины, вызвавшие все эти изменения. В свое время нами было высказано предположение, что носители культуры зольников покинули свои поселения в связи с проникновением к западу от р. Дона в степные и лесостепные районы кочевников сарматов. Наше предположение было основано как на археологических материалах, так и на данных письменных источников (о продвижении сарматов в область между рр. Доном и Днепром начиная с IV в.).[5] Добытые в последнее время новые материалы не только не противоречат этой мысли, но как будто подтверждают ее. И все же высказанное нами положение остается только предположением, не больше.

Следующий за «полями погребений» период оседлости, как видно из обзора археологических памятников, наступает в VIII в. и продолжается до монгольского завоевания. От этого времени в области Левобережья сохранились две культурно-хронологические группы памятников: а) салтово-маяцкая (VIII—X вв.), распространенная в юго-восточной части исследуемой области, и б) славяно-русская VIII—XIII вв. (роменско-боршевского и близкого им типа — VIII—X вв., и великокняжеская — X—XIII вв.). Но прежде чем перейти к рассмотрению отношений между населением, оставившим памятники культуры «полей погребений», и населением последующей поры (VIII—XIII вв.), нам хотелось бы кратко остановиться на археологических памятниках V—VII вв.

Выше мы отмечали, что период V—VII вв. в области Левобережья характеризуется отсутствием следов оседлости. Здесь до сего времени остаются совершенно неизвестными ни остатки мест поселений, ни могильники, хотя вещи этой поры давно и хорошо известны. Группа вещей, относящихся к этой поре, состоящая преимущественно из украшений, довольно своеобразна как по облику, так и по условиям находки. В основном это случайно обнаруженные отдельные вещи или клады вещей[6] — случайные в том отношении, как неоднократно мы уже подчеркивали, что они не имеют связи ни с местами поселений, ни с могильниками той поры [исключение составляет одно (единичное) подкурганное погребение у хут. Березовки, да и то впускное].

Против нашей трактовки вещей V—VII вв. как случайных, не связанных с местами поселений и могильниками, недавно выступила Г. Ф. Корзухина.[7] Исходя из принятого ею постулата, что «кочевники никогда не зарывают вещей в виде кладов», Г. Ф. Корзухина выдвинула следующее положение: несмотря на то, что остатки древних поселений и могильников VI—VII вв. в области Левобережья до сих пор не открыты, территория эта должна была быть занятой в этот период оседлым населением.

Мы не знаем, было или нет в V—VII вв. в области Левобережья оседлое население, но нам, как и другим исследователям, хорошо известно, что остатков поселений и могильников этой поры в области Левобережья пока не обнаружено. Об этом и только об этом у нас идет речь. И когда мы говорим о случайном характере вещей V—VII вв., то имеем в виду лишь одно, что они не связаны ни с поселениями, ни с могильниками. Г. Ф. Корзухина смотрит иначе. Она полагает, что «если кочевники не зарывают кладов, тогда клады принадлежат оседлому населению и «топография кладов VI—VII вв является топографией поселений VI—VII вв.». Мы будем очень рады, если это предвидение оправдается, но пока нам приходится считаться с фактами: культуры этих поселений мы не знаем, и сравнительное изучение культуры «полей погребений» и последующих этапов оседлой жизни нам придется вести на материалах поселений VIII и последующих столетий, а не V—VII вв.[8]

Остановимся первоначально на соотношении памятников салтово-маяцкой культуры и культуры «полей погребений». Облик культуры «полей погребений» мы в достаточной мере уже охарактеризовали выше. Обращаясь к памятникам салтово-маяцкой культуры, следует еще раз напомнить, что на Левобережье они занимают лишь незначительную территорию в юго-восточной части (в верховьях р. Северского Донца и по р. Осколу), основная же масса памятников этой культуры находится далее к востоку, по рр. Донцу и Дону (рис. 88).[9] В силу этого для более ясного представления некоторых сторон этой культуры нам придется прибегать к памятникам, расположенным за пределами исследуемой нами территории.

Выше мы уже отмечали, что между памятниками салтово-маяцкой культуры и культуры «полей погребений» существует разрыв почти в три столетия, и это как бы предрешает вопрос об их соотношении. Между тем внимательное изучение элементов той и другой культур показывает, что некоторые черты культуры «полей погребений» в какой-то мере перекликаются с салтово-маяцкой культурой. Так, наряду с остатками укрепленных поселений салтово-маяцкой культуры ей присущи и поселения открытого типа (селища), по общему облику очень близкие селищам культуры «полей погребений». Как и последние, они расположены на склонах надпойменных террас, при устьях небольших рек или мокрых балок. Керамический комплекс салтовской культуры, состоящий из гончарной и лепной (в меньшей мере) керамики, содержит в себе сосуды, по форме и технике изготовления очень близкие сосудам культуры «полей погребений» (рис. 82, 83, 89). К их числу следует отнести кухонные горшки (правда, в культуре «полей погребений» они не имеют такого сплошного покрытия рифлением), сосуды для хранения продуктов (особенно с горизонтально отогнутым венчиком). В салтовской культуре можно проследить дальнейшее развитие обряда захоронения культуры «полей погребений» (могилы с подбоями типа Кантемировки) в катакомбах Салтовского, Маяцкого и других могильников. В какой-то мере связана с культурой «полей погребений» и земледельческая техника салтовской культуры, как это можно проследить по материалам Правобережного Цимлянского городища и материалам клада в Коробницах и селища у дер. Шмырево. Однако все это ни в какой мере не может служить основанием для утверждения, что салтово-маяцкая культура Левобережья есть непосредственное развитие культуры «полей погребений» этой территории. Налицо слишком явный большой хронологический разрыв между ними, несовпадение территории распространения этих групп памятников, а также некоторые различия в бытовом и погребальном инвентаре. По-видимому, если между ними и существует какая-то связь, то только опосредствованная, звеном в которой должны быть памятники V—VII вв. за пределами данной территории.[10]

Наиболее острым разделом настоящей темы является вопрос о соотношении памятников культуры «полей погребений» и славянской культуры VIII—X вв. (роменского типа). Острота его заключается в том, что

[4] Там же, стр. 25, 26.

[5] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 41—65.

[6] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492—495.

[7] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII. М., 1955, стр. 61—82.

[8] По поводу мнимых поселений VI—VII вв. небезынтересно сделать одно маленькое примечание: почти все они размещены на восточной окраине Левобережья: по р. Осколу, верховьям рр. Северского Донца, Ворсклы, Псла, или же за границей его — к северу от р. Сейма

[9] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 85—150.

[10] См. об этом нашу работу «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона» (стр. 85—150).

в нашей науке до последнего времени существовало априорное суждение, что памятники культуры «полей погребений» черняховского типа оставлены славянским населением и что между ними и славянскими памятниками Киевской Руси существует непрерывная линия развития.[11]

Мы не будем здесь касаться вопроса, кому, какому населению принадлежали памятники культуры «полей погребений», это иная тема. Для ее решения пока нет данных. Нас интересует сейчас лишь соотношение памятников культуры «полей погребений» и достоверно славянских памятников роменского типа. Культура «полей погребений» прекращает свое существование в области Левобережья где-то на рубеже IV—V вв. Наиболее раннее появление памятников роменского типа следует отнести к VIII в. Уже этот трехвековой разрыв между той и другой группой памятников ставит под сомнение возможность существования непосредственной связи между населением, оставившим ту и другую группу памятников. Не исключено, что мы подходим к решению этого вопроса субъективно. Мы исходим из утверждения, что культура «полей погребений» прекратила свое существование на рубеже IV—V вв., а между тем ряду исследователей представляется, что она существовала и позже — в VI—VII, а возможно, и в VIII вв., перерастая далее в культуру Киевской Руси.[12] Если это так, оставим хронологию и подойдем с другой стороны: рассмотрим, что между этими культурами общего, что их связывает между собой.

Характер культуры «полей погребений» обрисован выше, и повторно освещать эту культуру едва ли есть необходимость. Обратимся прямо к памятникам роменского типа. Начнем с поселений. В отличие от открытых поселений культуры «полей погребений» роменские поселения, как правило, размещены в условиях максимальной естественной защиты — на мысах высоких коренных берегов или на останцах болотистых мест речных пойм. Часто эти поселения имели дополнительную искусственную защиту в виде валов и рвов. Иногда поселки состояли из двух частей — укрепления и прилегающей к нему неукрепленной части.

Весьма устойчив тип жилых построек (чего мы не наблюдаем в культуре «полей погребений»). Это полуземлянки прямоугольной в плане формы, углубленные в землю примерно на 1 м, с хорошо выработанной формой печи. Размеры поселков сравнительно невелики, в пределах 30—70 жилищ. Очень резко отличается массовый керамический материал роменской группы от керамики культуры «полей погребений». Подавляющая часть ее (а иногда и вся) делалась без применения гончарного круга, из глины с примесью дресвы и шамота. Круг форм ограничен. Ничего общего нет и между остальным бытовым и хозяйственным инвентарем роменских памятников и памятников культуры «полей погребений». Самое же главное состоит в том, что мы не можем указать элементы, которые свидетельствовали бы о перерастании одной культуры в другую; более того, мы не знаем почти ни одного поселения (кроме селищ у дер. Авдеево и с. Горицы), где бы элементы той и другой культуры были встречены совместно или, выражаясь точнее, на одной территории. Таким образом, вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении данных показывает, что между населением, оставившим памятники культуры «полей погребений» и роменские памятники, непосредственной связи не прослеживается. Это положение в последние годы находит среди ученых все большее число сторонников. Вот что пишет по этому вопросу Б. А. Рыбаков в одной из своих работ: «Прямой, зрительно ощутимой преемственности между древностями эпохи полей погребений и древностями последующей эпохи нет на всем пространстве Восточной и Центральной Европы. Нет такой преемственности и на территории Приднепровской Руси».[13] Небезынтересно привести также и тот вывод по данному вопросу, к которому пришел П. Н. Третьяков: «. . . в распоряжении археологии, — отмечает он, — нет пока что бесспорных фактов, свидетельствующих о генетической преемственности черняховской культуры и культуры Киевской Руси».[14]

Нам остается остановиться на освещении взаимосвязи роменской группы памятников с памятниками великокняжеской поры. Как мы уже отмечали ранее,[15] вопрос этот ясен и никаких разногласий не вызывает. Все считают вполне очевидным, что славянское население, обитавшее в X—XIII вв. в области Левобережья, в основной своей массе корнями восходит к населению, оставившему древности роменского и близкого им типа. При анализе археологических памятников это подтверждается на материалах могильников и поселений. На них ясно прослеживается переход от одного периода жизни к другому по всему комплексу материальной культуры — хозяйственные сооружения, бытовой и хозяйственный инвентарь (керамика, орудия земледелия, оружие, предметы украшения), обряд захоронения и т. д. Особенно показательны в этом отношении материалы из раскопок городища Новотроицкое,[16] а также городища Курган у с. Волынцево.[17]

Суммируя данные сравнительного изучения археологических памятников, оставленных оседлым населением Левобережья — скифского времени, времени культуры «полей погребений» и VIII—XIII вв., — мы еще раз убеждаемся в отсутствии на этой территории в эпоху железа непрерывности и развитии жизни оседлого населения. Вместе с тем становится очевидным, что между известными в этой области культурно-хронологическими группами археологических памятников — 1) памятниками зольничного типа и памятниками культуры «полей погребений», 2) памятниками культуры «полей погребений» и роменскими памятниками — прямой, непосредственной преемственности также не существует. Лишь в памятниках салтово-маяцкой культуры удается выявить некоторые традиции культуры «полей погребений», но и они свидетельствуют о существовании только какой-то опосредствованной связи, не более. Исходя из этого, приходится признать, что известные в области Левобережья достоверно славянские памятники роменского типа своим происхождением не связаны непосредственно с археологическими культурами Левобережья предшествующей поры и что, следовательно, истоки их нужно искать где-то за пределами этой области.

---

[11] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье, стр. 185—190; П. Н. Третьяков. 1) Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 107—110, 146—185; ср.: 2) Итоги археологического изучения восточнославянских племен.

[12] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 231—250; ср.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 151, 152.

[13] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, М., 1953, стр. 50.

[14] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен, стр. 26.

[15] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 36 и сл.

[16] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958.

[17] В. Й. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270.

V. ИСТОКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Вывод, полученный из сравнительного изучения археологических культур, об отсутствии преемственной связи между древностями роменского типа, оставленными славянским населением Левобережья, и археологическими культурами той же территории предшествующей поры ставит перед нами задачу поисков истоков славянской культуры Левобережья за пределами этого края. Задача эта сложная, она выводит наши изыскания за пределы исследуемой территории и расширяет круг изучаемых памятников. Чтобы решить ее, нам предстоит разобраться в соотношении роменской группы памятников с памятниками смежных территорий и попытаться найти среди последних древности, близкие роменским, но более ранние по времени.

Роменские памятники долгое время считались, а некоторыми исследователями считаются и сейчас, памятниками, свойственными лишь Левобережью. Этот взгляд сложился, с одной стороны, в силу слабой изученности славянских древностей второй половины I тысячелетия н. э. вообще, а с другой, в результате окончательно укоренившейся мысли, что культура левобережных славян сложилась на иной основе, чем правобережных, культура которых генетически восходит к культуре «полей погребения» черняховского типа. Считалось, что роменская группа памятников сложилась в области рр. Десны и Сейма на базе памятников юхновской культуры и что позднее, в VIII в., население, оставившее эти памятники, передвинулось оттуда в южные (рр. Сула, Псел, Ворскла) и юго-восточные районы (р. Северский Донец).[1]

Полевые изыскания последних, особенно послевоенных лет значительно уточнили наше представление о древностях I тысячелетия н. э., в частности, второй половины его в различных районах Восточной Европы, в том числе и смежных с Левобережьем. Стало вполне очевидным, что памятники роменского и близкого им типа — с поселениями, имеющими полуземляночные жилища с характерными сводчатыми печами из глины, камня или из других материалов, с захоронениями по обряду трупосожжения, с устойчивым керамическим комплексом, состоящим из сосудов, сделанных преимущественно без применения гончарного круга, и некоторыми другими чертами — распространены не только на Левобережье и в прилегающих районах с востока (бассейн р. Дона) и с севера (бассейн верхнего течения рр. Оки и Десны до Брянска), где они хорошо были известны, как и в области Левобережья, еще с дореволюционного времени,[2] но и на Правобережье, и в бассейне рр. Южного Буга и Днестра и далее на запад и юго-запад за пределами нашей территории — в Чехословакии, Польше, Румынии и Болгарии.[3] Эта близость лево-

[1] П. Н. Третьяков. 1) Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, М.—Л., 1941, стр. 123, 124; 2) Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, М.—Л., 1941, стр. 32—35, 52, 53; 3) Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 242—245, 256—260.

[2] М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 267—283; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древние русские поселения на Дону. МИА, № 8, М.—Л., 1948.

[3] И. И. Ляпушкин. 1) Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестн. ЛГУ, 1956, № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 45—60; 2) К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Издание ЛГУ, 1961, стр. 203—209.

бережных памятников с правобережными и далее с памятниками соседящих стран (Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии) сейчас признается многими нашими исследователями, а равно и иностранными учеными. Любопытно, что это признание в некоторых странах закрепляется и присвоением памятникам аналогичных нашим того же наименования, какое носит эта культуры у нас, например, роменско-боршевского типа или типа Луки Райковецкой.[4]

Исследование соотношения левобережных памятников роменского типа с древностями смежных территорий целесообразнее всего начать с районов, наименее сложных в археологическом отношении. Первоначально определим области, где памятники оседлости второй половины I тысячелетия неизвестны. Сюда относятся прежде всего степные районы, прилегающие к лесостепному Левобережью с юга. Здесь, южнее бассейна р. Ворсклы, древности славян пока не открыты.[5]

Неизвестны археологические памятники славян и в районах, непосредственно примыкающих к Левобережью с востока — по берегам р. Оскола и другим притокам р. Северского Донца. Однако по р. Дону памятники роменско-боршевского типа давно и хорошо известны (группа поселений и могильников вокруг Воронежа и южнее его). Тем не менее славянских древностей, относящихся ко времени ранее VIII, а может быть, даже IX в., мы там не знаем. К этой поре принадлежат Большое Боршевское городище и могильник, Малое Боршевское городище, городище у дома отдыха им. М. Горького, городище у Михайловского Кордона и др.[6] В последние годы исследуется городище у хут. Титчиха. Судя по монетным находкам, оно одновременно Большому Боршеву.[7] Таким образом, районы к востоку от Левобережья были заселены славянами несколько не ранее, а возможно, даже и позднее, чем собственно Левобережье, в силу чего они не могут явиться исходной территорией для проникновения славян в область Левобережья.

Значительно богаче славянскими памятниками второй половины I тысячелетия роменско-боршевского и близкого им типа, районы к северу от лесостепного Левобережья — бассейны рр. Десны и верхней Оки. В бассейне р. Десны подобные древности прослежены вплоть до верхнего ее течения — район г. Брянска,[8] а на р. Оке — до Орла.[9] Наличие славянских памятников роменского типа к северу от лесостепного Левобережья никем никогда не оспаривалось, и, больше того, еще до недавнего времени некоторые исследователи считали (а возможно, считают и сейчас), что роменский тип памятников сложился в области рр. Десны и Сейма на базе деснинской (юхновской) культуры и что оттуда около VIII в. население, оставившее эти памятники, частично передвинулось в южные районы (бассейны рр. Сулы, Псла, Ворсклы и Северского Донца), т. е. собственно на лесостепное Левобережье.[10]

На несостоятельность этого положения (сложения роменской культуры на базе юхновской) было указано рядом исследователей уже давно, однако лишь в последние годы, когда стало вполне очевидным, что между отложениями юхновского типа и роменскими на многих поселениях бассейна р. Десны залегает слой зарубинецкой культуры, о связи роменской культуры с юхновской говорить как будто перестали.[11]

[4] M. Petrescu-Dîmbovița. Rezultatele ultimelor cercetări ale arheologilor sovietici cu privire la așezările de tip romen-borșevo și importanța lor pentru arheologia R. P. R. Studii și cercetări de istorie veche, t. V, № 3—4, 1954, стр. 569—584.

[5] I. I. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 285—306.

[6] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

[7] А. Н. Москаленко. Изучение славянских археологических памятников в бассейне верхнего и среднего Дона. Славянский сборник, I. Выпуск исторический. Воронеж, 1958, стр. 137—145.

[8] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949, стр. 67—77; Б. А. Рыбаков. 1) Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1951, стр. 34—41; 2) Вщиж — удельный город XII века. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951, стр. 56—58; Б. А. Рыбаков. Поселения доmонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. XXIII, М.—Л., 1948, стр. 86—92; И. И. Ляпушкин. 1) Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1956 г. Архив ИА; 2) Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, вып. 74, М., 1959, стр. 81—86.

[9] Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 176—197.

[10] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 242—245, 256—260.

[11] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 67—77; П. Н. Третьяков. 1) Итоги археологического изучения восточносла-

Что же представляют собой славянские памятники второй половины I тысячелетия в районах рр. Десны и верховьев Оки? Известные в этой области поселения и могильники, как и в лесостепном Левобережье, относятся ко времени не ранее VIII в. Общий облик археологической культуры Подесенья ничем не отличается от собственно роменской. Здесь те же жилища-полуземлянки с печами-каменками и глинобитными в зависимости от географических условий. Захоронения совершались по обряду трупосожжения под курганными насыпями, иногда с пр[illegible]енцем деревянных конструкций. Керамический комплекс состоит в основном из сосудов, сделанных без применения гончарного круга. Формы сосудов [illegible] горшки, миски и сковородки. Орн[illegible] на сосудах линейный, волнистый (многорядный), отпечатки зубчатого чекана или палочки, обвитой веревочкой, т. е. тот же самый, что и на сосудах Левобережья. Единственное, чем отличаются памятники Подесенья и верховьев Оки, это более широкое распространение здесь остатков неукрепленных поселений (селищ), что, по-видимому, следует объяснить более спокойным положением этого района по сравнению со степным пограничьем.[11]

Отчетливо выраженных памятников более ранней поры (VI—VII вв.), которые можно было бы принять за остатки дороменской культуры, здесь пока не обнаружено. Правда, в последние годы в бассейне р. Десны раскопаны курганы с трупосожжением, которые как будто можно датировать серединой I тысячелетия н. э. Что представляют собой эти памятники, в каком отношении находятся они к памятникам роменского типа, впредь до опубликования их сказать трудно, ибо обряд трупосожжения сам по себе еще не дает оснований для тех или иных заключений. П. Н. Третьяков рассматривает эти памятники как связующее звено между зарубинецкой культурой и памятниками роменского типа, считая, что общим предком восточнославянских племен, известных по начальной летописи и археологическим данным середины и второй половины I тысячелетия н. э., являются носители зарубинецкой культуры — раннеславянские племена конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.[12] Как ни заманчиво это положение, принять его нельзя, потому что оно находится в прямом противоречии со многими основными положениями славянской археологии. В частности, исходя из того, что общим предком восточных славян является население, оставившее зарубинецкую культуру, совершенно невозможно объяснить возникновение памятников второй половины I тысячелетия н. э. роменского типа и близких им, распространенных в области лесостепи и пограничья лесостепи и леса (от Дона до Моравии), принадлежность которых славянам не вызывает никаких сомнений, поскольку она засвидетельствована письменными источниками.

Таким образом, в районах к северу от лесостепного Левобережья, так же как и к востоку, мы не находим памятников, на основе которых могла бы сложиться культура левобережных славян VIII—X вв.

У нас остался нерассмотренным район к западу от р. Днепра. В области Правобережья, как и на Левобережье, памятники второй половины I тысячелетия, близкие левобережным, были известны еще в дореволюционное время,[14] однако тогда они не заинтересовали археологов. Только после раскопок в 1932 г. в Киеве, на горе Киселевке С. Магура обратил на эту сторону внимание исследователей. Он писал: «До недавнего времени лишь на Левобережной Украине исследователям были известны остатки материальной культуры, аналогичной выявленной на городищах Роменщины. Раскопки на горе Киселевке в Киеве, проведенные нами в 1932 г., показывают, что остатки культуры, аналогичные остаткам на городищах Роменщины, Бурвмки и др., есть и на Правобережной Украине».[15] Как нами уже отмечалось, в своих заключениях С. Магура едва ли мог ошибиться. Он хорошо знал культуру второй половины I тысячелетия н. э. левобережных памятников, так как работал не один сезон с Н. Е. Макаренко, исследуя совместно с ним памятники этого типа — городище и могильник в уроч. Старое Крейдеще, близ хут. Зеленый Гай, городище у хут. Тополи, близ г. Сумы,[16] да и сами материалы, опубликованные им, в достаточной мере подтверждают выдвинутое им положение, равно как и материалы последующих раскопок на горе Киселевке.[17] Несколько позже (1937 г.) на территории Киева, в границах древнейшей его части, были произведены изыскания М. К. Каргера. При исследовании древнейшей укрепленной части поселения им были найдены обломки грубой лепной керамики, которую он датирует VIII—X вв.[18] Эти материалы в какой-то мере подтвердили наблюдения С. Магуры.

В послевоенные годы в процессе полевых изысканий в области Правобережья и далее на запад до р. Днестра был обнаружен еще ряд памятников, относящихся ко второй половине I тысячелетия. Некоторые памятники были подвергнуты раскопкам. В результате получен материал, значительно расширивший наше представление о характере правобережных памятников этой поры. Наиболее интересными оказались раскопки комплекса поселений близ с. Райки Житомирской области, Бердичевского района (верхнее течение р. Гнилопяти). Здесь одновременно с исследованиями поселения великокняжеской поры (Райковецкого городища), в основании которого оказался слой VIII—X вв., были частично раскопаны два других поселения VIII—X вв., обнаруженных в окрестностях — в урочищах Запасека и Лука. В отложениях VIII—X вв. на городище были обнаружены полуземляночные жилища с печами-каменками. Керамика этого слоя представлена фрагментами грубостенной посуды. Часть ее изготовлена на круге, часть вылеплена от руки. Автор раскопок датировал исследованные памятники VIII—IX вв.[19]

В уроч. Запасека были обнаружены остатки двух жилищ-полуземлянок, прямоугольных в плане, размером 4×3.5 м, с печами-каменками. На полу жилищ, в заполнении найдены обломки лепной посуды с примесью большого количества дресвы и шамота в тесте. Часть обломков покрыта линейным и волнистым орнаментом. Автор датировал это поселение VII—VIII вв.[20]

Поселение в уроч. Лука расположено на расстоянии около 700 м к северо-востоку от городища Райки, на песчаном холме поймы правого берега р. Гнилопяти. Поселок не имел искусственных оборонительных сооружений, зато он имел хорошую естественную защиту в виде окружающих его болот. Здесь были раскопаны остатки восьми жилых построек — полуземлянок. От них сохранились лишь нижние части в виде прямоугольных в плане ям размером 3×3.5 м, углубленных до 1.6 м от современной поверхности. В полуземлянках обнаружены остатки печей-каменок, расположенных в одном из углов. Размеры (внешние) печей 1.3×1×0.75—0.85 м. Под печей залегал на уровне пола. У стен были выявлены ямки от столбов, поддерживавших крышу. В некоторых жилищах сохранились следы входа в виде ступенек, выложенных плоскими камнями.

Культурные остатки, найденные при исследовании поселения, состоят из обломков керамики и единичных поделок из железа. Бо́льшая часть глиняной посуды изготовлена без применения гончарного круга, остатки посуды, сделанной на гончарном круге, немногочисленны. Основные типы сосудов — горшки, баночные сосуды и сковородки. Отдельные обломки сосудов покрыты линейным и волнистым орнаментом. Наиболее близкие аналогии этой посуде автор указывает в материалах из раскопок на горе Киселевке и на территории древнейшей части города Киева. Из железных вещей найдены два ножа и рыболовный крючок.

Собранные при исследовании поселения кости в большей части принадлежат домашним животным (бык, лошадь, свинья, мелкий рогатый скот), кости диких животных немногочисленны (косуля, бобр, заяц). Авторы раскопок датируют поселение VIII—IX вв.[21]

[…]нских племен. IV международный съезд славистов. Доклады. М., 1958; 2) Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. СЭ, 1958, № 4, стр. 11, […].

[11] В. А. Падин. Поселения домонгольского времени…, стр. 86—92; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 67—77; Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг., стр. 34—41; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники…, стр. 81—86.

[12] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен, стр. 12—23.

[14] С. Магура. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу. Наукові записки ІІМК, кн. 1, Київ, 1934, стр. 55.

[15] Там же.

[16] С. Магура. Археологічні досліди на Сумщині року 1929 та ХАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 36.

[17] Розкопи в Києві на горі Киселівці в 1940 р. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 141—151.

[18] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве VIII—IX вв. КСИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940, стр. 61—66.

[19] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 13, 114.

[20] В. К. Гончаров. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 32—34.

[21] В. К. Гончаров. 1) Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I,

Существенно дополняет представление о характере памятников второй половины I тысячелетия н. э. области Правобережья третье Городское городище, где за последнее время производились неоднократные раскопки. Городское поселение находится в среднем течении р. Тетерева, на левом, высоком берегу. Оно представляет сложный памятник, состоящий из остатков укреплений и большого неукрепленного поселка около них. Еще в предвоенные годы на третьем городище были прослежены культурные отложения, предшествующие так называемой великокняжеской поре. При раскопках 1947 г. было установлено наличие в жизни третьего Городского укрепленного поселка четырех строительных периодов, непосредственно связанных между собой в развитии, датируемых: I период – IX—X вв., II период — XI в., III период — XII в., IV период — XIII в. (начало). Из этой свиты напластований нас интересует древнейший этап — IX—X вв., представленный в раскопках 1947 г. остатками полуземляночного жилища и хозяйственной ямы. Культурные отложения этого периода, в частности керамика, по замечанию исследователя, «резко выделяется своими архаичными чертами от той обычной керамики, которую мы привыкли относить ко времени Киевской Руси. Вместе с тем архаичная керамика из Городска отличается от керамики предкиевского времени, характерной для Подолии или западной Волыни; она значительно примитивнее. Возможно, что в этой особенности следует рассматривать следы иной основы ее происхождения, не в культуре полей погребений, а в культуре типа Луки Райковецкой».[22]

Помимо Городского комплекса поселений, где были произведены раскопочные работы, в бассейне верхнего течения р. Тетерева в те же годы был обнаружен еще ряд поселений того же типа — у сел Швейковка, Троянов и др.[23]

Суля по данным, опубликованным уже в послевоенные годы, к этому же (Луки Райковецкой) типу относятся и некоторые поселения в бассейне рр. Ужа, Случи и др., вошедшие в литературу под именем древлянских «градов», обследованных П. Н. Третьяковым еще в 1940 г. Бо́льшая часть этих поселений была подвергнута лишь внешнему осмотру, и только на отдельных поселениях (Малинском на р. Ирше, притоке Тетерева; Искоростеньском на р. Уже) были произведены небольшие разведочные раскопки. При обследовании было выяснено, что многие древлянские «грады», как и Городск, наряду с отложениями так называемой великокняжеской поры имеют и слои более раннего времени – VIII—IX вв. По утверждению исследователя, эти слои содержат материалы, очень близкие добытым В. К. Гончаровым при раскопках поселений VIII—X вв. в уроч. Лука у с. Райки. Здесь оказались такие же полуземляночные жилища и различный бытовой инвентарь.[24]

Отдельные поселения, имеющие полуземляночный тип жилищ и культурные отложения с лепной и грубой гончарной керамикой типа Луки Райковецкой, были обнаружены и далее на запад и юго-запад от с. Райки — в бассейнах верхнего течения рр. Южного и Западного Буга, Днестра и Прута, а также в Закарпатье, в районе Ужгорода.

В бассейне верхнего течения р. Южного Буга такие поселения были открыты в 1947 г. Д. Т. Березовцом — одно у с. Сандраки Хмельницкого района Винницкой области, другое у с. Сокольцы Немировского района Винницкой области. Обследованное в 1946 г. М. И. Артамоновым городище Малые Валы (близ Немирова) наряду с гончарной славянской керамикой содержало и лепную, по-видимому, типа керамики Луки Райковецкой. На другом берегу речки Мирки, против городища Малые Валы, находился небольшой курганный могильник. Один из курганов был раскопан. Под курганной насыпью на горизонте погребенной почвы было открыто кострище диаметром около 6 -7 м. Из вещей найдены два арабских диргема — Ахмеда ибн Нафы II (914—943 гг.).[25]

Київ, 1949, стр. 34; 2) Роботи Волинської експедиції 1948 р. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 169, 170; 3) Райковецкое городище, стр. 11—13, Р. І. Виєзжев. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті, АП, т. III, Київ, 1952, стр. 203.

[22] М. Ю. Брайчевський. Розкопки на третьому Городському городищі. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 192, М. Ю. Брайчевский. К происхождению древнерусских городов. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951, стр. 32.

[23] Р. І. Виєзжев. Археологічні пам'ятки..., стр. 203, 204.

[24] П. Н. Третьяков. Древлянские «грады». Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952, стр. 64—68.

[25] Д. Т. Березовець. Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 207—219.

Особенно интересный материал дали раскопки Южноподольской археологической экспедиции под руководством М. И. Артамонова на многослойном городище близ с. Григоровка, содержащем хорошо сохранившийся культурный слой славянского поселения VIII—X вв. Здесь наряду с обычными жилищами-полуземлянками, а также комплексом лепной керамики обнаружены материалы, относящиеся к обработке металлов, в том числе тигли для плавки цветных металлов. Тигли эти того же типа, что и найденные на одном из одновременных левобережных городищ (Новотроицком).[26]

В бассейне среднего течения рр. Днестра, верховьев Прута и Западного Буга поселения VIII—X вв., а может быть и более раннего времени, с керамикой типа Луки Райковецкой и с. Григоровка были открыты работами, проведенными Институтом общественных наук в Львове и Черновицким музеем. Наиболее отчетливо отложения этой поры здесь выступают в бассейне р. Прут — на поселениях у сел. Коровия, Била, на территории г. Черновицы (уроч. Задубровка); в бассейне р. Днестра — на поселениях у сел. Баламутовка, Миткив, Мусоровка, Перебыковцы и др.; в бассейне р. Западного Буга — на поселениях у сел. Неслухов, Ринцов, Зимно и др. Основные типы сосудов — горшки и сковородки. Встречаются также отдельные фрагменты крупных противней — сковород.[27]

Отчетливо выраженный слой славянского поселения был выявлен Южноподольской археологической экспедицией в 1953 г. (раскопки Г. И. Смирновой) на многослойном поселении у с. Незвиски Станиславской области (правый берег р. Днестра). Здесь были открыты разрушенные жилища полуземляночного типа с печами-каменками, грубая лепная керамика в виде кухонных горшков, мисок, сковородок.[28] Поселения этого типа известны и западнее, в районе Ужгорода. Так, при раскопках 1948—1949 гг. в уроч. Радванка были раскрыты жилища полуземляночного типа с печами-каменками и лепной керамикой в виде кухонных горшков и сковородок.[29] По-видимому, к этой же группе памятников следует отнести и ранний славянский слой в гордище Плиснеско Львовской области, Олесского района.[30]

Несколько поселений второй половины I тысячелетия н. э. были обнаружены разведками Т. С. Пассек, В. И. Довженка и В. А. Богусевича в окрестностях г. Канев. На одном из этих поселений, расположенном близ усадьбы Биологического заповедника Киевского государственного университета, В. А. Богусевичем произведены небольшие разведочные раскопки, которыми было вскрыто четыре наземных (?) жилища размерами около 16 м² каждое. Внутри трех жилищ сохранились развалы каменных очагов. На полу жилищ и в развалах очагов было найдено значительное число обломков глиняной посуды, бо́льшую часть которых составляли обломки лепных сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы и шамота. Основные типы сосудов — горшки и сковородки. Гончарная посуда представлена немногочисленными обломками горшков с линейным и волнистым многорядным орнаментом. По утверждению автора исследования, поселения подобного типа в районе нижнего Поросья известны еще не были. Наиболее близкие аналогии керамике автор усматривает в материалах из поселения в уроч. Лука, близ с. Райки Житомирской области, открытого В. К. Гончаровым. Автор датирует обследованный памятник IX—X вв., что соответствует, как он выражается, «так называемой роменско-борщевской стадии в истории материальной культуры северо-восточных областей Украинской ССР».[31]

В 1948 г. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В. И. Довженка небольшие раскопки были произведены на поселении близ с. Сахновка Корсунь-Шевченковского района Киевской области,

---

[26] Коллекция Государственного Эрмитажа; Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 194; ср.: И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958, стр. 82—84, 218.

[27] Б. О. Тимощук. Розвідка в басейні р. Пруту. АП, т. III, Київ, 1952; Б. А. Тимощук. Доклад на пленуме, посвященном полевым исследованиям 1950 г. (М., 1951).

[28] Коллекция Государственного Эрмитажа.

[29] К. В. Бернякович. 1) Археологічні дослідження в Закарпатській області в 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 179—181; 2) Исследования древнеславянского поселения VIII—X вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 39—48.

[30] І. Д. Старчук. Розкопки городища Плиснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 379—394.

[31] В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 141—153.

в уроч. Девичья Гора (левый берег р. Роси). Укрепленная часть поселения в начале XX в. была исследована В. Е. Гезе. У подножия городища раскопками обнаружены жилища-полуземлянки с глинобитными печами в одном из углов. В жилищах и в культурном слое найдена лепная керамика в виде горшков и сковородок, а также железный лемех такого же типа, что и на городище Новотроицкое.[32]

Упомянем также о следах аналогичной культуры в виде отдельных находок лепной керамики, как типа Луки Райковецкой, так и собственно роменской, выявленных в ряде поселений, обследованных П. А. Раппопортом южнее Киева (в треугольнике рр. Ирпеня, Днепра, Стугны).[33]

Следы славянской культуры, близкой роменско-боршевской, все отчетливее выступают и в районах, лежащих значительно южнее Киева, ближе к пограничью лесостепи и степи Правобережья. Судя по публикации А. М. Шовкопляс, в Киевском государственном историческом музее хранится керамический комплекс из случайных раскопок А. А. Бобринского близ м. Смелы Черкасской области, в уроч. Юрьева Гора (бассейн р. Тясмина). Помимо керамики эпохи бронзы, в этом комплексе имеется группа черепков, относящихся к сосудам славянской культуры. Черепки принадлежат двум группам сосудов — лепным (горшкам и сковородкам) и гончарным. Ближайшие аналогии этой группе керамики А. М. Шовкопляс указывает среди материалов из раскопок поселения в уроч. Лука, близ с. Райки, а также в Киеве (гора Киселевка). Автор датирует этот комплекс VII—VIII вв.[34]

В 1956—1957 гг. в бассейне р. Тясмина, немного южнее Смелы, в районе с. Пеньковки Ново-Георгиевского района Кировоградской области обнаружен ряд новых пунктов, содержащих отложения второй половины I тысячелетия, близкие по общему облику археологическим памятникам той же поры Левобережья. В одном из пунктов (в уроч. Макаров Остров) при раскопках были открыты обычные жилища-полуземлянки размером 12—14 м² с печами-каменками. Керамика, найденная в жилищах и вокруг них, в большей части лепная (горшки и сковородки). Остатки гончарной керамики немногочисленны. Отдельные сосуды сплошь покрыты линейным или волнистым орнаментом. Авторы раскопок сближают это поселение с памятниками типа Луки Райковецкой и датируют VIII—X вв. На втором исследованном поселении в уроч. Лука открыты остатки ряда жилищ-полуземлянок с печами-каменками. Керамика только лепная. Поселение датируется VI—VII вв.[35]

Не так давно Ю. В. Кухаренко обратил внимание исследователей еще на одну давно известную, но забытую группу памятников — поселения и могильники с трупосожжением на Житомирщине, исследованные С. С. Гамченко и И. Ф. Левицким, близкие по общему облику Левобережным памятникам второй половины I тысячелетия. В музеях Житомира и Пинска им были обнаружены глиняные сосуды из этих раскопок. Часть этих материалов была в свое время опубликована С. С. Гамченко и датирована им временем V—VIII вв. Ю. В. Кухаренко, основываясь на материалах Чехословакии и Польши, считает датировку С. С. Гамченко правильной.[36] Последующие изыскания, проведенные Ю. В. Кухаренко в северной полосе Украинской ССР (Волынской, Ровенской и Житомирской областях) и прилегающих районах Белорусской ССР (Брестская область), в бассейне правых притоков р. Припяти, привели к обнаружению еще целой серии памятников того же типа. На двух поселениях — у сел Хотомель Брестской области Давид-Городского района и Бабка Ровенской об-

[32] В. П. Довженок. Феодальний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 17—21; В. П. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сборник I, М., 1952, стр. 125 и сл.; В. П. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, № 70, М.—Л., 1959, стр. 102—110.

[33] П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 146.

[34] Г. М. Шовкопляс. Керамічний комплекс епохи бронзи та ранньослов'янського часу з Юр'євої Гори поблизу м. Сміли. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 145—147.

[35] Д. Т. Березовец. Славянские поселения в устье Тясмина. КСИА, вып. 8, Киев, 1959, стр. 37—45.

[36] Ю. В. Кухаренко. 1) Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, М., 1957, стр. 33—39; 2) Памятники пражского типа на территории Приднепровья. Slavia antiqua, t. 7, Poznań, 1960, стр. 111—124.

ласти Рафаловского района — были произведены раскопки.

Поселение у с. Хотомель, состоящее из укрепленной (городище) и неукрепленной (селище) частей, раскопано почти полностью. На территории городища следов жилых сооружений не обнаружено, на селище открыты жилища-полуземлянки. По наблюдениям автора исследования, на поселении прослеживается два слоя: ранний, относящийся, по-видимому, к VII в., и более поздний — VIII—X вв. Ранний слой обнаружен на городище под остатками пожарища. Обломки керамики, найденные в этом слое, принадлежат только лепным сосудам, близким по формам керамике из могильника у с. Корчак, раскопанного С. С. Гамченко. В этом же слое найдена трехперая стрела аварского типа. В слое, залегающем выше пожарища, наряду с лепной керамикой корчакского типа встречаются обломки сосудов, сделанных на примитивном гончарном круге. Формы сосудов немногочисленны — горшки и сковородки. Некоторые сосуды покрыты линейным или волнистым орнаментом, а также отпечатками зубчатого чекана. В слое пожарища и выше него найдены предметы вооружения (наконечники стрел, копий, панцирные пластинки), бытовые ножи, поясные пряжки, семилучевое височное кольцо, два железных кресала трапециевидной формы, удила и некоторые другие вещи. На селище найдены два железных лемеха (симметричной формы), чересло, обломок серпа, железные пряжки, долото и некоторые другие вещи. Керамика на селище, как и на городище, смешанная — лепная тех же форм, что и в нижнем слое городища, и гончарная. Следов пожара не обнаружено.[37] Судя по опубликованным данным, вещи, относящиеся к позднему периоду жизни поселка, ближе всего стоят к материалам Левобережья, в частности к материалам Новотроицкого городища. Особенно любопытны в этом отношении трапециевидные кресала, пряжки, двухшиповые втульчатые наконечники стрел, симметричные сошники, семилучевая подвеска зарайского типа[38] и, наконец, керамика. В то же время этот поздний этап жизни поселения, по утверждению Ю. В. Кухаренко, является непосредственным продолжением раннего периода.[39]

Второе поселение, у с. Бабка, по общему облику совершенно идентично поселению у с. Хотомель. Произведенные здесь Ю. В. Кухаренко раскопки вскрыли ту же самую картину: внутри городища следов жилых и хозяйственных построек не обнаружено. На селище открыты жилища-полуземлянки с глинобитными печами. Керамический комплекс состоит в основном из лепных сосудов.[40]

Основываясь на совокупности собранных данных и соглашаясь с ранее высказанным нами положением о близости правобережных памятников второй половины I тысячелетия н. э. с левобережными памятниками роменского типа, Ю. В. Кухаренко считает возможным утверждать, что эти правобережные «памятники в отличие от роменско-боршевских, генетически увязываются с более ранними памятниками этой же территории, относящимися к VI—VII вв. н. э.».[41] Эту же мысль развивает и И. П. Русанова в только что вышедшей работе, посвященной археологическим памятникам второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.[42] Заключительный ее вывод, основанный на анализе материалов, сводится к положению, что культура древлян, по-видимому, «была очень близка роменско-боршевской».[43]

Памятники этого типа (поселения и могильники) широко распространены и далее на запад, за рр. Днестром и Западным Бугом — на территориях Польши, Чехословакии, Румынии, смыкаясь непосредственно с памятниками территории СССР. Правда, там, как и у нас, древности I тысячелетия, особенно поселения, все еще мало привлекают к себе внимание исследователей, да и из того, что сделано в этом отношении, в силу тех или иных причин не всегда публикуется и остается малодоступным.

[37] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 90—97.

[38] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое...

[39] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности..., стр. 33—38.

[40] Ю. В. Кухаренко. Памятники житомирского типа. Доклад, прочитанный на заседании Сектора древней Руси ИИМК 21 ноября 195? г.

[41] Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа..., стр. 111—124.

[42] И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 33—46.

[43] Там же, стр. 46.

Наиболее отчетливо эти памятники выступают на территории Чехословакии и в Румынии.

В Чехословакии эта группа памятников тянется от границы СССР до южной Моравии. Как и на территории СССР, здесь известны такие же поселения и прилегающие к ним курганные и бескурганные могильники. Хотя подробных публикаций материалов, относящихся к этим памятникам, пока нет, тем не менее общий облик их выступает достаточно отчетливо. В работах Я. Айзнера, И. Поулика, Я. Кундрача и других содержится много данных, позволяющих заключить, что эти памятники настолько близки к славянским памятникам второй половины I тысячелетия н. э. нашей территории, что их трудно различить. Жилища, как правило, полуземляночные, углубленные в землю в пределах до метра. В одном из углов — печь-каменка или глиняная. В полу, в средней части стен или по углам — столбовые ямки. Около жилищ, а иногда и в жилищах — хозяйственные ямы (погреба). О характере бытового и хозяйственного инвентаря судить значительно труднее, однако то немногое, что известно нам, например керамика, ничем не отличается от керамики наших памятников. Это лепные сосуды (горшки) так называемого пражского типа, сковородки, большие сковороды или противни.

Погребальные памятники, сопровождающие эти поселения, представлены курганными и бескурганными (?) могильниками. Захоронения совершались по обряду трупосожжения. Сжигание производилось как на месте, так и за пределами могильного сооружения. Сожженные кости клались или в ямку, или в глиняную урну. В некоторых могилах находили по несколько урн, причем в ряде случаев урны помещались в деревянные сооружения. Керамика, как правило, лепная, того же (пражского) типа, что и на поселениях.

Из числа обследованных и частично раскопанных памятников, где обнаружены материалы, аналогичные найденным на территории СССР, следует отметить поселение и могильник у Пржитлуки (окр. Густопече) на р. Дыи,[44] могильник у Ланжгот (окр. Бржецлов) на р. Дыи,[45] могильник у Велатиц (окр. Брно),[46] городище в Ключеве (окр. Чески Брод),[47] поселение в Нитре,[48] могильник в Вычапох Опатовцах (окр. Нитра),[49] поселение в Сомоторе,[50] могильник в Кралевки Хлмец[51] и др.

Как и на территории СССР, чехословацкая группа памятников существовала сравнительно длительное время — от V—VI до X в. Правда, и здесь не все памятники одновременны, но несомненно, все они связаны между собой преемственностью.

Большая группа славянских памятников (поселений и могильников) I тысячелетия н. э. того же типа, что и в лесостепной полосе СССР, обнаружена на территории Румынии, в восточной ее части (бассейны рр. Прута и Серета и нижнего течения Дуная). При раскопках поселений румынские ученые обнаружили прямоугольные в плане полуземляночные жилища с печами-каменками, совершенно тождественные жилищам-полуземлянкам нашей территории. Керамическая посуда, найденная при исследовании этих поселений, — лепные горшки и сковородки — по форме и орнаментации, а также по характеру обработки поверхности ничем не отличается от керамического комплекса нашей террито-

[44] J. Poulík. 1) Staroslovanská Morava. Praha, 1948, стр. 15, 89—94; 2) Jižní Morava země dávných Slovanů. Brno, 1948—1950, стр. 32—42, 53—61, рис. 13—14, табл. 92—42; 3) Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, I. Praha, 1956, стр. 239—258.

[45] J. Eisner. Popelnicové hroby z doby hradištní na Slovensku. Památky archeologické, ročník IV—V, díl XL, 1934—1935, стр. 82—90; J. Poulík. 1) Jižní Morava země dávných Slovanů, стр. 32—42, рис. 16—17; 2) Nové slovanské výzkumy na Moravě, стр. 239—258.

[46] J. Poulík. 1) Staroslovanská Morava, стр. 15, 69—71, 89—94, рис. 3—4, табл. II, III; 2) Jižní Morava země dávných Slovanů, стр. 32—42, 53—61, рис. 9, 93—95; 3) Nové slovanské výzkumy na Moravě, стр. 239—258.

[47] J. Kudrnáč. Slovanská obydlí na hradišti v Klučově. Archeologické rozhledy, ročník VII, sešit 1, 1955, стр. 61—67, 73—75.

[48] J. Poulík. Nové slovanské výzkumy na Moravě, стр. 243.

[49] V. Budinský-Krička. Slovanské popelnicové pole z doby predhradištnej vo Výčapoch-Opatovciach, okr. Nitra. Historica Slovaca, V (Eisnerov sborník). Bratislava, 1947, стр. 135—152.

[50] J. Pastor. Staroslovanské zemnice v Somotore. Archeologické rozhledy, ročník IX, sešit 6, 1957, стр. 827—842.

[51] V. Budinský-Krička. 1) Staroslovanský mohilník v Kráľovskom Chlmci na východnom Slovensku. Archeologické rozhledy, ročník II, sešit 1—2, 1950, стр. 70—74; 2) Slovanské mohyly na východnom Slovensku. Slovenská archeológia, VI—1, Bratislava, 1958, стр. 138—205.

рии. Эту близость румынских археологических памятников с нашими подчеркивают и румынские археологи, называя их по аналогии памятниками роменско-борщевского типа.[52]

На территории Румынии в тех же и близких к ним районах открыты и славянские могильники I тысячелетия. Наиболее интересным из них является могильник у Сэрата-Монтеору, исследованный проф. И. Нестором. Могильник, по-видимому, бескурганный. Обряд погребения — трупосожжение, пережженые кости клались или прямо в ямки, или в урны. Бо́льшая часть урн изготовлена ручным способом, без гончарного круга. Форма сосудов горшкообразная, близкая к пражскому типу. Такие же могильники известны у Балта-Верде (область Крайова), у Сажул-Ноу (Констанцская область) и в ряде других мест. Как и в Сэрата-Монтеору, обряд захоронения — трупосожжение. Сосуды, найденные в могилах, преимущественно лепные, так называемого пражского типа.[53]

Румынские археологи датируют указанные поселения и могильники второй половиной I тысячелетия, причем могильник у Сэрата-Монтеору наиболее ранний. Отдельные погребения в нем могут быть отнесены к концу VI — началу VII в.

Эта румынская группа славянских памятников, как и чехословацкая, территориально не стоит в отрыве от славянских памятников той же поры территории СССР, а непосредственно смыкается с ними, являясь частью единого целого.

Значительно хуже этот период изучен на территории Польши. Но и здесь, судя по последним данным, в районах южной части Польши от Западного Буга до Одера, т. е. в полосе, примыкающей к границам СССР и Чехословакии, все отчетливее начинают выступать остатки славянских поселений с жилищами-полуземлянками и курганные и бескурганные могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Существенно отметить, что и здесь в основании некоторых насыпей встречаются следы деревянных сооружений. Керамика, находимая при исследовании этих памятников, или лепная, так называемого пражского типа, или частично подправленная на круге. Польские археологи датируют отмеченные нами памятники VII—X вв., т. е. тем же самым временем. Таким образом, и здесь общий облик этих древностей совершенно одинаков с древностями территории СССР, Чехословакии и Румынии.[54]

Наконец, буквально в последние годы развалины древнего поселения с жилыми и хозяйственными постройками полуземляночного типа и сопровождающие их остатки керамического комплекса, состоящего из лепных горшков, мисок и сковородок, обнаружены в Болгарии, на правом берегу р. Дунай. По всем данным, это поселение следует датировать VII в.[55]

Итак, в отличие от восточных и северных районов, в районах, расположенных к западу от Левобережья, памятники второй половины I тысячелетия н. э., близкие роменским и им подобным, имеют более широкое распространение. Но главное, что отличает районы к западу от Левобережья от северных и восточных, состоит не в размерах территории, на которой имеются памятники, близкие роменским, а в том, что здесь в отдельных местах археологические памятники, близкие роменским, непосредственно

[52] M. Petrescu-Dîmbovița. 1) Şantierul arheologic Hlincea-Iaşi. Studii şi cercetări de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1954, стр. 233—27.; Rezultatele ultimelor ..., стр. 569—584; 3) Slovanske sídliská v Moldavskej oblasti Rumunska. Slovenská archeológia, VI, 1, Bratislava, 1958, стр. 209—221.

[53] I. Nestor și E. Zaharia. Săpăturile de la Sarata Monteoru din 1955. Materiale și cercetări arheologice, IV, Bucureşti, 1957, стр. 187—194; I. Nestor. La nécropole slave d'époque ancienne de Sarata Monteoru. Dacia, nouvelle série, I, Bucureşti, 1957, стр. 288—296; М. Комша. Некоторые исторические выводы в связи с ранними археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. Dacia, nouvelle série, I, Bucureşti, 1957, стр. 309—327.

[54] L. Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. Wiadomości archeologiczne, t. XXIV, zeszyt 1—2, 1957, стр. 113—129; J. Szydłowski. Sprawozdanie z badań na osadzie z VI—VII wieku w miejsc. Chorula, pow. Krapkowice. Wiadomości archeologiczne, t. XXIV, zeszyt 1—2, 1957, стр. 53—70; W. Hensel. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko całopalne w Międzyborowie pod Warszawą. Archeologické rozhledy, ročník VII, sešit 3, 1955, стр. 348—355; M. Drewko. Sprawozdanie z badań przeprowadzonych w 1955 r. na wczesnośredniowiecznym cmentarzysku kurhanowym we wsi Lipsko, pow. Zamojsk. Sprawozdania archeologiczne, III. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1957, стр. 163—168.

[55] Ж. Н. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, стр. 34—42; Ж. Н. Въжарова. Славянската керамика от с. Попина, Силистренско. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 583—592.

связаны с более ранними (VI—VII вв.), достоверно славянскими памятниками той же территории (Житомирщина, бассейн р. Южного Буга, территория Румынии, Чехословакия). Весьма существенным является и то, что славяне в этих районах (к северу от р. Дуная) в VI—VII вв. засвидетельствованы и письменными источниками. По Иордану, анты жили между рр. Днестром и Днепром, к западу от них (по левому берегу р. Дуная) обитали склавины.[56] Сведения Иордана подтверждаются известиями Прокопия из Кесарии, Феофилакта Симокатта и других византийских историков.[57]

Основываясь на этих данных, мы полагаем, что в достоверно славянских археологических памятниках VI—VII вв. территории между рр. Днепром и Днестром следует усматривать давно разыскиваемые археологами так называемые древности антов.[58]

Учитывая то, что в области Левобережья наиболее ранние достоверно славянские памятники относятся к VIII—IX вв. и что в других, прилегающих к Левобережью районах аналогичные и близкие им славянские памятники той же поры, непосредственно связанные с памятниками более раннего времени (VI—VII вв.) той же территории, известны лишь в областях к западу от р. Днепра, имеются все основания предполагать, что славяне проникли в область Левобережья около VIII в. из западных (правобережных) районов. Откуда конкретно и какими путями шло это проникновение, сказать сейчас трудно. Для решения этой задачи необходимы дополнительные источники, добытые путем раскопок. Исходя из характера левобережных археологических памятников, в частности полуземляночных жилищ, лишь одно является как будто несомненным: таким районом должна быть лесостепная полоса и пограничье лесостепи и леса. Но и это положение требует проверки.

[56] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 71, 72.

[57] Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греческого С. П. Кондратьева. Вступительная статья З. В. Удальцовой. М., 1950, стр. 156, 295, 297, 298; Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 144, 146—148, 157, 178.

[58] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492—495; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 319—337; И. И. Ляпушкин. 1) О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 130—136; 2) Место роменско-боршевских памятников . . .; М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов'ян. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 21—42.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авенариус Н. П. Полтавская губ. Поставмукские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896.
Александров А. Н. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. Древности. Труды МАО, т. XXIII, вып. 2, М., 1914.
Алихова А. Е. Авдеевское селище. КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1951.
Антонович-Мельник К. Археологічні досліди на Кременчужчині. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926.
Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10.
Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, М.—Л., 1940.
Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, Л., 1935.
Археология в ХГУ за сорок лет. Путеводитель по выставке в археологическом музее ХГУ. Харьков, 1958.
Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952.
Атлас Гочевских древностей. М., 1915.
Бабенко В. А. Волчанское городище. Труды Харьковск. комиссии по устройству XIII АС в Екатеринославе. Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ., т. 16, Харьков, 1905.
Бабенко В. А. Дневник раскопок 1-го катакомбного могильника в селе Верхнем Салтове 1908 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.
Бабенко В. А. Дополнение к докладу «Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове». Труды XIII АС, т. 1, М., 1907.
Бабенко В. А. Древне-Салтовские придонецкие окраины южной России. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Бабенко В. А. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.
Бабенко В. А. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Труды XV АС, т. I, М., 1914.
Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV стол. Киев, 1882.
Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетиях. Харьков, 1886.
Багалей Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян. КСИА, вып. 2, Киев, 1953.
(Березовец Д. Т.) Березовець Д. Т. До питания про літописних сіверян. Археологія, т. VIII, Київ, 1953.
(Березовец Д. Т.) Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952.
(Березовец Д. Т.) Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сейм. в 1949—1950 рр. АП, т. V, Київ, 1955.
Березовец Д. Т. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Киев, 1957.
(Березовец Д. Т.) Березовець Д. Т. Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. АП, т. III, Київ, 1952.
(Березовец Д. Т.) Березовець Д. Т. Харівський скарб. Археологія, т. VI, Київ, 1952.
Бернякович К. В. Археологічні дослідження в Закарпатській області в 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952.
Бернякович К. В. Исследования древнеславянского поселения VIII—X вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3, Киев, 1954.
(Блифельд Д. И.) Бліфельд Д. І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955.
(Блифельд Д. И.) Бліфельд Д. І. Дослідження в с. Шестовицях. АП, т. III, Київ, 1952.
Блифельд Д. И. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.
Блифельд Д. И. Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет. КСИА, вып. 2, Киев, 1953.
Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 2, СПб., 1894.
Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 3, СПб., 1901.

Бобринский А. А. Перещепинский клад. МАР, № 34, Пгр., 1914

Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. АП, т. V, Київ, 1955

Богусевич В. А. Канівська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952

Богусевич В. А. Про топографію древнього Чернігова. Археологія, т. V, Київ, 1951.

Богусевич В. А. Роботи Чернігівської експедиції. АП, т. III, Київ, 1952

Бочков Д. А. Интересный случай находки древнеримской монеты. КСИА, вып. 5, Киев, 1955.

(Брайчевский М. Ю.) Брайчевський М. Ю. Антський період історії східних слов'ян. Археологія, т. V, Київ, 1952

(Брайчевский М. Ю.) Брайчевський М. Ю. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст. Археологія, т. IV, Київ, 1950.

Брайчевский М. Ю. К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

Брайчевский М. Ю. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 3.

Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951

Брайчевский М. Ю. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян. КСИА, вып. 6, Киев, 1956.

Брайчевский М. Ю. Об антах Псевдомаврикия. СЭ, вып. 2, М., 1953.

(Брайчевский М. Ю.) Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України. Київ, 1959.

(Брайчевский М. Ю.) Брайчевський М. Ю. Розкопи на третьому Городському городищі. АП, т. III, Київ, 1952

Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок 1882—1902 гг. СПб., 1908.

Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Бунин А. Я. Где находились города Липецк и Воргол, а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283—1284 гг.? Труды XI АС, т. II, М., 1902

Виноградский Ю. С. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея. КСИА, вып. 5, Киев, 1955

(Виноградский Ю. С.) Виноградський Ю. С. Археологічні розшуки на Сосниччині р. 1927. ХАМ, т. 3, Київ, 1931

Виноградский Ю. С. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница. КСИА, вып. 1, Киев, 1952

(Виноградский Ю. С.) Виноградський Ю. Сосниця та її околиці. В кн.: Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928.

Воеводский М. В. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949

(Воеводский М. В.) Воєводський М. В. Городища Десни. АП, т. I, Київ, 1949

Въжарова Ж. Н. Славянската керамика от с. Попина Силистренско. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958.

(Вязьмитин Р. И.) Вязьмітіна Р. І. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті. АП, т. III, Київ, 1952.

Выжарова Ж. Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956.

Выжарова Ж. Н. Раннеславянская керамика из села Попина. КСИИМК, вып. 63, М., 1956.

Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской области. КСИА, вып. 1, Киев, 1952

Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. Труды XIII АС, т. II, М., 1908

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

Гончаров В. К. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, Киев, 1955

Гончаров В. К. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I, Київ, 1949.

Гончаров В. К. Райковецкое городище. Київ, 1950

Гончаров В. К. Роботи Волинської експедиції 1948 р. АП, т. III, Київ, 1952.

Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча. АП, т. III, Київ, 1952

Гончаров В. К., Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницкого. Археологія, т. XI, Київ, 1957.

Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности. Труды МАО, т. 24, М., 1914.

Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911

Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года. Труды XII АС, т. I, М., 1905

Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Труды XII АС, т. I, М., 1905

Горохов Т. А. Монетные клады Курской губернии. Изв. Курск. губ. общ. краеведения, № 6, VII—VIII, 1927

Граков Б. Н. Скіфи. Київ, 1947.

Граков Б. Н. и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Данилевич В. Е. Донецкое городище и город Донец. Археол. летопись южн. России (1904), № 4—5, Киев, 1905.

Данилевич В. Е. Донецкое и Хорошевское городища. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. II, Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ., т. 13, Харьков, 1902.

Данилевич В. Е. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Данилевич В. Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911.

Данилевич В. Е. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки, Ахтырского уезда, Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Даниленко В. М., А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952.

Дмитрюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Труды Курск. губ. статистич. комитета, вып. 1, Курск, 1863.

Дмитрюков А. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вестн. РГО, 1854, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854.

Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сборн. I, М., 1952.

Довженок В. Й. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952.

Довженок В. Й. Феодальний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних. Археологія, т. VIII, Київ, 1953

Довженок В. И. и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, № 70, М.—Л., 1959.

Древности Приднепровья, вып. IV. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко. Киев, 1901.

Еременко П. М. Могильники и городище Глуховского и Суражского уездов. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. 1, М., 1906.

Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2.

Ефименко П. П. и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, М.—Л., 1948.

Завитневич В. З. Научное значение археологических раскопок, произведенных в системе р. Сулы, в Роменском уезде Полтавской губернии. Труды Киевск. духовн. акад., т. 2, № 6, 1887.

Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, М.—Л., 1946.

(Ильинская В. А.) Іллінська В. А. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

(Ильинская В. А.) Іллінська В. А. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII, Київ, 1953

Ильинская В. А. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье. КСИА, вып. 3, Киев, 1954.

Ильинская В. А. Керамика скифских погребений Посулья. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

(Ильинская В. А.) Іллінська В. А. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, т. V, Київ, 1951

Ильинская В. А. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы. КСИИМК, вып. 54, М., 1954.

Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.

Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, вып. 70, М., 1957

Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, М., 1957

(Ильинская В. А.) Іллінська В. А. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. Археологія, т. IV, Київ, 1950.

Ильинская В. А. По поводу так называемой «зольничной культуры». КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л., 1950.

(Ильинская В. А.) Іллінська В. А. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, М., 1857; отд. III, М., 1857.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 5, Чернигов, 1874, кн. 6, Чернигов, 1874, кн. 7, Чернигов, 1873.

История культуры Древней Руси, т. I. Под ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М.—Л., 1948

История русской архитектуры. Ред. С. В. Безсонов. М., 1956.

История СССР, ч. I—II. Ред. М. И. Артамонов. Изд. ИИМК АН СССР, М.—Л., 1939.

Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950

Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958.

Каргер М. К. К вопросу о Киеве VIII—IX вв. КСИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940.

Каргер М. К. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, вып. XLIX, М., 1953.

Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, М., 1954.

Каталог выставки XII археологического съезда в г. Харькове. Харьков, 1902.

Кибальчич Т. В. Древности. Киев, 1876

Кишвасн-Комша М. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. Dacia, nouvelle serie, I, Bucureşti, 1957.

Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950

Ковпаненко Г. Т. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, Київ, 1957.

Козловская В. Е. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке, Черниговской губ., Сосницкого уезда. ИТУАК, 47, Симферополь, 1912.

(Козловская В. Е.) Козловська В. Е. Розкопи в Борипільському районі. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік. Київ, 1927.

(Козловская В. Е.) Козловська В. Е. Розкопи на території стародавнього Борп-

шільського городка. Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Київ, 1926.
Козловская В. Е. Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев, 1914.
(Копылов Ф. Б.) Копилов Ф. Б. Археологічна розвідка на р. Хорол в 1949 р. АП, т. V, Київ, 1955.
(Копылов Ф. Б.) Копилов Ф. Б. Посульська експедиція АП, т. III, Київ, 1952.
(Копылов Ф. Б.) Копилов Ф. Б. Посульська експедиція 1945—1946 рр. АП, т. I, Київ, 1949.
(Копылов Ф. Б., С. М. Одинцова, О. Г. Шапошникова) Ф. Б. Копилов, С. М. Одинцова, О. Г. Шапошнікова. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни. АП, т. III, Київ, 1952.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, М., 1955
Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954.
Коршак К. З праці семінару при Археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Києві. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930.
Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4.
Крупнов Е. И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе КСИИМК, вып. XXIV, М.—Л., 1949.
Кузнецов М. Розвідувальні розкопи в Лубнах. Археологія, т. II, Київ, 1948.
Курск. Очерк по истории города. Курск, 1957.
Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення. Археологія, т. VI, Київ, 1952.
Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951.
Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. Slavia Antiqua, t. 7, Poznań, 1960.
Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, М., 1957.
Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, М., 1957.
Лазаревский А. [М.]. Описание Старой Малороссии, т. III, Киев, 1902.
Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии М., 1954.
(Луцкевич И. Н.) Луцкевич І. Н. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948.
Ляпушкин И. И. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX, М.—Л., 1948
Ляпушкин И. И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, М.—Л., 1958
Ляпушкин И. И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947
Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, М.—Л., 1958.
(Ляпушкин И. И.) Ляпушкін І. І. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952.
Ляпушкин И. И. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI, М.—Л., 1949.
Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. СА, XV, М.—Л., 1951.
Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. В кн. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Изд. ЛГУ, Л., 1961
Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959.
Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение. МИА, № 62, М.—Л., 1958.
Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946.
Ляпушкин И. И. Место роменско-борщевских памятников среди славянских древностей. Вестн. ЛГУ, 1956, № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-борщевской культуры. СА, IX, М.—Л., 1947.
Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, вып. 68, М., 1957.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, М.—Л., 1950.
Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, М.—Л., 1958.
Ляпушкин И. И. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951.
Ляпушкин И. И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, М.—Л., 1952.
Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, М.—Л., 1940.
Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, вып. 74, М., 1959.
Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА, № 62, М.—Л., 1958.
Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА, № 62, М.—Л., 1958.
(Ляпушкин И. И.) Ляпушкін І. І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. АП, т. I, Київ, 1949.
Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, М., 1901.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.
Ляскоронский В. Г. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья. Труды XIV АС, т. III, М., 1911
Ляскоронский В. Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Изд. 2-е, Киев, 1903
Ляскоронский В. Г. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Труды XI АС, т. I, М., 1901.
Ляскоронский В. Г. Остатки древнего городища в м. Снетине, Лубенского уезда, Полтавской губ. Киевская старина, год 15-й, т. LV, 1896, декабрь.
Мавродин В. В. Древняя Русь. Л., 1946.
Мавродин В. В. Образование древнерусского государства Л., 1945.
Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.
Магура С. Археологічні досліди на Сумщині року 1929-го. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930.
Магура С. Випадкові знахідки за р. 1927. ХАМ, ч. 2, Київ, 1930.
Магура С. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу. Наукові записки ІІМК, кн. 1, Київ, 1934.
Макаревич М. Л. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці. Археологія, т. X, Київ, 1957.
Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, СПб., 1911.
(Макаренко Н. Е.) Макаренко М. Археологічні досліди та розвідки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927.
(Макаренко Н. Е.) Макаренко М. Боресницьке [illegible] Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928.
Макаренко Н. Е. Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917.
(Макаренко Н. Е.) Макаренко М. Городище Монастирище. Науковий збірник за рік 1924, т. XIX, Київ, 1925.
(Макаренко Н. Е.) Макаренко М. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederlův sborník Obzor praehistorický, ročník IV, Praha, 1925.
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, СПб., 1906.
Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
Махно Е. В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952.
Махно Е. В. Пам'ятки культури полів поховань Черняхівського типу. Археологія, т. IV, Київ, 1950.
Махно Е. В. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережж. АП, т. I, Київ, 1949.
Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, М., 1955
Махно Е. В. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП, т. V, Київ, 1955.
Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, 112, М.—Л., 1934.
Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губернии, 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, М.—Л., 1951.
Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г ИАК, вып. 33, СПб., 1909.
Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, СПб., 1909
Монгайт А. Л. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 41, М.—Л., 1951.
Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губернии. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902.
Москаленко А. Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне верхнего и среднего Дона. Славянский сборник, I, Выпуск исторический Воронеж., 1958
Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, М., 1956
Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3.
Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, М.—Л., 1959.
Никольская Т. Н. Щукинское городище. КСИИМК, вып. 72, М., 1958.
Оссовский Г. О. Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева. Труды III АС, т. II, М., 1878.
Отчет Археологической комиссии: за 1864 г., СПб., 1865; за 1882—1888 гг., СПб., 1891; за 1895 г., СПб., 1897, за 1903 г., СПб., [illegible] СПб., 1907, за 1905 г., СПб., 1908, за 1906 г. СПб., 1909; за 1907 г., СПб., 1910; за 1912 г., Пгр., 1916, за 1913—1915 гг., Пгр., 1918.
Падалка Л. В. Древний городок близ м. Старых Сенжар, Полтавского у. Археол. летопись южн. России, т. III, Киев, 1901.
Падин В. А. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. XXIII, М.—Л., 1948.
Пассек В. Курганы и городища в Харьковской губ. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXX, 18[illegible].
Пассек В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сборн., т. III, кн. 2, М., 18[illegible].
Петров Н. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за месяц июнь 1880 г. Труды Киевск. духовн. акад., т. II, кн. 8, Киев, 1880.
(Пиотровский А.) Піотровський А. Археологічні розвідки у Переяславському районі р. 1930. ХАМ, ч. 3, Київ, 1931.

(Покровская Е. Ф.) Покровська Е. Ф. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині. Археологія, т. VII, Київ, 1952.

Покровская Е. Ф. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.

Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Покровский М. В. Пашковский могильник № 1. СА, I, М.—Л., 1936.

Прокопий из Кесарии. Война ... Перевод с греческого С. П. Кондратьева ... тельная статья З. В. Удальцовой. М., 1950.

Протоколы заседаний Отделения археологии русской и славянской Русского археологического общества за 1899 и 1900 годы. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, СПб., 1901.

Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Изв. ГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934.

Равдоникас В. И. Старая Ладога. СА, XII, М.—Л., 1950.

Раппопорт П. А. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. Археологія, т. VII, Київ, 1952.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, М.—Л., 1956.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II. Зап. Одесск. общ. истории и древностей, т. XXVII, Одесса, 1907.

Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. Археологія, т. I, Київ, 1947.

(Рудинский М. Я.) Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I, Полтава, 1928.

(Рудинский М. Я.) Рудинський М. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927.

(Рудинский М. Я.) Рудинський М. Кантамирівські могили римської доби. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930.

(Рудинский М. Я.) Рудинський М. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949.

Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4.

Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6).

Рыбаков Б. А. Вщиж — удельный город XII века. КСИИМК, вып. XLI, М., 1951.

Рыбаков Б. А. Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина). СА, XVII, М., 1953.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. МИА, № 11, М., 1949.

Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, М.—Л., 1949.

Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947.

Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВИ, 1952, № 9.

Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян. Историч. журн., 1943, № 11—12.

Рыбаков Б. А. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1951.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948.

(Рыбаков Б. А.) Рибаков Б. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. АП, т. I, Київ, 1949.

(Рыбаков Б. А.) Рибаков Б. Розкопки в Чернігівському дитинці в 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949.

Рыков П. С. Юго-восточные границы радимичей. Учен. зап. Гос. саратовск. им. Н. Г. Чернышевского унив., т. I, вып. 3, Саратов, 1923.

Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии. М., 1915.

Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873.

Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878.

Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.

Самоквасов Д. Я. О происхождении русских и польских Славян и причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов. Труды VIII АС, т. III, М., 1897.

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908.

Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории. Труды III АС, т. I, Киев, 1878.

Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, СПб., 1914.

Сведения 1873 г. о городищах и курганах. ИАК, вып. 5, СПб., 1903.

Семенов-Зусер С. А. Дослідження Салтівського могильника. АП, т. III, Київ, 1952.

Семенов-Зусер С. А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949.

Семенчик М. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930.

Сенаторский Н. П. К истории заселения северо-западного района Курского края. Изв. Курск. губернск. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927.

(Сибилев Н. В.) Сібільов М. В. Археологічні пам'ятки на Дінці в звязку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, т. IV, Київ, 1950.

Сибилев Н. В. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926.

(Сибилев Н. В.) Сібільов М. В. Старовинності Ізюмщини, вып. III. Ізюм, 1928.

(Сибилев Н. В.) Сібільов М. В. Старовинності Ізюмщини, вып. IV. Ізюм, 1930.

(Сибилев Н. В.) Сібільов М. В. Стародавня посудина з «письменами». Археологія, т. VI, Київ, 1952.

Сизов В. И. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Труды VI АС, т. IV, Одесса, 1889.

Синицын И. В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. 50, М.—Л., 1953.

(Смиленко А. Т.) Сміленко А. Т. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. VI, Київ, 1952.

Соловьев Л. Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губернск. общ. краеведения, № 4, Курск, 1927.

Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, М., 1956.

Соловьева Г. Ф. и В. П. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов в древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, М., 1953.

Сосновский К. П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псела в пределах Обоянского уезда, Курской губернии. Труды КГУАК, вып. 1, Курск, 1911.

Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922.

Спицын А. А. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.

Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901.

Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. ЖМНП, нов. сер., ч. XIX, 1909, январь.

Спицын А. А. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул. ЗРАО, т. XI, вып. I и II, М., 1899.

Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Пгр., 1918.

Спицын А. А. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903.

Станкевич Я. В. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949.

(Старчук И. Д.) Старчук І. Д. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952.

Тахтай А. К. Археологічна работа музею 1926—1927 р. Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. I, Полтава, 1928.

Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. КСИИМК, вып. 68, М., 1957.

Тереножкин А. И. Скифская Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951.

(Тесленко Г. И.) Тесленко Г. І. Розкопи ... 1920 р. Наукові записки ... катедри історії української культури, № 6, Харків, 1927.

(Тимощук Б. А.) Тимощук Б. О. Розвідка в басейні р. Прута. АП, т. III, Київ, 1952.

Тиханова М. А. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4.

Тищенко Г. Т. Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.

Третьяков П. Н. Археологические памятники древнерусских племен. Учен. зап. ЛГУ, № 85, сер. историч. наук, вып. 13, Л., 1949.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. II, № 3, М., 1945.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953.

Третьяков П. Н. Древлянские «грады». Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952.

Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV Международный съезд славистов. Доклады, М., 1958.

Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, М.—Л., 1941.

Третьяков П. Н. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, М.—Л., 1941.

Третьяков П. Н. Старовинні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947.

Третьяков П. Н. У истоков Древней Руси. Сборн. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953.

Уварова П. С. Выборки из дел Черниговского статистического комитета, Исторического общества Нестора Летописца и Архива граф. П. С. Уваровой. Городища и курганы. Труды Московск. Предварит. комитета по устройству XIV АС, вып. 1, М., 1906.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900.

Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. Тр. Курск. губернск. статистич. комитета, вып. IV, Курск, 1874.

(Фабрициус И. В.) Фабріціус І. В. До питання про топографіфікацію племен Скіфії. Археологія, т. V, Київ, 1951.

Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. СГАИМК, I, Л., 1926.

(Федоровский А. С.) Федоровський О. Археологічні розкопи в околицях Харкова. ХАМ, ч. 1, Київ, 1930.

Федоровский А. С. Раскопки Верхне-Салтовского могильника 18—22 сентября 1911 г. Вестн. Харьковск. историко-филологич. общ., вып. 5, Харьков, 1914.

(Федоровский А. С.) Федоровський О. Інструкція та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків, 1927.

Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.

(Фукс М.) Фукс М. Пам'ятки римської доби на Харківщині. ЗВУАК, т. I, Київ, 1930.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1901.

Хвойка В. В. Раскопки могильника при с. Броварки. Древности. Труды МАО, т. XX, вып. 2, СПб., 1904.

Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851.

Ш... в И. Памятники старины в Ахтырском уезде. Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902.

Шовкопляс Г. М. Керамічний комплекс епохи бронзи та ранньослов'янського часу

з Юр'євої Гори поблизу м. Сміли. Археологія, т. XI, Київ, 1957.
Шрамко Б. А. Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине. КСИА, вып. 7, Киев, 1957.
Шрамко Б. А. Кафедра древней истории и археологии Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. ВДИ, 1951, № 4.
Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури. Труди Історичного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького, т. 7, Харків, 1959.
Шрамко Б. А. Курган и городище у с. Циркуны. КСИИМК, вып. 63, М., 1956.
Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, М., 1954.
Шрамко Б. А. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Автореф. дисс., М., 1953.
Шрамко Б. А. Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.
Шрамко Б. А. Селище та могильник раннього залізного доби біля с. Островерхівки. АП, т. VI, Київ, 1956.
Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1.
Шугаевский В. «Татарская горка» близ г. Чернигова. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XV АС, М., 1911.
(Щербаковский В. М.) Щербаківський В. Лiплявський могильник. Niederlův sborník. Obsor Praehistorický, ročník IV, Praha, 1925.
Эдинг Д. Н. Антропо-зооморфные фибулы Восточной Европы. Учен. зап. Инст. этнических и национальных культур народов Востока, т. II, М., 1930.
Bernat Wl. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w Międzyborowie pod Warszawa. Archeologické rozhledy, ročník VII, sešit 3, 1955.
Bezzenberger A. Litauische Graberfelder. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, Bd. 17, Königsberg, 1892.
Budinský-Krička V. Slovanské mohyly na východnom Slovensku. Slovenská archeológia, VI, 1, Bratislava, 1958.
Budinský-Krička V. [illegible] popelnicové pole z doby predhradištnej v [illegible] Opatovciach, okr. Nitra. Historica Slovaca, V (Eisnerov sborník), Bratislava, 1947.
Budinský-Krička V. Staroslovanský mohylník v Královskom Chlmci na východnom Slovensku. Archeologické rozhledy, ročník II, sešit 1—2, 1950.
Drewko M. Sprawozdanie z badań przeprowadzonych w 1955 r. na wczesnośredniowiecznym cmentarzysku kurhanowym we wsi Lipsko, pow. Zamojski. Sprawozdania archeologiczne, III, Warszawa—Wrocław—Krakow, 1957.
Eisner J. Popelnicové hroby z doby hradištní na Slovensku. Památky archeologické, ročník IV—V, díl XL, 1934—1935.
Kudrnáč J. Slovanská obydlí na hradišti v Klučové. Archeologické rozgledy, ročník VII, sešit 1, 1955.
Moora H. A. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 J. Chr., I. Tartu—Dorpat, 1929.
Nestor I. La nécropole slave d'époque ancienne de Sărata Monteoru. Dacia, nouvelle série, I, Bucureşti, 1957.
Nestor I. şi E. Zaharia. Săpăturile de la Sărata Monteoru din 1955. Materiale şi cercetări arheologice, IV, Bucureşti, 1957.
Pastor J. Staroslovanské zemnice v Somotore. Archeologické rozhledy, ročník IX, sešit 6, 1957.
Petrescu-Dîmboviţa M. Slovanské sídliská v Moldavske, oblasti Rumunska. Slovenská archeológia, VI, 1, Bratislava, 1958.
Petrescu-Dîmboviţa M. Şantierul arheologic Hlincea-Iaşi. Studii şi cercetări de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1954.
Petrescu-Dîmboviţa M. Rezultatele ultimelor cercetări ale arheologilor sovietici cu privire la aşezările de tip romen borşevo şi importanţa lor pentru arheologia R. P. R. Studii şi cercetări de istorie veche, t. V, № 3—4, 1954.
Potapov A. A. Inkrustierte Keramik von Belsk. Eurasia septentrionalis antiqua, 4, 1929.
Poulík J. Jižní Morava země davných Slovanů. Brno, 1948—195[illegible]
Poulík J. Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, I, Praha, 1956.
Poulík J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948.
Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
Rauhut L. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. Wiadomości archeologiczne, t. XXIV, zeszyt 1—2, 1957.
Szydłowski J. Sprawozdanie z badań na osadzie VI—VII wieku w miejsc. Chorula, pow. Krapkowice. Wiadomości archeologiczne, t. XXIV, zeszyt 1—2, 1957.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Авдеева, 126.	Селище (?)	1. Черняховск., III—IV вв 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	159
Азак, 227.	Городище.	Славянск., VIII—X вв	245
Александровка, 278	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв	322
Алферовка, 1.	Селище.	Культ. зольников	48
Анисов, 279	Селище	Древнерусск., X—XIII вв	322
Архангельское, 201	Городище и селище	Салт.-маяцк., VIII—X вв	197
Асмолово, 228.	Городище и селище (?)	Слав.-русск., VIII—XIII вв	245
Ахтырка, 2.	Селище.	Культ. зольников.	48
Ахтырка, 229	Городище (?) и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв	245
Баницы, 230.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв	246
Барановка, 3.	Городище.	Культ. зольников	49
Басовка, 4.	Городище	1. Культ. зольников. 2. Славянск., VIII—X вв.	49
Бетьск, 5.	Городище	Культ. зольников.	49
Березоточа, 6.	Селище	Культ. зольников.	50
Беседовка, 127.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	160
Битица, 7.	Городище	1. Культ. зольников. 2. Славянск., VIII—X вв	50
Блистова, 280	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв	322
Боголюбовка, 8	Городище	Культ. зольников	52
Бойковка, 9	Селище	Культ. зольников	52
Большая Буромка, 281.	Городище	Древнерусск., X—XIII вв	323
Большая Гомольша, 10.	Городище.	Культ. зольников	52
Большая Даниловка, 11	Городище.	Культ. зольников.	53
Большая Даниловка, 128, 129	Селища.	Черняховск., III—IV вв	160
Большая Писаревка, 130	Селище, могильник (?)	Черняховск., III—IV вв	160
Большая Чер[illegible]тчина, 12	Селище	Культ. зольников	[illegible]
Большие Будки, 13.	Городище	1 [illegible] зольников	[illegible]
Большое Будище, 14	Селище.	Культ. зольников	54
Большое Городище, 15.	Городище.	Культ. зольников	54
Большой Самбор, 282	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв	323
Борисовка, 16	Городище.	Культ. зольников	[illegible]
Борисполь, 283	Селище	Древнерусск., X—XIII вв.	323
Броварки, 231.	Городище и селище	Слав.-русск., VIII—XIII вв	247
Брусилов, 284.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв	323
Бублайка, 202.	Селище (?).	Салт.-маяцк., VIII—X вв	198
Бубновская Слобода, 285	Городище и селище	Древнерусск., X—XIII вв.	324
Буды, 17.	Селище	Культ. зольников	55
Бушмено, 18	Селище.	Культ. зольников	55
Бушмено, 19	Городище и селище	Культ. зольников	56
Валуйки, 203	Могильник (?).	Салт.-маяцк., VIII—X вв	198
Васищево, 204	Селище	Салт.-маяцк., VIII—X вв	199
Великая Рыбица, 20	Городище и селище.	1. Культ. зольников 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв	56

Продолжение

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Верхний Салтов, 205.	Городище, селище и могильник	Салт.-маяцк., VIII–X вв.	199
Верхняя Писаровка, 131.	Отдельные находки	Черняховск., III–IV вв.	160
Водяное, 21	Городище	1. Культ. зольников. 2. Славянск., VIII–X вв.	56
Водяное, 132.	Селище (?).	Черняховск., III–IV вв.	160
Воинская Гребля, 286	Городище и селище	Древнерусск., X–XIII вв.	325
Волковцы, 133	Селище.	Черняховск., III–IV вв.	161
Волокитино, 232.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	247
Волчанск, 134.	Селище (?).	Черняховск., III–IV вв.	161
Волчанск, 206	Городище и селище	Салт.-маяцк., VIII–X вв.	200
Волынцево, уроч. Стан, 22.	Городище (?).	1. Культ. зольников. 2. Славянск., VIII–X вв.	59
Волынцево, уроч. Курган, 233.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	248
Ворголь, 23.	Городище.	1. Культ. зольников 2. Слав.-русск., VIII–XIII вв.	59
Ворожба, 24	Городище	Культ. зольников.	61
Ворожба, 234.	Городище (?)	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	249
Выгуровщина, 287	Городище.	Древнерусск., X–XIII вв.	325
Выползово, 288	Городище (?) и селище	Древнерусск., X–XIII вв.	326
Вырвихвост, 135.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	161
Высокое, 25.	Городище.	Культ. зольников.	61
Высокополье, 26	Селище.	Культ. зольников	61
авронцы, 27.	Селище.	Культ. зольников	64
аиджа, 28	Селище.	Культ. зольников.	64
воздев, 29	Селище.	Культ. зольников.	64
воздев, 30	Селище	Культ. зольников	64
иревка, 289	Городище	Древнерусск., X–XIII вв.	326
линск, Сумск., 31.	Городище	Культ. зольников	64
линск, Полтавск., 235	Городище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	249
линск, Сумск., 236.	Городище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	249
олубовка, 207.	Селище	Салт.-маяцк., VIII–X вв.	201
орицы, уроч. Провалье, 290	Селище	Древнерусск., X–XIII вв.	327
орицы, уроч. Дворище, 291	Селище	Древнерусск., X–XIII вв.	327
орка, 23[illegible]	Городище	Славянск., VIII–X вв.	2[illegible]0
орки, 32	Городище	1. Культ. зольников 2. Славянск., VIII–X вв.	65
орналь, [illegible]38	Городище (Большое) и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	250
орналь, [illegible]39	Городище (Малое) и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	252
роденск, 292	Городище и селище	Древнерусск., X–XIII вв.	327
родище, Киевск., 29[illegible]	Городище и селище	Древнерусск., X–XIII вв.	[illegible]
[illegible]	[illegible]	1. Культ. зольников 2. Слав.-русск., VIII–XIII вв.	6[illegible]
родище, Полтавск., 240	Городище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	254
родище, Сумск., 294.	Городище	Древнерусск., X–XIII вв.	329
родище, Харьковск., 34.	Городище	Культ. зольников.	68
родное, 35	Городище	Культ. зольников	68
роховатка, 208	Городище (?) и селище	Салт.-маяцк., VIII–X вв.	202
чево, 36.	Городище	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII–XIII вв.	69
адижск, 136.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	161
ашков, 37	Городище.	Культ. зольников.	7[illegible]
ечаники, 137	Отдельные находки	Черняховск., III–IV вв.	162
идасово, 138.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	162
иневка, 139.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	162
ицевка, 295.	Городище	Древнерусск., X–XIII вв.	329
ячаха, 140.	Селище.	Черняховск., III–IV вв.	162
бинцы, 141.	Могильник	Черняховск., III–IV вв.	163
Гущино, 296.	Городище	Древнерусск., X–XIII вв.	329
Деркачи, 142	Селище	Черняховск., III–IV вв.	1[illegible]
Добрая, 38	Городище, селище и могильник	1. Культ. зольников (городище) 2. Салт.-маяцк., VIII–X вв. (городище, селище, могильник)	70
Добренское, 143	Селище (?)	Черняховск., III–IV вв.	163
Долгий Колодезь, уроч. Вольховня, 39.	Городище и селище	Культ. зольников	72
Долгий Колодезь, уроч. Наволочки, 40.	Городище	1. Культ. зольников 2. Славянск., VIII–X вв.	72
Долгий Колодезь, уроч. Вышний, 241	Городище.	Славянск., VIII–X вв.	254
Долгий Колодезь, уроч. Стрелица, 242	Городище и селище.	Славянск., VIII–X вв.	254
Должик, 144.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	163
Должок, 41.	Селище	Культ. зольников	73
Дубравка, 42	Селище	Культ. зольников	73
Ерковцы, 145	Селище	Черняховск., III–IV вв.	163
Журавное, 243	Городище и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	255
Заказаровка, 43	Городище	Культ. зольников	73
Залиманье, 209.	Селище и могильник	Салт.-маяцк., VIII–X вв.	202
Замосский Кут, 146	Селище (?).	Черняховск., III–IV вв.	164
Загодня, 147.	Селище.	Черняховск., III–IV вв.	164
Засулье, 44.	Селище	Культ. зольников	73
Зеленый Гай, 244.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	255
Золотоноша, 297	Городище и селище	Древнерусск., X–XIII вв.	330
Зубовка, 45.	Городище	Культ. зольников	74
Иваньково, 298	Городище.	Древнерусск., X–XIII вв.	330
Изюм, 244а.	Селище (?)	Славянск., VIII–X вв.	256
Исаевка, 148	Селище.	Черняховск., III–IV вв.	164
Калайдинцы, 149	Селище	Черняховск., III–IV вв.	164
Каменка, Полтавск., 46.	Селище	Культ. зольников	74
Каменка, Сумск., 47	Городище	Культ. зольников	74
Каменное, 245	Городище и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	256
Кантемировка, 150	Селище и могильник	Черняховск., III–IV вв.	164
Каньстичи, 246	Городище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	258
Караван, 48	Городище и селище.	Культ. зольников	75
Карачевка, 247	Городище и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	258
Картамышево, 49	Городище	1. Культ. зольников 2. Славянск., VIII–X вв.	75
Катаны, 299	Городище	Древнерусск., X–XIII вв.	330
[illegible]	Городище	[illegible]	76
[illegible]	Могильник	[illegible]	[illegible]
Кнышевка, 5[illegible]	Городище	Культ. зольников	7[illegible]
Кнышевка, [illegible]48	Городище и селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	25[illegible]
Кобеляки, 151	Селище	Черняховск., III–IV вв.	164
Ковалевка, 152	Селище (?).	Черняховск., III–IV вв.	165
Ковали, 153.	Отдельные находки	Черняховск., III–IV вв.	165
Козелька, см. Добрая, 38.			—
Коломак, 52	Городище.	Культ. зольников	78
Коробов, [illegible]	Городище	1. Культ. зольников 2. Славянск., VIII–X вв.	7[illegible]
Коровинцы, 154	Селище	Черняховск., III–IV вв.	165
Коровинцы, уроч. Старое Село, 155.	Селище	Черняховск., III–IV вв.	166
Коропье, 249	Селище	Слав.-русск., VIII–XIII вв.	261
Корочка, 54	Городище	Культ. зольников	[illegible]
Корочка, 55	Селище.	Культ. зольников	80
Кочеток, 56	Селище	Культ. зольников	80
Кочеток, 156	Отдельные находки	Черняховск., III–IV вв.	166
Красное Утро, 57	Городище и селище	1. Культ. зольников 2. Слав.-русск., VIII–XIII вв.	81

Продолжение

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Красный Колядин, 250.	Городище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	261
Кременчугщина, 157.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	166
Кривецкие Буды, 58.	Городище.	Культ. зольников.	81
Кручик, 158.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	166
Куземин, 251.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	262
Кунцы, 59.	Селище.	Культ. зольников.	83
Кунцы, 159.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	166
Купьеваха, 160.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	166
Куриловка, 300.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	330
Курск, 252.	Городище (?).	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	262
Кучмовка, 60.	Селище.	Культ. зольников.	83
Легезы, 161.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	166
Ленинское, 301.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	331
Лепляво, 302.	Городище (?) и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	331
Лещиновка, 61.	Городище и селище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	83
Линово, 62.	Городище.	Культ. зольников.	84
Липино, 253.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	262
Липовое, 303.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	332
Литвиновичи, 63.	Селище.	Культ. зольников.	84
Литвиновичи, 254.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	263
Литвяки, 64.	Селище.	Культ. зольников.	84
Лихачевка, 65.	Селище.	Культ. зольников.	85
Лихачевка, 66.	Селище.	Культ. зольников.	85
Лохвица, 162.	Могильник.	Черняховск., III—IV вв.	166
Лубны, 67.	Селище.	Культ. зольников.	86
Лубны, 255.	Городище и селище (?).	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	263
Луговое, 163.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	167
Лукомье, 304.	Городище (?).	Древнерусск., X—XIII вв.	334
Лысогорка, 211.	Селище и могильник.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	203
Любеч, 305.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	334
Лящковцы, 306.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	334
Ляцевка, 307.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	334
Малые Сорочинцы, 164.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	167
Малый Вязивок, 68.	Городище и селище.	Культ. зольников.	86
Малый Истороп, 69.	Городище.	Культ. зольников.	86
Манжелея, 165.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	167
Мартово, 166.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	167
Мартово, 212.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	203
Матвеевка, 308.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	335
Мацковцы, 309.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	335
Мачухи, уроч. Таранцев Яр, 70.	Селище.	Культ. зольников.	86
Мачухи, 71.	Селище.	Культ. зольников.	88
Мачухи, 213.	Отдельные вещи.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	203
Медвежье, 72.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	88
Меловая, 73.	Городище.	Культ. зольников.	89
Могрица, 256.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	264
Мохнач, 74.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Салт.-маяцк., VIII—X вв. 3. Славянск., VIII—X вв.	90
Мохнач, 214.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	203
Мощеное, 75.	Городище и селище (?).	Культ. зольников.	90
Нежеголь, 215.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	203
Нехвороща, 167.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	167
Нижние Млины, 76.	Селище.	Культ. зольников.	92
Николаевка, 310.	Городище (?).	Древнерусск., X—XIII вв.	337
Ницаха, 311.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	337
Новая Ивановка, 77.	Селище.	Культ. зольников.	92
Новая Ивановка, 78.	Селище.	Культ. зольников.	92

Продолжение

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Новая Слобода, 312	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	338
Ново-Покровка, 168.	Селище и могильник.	1. Черняховск., III—IV вв. 2. Салт.-маяцк., VIII—X вв.	167
Новоселье, 216.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	204
Новотроицкое, 80, 81.	Селище.	Культ. зольников.	93
Новотроицкое, 169.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	168
Новотроицкое, 257.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	264
Новые Сенжары, 79.	Селище.	Культ. зольников.	92
Новые Сенжары, 170.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	168
Новый Белоус, 313.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	338
Новый Белоус, уроч. Криница, 314.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	339
Норцовка № 2, 217.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	204
Опошня, уроч. Кардашев Вал, 82.	Городище.	Культ. зольников.	93
Опошня, 258.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	268
Ореховские Хутора, 171.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	168
Орлик, 172.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	168
Островерховка, 82а.	Селище.	Культ. зольников.	94
Петлаевка, 83.	Селище.	Культ. зольников.	94
Пересечное, 84.	Селище.	Культ. зольников.	94
Пересечное, уроч. Курортная, 85.	Селище.	1. Культ. зольников. 2. Черняховск., III—IV вв.	95
Пересечное, 173.	Селище и могильник (?).	Черняховск., III—IV вв.	168
Пересыпь, 174.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	170
Переяслав-Хмельницкий, 175.	Могильник.	Черняховск., III—IV вв.	170
Переяслав-Хмельницкий, 315.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	339
Переяслав-Хмельницкий, уроч. Терний, 316.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	339
Переяслав-Хмельницкий, 317.	Селище (?).	Древнерусск., X—XIII вв.	339
Пески, 176.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	171
Петровка, 86.	Селище.	Культ. зольников.	96
Петровское, 259.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	304
Петровское. 260.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	304
Петропавловка, 87.	Селище.	Культ. зольников.	96
Печенеги, 218.	Могильник (?).	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	204
Писаревка, 177.	Селище и могильник.	Черняховск., III—IV вв.	171
Повстень, 318.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	339
Погореловка, 88.	Городище.	Культ. зольников.	96
Погорелый, 178.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	171
Подгоровка, 219.	Селище и могильник.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	204
Пожарная Балка, 89.	Селище I.	Культ. зольников.	97
Пожарная Балка, 90.	Селище II.	Культ. зольников.	99
Покровское, 220.	Могильник.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	205
Полковая Никитовка, 91.	Городище.	Культ. зольников.	126
Полтава, 92.	Селище (?).	1. Культ. зольников (селище?). 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв. (городище?).	126
Полины, 93.	Селище.	Культ. зольников.	126
Поповка, 179.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	171
Прелесный, 180.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	171
Пруток, 94.	Селище.	Культ. зольников.	128
Путивль, уроч. Никольская Горка, 95.	Городище (?).	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	128
Путивль, уроч. Бугры, 261.	Селище.	Славянск., VIII—X вв.	305
Радусевка, см. Вырвихвост, 135.	—	—	
Рассохонатое, 181.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	171
Рашовка, 182.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	172
Решетники, 262.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	305
Решетники, уроч. Городок, 263.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	306
Рогоща, 319.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	340

Продолжение

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Ромны, 96.	Городище и селище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XI вв.	128
Рубцово, 221.	Могильник.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	213
Рыльск, 97.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	129
…льск, уроч. Подмонастырская Слобода, 98.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	130
…быняно, 99.	Городище (?) и селище.	Культ. зольников.	131
…винский, 183.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	172
…ры, 264.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	307
…инковка, 184.	Селище и могильник.	Черняховск., III—IV вв.	172
…виридовка, 100.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Древнерусск., X—XIII вв.	132
…еменовка, 101.	Селище.	Культ. зольников.	132
…енча, 320.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	340
Скоробогатки, 265.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	307
Свижки, 185.	Селище, (?).	Черняховск., III—IV вв.	172
Снятин, 321.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	341
Солоница, 102.	Селище (?).	Культ. зольников.	133
Сосница, 266.	Городище (?).	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	309
Сосница, уроч. Лан, 267.	Городище (?).	Славянск., VIII—X вв.	310
Сосонка, 103.	Городище.	Культ. зольников.	133
Спасское, см. Ленинское, 301.	—	—	—
Старогородка, 322.	Городище и селище (?).	Древнерусск., X—XIII вв.	342
Старые Гончары, 104.	Городище и селище.	Культ. зольников.	134
Старый Белоус, 323.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	343
Старый Салтов, 105.	Селище.	Культ. зольников.	135
Стаси, 106.	Селище.	Культ. зольников.	135
Стаси, 107.	Селище.	Культ. зольников.	135
Стригослы, 108.	Селище.	Культ. зольников.	135
Суки, 324.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	343
Супруновка, 109.	Селище.	Культ. зольников.	136
Сухая, 110.	Городище.	Культ. зольников.	136
Сухая Гомольша, 222.	Городище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	213
Сухиновка, 186.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	173
Суховосовка, 111.	Городище.	Культ. зольников.	136
Тарасовка, 325.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	343
Терновое, 187.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	173
Терновый, 188.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	173
Терны, 326.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	344
Терны, уроч. Медведка, 327.	Городище.	Древнерусск., X—XIII вв.	345
Тополинка, 189.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	173
Тополи, 223.	Селище.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	213
Тополи, 268.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	310
Уды, 112.	Селище.	Культ. зольников.	137
Услонка, 190.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	173
Фесковка, 328.	Городище и селище (?).	Древнерусск., X—XIII вв.	345
Фроловка, 191.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	174
Харина, уроч. Упуд, 269.	Селище.	Славянск., VIII—X вв.	312
Харьков, 192.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	174
Хижка, уроч. Городок, 113.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Славянск., VIII—X вв.	138
Хитцы, 114.	Городище.	Культ. зольников.	138
Хитцы, уроч. Коломак, 270.	Городище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	312
Ховзовка, 115.	Городище и селище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	138
Холодный, 193.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	174
Хорошево, 116.	Городище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	138
Хотмыжск, 194.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	174
Хотмыжск, 271.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	312

Продолжение

Местонахождение памятника и №, под которым он описан	Вид	Культура	Страницы
Хрущева Никитовка, 117.	Городище.	Культ. зольников.	141
Хухра, уроч. Рыцятове, 118.	Селище.	Культ. зольников.	141
Черкасский Бишкинь, 195.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	174
Чернетчина, 119.	Селище.	Культ. зольников.	142
Чернетчина, 272.	Селище.	Славянск., VIII—X вв.	312
Чернетчина, 329.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	346
Чернечка, 120.	Селище.	Культ. зольников.	142
Чернечка, 121.	Селище.	Культ. зольников.	142
Чернигов, 273.	Городище (?).	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	314
Чернигов, уроч. Еловщина, 274.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	314
Чутовка, 330.	Городище и селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	346
Шабалинов, 122.	Городище и селище (?).	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	142
Шабельники, 196.	Селище.	Черняховск., III—IV вв.	175
Шеерман, 123.	Городище.	Культ. зольников.	143
Шейковка, 224.	Могильник.	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	214
Шестовица, 275.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	314
Шишаки, 197.	Отдельные находки.	Черняховск., III—IV вв.	175
Шмаровка, 123а.	Селище.	Культ. зольников.	143
Шмырево, 198.	Селище и могильник.	Черняховск., III—IV вв.	175
Шпилевка, 276.	Городище и селище.	Слав.-русск., VIII—XIII вв.	315
Шуклинка, 124.	Городище и селище.	1. Культ. зольников. 2. Слав.-русск., VIII—XIII вв.	144
Шумск, 277.	Городище.	Славянск., VIII—X вв.	316
Эсхар, 225.	Городище (?).	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	214
Юрьевка, уроч. Вязовка, 331.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	348
Юрьевка, уроч. Живцы, 332.	Селище.	Древнерусск., X—XIII вв.	348
Ютановка, 226.	Могильник (?).	Салт.-маяцк., VIII—X вв.	214
Яблочное, 199.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	175
Яблочное, 200.	Селище (?).	Черняховск., III—IV вв.	175
Яковлевка, 125.	Городище.	Культ. зольников.	144

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Археологическая комиссия.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ЗВУАК — Записки Всеукраинского археологического комитета.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР.
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ІМК — Інститут історії матеріальної культури Академии наук УССР.
ИСОХЕ — Историко-статистическое описание Харьковской епархии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КГУАК — Курская губернская ученая архивная комиссия.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАО — Московское археологическое общество.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ПИДО — Проблемы истории докдассового общества.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО — Русское географическое общество.
СА — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография.
ХАМ — Хроніка археології та мистецтва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 9
I. Археологические памятники скифского времени 18
1. Культурно-хронологический облик памятников 18
2. Характеристика культуры зольников VII—VI вв. до н. э. 29
3. Характеристика культуры зольников V—III вв. до н. э. 37
4. Поселения культуры зольников VII—III вв. до н. э. 48
II. Археологические памятники культуры полей погребений 146
1. Общий обзор памятников 146
2. Характеристика культуры черняховского типа 149
3. Памятники черняховской культуры 159
А. Поселения, могильники и отдельные находки 159
Б. Места находок римских монет . . . 175
III. Памятники второй половины I и начала II тысячелетия н. э. 181
1. К вопросу о памятниках V—VII вв. 181
А. Клады и находки отдельных вещей V—VII вв. 186
2. Салтово-маяцкие древности 187
А. Общая характеристика памятников 187
Б. Памятники салтово-маяцкой культуры в области Левобережья . . . 197
3. Памятники славяно-русской культуры 214
А. Характеристика славянских памятников VIII—X вв. 215
Б. Поселения VIII—X вв. 245
В. Характеристика древнерусских памятников X—XIII вв. 316
Г. Поселения X—XIII вв. 321
IV. О соотношении археологических культур эпохи железа 349
V. Истоки славянской культуры Днепровского лесостепного Левобережья 356

Список использованной литературы 367
Указатель археологических памятников . . . 375

Список сокращений 382

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЯПУШКИН

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ
В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

•

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

•

Редактор издательства *П. П. Быстров*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Г. А. Александрова, Л. М. Воробьева*
и *О. А. Иващенкова*

Сдано в набор 26/VI 1961 г. Подписано к печати 19/X 1961 г. РИСО АН СССР № 86—86В. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{16}$. Бум. л. 12. Печ. л. 24=39.36 усл. печ. л. + 8 вкл. Уч.-изд. л. 40.35+8 вкл. (1.17). Изд. № 1279. Тип. зак. № 236. М-06304. Тираж 1300.

Цена 2 р. 73 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Столбец*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
61	Левый	13 сверху	100 м.	400 м.
172	Левый	20–19 снизу	представляющей	представляющем
184	Левый	30 »	стр. 429—495.	стр. 492—495.
218	Правый	8—7 »	Последние	Валы
235	Правый	13 »	*строку:* щами от 1.30 до 3.20 м.[109] На Петровском —	*читать после нижней строки левого столбца.*
236	Левый	20 сверху	поселенин,	поселений,
236	Левый	22 »	Левобережйя	Левобережья
240	Правый	20 снизу	роменской	роменских
261	Левый	6 сверху	образованного	образованном
276	Правый	27 »	55 – 0,25 – 0,40 м.	0,55 – 0,25 – 0,40 м.
322	Левый	25 »	В. Г. Ляскоровский.	В. Г. Ляскоронський.
323	Правый	15–14 снизу	терітоі	теріторії
330	Правый	7 »	Кредевицкий	Кролевецкий
334	Правый	20 сверху	г. Убеди.	[illegible]седи,
350	Левый	21 »	крупных	[illegible]тых
357	Левый	10 »	культуры	ку[illegible]тура

И. И. Ляпушкин.